МАКАРІЙ

(БУЛГАКОВЪ),

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ.

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Т. I-й.

Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы м. Макарія.

(1816—1857 г.).

(Съ портретомъ и факсимиле).

Доцента Кіевской духовной Академіи

Ѳеодора Титова.

ОТЪ АВТОРА.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

1895.

26086

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГІОЗНОГО МУЗЕЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МАКАРІЙ

(БУЛГАКОВЪ),

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ И КОЛОМЕНСКІЙ.

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Т. I-й.

Годы дѣтства, образованія и духовно-училищной службы м. Макарія.

(1816—1857 г.).

(Съ портретомъ и факсимиле).

Доцента Кіевской духовной Академіи

Ѳеодора Титова.

ОТЪ АВТОРА

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская у., д. № 4.

1895.

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ

ЕК
537

Изъ журнала „Труды Кіевской дух. Академіи“ за 1895 годъ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
997
59

Фот. С. В. Кульженко. Кіевъ.

Ректоръ Академіи и Митроп. Членъ Виленскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . . I— V

Значеніе м. Макарія въ исторіи русской православной церкви . . . . . 1— 3

I. Дѣтскіе годы м. Макарія. . . . . . 4— 11

Время рожденія Михаила Булгакова. Родители, братья и сестры его. Дѣтство его. Болѣзненность. Первоначальное обученіе.

II. Годы училищнаго образованія м. Макарія. . . . . . 11— 20

Предварительныя замѣчанія. Обученіе Михаила Булгакова въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ. Выздоровленіе его и быстрое умственное развитіе.

III. Годы семинарскаго образованія м. Макарія. . . . . . 20— 53

Поступленіе М. Булгакова въ семинарію. Состояніе курской семинаріи въ то время. Ревизія прот. І. М. Скворцова и ея слѣдствія. Успѣхи Михаила Булгакова въ словесномъ, философскомъ и богословскомъ отдѣленіяхъ семинаріи. Сочиненія его. Любимые предметы занятій. Отношенія преосв. Иліодора, ректоровъ, наставниковъ и товарищей къ Михаилу Булгакову. Лекторство. Частные уроки. Окончаніе курса семинаріи и назначеніе въ Кіевскую духовную Академію. Преданіе объ умственномъ развитіи Михаила Булгакова въ это время.

Стран.

IV. Макарій въ годы академическаго образованія . . . . . 54— 93

Поступленіе Михаила Булгакова въ Кіевскую духовную Академію. Состояніе Академіи. Иннокентій —ректоръ ея. Преподаваніе въ Академіи философскихъ наукъ. Успѣхи Михаила Булгакова въ низшемъ отдѣленіи Академіи; сочиненія его; поэтическій даръ. Поведеніе его. Переходъ въ высшее отдѣленіе Академіи. Профессоръ богословскихъ наукъ архим. Димитрій и отношеніе его къ Макарію. Остальные преподаватели. Успѣхи и поведеніе М. Б. въ высшемъ отдѣленіи Академіи. Отношеніе его къ товарищамъ. Принятіе монашества. Окончаніе академическаго курса.

V. Макарій въ должности баккалавра Кіевской духовной Академіи и ректора Кіево-Подольскихъ духовныхъ училищъ. . 94—135

Оставленіе іером. Макарія при Академіи и опредѣленіе его на вновь открытую каѳедру русской церковной и гражданской исторіи. Приготовленіе Макарія къ преподаванію порученныхъ ему предметовъ и затруднительное положеніе его въ качествѣ академическаго наставника русской церковной и гражданской исторіи, какъ наукъ мало разработанныхъ. Программы іером. Макарія по русской церковной и гражданской исторіи. Свидѣтельство очевидцевъ о преподаваніи іером. Макаріемъ русской церковной и гражданской исторіи. Отношенія іером. Макарія къ академической корпораціи и студентамъ. Дѣятельность іером. Макарія въ должности ректора кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ. Проповѣдническая дѣятельность іером. Макарія въ Кіевѣ. Переводъ іером. Макарія въ С.-Петербургскую духовную Академію.

Стран.

VI. Петербургскій періодъ жизни митрополита Макарія . . . . . 135—459

1. Макарій въ должности баккалавра и помощника инспектора С.-Петербургской духовной Академіи. 135—172

Общее замѣчаніе о петербургскомъ періодѣ жизни м. Макарія. Значеніе перваго года службы Макарія въ С.-Петербургѣ. Покровительство преосв. Аѳанасія Макарію. Преподавательская дѣятельность Макарія. Литературные труды Макарія въ первый годъ его службы въ С.-Петербургѣ. Частныя отношенія Макарія и успѣхи его по службѣ. Одиночество Макарія въ С.-Петербургѣ и скорбь его о Кіевѣ.

2. *Архимандритъ Макарій въ должности инспектора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи* . . . . . 173—335

Возведеніе Макарія въ званіе профессора и въ санъ архимандрита. Назначеніе его на должность инспектора Академіи. Архим. Макарій, какъ профессоръ и какъ инспекторъ Академіи. Дѣятельность архим. Макарія въ качествѣ члена Комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ и члена с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета. Частныя порученія архим. Макарію. Архим. Макарій, какъ ревизоръ духовныхъ семинарій: олонецкой, орловской, тульской и с.-петербургской. Учено-литературная дѣятельность архим. Макарія: богословскія, церковно-историческія, каноническія и проповѣдническія произведенія его. Частныя отношенія архим. Макарія къ своему начальству, сослуживцамъ, подчиненнымъ и знакомымъ.

Библіотека Петербургскаго Богословскаго Института

Стран.

3. Преосвященный Макарій, епископъ Винницкій, въ должности ректора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи. . . . . . 336—459

Назначеніе архим. Макарія ректоромъ Академіи и возведеніе его въ санъ епископа винницкаго. Ректорская дѣятельность преосв. Макарія. Профессорская дѣятельность преосв. Макарія. Служеніе преосв. Макарія въ должности редактора академическаго журнала, главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ столичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, члена главнаго правленія училищъ, ординарнаго академика императорской Академіи Наукъ, предсѣдателя Комитета для изданія краткихъ духовно-нравственныхъ книгъ и члена временной с.-петербургской синодальной конторы. Частныя ученыя порученія преосв. Макарію. Учено-литературная дѣятельность преосв. Макарія: богословскіе, церковно-историческіе и проповѣдническіе труды его. Частныя отношенія преосв. Макарія. Его трудолюбіе и состояніе его здоровья. Назначеніе преосв. Макарія на тамбовскую архіерейскую каѳедру; прощаніе его съ Академіей и выѣздъ изъ С.-Петербурга.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый читателямъ историко-біографическій очеркъ имѣетъ своимъ предметомъ жизнь и дѣятельность московскаго митрополита Макарія Булгакова, неожиданно скончавшагося 9-го іюня 1882 г. Значеніе личности м. Макарія въ исторіи русской православной церкви и нашей духовной науки настолько общеизвѣстно и общепризнанно, что едва ли стоитъ говорить о важности и необходимости составленія біографіи этого іерарха. Возможенъ только вопросъ о благовременности подобнаго труда. Но и этотъ вопросъ рѣшенъ уже общественнымъ мнѣніемъ въ положительномъ смыслѣ. Уже неоднократно высказывалось въ печати желаніе имѣть полную біографію м. Макарія.

И такое желаніе должно быть признано вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. Нѣтъ ни одного богословски образованнаго человѣка въ Россіи, который бы не слышалъ и не зналъ имени м. Макарія. Вотъ уже нѣсколько поколѣній духовнаго юношества воспитывается у насъ по руководству догматическаго богословія, составленному м. Макаріемъ. Затѣмъ ни одинъ русскій ученый, занимавшійся или занимающійся въ области православнаго богословія и русской церковной исторіи,—важнѣйшихъ предметовъ въ системѣ нашего богословскаго образованія, не могъ и не можетъ обойтись безъ богословскихъ и церковно-историческихъ трудовъ м. Макарія. И сколько у насъ явилось капитальныхъ сочиненій при пособіи этихъ трудовъ м. Макарія! Наконецъ, сколько ученыхъ представителей не только духовной, но и свѣтской науки получили уже и впредь будутъ получать возможность видѣть

свои труды въ печати, или продолжать свою ученo-литературную дѣятельность, благодаря тѣмъ пособіямъ и наградамъ, какія ежегодно выдаются изъ процентной суммы на капиталъ, пожертвованный м. Макаріемъ въ пользу русскаго просвѣщенія! Такимъ образомъ, на представителяхъ русской науки, которую такъ любилъ и о процвѣтаніи которой такъ заботился м. Макарій, и въ особенности на питомцахъ нашихъ духовныхъ академій, которыя были особенно облагодѣтельствованы м. Макаріемъ, еще съ самаго дня смерти послѣдняго лежитъ нравственный долгъ дать русскимъ людямъ описаніе жизни и дѣятельности того іерарха, которому такъ много и глубоко обязана русская наука и, въ особенности, духовная.

Авторъ настоящаго сочиненія очень рано началъ интересоваться личностью м. Макарія. Какъ питомецъ той самой семинаріи, въ которой нѣкогда учился м. Макарій, онъ еще въ первые годы своего семинарскаго образованія познакомился отчасти съ личностью м. Макарія на основаніи живыхъ преданій, доселѣ еще хранящихся о немъ въ воспитавшей его семинаріи. Еще ближе авторъ настоящаго сочиненія имѣлъ возможность разсмотрѣть и уяснить себѣ образъ м. Макарія при составленіи исторіи родной семинаріи. Тогда у него впервые явилась мысль о составленіи біографіи м. Макарія. Былъ приготовленъ, между прочимъ, очеркъ жизни преосв. Макарія въ годы его школьнаго образованія. Но этотъ очеркъ безъ описанія дѣтскихъ лѣтъ жизни м. Макарія оказывался не имѣющимъ начала. За необходимыми свѣдѣніями касательно дѣтства м. Макарія авторъ обратился къ одному изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго іерарха. Прот. П. А. Солнцевъ весьма сочувственно отозвался на просьбу автора, доставилъ ему всѣ необходимыя свѣдѣнія о родителяхъ и дѣтскихъ лѣтахъ м. Макарія и кромѣ того обѣщалъ автору полное свое и своихъ родныхъ содѣйствіе, еслибы онъ пожелалъ продолжать біографію м. Макарія. Дѣйствительно,

по просьбѣ о. протоіерея, другой племянникъ м. Макарія—С. А. Булгаковъ выразилъ согласіе предоставить въ распоряженіе автора рѣшительно всѣ письма и другія бумаги, оставшіяся послѣ м. Макарія, что скоро и исполнилъ и за что мы отъ себя лично и отъ всѣхъ такъ или иначе обязанныхъ м. Макарію лицъ приносимъ нынѣ какъ ему, такъ и прот. П. А. Солнцеву глубочайшую признательность. Сочувствіе родныхъ покойнаго іерарха окончательно утвердило автора въ принятомъ намѣреніи составить біографію м. Макарія и вотъ уже три года онъ почти непрерывно занимается этимъ дѣломъ.

Плодомъ этихъ занятій его и является настоящая книга. Въ ней изображается первая половина жизни и дѣятельности м. Макарія въ годы его дѣтства, образованія и духовно-училищной службы. Матеріалъ для этого изображенія авторъ почерпалъ почти исключительно изъ *документальныхъ данныхъ*, заимствованныхъ изъ архивовъ Курскаго семинарскаго правленія, Кіевскаго и С.-Петербургскаго академическихъ правленій, и изъ писемъ разныхъ лицъ къ преосв. Макарію, каковыя письма частію были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, а бо́льшею частію были доставлены автору вышеупомянутыми родственниками м. Макарія. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ авторъ пользовался *воспоминаніями* о м. Макаріи и при томъ только такими, которыя были уже раньше напечатаны и которыя вполнѣ согласовались съ характеромъ жизни и дѣятельности м. Макарія, какъ этотъ характеръ выяснился автору на основаніи *документальныхъ данныхъ*. Еще рѣжѐ авторъ пользовался *устными преданіями* о м. Макаріи лицъ, близко знавшихъ его, при чемъ и ихъ обязательно провѣрялъ вышеуказаннымъ способомъ.—Всѣ эти источники подробно и обстоятельно указываются авторомъ въ самомъ текстѣ.

Для того, чтобы избѣжать субъективныхъ сужденій и выводовъ, которые большею частію бываютъ преувеличенны

и односторонни, авторъ старался воздерживаться отъ собственныхъ приговоровъ и заставлялъ говорить въ своемъ трудѣ другихъ лицъ. То же самое онъ дѣлалъ и при оцѣнкѣ сочиненій м. Макарія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь авторъ, во-избѣжаніе субъективныхъ преувеличеній, старался приводить, гдѣ только можно было, мнѣнія и отзывы современныхъ м. Макарію ученыхъ о его дѣятельности и сочиненіяхъ. Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ и позволялъ себѣ выступать открыто на защиту имени м. Макарія, то дѣлалъ это всегда (напр., въ вопросѣ объ авторской самостоятельности м. Макарія) по искреннему чувству справедливости. Вообще же авторъ не позволялъ себѣ дѣлать ни одного вывода, не рѣшался произносить ни одного сужденія, не подкрѣпивъ его мнѣніемъ или отзывомъ другихъ лицъ, при томъ безразлично, были ли это отзывы благопріятны или неблагопріятны м. Макарію.

Въ своемъ трудѣ авторъ строго слѣдовалъ хронологическому методу. Нѣкоторыя невыгоды такого метода онъ предвидѣлъ напередъ, но всетаки рѣшился до конца слѣдовать ему, признавая его единственно вѣрнымъ средствомъ къ тому, чтобы прослѣдить съ желательною точностію и постепенностію развитіе изображаемой личности—ея способностей.

Дѣятельность м. Макарія была весьма разностороння и потому изобразить ее полно, точно и ясно въ высшей степени затруднительно, особенно для того, кто пожелалъ сдѣлать это первый и притомъ исключительно на основаніи *сыраго, архивнаго матеріала.* Самое добываніе этого матеріала иногда соединялось съ большими затрудненіями для автора. Въ виду могущихъ (что, конечно, стоитъ выше всякаго сомнѣнія) встрѣтиться въ настоящемъ и послѣдующемъ выпускахъ задуманнаго труда разнаго рода вольныхъ и невольныхъ „описей и недописей“, авторъ заранѣе проситъ извиненія у своихъ читателей словами древнихъ русскихъ „списателей“: „оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ, чтите исправливая Бога

дѣля, а не кляните, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ... Молю вы именемъ Господа, аще будетъ въ нѣкоемъ погрѣшено моего ради небреженія, или малоумѣтельства ума моего, милостиви и незазорливи бывайте: молюсь вамъ, чтите, а не клените, понеже... писа рука грѣшна и бренна; занеже и вы сами человѣцы и человѣческимъ подлежите, яко требуете милости и прощенія отъ человѣкъ, прощенію вашему и мене сподобляйте".

Кіевъ.
10 ноября 1895 года.

Въ лицѣ преждевременно, по человѣческимъ соображеніямъ, скончавшагося 9 іюня 1882 года московскаго митрополита Макарія Булгакова понесли одинаково великую и невознаградимую утрату русская духовная наука, русская православная церковь и все вообще русское государство.

Самъ неутомимый подвижникъ науки, своими всемірно извѣстными трудами сдѣлавшій великій и цѣнный вкладъ въ сокровищницу нашей богословской и церковно-исторической науки, онъ былъ въ то же время самымъ доброжелательнымъ и щедрымъ поощрителемъ научныхъ трудовъ другихъ дѣятелей, отличаясь удивительною ученою терпимостью къ самимъ противникамъ своимъ. Съ другой стороны, какъ истинный церковный глубокосмыслящій дѣписатель, обширнымъ вѣдѣніемъ, по дару Божію, испытавшій прошедшія судьбы русской церкви, онъ имѣлъ ясное и свѣтлое понятіе о положеніи церковныхъ дѣлъ въ Россіи и много содѣйствовалъ, въ качествѣ епархіальнаго начальника и члена Святѣйшаго Синода, преобразованію нѣкоторыхъ частей церковнаго управленія, улучшенію духовно-учебнаго образованія и быта русскаго духовенства. Наконецъ, митрополитъ Макарій, отличаясь высокими нравственными качествами, былъ великою духовною силою нашего отечества и вмѣстѣ съ тѣмъ истиннымъ патріотомъ русскаго государства: сердце его всегда билось въ унисонъ съ сердцами всѣхъ истинно русскихъ людей. Кто не помнитъ одушевленной рѣчи покойнаго московскаго

первосвятителя, сказанной имъ по случаю открытія памятника Пушкину, особенно того мѣста ея, гдѣ онъ призывалъ всю Россію „помолиться, чтобы зрѣла на Руси здоровая мысль, чтобъ развивалось и крѣпло русское слово, чтобъ больше и больше нарождалось въ Россіи великихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ проявленія человѣческаго духа, чтобъ не оскудѣвала она, родная, людьми“?...

И не смотря на то, что прошло уже болѣе двѣнадцати лѣтъ съ того дня, какъ мы лишились такого славнаго и великаго мужа, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ надлежащаго полнаго жизнеописанія его, до сихъ поръ еще никто не попытался возстановить свѣтлый и симпатичный образъ его въ сознаніи русскихъ людей. А между тѣмъ время безостановочно идетъ и постепенно сходятъ въ могилу всѣ тѣ люди, которые были ближайшими сотрудниками покойнаго и непосредственными очевидцами его славныхъ дѣяній на пользу русской церкви и русскаго государства, которые посредствомъ живыхъ воспоминаній могли бы много содѣйствовать уясненію его духовнаго образа. И неужели же приходится сознаться въ томъ, что мы, русскіе, не умѣемъ беречь и достойно цѣнить своихъ великихъ людей? А между тѣмъ въ отношеніи къ покойному московскому митрополиту Макарію это до нѣкоторой степени вполнѣ справедливо. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ то время, какъ одинъ весьма образованный англійскій миссіонеръ, за два года до смерти митрополита Макарія являвшійся къ нему въ Москву за нѣкоторыми совѣтами и указаніями предъ отправленіемъ въ среднюю Азію, увѣрялъ затѣмъ всѣхъ, что „онъ во всю свою жизнь не встрѣчалъ еще такого свѣтлаго ума“, въ то время, какъ многія заграничныя изданія почтили память покойнаго самыми симпатичными отзывами, среди русскихъ нашлись „люди, которые, потерявъ вѣру во все прекрасное и святое, умыслили глубоко оскорбить первосвятителя московскаго, чернили его въ печатномъ словѣ, взводили на него гнусныя клеветы,

унижали его и выставляли публично на позоръ предъ лицомъ подчиненнаго ему духовенства“ [1]). Вражда этихъ людей, достойныхъ всякаго сожалѣнія, противъ великаго святителя была настолько сильна, что они „не воздержались отъ осужденія почившаго даже въ торжественныя минуты его погребенія,—тѣ самыя минуты, которыя свято чтутся не только христіанами, но даже и язычниками“.

Конечно, надъ свѣжею могилою не время и не мѣсто было разбирать тѣ обвиненія, какія взводило на знаменитаго архипастыря человѣческое легкомысліе и раздраженныя страсти. Но нынѣ уже пора бы, кажется, снять съ главы покойнаго святителя вѣнецъ злохуленія, какимъ увѣнчала его неразумная человѣческая ненависть. Итакъ, беремся за перо не съ тѣмъ, чтобы дать полный образъ доблестнаго іерарха,—мы далеки отъ такой мысли,—но съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ нашими читателями собранными нами послѣ долгихъ поисковъ свѣдѣніями о митрополитѣ Макаріѣ, чтобы тѣмъ самымъ и другихъ вызвать на тоже и, такимъ образомъ, хотя отчасти содѣйствовать приближенію того времени, когда будетъ возможно составленіе полнаго жизнеописанія м. Макарія. Въ настоящій разъ прослѣдимъ жизнь митрополита Макарія въ годы его дѣтства, училищнаго, семинарскаго и академическаго образованія и учительства въ Кіевской духовной Академіи.

---

[1]) См. Слово въ день погребенія московскаго митрополита Макарія въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Ректора Моск. дух. Акад. прот. С. Смирнова, въ Прав. Обозрѣніи за 1882 г., кн. 6—7.

I. Дѣтскіе годы митрополита Макарія [1]).

Время рожденія Михаила Булгакова. Родители, братья и сестры его. Дѣтство его. Болѣзненность. Первоначальное обученіе.

19 Сентября 1816 года у священника Флоровской церкви, села Суркова, новооскольскаго уѣзда, Курской губерніи, Петра Ѳомича Булгакова и жены его Стефаниды Григорьевны родился сынъ. Въ тотъ же день дитя было крещено, при чемъ ему нарекли имя Михаила. Съ крещеніемъ дитяти должны были поспѣшить потому, что оно родилось крайне слабымъ. Воспріемниками Михаила при крещеніи были: священникъ Троицкой церкви, слободы Троицкой, Павелъ Никитскій и дворовая титулярнаго совѣтника Димитрія Ребинина дѣвушка Варвара Виноградова.

Родители новорожденнаго Михаила были люди бѣдные и простые, но вмѣстѣ съ тѣмъ набожные и благочестивые. Самъ о. Петръ Булгаковъ былъ сынъ діакона с. Добраго Колодезя, Тимскаго уѣзда. Онъ учился сначала въ низшемъ курскомъ училищѣ и затѣмъ въ Бѣлгородской духовной семинаріи. Полнаго семинарскаго курса онъ, впрочемъ, не окончилъ. По крайнему недостатку средствъ у его бѣднаго отца, онъ долженъ былъ увольниться изъ философскаго класса семинаріи въ 1811 году. Вскорѣ послѣ выхода изъ семинаріи, Петръ Булгаковъ вступилъ въ бракъ съ Стефанидой Григорьевной,

---

[1]) Настоящій очеркъ составленъ на основаніи свѣдѣній, отчасти собранныхъ нами лично, а бо́льшею частію доставленныхъ намъ племянникомъ покойнаго московскаго митрополита Макарія, законоучителемъ 1-й классической Харьковской гимназіи, протоіереемъ П. А. Солнцевымъ.

дочерью священника слободы Вознесенской Корочанскаго уѣзда, Григорія Спасскаго, а въ октябрѣ 1811 года онъ былъ уже рукоположенъ архіепископомъ Ѳеоктистомъ во діакона Флоровской церкви села Суркова. Въ санѣ діакона о. Петръ Булгаковъ оставался немного болѣе трехъ лѣтъ. Въ декабрѣ 1814 года онъ, по собственному желанію и по ходатайству о немъ любившихъ его прихожанъ, былъ рукоположенъ тѣмъ же преосвященнымъ Ѳеоктистомъ во священника церкви с. Суркова.

Какъ пастырь, о. Петръ Булгаковъ оставилъ по себѣ самую добрую память. Память эта даже и доселѣ сохраняется по преданію среди прихожанъ с. Суркова. О. Петръ, по общему преданію о немъ, имѣлъ хорошія умственныя дарованія, такъ что онъ не могъ окончить полнаго семинарскаго курса единственно только по бѣдности своего родителя. Къ дѣлу пастырскаго служенія о. Петръ относился съ любовію и употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлаться добрымъ пастыремъ своихъ прихожанъ. Онъ нерѣдко говорилъ въ храмѣ назидательныя простыя поученія, которыя въ большинствѣ случаевъ производили на прихожанъ доброе впечатлѣніе. Благодаря этому, между пастыремъ и пасомыми постоянно существовали самыя добрыя отношенія. Прихожане любили часто приглашать ласковаго и снисходительнаго пастыря въ свои дома по случаю различныхъ семейныхъ знаменательныхъ событій, напр, крещенія дѣтей, браковъ и т. п. О. Петръ никогда не отказывался отъ подобныхъ приглашеній, при чемъ справедливость требуетъ замѣтить, что у о. Петра Булгакова, равно какъ и у всѣхъ членовъ его семьи, не было ни малѣйшей склонности къ употребленію спиртныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, о. Петръ, часто и безотказно посѣщая дома своихъ прихожанъ, дѣлалъ это по долгу пастыря и по влеченію своего добраго сердца. Въ пользу искреннихъ добрыхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми можетъ говорить также и то обстоятельство, что со многими своими прихо-

жанами и при томъ преимущественно бѣднѣйшими изъ нихъ о. Петръ находился въ духовномъ родствѣ. По метрическимъ книгамъ Флоровской церкви с. Суркова о. Петръ Булгаковъ часто значится воспріемнымъ отцемъ крестьянскихъ дѣтей. Кто знакомъ съ сельскою жизнію, тотъ хорошо знаетъ, что для бѣдныхъ сельскихъ жителей пріисканіе воспріемниковъ, особенно въ пору лѣтняго рабочаго времени, бываетъ сопряжено съ большими хлопотами и затрудненіями. Всегда близко принимавшій къ сердцу интересы своихъ пасомыхъ, о. Петръ Булгаковъ въ такихъ случаяхъ постоянно приходилъ на помощь бѣднымъ прихожанамъ. Послѣдніе платили за это своему доброму пастырю самою искреннею любовію. Самая смерть о. Петра Булгакова послѣдовала на глазахъ и среди его прихожанъ, въ домѣ одного изъ нихъ. Крестьянинъ Сурниковъ пригласилъ о. Петра 5 ноября 1823 года къ себѣ въ домъ благословить новобрачныхъ. О. Петръ отправился и съ обычною своею любовію и словоохотливостію занималъ бесѣдою своихъ прихожанъ, во множествѣ собравшихся на семейное торжество своего односельца. Довольно тѣсная крестьянская изба къ тому же была необыкновенно жарко натоплена, такъ какъ весь день предъ тѣмъ шли приготовленія къ торжеству. Сильный жаръ и спертый воздухъ весьма неблагопріятно подѣйствовали на здоровье о. Петра, отличавшагося полнотою. Съ нимъ случился апоплексическій ударъ. Врачебной помощи больному, за отсутствіемъ въ деревнѣ доктора или фельдшера, не могло быть, конечно, оказано никакой. Поэтому, ударъ сопровождался скоропостижною смертію о. Петра Булгакова.

Такъ, С. Г. Булгакова совершенно неожиданно осталась бѣдной вдовой въ полномъ смыслѣ этого слова. Къ счастію, она раньше знала нужду и была женщина глубоко вѣрующая. Поэтому, смерть мужа хотя и поразила ее глубоко на первыхъ порахъ, но все таки не ввергла ее въ отчаяніе.

С. Г. Булгакова, какъ это было тогда самымъ обыкновен-

нымъ явленіемъ среди женской половины сельскаго духовенства, не получила въ молодости никакого образованія, кромѣ домашняго. Но при всемъ томъ она была, по сохранившимся среди родныхъ воспоминаніямъ о ней, женщина очень разумная. Добрыя умственныя дарованія ея прекрасно восполнялись мягкостію и ласковостію, набожностію и благочестивою настроенностію духа. Благочестивое настроеніе ея духа выражалось въ усердномъ посѣщеніи церковныхъ службъ, въ продолжительныхъ домашнихъ молитвахъ, сопровождавшихся частыми земными поклонами, и въ строгомъ соблюденіи постовъ, иногда даже сверхъ положенныхъ церковнымъ уставомъ. Въ позднѣйшее время жизни ея, именно въ 1850 году, на ея пожертвованія, собранныя путемъ долгихъ усердныхъ сбереженій, былъ устроенъ, между прочимъ, жертвенникъ въ мѣстной приходской церкви. Съ величайшею любовію и вниманіемъ она всегда слушала также чтеніе Четьихъ Миней святителя Димитрія Ростовскаго. Затруднительное положеніе, въ какомъ С. Г. Булгакова оказалась послѣ неожиданной смерти своего мужа, невольно располагало ее къ особой расчетливости, какою она отличалась всегда. Но эта разсчетливость, впрочемъ, была вполнѣ благоразумная и до конца жизни С. Г. Булгаковой не перешла въ скупость. Изъ своихъ самыхъ ограниченныхъ средствъ, получавшихся путемъ сбереженій, она всегда была готова помочь бѣдному человѣку, или пожертвовать на какое-нибудь доброе дѣло. Въ характерѣ С. Г. Булгаковой, по свидѣтельству знавшихъ ее, замѣчалась также вспыльчивость, раздражительность и предрасположеніе къ мнительности.

На рукахъ неожиданно овдовѣвшей 5 ноября 1823 года С. Г. Булгаковой осталась довольно многочисленная семья, состоявшая изъ шести малолѣтнихъ дѣтей. Старшая дѣвочка Анна родилась 25 іюля 1813 года; впослѣдствіи она была въ замужествѣ за А. П. Солнцевымъ, скончавшимся въ санѣ протоіерея Флоровской церкви с. Суркова. Второй сынъ—

Іоаннъ—родился 22 іюля 1814 года; впослѣдствіи онъ учился въ корочанскомъ приходскомъ и бѣлгородскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ, но не обнаруживалъ особенныхъ успѣховъ въ ученіи. Поэтому, въ 1831 году, во время бывшаго тогда при еп. Иннокентіѣ Сельнокриновѣ разбора, былъ взятъ изъ высшаго отдѣленія Бѣлгородскаго уѣзднаго училища въ военную службу. Это произошло такъ неожиданно и быстро, что С. Г. Булгакова не имѣла даже возможности проститься съ своимъ сыномъ, участь котораго составляла для нея предметъ постоянной глубокой скорби впослѣдствіи. Скорбь матери была тѣмъ болѣе естественна, что сынъ ея Іоаннъ имѣлъ весьма слабое здоровье и потому, по убѣжденію матери, не въ состояніи былъ долго выдерживать всѣ трудности тогдашней суровой военной службы. Такое предчувствіе матери скоро вполнѣ оправдалось и сынъ ея Іоаннъ черезъ 8 лѣтъ военной службы скончался въ Херсонѣ. Третьимъ членомъ осиротѣвшей семьи былъ тогда семилѣтній мальчикъ Михаилъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся знаменитымъ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ. За нимъ по старшинству слѣдовали двѣ сестры: Марія, родившаяся 25 генваря 1819 года и бывшая впослѣдствіи въ замужествѣ за священникомъ слободы Бѣленькой Корочанскаго уѣзда Петромъ Чефрановымъ, и Ольга, родившаяся 10 іюля 1822 года и бывшая впослѣдствіи замужемъ за священникомъ с. Верхняго Березова, новооскольскаго уѣзда Михаиломъ Ѳедюшинымъ; Ольга Ѳедюшина одна изъ всѣхъ братьевъ и сестеръ митрополита Макарія остается въ живыхъ до настоящаго времени. Послѣднимъ членомъ семьи былъ мальчикъ Александръ, оставшійся трехмѣсячнымъ ребенкомъ послѣ смерти о. Петра Булгакова. Впослѣдствіи онъ изъ философскаго класса курской семинаріи поступилъ въ С.-Петербургскую духовную Академію, гдѣ старшій братъ его Макарій былъ тогда ректоромъ. По окончаніи академическаго курса со степенью магистра богословія, А. П. Булгаковъ состоялъ нѣкоторое время профессоромъ С.-Пе-

тербургской духовной семинаріи, а потомъ былъ священникомъ сначала при церкви Обуховской Больницы и послѣ того при Казанскомъ Соборѣ, настоятелемъ котораго онъ былъ назначенъ въ 1881 году, и въ этомъ санѣ скончался въ самомъ исходѣ 1883 года.

Оставшись вдовой съ такою многочисленною семьею, С. Г. Булгакова естественно должна была обратить свое вниманіе на содержаніе себя и дѣтей, а затѣмъ уже и на воспитаніе сыновей, такъ какъ о воспитаніи дочерей тогда не могло быть никакой рѣчи. И Господь видимо благословлялъ Своею милостію осиротѣвшее семейство. Не смотря на то, что о. Петръ Булгаковъ, умирая, не оставилъ никакихъ средствъ къ обезпеченію своего многочисленнаго семейства, его вдова успѣла вырастить всѣхъ своихъ дѣтей, воспитать сыновей и устроить судьбу своихъ дочерей. Но само собою разумѣется, что жизнь осиротѣвшаго семейства была далеко не красна. Средства для скуднаго содержанія своей семьи С. Г. Булгакова почерпала изъ слѣдующихъ источниковъ. Прежде всего, семейству покойнаго о. Петра Булгакова было предоставлено тогдашнимъ добрымъ курскимъ архипастыремъ Владиміромъ право пользованія частію священническаго дохода. Преемникъ о. Петра долженъ былъ выдавать часть своихъ доходовъ вдовѣ покойнаго. Затѣмъ изъ епархіальнаго Курскаго попечительства выдавалось вдовѣ Булгакова съ сиротами ежегодное пособіе въ размѣрѣ двѣнадцати рублей. Наконецъ, вдова о. Петра и самостоятельно зарабатывала кое-что для содержанія своей семьи, съ большимъ усердіемъ занимаясь печеніемъ просфоръ для мѣстной приходской церкви и приготовленіемъ церковныхъ свѣчей изъ домашняго воска. Матеріальное положеніе осиротѣвшей семьи нѣсколько улучшилось только съ тѣхъ поръ, какъ С. Г. Булгакова выдала старшую свою дочь Анну за окончившаго курсъ семинаріи А. П. Солнцева, который былъ тогда же опредѣленъ священникомъ въ село Сурково и сдѣлался кормильцемъ всей семьи своей жены.

Съ этого времени С. Г. Булгакова могла уже легче вздохнуть и хотя нѣсколько успокоиться отъ своихъ долгихъ трудовъ и тяжкихъ жизненныхъ испытаній. Она скончалась 29 іюля 1855 года такъ же неожиданно, какъ и ея супругъ, во время холерной эпидеміи, счастливая тѣмъ, что могла лично видѣть одного изъ своихъ сыновей въ санѣ архіерея.

Изъ сказаннаго видно, что жизнь Михаила Булгакова въ дѣтствѣ была совершенно чужда тѣхъ удовольствій и пріятныхъ впечатлѣній, какія окружаютъ иныхъ счастливыхъ дѣтей. Дѣтскіе годы Михаила Булгакова проходили посреди горькой нужды, бѣдности и всевозможныхъ лишеній. Далеко нерѣдко осиротѣвшая семья испытывала и холодъ и голодъ. Такъ, крестомъ сиротства, бѣдности и другихъ испытаній начался жизненный путь будущаго митрополита: крестомъ же онъ, какъ увидимъ, и окончился. Бѣдность жизненной обстановки и лишенія во всемъ тѣмъ чувствительнѣе должны были отзываться на Михаилѣ Булгаковѣ, что онъ отъ рожденія обладалъ весьма слабымъ здоровьемъ и постоянно страдалъ золотухой.

Но не смотря ни на скудость своихъ собственныхъ средствъ, ни на болѣзненность мальчика, разумная мать рано начала заботиться о воспитаніи своего сына. Когда послѣднему исполнилось 7 лѣтъ, онъ былъ отданъ для первоначальнаго обученія въ домъ своего воспріемнаго отца, священника слободы Троицкой, находившейся въ 7 верстахъ отъ Суркова, Павла Никитскаго. О. Павелъ Никитскій былъ очень добрый и умный старикъ, почему и пользовался глубокимъ уваженіемъ среди окрестнаго духовенства, которое почтило его избраніемъ въ должность своего духовника. Въ своемъ домѣ о. Павелъ съ давнихъ лѣтъ содержалъ школу, въ которой дѣти мѣстныхъ прихожанъ и всего окрестнаго духовенства получали первоначальное образованіе. Это была одна изъ тѣхъ школъ, которыя втеченіи почти всего прошедшаго столѣтія и даже еще въ началѣ нынѣшняго были въ боль-

томъ ходу среди сельскаго духовенства и для дѣтей бѣдныхъ родителей служили почти единственными образовательными учрежденіями. Въ разсматриваемое нами время, когда Михаилъ Булгаковъ былъ отданъ для обученія въ домъ о. Павла, этотъ послѣдній за старостію не завѣдывалъ уже школою, а передалъ дѣло обученія дѣтей своему сыну—дьячку. Учитель этотъ не отличался ни искусствомъ обученія, ни гуманностію педагогическихъ пріемовъ. Онъ позволялъ себѣ иногда жестоко обращаться съ дѣтьми. Поэтому, дѣти сильно боялись своего учителя и считали истиннымъ счастіемъ для себя, когда ихъ суроваго учителя замѣнялъ добрый и кроткій старикъ, отецъ его. И нисколько не удивительно, если суровое обращеніе учителя и тоска по роднымъ такъ подѣйствовали на болѣзненнаго и впечатлительнаго Михаила Булгакова, что онъ однажды рѣшилъ бросить свою негостепріимную школу и возвратиться въ домъ матери. Однако же убѣжавшаго примѣрно наказали за это и возвратили въ школу. Ученіе Михаила Булгакова въ домашней школѣ о. Павла Никитскаго послѣ этого продолжалось еще нѣсколько мѣсяцевъ. За это время мальчикъ научился читать и писать. Вскорѣ затѣмъ началось настоящее школьное образованіе Михаила Булгакова.

II. Годы училищнаго образованія митрополита Макарія [1]).

Предварительныя замѣчанія. Обученіе Михаила Булгакова въ приходскомъ и уѣздномъ училищахъ. Выздоровленіе его и быстрое умственное развитіе.

Прежде чѣмъ говорить объ училищномъ и дальнѣйшемъ образованіи митрополита Макарія, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующее предварительное замѣчаніе. Образъ по-

[1]) Этотъ и послѣдующіе очер и составлены главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній, извлеченныхъ изъ архива Кіевской духовной Академіи.

койнаго московскаго первосвятителя, какъ питомца нашей старой низшей и средней духовной школы, во всей своей полнотѣ раскрылся предъ нами во время изученія прошедшихъ судебъ родной семинаріи. Сознаемся, что образъ этотъ и порадовалъ насъ своими необыкновенно симпатичными чертами и вмѣстѣ съ тѣмъ поразилъ своею неожиданностію.

Дѣйствительно, образъ покойнаго московскаго митрополита Макарія, какъ питомца нашей старой духовной школы, для всякаго, кто съ нимъ познакомится, долженъ являться полною, хотя и пріятною неожиданностію послѣ всего того, что писалось объ этой школѣ. Всѣмъ извѣстны записки покойнаго профессора С.-Петербургской дух. Академіи Д. И Ростиславова, продолжающіяся и нынѣ печатаніемъ на страницахъ одного изъ свѣтскихъ журналовъ. Записки эти, являющіяся завершеніемъ обширной литературы о старой духовной школѣ, изображаютъ эту послѣднюю въ самомъ непривлекательномъ и мрачномъ видѣ. Достаточно будетъ замѣтить, что авторъ ихъ почти всѣ недостатки современнаго ему русскаго духовенства и между ними нѣкоторые даже общенародные русскіе недостатки поставляетъ въ причинную зависимость отъ плохаго устройства нашей старой духовной школы. При чтеніи записокъ почтеннаго профессора какъ-то невольно, сами собою напрашиваются вопросы: „да подлинно ли такъ плоха была наша духовная школа, находившаяся подъ дѣйствіемъ устава 1814 года? Неужели такова была наша старая духовная школа—преобразованная и усовершенствованная наслѣдница тѣхъ духовныхъ школъ, которыя въ теченіи всего прошедшаго столѣтія служили главными разсадниками русскаго просвѣщенія? И неужели такъ плоха была та школа, которая воспитала намъ Филарета, Макарія, Иннокентія, Исидора, Сперанскаго и великое множество другихъ замѣчательныхъ мужей, съ честію и славою подвизавшихся и нынѣ подвизающихся на поприщѣ духовнаго и гражданскаго служенія“? Нѣтъ, здѣсь что-то не такъ. Конечно,

ставя всѣ эти вопросы, мы отнюдь не желаемъ во всемъ заподозривать записки профессора Ростиславова. Очень вѣроятно, что въ извѣстномъ отношеніи онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ описываемой дѣйствительности. Но для насъ въ тоже самое время является почти несомнѣннымъ, что записки Ростиславова изображаютъ эту дѣйствительность тенденціозно и односторонне, съ одной только дурной стороны ея. Очень можетъ быть, что такая особенность записокъ его явилась результатомъ не заранѣе обдуманнаго намѣренія, а самаго характера автора. Въ самомъ дѣлѣ, бываютъ люди, которые уже по складу своего характера обладаютъ способностью подмѣчать въ наблюдаемомъ явленіи однѣ только темныя стороны его. Полнаго своего развитія такая особенность человѣческаго характера достигаетъ у людей, разочарованныхъ въ жизни, и мизантроповъ. И записки профессора Ростиславова являютъ въ немъ видимо разочарованнаго человѣка. Поэтому, онъ, при изображеніи духовныхъ школъ, въ которыхъ самъ воспитывался, обращаетъ главное и преимущественное вниманіе только на темныя и дурныя стороны ихъ жизни, изображая ихъ при томъ въ смѣшномъ, часто даже въ каррикатурномъ видѣ. Замѣчательно, что авторъ записокъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ изображаетъ лице, которое было ректоромъ той семинаріи, гдѣ онъ учился, и которое впослѣдствіи было епархіальнымъ начальникомъ въ то самое время, когда митрополитъ Макарій воспитывался въ курской духовной семинаріи. И архипастырь этотъ былъ однимъ изъ первыхъ, замѣтившихъ необыкновенныя дарованія въ Макаріѣ и принявшихъ самое живое и сердечное участіе въ его бѣдственной судьбѣ. Насколько пристрастенъ профессоръ Ростиславовъ въ отношеніи къ данному лицу, это можно видѣть уже изъ одного того, что онъ ставитъ ему въ вину даже такое, повидимому, естественное дѣйствіе, какъ перемѣна фамиліи одного рязанскаго семинариста—Кобыльскаго.

Не отрицаемъ, что старая духовная школа, находившаяся

подъ дѣйствіемъ устава 1814 года, имѣла и недостатки въ своемъ устройствѣ. Особенно печальную картину представляла матеріальная сторона жизни нашей старой духовной школы. Безспорно, что недостаточное обезпеченіе, имѣвшее слѣдствіемъ множество другихъ непривлекательныхъ явленій, и господство тѣлесныхъ наказаній (въ низшихъ духовныхъ училищахъ) были главными и самыми крупными темными пятнами на фонѣ жизни этой школы. Но рядомъ съ этими темными пятнами въ жизни старой духовной школы было много и свѣтлыхъ, въ высшей степени симпатичныхъ и отрадныхъ явленій. И едвали мы ошибемся, если скажемъ, что въ извѣстныхъ отношеніяхъ наша старая духовная школа можетъ быть поставлена, какъ идеалъ для новой.

Одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи старой духовной школы безспорно представляетъ время училищнаго и семинарскаго образованія митрополита Макарія. Переходимъ теперь къ обозрѣнію этого періода жизни Макарія съ предварительнымъ замѣчаніемъ, что Макарій былъ далеко не единственнымъ славнымъ представителемъ старой духовной школы. Послѣдняя воспитала много и другихъ достойныхъ дѣятелей, съ честію потрудившихся на пользу русскаго государства и русской церкви.

Въ самомъ исходѣ девятаго года жизни Михаила Булгакова, онъ былъ отвезенъ своею матерью въ г. Корочу. Здѣсь находилось приходское духовное училище, въ которомъ, согласно распредѣленію уѣздовъ курской епархіи, сдѣланному при введеніи реформы 1817 года, должны были воспитываться дѣти духовенства новооскольской округи. Смотрителемъ училища былъ въ то время мѣстный протоіерей Димитрій Воиновъ, а учителями студенты семинаріи: Павелъ Енохинъ и Андрей Чефрановъ. Курсъ приходскаго училища продолжался два года и раздѣлялся на два класса. Въ первомъ классѣ приходскаго училища дѣти обучались чтенію на россійскомъ и славянскомъ языкахъ, чистописанію и нотному пѣнію, а во

второмъ—четыремъ правиламъ ариѳметики, первымъ началамъ россійской грамматики и сокращенному катихизису. На изученіе всѣхъ этихъ предметовъ дѣти, кромѣ домашнихъ занятій, должны были ежедневно употреблять въ классѣ по пяти часовъ: три до обѣда и два послѣ обѣда. Всѣхъ учениковъ въ Корочанскомъ приходскомъ училищѣ въ годы обученія въ немъ Михаила Булгакова было 47, а въ одномъ съ нимъ классѣ 27 человѣкъ. О томъ, какъ шло обученіе Михаила Булгакова и каковы были его успѣхи въ ученіи, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ документальныхъ свидѣтельствъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что особенно хорошими успѣхами въ ученіи онъ не могъ отличаться въ это время, такъ какъ даже и впослѣдствіи въ уѣздномъ училищѣ онъ сначала учился довольно посредственно. Главнымъ тормазомъ хорошихъ успѣховъ въ ученіи Михаила Булгакова служила его болѣзненность. Онъ и въ это время еще страдалъ въ сильной степени золотухою, которая сопровождалась постоянными головными болями. Но при своей болѣзненности мальчикъ отличался рѣдкимъ трудолюбіемъ. Впослѣдствіи, именно въ 1862 году, будучи уже харьковскимъ епископомъ, преосв. Макарій самъ свидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ „всегда принадлежалъ къ числу самыхъ исправныхъ и аккуратныхъ учениковъ“. Эта исправность и аккуратность трудолюбиваго и болѣзненнаго мальчика, по всей вѣроятности, расположили къ нему смотрителя и наставниковъ приходскаго училища, такъ что ему жилось въ Корочѣ, не смотря на всю суровость тогдашнихъ педагогическихъ пріемовъ, сравнительно хорошо. По крайней мѣрѣ, уже много спустя, черезъ 30 слишкомъ лѣтъ, преосв. Макарій съ удовольствіемъ и радостію вспоминалъ время своего пребыванія въ корочанскомъ приходскомъ училищѣ [1]). По окончаніи годичныхъ испытаній въ іюлѣ 1827 года, Михаилъ Булгаковъ вмѣстѣ съ 14 другими своими

[1]) См. Прав. Обозр. 1891. Т. II, стр. III въ приложеніи.

товарищами былъ удостоенъ перевода въ окружное уѣздное училище. Такимъ образомъ, хотя мы и не знаемъ точно, каковы были успѣхи Михаила Булгакова ко времени окончанія имъ курса приходскаго училища, но уже одно то, что онъ не вошелъ въ число 13 своихъ товарищей, уволенныхъ или оставленныхъ на повторительный курсъ по малоуспѣшности, говоритъ о сравнительной удовлетворительности его успѣховъ.

Окружное уѣздное духовное училище, въ которое долженъ былъ явиться Михаилъ Булгаковъ въ началѣ сентября 1827 года, находилось въ Бѣлгородѣ и помѣщалось при курской духовной семинаріи. Промыслу Божію угодно было, чтобы мальчикъ, приготовлявшійся къ высшему служенію, поступилъ для продолженія своего образованія въ училище, находившееся въ самыхъ лучшихъ условіяхъ сравнительно со всѣми другими духовными училищами епархіи. Вслѣдствіе близости непосредственнаго начальства въ лицѣ семинарскаго правленія, Бѣлгородское уѣздное училище было самымъ благоустроеннымъ, по крайней мѣрѣ, въ учебно-воспитательномъ отношеніи. Такимъ именно нашелъ его ревизовавшій семинарію и низшія духовныя училища курской епархіи профессоръ кіевской духовной Академіи, протоіерей І. М. Скворцовъ въ іюлѣ 1828 года, слѣдовательно, въ то самое время, когда Михаилъ Булгаковъ былъ въ низшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища. Въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ протоіерей І. М. Скворцовъ писалъ, между прочимъ, что въ Бѣлгородскомъ уѣздномъ училищѣ онъ нашелъ „довольно успѣшныхъ учениковъ“. Что же касается матеріальнаго обезпеченія и всей вообще внѣшней обстановки, то въ этомъ отношеніи Бѣлгородское уѣздное училище наряду со всѣми другими епархіальными духовными училищами оставляло желать весьма и весьма многаго. По свидѣтельству протоіерея І. М. Скворцова въ томъ же самомъ ревизорскомъ отчетѣ его, въ жилыхъ комнатахъ училища было весьма тѣсно и нечисто;

воспитанники спали поперекъ широкихъ лавокъ другъ подлѣ друга. Подобная тѣснота была рѣшительно неизбѣжна, такъ какъ училище Бѣлгородское было однимъ изъ самыхъ многолюдныхъ. Во время обученія въ немъ Михаила Булгакова количество воспитанниковъ училища постоянно колебалось между 476 и 402 челов. Всего же вмѣстѣ съ учениками семинаріи и приходскаго училища въ трехъ сравнительно небольшихъ корпусахъ помѣщалось около 1200 чел. Даже трудно себѣ въ настоящее время представить, какъ такое множество дѣтей могло помѣщаться тамъ, гдѣ впослѣдствіи съ трудомъ помѣщалось 500—600 воспитанниковъ одной семинаріи. Гдѣ же, при такомъ многолюдствѣ и неизбѣжной тѣснотѣ, было заботиться о чистотѣ и опрятности въ жилыхъ ученическихъ комнатахъ? И если даже во время ревизіи было „весьма нечисто“ въ комнатахъ, то что же могло быть въ обыкновенное время? Вотъ въ какой обстановкѣ долженъ былъ продолжать свое образованіе Михаилъ Булгаковъ. Неудивительно, если уже въ это время въ головѣ ребенка, жившаго вмѣстѣ съ казеннокоштными учениками въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и на каждомъ почти шагу встрѣчавшаго препятствія къ удовлетворенію своей дѣтской любознательности, могли возникать мечты о возможно лучшемъ устройствѣ духовныхъ школъ,—мечты, нашедшія впослѣдствіи прекраснѣйшее выраженіе для себя въ извѣстномъ обѣтѣ отдавать всѣ сбереженія отъ доходовъ за литературные труды на пользу духовныхъ школъ и просвѣщенія въ Россіи.

Смотрителемъ Бѣлгородскаго уѣзднаго училища во время воспитанія въ немъ Михаила Булгакова былъ священникъ каѳедральнаго собора Іоакимъ Липенскій изъ воспитанниковъ до—реформенной курской семинаріи и долгое время бывшій учителемъ преобразованной въ 1817 году семинаріи по словесности. Священникъ Липенскій былъ опытнымъ педагогомъ и, по отзыву протоіерея І. М. Скворцова, усердно заботился

26086
БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГІОЗНОГО МУЗЕЯ
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК АКАДЕМІИ НАУК СССР

о благоустройствѣ ввѣреннаго ему училища. Курсъ уѣзднаго училища въ то время продолжался четыре года и раздѣлялся на два отдѣленія. Въ низшемъ отдѣленіи воспитанники изучали пространный катихизисъ, русскую и славянскую грамматику, церковное пѣніе, церковный уставъ и языки: латинскій и греческій. Учителями Михаила Булгакова въ этомъ отдѣленіи были: 1) священникъ Іоаннъ Коренскій изъ воспитанниковъ старой кіевской Академіи; 2) іеромонахъ Платонъ и 3) Семенъ Чеботаревъ,—оба послѣдніе были изъ студентовъ мѣстной семинаріи. Успѣхи Михаила Булгакова и въ это время были далеко невыдающіеся, такъ какъ онъ и теперь постоянно страдалъ мучительною болѣзнію. Въ высшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища Михаилъ Булгаковъ вмѣстѣ съ своими товарищами изучалъ греческій и латинскій языки, священную и гражданскую исторію, географію, ариѳметику и партесное пѣніе. Учителями его въ этомъ отдѣленіи были кандидаты II и III курсовъ кіевской духовной Академіи: Иванъ Золотаревъ, исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности инспектора училища, и Василій Маляревскій. Оба эти учителя, по отзыву протоіерея І. М. Скворцова, отличались опытностію въ преподаваніи и гуманностію педагогическихъ пріемовъ. И очень вѣроятно, что ихъ толковое и здравое преподаваніе много содѣйствовало пробужденію умственныхъ дарованій Михаила Булгакова, которыя до того времени ничѣмъ особеннымъ себя не заявляли.

Ко времени же пребыванія Михаила Булгакова въ высшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища относится и тотъ замѣчательный случай, который былъ поворотнымъ пунктомъ въ развитіи его ума. Объ этомъ событіи, живо сохранившемся еще доселѣ въ преданіи курской духовной семинаріи, писали неоднократно и при жизни митрополита Макарія. И такъ какъ покойный архипастырь не отрицалъ его, то сохранившееся преданіе можетъ считаться вполнѣ достовѣрнымъ. Кромѣ того, отъ одного изъ нынѣ здравствующихъ близкихъ родственниковъ митрополита Макарія

мы имѣемъ свѣдѣніе, что самъ покойный владыка неоднократно сообщалъ объ этомъ дивномъ событіи въ его жизни въ близкомъ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Разсказываютъ, что однажды Михаилъ Булгаковъ готовилъ урокъ въ южной части семинарскаго (а вмѣстѣ и училищнаго) двора, гдѣ обыкновенно складывались дрова. Здѣсь было любимое мѣсто занятій усерднаго мальчика. И вотъ въ то самое время, когда мальчикъ былъ всецѣло поглощенъ чтеніемъ урока, на голову ему упалъ камень, брошенный однимъ изъ игравшихъ товарищей Михаила Булгакова. Камень разсѣкъ мальчику голову, слѣдствіемъ чего было сильное кровоизліяніе. Ожидали, что кровоизліяніе еще болѣе увеличитъ болѣзненность мальчика, но вышло какъ разъ наоборотъ. Вмѣстѣ съ заживленіемъ раны, происшедшей отъ удара камнемъ, сошли всѣ золотушные прыщи и съ тѣхъ поръ прежняя мучительная болѣзнь на-всегда оставила Михаила Булгакова. Но этого мало. Физическое выздоровленіе мальчика имѣло однимъ изъ своихъ слѣдствій обнаруженіе въ немъ необыкновенныхъ умственныхъ дарованій. Михаилъ Булгаковъ вскорѣ послѣ этого сдѣлался однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспитанниковъ училища, положительно утѣшавшимъ своихъ наставниковъ скромностію, прилежаніемъ и рѣдкими успѣхами. Здѣсь же позволительно будетъ замѣтить, что впослѣдствіи митрополитъ Макарій всегда былъ благодаренъ Божественному Провидѣнію, испытывавшему его въ дѣтствѣ посредствомъ мучительной болѣзни, и считалъ свою дѣтскую болѣзненность благодѣтельною для себя. По его убѣжденію, болѣзненность въ дѣтствѣ, сопровождавшаяся временнымъ притупленіемъ умственныхъ дарованій и особенно памяти, служила для него, отличавшагося любознательностію, однимъ изъ самыхъ сильныхъ побужденій къ постоянному трудолюбію. Нажитое въ дѣтствѣ трудолюбіе осталось отличительною особенностію въ характерѣ митрополита Макарія на всю послѣдующую его жизнь. Не только въ бытность воспитанникомъ семинаріи и студентомъ Ака-

деміи, но даже и впослѣдствіи на высшихъ постахъ іерархическаго служенія Макарій всегда отличался страстною любовію къ труду и особенно къ ученымъ занятіямъ. Посреди кипучаго же труда постигла его и смерть. Но кто знаетъ, могло ли бы образоваться въ характерѣ его подобное свойство при другихъ условіяхъ жизни, напр., въ томъ случаѣ, если бы дарованія его сразу обнаружились и, дѣлая для него легкимъ всякое занятіе и всякое усвоеніе знаній, тѣмъ самымъ избавляли бы его отъ необходимости усиленнаго труда?

III. Семинарскіе годы образованія митрополита Макарія.

Поступленіе въ семинарію. Состояніе курской семинаріи ко времени поступленія въ нее Михаила Булгакова. Ревизія протоіерея І. М. Скворцова и ея слѣдствія. Успѣхи Михаила Булгакова въ словесномъ, философскомъ и богословскомъ отдѣленіяхъ семинаріи. Сочиненія. Любимые предметы занятій. Отношеніе преосв. Иліодора, ректора, наставниковъ и товарищей къ Михаилу Булгакову. Лекторство. Частные уроки. Окончаніе курса семинаріи и назначеніе въ Кіевскую духовную Академію. Преданіе объ умственномъ развитіи Михаила Б. въ это время.

Въ іюлѣ 1831 года, послѣ публичныхъ испытаній, Михаилъ Булгаковъ съ блестящимъ успѣхомъ окончилъ курсъ уѣзднаго училища и вмѣстѣ съ 82 другими своими товарищами былъ удостоенъ перевода въ курскую духовную семинарію. Эта послѣдняя находилась въ то время на пути къ достиженію самаго блестящаго состоянія, по крайней мѣрѣ, въ учебномъ отношеніи. Многія обстоятельства способствовали возвышенію учебнаго состоянія курской духовной семинаріи и между ними особенно ревизія семинаріи, произведенная, по порученію Академическаго Правленія, въ іюлѣ 1828 года профессоромъ Кіевской духовной Академіи, протоіереемъ І. М. Скворцовымъ. Ревизія эта составила настоящую эпоху въ исторіи курской семинаріи. Протоіерей І. М. Скворцовъ во время весьма внимательно произведенной имъ ревизіи нашелъ много крупныхъ недостатковъ во всѣхъ ча-

стяхъ жизни семинаріи. Свой отчетъ, присланный имъ въ Правленіе Академіи изъ Бѣлгорода отъ 15 іюля 1828 года, онъ заканчивалъ слѣдующими знаменательными словами: „вообще могу сказать, что хотя многіе недостатки по курской семинаріи и могутъ быть исправлены, но при великомъ оной многолюдствѣ, тѣснотѣ жительства и при настоящей ограниченности средствъ содержанія, нѣтъ возможности довести оную семинарію до совершеннаго благоустройства“ [1]). Такой строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ безпристрастный и проникнутый глубокимъ сочувствіемъ къ обревизованной семинаріи отзывъ авторитетнаго члена Академическаго Правленія побудилъ это послѣднее обратить самое серьезное вниманіе на курскую семинарію. Былъ предпринятъ цѣлый рядъ улучшеній во всѣхъ частяхъ жизни курской семинаріи: расширены ея зданія, усиленъ инспекторскій надзоръ за поведеніемъ воспитанниковъ посредствомъ назначенія особыхъ помощниковъ инспектора изъ среды преподавателей и увеличенъ наличный составъ учительской корпораціи. Все это содѣйствовало совершенному обновленію семинаріи, во главѣ которой съ 1829 года былъ поставленъ такой науколюбивый и гуманный ректоръ, какъ архимандритъ Анатолій (Мартыновскій, бывшій съ теченіемъ времени архіепископомъ Могилевскимъ). Впослѣдствіи протоіерей І. М. Скворцовъ также не забывалъ обревизованной имъ когда-то семинаріи и, какъ вліятельный членъ Академическаго Правленія, всегда отстаивалъ въ немъ интересы ея. При его содѣйствіи, въ курскую духовную семинарію стали назначать учителями лучшихъ магистровъ и кандидатовъ Академіи. Благодаря этому, въ курской семинаріи ко времени поступленія въ нее Михаила Булгакова образовался кружокъ преподавателей—даровитыхъ, одушевленныхъ горячею любовію къ своему призванію, необыкновенно гуманныхъ и потому имѣвшихъ большое вліяніе на своихъ воспитанниковъ.

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внѣшн. Правл. за 1828 г. дѣло 68.

Семинарскій курсъ тогда былъ шестилѣтній съ подраздѣленіемъ на три отдѣленія: низшее, среднее и высшее. Въ низшемъ отдѣленіи воспитанникамъ преподавались словесныя науки, гражданская исторія, греческій языкъ и одинъ изъ новыхъ. Главнымъ изъ этихъ предметовъ были словесныя науки, въ составъ которыхъ тогда входило и церковное краснорѣчіе. Учителемъ Михаила Булгакова по этому предмету былъ Д. С. Любицкій—магистръ кіевской Академіи. Онъ былъ очень внимательный къ своимъ обязанностямъ наставникъ, какъ говорятъ, мастеръ своего дѣла. Такъ какъ употреблявшійся тогда въ семинаріяхъ учебникъ по словесности отличался схоластическимъ характеромъ, то проф. Любицкій составилъ на основаніи академическихъ лекцій свое собственное руководство въ видѣ записокъ, по которымъ и преподавалъ свой предметъ. Записки эти отличались краткостію, ясностію и вразумительностію. Но самое главное вниманіе проф. Любицкій обращалъ на практическія упражненія учениковъ въ сочиненіяхъ, стараясь научить своихъ питомцевъ писать кратко, правильно, складно и по возможности даже изящно. Ученическія упражненія по словесности въ видѣ хрій, періодовъ и описаній онъ прочитывалъ всегда внимательно дома, просиживая за этою работою нерѣдко цѣлыя ночи, и затѣмъ въ классѣ критически разбиралъ исправленныя дома сочиненія. Нѣкоторыя ученическія упражненія, видѣнныя нами, проф. Любицкій самъ переписывалъ почти цѣликомъ. Желая научить воспитанниковъ писать самостоятельно, онъ часто заставлялъ учениковъ писать въ классѣ подъ его наблюденіемъ краткіе отвѣты на данныя темы, при чемъ требовалъ обязательно приводить примѣры собственнаго сочиненія, а не книжные, какъ было принято до того времени. Это не мало интересовало и самихъ воспитанниковъ, внося оживленіе въ ихъ занятія, которыя при другомъ методѣ веденія дѣла могли бы сдѣлаться скучными для нихъ. Заботился проф. Любицкій также и о томъ, чтобы посредствомъ чтенія лучшихъ новѣй-

шихъ произведеній русской словесности пріучить своихъ учениковъ писать литературнымъ языкомъ. Съ этою цѣлію онъ, позаботившись предварительно о пополненіи семинарской библіотеки, самъ выдавалъ изъ нея ученикамъ книги, каждому назначалъ статьи для прочтенія и затѣмъ, требуя отъ каждаго въ классѣ отчета въ чтеніи, объяснялъ въ прочитанныхъ статьяхъ развитіе мыслей, изложеніе ихъ и планъ. Благодаря такому методу преподаванія словесности проф. Любицкимъ, ученики его, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ нихъ за два года научались писать стройно, правильно и изящно. Въ частности, самъ Макарій считалъ себя много обязаннымъ проф. Любицкому. Свой прекрасный стиль, какимъ отличаются всѣ многочисленныя сочиненія его, онъ считалъ прямымъ результатомъ ученическихъ упражненій по словесности подъ руководствомъ проф. Любицкаго, что высказалъ однажды публично. Въ бытность харьковскимъ епископомъ, преосв. Макарій какъ-то проѣздомъ въ Петербургъ остановился въ Бѣлгородѣ. Посѣтивъ родную семинарію и войдя, между прочимъ, въ классъ словеснаго отдѣленія, онъ, говорятъ, съ чисто юношескимъ восторгомъ и радостію привѣтствовалъ своего бывшаго профессора, въ то время уже глубокаго старца, доживавшаго свои дни. Здѣсь же въ классѣ, въ присутствіи начальствующихъ и учениковъ, преосв. Макарій началъ припоминать слышанные имъ нѣкогда уроки проф. Любицкаго по словесности, съ восторгомъ отзывался о пріемахъ его преподаванія, показывалъ, гдѣ онъ слушалъ уроки Любицкаго и въ заключеніе публично благодарилъ старца-учителя за то, что онъ „научилъ его любить русскую литературу и правильно писать“. Но за то учителемъ по другому важнѣйшему предмету, преподававшемуся въ словесномъ отдѣленіи,—по гражданской исторіи Михаилъ Булгаковъ и его товарищи не могли уже такъ восторгаться, какъ они восторгались проф. Любицкимъ. Учителемъ гражданской исторіи былъ А. Александровскій—глубокій старецъ, воспитанникъ до-реформен-

ной семинаріи и по пріемамъ преподаванія составлявшій полную противоположность проф. Любицкому.

Въ 1833 году Михаилъ Булгаковъ окончилъ курсъ низшаго отдѣленія. Переводные экзамены въ іюнѣ—іюлѣ 1833 года въ курской семинаріи происходили подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго преосвященнаго, который въ это время, по порученію комиссіи духовныхъ училищъ, производилъ ревизію семинаріи. На экзаменахъ въ низшемъ отдѣленіи преосв. Иліодоръ сразу же замѣтилъ выдающіяся дарованія ученика Михаила Булгакова. Прекрасными отвѣтами его на испытаніи по словесности преосв. Иліодоръ былъ такъ восхищенъ, что сталъ подробно распрашивать мальчика о его родинѣ и семействѣ и когда узналъ, что онъ сирота и что его мать получаетъ только 12 рублей въ годъ пособія, то самъ обѣщалъ исходатайствовать ей сторублевый окладъ и, кромѣ того, пристроить трехъ дочерей ея, сестеръ Михаила Булгакова, что, дѣйствительно, и исполнилъ впослѣдствіи. Съ этого времени и до самаго окончанія семинарскаго курса преосв. Иліодоръ не переставалъ интересоваться успѣхами даровитаго мальчика и на публичныхъ экзаменахъ всегда восхищался его превосходными отвѣтами. По окончаніи публичныхъ испытаній, въ іюлѣ 1833 года Михаилъ Булгаковъ былъ переведенъ первымъ среди своихъ товарищей въ среднее отдѣленіе, при чемъ оказалъ по словесности, гражданской исторіи и французскому языку отличные, а по греческому языку—очень хорошіе успѣхи [1]).

Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи главнымъ учебнымъ предметомъ были философскія науки, а второстепенными—математика, греческій и одинъ изъ новыхъ языковъ. Учителемъ Михаила Булгакова по философскимъ наукамъ былъ П. Я. Красинъ—одинъ изъ самыхъ лучшихъ магистровъ VI

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внѣшн. Правл. за 1833 г. дѣло 115 ср. за 1832 г. дѣло 148.

курса кіевской духовной Академіи. О немъ среди курскаго духовенства доселѣ еще хранятся живыя преданія, какъ о необыкновенно талантливомъ преподавателѣ, своими превосходными чтеніями производившемъ на учениковъ большое образовательное вліяніе. „П. Я. Красинъ", сообщаетъ намъ одинъ изъ его слушателей [1]), „читалъ курсъ философіи съ особенною энергіею и отличался если не самостоятельностію философской системы, то большимъ педагогическимъ тактомъ, вслѣдствіе чего оказывалъ значительное вліяніе на умственное развитіе своихъ учениковъ". Философскія науки проф. Красинъ читалъ обыкновенно на латинскомъ языкѣ, придерживаясь при этомъ не руководства Баумейстера, которое тогда было принято въ духовныхъ семинаріяхъ и отличалось схоластическимъ характеромъ, а преимущественно лекцій своего учителя, профессора Кіевской духовной Академіи, прот. І. М. Скворцова. Далѣе, подобно проф. Любицкому, П. Я. Красинъ обращалъ особенное вниманіе на письменныя упражненія воспитанниковъ, считая ихъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ мѣриломъ умственнаго развитія своихъ учениковъ. Въ выборѣ темъ для сочиненій онъ былъ весьма осмотрителенъ. Онъ старался давать для упражненій такіе вопросы, которые бы обнимали цѣлые отдѣлы системы и могли интересовать воспитанниковъ, вызывая ихъ на самостоятельныя размышленія. Въ ученическихъ сочиненіяхъ, подававшихся ему, онъ цѣнилъ выше всего самостоятельность работы и оригинальность мыслей. Нѣкоторыя изъ сочиненій Михаила Булгакова, писанныхъ имъ на темы проф. Красина, сохранились и до нашего времени на ряду съ другими семинарскими упражненіями его [2]). Всѣхъ философскихъ разсужденій Михаила Булгакова

---

[1]) Протоіерей П. А. Солнцевъ, законоучитель первой классической гимназіи въ Харьковѣ.

[2]) Семинарскія и академическія сочиненія м. Макарія были изданы сначала при „Православн. Обозрѣніи" за 1891 г. въ видѣ приложенія, а потомъ

уцѣлѣло три: 1) *Разсужденіе о возможности метафизики.* Въ этомъ разсужденіи молодой философъ послѣ краткаго вступленія, въ которомъ разъясняется необходимость рѣшенія вопроса о возможности метафизики, формулируетъ сначала тѣ возраженія, какія обыкновенно высказываются противъ возможности метафизики, и затѣмъ уже рѣшаетъ самыя эти возраженія. Возраженій противъ возможности метафизики указывается два: а) врожденныхъ идей, которыя собственно и составляютъ предметъ метафизики, нѣтъ и б) если и есть въ человѣкѣ идеи, то онъ пріобрѣтаетъ ихъ отъ другихъ, въ чемъ легко можно убѣдиться на примѣрѣ человѣка, выросшаго внѣ всякихъ сношеній съ другими людьми. Первое возраженіе Михаилъ Булгаковъ рѣшаетъ такъ: „неоспоримо, что главное начало всѣхъ нашихъ познаній находится въ опытѣ, но отсюда не вытекаетъ еще необходимость отвергать существованіе идей, на которыхъ основывается познаніе сверхъ—опытнаго. Начало и основаніе нашихъ познаній находится въ опытѣ, но построеніе, развитіе и усовершенствованіе оныхъ—въ умѣ, въ его идеяхъ. Такъ взглядъ на міръ внушаетъ мысль о его Творцѣ; но эта мысль не есть еще познаніе о Богѣ, а только начало или лучше поводъ къ сему познанію. Умъ, обращая вниманіе на сію мысль, углубляется въ свои идеи, находитъ въ нихъ неопровержимыя доказательства на оную и, такимъ образомъ, образуетъ прочное и основательное познаніе о Богѣ. Далѣе, можетъ ли въ опытѣ что-нибудь вполнѣ соотвѣтствовать познанію необходимости какого-либо предмета? Опытъ только говоритъ, что извѣстная вещь существуетъ, но говоритъ ли онъ, почему?—показываетъ ли онъ нашему разсудку необходимость ея существованія? Итакъ, если изъ опыта мы не можемъ узнавать необходимость суще-

---

особою книгою подъ заглавіемъ „Опыты сочиненій семинарскіе и академическіе Макарія, еп. харьковскаго и ахтырскаго, бывшаго Михаила Булгакова". Москва. 1891 г.

ствующаго: то значитъ, что въ нашей душѣ есть какая-то высшая сила или способность, непріобрѣтаемая отвнѣ, но врожденная, которая безъ пособій опыта разсуждаетъ о возможномъ и необходимомъ; значитъ, что въ нашемъ умѣ есть идеи, безъ которыхъ бы мы видѣли только, что вещи существуютъ, не зная ничего о ихъ существованіи.... Отъ чего же и для идей, которыхъ предметъ—вышеопытное, нужны намеки опыта? Отъ того, что умъ, заключенный въ тѣлѣ, не можетъ прямо созерцать своими идеями невидимыхъ предметовъ. Онъ такъ отягченъ оковами плоти, что ему непремѣнно нужно, хотя однажды, получить отвнѣ намекъ на истину, которая въ немъ сокрыта и какъ бы подавлена, нужно, такъ сказать, пробудить усыпленныя въ немъ идеи и заставить ихъ дѣйствовать". Второе возраженіе противъ возможности метафизики юный философъ опровергаетъ такъ: „человѣкъ, возросшій наединѣ, есть младенецъ; всѣ способности находятся въ немъ въ спокойствіи. Онъ не знаетъ, какъ ими пользоваться. Покажите ему средства, онъ заставитъ способности свои дѣйствовать, и будетъ постепенно развивать ихъ. Благоразумно ли было бы, смотря на безмолвіе младенца, сказать, что человѣкъ не можетъ говорить? Равнымъ образомъ, не примѣчая никакихъ идей въ невѣждѣ, возросшемъ наединѣ, нелѣпо заключать, будто и всѣ люди не имѣютъ идей". Изъ всего сказаннаго авторъ разсужденія дѣлаетъ такой выводъ: если есть идеи—познающія, то должны быть и предметы, ими познаваемые. Ибо невозможно представить, чтобы Творецъ сообщилъ человѣку способность познавать предметы, которыхъ вовсе нѣтъ. Если же есть и познающее и познаваемое: то могутъ и должны быть и плоды ихъ взаимнаго дѣйствія, т. е. познанія. Слѣдовательно, метафизика, какъ наука, какъ система познаній сверхъ-опытныхъ, возможна". Разсмотрѣнное нами разсужденіе Михаила Булгакова [1]) въ подлинникѣ было

[1]) См. „Опыты" стр. 9—14.

исправлено рукою проф. Красина; всѣхъ поправокъ 12 и онѣ или касались неточности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ выраженій, или же указывали на поспѣшность заключеній юнаго философа: напр. по поводу его категорическаго утвержденія, что „насъ никто не можетъ лишить увѣренности въ существованіи врожденныхъ идей", проф. Красинъ замѣтилъ, что „врожденность идей, какъ полныхъ понятій о внутренней природѣ вещей, не можетъ быть доказана". Но не смотря на подобныя замѣчанія, строгій рецензентъ далъ въ концѣ сочиненія такой отзывъ: „видна сила разсудка: хорошо", а ректоръ семинаріи, архимандритъ Елпидифоръ, съ своей стороны, написалъ на сочиненіи Михаила Булгакова: „сужденіе довольно глубокомысленное и изображеніе правильно и ясно. Пріятно читать такія сочиненія 14 февр.; 1834 г." 2) „*О правѣ естественномъ, какъ сущности практической философіи*". Это послѣднее разсужденіе [1]) Михаила Булгакова отличается уже нѣсколько схоластическимъ характеромъ по сравненію съ первымъ, что, впрочемъ, объясняется существомъ самой задачи. Разсужденіе представляетъ стройно логическое раскрытіе слѣдующихъ положеній: а) право естественное, не смотря на то, что составляетъ часть практической философіи, можетъ быть по справедливости названо сущностію ея, такъ какъ оно б) раскрываетъ самую сущность предмета практической философіи; в) вполнѣ оправдываетъ опредѣленіи и цѣль ея; г) будучи какъ бы основаніемъ для прочихъ частей ея, которыя сами по себѣ безъ отношенія къ нему не имѣютъ никакой силы въ составѣ науки, является ихъ сущностію, а онѣ—его принадлежностями и, наконецъ, д) имѣетъ всѣ принадлежности систематической науки. На этомъ разсужденіи проф. Красинъ написалъ такую рецензію: „основательно", а ректоръ семинаріи далъ такой отзывъ: „похвально усердіе доказать данный предметъ. 11 дек. 1834 г." 3). „*Критическое изслѣдованіе*

[1]) См. Тамъ же стр. 14—19.

превосходства греческой философіи предъ философіею варварскою". Это послѣднее „изслѣдованіе" было написано Михаиломъ Булгаковымъ во второй годъ его пребыванія въ философскомъ отдѣленіи и, вѣроятно, уже по окончаніи системы философскихъ наукъ, которая, судя по конспекту проф. Красина [1]), заключалась обзоромъ исторіи философіи. А между тѣмъ разсматриваемое нами изслѣдованіе Михаила Булгакова съ очевидностію предполагаетъ знакомство его съ исторіей философіи. Такимъ образомъ, „критическое изслѣдованіе превосходства греческой философіи предъ философіею варварскою" важно для насъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1) оно служитъ показателемъ того, въ какомъ объемѣ и какимъ методомъ изучалась тогда въ духовныхъ семинаріяхъ исторія философіи и во 2) оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ лучшимъ выраженіемъ степени умственнаго развитія Михаила Булгакова ко времени окончанія имъ курса средняго отдѣленія семинаріи. Содержаніе „критическаго изслѣдованія превосходства греческой философіи предъ философіею варварскою" таково. „Изслѣдованіе" открывается превосходнымъ, поэтическимъ изображеніемъ постояннаго прогресса, составляющаго сущность всемірно-историческаго процесса; лучшею и высшею стороною въ прогрессивномъ всемірно-историческомъ процессѣ является умственное развитіе человѣческаго рода, которое авторъ такъ характеризуетъ: „человѣческія познанія—въ началѣ едва замѣтный ручеекъ, сливаясь на своемъ пути съ другими безчисленными ручейками, и принимая въ свои нѣдра цѣлые обильные потоки, по мѣрѣ удаленія отъ своего начала болѣе и болѣе расширялись и, протекши обширнѣйшія долины многихъ вѣковъ, наконецъ, образовали то великое море, въ которомъ нынѣ погружается умъ новѣйшихъ мыслителей" [2]). Послѣ такого вступленія, авторъ опредѣляетъ терминъ „варварская

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внѣшн. Правл. за 1839 г. дѣло 122.

[2]) См. „Опыты" стр. 21.

философія", подъ которою онъ разумѣетъ „умствованія всѣхъ древнѣйшихъ народовъ до грековъ: индѣйцевъ, китайцевъ, халдеевъ, персовъ, тибетцевъ, египтянъ и кельтовъ". За этимъ опредѣленіемъ слѣдуетъ самая характеристика философскихъ воззрѣній древнихъ народовъ: индѣйцевъ, халдеевъ, персовъ, тибетцевъ, китайцевъ и кельтовъ. Считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что характеристика философскихъ воззрѣній сейчасъ названныхъ древнихъ народовъ, содержащаяся въ сочиненіи Михаила Булгакова, сдѣлана очень кратко и съ точки зрѣнія нынѣшнихъ историческихъ свѣдѣній объ этихъ народахъ не лишена крупныхъ ошибокъ; но при всѣмъ томъ характеристика эта важна для насъ, такъ какъ она служитъ выраженіемъ историко-философскихъ знаній, какія преподавались въ духовныхъ семинаріяхъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. За изображеніемъ варварской философіи слѣдуетъ подробная характеристика греческой философіи съ подраздѣленіемъ исторіи ея на отдѣльныя эпохи. Авторъ характеризуетъ воззрѣнія: а) стихійно-физической (іонійской), б) математико-практической (пиѳагорейской), в) идеалистической (элеатской), г) атомистико-механической школы, д) софистовъ, е) Сократа, з) Платона, и) Аристотеля, і) скептиковъ, к) эпикурейцевъ и л) академиковъ. Хотя и характеристика греческой философіи, подобно характеристѣ философіи варварской, не лишена въ сочиненіи Михаила Булгакова нѣкоторыхъ неточностей и ошибокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней есть превосходныя мѣста, гдѣ весьма вѣрно, точно и мѣтко опредѣляются отличительныя особенности воззрѣній греческихъ философовъ, напр. Сократа, Платона, Аристотеля [1]) и др. Правда, опредѣленія эти не отличаются особенною глубокомысленностію и силою критическаго анализа, но за то отъ нихъ вѣетъ какою-то пріятною свѣжестію воображенія и живостію мысли. Читая характеристики философ-

[1]) См. тамъ же стр. 30—32.

скихъ воззрѣній греческихъ школъ, невольно убѣждаешься, что онѣ были написаны на основаніи собственныхъ юношескихъ размышленій автора, которыми сопровождалось изученіе исторіи греческой философіи. Все „критическое изслѣдованіе“ заканчивается, можно сказать, классическимъ сравненіемъ варварской и греческой философіи, какое, конечно, могъ дать авторъ—юноша. „Философія варваровъ“, разсуждаетъ Михаилъ Булгаковъ, „чудовищна и несовершенна. Ее нельзя назвать философіею разсудка, или ума: въ ней не видно никакихъ слѣдовъ ихъ. Она не болѣе, какъ философія, если можно такъ сказать, одной чувственности, одного воображенія. Древніе варвары не знали нашей логики; имъ неизвѣстно было, какъ совершаетъ нашъ умъ процессъ своего мышленія, какимъ образомъ онъ составляетъ понятія, образуетъ изъ нихъ сужденія и выводитъ оттуда заключеніе; имъ даже и въ голову не приходило, что въ насъ есть какіе-то постоянные законы мышленія, какія-то начала познанія первыя и несомнѣнныя, которыя поддерживаютъ умъ на всѣхъ путяхъ его изслѣдованій; они не понимали, что не всякая мысль, рождающаяся въ душѣ, можетъ быть истинна; не могли постигнуть, какъ много нужно для полнаго познанія даже маловажной истины. И потому-то они мыслили, сами не сознавая своего мышленія; потому-то они выдавали за несомнѣнное все, что только успѣвало, какимъ бы то ни было образомъ, занять мѣсто въ ихъ головѣ, ни мало не заботясь о томъ, что очень многія причины, даже въ собственномъ умѣ ихъ, видимую имъ истину часто превращали въ грубую ложь. Окруженные со всѣхъ сторонъ величественными видами разнообразной природы, природы еще юной въ своей дѣятельности и цвѣтущей всею жизнію силъ своихъ, первобытные варвары столько плѣнялись безчисленными ея красотами, такъ поражались огромностію размѣровъ, въ какихъ она представляла имъ нѣкоторыя свои произведенія, наконецъ, столько удивляемы были ея богатствомъ, неистощимостію даровъ ея, благотворительностію, съ какою она

являлась къ нимъ въ каждое время года, что, погрузившись вполнѣ въ природу внѣшнюю, они какъ бы не имѣли времени позаботиться о своемъ духѣ, усовершенствованіи тѣхъ великихъ его способностей, какими одарило его Высочайшее Существо... Что же представляетъ намъ философія греческая? О, здѣсь совсѣмъ другой міръ, другіе виды, другое небо; здѣсь вы не найдете уже ни одной мысли, брошенной просто, безъ основанія, ни одной даже погрѣшности, чѣмъ-нибудь недоказанной. Уродливыя мечтанія испорченной фантазіи здѣсь уже не имѣютъ мѣста. Вмѣсто дикаго воображенія, проявлявшагося во всѣхъ ученіяхъ варваровъ, въ философіи греческой являются попеременно господствующими то разсудокъ, то умъ; и съ самаго Ѳалеса до позднѣйшихъ академиковъ, въ этомъ длинномъ ряду философовъ вы не встрѣчаете ни одного, который бы не имѣлъ извѣстнаго начала для своихъ умствованій, и не предложилъ себѣ опредѣленной цѣли. Ни въ одной системѣ Грековъ вы не найдете той совершенной безъотчетливости, съ какою пускали на воздухъ свои пустыя мысли мудрецы варварскіе. Самоотчетливость, если не полная, за то основанная на самосознаніи, соединенная съ большею или меньшею самостоятельностію и независимостію отъ народныхъ преданій и предразсудковъ, принадлежитъ каждому греческому философу. Съ другой стороны, самый образъ варваровъ излагать свои мысли безъ связи, безъ порядка, кое-какъ собранныя, но не сплавленныя въ одно цѣлое, разбрасывать на картинѣ различныя краски безъ вкуса, какъ-нибудь, у греческихъ философовъ вовсе измѣнился. Опредѣленное начало философствованія, безъ сомнѣнія, различнаго достоинства, извѣстное раскрытіе изъ него мыслей, болѣе или менѣе гармонирующихъ между собою; наконецъ, избранная цѣль, такъ или иначе достигаемая,—вотъ форма, общая системамъ греческой философіи, являющаяся то грубою и некрасивою, то полною и даже совершенною въ нѣкоторыхъ изъ нихъ... Такое превосходство греческой философіи естественно

могло пріобрѣсти ей, какъ и дѣйствительно пріобрѣло, уваженіе у потомства. Тогда какъ чудовищныя грезы варваровъ, иронически, можно сказать, называемыя философіею, погибли вмѣстѣ съ ихъ проповѣдниками, или остались въ кругу того народа, въ которомъ онѣ породились, нѣкоторыя системы грековъ, перенесенныя съ отечественной почвы въ другія земли, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, съ жаромъ изучаемыя цѣлыми сотнями любителей мудрости, распространяютъ еще и теперь дальнѣйшіе свои отростки въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ умозрѣніяхъ. И съ полною увѣренностію, можно сказать, пройдутъ вѣка, возсіяетъ въ полномъ свѣтѣ просвѣщеніе между людьми; но и тогда системы Платона и Аристотеля, равно какъ разговоры Сократа, не потеряютъ своей цѣны въ глазахъ отдаленнаго потомства. Скорѣе новѣйшіе Канты, Фихты и Шеллинги лишатся уваженія между будущими поколѣніями разборчивыхъ любомудровъ, нежели Платонъ и Аристотель останутся въ пренебреженіи и забвеніи“...[1]).—„Критическое изслѣдованіе“ Михаила Булгакова заслужило такой отзывъ у проф. Красина: „взглядъ на предметъ вѣрный и свѣтлый, сужденіе основательно, языкъ правильный и красивый; вообще сочиненіе дѣлаетъ честь сочинителю“; а ректоръ семинаріи, съ своей стороны, написалъ на сочиненіи: „весьма благодаренъ я тебѣ за постоянную и успѣшную твою тщательность. 27 апр. 1835 г.“.

Въ числѣ сочиненій, писанныхъ Михаиломъ Булгаковымъ въ философскомъ классѣ семинаріи, сохранилась, между прочимъ, рѣчь его, сказанная имъ на могилѣ одного изъ товарищей[2]). Въ своей рѣчи юный ораторъ проводилъ слѣдующія мысли: а) могила есть одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ символовъ, которые природа даетъ человѣку для размышленія и самоуглубленія, никогда его не разъясняя; надъ могилою

[1]) См. тамъ же, 34—36.

[2]) См. тамъ же стр. 37—39.

не должно проливать слезы, такъ какъ это противно здравому разуму; особенно не должны дѣлать этого христіане, которымъ могила говоритъ послѣднее, но самое выразительное слово назиданія; б) ораторъ затѣмъ приглашаетъ товарищей приблизиться къ могилѣ друга, чтобы прочесть іероглифическую тайну. Тайна эта состоитъ въ томъ, что движенія къ совершенству никогда не должно откладывать; наоборотъ, слѣдуетъ постоянно стремиться къ самоусовершенствованію и в) въ заключеніе ораторъ приглашалъ слушателей пожелать преуспѣянія въ будущей жизни тому, кого скрыла отъ нихъ могила, пожелать ему вѣчнаго блага и не жалѣть о томъ, что онъ такъ рано угасъ. Рѣчь Михаила Булгакова надъ могилою товарища замѣчательна въ двухъ отношеніяхъ: 1) она до нѣкоторой степени характеризуетъ тогдашнее богословское міровоззрѣніе ея автора, который былъ видимо глубоко и серьезно убѣжденъ въ возможности нравственнаго развитія христіанина и вообще человѣка въ загробномъ мірѣ; скоро мы увидимъ, что подобное убѣжденіе юнаго философа было даже слишкомъ реально и не лишено нѣкоторой крайности; во 2) рѣчь была произнесена Михаиломъ Булгаковымъ на французскомъ языкѣ, что свидѣтельствуетъ о хорошемъ и основательномъ знакомствѣ ея автора съ этимъ языкомъ еще во время ученія въ философскомъ классѣ семинаріи.

Ко времени же пребыванія Михаила Булгакова въ среднемъ отдѣленіи семинаріи относится начало сближенія его съ ректоромъ Курской духовной семинаріи, *архимандритомъ Елпидифоромъ* (*Бенедиктовымъ*). Событіе это безспорно имѣло великое значеніе для всей послѣдующей жизни Михаила Булгакова.

Товарищъ по окончанію курса академическаго и принятію иночества покойнаго м. Исидора (Никольскаго), архимандритъ Елпидифоръ вступилъ въ должность ректора Курской семинаріи въ 1832 году; слѣдовательно, въ то время, когда Михаилъ Булгаковъ былъ еще въ низшемъ отдѣленіи.

Особенными умственными дарованіями архим. Елпидифоръ не выдавался. Но за то онъ, по общимъ отзывамъ, отличался глубокимъ благочестіемъ и былъ истинный аскетъ въ домашней жизни, снисходительный начальникъ и весьма усердный наставникъ. Замѣтивъ во время экзаменовъ 1833 года выдающіяся дарованія Михаила Булгакова, ректоръ Елпидифоръ ближе познакомился съ нимъ, при чемъ узналъ крайнюю бѣдность его самого и родной семьи его. Этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы ректоръ Елпидифоръ привязался всей своей любящей душой къ бѣдному сиротѣ—даровитому, трудолюбивому и благовоспитанному мальчику. Архим. Елпидифоръ началъ покровительствовать и помогать Михаилу Булгакову, то давая ему разныя книги для чтенія изъ собственной библіотеки, то даже нарочито покупая для него лучшія новѣйшія произведенія русской литературы. При содѣйствіи архим. Елпидифора, Михаилъ Булгаковъ, въ бытность ученикомъ философскаго класса семинаріи, имѣлъ возможность познакомиться съ произведеніями архим. Иннокентія (Борисова), ученикомъ котораго и почитателемъ былъ самъ ректоръ Елпидифоръ. Нравственное сближеніе между ректоромъ и ученикомъ, которое и теперь уже носило характеръ скорѣе дружбы и родственной любви, чѣмъ покровительственнаго отношенія высшаго къ низшему, окончилось тѣмъ, что Михаилъ Булгаковъ поселился въ квартирѣ ректора Елпидифора. Съ несомнѣнностію можно предполагать, что архим. Елпидифоръ во время совмѣстной жизни съ Михаиломъ Булгаковымъ имѣлъ на него глубокое нравственное вліяніе. Какъ юноша съ живой и воспріимчивой душой, Михаилъ Булгаковъ незамѣтно могъ усвоять себѣ всѣ добрыя правила нравственности, какія постоянно видѣлъ на живомъ примѣрѣ благочестивой жизни своего ректора [1]). И кто знаетъ,

[1]) Разъ установившаяся, нравственная связь между ректоромъ и ученикомъ не прерывалась и впослѣдствіи до самой кончины преосв. Елпидифора

не въ это ли уже время зародилась въ головѣ юноши мысль о посвященіи себя иноческому служенію? Если такъ, то русская церковь и русская богословская наука архим. Елпидифору главнымъ образомъ обязаны воспитаніемъ такого выдающагося святителя и замѣчательнаго ученаго мужа, какимъ былъ покойный митрополитъ Макарій. А что между ректоромъ Елпидифоромъ и Михаиломъ Булгаковымъ существовала, дѣйствительно, близкая нравственная связь и что, въ частности, Михаилъ Булгаковъ старался во многомъ подражать своему начальнику, въ пользу этого говоритъ слѣдующее обстоятельство. По свидѣтельству лицъ, хорошо знавшихъ обоихъ друзей, м. Макарій много напоминалъ преосв. Елпидифора не только манерою говорить и держать себя, но даже самою походкою своею и самымъ своеобразнымъ почеркомъ руки своей [1]).

Со словъ же архим. Елпидифора, Михаилъ Булгаковъ еще въ философскомъ классѣ семинаріи зналъ многое о выдающейся личности архимандрита Иннокентія, въ то время бывшаго ректоромъ Кіевской духовной Академіи. Произведеніями этого послѣдняго Михаилъ Булгаковъ въ семинаріи положительно увлекался, перечитывалъ ихъ по нѣскольку разъ, а особенно нравившіяся ему мѣста даже переписывалъ въ особый сборникъ. Въ тотъ же самый сборникъ онъ вносилъ и всѣ другія, въ какомъ либо отношеніи замѣчательныя, выдержки изъ произведеній духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Говорятъ, что послѣ сочиненій Иннокентія Михаилъ Булгаковъ съ особеннымъ увлеченіемъ читалъ историческія произведенія Карамзина и стихотворенія Жуковскаго. Жуковскій и впослѣдствіи былъ самымъ любимымъ поэтомъ Макарія.

(† 31 мая 1860 г. въ санѣ таврическаго архіепископа). Прекраснѣйшимъ памятникомъ близкихъ нравственныхъ отношеній между друзьями служатъ письма преосв. Елпидифора къ своему славному ученику (См. Прав. Обозр. 1888 I стр. 115—143).

[1]) См. Прав. Обозр. 1888. I стр. 115.

Въ 1835 году Михаилъ Булгаковъ окончилъ философскій курсъ семинаріи, при чемъ во время переводныхъ двухгодичныхъ испытаній обнаружилъ успѣхи: по философскимъ наукамъ и французскому языку—отличные, по математикѣ—весьма хорошіе и по греческому языку—очень хорошіе. Кромѣ того, въ „вѣдомости о поведеніи учениковъ Курской духовной семинаріи, извлеченной ко времени окончанія учебнаго курса 1835 года изъ годовыхъ списковъ семинарскаго Правленія и ежемѣсячныхъ репортовъ инспектора“, Михаилъ Булгаковъ отмѣченъ: „благороднаго и отлично ревностнаго поведенія“ [1]). Невольно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что подобная же отмѣтка о поведеніи Михаила Булгакова нерѣдко встрѣчается и въ вѣдомостяхъ, какія представлялись обыкновенно инспекторами Кіевской духовной Академіи митрополиту. И здѣсь мы часто встрѣчаемъ указаніе на благородство, какъ на выдающуюся особенность въ характерѣ студента Михаила Булгакова [2]). Значитъ, въ характерѣ послѣдняго, дѣйствительно, была какая то особенная черта, заставлявшая считать его именно благороднымъ.

Лѣтнія каникулы 1835 года Михаилъ Булгаковъ проводилъ въ кругу своей родной семьи, члены которой относились къ нему теперь уже нѣсколько съ иными чувствами, такъ какъ видѣли въ немъ виновника благорасположенія къ себѣ со стороны курскаго архипастыря. Заботами преосв. Иліодора, семьѣ Михаила Булгакова было исходатайствовано сравнительно значительное пособіе изъ средствъ Епархіальнаго Попечительства. Кромѣ того, старшая сестра Михаила Булгакова въ это время была уже замужемъ за А. П. Солнцевымъ, который служилъ священникомъ въ с. Сурковѣ. Сынъ этого послѣдняго, ближайшій родственникъ покойнаго м. Макарія, сооб-

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внѣшн. Правл. за 1835 г. дѣло 143 ср. за 1834 г. дѣло 104.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1838 г. дѣло 103.

щаетъ намъ со словъ своего отца, что во время поѣздки изъ Бѣлгорода въ Сурково лѣтомъ 1835 года Михаилъ Булгаковъ едва не сдѣлался жертвою одного несчастнаго случая. Въ одномъ мѣстѣ, при спускѣ съ крутой горы, вслѣдствіе неосторожной ѣзды, экипажъ опрокинулся и только благодаря счастливой случайности, или, какъ объясняли сами виновники событія, дѣйствію Промысла Божія, Михаилъ Булгаковъ и его товарищъ по ученію—родственникъ, отдѣлавшись однимъ испугомъ, остались совершенно невредимыми.

Въ сентябрѣ 1835 года Михаилъ Булгаковъ снова явился въ Бѣлгородъ съ нѣсколько окрѣпнувшими во время лѣтняго отдыха физическими силами. По свидѣтельству одного изъ семинарскихъ товарищей м. Макарія [1]), этотъ послѣдній во все время ученія въ курской семинаріи не отличался особенною крѣпостію здоровья, хотя, впрочемъ, и не болѣлъ ни однажды серьезно. Физическія силы семинариста Михаила Булгакова были такъ слабы, что онъ, напр., никогда не могъ дѣлать продолжительныхъ прогулокъ. Такимъ образомъ, здоровье Михаила Булгакова послѣ дѣтской серьезной болѣзни укрѣплялось постепенно и онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ только уже, когда былъ студентомъ Академіи. Постепенному укрѣпленію здоровья Михаила Булгакова больше всего содѣйствовалъ строго правильный образъ жизни: занятія его въ семинаріи всегда были аккуратно распредѣлены по часамъ и разъ заведенный порядокъ времяпрепровожденія никогда не нарушался, за весьма рѣдкими исключеніями. Отдавая бо́льшую часть времени чтенію, размышленію о прочитанномъ и составленію сочиненій, онъ никогда не доводилъ себя до переутомленія. Кромѣ того, будучи въ богословскомъ классѣ семинаріи и располагая въ это время нѣкоторыми

[1]) Курскаго каѳедральнаго протоіерея В. Ѳ. Краснитскаго, воспоминаніями котораго о семинарскихъ годахъ жизни м. Макарія мы пользовались при составленіи настоящаго очерка.

собственными средствами, Михаилъ Булгаковъ никогда самъ не занимался перепискою лекцій наставниковъ, что должна была дѣлать большая часть его товарищей и на что ими употреблялось много силъ и времени.

Воспитанники высшаго отдѣленія семинаріи въ то время изучали въ теченіи двухлѣтняго курса богословскія науки, церковную исторію и языки: греческій и еврейскій. Богословскія науки Михаилу Булгакову и его товарищамъ преподавалъ ректоръ Елпидифоръ. Чтенія послѣдняго по богословію, насколько можно судить о нихъ по сохранившимся въ академическомъ архивѣ конспектамъ архим. Елпидифора [1]), не отличались особенною оригинальностію, хотя видимо были точны, подробны и обстоятельны. Кромѣ того, въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ мѣсяцевъ $18^{35}/_{37}$ учебнаго курса Михаилъ Булгаковъ слушалъ лекціи по богословію у ректора, архим. Варлаама, который былъ преемникомъ архим. Елпидифора и, подобно ему, не отличался особенными преподавательскими способностями. Такимъ образомъ, оба преподавателя богословскихъ наукъ не могли имѣть особеннаго вліянія на умственное развитіе Михаила Булгакова своими чтеніями. Гораздо бо́льшее вліяніе на него, особенно на развитіе въ немъ научной любознательности могъ имѣть профессоръ церковной исторіи П. Д. Вышемірскій, одинъ изъ лучшихъ магистровъ VII курса Кіевской духовной Академіи, обильнаго даровитыми студентами. Проф. Вышемірскій былъ вполнѣ достойнымъ членомъ Курской семинарской корпораціи, которая, какъ мы видѣли, состояла бо́льшею частію изъ даровитыхъ наставниковъ и въ которую онъ вступилъ тотчасъ же по окончаніи академическаго курса (7 октября 1835 года). Такимъ образомъ, курсъ Михаила Булгакова первымъ слушалъ чтенія проф. Вышемірскаго по церковной исторіи. По-

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внѣшн. Правл. за 1835 г. дѣло 143 и за 1837 г. дѣло 141.

нятно, что лекціи Вышемірскаго, какъ молодаго профессора, не могли отличаться особенною оригинальностію и даже обширностію сообщавшихся имъ свѣдѣній. Но этотъ недостатокъ съ избыткомъ искупался другими превосходными качествами чтеній проф. Вышемірскаго. Насколько можно судить по конспектамъ проф. Вышемірскаго [1]), онъ свое преподаваніе сопровождалъ чтеніемъ первоисточниковъ и сообщеніемъ ученикамъ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій въ области русской церковной исторіи. Съ другой стороны, обладая прекрасною дикціею и свободнымъ даромъ слова, онъ читалъ свои лекціи не по книгамъ или запискамъ, какъ это водилось до него, но сообщалъ свои свѣдѣнія посредствомъ живаго слова. Поэтому, весьма вѣроятно предположеніе, что чтенія проф. Вышемірскаго могли впервые возбудить въ любознательномъ Михаилѣ Булгаковѣ склонность къ церковно-исторической наукѣ, которою онъ такъ неутомимо занимался до послѣднихъ часовъ своей жизни.

Профессоръ же Вышемірскій, въ качествѣ одного изъ помощниковъ ректора по исправленію ученическихъ упражненій, былъ главнымъ руководителемъ воспитанниковъ богословскаго класса въ составленіи ими своихъ сочиненій. Изъ богословскихъ сочиненій Михаила Булгакова, которыя могутъ служить намъ самымъ лучшимъ критеріемъ для оцѣнки степени умственнаго развитія его ко времени окончанія семинарскаго курса, сохранилось 8, именно на слѣдующія темы: 1) о важности для человѣка познанія о Богѣ. 2) Какъ Богъ приготовлялъ родъ человѣческій къ принятію Мессіи? 3) О необходимвсти таинствъ, какъ средствъ къ полученію благодати. 4) О необходимости пришествія въ міръ антихриста. 5) Позволительно ли христіанину искать честей и достоинствъ? 6) О высокомъ достоинствѣ пастырскаго служенія и о проистекающихъ оттуда

[1]) См. тамъ же за 1839 г. дѣло 122.

особыхъ обязанностяхъ пастырей. 7) Спасутся ли язычники, невѣрующіе въ І. Христа? и 8) Unde persuademur de integritate et plenitudine S. Scripturae? Всѣ сочиненія Михаила Булгакова, писанныя имъ на указанныя темы [1]), въ одинаковой мѣрѣ отличаются двумя качествами: выдержанностію строго логическаго плана и живымъ, почти совершенно безукоризненнымъ литературнымъ, по мѣстамъ даже изящнымъ языкомъ. По всему видно, что Михаилъ Булгаковъ предварительно обдумывалъ всякое свое разсужденіе до мельчайшихъ деталей и затѣмъ уже излагалъ его на бумагѣ живымъ и увлекательнымъ слогомъ. Оттого въ его сочиненіяхъ замѣчается полная независимость отъ тяжелаго, обильнаго длинными періодами и устарѣлыми выраженіями книжнаго языка, какимъ излагались тогда семинарскіе учебники. Независимо отъ всего этого, нѣкоторыя изъ богословскихъ семинарскихъ сочиненій Михаила Булгакова отличаются еще оригинальностію мыслей. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно разсужденіе на тему о томъ, „Спасутся ли язычники, невѣрующіе въ І. Христа“? Разсужденіе это безспорно представляетъ глубокій интересъ для всякаго, желающаго ближе познакомиться съ міровоззрѣніемъ того богослова-семинариста, который впослѣдствіи сдѣлался знаменитымъ богословомъ всей православно-христіанской Церкви. Конструкція даннаго сочиненія такова. Оно состоитъ изъ двухъ почти равныхъ половинъ. Въ первой половинѣ авторъ устанавливаетъ ту мысль, что невѣрующіе язычники, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ должны спастись, а во второй половинѣ онъ доказываетъ, что невѣрующіе язычники могутъ спастись. Первое изъ этихъ положеній Михаилъ Булгаковъ доказываетъ слѣдующимъ образомъ. „Мысль о Богѣ“, говоритъ онъ, „благомъ, премудромъ и правосудномъ Богѣ, мысль о безпредѣльной силѣ и дѣйствіи заслугъ Христовыхъ, мысль о непреложности

[1]) См. „Опыты“, стр. 39—91.

обѣтованій и званія Божія,—пусть эти три мысли будутъ для насъ путеводными звѣздами на сбивчивомъ неопредѣленномъ пути, на который мы вступили“ [1]). Затѣмъ авторъ подробно разсуждаетъ о благомъ, премудромъ и правосудномъ Богѣ, о безпредѣльной силѣ и дѣйствіи заслугъ Христовыхъ и о непреложности обѣтованій и званія Божія въ приложеніи къ невѣрующимъ язычникамъ и въ концѣ приходитъ къ слѣдующему заключенію: „такимъ образомъ путеводныя наши звѣзды—мысль о Богѣ, мысль о силѣ и дѣствіи заслугъ Христовыхъ, мысль о непреложности обѣтованій и званія Божія—привели насъ къ желанной цѣли: вотъ предъ нами мысль, что и язычники должны спастись [2]). „Но, переходитъ затѣмъ авторъ къ доказательству своего втораго положенія, „извѣстно, что средство спасенія—одно,—усвоеніе заслугъ Іисуса Христа. Безъ этого никакое могущество, ни Ангелы, ни самъ Богъ не спасутъ человѣка. Возможность усвоенія заслугъ Спасителя для язычниковъ не требуетъ доказательствъ: Онъ принесъ Себя въ жертву за всѣхъ и всѣхъ зоветъ къ Себѣ, къ принятію Его великихъ даровъ. Значитъ и язычникъ можетъ содѣлаться участникомъ въ Его заслугахъ: иначе зачѣмъ и призывать его? Остается узнать, какимъ же образомъ это усвоеніе возможно для язычниковъ. Оно возможно во 1) отчасти въ сей жизни: чрезъ добрыя дѣла ихъ. Язычники имѣютъ законъ естественный, имѣютъ силу и средства выполнять его. Безъ вѣры въ Существо Высшее, отъ котораго человѣкъ чувствовалъ бы себя въ совершенной зависимости, добрыя дѣла вообще невозможны. Для кого нѣтъ такого существа, въ томъ подрывается и теряетъ всю свою силу законъ естественный; для того нѣтъ побужденій къ добру, невозможна и добродѣтель. Вѣра—начало и основаніе добраго

[1]) См. тамъ же, стр. 75.

[2]) См. тамъ же, стр. 81.

дѣла; доброе дѣло—воплощенная вѣра. И язычники имѣютъ вѣру въ своихъ боговъ, и вѣрою какъ бы одушевляютъ свои добрыя дѣла. Нравственность язычниковъ не можетъ равняться нравственности христіанской, но всежъ она можетъ быть чиста, совершенна въ своемъ родѣ. И вѣра язычниковъ много отстоитъ отъ вѣры христіанъ. Но если язычникъ вѣруетъ въ своихъ боговъ отъ сердца по невольному, естественному влеченію, то и его вѣра имѣетъ свою силу. *Въ лицѣ своихъ истукановъ онъ обожаетъ Непостижимаго. Стремясь къ нимъ вѣрою, онъ стремится къ Тому, къ Кому сама природа влечетъ насъ.* Итакъ, добрыя дѣла язычниковъ, проникнутыя ихъ вѣрою, могутъ усвоять имъ заслуги всеобщаго Ходатая, безъ сомнѣнія, не столько, сколько добрыя дѣла христіанъ, порожденныя истинною вѣрою. Потому-то Апостолъ говоритъ: Богъ не лицепріименъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему (Дѣян. 10, 35). Валаамъ язычникъ—пророкъ, такъ громко прозвучавшій слово о вѣчномъ Словѣ между язычниками, человѣкъ Божій, другъ Божій (2 Петр. 2, 15. 16). Чѣмъ, если не добродѣтелью, онъ заслужилъ честь быть орудіемъ Св. Духа (Числ. 22, 6. 8. 18)? И если бы, наконецъ, онъ не измѣнилъ Іеговѣ: нельзя ли было бы сомнѣваться въ его вѣчномъ спасеніи? Какъ судить о волхвахъ, пришедшихъ издалека поклониться младенцу Іисусу? Богъ удостоилъ ихъ особеннаго Своего водительства, удостоилъ прежде самихъ іудеевъ увидѣть Того, Кого столько вѣковъ такъ нетерпѣливо ожидало все человѣчество. Одною ихъ добродѣтелію можно объяснить такое благоволеніе къ нимъ всегда—Правосуднаго. Добродѣтельный Корнилій—еще не христіанинъ—видитъ предъ собою Ангела, возвѣщающаго ему благоволеніе Божіе и повелѣніе креститься (Дѣян. 10, 1—5). Кто знаетъ, можетъ быть, и теперь между язычниками есть пророки, заслужившіе своею доброю жизнію дары Св. Духа. Христіанство не въ словѣ, а въ дѣлѣ. Не тотъ

христіанинъ, кто только носитъ это имя; но тотъ, кто живетъ по христіански. Можно и благочестиваго язычника назвать христіаниномъ, а худого христіанина—язычникомъ. *Слава и честь, и миръ всякому, дѣлающему доброе, во-первыхъ іудею, потомъ и язычнику*, говоритъ Апостолъ. *Ибо нѣтъ лицепріятія у Бога. Ть, которые, не имѣя закона, согрѣшили, внѣ закона и погибнутъ. И когда язычники, не имѣющіе закона* (положительнаго—откровеннаго), *по природѣ законное дѣлаютъ, то они, не имѣя закона, сами себѣ законъ: они показываютъ, что предписанное закономъ написано у нихъ въ сердцахъ* (Рим. 2, 10. 15). Слѣдовательно, язычниковъ будутъ судить только по закону естественному, и значитъ добрыя дѣла ихъ имѣютъ важность въ дѣлѣ усвоенія заслугъ Христовыхъ, въ дѣлѣ спасенія“ [1]). Далѣе авторъ проводитъ ту нѣсколько странную мысль, что „каждое божество для язычника—только символъ Спасителя, и его вѣра, ложная вѣра въ ложныхъ боговъ, если только она проистекаетъ изъ глубины души, въ нѣкоторомъ смыслѣ есть истинная вѣра въ истиннаго Мессію. Онъ не знаетъ по имени Іисуса Христа, не знаетъ, какъ опредѣлить лице (in concreto); но знаетъ по дѣлу—въ отвлеченности (in abstracto), чувствуетъ въ немъ нужду, и это сильное чувство выражаетъ покорностію своимъ богамъ“, а также своими жертвоприношеніями [2]). Но еще болѣе возможнымъ признаетъ авторъ усвоеніе язычниками заслугъ Іисуса Христа въ будущей жизни. „И за гробомъ“, разсуждаетъ онъ, „человѣкъ живетъ,—живетъ и дѣйствуетъ, дѣйствуетъ еще болѣе, чѣмъ на земли. Здѣсь умъ его скованъ и отягченъ плотію: она не даетъ ему легко и свободно стремиться къ истинѣ. Тамъ онъ совершенно свободенъ: ничто не стѣсняетъ его безконечныхъ порывовъ. Здѣсь свобода его, въ безпрестанной борьбѣ со страстями, не успѣваетъ отражать

[1]) См. тамъ же стр. 81—82.

[2]) См. тамъ же стр. 83.

ихъ нападеній, а о добрѣ не имѣетъ времени и заботиться. Тамъ страсти уже не возмущаютъ ея покоя и дѣланіе добра такъ безпрепятственно, удобно. Почему не допустить, чтобы язычникъ въ вѣчности при такомъ удобномъ развитіи своего ума и воли узналъ, наконецъ, Іисуса Христа и увѣровалъ въ Него?... въ вѣчности вѣчная Истина и вѣчное Добро будетъ у него какъ бы предъ глазами и онъ не станетъ уже сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности. Ужели же его умъ, такъ близко видя Истину, не устремится къ ней тѣмъ съ бо́льшимъ напряженіемъ; и свобода, какъ бы осязая Добро, не захочетъ погрузиться въ Него?... Отъ кого на земли среди язычниковъ язычнику узнать, какъ спастися, отъ кого получить спасительные совѣты для жизни? Въ вѣчности ему помогутъ въ этомъ Ангелы. Мы не можемъ сомнѣваться, чтобы эти духи, которые здѣсь такъ много благодѣтельствуютъ человѣку, тамъ оставили его. Тамъ они открыто бесѣдуютъ съ нимъ, разсказываютъ ему, сколько сами постигаютъ, премудрые планы, какъ Богъ устрояетъ человѣческое спасеніе, даютъ ему наставленія и помогаютъ утверждаться въ добрѣ. Язычникъ живетъ на земли и не знаетъ, что онъ будетъ жить еще на небѣ. Вѣра въ безсмертіе чужда ему. Вѣчныя награды и наказанія неизвѣстны ему. Что же можетъ побудить его творить добро? За могильнымъ рубежомъ онъ узнаетъ, что ему жить вѣчно, что для него одно изъ двухъ: или вѣчно блаженствовать, или вѣчно страдать. Ужели же онъ станетъ медлить, пока еще не насталъ судный день, повергнуться предъ Спасителемъ, Котораго онъ прежде не зналъ, исповѣдать предъ Нимъ свои беззаконія и рѣшиться всегда свято хранить Его святую волю“ [1])?

Словомъ, „обращеніе язычниковъ (разумѣется, ко Христу) въ вѣчности со стороны самихъ язычниковъ“ авторъ находитъ возможнымъ. „Но возможно ли оно“, спрашиваетъ

[1]) См. тамъ же стр. 84—85.

онъ, „и со стороны Бога? Отвѣтъ на это—сошествіе І. Христа во адъ. Побѣдитель смерти и ада, Онъ сходилъ туда проповѣдать несчастнымъ узникамъ свободу и спасеніе. И въ какое время? Въ самыя дорогія, торжественныя свои минуты, едва только успѣвши окончить Свой великій подвигъ на земли. Изнуренное страданіями тѣло Его еще лежитъ во гробѣ; на земли еще никто не знаетъ Его торжества. Самые Апостолы сомнѣваются въ Немъ. Но Онъ какъ бы забываетъ на время о нихъ и спѣшитъ въ селенія умершихъ. Тамъ, вѣрно, еще болѣе нуждались въ Его проповѣди. На земли только двѣнадцать Апостоловъ ожидали Его воскресенія. А тамъ, быть можетъ, цѣлыя тысячи желали только увидѣть Его, чтобы къ Нему обратиться. Почему не предположить подобной проповѣди и всегда? Почему не сказать, что Христосъ, проповѣдывавши Свою религію на земли, перешелъ въ вѣчность, чтобы тамъ вѣчно проповѣдывать её? И самые Апостолы, такъ много подвизавшіеся въ приведеніи къ Нему народовъ, не затѣмъ ли перешли и туда, чтобы и тамъ продолжать свое апостольство, на которое они избраны однажды на всегда?... *Для того и мертвымъ было благовѣствуемо*“, говоритъ Апостолъ, *„чтобы они, подвергшись суду по человѣку плотію, жили по Богу духомъ*“ (Петр. 4, 6). Значитъ, и за гробомъ возможно для язычниковъ покаяться, креститься во І. Христа, исправить свою жизнь и усвоить себѣ Его заслуги. И кто повѣритъ, чтобы Сократъ, Платонъ и имъ подобные, до сихъ поръ не были христіанами? чтобы Платонъ, такъ удачно изобразившій Избавителя человѣковъ, не узналъ своего великаго праведника, и узнавши не повергся передъ нимъ? И какой-нибудь Сократъ, такъ усильно искавшій истины здѣсь, не отыскалъ её и тамъ? Жить столько вѣковъ и дѣйствовать, дѣйствовать и не усовершиться, это что-то вовсе непонятное“ [1])...

Разсмотрѣнное нами сочиненіе Михаила Булгакова

[1]) См. тамъ же стр. 85—86.

удостоилось отъ читавшаго его профессора такой рецензіи: „умно, стройно и выразительно. Нѣкоторыя только мѣста слѣдовало поограничить, дабы они были для всѣхъ удобопріятнѣе. Вполнѣ благодарю за трудъ“. Безспорно, что въ разсужденіи есть мысли ошибочныя и преувеличенныя. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что если бы въ разсужденіи не было этихъ преувеличеній и крайностей, то трудно было бы и повѣрить, что такое сочиненіе могло выйти изъ—подъ пера двадцатилѣтняго юноши.

Въ другихъ богословскихъ сочиненіяхъ Михаила Булгакова также есть замѣчательныя мысли. Напр., вопросъ о томъ, „какъ Богъ приготовлялъ родъ человѣческій къ принятію Моссіи“? онъ рѣшаетъ такъ, что іудеевъ Богъ приготовлялъ къ принятію Мессіи средствами высшими и чрезвычайными, а язычниковъ—средствами естественными. Этихъ послѣднихъ было 4: а) *самый умъ человѣческій*, „который мыслилъ, познавалъ и велъ людей прямо ко Христу: мыслилъ о самомъ себѣ, мыслилъ о свободѣ, мыслилъ о чувствѣ, смотрѣлъ на природу, смотрѣлъ на жизнь обществъ и видѣлъ, что все это повреждено, что все это требуетъ исправленія отъ того художника, которымъ первоначально все устроено“ [1]); б) *многобожіе язычниковъ*: когда Господь І. Христосъ явился на землѣ во всемъ блескѣ Своихъ чудесъ, то язычники, раньше предрасположенные къ вѣрѣ въ боговъ иныхъ народовъ и какъ бы сроднившіеся уже съ мыслію о нисхожденіи боговъ на землю, легко могли принять Его, могли признать въ Немъ Сына Божія, хотя на первый разъ и въ томъ неправильномъ разумѣ, какъ они понимали дѣтей божескихъ [2]); в) *жертвы, приносившіяся язычниками своимъ богамъ*: проповѣднику евангелія нужно было объяснить язычникамъ необходимость крестной смерти Христовой. Какъ же онъ внушилъ и объяснилъ бы эту необходимость, если бы

[1]) См. „Опыты“ стр. 49.

[2]) Тамъ же стр. 51.

язычники были вовсе незнакомы съ жертвенною кровію? Когда явился Христосъ, какъ жертва умилостивительная, закланная на крестѣ,—язычникъ не могъ уже такъ много соблазняться, сколько бы соблазнился, если бы къ этому не былъ приготовленъ своими жертвами[1]), и г) *разсѣяніе евреевъ среди язычниковъ*, благодаря которому послѣдніе познакомились и со всѣми тѣми сверхъестественными средствами, какими Богъ велъ іудеевъ къ принятію Мессіи[2]).

Замѣчательно также разсужденіе „*О необходимости пришествія въ міръ антихриста*“. „Мрачно было начало христіанства, разсуждаетъ здѣсь юный богословъ, мраченъ будетъ и послѣдній періодъ его бытія на землѣ... Но неудивительно, если земля такъ враждебно встрѣтила христіанство—невѣдомаго ей гостя, коего родина—небо; такъ принимаютъ на землѣ все неземное, все небесное, высокое, святое. Но отчего же она повторитъ свою враждебность и при прощаніи съ этимъ гостемъ, когда онъ такъ долго гоститъ у ней, что уже какъ бы свыкся, сродпился съ нею? Непонятно, кто дерзнетъ возстать противъ христіанства, когда всѣ народы будутъ подъ его знаменемъ?“ Однако же вражда противъ христіанства въ концѣ міра и явленіе антихриста несомнѣнны и необходимы. Явленіе антихриста должно совершиться въ силу общаго міроваго закона. Борьба противоположностей есть основной законъ міра и все въ мірѣ есть сочетаніе противоположностей: міръ произошелъ изъ бездны ничтожества по всемогущему слову Бога, которое есть высочайшая реальность; міръ состоитъ изъ двухъ противоположностей: духа—представителя высочайшей реальности и матеріи—представительницы ничтожества; матеріальный міръ составляютъ силы притягательныя и отторгательныя, вѣчно борющіяся и никогда не разнимающіяся; подобныя же силы служатъ основою жизни и міра духовнаго: умъ – сила притягательная, а воля—сила отторгательная; са-

[1]) Тамъ же стр. 52.
[2]) Тамъ же стр. 53.

мое существо человѣка состоитъ изъ двухъ противоположностей—души и тѣла и въ постоянной борьбѣ духа съ плотію заключается вся его дѣятельность. Словомъ, сочетаніе и борьба противоположностей есть всеобщій законъ, по которому развивается жизнь во всѣхъ ея степеняхъ отъ послѣдняго минерала до благороднѣйшихъ духовъ, отъ песчинки до огромнѣйшихъ тѣлъ, до цѣлаго состава міра [1]). Въ приложеніи къ нравственному міру борьба противоположностей есть борьба добра со зломъ; эта послѣдняя борьба должна закончиться рѣшительною побѣдою добра надъ зломъ, которой необходимо должна предшествовать и рѣшительная борьба; ратоборцемъ со стороны добра явится I. Христосъ—самовѣчное Добро, но и зло должно выставить лучшаго своего подвижника, которымъ и будетъ антихристъ —само воплощенное зло [2]). Необходимость рѣшительной и ожесточенной борьбы между добромъ и зломъ именно при концѣ міра авторъ обосновываетъ на слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: а) родъ человѣческій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь міръ не остаются на одной и той же степени бытія, но безпрестанно развиваются въ своихъ силахъ и жизни; непрерывно же развиваются добро и зло въ мірѣ; полное развитіе добра и зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительная борьба между ними должны произойти въ концѣ міра; б) духъ злобы—источникъ всякаго зла въ людяхъ—тогда особенно дѣйствуетъ противъ нихъ, когда видитъ въ нихъ что-нибудь достойное его зависти; а между тѣмъ за концемъ міра должно послѣдовать вѣчное блаженство праведныхъ; ужели же злобный завистникъ потерпитъ, чтобы не собрать послѣднихъ своихъ силъ, не устремиться со всѣмъ адомъ на христіанъ, дабы если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ лишить близкаго счастія? и в) Господь попуститъ пришествіе антихриста и страданія праведниковъ, съ одной стороны, для достойнаго

[1]) См. „Опыты“ стр. 59—61.
[2]) Тамъ же стр. 62.

приготовленія праведниковъ къ блаженству, имѣющему открыться по окончаніи міра, а съ другой, для оправданія своихъ праведныхъ судовъ не только предъ людьми и ангелами, но и предъ завистниками и врагами блаженства человѣческаго. „Когда избранные Господа устоятъ противъ всѣхъ искушеній и восторжествуютъ надъ зломъ въ лицѣ антихриста, тогда не въ правѣ ли Господь будетъ сказать предъ цѣлымъ свѣтомъ: смотрите, правъ ли Я, или нѣтъ, если возлюбленныхъ Моихъ, надъ которыми столько вѣковъ Я бдѣлъ, какъ мать надъ дѣтьми, правъ ли Я, если награждаю ихъ всѣми моими сокровищами, ввожу ихъ въ наслѣдіе живота вѣчнаго, отъ сложенія міра имъ уготованнаго“? [1]).

Наконецъ, богословское семинарское сочиненіе Михаила Булгакова на тему: „unde persuademur de integritate et plenitudine S. Scripturae“? замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ единственнымъ источникомъ православно-христіанскаго вѣроученія признаетъ только Св. Писаніе: qui vero ad ecclesiam orientalem pertinent, hi quoniam traditiones et decreta ecclesiae repraesentativae pro fontibus fidei ac pietatis suae, S. Scripturae similibus, non agnoscunt, S. Scripturam, quam *fontem unicum religionis suae* necessario integram ac plenam putare debent“ [2]). Мысль эта не была исправлена рецензентомъ, изъ чего можно заключать, что она въ нашей догматикѣ того времени считалась правою.

Кромѣ обязательныхъ упражненій, Михаилъ Булгаковъ въ богословскомъ классѣ семинаріи часто писалъ разсужденія и рѣчи, которыя потомъ произносилъ въ публичныхъ собраніяхъ. Должно замѣтить, что ректоръ, архим. Елпидифоръ, завелъ въ курской семинаріи торжественныя собранія, которыя обыкновенно происходили въ семинарскомъ залѣ послѣ каждой литургіи въ воскресные и праздничные дни. На этихъ собраніяхъ, въ присутствіи ректора, наставниковъ, учениковъ

[1]) Тамъ же стр. 63—65.

[2]) См. тамъ же стр. 89.

семинаріи и сторонней публики, лучшіе воспитанники произносили свои сочиненія на самыя разнообразныя темы. По свидѣтельству одного изъ семинарскихъ товарищей м. Макарія, этотъ послѣдній часто выступалъ на подобныхъ собраніяхъ въ роли лектора, при чемъ его чтенія всегда слушались публикою съ большимъ удовольствіемъ. Между прочимъ, вышеупомянутое разсужденіе „о важности для человѣка познанія о Богѣ“ было произнесено имъ въ публичномъ собраніи 11 апр. 1836 года, разсужденіе о томъ, „какъ Богъ приготовлялъ родъ человѣческій къ принятію Мессіи“?—2 іюля 1836 года и разсужденіе „о необходимости таинствъ, какъ средствъ къ полученію благодати“—16 сентября 1836 года [1]).

Кромѣ того, для товарищей Михаила Булгакова и всѣхъ вообще воспитанниковъ, учившихся при немъ въ курской семинаріи, остались навсегда памятными дни 22 и 24 мая 1837 года. Въ эти дни курская семинарія прощалась съ своимъ любимымъ ректоромъ, архим. Елпидифоромъ, переведеннымъ въ Воронежъ: 22 мая прощались съ нимъ собственно ученики перваго класса высшаго отдѣленія, гдѣ отъѣзжавшій ректоръ преподавалъ богословіе, а 24 мая—вся вообще семинарія. Въ обоихъ случаяхъ прощальныя рѣчи ректору отъ лица учениковъ семинаріи говорилъ Михаилъ Булгаковъ и говорилъ съ такимъ воодушевленіемъ и искреннимъ чувствомъ, что, напр., 22 мая 1837 года, по свидѣтельству очевидца, всѣ плакали, не исключая самого ректора и оратора. Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что смѣнившій архим. Елпидифора въ должности ректора курской семинаріи архим. Варлаамъ относился съ такимъ же уваженіемъ къ Михаилу Булгакову, какъ и его предшественникъ. Оба они помогали потомъ своему любимцу во все время его академическаго образованія. Семинарскіе наставники, съ своей стороны, относились къ Михаилу Булгакову съ большимъ уваженіемъ, какъ къ учe-

[1]) См. тамъ же стр. 55.

нику даровитому, трудолюбивому и благовоспитанному. Краснорѣчивѣйшимъ выраженіемъ этого уваженія служило то, что нѣкоторые наставники спрашивали на урокахъ Михаила Булгакова, называя его по имени и отчеству. Наконецъ, едвали стоитъ говорить о томъ, что большинство товарищей глубоко уважало и любило представителя своего курса за добрыя и симпатичныя качества его всегда ровнаго и выдержаннаго характера. Впрочемъ, одинъ изъ семинарскихъ друзей м. Макарія свидѣтельствуетъ, что „для нѣкоторыхъ товарищей, не имѣвшихъ ни такихъ способностей, какими обладалъ Булгаковъ, ни подражанія ему въ благоразумной ревности къ научнымъ занятіямъ, онъ служилъ предметомъ зависти съ недобрыми ея послѣдствіями, для устраненія, или, по крайней мѣрѣ, для ослабленія коихъ требовались съ его стороны великое терпѣніе и смиреніе“ [1]).

Учась въ богословскомъ классѣ, Михаилъ Булгаковъ, по рекомендаціи уважавшаго его начальства, имѣлъ уроки у нѣкоторыхъ бѣлгородскихъ помѣщиковъ, напр., Гриневыхъ, Старовыхъ и др.. Замѣчательно въ данномъ случаѣ особенно то, что Михаилъ Булгаковъ уже въ это время отличался необыкновенною аккуратностію и бережливостію. Это видно изъ того, что получавшееся имъ вознагражденіе за уроки онъ тщательно записывалъ и берегъ, и если тратилъ что, такъ только на пособіе своей матери. Ко времени окончанія семинарскаго курса онъ изъ своихъ сбереженій собралъ до 400 руб. асс. [2]).

Будучи же въ богословскомъ классѣ семинаріи, Михаилъ Булгаковъ, по распоряженію Начальства, исполнялъ обязанности лектора въ низшемъ отдѣленіи семинаріи по гражданской исторіи и греческому языку. Сохранилось преданіе, что во время преподаванія этихъ предметовъ онъ обнаруживалъ такія обширныя свѣдѣнія и вообще такое умственное развитіе, что,

---

[1]) Изъ воспоминаній пр. В. Ѳ. Краснигскаго.
[2]) Изъ воспоминаній пр. П. А. Солнцева.

по общему убѣжденію учениковъ и учителей семинаріи, уже въ то время могъ хорошо преподавать любой предметъ семинарскаго курса.

Въ іюлѣ 1837 года Михаилъ Булгаковъ вмѣстѣ съ своими товарищами держалъ послѣдній, выпускной экзаменъ въ семинаріи. Во время внутреннихъ и публичныхъ испытаній онъ обнаружилъ успѣхи по богословію и церковной исторіи—отличные, а по греческому и еврейскому языкамъ—весьма хорошіе. Въ то же время въ инспекторской вѣдомости за послѣдніе два года пребыванія въ семинаріи онъ былъ отмѣченъ такъ: „*примѣрно велъ себя; добросовѣстенъ и благороденъ*“ [1]).

Прекрасные успѣхи, рѣдкое трудолюбіе и примѣрно благородное поведеніе Михаила Булгакова за время семинарскаго образованія были достойно увѣнчаны предоставленіемъ ему перваго мѣста въ спискѣ товарищей и назначеніемъ въ Кіевскую духовную Академію, въ которую онъ всей душей стремился, уже давно зная и заглазно любя ректора ея, и въ которую онъ, дѣйствительно, поступилъ въ августѣ 1837 года съ блестящимъ успѣхомъ.

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внѣшн. Правл. за 1837 г. дѣло 141.

IV. Макарій въ годы академическаго образованія.

Поступленіе Михаила Булгакова въ Кіевскую духовную Академію. Состояніе Академіи. Иннокентій—ректоръ ея. Преподаваніе философскихъ наукъ. Успѣхи Михаила Булгакова въ низшемъ отдѣленіи Академіи; сочиненія его; поэтическій даръ. Поведеніе его. Переходъ въ высшее отдѣленіе Академіи. Профессоръ богословскихъ наукъ архим. Димитрій и отношеніе его къ Макарію. Остальные преподаватели. Успѣхи и поведеніе М. Б. въ высшемъ отдѣленіи Академіи. Отношеніе его къ товарищамъ. Принятіе монашества. Окончаніе академическаго курса.

Въ августѣ 1837 года Михаилъ Булгаковъ прибылъ изъ Бѣлгорода въ Кіевъ. Во второй половинѣ того же мѣсяца происходили пріемныя испытанія студентовъ различныхъ семинарій для составленія десятаго академическаго курса. Михаилъ Булгаковъ выдержалъ сіи испытанія съ блестящимъ успѣхомъ. Изъ вѣдомости Академическаго Правленія видно, что на экзаменахъ по богословскимъ и философскимъ наукамъ, по словесности и латинскому языку онъ получилъ высшій балъ *единицу,* по греческому языку—*два*, русское сочиненіе его было отмѣчено балломъ $^1/_2$ и латинское—балломъ *1—ца*. Въ число студентовъ Академіи онъ былъ принятъ вторымъ [1]).

Съ перваго сентября 1837 года началось академическое образованіе Михаила Булгакова. Нельзя здѣсь не замѣтить,

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1837 г. дѣло № 75.

что это образованіе совершилось еще при болѣе счастливыхъ и благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ училищное и семинарское воспитаніе Михаила Булгакова.

Ко времени студенчества Михаила Булгакова Кіевская духовная Академія вступила въ самую блестящую эпоху своей исторіи. Тогда только что исполнился седьмой годъ ректорствованія въ Академіи незабвеннаго Иннокентія. Слишкомъ извѣстно всѣмъ имя и значеніе Иннокентія въ исторіи русской православной церкви и въ лѣтописяхъ Кіевской духовной Академіи, чтобы нужно было говорить здѣсь объ этомъ нарочито. Съ полною увѣренностію можно сказать, что все лучшее во внутренней академической жизни того времени было созданіемъ геніальнаго ума Иннокентія. Постепенно и безъ насильственной ломки древнихъ обычаевъ и порядковъ, вѣковыхъ преданій и пріемовъ онъ весьма многое преобразовалъ въ Академіи, возвысилъ её, укрѣпилъ и значительно подвинулъ впередъ [1]). Съ дальновидностію истиннаго генія онъ на цѣлое десятилѣтіе опередилъ общее теченіе жизни, замѣнивъ въ дѣлѣ преподаванія мертвый латинскій языкъ живымъ русскимъ простымъ и общепонятнымъ словомъ, которое при немъ впервые получило въ Кіевской духовной Академіи права гражданства на каѳедрахъ богословскихъ и философскихъ наукъ. Эта замѣна мертвой латыни живою русскою рѣчью была только началомъ цѣлаго новаго направленія, новаго движенія въ академической жизни и наукѣ, возбужденнаго Иннокентіемъ [2]). Во главѣ этого движенія всегда съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства стоялъ самъ виновникъ его. Какъ образцовый профессоръ, онъ своими вдохновенными импровизаціями возбуждалъ, увлекалъ и восторгалъ слушателей—студентовъ [3]).

---

[1]) См. Иннокентій Борисовъ. Свящ. Буткевича. СПБ. 1887 г. стр. 49.

[2]) См. Историч. записку Ив. И. Малышевскаго въ „Пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Кіевской д. Академіи". Кіевъ. 1869 г. стр. 95.

[3]) См. Вѣнокъ на могилу высокопр. Иннокентія, архіеп. Таврическаго. Изд. Погодина. 1864 г. стр. 37.

Впрочемъ, ко времени поступленія въ Академію Михаила Булгакова Иннокентій отказался уже отъ профессорской должности. Но и оставаясь только ректоромъ, Иннокентій продолжалъ самъ во все лично вникать и во всѣ стороны академической жизни вносить свой свѣтлый духъ. Продолжая и послѣ того съ неустанною ревностію трудиться на поприщѣ науки, онъ умѣлъ возбуждать горячую любовь къ труду и въ своихъ сослуживцахъ. Для поддержанія энергіи въ наставникахъ Академіи Иннокентій имѣлъ обыкновеніе часто посѣщать ихъ лекціи и во время этихъ посѣщеній, равно какъ и во время экзаменовъ обнаруживалъ изумительное богатство разнородныхъ познаній, освѣщая предметы часто совершенно иначе, чѣмъ какъ они могутъ представляться взору обыкновеннаго человѣка [1]). Глубокому и сильному вліянію Иннокентія на своихъ сослуживцевъ весьма много содѣйствовало также и то рѣдкое свойство человѣческой души, которымъ онъ владѣлъ полновластно и благодаря которому онъ всегда имѣлъ возможность скрѣплять между окружающими его людьми общительность и любовь, вездѣ вносить отраду и успокоеніе. Поэтому, во время ректорства Иннокентія академическая корпорація думала съ своимъ ректоромъ одну думу, жила съ нимъ одною жизнію. Это была не корпорація, а скорѣе родственная семья, у которой были однѣ цѣли, одни стремленія, однѣ заботы, одни и тѣ же желанія и радости [2]).

Умѣлъ располагать къ труду Иннокентій и студентовъ. Съ ними онъ обыкновенно обращался ласково, вѣжливо и благородно. Въ его отношеніяхъ къ нимъ было больше отеческой доброты и заботливости, чѣмъ начальственной строгости [3]). По свидѣтельству самого Макарія, преосвящен-

---

[1]) См. біографическую записку о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ херсонскомъ и таврическимъ. Ординар. Академика, преосв. Макарія, еписк. тамбовскаго и шацкаго въ Ученыхъ запискахъ II-го отдѣл. Императ. Акад. Наукъ 1859 г. кн. V. стр. XLIII.

[2]) См. у свящ. Буткевича. Иннокентій Борисовъ. СПБ. 1887 стр. 68—69.

[3]) См. біографическ. записку о преосв. Иннокентіи, архіеп. Херсон-

ный Иннокентій „болѣе всего старался развивать мыслительную силу въ студентахъ и требовалъ, чтобы они не заучивали лекцій, а непремѣнно передавали ихъ своими словами. Темы для сочиненій давалъ всегда съ строгою разборчивостію, болѣе или менѣе интересныя, животрепещущія, и внимательно слѣдилъ за самыми сочиненіями. Особенное же вниманіе обращалъ на усовершенствованіе студентовъ въ дѣлѣ проповѣдничества: проповѣди ихъ, послѣ рецензіи профессорской, непремѣнно перечитывалъ самъ, иногда призывалъ проповѣдника къ себѣ, и цѣлые часы проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ какъ о его проповѣди, такъ и вообще о дѣлѣ проповѣдническомъ. Желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, онъ совѣтывалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподававшихся въ Академіи, а заниматься чтеніемъ и другихъ наукъ, напр., астрономіи, естественной исторіи“ [1]). По тѣмъ же непосредственнымъ воспоминаніямъ преосвящ. Макарія, Иннокентій, будучи ректоромъ Кіевской духовной Академіи, возбуждалъ въ студентахъ трудолюбіе и усердіе больше всего примѣромъ собственной чрезвычайной дѣятельности: „я удивляюсь“, сказалъ онъ однажды студентамъ при своемъ обычномъ посѣщеніи ихъ комнатъ, „какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете: въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80 листовъ“ [2]). Благодаря этому и еще болѣе благодаря обаятельному вліянію всей симпатичной личности Иннокентія на окружающихъ, самый трудъ, которымъ тогда студенты были положительно подавлены, казался имъ не такъ тяжелымъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Студенты работали безъ устали и безъ ропота, хорошо зная, что самъ требовательный ректоръ трудится гораздо больше ихъ. Такъ съ искреннею

скомъ и таврическомъ Ординарн. академ., преосв. Макарія, еп. тамбовск. и шацк. въ Учен. Зап. II отд. Импер. Ак. Наукъ за 1859 г. кн. V стр. XLIV.

[1]) См. тамъ же стр. XLIV.

[2]) См. тамъ же стр. XLV.

любовію къ Иннокентію студенты проходили весь академическій курсъ, съ нею же они выходили изъ Академіи и съ нею же жили потомъ до самаго гроба. Существуетъ преданіе, что въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ учительская корпорація составлялась изъ кіевскихъ и московскихъ академистовъ, между ними часто происходили оживленные споры, во время которыхъ кіевляне старались всячески восхвалять своего любимаго ректора и доказывать его превосходство даже предъ великимъ московскимъ первоіерархомъ Филаретомъ. Конечно, это было преувеличеніе, но оно весьма характеристично, какъ краснорѣчивѣйшее доказательство глубокой любви и преданности учениковъ къ своему учителю и ректору.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что славнымъ плодамъ дѣятельности Иннокентія въ званіи ректора Кіевской духовной Академіи много содѣйствовали и его знаменитые сподвижники, о которыхъ одинъ поэтъ прекрасно выразился [1]), что

Много славныхъ окружило
Какъ рядъ сіяющихъ планетъ,
Тебя, центральное свѣтило,
Всему дававшій жизнь и свѣтъ.
И та эпоха—образцова!
И дорогія имена
Амфитеатрова, Скворцова
Родная вѣдаетъ страна!

Дѣйствительно, во время ректорства Иннокентія и въ годы академическаго образованія Михаила Булгакова въ Кіевской Академіи было довольно даровитыхъ и славныхъ

---

[1]) См. Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи. Кіевъ 1869 г. стр. 347.

наставниковъ, производившихъ на питомцевъ своихъ глубокое развивающее вліяніе своими прекрасными чтеніями.

Въ низшемъ отдѣленіи Академіи Михаилъ Булгаковъ вмѣстѣ съ своими товарищами изучалъ философію, Св. Писаніе, словесность, математику и языки: греческій, нѣмецкій и польскій.

Главнымъ среди этихъ предметовъ были философскія науки. Въ то время онѣ преподавались въ Кіевской Академіи образцово въ широкомъ смыслѣ этого слова. Старшій однимъ курсомъ Макарія воспитанникъ Кіевской Академіи В. И. Аскоченскій говоритъ, что въ то время „философія дошла до высшей степени своего совершенства. Отличные преподаватели держали её въ такомъ видѣ, что Иннокентій безъ хвастовства могъ сказать, что нигдѣ въ Россіи не читается лучше философія“ [1]). А другой воспитанникъ Кіевской Академіи, однимъ курсомъ бывшій моложе Макарія, недавно скончавшійся архим. Антонинъ Капустинъ, въ свою очередь, свидѣтельствуетъ, что то „было цвѣтущее время преподаванія философіи въ Кіевской Академіи. О. Протоіерей Скворцовъ преподавалъ логику и метафизику, І. Г. Михневичъ—исторію философскихъ системъ и П. С. Авсеневъ—психологію. Они были одушевлены одинаковою ревностію къ своему дѣлу и трудились во всю мѣру своихъ счастливыхъ способностей; для слушателей же представляли прекрасное и умилительное зрѣлище добрѣйшихъ, кроткихъ, смиренныхъ и безкорыстнѣйшихъ труженіковъ“ [2]).

Главнымъ руководителемъ студентовъ въ занятіяхъ философіею былъ собственно протоіерей І. М. Скворцовъ.

---

[1]) См. Дневникъ В. И. Аскоченскаго. Историч. Вѣстникъ т. VII стр. 337—338.

[2]) См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1853 г. ч. LXXVII стр. 103.

Остальные преподаватели философскихъ наукъ (кромѣ упоминаемыхъ архим. Антониномъ, къ нимъ должно причислить еще баккалавра В. Курковскаго, который читалъ философію десятому академическому курсу въ 1839 году [1]) и который, по словамъ В. И. Аскоченскаго [2]), не былъ даровитымъ наставникомъ), какъ ученики прот. І. М. Скворцова, большею частію слѣдовали указаніямъ своего учителя, хотя каждый изъ нихъ въ мѣру своихъ силъ восполнялъ прекрасныя чтенія его.

Чтенія прот. І. М. Скворцова по метафизикѣ и логикѣ отличались удивительнымъ глубокомысліемъ, сжатостію, строгою послѣдовательностію и опредѣленностію изложенія, чуждаго всякихъ уклоненій и прикрасъ. Самый тонъ его преподаванія отличался особенною докторальностію и догматическою твердостію, требовавшею и отъ слушателей яснаго и отчетливаго уразумѣнія его уроковъ, не допускавшею ни механическаго заучиванія безъ яснаго сознанія, ни замѣны мысли и знанія красивыми и бойкими фразами [3]).

Изъ другихъ наставниковъ Михаила Булгакова по философскимъ предметамъ наибольшее вліяніе на студентовъ оказывалъ своими удивительно хорошими чтеніями молодой въ то время баккалавръ П. С. Авсеневъ. „Его добрая и чистая душа“, по свидѣтельству покойнаго архим. Антонина, „его всегда дружескій, ласковый тонъ, его сердечный голосъ держали его всегда въ нѣкоторой особенной связи съ слушателями, влекли къ нему и вниманіе и сердце, особенно на лекціяхъ его по исторіи души. Всѣмъ памятныя его лекціи о болѣзняхъ, о снѣ, о лунатизмѣ, о смерти повергали весь классъ въ самое глубокое раздумье. Всегда мысленный взоръ

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1839 г. дѣло № 43.

[2]) См. Историч. Вѣстн. т. VII стр. 336—339.

[3]) См. Историч. записку И. И. Малышевскаго въ „Пятидесят. юбилеѣ Кіевск. д. Акад.“ стр. 85—86.

его отъ земли устремляемъ былъ на небо и слово Божіе, по ученію православной церкви, руководило его въ самомъ напряженномъ мышленіи. Эта гармонія мысли и вѣры, встрѣчаемая у него тамъ, гдѣ иной не могъ бы и думать о ней, была истинно поразительна, и слово мудраго наставника дѣлала совершенною драгоцѣнностію“ [1]).

Въ занятіяхъ по философскимъ наукамъ, преподававшимся такими славными наставниками, Михаилъ Булгаковъ, по своему обыкновенію, былъ весьма усерденъ и успѣвалъ въ нихъ превосходно. Во всѣхъ спискахъ, представлявшихся преподавателями философіи къ полугодичнымъ и годичнымъ экзаменамъ, онъ систематически занималъ второе мѣсто среди товарищей, постоянно уступая первенство Матеію Муретову и получая самую лестную рекомендацію учителей въ родѣ слѣдующей: „способностей и успѣховъ отличныхъ“ [2]).

Св. Писаніе Михаилъ Булгаковъ сначала, въ теченіи первой трети курса (въ 1837 году), слушалъ у профессора, архим. Григорія (Миткевича), а потомъ у баккалавра Фотія (Щиревскаго). Замѣчательно, что въ спискѣ, представленномъ архим. Григоріемъ къ декабрьскимъ испытаніямъ 1837 года, Михаилъ Бугаковъ занималъ 32-е мѣсто во второмъ разрядѣ [3]). Но это была очевидная случайность, обусловленная, по всей вѣроятности, тѣмъ, что профессоръ въ теченіи короткаго срока времени не успѣлъ достаточно хорошо познакомиться съ своими учениками, которыхъ было 61 чел. Въ пользу такого предположенія говорятъ слѣдующія два обстоятельства: 1) въ томъ же спискѣ архим. Григорія и другіе лучшіе питомцы десятаго курса занимаютъ сравнительно низкія мѣста (М. Муретовъ—7-е, А. Монастыревъ—35-е и т. п.), и во 2)

---

[1]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1853 г. ч. LXXVII стр. 104; ср. Истор. Вѣстн. т. VII стр. 337—338.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Прав. за 1837 г. дѣло № 74; за 1838 г. дѣла подъ №№ 51 и 52 и за 1839 г. дѣло № 43.

[3]) См. тамъ же за 1837 г. дѣло № 74.

во все послѣдующее время въ спискахъ іером. Фотія Михаилъ Булгаковъ занималъ постоянно второе, или третье мѣсто.

Съ неменьшимъ успѣхомъ занимался Михаилъ Булгаковъ и прочими науками. Такъ, въ спискахъ профессора словесности С. Соловьева онъ занималъ 7, 4 и 3-е мѣсто, въ спискахъ по математикѣ у проф. В. Чеховича и баккалавра Д. Подгурскаго 6 и 4-е мѣсто, въ спискахъ учителя греческаго языка Н. Проценко—Михайлова—4, 3 и 2 мѣсто, уступая только своему товарищу Серафимову—природному греку, въ спискахъ по нѣмецкому языку у баккалавра В. Курковскаго—15, 10 и 7 мѣсто и, наконецъ, въ спискахъ учителя польскаго языка С. Гогоцкаго—9, 8 и 4-е мѣсто.

Въ низшемъ отдѣленіи Академіи студенты писали сочиненія преимущественно на темы по философіи и словесности. Изъ сохранившихся упражненій Михаила Булгакова, писанныхъ имъ въ этомъ отдѣленіи, безспорно самымъ лучшимъ и замѣчательнымъ должно быть признано его стихотвореніе подъ заглавіемъ: „смерть старца—отшельника“ [1]).

Стихотвореніе это для біографа Макарія должно представлять глубокій интересъ во многихъ отношеніяхъ. Оно важно, прежде всего, какъ выраженіе душевнаго настроенія, затаенныхъ думъ и намѣреній автора. Такъ смотрѣлъ на него и самъ Макарій, дорожившій имъ всю жизнь, какъ произведеніемъ „былой весны“, лучшей поры жизни своей. Уже будучи ректоромъ С.-Петербургской Академіи, въ 1850 году онъ собственноручно исправляетъ, переписываетъ и посылаетъ его своей сестрѣ, въ день ея ангела, какъ самый драгоцѣнный подарокъ, доказательство „глубокой, чистой, братской горячей и безграничной любви“ [2]). Кромѣ свидѣтельства

[1]) См. Опыты сочиненій семинарскіе и академическіе Макарія. Москва, 1891 г. стр. 123—129.

[2]) См. тамъ же стр. 129 прим. 47.

самого Макарія, и другія соображенія заставляютъ насъ смотрѣть на стихотвореніе: „смерть старца—отшельника,“ какъ на выраженіе задушевныхъ мыслей и намѣреній автора. Весьма вѣроятно, что профессоръ, поручавшій студентамъ написать стихотвореніе, предоставлялъ имъ полную свободу въ выборѣ темы. И Михаилъ Булгаковъ, 21-лѣтній юноша избираетъ предметомъ стихотворенія „смерть старца—отшельника“. Неужели такой выборъ темы могъ быть случайнымъ? Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что выборъ темы, развитіе и поэтическое изложеніе которой, очевидно, требовали немалаго труда и значительнаго напряженія мысли, находился въ причинной связи съ постояннымъ душевнымъ настроеніемъ автора. А та искренность, задушевность и сердечная теплота, которыми проникнуто прекрасное стихотвореніе, дѣлаютъ это предположеніе для насъ несомнѣннымъ.

Итакъ, каково же было душевное настроеніе автора стихотворенія „смерть старца—отшельника“? Отвѣтомъ на это можетъ служить самое содержаніе стихотворенія. Вотъ предъ нами чудный умирающій старецъ—отшельникъ, котораго поэтъ такъ изображаетъ:

Давно, давно оставилъ онъ отчизну,
Домашній кровъ, родныхъ, друзей
И промѣнялъ забавы юныхъ дней
На подвиги отшельнической жизни.
Давно на горной вышинѣ
Одинъ межъ небомъ и землею
Живетъ въ пещерѣ онъ. И въ сладкой тишинѣ
Паритъ и сердцемъ и душею,
Среди молитвъ, среди трудовъ
Въ завѣтный край... къ Создателю міровъ.

Старецъ слышитъ внутренній голосъ, призывающій его въ обители небесныя. Онъ давно и постоянно готовился къ этому путешествію. Теперь онъ, при весеннемъ чудномъ за-

катѣ солнца, въ послѣдній разъ прощается со всѣмъ окружающимъ: съ солнцемъ, со всею природою, съ тою пустынею, въ которой онъ провелъ всю свою жизнь, и въ заключеніе, обращаясь къ людямъ, говоритъ:

А съ вами, люди, я давно—
Тому ужъ сорокъ лѣтъ назадъ—простился,
Когда покинулъ край родной,
Въ пустынѣ дальней я сокрылся.
Все тѣже ль, братья, вы?.. И горе
Все такъ же ль мучитъ бѣдныхъ васъ?
По прежнему ль лѣется море
Невинной крови въ грозный часъ?
По прежнему ль порокъ ликуетъ,
А добродѣтельный въ слезахъ?
Коварство, хитрость торжествуетъ,
А истина—презрѣнный прахъ?
О, братья, братья! Въ отдаленьи
Я васъ по старому любилъ,
И здѣсь въ святомъ уединеньи
Для васъ дышалъ, для васъ я жилъ....

Старецъ умолкъ и склонился на колѣна съ теплою мольбою. И во время молитвы за весь человѣческій родъ и за весь міръ онъ тихо и незамѣтно почилъ.

Изъ содержанія стихотворенія видно, что автора его глубоко занимала мысль о своемъ будущемъ. Взоръ его устремлялся даже на конецъ временной земной жизни. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, онъ видимо серьезно думалъ о посвященіи всего себя отшельнической, иноческой жизни. Интересно теперь знать, въ какомъ же видѣ юноша—поэтъ представлялъ себѣ эту жизнь и, слѣдовательно, какія стремленія и побужденія руководили имъ въ выборѣ будущаго званія? Быть постоянно „среди молитвъ, среди трудовъ“, „молить Отца міровъ, Отца Благаго о всемъ мірѣ день и ночь“, „всю

жизнь въ молитву превратить и въ молитвѣ быть косою смертною сраженнымъ"—вотъ въ чемъ юноша—поэтъ полагалъ сущность отшельнической жизни, думы о которой наполняли тогда его чистую душу. И вся послѣдующая жизнь Макарія была лучшимъ и прекраснѣйшимъ осуществленіемъ этихъ юношескихъ мечтаній его. „По скромности и умѣренности въ образѣ жизни", говорилъ одинъ изъ близко знавшихъ почившаго архипастыря проповѣдниковъ надъ его гробомъ, „по воздержанію въ пищѣ и питіи святитель былъ образцомъ *строгаго инока* и удивлялъ окружавшихъ его скудостію, невзыскательностію своей трапезы. Любовь его къ постоянному труду, къ непрерывной кипучей дѣятельности была изумительна: подобно Филарету, не могъ онъ пробыть минуты безъ дѣла, скучалъ, если былъ поставляемъ въ необходимость отрѣшиться отъ занятій, тяготился, если посѣщавшіе его не ради дѣла отнимали у него золотое для труда время. А время у этого неутомимаго труженика было распредѣлено для его разнообразныхъ занятій съ необычайною строгостію и пунктуальностію" [1]). Правда, посвятить себя отшельничеству въ томъ видѣ, какъ оно рисовалось воображенію юноши—поэта, Макарію не удалось, хотя попытки къ этому, быть можетъ, и были. По крайней мѣрѣ, постоянное стремленіе Макарія, во всю его жизнь наполнявшее его душу,—стремленіе быть одинокимъ и проводить все время въ молитвахъ и трудахъ, преимущественно литературныхъ, заставляло его тяготиться административною дѣятельностію по званію епархіальнаго начальника. Въ 1869 году Макарій, тогда уже архіепископъ литовскій, въ бесѣдѣ съ однимъ посѣтителемъ откровенно сознавался ему въ своемъ нерасположеніи къ административной дѣятельности, замѣтивъ при этомъ: „давно бы отпросился я на покой, еслибъ имѣлъ на то какое-нибудь право, но какъ монахъ, я связанъ обѣтомъ безусловнаго послушанія" [2]).

[1]) См. Высокопреосвященнѣйшій Макарій, митрополитъ Московскій и Коломенскій". Москва. 1882 г. стр. 56—57.

[2]) См. тамъ же стр. 18.

О томъ же самомъ говоритъ Макарій и въ своихъ письмахъ къ прот. А. П. Солнцеву, одному изъ самыхъ близкихъ и любимыхъ своихъ родственниковъ [1]). Очевидно, что мысль о полномъ отшельничествѣ никогда не оставляла Макарія.

Но возвратимся къ стихотворенію Михаила Булгакова: „смерть старца-отшельника". Помимо всего прочаго, это стихотвореніе замѣчательно еще тѣмъ, что обнаруживаетъ въ нашемъ знаменитомъ богословѣ и церковномъ историкѣ истинное поэтическое дарованіе. Наставникъ, читавшій стихотвореніе, положилъ на немъ такую рецензію: „въ этихъ стихахъ есть истинная поэзія. Трудъ сочинителя весьма похваленъ. Рекомендуется и впредь не оставлять въ бездѣйствіи даръ поэзіи".

Неизвѣстно, чтобъ Макарій занимался впослѣдствіи поэтическимъ творчествомъ. Но всякій, кто хорошо знакомъ съ его произведеніями, особенно по церковной русской исторіи, долженъ согласиться, что имъ не чуждо возвышенное, во многихъ случаяхъ идеальное, поэтическое изображеніе лицъ и событій нашей церковной исторіи. Въ одномъ изъ писемъ къ своему бывшему ректору Иннокентію Макарій самъ сознавался въ томъ, что онъ „по юности и пылкости своего воображенія любилъ заноситься впередъ съ полными надеждами" [2]), въ чемъ ясно выражалось его поэтическое дарованіе.

По философскимъ предметамъ Михаилъ Булгаковъ въ низшемъ отдѣленіи Академіи писалъ сочиненія на слѣдующія темы: 1) какое понятіе о Богѣ имѣли греческіе философы отъ Ѳалеса до Сократа? 2) О главныхъ недостаткахъ философіи Платона. 3) Отъ чего произошолъ и что выразилъ собою эклектизмъ, бывшій въ первые вѣка христіанства? 4) Есть ли нужда раздѣлять духъ и душу, какъ особыя части

---

[1]) Письма эти, въ количествѣ 15, обязательно предоставлены въ наше распоряженіе о. протоіереемъ П. А. Солнцевымъ.

[2]) См. Христ. Чтеніе. 1884 г. т. 1 стр. 803.

человѣческаго существа? и 5) Есть ли въ мірѣ и частный Промыслъ, или только одинъ всеобщій [1])? Кромѣ того, во время экзаменовъ онъ вмѣстѣ съ товарищами писалъ разсужденія: а) 17 декабря 1837 года „De differentia inter animam et spiritum in homine“; б) 18 декабря того же года: „Нѣтъ ли въ формахъ нашего мышленія признаковъ того, что умъ нашъ глубоко поврежденъ въ его натурѣ [2])? и в) 17 іюня 1838 года: „Какая часть философіи важнѣе для воспитанника духовнаго“ [3])?

О всѣхъ вообще сохранившихся сочиненіяхъ Михаила Булгакова изъ времени пребыванія его въ низшемъ отдѣленіи Академіи должно замѣтить, что сравнительно съ семинарскими его упражненіями они выгодно отличаются большею серьезностію и болѣе спокойнымъ тономъ. Здѣсь не встрѣчается уже почти ни одной сколько - нибудь странной мысли, какихъ довольно заключается въ его семинарскихъ опытахъ Но въ то же самое время въ академическихъ сочиненіяхъ Михаила Булгакова невидно той тщательности во внѣшней обработкѣ и той чистоты въ стилѣ, какія безспорно составляютъ лучшія качества семинарскихъ разсужденій его. Сами наставники иногда считали необходимымъ указывать на это Михаилу Булгакову. Такъ, въ одномъ мѣстѣ рецензентъ сочиненія на тему: „есть ли нужда раздѣлять духъ и душу, какъ особыя части человѣческаго существа“? замѣчаетъ автору: „не хорошъ оборотъ“ и въ концѣ сочиненія пишетъ ему: „остроумно, хотя не вездѣ основательно, и по мѣстамъ нечисто“ [4]). Впрочемъ, большинство сочиненій Михаила Булгакова, писанныхъ имъ въ низшемъ отдѣленіи Академіи, заслужило одобрительные отзывы наставниковъ.

---

[1]) „Опыты сочиненій семинарскіе и академическіе“ Макарія. Москва 1891 г. стр. 95—123.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1837 г. дѣло № 74.

[3]) См. тамъ же за 1838 г. дѣло № 51.

[4]) См. „Опыты сочиненій семинарскіе и академическіе“ Макарія, стр. 115. 119.

Кромѣ сейчасъ названныхъ сочиненій Михаила Булгакова, изъ коихъ первыя пять вошли въ печатное собраніе ученическихъ упражненій преосв. Макарія, въ самое недавнее время намъ доставлены однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ покойнаго владыки, С. А. Булгаковымъ, рукописные оригиналы еще слѣдующихъ сочиненій, писанныхъ Михаиломъ Булгаковымъ въ низшемъ отдѣленіи Академіи: 1) „*Что важнѣе въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ—геній или вкусъ*“? Это сочиненіе писано было на тему, данную, очевидно, профессоромъ словесности С. Соловьевымъ и въ оригиналѣ, кромѣ нѣсколькихъ подчеркиваній, не имѣетъ никакихъ поправокъ и никакой рецензіи профессора. Однако сочиненіе несомнѣнно принадлежитъ Михаилу Булгакову, о чемъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ почеркъ руки и самый способъ изложенія. Въ этомъ сочиненіи, написанномъ прекраснымъ изящнымъ и живымъ языкомъ, авторъ отдаетъ полное предпочтеніе генію предъ вкусомъ въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ. Опредѣливъ предварительно понятіе вкуса и показавъ его значеніе для изящныхъ искусствъ, онъ затѣмъ такъ разъясняетъ значеніе генія въ дѣлѣ тѣхъ же искусствъ: „геніи—помазанники неба, коихъ посылаетъ Провидѣніе на землю изъ вѣка въ вѣкъ, какъ двигателей человѣчества къ совершенству. Какая-нибудь наука стоитъ въ извѣстное время на извѣстной степени. Въ ней есть истины, полагаемыя въ основаніе всѣмъ прочимъ. Ученые спокойно принимаютъ ихъ, пользуются ими, какъ аріадниной нитью въ своихъ соображеніяхъ, нимало не подозрѣвая въ нихъ чего-либо несообразнаго. Является геній, обнаруживаетъ предъ всѣми шаткость и ложность доселѣ господствовавшихъ основоположеній, проникаетъ глубже въ природу вещей, черпаетъ оттуда новыя истины, и износитъ ихъ на свѣтъ, оградивши ихъ со всѣхъ сторонъ новыми, заманчивыми теоріями, новыми блестящими доказательствами, указываетъ ученымъ новый путь

къ истинѣ, по которому впереди всѣхъ проходитъ самъ. Сдѣлавши такой переворотъ въ области знаній, этотъ чудесный метеоръ быстро исчезаетъ съ своего горизонта. Но долго еще обыкновенные люди идутъ медленно по той стезѣ, по какой пролетѣлъ онъ. Идутъ со всею осторожностію, тщательно разсматриваютъ то, на что онъ только взглянулъ, стараются перебирать и пересуживать то, къ чему онъ едва успѣлъ прикоснуться, на что едва намекнулъ. А между тѣмъ проходитъ столѣтіе и цѣлые милліоны живутъ истинами, похищенными избранникомъ съ неба. Тогда является на землѣ новый посланникъ небесный, чтобы дать новую умственную пищу на новое столѣтіе. Подобнымъ же образомъ геній дѣйствуетъ и въ искусствахъ. Орлинымъ взоромъ смѣло прозирая въ самую глубь природы, онъ видитъ въ ней изящное во всей наготѣ его. Бросая при этомъ взглядъ на существующія мнѣнія о существѣ прекраснаго, онъ или опровергаетъ ихъ, чувствуя ихъ ложность, или исправляетъ, расширяетъ и возвышаетъ. Выразивши свой высокій, оригинальный взглядъ на изящное не въ какой-нибудь выспренней теоріи (эстетическій геній преимущественно отличается какою-то безсознательностію въ часы своего восторга), а смѣлою кистію въ великихъ художественныхъ созданіяхъ, онъ невольно увлекаетъ за собою толпу подражателей, и является законодателемъ и образцомъ, быть можетъ, для цѣлаго народа на цѣлый вѣкъ— до появленія новаго своего собрата. Загляните въ исторію искусствъ: вы увидите, что такіе образцы вкуса были почти по всѣмъ отраслямъ изящнаго. Имена немногихъ изъ нихъ: Гомеръ, Виргилій, Рафаэль, Шекспиръ и Гёте. Итакъ, геній самъ законодатель вкуса, а не то, чтобы сталъ онъ подчиняться существующимъ вкусамъ"! Изъ такихъ же прекрасныхъ, глубокомысленныхъ и въ высшей степени здравыхъ сужденій состоитъ и все разсматриваемое сочиненіе. 2) „*О Кантовомъ началѣ нравственности*". Въ первой части сочиненія авторъ

формулируетъ самое кантовское начало нравственности (поступай всегда по всеобщему закону изъ одного уваженія къ нему, ни мало не побуждаясь къ тому предметами твоихъ дѣйствій) и излагаетъ тѣ основанія, какія Кантъ приводилъ въ пользу этого своего нравственнаго начала. Вторая часть разсужденія представляетъ подробную, всестороннюю и обстоятельную критику кантовскаго начала нравственности и его основаній. Сочиненіе въ оригиналѣ не имѣетъ почти никакихъ поправокъ и было читано профессоромъ, прот. І. М. Скворцовымъ, который написалъ въ концѣ его такую рецензію: „*предметъ осмотрѣнъ правильно, со многихъ сторонъ и съ философскою проницательностію*". 3) „*De consensu mentis et naturae*". Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей, причемъ согласіе ума и природы авторъ доказываетъ сначала посредствомъ тщательнаго анализа присущей человѣческому уму идеи Бога, какъ единаго и премудраго Творца идеальнаго и матеріальнаго міровъ, а затѣмъ путемъ самаго внимательнаго изслѣдованія и сравненія законовъ и формъ мышленія съ законами и формами самыхъ вещей, откуда становится совершенно яснымъ, что начало законовъ идеальнаго и матеріальнаго міровъ—одно и то же. Сочиненіе заканчивается рѣшеніемъ вопроса, откуда, при полномъ согласіи ума и природы, происходятъ столь многочисленныя ошибки въ сужденіяхъ человѣческаго ума о природѣ: юный философъ видѣлъ причину этихъ заблужденій въ поврежденности человѣческаго ума. Разсужденіе „*de consensu mentis et naturae*" написано прекраснымъ, правильнымъ и чистымъ латинскимъ языкомъ, почти не имѣетъ въ оригиналѣ никакихъ поправокъ (кромѣ одного замѣчанія на поляхъ и нѣсколькихъ подчеркиваній) и удостоилось отъ читавшаго его протоіерея І. М. Скворцова такого отзыва: „*digna studioso Academiae meditatio. Et judicandi facultas et scribendi ratio magnam tibi laudem pariunt*, т. е. *разсужденіе, достойное сту-*

дента Академіи. И способность сужденія и способъ изложенія заслуживаютъ тебѣ большой похвалы“ [1]).

Поведеніе Михаила Булгакова въ бытность его студентомъ низшаго отдѣленія постоянно удостоивалось одобренія

---

[1]) Кромѣ сейчасъ названныхъ трехъ академическихъ сочиненій Михаила Булгакова, намъ доставлены тѣмъ же С. А. Булгаковымъ еще нѣсколько рукописныхъ семинарскихъ разсужденій и проповѣдей преосв. Макарія, не вошедшихъ въ печатное изданіе ученическихъ упражненій его и не упомянутыхъ нами въ предыдущемъ очеркѣ жизни митрополита Макарія. Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ здѣсь объ этихъ во многихъ отношеніяхъ интересныхъ сочиненіяхъ. 1) „*Какое сходство между Моисеемъ и Іисусомъ Христомъ*“? Сочиненіе на эту тему было писано Михаиломъ Булгаковымъ въ богословскомъ классѣ семинаріи и представляетъ строго логическое развитіе слѣдующихъ положеній: „Моисей по отношенію къ Израильтянамъ былъ почти тоже, что Іисусъ Христосъ въ отношеніи ко всему человѣчеству. Христосъ искупляетъ человѣчество отъ грѣха, проклятія и смерти; Моисей освобождаетъ Израильтянъ отъ египетскаго порабощенія. Христосъ—Учитель всего міра; Моисей—учитель Израильтянъ. Христосъ—всемірный Законодатель; Моисей—законодатель Евреевъ“. Въ концѣ сочиненія находится слѣдующая рецензія, вѣроятно, ректора семинаріи, архим. Елпидифора: „*Черты сходства избраны вѣрныя и рѣзкія*, и *изложены ясно и выразительно*“. 2) „*Слово въ недѣлю мытаря и фарисея*“, произнесенное въ Бѣлгородскомъ Свято-Троицкомъ монастырѣ 16 генваря 1836 года, на текстъ: „*Человѣка два внидоста въ церковь помолитися: единъ фарисей, а другій мытарь .. Глаголю вамъ, яко сниде сей оправданъ въ домъ свой паче онаго*“ Лук. XVIII, 10. 14. Предметомъ слова служитъ раскрытіе того, съ какимъ настроеніемъ и чувствованіями христіанинъ долженъ стоять въ храмѣ Божіемъ. 3) „*Слово во вторую недѣлю по Пятидесятницѣ*“, также относящееся къ 1836 году, на текстъ Матѳ. IV, 22: „*она же (Іаковъ и Іоаннъ) оставльша корабль и отца своего по Немъ идоста*“. Содержаніе этого весьма интереснаго слова таково. Главное и самое сильное стремленіе человѣка есть стремленіе къ блаженству; блаженство же, которое въ состояніи вполнѣ удовлетворить христіанина, заключается не въ самомъ человѣкѣ и не во внѣшнихъ благахъ міра, а въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. „Въ наслажденіи истиною, добромъ и красотою,—вотъ въ чемъ твое истинное счастіе, человѣкъ“, говоритъ юный витія. „Но Христосъ есть сама Истина; Христосъ—само Добро; Христосъ—сама Красота“... Слово удостоилось отъ читавшаго его архимандрита Елпидифора такого отзыва: „*Умно, свѣжо и трогательно. Благодарю. Произнести въ соборной монастырской церкви* 25 мая 1836 года“. Преосв. Иліодоръ, также читавшій это слово, положилъ на немъ 23 іюля 1836 года слѣдующую рецензію: „очень пріятно видѣть отличные успѣхи и благонравіе“.

со стороны академическихъ инспекторовъ. Напр., въ вѣдомости инспектора, архим. Григорія Миткевича за августъ и сентябрь 1837 года Михаилъ Булгаковъ отмѣченъ, какъ студентъ, заслуживающій особенной похвалы за свое благоповеденіе, а за ноябрь и декабрь того же года инспекторъ хвалилъ „скромность Михаила Булгакова и вниманіе его къ своимъ обязанностямъ“ [1]). Съ похвалою же отзывался о поведеніи Михаила Булгакова и архим. Димитрій, вступившій въ должность инспектора съ 4 февраля 1838 года. Въ его вѣдомости за генварь, февраль и мартъ 1838 года Михаилъ Булгаковъ рекомендованъ начальству, какъ студентъ „постоянный, благоразумный въ занятіяхъ и поведеніи и *благородный въ обхожденіи съ другими*“ [2]). Въ послѣдующихъ своихъ отзывахъ архим. Димитрій характеризовалъ Михаила Булгакова, какъ студента „постоянно прилежнаго, ведущаго себя примѣрно, всегда честно и скромно, усерднаго къ богослуженію“.

Послѣ внутреннихъ и публичныхъ экзаменовъ въ іюнѣ 1839 года Михаилъ Булгаковъ былъ переведенъ въ высшее отдѣленіе Академіи третьимъ между своими товарищами съ такою аттестаціею: „при способностяхъ отличныхъ, прилежаніи весьма усердномъ, успѣвалъ отлично хорошо“ [3]).

Въ высшемъ отдѣленіи Академіи Михаилъ Булгаковъ вмѣстѣ съ своими товарищами изучалъ богословіе у профессора, архим. Димитрія и баккалавровъ—іеромонаховъ: Аѳанасія и Серафима, св. Писаніе у баккалавра—іеромонаха Фотія, церковное краснорѣчіе у проф. Я. К. Амфитеатрова, церковную Исторію у баккалавра Димитрія Макарова, еврейскій языкъ—у баккалавра Максимовича и греческій языкъ у баккалавра Бобровницкаго.

Самыми выдающимися изъ всѣхъ этихъ наставниковъ по своему вліянію на студентовъ Академіи были безспорно архимандритъ Димитрій и проф. Я. К. Амфитеатровъ.

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1837 г. дѣло № 76.
[2]) См. тамъ же за 1838 г. дѣло № 103.
[3]) См. тамъ же за 1839 г. дѣло № 43.

Архимандритъ Димитрій Муретовъ былъ ученикомъ, духовнымъ сыномъ по монашеству и достойнѣйшимъ преемникомъ Иннокентія (послѣ архим. Іереміи) по профессорству и ректорству въ Кіевской духовной Академіи. Не обладая такою силою воображенія, изящною простотою рѣчи и прекрасною дикціею, что́ все въ Иннокентіѣ было неподражаемо, Димитрій въ тоже время, быть можетъ, превосходилъ своего славнаго учителя глубокомысліемъ, твердымъ, хорошо продуманнымъ и основательнымъ знаніемъ, опредѣленностію и точностію изложенія своихъ чтеній по богословію [1]). Дарованія Димитрія не имѣли того блеска и оригинальности, какими отличался Иннокентій; но за то имъ была въ высокой степени свойственна та твердость, основательность и глубина мысли и чувства, какихъ не имѣлъ знаменитый витія. Блескъ дарованій и смѣлость воззрѣній Иннокентія подавали поводъ къ недоразумѣніямъ; лекціи же Димитрія никогда не возбуждали недоумѣній и толковъ. Съ любовію и благоговѣніемъ вводилъ студентовъ необыкновенный профессоръ въ новый, дотолѣ невѣдомый имъ міръ,—міръ боговѣдѣнія и человѣковѣдѣнія. За то и студенты буквально благоговѣли предъ его лекціями [2]). В. И. Аскоченскій, весьма рѣзко отзывающійся о большинствѣ своихъ сослуживцевъ, между тѣмъ свидѣтельствуетъ въ своемъ дневникѣ, что „ректоръ, т. е. Димитрій знаетъ только свое дѣло, безъ умолку говоритъ битыхъ полтора часа, изумляетъ всѣхъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній, необъятностію своей памяти, энциклопедическимъ знаніемъ всего, что входитъ какъ-нибудь въ сферу богословія и, кончая необъятную свою лекцію, выходитъ самъ съ своими слушателями утомленнымъ, измученнымъ“ [3]). Словомъ, въ смыслѣ вліянія на студентовъ Димитрій

---

[1]) См. Рѣчь о судьбахъ богословской науки въ нашемъ отечествѣ проф. В. Ѳ. Пѣвницкаго въ „Пятидесятилѣтн. юбилеѣ Кіевск. дух. Акад.“ стр. 191.

[2]) См. Правосл. Обозр. 1884 г. т. I стр. 187.

[3]) См. Историч. Вѣстникъ т. VII, стр. 336.

какъ нельзя лучше восполнялъ Иннокентія: если послѣдній восторгалъ своихъ слушателей, возбуждалъ ихъ чувства, то Димитрій своими многосодержательными лекціями, производившими не такъ видное сразу, но за то глубокое впечатлѣніе, будилъ мысль своихъ учениковъ. Иннокентія студенты любили и восторгались имъ, а Димитрія они любили и въ то же время благоговѣли предъ нимъ, какъ и нынѣ многіе изъ нихъ благоговѣютъ предъ его памятью.

Въ частности, что касается вліянія Димитрія, какъ профессора, на Михаила Булгакова, то, вѣроятно, всякому извѣстно преданіе, до самаго послѣдняго времени поставлявшее имена Димитрія и Макарія въ неразрывную связь. Говорили устно и заявляли даже въ печати, что Догматическое Богословіе, извѣстный капитальный трудъ Макарія есть только переработанное печатное воспроизведеніе лекцій архим. Димитрія по догматическому Богословію, слышанныхъ Макаріемъ въ бытность студентомъ высшаго отдѣленія Академіи. Указывали при этомъ на нѣкоторые отзывы и дѣйствія самаго Димитрія, подтверждающіе, будто бы, справедливость распространеннаго мнѣнія на счетъ источника догматики Макарія. Такъ, одинъ изъ почитателей памяти покойнаго архіепископа Димитрія сообщалъ, что преосв. Макарій, „можно сказать, только редактировалъ для печати лекціи Димитрія“, но что этотъ послѣдній, по своей скромности, „нисколько не ревновалъ къ своему ученику, а только, какъ гласитъ дошедшее до насъ преданіе, говаривалъ полушутливо, смотря на огромные томы богословія Макарія: тутъ мой крестъ, а его цѣпочка“ [1]). Намъ приходилось еще, кромѣ того, слышать, что Димитрій уже обработывалъ, будто бы, свои лекціи и готовилъ ихъ къ печати, когда получилъ отъ Макарія печатное его произведеніе по догматическому Богословію. Димитрій долго, будто бы, перечитывалъ наединѣ этотъ трудъ Макарія и затѣмъ бросилъ всѣ

[1]) См. Историч. Вѣстникъ т. XV (1884 г.) стр. 344.

свои рукописи въ печь, чтобы обнародованіемъ ихъ не компрометтировать своего ученика.

Какъ смотрѣть на это преданіе и на всѣ толки, вызванные имъ? Въ настоящее время преданіе это въ томъ видѣ, какъ мы его привели, должно быть рѣшительно оставлено и признано совершенно неправдоподобнымъ. Путемъ тщательнаго изслѣдованія и сравненія рукописныхъ академическихъ лекцій Димитрія и сочиненія Макарія по догматическому Богословію профессоръ Кіевской духовной Академіи М. Ф. Ястребовъ нынѣ доказалъ, что между первыми и вторымъ нѣтъ въ дѣйствительности того отношенія, о какомъ говорится въ сохранившемся преданіи. „Всѣ сужденія и толки", говоритъ онъ, „о какихъ бы то ни было заимствованіяхъ, которыя будто бы вошли въ догматику преосвященнаго Макарія изъ лекцій преосвященнаго Димитрія, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Набрасывая совершенно безвинное тяжкое нареканіе на свѣтлое ученое имя высокопреосвященнаго Макарія, сужденія этого рода едва ли прибавляютъ славы и высокопреосвященному Димитрію, потому что правъ на славу ищутъ для него на сторонѣ, какъ будто на эту славу нѣтъ у него правъ собственныхъ" [1]).

Такимъ образомъ, если сохранившееся преданіе и можетъ имѣть какую либо цѣну, то единственно только какъ доказательство глубокаго вліянія богословскихъ чтеній Димитрія на учениковъ его, въ частности на Макарія. Весьма вѣроятно, что догматическая система, читанная Димитріемъ, могла возбудить особенное расположеніе въ Макаріѣ къ богословскимъ занятіямъ и даже лечь въ основу дальнѣйшихъ занятій его богословскими науками. Съ другой стороны, возможно и такое предположеніе, что когда впослѣдствіи Макарій былъ назначенъ въ С.-Петербургскую духовную Академію баккалавромъ по богословскимъ наукамъ, то онъ за образецъ для программы

[1]) См. Труды Кіевской дух. Акад. 1887 г. т. 2 стр. 241.

своихъ чтеній могъ взять программу слышанныхъ имъ лекцій Димитрія [1]). Но отъ такого предположенія весьма далеко до категорическаго утвержденія, что догматика Макарія есть только печатное воспроизведеніе богословскихъ лекцій Димитрія,—та догматика, о которой архіепископъ Иннокентій, общій учитель Димитрія и Макарія, свидѣтельствовалъ предъ Академіей Наукъ, что она „составляетъ рѣдкое и самое отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ, подобнаго коему она давно не видѣла на своемъ горизонтѣ и, по всей вѣроятности, не скоро увидитъ. *Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ, особенно въ наше время, творенія съ такими достоинствами, какъ православная догматика преосвященнаго Макарія*“ [2]).

Другимъ выдающимся учителемъ Михаила Булгакова по высшему отдѣленію Академіи былъ профессоръ Я. К. Амфитеатровъ. Его чтенія по „Церковному Краснорѣчію“ были проникнуты неподражаемою простотою, возвышенною и изящною, истинно христіанскою поэзіею, каковыя свойства прекрасно восполнялись еще общедоступностію и жизненною

---

[1]) Изъ писемъ Макарія къ своему товарищу С. А. Серафимову, между прочимъ, видно, что Макарій бралъ, или ему посылали изъ Кіева записки по богословію въ С. Петербургъ. Возвращая ихъ при письмѣ отъ 15 декабря 1842 года, Макарій писалъ Серафимову: „Записки частію принадлежатъ Ивану Акимовичу Васильеву (земляку Макарія, воспитаннику XI курса), а частію бо́льшею Николаю Яковлевичу (Оглоблину), которому моя искренняя благодарность, хоть записки-то мнѣ и не понадобились“ (См. Церков. Вѣстникъ 1883 г. № 8).

[2]) См. Ученыя Записки Импер. Акад. Наукъ по перв. и третьему отдѣл. 1855 г. т. III стр. 35. Изъ писемъ Макарія къ С. А. Серафимову видно, что неблагопріятные толки о происхожденіи догматики начались еще во время перваго ея изданія (См. письмо отъ 17 окт. 1850 г. въ № 10 Церк. Вѣстн. 1883 г.). Почти съ несомнѣнностію можно полагать, что поводъ къ нимъ дала неосторожность Макарія, взявшаго съ собою изъ Кіева студенческія записки по богословію. Впрочемъ, объ этомъ мы подробнѣе скажемъ при обозрѣніи петербургскаго періода жизни Макарія...

приспособимостію. „Этотъ чудесный профессоръ", пишетъ В.И. Аскоченскій въ своемъ дневникѣ объ Амфитеатровѣ, „говорилъ лекціи свои съ такимъ энтузіазмомъ, которому нельзя было не симпатизировать: мы слушали его, не переводя духу. Бывало войдетъ, сядетъ, утрется платкомъ,—все это такъ неловко: заговоритъ себѣ подъ носъ, а тамъ, чѣмъ дальше, тѣмъ живѣе, а тамъ и пошелъ, и пошелъ. Славно, умно, правильно"! Но Я. К. Амфитеатровъ славился далеко не одними только своими прекрасными лекціями. Нѣтъ, самъ будучи рѣдкимъ проповѣдникомъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ прекраснымъ и незамѣнимымъ руководителемъ студентовъ въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества. Въ качествѣ такого руководителя молодыхъ проповѣдниковъ онъ постоянно внушалъ этимъ послѣднимъ, что сила и достоинство церковнаго проповѣднаго слова должны заключаться не въ красной фразѣ и не въ тонкихъ умствованіяхъ, а въ силѣ убѣжденія, въ силѣ внутренняго проникновенія своимъ предметомъ и своимъ священнымъ призваніемъ, требующимъ благоговѣйнаго и молитвеннаго настроенія, искренней ревности о словѣ Божіемъ и благѣ ближняго. Главнымъ и существеннымъ результатомъ вліянія проф. Я. К. Амфитеатрова на студентовъ было искреннее увлеченіе этихъ послѣднихъ предметомъ, до того времени совершенно непользовавшимся среди нихъ популярностію. Студенты полюбили теорію церковнаго проповѣдничества, увлекались ею и положительно соревновали между собою въ составленіи проповѣдей [1]). Отсюда—процвѣтаніе проповѣдничества среди студентовъ—учениковъ Амфитеатрова, изъ среды которыхъ впослѣдствіи вышло много замѣчательныхъ проповѣдниковъ и между которыми Макарій занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Однако же намъ приходилось слышать, что Макарій не пользовался вниманіемъ Я. К. Амфитеатрова и не былъ извѣстенъ своимъ проповѣдническимъ талантомъ въ студенческіе

[1]) См. у В. Аскоченскаго. Амфитеатровъ Яковъ Козьмичъ. Кіевъ. 1857 г. стр. 8. 86—87 и др.

годы. Впрочемъ, одна изъ его проповѣдей, именно слово въ недѣлю Крестопоклонную, впослѣдствіи была представлена Академическою Конференціею Св. Синоду въ качествѣ образцовой.

Другая же изъ проповѣдей, писанныхъ Михаиломъ Булгаковымъ въ высшемъ отдѣленіи Академіи, недавно доставлена намъ С. А. Булгаковымъ въ копіи, которая была снята прот. П. А. Солнцевымъ съ обветшавшаго подлинника [1]). Это именно „*Слово въ день Успенія Пресвятыя Богородицы*“, произнесенное Михаиломъ Булгаковымъ, по всей вѣроятности, 15 августа 1840 года, на текстъ: „*яже небесъ высшая сущи, въ сыновнѣ руцѣ днесь всесвятую предаетъ душу и съ нею исполняются всяческая радости*“ (стихир. препразд. Успенія. Мин. Мѣсячн., 14 августа). Предметомъ слова служило подробное раскрытіе той мысли, что день Успенія пресв. Богородицы, въ противоположность дню смерти обыкновеннаго человѣка, въ громадномъ большинствѣ случаевъ являющемуся временемъ скорби и сѣтованія, есть свѣтлый, торжественный и радостный день, когда „радуется и умирающая, а съ нею вмѣстѣ исполняются и всяческая радости: вмѣстѣ съ Нею радуемся и мы—земнородные, радуются и вся силы небесныя“, когда торжествуетъ и сама умирающая и вся христіанская церковь—земная и небесная. Въ заключеніи слова указываются условія, при какихъ день смерти всякаго христіанина можетъ сдѣлаться для него и для всѣхъ окружающихъ его днемъ свѣтлымъ, радостнымъ и торжественнымъ [2]).

---

[1]) Подлинникъ даннаго „слова“, по свидѣтельству прот. П. А. Солнцева, не имѣетъ ни даты происхожденія, ни рецензіи профессора, читавшаго его. По мнѣнію самаго достопочтеннаго о. протоіерея, „слово“ было написано Михаиломъ Булгаковымъ или въ богословскомъ классѣ семинаріи, или же—въ высшемъ отдѣленіи Кіевской духовной Академіи. Съ своей стороны, мы склоняемся къ послѣднему предположенію на томъ основаніи, что слогъ проповѣди болѣе ровный и спокойный, чѣмъ тотъ слогъ, какимъ отличаются всѣ вообще семинарскія сочиненія и проповѣди преосв. Макарія сравнительно съ академическими упражненіями его.

[2]) Считаемъ необходимымъ здѣсь замѣтить, что начало разсмотрѣннаго

Успѣхи Михаила Булгакова въ занятіяхъ науками и въ высшемъ отдѣленіи Академіи были такъ же хороши, какъ и прежде. Видно при этомъ, что любимыми предметами его занятій были преимущественно богословскія науки, св. Писаніе, Церковное Краснорѣчіе и Церковная Исторія, такъ какъ въ спискахъ наставниковъ, преподававшихъ эти предметы, онъ всегда занималъ высшія мѣста. Такъ въ спискахъ по богословскимъ наукамъ и Св. Писанію онъ постоянно занималъ 3—2 мѣсто, по Церковной исторіи—3-е мѣсто, по Церковному Краснорѣчію—7 и 5, по греч. языку—6 и 3 и по еврейскому языку 22, 21, 16 и 14 мѣсто [1]).

Въ высшемъ отдѣленіи Академіи Михаилъ Булгаковъ писалъ сочиненія на слѣдующія темы: 1) нужна ли наука Богословія при Св. Писаніи? 2) Нужно ли и почему, при опредѣленіи и утвержденіи догматовъ вѣры, кромѣ Св. Писанія, держаться и преданія? 3) Историческія доказательства божественности религіи Моисеевой. 4) Такъ называемыя метафизическія свойства существа Божія могутъ ли быть предметомъ нашего подражанія? и 5) Объясненіе 33-го псалма отъ 1-го стиха до 12-го [2]).

нами „слова“ почти буквально сходно съ „словомъ въ день Успенія Пресвятыя Богородицы“, произнесеннымъ въ Саровской пустыни 15 августа 1857 года, когда преосвящ. Макарій былъ епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ. Дальнѣйшее же содержаніе слова, писаннаго еще въ дни студенчества, было измѣнено на этотъ разъ преосв. Макаріемъ приспособительно къ слушателямъ, которыми были преимущественно иноки саровской обители. (См. Слова и Рѣчи Макарія, митрополита московскаго, произнесенныя въ 1841—1868 г. въ Кіевѣ и Петербургѣ, въ Тамбовской и Харьковской епархіяхъ. Изд. второе. СПБ. 1891 г. Стр. 213—216).

[1]) См. Арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1839 г. дѣло № 44 и за 1840 г. дѣла подъ №№ 45 и 46.

[2]) См. „Опыты сочиненій семинарскіе и академическіе“ Макарія, стр. 130—154.

Всѣ сочиненія, писанныя Михаиломъ Булгаковымъ на эти темы, отличаются краткостію, основательностію и ясностію отвѣтовъ. Рецензентъ сочиненія на тему: „историческія доказательства божественности религіи Моисеевой“ замѣтилъ въ концѣ, что „при полномъ обозрѣніи предмета въ сочиненіи весьма хорошо соблюдена ясная и отчетливая краткость“[1]). Рецензенты другихъ сочиненій, кромѣ того, одобряли легкій и свободный слогъ автора. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что и разсматриваемыя сочиненія Михаила Булгакова, какъ и сочиненія, писанныя имъ въ низшемъ отдѣленіи Академіи, не обладаютъ тою тщательностію во внѣшней отдѣлкѣ, какую мы видѣли въ семинарскихъ упражненіяхъ автора. Весьма вѣроятно, что главною причиною этого была многосложность занятій, какими тогда были буквально подавлены студенты высшаго отдѣленія Академіи.

Кромѣ обыкновенныхъ занятій, состоявшихъ въ постоянномъ посѣщеніи и приготовленіи лекцій, каждый изъ студентовъ высшаго отдѣленія имѣлъ еще и спеціальную работу въ видѣ курсоваго сочиненія для полученія ученой богословской степени. Михаилъ Булгаковъ писалъ курсовое сочиненіе на тему: „Планъ христіанской аскетики“. Въ этомъ сочиненіи авторъ его рѣшалъ трудный и важный вопросъ о томъ, какъ осуществить духъ христіанскаго ученія въ жизни. Насколько основательно рѣшенъ былъ авторомъ этотъ вопросъ, можно судить по тому, что читавшій его профессоръ, іером. Аѳанасій (Борисовичъ), нашелъ его превосходящимъ всѣ извѣстныя сочиненія иностранной литературы, писанныя на ту же самую тему. О достоинствѣ этого сочиненія Михаила Булгакова немало говоритъ также и то, что оно съ честію выдержало судъ такого строгаго критика и цѣнителя, какимъ былъ приснопамятный м. Филаретъ московскій, хотя послѣдній и не далъ о немъ такого лестнаго отзыва, какого удостоилъ его

[1]) См. тамъ же стр. 145.

раньше проф. іером. Аѳанасій. М. Филаретъ далъ такой отзывъ о сочиненіи „Планъ аскетики“: „сочиненіе, стоившее не малаго обдумыванія и во многихъ частяхъ соотвѣтствующее цѣли назиданія, хотя въ другихъ отношеніяхъ требующее дальнѣйшаго обдумыванія и усовершенія“ [1]).

Кромѣ „Плана христіанской аскетики“ [2]), Михаилъ Булгаковъ въ качествѣ курсоваго сочиненія готовилъ и другое произведеніе, именно „Исторію Кіевской Академіи“. Эта послѣдняя тема была предложена студентамъ X-го курса еще Иннокентіемъ, при чемъ онъ не скрывалъ отъ нихъ всей трудности задачи прослѣдить на основаніи совершенно необработаннаго, сыраго матеріала болѣе чѣмъ двухсотлѣтнюю исторію Академіи. Однакоже Михаилъ Булгаковъ, въ характерѣ котораго была, между прочимъ, склонность брать на себя работы, трудность коихъ отпугивала другихъ, взялъ данную тему и съ обычною своею энергіею принялся за работу. Къ чести преосв. Иннокентія должно сказать, что онъ не оставилъ молодаго труженика безъ надлежащаго и совершенно необходимаго руководства въ великомъ лабиринтѣ открывшагося предъ нимъ матеріала. Самъ Иннокентій, пока онъ оставался въ Кіевѣ, былъ главнымъ руководителемъ Михаила Булгакова въ составленіи имъ исторіи родной для нихъ обоихъ Академіи, о чемъ впослѣдствіи Макарій вспоминалъ не иначе, какъ съ искреннею признательностію. Посылая преосв. Иннокентію уже напечатанную свою исторію Кіевской Академіи, Макарій писалъ ему, между прочимъ, 8-го сентября 1843 года: „во время занятій исторіею своей родной Академіи, авторъ—студентъ

---

[1]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ. Томъ дополнительный. Изд. подъ редак. архіеп. Саввы въ С ПБ. 1887 г. стр. 101.

[2]) „Планъ аскетики“ не былъ изданъ отдѣльно; какъ видно изъ письма Макарія къ С. А. Серафимову отъ 15 дек 1842 г.; онъ вошелъ, конечно, по исправленіи, въ докторское сочиненіе Макарія: „Введеніе въ православное богословіе“ (Церк. вѣстн. 1883 г. № 8).

имѣлъ счастіе пользоваться, между прочимъ, просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и вашего преосвященства, и охотно сознается, что нѣкоторыхъ важныхъ извѣстій о предметѣ не имѣла бы въ себѣ изданная имъ нынѣ книга, безъ вашихъ пособій. Да будетъ же книга сія предъ вашимъ преосвященствомъ выраженіемъ совершенной признательности къ вамъ ея виновника“ [1])! Другимъ руководителемъ Михаила Булгакова при написаніи имъ исторіи Кіевской Академіи былъ В. И. Аскоченскій, котораго, какъ учителя польскаго языка, Иннокентій просилъ помогать Михаилу Булгакову при разборѣ и пользованіи польскими источниками.

Направляемый на надлежащій путь въ своихъ занятіяхъ такимъ опытнымъ руководителемъ и авторитетнымъ знатокомъ исторіи нашего юго-западнаго края, какимъ былъ преосв. Иннокентій [2]), и увлекаемый живымъ интересомъ самаго предмета, Михаилъ Булгаковъ въ теченіи двухъ лѣтъ, не смотря на другія занятія, постоянно отвлекавшія его, успѣлъ прослѣдить, насколько могъ, историческія судьбы своей almae matris. Плодомъ ревностныхъ двухлѣтнихъ занятій его былъ довольно объемистый трудъ, давшій автору право на полученіе магистерской степени, послѣ того, какъ онъ выдержалъ съ честію строгій судъ митрополита Филарета. Въ своемъ отзывѣ объ „Исторіи кіевской академіи“, составленной Михаиломъ Булгаковымъ, м. Филаретъ писалъ: „сочиненіе достойное вниманія по обилію собранныхъ свѣдѣній и по порядку въ изложеніи оныхъ, хотя есть что отсѣчь въ подробностяхъ и есть что очистить въ выраженіяхъ. Похвалы Ѳеофану Прокоповичу надлежало бы умѣрить и ограничить. Богословіи Иринея Фальковскаго совершенство приписано слишкомъ щедро, а недостатки ея не показаны, о чемъ неизлишне было бы упо-

---

[1]) См. Христ. Чтеніе 1884 г. т. I стр. 798—799.

[2]) См. „Историч. записку“ проф. И. И. Малышевскаго въ юбилейномъ сборникѣ стр. 112—113.

мянуть по долгу безпристрастія. Хотя предметъ сочиненія не богословскій, однако, касаясь сужденіемъ разныхъ ученыхъ предметовъ, сочинитель показываетъ себя достойнымъ степени магистра“ [1]).

Согласно этимъ указаніямъ м. Филарета, Макарій впослѣдствіи сдѣлалъ въ своемъ трудѣ нѣкоторыя исправленія и дополненія [2]). Въ такомъ исправленномъ и дополненномъ видѣ „Исторія Кіевской Академіи“ была напечатана Макаріемъ въ 1843 году [3]) и посвящена „наставникамъ и воспитанникамъ Кіевской Академіи“, среди которыхъ авторъ прежде всего и главнымъ образомъ имѣлъ въ виду преосв. Иннокентія. „Благоволите снисходительно принять во свидѣтельство искренняго и глубокаго уваженія къ особѣ вашего преосвященства“, писалъ Макарій Иннокентію 8 сентября 1843 года, „посылаемую при семъ исторію Академіи, имя которой въ настоящее время такъ тѣсно соединено въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ, съ именемъ вашимъ. Это сочиненіе посвящено *наставникамъ и воспитанникамъ Кіевской академіи:* кому же первому какъ бы по праву должно принадлежать оно, какъ не вашему преосвященству“ [4])?

„Исторія Кіевской Академіи“ была первымъ печатнымъ литературнымъ трудомъ Макарія, открывшимъ собою цѣлый рядъ послѣдующихъ церковно-историческихъ произведеній, которыя дали своему автору вполнѣ заслуженное право на званіе историка русской Православной церкви. Интересно,

---

[1]) См. „Собраніе мнѣній и отзывовъ“ м. Филарета, т. дополнительный. СПБ. 1887 стр. 100—101.

[2]) Объ этомъ говоритъ самъ Макарій въ письмѣ къ С. А. Серафимову отъ 15 дек. 1842 года; изъ письма видно, что сначала Академія сама желала издать трудъ Макарія, но послѣдній, ради исправленій, просилъ предоставить это право ему (Церк. Вѣстн. 1883 № 8).

[3]) Первая часть „Исторіи Кіевской Академіи“ въ сокращеніи была помѣщена въ журналѣ Маякъ (См. 1843 г. т. X).

[4]) См. Христ. Чтеніе 1884 г. т. I. стр. 798.

поэтому, знать, что представляло собою первое печатное произведеніе Макарія, плодъ его юношескихъ, студенческихъ занятій?

Всякій, кто читалъ „Исторію Кіевской Академіи“ Макарія, долженъ согласиться съ тѣмъ, что это сочиненіе написано по хорошо обдуманному и строго научному плану, какой впослѣдствіи усвоили себѣ всѣ авторы подобныхъ произведеній и какой въ значительной степени не потерялъ своего значенія даже до настоящаго времени. Сочиненіе открывается введеніемъ (стр. 7—13), въ которомъ прекрасно, хотя и кратко разъясняются обстоятельства происхожденія Кіевской Академіи, указываются періоды въ ея исторіи и намѣчается планъ всего изслѣдованія. Соотвѣтственно тремъ главнымъ періодамъ исторической жизни Кіевской Академіи, и сочиненіе дѣлится на три части, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, распадается на три главы. Въ первой части изображается судьба Академіи въ теченіи времени отъ 1589 до 1631 года, когда она была школою, или училищемъ; во второй—обозрѣваются судьбы Академіи въ теченіи времени отъ 1631 до 1701 года, когда она была извѣстна подъ именемъ Кіево-Могилянской Коллегіи, а третья часть посвящается описанію жизни Академіи съ 1701 до 1819 года, когда она называлась Кіево-могило-заборовской Академіей. Частнѣе, въ первой главѣ каждой изъ этихъ частей изображается внѣшнее состояніе Академіи, во. второй—внутренняя жизнь ея и въ третьей—заслуги Академіи на пользу отечественнаго просвѣщенія и православной Церкви. Въ заключеніи кратко описывается начало новаго (4-го) періода въ исторіи Кіевской Академіи (1819—1842 г.).

Разсматриваемое со стороны общей композиціи, плана и внутреннихъ качествъ, сочиненіе весьма явственно обнаруживаетъ въ авторѣ всѣ задатки истиннаго историка. Онъ видимо всесторонне и основательно изучилъ обширнѣйшую и при томъ совершенно неразработанную литературу своего предмета. Ему не только были извѣстны всѣ печатныя

произведенія, въ которыхъ заключались хоть какія-либо свѣдѣнія о Кіевской Академіи, но и обширный архивный матеріалъ былъ хорошо изученъ имъ. Онъ видимо весьма тщательно пересмотрѣлъ академическій архивъ, перечиталъ въ немъ не только болѣе или менѣе важныя для него дѣла, но даже всѣ маленькія письма и записочки разныхъ лицъ, какъ-либо случайно попавшія сюда; перебралъ онъ также и всю наличную академическую библіотеку, прочиталъ и сличилъ какъ печатные, такъ и рукописные, бо́льшею частію латинскіе учебники, употреблявшіеся въ старой Кіевской Академіи по разнымъ предметамъ; разобралъ онъ и воспользовался даже всѣми замѣтками и надписями на библіотечныхъ книгахъ для опредѣленія мѣста и времени ихъ происхожденія и для другихъ соображеній. Другія кіевскія книгохранилища, какъ, напр., софійская и лаврская библіотеки, также были хорошо пересмотрѣны авторомъ, при чемъ онъ извлекъ изъ нихъ все, что только нашелъ тамъ интереснымъ и необходимымъ для своей работы.

Необыкновенно обширныя, особенно для студента, свѣдѣнія авторъ „Исторіи кіевской Академіи“ особенно ясно обнаруживаетъ тамъ, гдѣ онъ говоритъ о жизни и дѣятельности многочисленныхъ воспитанниковъ Академіи, занимавшихъ видныя мѣста на самыхъ разнобразныхъ поприщахъ общественнаго служенія, равно какъ и тамъ, гдѣ онъ слѣдитъ за исторіею многихъ духовныхъ семинарій и училищъ, основанныхъ воспитанниками Кіевской Академіи и въ большинствѣ случаевъ устроенныхъ по ея образцу.

Слогъ сочиненія „Исторія Кіевской Академіи“—характерный слогъ Макарія, свойственный всѣмъ его трудамъ, начиная съ ученическихъ упражненій и кончая посмертнымъ (двѣнадцатымъ томомъ Исторіи русской церкви) произведеніемъ его: легкій, живой, образный, изящный и во многихъ мѣстахъ художественно—поэтическій. Можно думать, что именно этотъ слогъ сочиненія, невольно увлекавшій иногда автора въ

сторону, не понравился м. Филарету, которому больше нравились глубокомысленныя философскія разсужденія и который потому далъ довольно сдержанный отзывъ о сочиненіи.

Несомнѣнно, впрочемъ, что нѣкоторыя положенія „Исторіи Кіевской Академіи“ нынѣ должны быть признаны или недостаточными, или неточными. Это прекрасно сознавалъ и самъ авторъ, который въ письмѣ къ Иннокентію 8 сентября 1843 года выражалъ смущеніе по тому поводу, что „Кіевская Академія заслуживала бы лучшей исторіи и что трудъ его, несовершенный даже по его собственному сознанію, тѣмъ болѣе долженъ явиться несовершеннымъ въ глазахъ другихъ“ и потому просилъ у своего бывшаго руководителя „мудрой благоснисходительности къ своему первому опыту, опыту студенческому—ученическому“ [1]).

Дѣйствительно, если мы станемъ на эту точку зрѣнія, если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что Макарій первый изъ историковъ Кіевской Академіи работалъ почти исключительно на основаніи сыраго матеріала въ буквальномъ смыслѣ этого слова и тѣмъ не менѣе написалъ произведеніе, не потерявшее во многихъ отношеніяхъ научной цѣнности даже до настоящаго времени, то для насъ вполнѣ опредѣлится высокое достоинство перваго историческаго труда Макарія и потеряютъ всякое значеніе тѣ недостатки, какіе свойственны ему.

Поведеніе Михаила Булгакова и въ высшемъ отдѣленіи Академіи постоянно одобрялось инспекторами. Въ ноябрьской вѣдомости 1839 года онъ отмѣченъ первымъ среди всѣхъ студентовъ Академіи по поведенію съ такою при томъ аттестаціею: „ведетъ себя отлично хорошо; въ должности старшаго весьма исправенъ“ [2]).

Старшимъ Михаилъ Булгаковъ былъ назначенъ Акаде-

---

[1]) См. Христ. Чтеніе 1884 г. т. I стр. 799.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1839 г. дѣло № 50.

мическимъ Правленіемъ 25 сентября 1839 года, по представленію инспектора, архим. Димитрія. Въ началѣ онъ былъ опредѣленъ въ №-о 14-й новаго корпуса старшимъ надъ студентами низшаго отдѣленія (XI-го курса), въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, А. Г. Лебединцевъ, недавно праздновавшій свой пятидесятилѣтній юбилей, протоіерей одесскаго каѳедральнаго собора [1]). Надзору Михаила Булгакова было поручено пять студентовъ и съ этою цѣлію отъ инспектора была выдана ему особая инструкція, опредѣлявшая его права и обязанности. Какъ старшій, Михаилъ Булгаковъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны подчиненныхъ студентовъ и самъ онъ, въ свою очередь, относился къ нимъ съ особеннымъ благородствомъ. Въ качествѣ примѣра благородныхъ отношеній его къ своимъ сожителямъ и подчиненнымъ, намъ передавали, между прочимъ, такой случай. Въ одной комнатѣ съ Михаиломъ Булгаковымъ жилъ студентъ младшаго (XI) курса Д. С. Послѣдній былъ во всемъ хорошій молодой человѣкъ, за исключеніемъ одной странности. Онъ имѣлъ необыкновенную страсть много говорить, чѣмъ крѣпко надоѣдалъ своимъ товарищамъ и, прежде всего, конечно, своимъ сожителямъ. Если только кто-либо, къ своему несчастію, обнаруживалъ склонность слушать Д. С., то послѣдній готовъ былъ безъ умолку говорить въ теченіи цѣлыхъ часовъ. Съ теченіемъ времени Д. С. такъ надоѣлъ всѣмъ, что отъ него стали бѣгать, какъ отъ чумы. Тогда, оставленный всѣми, Д. С. избралъ своимъ собесѣдникомъ своего комнатнаго старшаго М. П. Булгакова, которому и жаловался постоянно на то, что товарищи не понимаютъ его. М. П. Булгаковъ всегда терпѣливо выслушивалъ говорливаго сожителя и, насколько могъ, успокоивалъ его. Сожители, а потомъ даже и всѣ студенты, заинтересовались, чѣмъ дѣло кончится, такъ какъ видѣли, что Д. С. буквально подвер-

[1]) См. тамъ же за 1839 г. дѣло № 94.

гаетъ пыткѣ своего старшаго, который постоянно былъ занятъ и распредѣлялъ свое время съ пунктуальною точностію. И что же? Кончилось все таки тѣмъ, что М. П. Булгаковъ не вытерпѣлъ и однажды къ радости своихъ сожителей съ сердцемъ и раздраженіемъ прогналъ отъ своего занятнаго столика надоѣдливаго собесѣдника.

И не только среди своихъ сожителей, но даже и между всѣми студентами Академіи М. П. Булгаковъ пользовался уваженіемъ. По разсказамъ всѣхъ лицъ, знавшихъ его въ студенческіе годы, онъ всегда держалъ себя въ сторонѣ отъ большинства товарищей и только съ весьма немногими изъ нихъ входилъ въ ближайшія, дружественныя сношенія. Къ числу особенно довѣренныхъ его друзей, между прочимъ, принадлежали: В. Ѳ. Краснитскій (нынѣ курскій каѳедральный протоіерей) и И. Т. Киселевскій. Отношенія М. П. Булгакова къ послѣднему изъ его друзей особенно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о благородствѣ, какъ основной чертѣ его характера. Обладая недюжинными дарованіями, Киселевскій имѣлъ одинъ недостатокъ, который могъ бы сдѣлаться для него пагубнымъ, еслибы не нравственное вліяніе М. П. Булгакова, который, когда уже ничѣмъ не могъ пособить горю, старался, по крайней мѣрѣ, скрывать своего друга отъ инспекторскаго надзора.

Для нѣкоторыхъ студентовъ постоянная отчужденность М. Булгакова отъ товарищескаго кружка на первыхъ порахъ казалась странною и даже обидною. Но съ теченіемъ времени всѣ поняли и убѣдились, что такое поведеніе ихъ товарища не было слѣдствіемъ гордости, а естественно вытекало изъ особеннаго склада его характера. Впрочемъ, всегдашняя замкнутость, сосредоточенность и серьезность М. П. Булгакова были причиною того, что товарищи уважали только, но не любили его, какъ того онъ заслуживалъ на самомъ дѣлѣ.

А какимъ уваженіемъ пользовался М. П. Булгаковъ среди товарищей, можно судить по слѣдующему обстоятельству,

о которомъ сообщалъ намъ одинъ изъ академическихъ его товарищей. М. П. Булгаковъ въ началѣ былъ назначенъ старшимъ въ комнату, гдѣ жили студенты младшаго (XI) курса, тогда какъ одинъ изъ его товарищей былъ сдѣланъ старшимъ надъ своими сокурсниками, студентами высшаго отдѣленія. Но случилось такъ, что этотъ послѣдній старшій никакъ не могъ пріобрѣсти необходимаго авторитета среди подчиненныхъ ему студентовъ—товарищей, которые нерѣдко позволяли себѣ нарушать требованія академической дисциплины. Инспекторъ, архим. Димитрій нѣсколько разъ дѣлалъ замѣчанія этому старшему, но безпорядки въ его комнатѣ все таки продолжались по прежнему. Наконецъ, архим. Димитрій убѣдился, что старшій, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ быть исправнымъ, ибо не имѣетъ надлежащаго авторитета у своихъ подчиненныхъ. Тогда онъ опредѣлилъ въ эту комнату старшимъ М. П. Булгакова, который не замедлилъ умиротворить безпокойныхъ товарищей своимъ нравственнымъ вліяніемъ на нихъ, о чемъ инспекторъ считалъ необходимымъ засвидѣтельствовать предъ начальствомъ. За декабрь 1839 года архим. Димитрій такъ аттестовалъ Михаила Булгакова: „постоянно велъ себя весьма хорошо, подавая всегда добрый примѣръ ввѣреннымъ его смотрѣнію студентамъ въ поведеніи и въ занятіяхъ классическихъ“, а за апрѣль 1840 года онъ же рекомендовалъ его, какъ студента „благороднаго, откровеннаго, занимающагося со всѣмъ усердіемъ“ [1]).

Должность старшаго М. П. Булгаковъ проходилъ только до принятія монашества. Послѣ же принятія монашества онъ былъ помѣщенъ въ особой комнатѣ вмѣстѣ съ другими монашествующими студентами Академіи.

Посвященіе М. П. Булгакова въ монашество совершилось въ послѣдній годъ пребыванія его въ Академіи. Предъ этимъ онъ переживалъ неспокойное состояніе духа и даже немного

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1840 г. № 124.

переболѣлъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что во все время академическаго образованія М. П. Булгаковъ ни однажды не былъ въ больницѣ, какъ это можно видѣть изъ еженедѣльныхъ донесеній инспекторовъ, и вообще, благодаря необыкновенной аккуратности и умѣренности въ всемъ, пользовался полнымъ здоровьемъ [1]). Но зимою 1840 года онъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ чрезмѣрно усердныхъ занятій почувствовалъ боль въ груди. Весною того же года академическое начальство отправило его на борщаговскую дачу, гдѣ прекрасный воздухъ содѣйствовалъ быстрому поправленію больнаго. Тотчасъ же по возвращеніи съ дачи къ началу годичныхъ экзаменовъ въ Академіи, М. П. Булгаковъ подалъ въ Академическое Правленіе прошеніе слѣдующаго содержанія: „имѣя искреннее и рѣшительное желаніе принять на себя иноческій образъ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить Правленіе Кіевской Академіи, да благоволитъ оно исходатайствовать для меня, у кого слѣдуетъ, позволеніе на дѣло, коего желаетъ душа моя“. Это было 22 мая 1840 года. 9 іюля того же года Академическое Правленіе обратилось къ м. Филарету съ просьбою ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи постричь просителя въ монашество, на что митрополитъ изъявилъ свое согласіе и тогда же послалъ представленіе объ этомъ въ Св. Синодъ. А между тѣмъ М. П. Булгаковъ, понятно, много волновавшійся предъ принятіемъ окончательнаго рѣшенія на счетъ своей будущей судьбы, теперь видимо успокоился. Однакоже Промыслу Божію угодно было подвергнуть испытанію искренность рѣшенія его въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ принятіе иночества. 31 іюля 1840 года Св. Синодъ далъ знать указомъ м. Филарету, что такъ какъ студенту Михаилу Булгакову нѣтъ еще положеннаго Высочайше утвержденными 29 мая 1832 года правилами числа лѣтъ, то

[1]) Въ письмѣ Макарія къ С. А. Серафимову отъ 24 сент. 1842 года читаемъ о его образѣ жизни: „держусь во всемъ прежняго моего порядка: ложусь спать въ 10 часовъ, встаю въ 5-ть, или 6-ть“ (См. Церк. Вѣстн. 1883 № 8).

на постриженіе его въ монашество Св. Синодъ нынѣ разрѣшенія дать не можетъ. Что тутъ было дѣлать? Послѣ совѣщанія и, очевидно, съ согласія м. Филарета, Академическое Правленіе 31 октября 1840 года снова обратилось къ митрополиту съ просьбою ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи посвятить Михаила Булгакова въ монашество, при чемъ тутъ же объясняло, что студенту Михаилу Булгакову раньше въ справкѣ, прилагавшейся къ дѣлу о постриженіи его въ монашество, по ошибкѣ писца, было показано 23 вмѣсто 25 лѣтъ. На этотъ разъ ходатайство м. Филарета было уважено Св. Синодомъ, который указомъ отъ 9 декабря 1840 года предписалъ постричь Михаила Булгакова въ монашество [1]).

15 февраля 1841 года совершенъ былъ чинъ постриженія М. П. Булгакова въ монашество съ нареченіемъ ему имени Макарія въ память кіевскаго митрополита священномученика Макарія. Вмѣстѣ съ Макаріемъ посвящались въ монашество другіе четыре его товарища, въ числѣ которыхъ былъ, между прочимъ, и недавно почившій преосвящ. Ѳеофанъ, бывшій епископъ владимірскій [2]).

Священнодѣйствіе совершалъ ректоръ Академіи, архимандритъ Іеремія въ Свято-Духовской церкви Братскаго монастыря. Вскорѣ послѣ посвященія въ монашество новопостриженные иноки—студенты представлялись въ Лаврѣ ми-

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1840 г. дѣло № 118.

[2]) В. Аскоченскій въ своемъ „Дневникѣ“ весьма пессимистически отзывается о событіи 15 февраля 1841 года, когда въ академической церкви совершено было постриженіе 5 студентовъ, и подозрительно относится къ чистотѣ побужденій ихъ рѣшенія посвятить себя иноческой жизни (См. Ист. Вѣстн. т. VII стр. 319—328). Но послѣдствія показали совершенную неосновательность пространныхъ разсужденій Аскоченскаго. Изъ среды студентовъ, посвященныхъ 15 февраля 1841 г., вышли такіе выдающіеся иноки-аскеты, какъ недавно почившій преосв. Ѳеофанъ, самъ м. Макарій и безвременно скончавшійся ихъ товарищъ іером. Михаилъ (Монастыревъ).

трополиту Филарету, который, самъ будучи глубоко опытнымъ въ аскетической жизни, обратился къ нимъ съ такою назидательною рѣчью: „Храните больше всего чистоту души и тѣла: это должно быть вашимъ главнымъ отличіемъ отъ прочихъ людей; если сохраните вашу чистоту, Господь Іисусъ Христосъ вселится въ вашемъ сердцѣ, и тогда вамъ больше ничего не нужно, ничто не повредитъ вамъ, ничто не обременитъ васъ. Для сего будьте трезвы, воздерживайтесь не только отъ хмѣльныхъ напитковъ, но и отъ многоядения, во всемъ наблюдайте умѣренность. Предайте себя въ волю Божію, совершенно предайте. Не думайте о возвышеніяхъ, не позволяйте мечтамъ входить въ голову; не оскорбляйтесь, если возвышаютъ человѣка, по вашему мнѣнію, недостойнаго. Будьте тамъ, гдѣ поставятъ; будьте довольны тѣмъ, что дадутъ. Вѣрьте, что добраго монаха Богъ никогда не оставитъ: это невозможно, невозможно! Молитесь какъ можно чаще, всегда молитесь, если можно, имѣйте Господа Бога въ сердцѣ и на устахъ, и—Онъ будетъ съ вами всегда“ [1]).

Черезъ мѣсяцъ послѣ посвященія Макарія въ монашество, 15-го марта Академическое Правленіе, донося м. Филарету объ исполненіи синодальнаго указа, испрашивало у него разрѣшенія посвятить инока Макарія во іеродіакона, „дабы до окончанія академическаго курса онъ могъ пріучиться къ священнодѣйствію“. М. Филаретъ согласился и самъ 25 марта, при священнослуженіи въ Кіево-софійскомъ соборѣ, рукоположилъ Макарія во іеродіакона. По окончаніи же выпускныхъ экзаменовъ, 29 іюня 1841 года іеродіаконъ Макарій былъ рукоположенъ преосв. Іереміею чигиринскимъ (бывшимъ ректоромъ Академіи) во іеромонаха, при священнослуженіи въ семинарской Петро-Павловской церкви [2]).

Окончательныя академическія испытанія Макарій выдер-

[1]) См. Свящ. Оглоблина. Баккалавръ Кіевской дух. Академіи іером. Михаилъ Монастыревъ. Кіевъ. 1861 г. стр. 26—27.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1841 г. дѣло № 45.

жалъ съ обычнымъ блестящимъ успѣхомъ. Между прочимъ, 16 іюня 1841 года студентовъ X-го курса экзаменовалъ по богословію самъ м. Филаретъ, при чемъ іерод. Макарій, какъ видно изъ вѣдомости Правленія объ этомъ, былъ спрошенъ первымъ и получилъ высшій баллъ единицу; а 27 іюня въ заключеніе публичнаго испытанія студентовъ высшаго отдѣленія іеродіаконъ Макарій читалъ въ сокращеніи часть собственнаго сочиненія—Исторіи Кіевской Академіи, именно—о состояніи Академіи отъ основанія ея до 1700 года [1]). Въ общемъ выводѣ по всѣмъ предметамъ академическаго курса Макарій получилъ тотъ же высшій баллъ и слѣдующую аттестацію: „способностей отличныхъ, прилежанія ревностнаго, поведенія примѣрно хорошаго".

Такіе прекрасные успѣхи въ занятіяхъ вмѣстѣ съ неизмѣнно благонравнымъ поведеніемъ за все время академическаго образованія были достойно вознаграждены предоставленіемъ іеромонаху Макарію втораго мѣста въ спискѣ его товарищей, составленномъ общимъ собраніемъ Академической Конференціи и утвержденномъ 21 іюля 1841 года м. Филаретомъ, а также присужденіемъ ему магистерской степени, на что, впрочемъ, послѣдовало согласіе Св. Синода черезъ полтора года [2]).

---

[1]) См. Программу публичнаго испытанія студентовъ Кіевск. дух. Академіи 27 іюня 1841 года, по случаю окончанія X учебнаго курса. Кіевъ. 184 г. стр. 2—3.

[2]) См. Архивъ Кіев. дух. Акад. по Конференціи за 1841 г. дѣло № 6.

V. Макарій въ должности баккалавра Кіевской духовной Академіи и ректора Кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ.

Оставленіе іером. Макарія при Академіи и опредѣленіе его на вновь открытую каѳедру русской церковной и гражданской исторіи. Подготовка Макарія къ преподаванію порученныхъ ему начальствомъ предметовъ и затруднительное положеніе его въ качествѣ академическаго наставника русской церковной и гражданской исторіи, благодаря малоразработанности этихъ наукъ. Программа чтеній Макарія по русской церковной исторіи студентамъ XI-го курса Кіевской д. Академіи. Сочиненіе Макарія: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра", какъ печатное воспроизведеніе его академическихъ лекцій по введенію въ исторію русской церкви. Характеристика академическихъ чтеній Макарія по русской церковной исторіи на основаніи даннаго сочиненія. Общій планъ и особенности преподаванія Макаріемъ русской церковной исторіи. Сочиненіе Макарія: „Очеркъ исторіи христіанства въ Россіи до нашествія Татаръ", какъ печатное воспроизведеніе академическихъ чтеній его с бственно по исторіи русской церкви. Свидѣтельства очевидцевъ о преподаваніи Макаріемъ исторіи русской церкви. Программа чтеній Макарія по русской и гражданской исторіи. Свидѣтельство непосредственнаго слушателя Макарія о преподаваніи имъ русской гражданской исторіи. Случай во время внутренняго испытанія по русской гражданской исторіи въ декабрѣ 1841 года. Статья Макарія въ „Маякѣ" за 1842 годъ: „Пути промысла о Россіи въ порабощеніи ея татарами", какъ публичная лекція его, читанная во время испытанія въ іюнѣ 1842 г. Отношенія Макарія, въ бытность учителемъ Академіи, къ студентамъ и академической корпораціи.—Назначеніе Макарія на должность ректора кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ. Сложность и трудность ректорской должности въ связи съ запущенностію кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ. Заботы ректора Макарія объ улучшеніи нравственно-воспитательной, учебной и экономической сторонъ жизни кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ; отношеніе Макарія, какъ ректора, къ наставникамъ ввѣренныхъ ему училищъ; отзывъ начальства о службѣ Макарія въ должности ректора училищъ; непріятный случай съ жалованьемъ по должности ректора училищъ. Проповѣдническая дѣятельность Макарія въ Кіевѣ. Переводъ Макарія въ С.-Петербургскую духовную Академію; обстоятельства, содѣйствовавшія этому переводу; отзывъ Кіевскаго академическаго начальства о дарованіяхъ и службѣ Макарія; отъѣздъ Макарія изъ Кіева и посѣщеніе имъ своей родины на пути въ С.-Петербургъ.

Въ лицѣ іеромонаха Макарія Кіевская духовная Академія воспитала себѣ выдающагося во многихъ отношеніяхъ

молодаго ученаго. Это былъ, прежде всего, безспорно весьма даровитый питомецъ. Превосходныя дарованія своего ума, надѣленнаго склонностію къ глубокому анализу и широкимъ синтетическимъ обобщеніямъ и самымъ живымъ, творческимъ воображеніемъ, онъ съ блестящимъ успѣхомъ вынаружилъ особенно въ своихъ прекрасныхъ сочиненіяхъ какъ обыкновенныхъ студенческихъ, такъ и курсовыхъ—магистерскихъ. Съ другой стороны, это былъ въ высшей степени усердный и рѣдкій труженикъ, въ буквальномъ смыслѣ слова все время употреблявшій на занятіе науками. Эти два качества—даровитость и трудолюбіе—должны были пріобрѣсти въ глазахъ академическаго начальства еще бо́льшую цѣнность съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ Булгаковъ принялъ монашество и чрезъ то самое всецѣло посвятилъ себя на служеніе наукѣ.

Понятно, что Академія, воспитавъ такого выдающагося молодаго ученаго, какимъ былъ іеромонахъ Макарій, не пожелала разстаться съ нимъ, а позаботилась въ лицѣ своего начальства объ оставленіи его на службѣ Академіи. Для Академіи въ то время крайне нужны были способные и даровитые дѣятели, которые бы могли не только хорошо преподавать, но даже и вновь создавать системы наукъ. Эта послѣдняя, весьма важная и отвѣтственная задача и была, дѣйствительно, возложена на окончившаго академическій курсъ іеромонаха Макарія.

Должно замѣтить при этомъ, что въ Кіевской духовной Академіи до 1841 года не было самостоятельной каѳедры для преподаванія такихъ важныхъ наукъ, какъ русская церковная и русская гражданская исторія. Обѣ названныя науки до того времени входили въ составъ курсовъ общей церковной и общей гражданской исторіи. Само собою разумѣется, что такая постановка дѣла должна была крайне неблагопріятно отзываться на успѣхахъ студентовъ Академіи въ знаніи ими отечественной церковной и гражданской исторіи. Обыкновенно преподаватели общей церковной исторіи излагали судьбы

русской церкви въ концѣ всего учебнаго курса и въ большинствѣ случаевъ, за недостаткомъ времени, дѣлали это быстро и бѣгло. Что же касается общей гражданской исторіи, въ обширную программу которой входило и преподаваніе исторіи русскаго государства, то она совсѣмъ не слушалась нѣкоторыми студентами Академіи. Дѣло въ томъ, что общая гражданская исторія преподавалась студентамъ низшаго отдѣленія Академіи въ одни и тѣже часы съ физико-математическими науками. Поэтому, всѣ тѣ студенты, которые слушали физико-математическія науки, въ силу необходимости, не могли уже изучать гражданской общей и русской исторіи. Къ числу такихъ именно студентовъ, какъ читатели, вѣроятно, замѣтили изъ предыдущаго очерка жизни Макарія, принадлежалъ и этотъ послѣдній: слушая физико-математическія науки, онъ совсѣмъ не изучалъ въ Академіи гражданской общей и русской исторіи.

Итакъ, выходило, что всѣ вообще студенты Кіевской Академіи до 1841 года пріобрѣтали въ своей alma mater самыя общія и поверхностныя познанія по исторіи русской церкви, тогда какъ нѣкоторые изъ нихъ должны были оставлять Академію совсѣмъ безъ всякихъ научныхъ познаній по исторіи русскаго государства. Академическое Начальство само, безъ сомнѣнія, прекрасно понимало всѣ невыгоды такого порядка вещей. Смѣемъ думать, что Иннокентій, бывшій ректоромъ Академіи до 1839 года и такъ ревностно заботившійся о водвореніи въ Кіевской Академіи русскаго языка и русскаго духа, объ оживленіи въ Академіи преданій исторической жизни ея [1]), а въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Кіевѣ помышлявшій даже заняться начертаніемъ исторіи отечественной церкви [2]), долженъ былъ особенно скорбѣть

[1]) Историческая записка. И. И. Малышевскаго См. Юбилейный Сборникъ. Кіевъ. 1869. стр. 113.

[2]) См. Біографическую записку о преосвященномъ Иннокентіи, архіепископѣ херсон. и таврич. Ордин. акад. преосв. Макарія въ Ученыхъ Запискъ. II-го отдѣл. Акад. Наукъ за 1859 г. кн. V, стр. XLVII.

объ упадкѣ преподаванія въ Кіевской Академіи такихъ важныхъ наукъ, какъ исторія русской церкви и русскаго государства. Однакоже при всемъ своемъ искреннемъ желаніи пособить горю, Академическое начальство въ первое время рѣшительно не могло сдѣлать этого. Оно было крайне стѣснено скудостію матеріальныхъ средствъ, отпускавшихся на содержаніе Академіи, и недостаткомъ надежныхъ ученыхъ дѣятелей, которыхъ едва доставало для замѣщенія каѳедръ по главнымъ предметамъ. Только уже въ 1841 году, т. е. черезъ 22 года послѣ преобразованія, когда Кіевская духовная Академія пріобрѣла себѣ въ лицѣ іером. Макарія даровитаго молодаго ученаго, одушевленнаго искреннею любовію къ научнымъ занятіямъ, рѣшено было открыть особую каѳедру для преподаванія русской церковной и гражданской исторіи и опредѣлить на неё іером. Макарія. Это рѣшеніе состоялось 28 іюля 1841 года и было такъ мотивировано Академическою Конференціею: „по уваженію къ тому обстоятельству, что для преподаванія россійской гражданской исторіи въ низшемъ отдѣленіи и исторіи церкви россійской въ высшемъ подъ конецъ двухгодичнаго курса остается мало времени, тогда какъ отечественная какъ церковная, такъ и гражданская исторія преимущественно должны бы быть прочитываемы въ надлежащей полнотѣ; при томъ же гражданской отечественной исторіи и не всѣ даже студенты обучаются, потому что половинная часть ихъ обучается въ тѣ же часы физико-математическимъ наукамъ; то необходимо опредѣлить для преподаванія сихъ предметовъ особаго наставника, отдѣливъ по два часа въ недѣлю въ низшемъ отдѣленіи для преподаванія россійской гражданской исторіи, а въ высшемъ—церковной русской исторіи и назначивъ для сего окончившаго курсъ студента, іеромонаха Макарія“ [1]).

Такое опредѣленіе Академической Конференціи, состоявшееся по иниціативѣ ректора, архимандрита Димитрія и имъ

[1]) См. арх. Кіевск. Акад. по Конференціи за 1841 г. дѣло № 57.

самимъ весьма резонно обоснованное, было тогда же утверждено кіевскимъ митрополитомъ Филаретомъ и потомъ Свят. Синодомъ. Въ силу этого опредѣленія, іером. Макарій долженъ былъ съ началомъ $184^1/_2$ учебнаго года открыть чтеніе лекцій по русской церковной и гражданской исторіи въ родной Академіи.

Невольно является здѣсь вопросъ: въ какой степени іером. Макарій былъ подготовленъ къ исполненію высокихъ обязанностей, возложенныхъ на него начальствомъ? Нельзя не признать, что семинарская и академическая школа, пройденная Макаріемъ и много, какъ мы видѣли, содѣйствовавшая полному раскрытію его необыкновенныхъ дарованій, въ то же время могла дать ему сравнительно незначительную подготовку для преподаванія собственно порученныхъ ему предметовъ. Мы знаемъ, что какъ въ семинаріи, такъ и въ Академіи русская церковная и гражданская исторія входила въ составъ общаго курса церковной и гражданской исторіи и въ большинствѣ случаевъ изучалась тамъ и здѣсь кратко, бѣгло и поверхностно. Съ другой стороны, слѣдуетъ замѣтить еще и то, что въ годы студенчества Макарія преподаваніе общей церковной и гражданской исторіи въ Кіевской духовной Академіи оставляло желать многаго. По свидѣтельству Аскоченскаго, оба профессора историческихъ наукъ не пользовались тогда среди студентовъ репутаціею хорошихъ преподавателей и потому студенты относились къ ихъ лекціямъ съ большимъ равнодушіемъ. „Д. И. Макаровъ“—пишетъ въ своемъ дневникѣ Аскоченскій,—„Д. И. Макаровъ, профессоръ церковной исторіи, читаетъ её какъ бы это сказать?.. Случалось ли вамъ слушать стараго проповѣдника, который боится на каѳедрѣ говорить по модному и ломаетъ бѣдный языкъ по письменному? Или: случалось ли вамъ слышать чтеніе повѣсти Марлинскаго отъ какого-нибудь сельскаго попа, или отъ чего-нибудь въ родѣ этого? Если случалось, то вы поймете, какъ досадно и скучно слышать хорошую лекцію, исковерканъ-

ную какою-то фанатическою набожностію къ цѣлости буквъ и положенную на какія-то жалкія ноты монотоніи. Не знаю, какъ теперь, а въ наше время [1]) многіе внимательные слушатели уроковъ Макарова съ четверть часа не могли наладить рѣчи своей на складъ человѣческій. А, впрочемъ, Д. И. Макаровъ дѣлаетъ свое дѣло добросовѣстно. Онъ трудится много, крѣпко много, лишь трудъ его невидѣнъ" [2]). Еще болѣе рѣзкій отзывъ дѣлаетъ В. Аскоченскій о лекціяхъ проф. А. Д. Граникова [3]), который преподавалъ общую гражданскую исторію и котораго, впрочемъ, Макарій, какъ изучавшій физико-математическія науки, совсѣмъ не слушалъ.

Словомъ, благодаря тому, что въ старой семинаріи и академіи историческія науки причислялись къ разряду второстепенныхъ учебныхъ предметовъ, школа, пройденная Макаріемъ, не могла дать ему вполнѣ достаточной подготовки къ преподаванію порученныхъ ему наукъ. Но то, чего не дала школа, Макарій могъ восполнить и, дѣйствительно, восполнилъ путемъ самостоятельныхъ занятій.

---

[1]) В. И. Аскоченскій, воспитанникъ IX курса, учился въ Кіевской духовной Академіи въ 1835—1839 г.

[2]) См. Истор. Вѣстн. т. VII. (1882 г.) стр. 337.

[3]) „Всеобщая исторія..., пишетъ В. И. Аскоченскій, „постойте, дайте перевести духъ..., Когда-то давно, еще въ первомъ курсѣ здѣшней Академіи былъ одинъ студентъ, отличавшійся аккуратностью и классическою точностью. Студентъ этотъ хорошо училъ уроки, подавалъ во-время задачи, регулярно ходилъ въ столовую, въ церковь и былъ nec plus ultra исправный ученикъ. За таковыя похвальныя качества его присудили оставить баккалавромъ, кажется, французскаго языка. Прошло нѣсколько времени и ему отдали въ жертву исторію, и съ тѣхъ поръ онъ вымучиваетъ изъ нея дыханіе и жизнь. Взявъ въ помощники себѣ Кайданова (т. е. разумѣется учебникъ), онъ тиранитъ ее, анатомируетъ и сѣчетъ... Страхъ послушать, какъ онъ начнетъ разсказывать о событіяхъ древняго міра: ни одной живой мысли, ни одной идеи, которая бы проникала мертвые факты, нанизанные какъ попало, на удачу. Для этого человѣка какъ будто нѣтъ ни Гретера, и Нибура, ни Погодина, ни Шафарика. Бѣдная исторія, бѣдная Академія, бѣдные студенты! Губитъ васъ А. Д. Граниковъ!... А какъ важенъ этотъ нашъ отсталый профессоръ,—иной разъ подумаешь, что онъ съ неба звѣзды хватаетъ, а приглядишься поближе, анъ и выйдетъ трынъ-трава". Истор. Вѣстн. т. VII (1882 г.) стр. 338.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ періодъ студенчества Макарія среди воспитанниковъ Кіевской духовной Академіи было весьма развито самообразованіе. Самъ Макарій свидѣтельствовалъ впослѣдствіи, что тогдашній ректоръ Академіи Иннокентій, „желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, совѣтывалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподававшихся въ Академіи, а заниматься чтеніемъ и другихъ наукъ, напр., астрономіи, естественной исторіи“ [1]). И по свидѣтельству одного изъ товарищей Макарія, свящ. Н. Я. Оглоблина, въ ихъ время было весьма распространено въ Академіи самообразованіе студентовъ посредствомъ чтенія книгъ разнообразнаго содержанія [2]). Благодаря такому порядку вещей, историческія знанія въ Кіевской Академіи тогда значительно процвѣтали, не смотря даже на то, что историческія науки оффиціально считались второстепеннымъ, т. е. неважнымъ въ учебномъ отношеніи предметомъ и потому преподавались сравнительно слабо. Путемъ самостоятельныхъ занятій и чтенія серьезныхъ сочиненій по исторіи нѣкоторые студенты успѣвали пріобрѣтать въ Академіи удивительно обширныя историческія познанія. Въ музейной библіотекѣ Кіевской духовной Академіи есть, между прочимъ, рукописный дневникъ бывшаго студента ея, воспитанника IX-го курса Маркіана Гребинскаго. По свидѣтельству этого Гребинскаго, одинъ изъ его товарищей А. В. Павловъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ Харьковской д. семинаріи, въ годы студенчества владѣлъ поразительно обширными свѣдѣніями по разнымъ отраслямъ наукъ и особенно по исторіи. „Ни одна отрасль познаній человѣческихъ“,

---

[1]) См. біографическ. записку о преосв. Иннокентіи, архіеп. херс. и таврич. въ Учен. запискк. II-го отдѣл. Импер. Акад. Наукъ за 1859 г. кн. V стр. XLIV.

[2]) См. біографическій очеркъ его сочиненія подъ заглавіемъ: „Баккалавръ Кіевской духовной Академіи іеромонахъ Михаилъ Монастыревъ“. Кіевъ. 1861. стр. 122.

читаемъ въ дневникѣ Гребинскаго, „не представляла ему, т. е. Павлову ровно никакихъ затрудненій: равно блестящіе успѣхи онъ оказывалъ при изученіи самыхъ разнообразныхъ предметовъ: филологія, древности, поэзія, математика, философія, исторія во всѣхъ своихъ видахъ, естественныя науки, богословіе, законовѣдѣніе и пр. и пр.,—все это въ удивительной симметріи вмѣщалось у него въ головѣ... Но то, къ чему онъ питалъ неотразимую страсть, въ чемъ находилъ свое высшее наслажденіе,—это была исторія въ ея обширнѣйшемъ значеніи... Историческія свѣдѣнія его, дѣйствительно, были изумительны: исторія каждаго народа, каждой страны и по преимуществу каждой науки была извѣстна ему во всѣхъ подробностяхъ... Мы его звали живою библіотекою и въ этомъ названіи не было ничего преувеличеннаго: онъ точно замѣнялъ библіотеку для своихъ товарищей... Вообще нашъ Александръ, какъ звали его всѣ мы—товарищи, никогда не могъ забыть того, что онъ видѣлъ когда-либо, или слышалъ, или читалъ,—а читалъ онъ непостижимо много и непостижимо быстро. Вотъ примѣръ быстраго его чтенія: на первый день Пасхи послѣ обѣда онъ началъ читать, а на третій кончилъ шесть томовъ исторіи Полеваго“ [1]).

Къ числу студентовъ, весьма много читавшихъ серьезныя сочиненія по разнымъ отраслямъ человѣческихъ знаній, принадлежалъ и Макарій. Въ этомъ отношеніи онъ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ исполнителей совѣта ректора Иннокентія касательно самостоятельнаго восполненія своихъ познаній посредствомъ чтенія книгъ разнообразнаго содержанія. Въ числѣ ученическихъ упражненій Михаила Булгакова вышеупомянутымъ родственникомъ покойнаго м. Макарія С. А. Булгаковымъ намъ, между прочимъ, доставлены собственноручныя замѣчанія Макарія о прочитанномъ, веденныя имъ въ годы студенчества. Изъ этихъ замѣчаній видно, что Макарій въ періодъ своего студенчества читалъ удивительно много, при чемъ сочиненія,

[1]) См. Муз. Рук. № 624.

читанныя имъ тогда, были самаго разнообразнаго содержанія и ко всему прочитанному онъ относился критически. Въ этихъ замѣчаніяхъ мы находимъ разсужденія Макарія по самымъ разнообразнымъ вопросамъ богословскаго, экзегетическаго, апологетическаго, аскетическаго, философскаго и естественно-историческаго характера,—разсужденія, возбужденныя чтеніемъ книгъ по даннымъ вопросамъ. Изъ этихъ же замѣчаній и разсужденій видно, что Макарій въ періодъ своего студенчества читалъ весьма много по исторіи всеобщей и русской какъ церковной, такъ и гражданской и благодаря этому владѣлъ обширными свѣдѣніями по даннымъ предметамъ. Видно также изъ этихъ студенческихъ замѣтокъ Макарія, что онъ уже тогда весьма внимательно слѣдилъ за новыми открытіями въ области исторіи, знакомясь съ новыми историческими изслѣдованіями по тогдашнимъ періодическимъ изданіямъ.

Но какъ ни широки (сравнительно) были свѣдѣнія по русской церковной и гражданской исторіи, какія Макарій могъ пріобрѣсти въ годы студенчества посредствомъ чтенія книгъ и журнальныхъ статей, все таки этихъ свѣдѣній было далеко недостаточно для того, чтобы съ ними можно было выступить Макарію въ качествѣ академическаго наставника. Макарію, очевидно, предстояла трудная задача самостоятельно восполнить недостаточность историческихъ познаній, пріобрѣтенныхъ имъ во время школьнаго образованія. Трудность этой задачи значительно возрастала еще отъ того, что въ то время русская гражданская и особенно церковная исторія была весьма мало разработана. Правда, число изслѣдованій по русской гражданской исторіи уже и тогда было довольно значительно (труды Стриттера, Татищева, Щербатова, Глинки, Кайданова, Полеваго, Устрялова и др.), но между ними было весьма мало сочиненій въ полномъ смыслѣ слова научныхъ, подобныхъ „исторіи Государства Россійскаго“ Н. М. Карамзина и спеціальнымъ изслѣдованіямъ Ю. И. Венелина, П. В. Соловьева, Ѳ. Л. Морошкина, М. П. Погодина

и немногихъ другихъ. Для систематическаго же изслѣдованія прошедшихъ судебъ русской церкви въ то время почти совсѣмъ не было никакихъ пособій и руководствъ, за исключеніемъ трудовъ м. Платона, м. Евгенія, Амвросія и Муравьева,—трудовъ, далеко не во всемъ удовлетворявшихъ требованіямъ исторической критики и высшаго учебнаго заведенія.

Такимъ образомъ, іером. Макарій, оставленный учителемъ Академіи по русской церковной и гражданской исторіи, долженъ былъ оказаться въ крайне затруднительномъ положеніи. Прежде приготовленія самыхъ будущихъ своихъ чтеній, онъ долженъ былъ еще совершенно самостоятельно выработать планъ этихъ чтеній, или программу русской церковной и гражданской исторіи. Въ настоящее время, когда у насъ имѣется уже множество и спеціальныхъ изслѣдованій и учебныхъ руководствъ по даннымъ наукамъ, составленіе программы преподаванія ихъ не можетъ представлять для молодаго наставника такого труда, какимъ оно должно было являться въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Тогда для составленія программы русской церковной и гражданской исторіи нужно было предварительно хорошо и самостоятельно познакомиться съ этими науками въ ихъ цѣлой системѣ, многое перечитать и передумать, во многомъ критически разобраться и тогда уже установить общій планъ и раздѣленіе системы на части. Съ другой стороны, самое систематическое изученіе русской церковной и гражданской исторіи въ то время должно было представлять весьма значительныя затрудненія, благодаря отсутствію пособій. Преподаватель русской церковной и гражданской исторіи, если онъ не желалъ ограничиваться одними тогдашними учебниками, во многихъ отношеніяхъ несовершенными, долженъ былъ изучать её почти исключительно на основаніи первоначальныхъ источниковъ.

Изъ сказаннаго нами сейчасъ ясно, какой великій трудъ выпалъ на долю Макарія тотчасъ же по окончаніи имъ академическаго курса. Въ то время, какъ его товарищи

предавались пріятному и совершенно естественному отдохновенію послѣ 16-лѣтнихъ неутомимыхъ трудовъ, онъ долженъ былъ всѣ лѣтнія каникулы 1841 года употребить на подготовку къ чтенію лекцій, которое онъ и началъ съ 1 сентября того же года.

Программа, по какой іером. Макарій преподагалъ студентамъ высшаго отдѣленія Академіи въ $184^1/_2$ учебномъ году русскую церковную исторію, весьма ясно показываетъ, что авторъ ея отнесся къ возложенной на него высокой обязанности съ полною серьезностію и сознаніемъ своего долга. Программа эта, по очевидному намѣренію автора, должна была обнять предметъ во всей возможной полнотѣ его. Въ пользу же научной основательности и обстоятельности ея краснорѣчивѣе всего можетъ говорить то обстоятельство, что программа эта, послѣ небольшихъ измѣненій, легла потомъ въ основаніе знаменитаго двѣнадцатитомнаго труда м. Макарія по исторіи русской церкви. Къ сожалѣнію, Макарій, по причинѣ кратковременности своего служенія въ родной Академіи, не могъ выполнить всей глубоко и широко задуманной имъ программы. Въ теченіи $184^1/_2$ учебнаго года онъ успѣлъ прочитать только самую незначительную часть своей программы, чему не мало содѣйствовало безъ сомнѣнія и то обстоятельство, что Макарій имѣлъ только одну двухчасовую лекцію въ недѣлю для преподаванія русской церковной исторіи.

Исторію эту іером. Макарій преподавалъ студентамъ XI-го академическаго курса по слѣдующей программѣ. Во введеніи онъ разъяснялъ своимъ слушателямъ побужденія къ изученію русской церковной исторіи, раскрывая подробно важность, необходимость, пользу и занимательность науки; здѣсь же опредѣлялось понятіе русской церковной исторіи, какъ науки, при чемъ наставникъ видимо обращалъ особенное вниманіе на характеристику источниковъ науки—частныхъ и общихъ. Вторую часть введенія въ науку составляло

„изслѣдованіе о начаткахъ христіанства въ Россіи до крещенія великаго князя Владиміра“, распадавшееся, въ свою очередь, на два отдѣла: въ первомъ говорилось о начаткахъ христіанства въ Россіи до основанія русскаго государства (проповѣдь св. ап. Андрея и христіанство въ Россіи послѣ сей проповѣди), а во второмъ—объ успѣхахъ христіанства въ Россіи со времени основанія русскаго государства до крещенія св. Владиміра (Рюрикъ—христіанинъ, крещеніе Аскольда и Дира съ нѣкоторыми кіевлянами, переводъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, состояніе христіанства въ Россіи при Аскольдѣ и Дирѣ, при Олегѣ и Игорѣ, обращеніе въ христіанство великой княгини Ольги и попытки къ распространенію на Руси католицизма).

Считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что вторая часть введенія въ исторію русской церкви, читанная іером. Макаріемъ студентамъ XI курса Кіевской духовной Академіи, впослѣдствіи была напечатана авторомъ. Она печаталась сначала на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“ въ видѣ цѣлаго ряда статей подъ заглавіемъ: „Начало Православной церкви въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія русскаго царства“ и „Начало Православной церкви собственно въ царствѣ русскомъ“ [1]), а потомъ въ 1846 году вышла отдѣль-

[1]) См. „Христ. Чтен.“ за 1845 г. ч. 1-я стр. 98—154, 276—292 и 369—396, гдѣ помѣщены статьи Макарія безъ подписи: „Начало православной Церкви въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія Русскаго Царства: а) Проповѣдь св. ап. Андрея въ странахъ нашихъ; б) Церковь Христова въ древней Скиѳіи или нынѣшнемъ Новороссійскомъ краѣ и в) Церковь Христова въ древней Сарматіи, или нынѣшнемъ Кавказскомъ краѣ“; за 1845 г. ч. 2 стр. 88—131 и 282—307, гдѣ помѣщенъ рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Церковь Христова въ Закавказьи“; за 1845 г. ч. 2, стр. 454—496 и ч. 3-я, стр. 266—332, гдѣ помѣщены статьи подъ заглавіемъ „Начало Православной Церкви собственно въ Царствѣ Русскомъ“ и „Переводъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ“ и за 1846 г. ч. 1 стр. 76—138, гдѣ помѣщена статья „Начатки Христіанства въ Царствѣ Русскомъ со времени основанія его до равноапостольной княгини Ольги“, при чемъ эта статья была уже перепечаткой изъ книги: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“.

ною книгою подъ заглавіемъ: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви“. Въ пользу того, что означенныя статьи „Христіанскаго Чтенія“ и сочиненіе Макарія представляютъ только незначительную переработку его академическихъ лекцій въ Кіевѣ, говоритъ, прежде всего, почти совершенное тожество плана, по какому написаны статьи, сочиненіе и академическая программа. Въ соотвѣтствіе программѣ академическихъ чтеній названный печатный трудъ Макарія состоитъ изъ двухъ частей, при чемъ въ первой части изображается „исторія христіанства въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія русскаго царства“, а во второй—„исторія христіанства собственно въ царствѣ русскомъ до происхожденія русской церкви при равноапостольномъ князѣ Владимірѣ“. Различіе между сочиненіемъ и программою академическихъ чтеній состоитъ только въ томъ, что въ сочиненіи, кажется, былъ значительно расширенъ отдѣлъ, гдѣ изображается исторія христіанства въ Россіи послѣ проповѣди св. ап. Андрея, такъ что II, III, IV и V главы сочиненія „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ были, по всей вѣроятности, вновь составлены, или, по крайней мѣрѣ, значительно восполнены Макаріемъ уже въ С.-Петербургѣ. Кромѣ того, въ сочиненіи мы не находимъ нѣкоторыхъ отдѣловъ, намѣченныхъ въ программѣ и, очевидно, читанныхъ Макаріемъ студентамъ XI-го курса, именно отдѣловъ подъ рубриками: „Рюрикъ—христіанинъ“ и „попытки къ распространенію на Руси католицизма“. За исключеніемъ же этихъ несущественныхъ дополненій и пропусковъ, академическія чтенія и названный печатный трудъ Макарія вполнѣ совпадаютъ между собою, что́ собственно и даетъ намъ право утверждать, что сочиненіе Макарія „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ есть только печатное воспроизведеніе его кіевскихъ академическихъ чтеній по введенію въ исторію русской цер-

кви. Впрочемъ, мы имѣемъ и прямое свидѣтельство самаго Макарія о томъ, что поименованное сочиненіе его было печатнымъ воспроизведеніемъ его кіевскихъ академическихъ лекцій съ самыми незначительными поправками. Въ одномъ письмѣ къ своему товарищу С. А. Серафимову [1]), бывшему тогда баккалавромъ Кіевской духовной Академіи, Макарій, между прочимъ, говоритъ: „мои историческія записки *вовсе не имѣю времени поправлять*, а безъ поправокъ не считаю достойными печати, хотя, признаюсь, у меня просятъ ихъ и въ „Маякъ“ и въ „Журналъ Министерства“ и въ „Христіанское Чтеніе“. *Впрочемъ, первые листы, съ небольшими перемѣнами, отдалъ уже переписывать студенту*“ [2]).. Это свидѣтельство относится къ 15 декабря 1842 года и, слѣдовательно, было писано черезъ 4 мѣсяца по отъѣздѣ Макарія изъ Кіева въ С.-Петербургъ. Понятно, что за такой короткій срокъ времени, при другихъ сложныхъ занятіяхъ, Макарій и не могъ сдѣлать никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ своихъ академическихъ чтеніяхъ.

Словомъ, мы имѣемъ полное право смотрѣть на „Исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“, какъ на печатное воспроизведеніе академическихъ кіевскихъ чтеній Макарія по русской церковной исторіи. Чтенія эти видимо были интересны. Чисто ученый интересъ въ нихъ вполнѣ гармонировалъ съ требованіями занимательности. Полнота со стороны изученія и разработки матеріала [3]),

---

[1]) Серафимъ Антоновичъ Серафимовъ, о которомъ намъ придется неоднократно упоминать, былъ товарищъ Макарія по Академіи и съ 1841 до 1845 г. былъ баккалавромъ Кіевск. дух. Академіи по греческому языку. Онъ былъ уроженецъ Екатеринославской епархіи и происходилъ изъ природныхъ грековъ. Въ 1845 г. онъ вышелъ въ Херсонское Епархіальное вѣдомство. См. „Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской д. Академіи“. Кіевъ. 1869 г. стр. 399.

[2]) См. Церков. Вѣст. 1883 г. № 8.

[3]) Матеріалъ для своихъ лекцій, какъ видно изъ подстрочныхъ примѣчаній, Макарій бралъ преимущественно изъ первоисточниковъ: Лѣтописей, Четьихъ Миней, произведеній древнихъ церковныхъ и византійскихъ историковъ и т. п.

стройность и отчетливость въ планѣ, точность въ изложеніи событій, строгость выводовъ, замѣчательное безпристрастіе въ оцѣнкѣ событій въ связи съ изящностью и простотою изложенія должны были вызывать въ слушателяхъ молодаго баккалавра глубокій интересъ и вниманіе къ его чтеніямъ по введенію въ исторію русской церкви. Но больше всего академическія чтенія Макарія должны поражать каждаго легкостію и свободою, съ какою молодой наставникъ видимо чувствовалъ себя въ такой малоизвѣстной и почти совершенно неразработанной тогда области, какъ первоначальная исторія христіанства въ Россіи. Наконецъ, главная заслуга Макарія, какъ автора „Исторіи христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“, состояла въ томъ, что онъ первымъ изъ русскихъ ученыхъ съ достоинствомъ прошелъ дотолѣ неизвѣстную область и вполнѣ самостоятельно создалъ изъ сыраго неразработаннаго матеріала прекрасное предверіе къ великому зданію исторіи русской церкви.

Неудивительно, поэтому, если выходъ въ свѣтъ такого сочиненія съ искреннею радостію привѣтствовали всѣ истинные любители исторіи отечественной церкви. Лучшимъ выразителемъ ихъ голоса явился учитель и ректоръ Макарія преосв. Иннокентій, отзывъ котораго объ академическихъ чтеніяхъ Макарія долженъ имѣть для насъ тѣмъ бо́льшую цѣнность, что преосв. Иннокентій, по собственнымъ его словамъ, самъ занимался тѣмъ же предметомъ и, слѣдовательно, могъ судить о трудѣ своего ученика, какъ опытный спеціалистъ. Вотъ что писалъ преосв. Иннокентій въ своемъ письмѣ къ Макарію отъ 15 марта 1846 года о сочиненіи его „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“: „не успѣлъ еще вновь перечитать я книги вашей, достопочтеннѣйшій о. Макарій; но читалъ съ особеннымъ удовольствіемъ статьи изъ ней въ „Христіанскомъ Чтеніи“. Спѣшу принести вамъ усерднѣйшую благодарность за сей преполезный трудъ. *Вы побѣдили съ успѣхомъ то,*

что есть наиболѣе непреодолимаго въ нашей церковной исторіи. Говорю это тѣмъ съ большею увѣренностію, что сей же самый предметъ занимаетъ меня съ давняго времени. Вполнѣ радуюсь за успѣхъ Вашъ“ [1])...

Но возвратимся къ дальнѣйшему разсмотрѣнію программы академическихъ чтеній іеромонаха Макарія по русской церковной исторіи. За введеніемъ, съ которымъ мы познакомились, слѣдовало самое изложеніе исторіи русской церкви въ первый періодъ ея жизни: со времени окончательнаго утвержденія у насъ христіанской церкви до раздѣленія русской іерархіи, т. е. 988—1416 г.. Изъ всего этого періода іером. Макарій успѣлъ, впрочемъ, въ теченіи $184^1/_2$ учебнаго года обозрѣть только два первыхъ отдѣла: а) 988—1240 г. и б) 1240—1588 г.. При этомъ считаемъ необходимымъ обратить вниманіе читателей на то, что іером. Макарій самъ видимо былъ не совсѣмъ увѣренъ въ разъ намѣченномъ дѣленіи русской церковной исторіи и потому измѣнялъ его. Такъ, въ конспектѣ, представленномъ къ декабрьскому испытанію студентовъ въ 1841 году, у него первый періодъ исторіи русской церкви опредѣлялся 988 и 1416 г.г., а въ конспектѣ іюньскаго испытанія 1842 года тотъ же періодъ у него продолжается уже до 1588 года. Также точно по декабрьскому конспекту первый отдѣлъ перваго періода русской церковной исторіи у Макарія простирался до 1113 года, а по іюньскому конспекту онъ продолжался уже до 1240 года [2]). Впослѣдствіи Макарій дѣлалъ еще нѣкоторыя измѣненія въ первоначально составленномъ планѣ исторіи русской церкви, при чемъ, по собственному его свидѣтельству, выработка опредѣленнаго плана и

---

[1]) См. Письма Иннокентія, архіепископа харьковск. и затѣмъ херсонск. къ Макарію м. Московскому въ Церковн. Вѣстн. 1883 г. №№ 17—18.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1841 г. дѣло 55 и за 1842 г. дѣло 28.

установленіе дѣленія русской церковной исторіи больше всего доставляло ему труда и хлопотъ [1]).

Судя по прочитанному Макаріемъ въ теченіи 184½ учебнаго года, онъ намѣренъ былъ разсматривать въ каждомъ отдѣлѣ сначала внѣшнее состояніе русской церкви, именно: состояніе паствы (умноженіе числа вѣрующихъ, попытки папъ сократить число православно-вѣрующихъ въ Россіи, благоденствіе и бѣдствія вѣрующихъ) и состояніе іерархіи (митрополиты, епископы и прочее низшее духовенство), а потомъ уже внутреннюю жизнь русской церкви (состояніе ученія какъ православнаго, такъ и неправославнаго, священнослуженія, вѣры и нравственности). Можно, кромѣ того, догадываться, что въ своихъ академическихъ чтеніяхъ іером. Макарій обращалъ преимущественное вниманіе на изображеніе внутренней жизни и состоянія русской церкви. По крайней мѣрѣ, въ теченіи второй половины 184½ учебнаго года онъ успѣлъ прочитать только о состояніи вѣры и нравственности въ первый отдѣлъ перваго періода и едва только приступилъ было ко второму отдѣлу того же періода.

Кіевскія академическія чтенія іером. Макарія, въ которыхъ излагалась собственно исторія русской церкви, впослѣдствіи также были напечатаны имъ въ С.-Петербургѣ. Они печатались сначала на страницахъ академическаго журнала „Христіанскаго Чтенія“ подъ общимъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій 992—1240 г.“ [2]) и затѣмъ вышли отдѣльнымъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: „Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія татаръ СПБ. 1847 г.“ [3]). Относительно названнаго нами сейчасъ

---

[1]) „Планъ для будущаго моего сочиненія“, писалъ Макарій 9 апр. 1846 года преосв. Иннокентію, „я уже троекратно перестраивалъ, и тотъ, который теперь у меня въ головѣ, уже не нравится мнѣ“ (См. Письма Макарія къ Иннокентію въ Хр. Чт. 1884 г. т. 1).

[2]) См. Христ. Чт. за 1847 г. ч. I стр. 220—283 и 354—432 и ч. II стр. 42–92.

[3]) См. Русск. Стар. т. 38 (1883 г.) стр. 671.

печатнаго труда Макарія можно съ полною увѣренностію утверждать, что онъ представляетъ только немного измѣненное и исправленное воспроизведеніе его академическихъ чтеній. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, прежде всего, самъ Макарій. Въ своемъ письмѣ къ преосв. Иннокентію отъ 28 генваря 1847 года онъ, между прочимъ, говоритъ: „смотря на такія качества исторіи преосв. Филарета [1]), я не устыдился начать съ нынѣшней книжки Христіанскаго Чтенія печатаніе своихъ краткихъ и бѣдныхъ записокъ по русской церковной исторіи, которыя набросалъ еще въ Кіевѣ, въ первый годъ моего баккалаврства, *поисправивши теперь лишь кое-что*“ [2]). Съ первой же книжки Христіанскаго Чтенія за 1847 годъ началось печатаніе статей Макарія подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій“. Къ тому же и самый планъ даннаго „очерка“ въ общемъ совершенно одинаковъ съ программою академическихъ чтеній Макарія, за исключеніемъ самаго незначительнаго различія, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія ихъ:

Программа академическихъ чтеній по русской церковной исторіи:	*Содержаніе „очерка исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій“.*
А. Внѣшнее состояніе.	А. Состояніе Церкви по внѣшнему составу.
1. Состояніе паствы	1. Состояніе іерархіи

[1]) Разумѣется „Исторія Русской Церкви“ преосв. рижскаго Филарета Гумилевскаго. Въ этомъ и другихъ своихъ письмахъ къ преосв. Иннокентію Макарій весьма неодобрительно отзывается о трудѣ преосв. Филарета, называя его исторію не иначе, какъ „рижская исторія“. Вообще между Филаретомъ и Макаріемъ въ это время существовали недружелюбныя отношенія, возникшія на почвѣ учено-литературнаго соперничества. Къ чести Макарія должно замѣтить, что поводъ къ такимъ отношеніямъ подалъ не онъ, а его соперникъ, помѣстившій въ „Чтеніяхъ въ Императ. Обществѣ Ист. и Древн. Рос.“ (1846 г. № 4 стр. 1—28) статью о „Кириллѣ и Меѳодіѣ“, гдѣ сдѣлалъ довольно критическій отзывъ о трудѣ Макарія. Послѣдній отвѣчалъ преосв. Филарету съ полнымъ сознаніемъ достоинства и благородно въ своемъ „Очеркѣ исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій“. См. Христ. Чт. 1847 г. ч. 1 стр. 396—400 и др.

[2]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. I. Письмо отъ 28 генв. 1847 года.

2. Состояніе іерархіи	2. Состояніе паствы.
Б. Внутреннее состояніе Церкви.	Б. Состояніе Церкви по внутреннему устройству.
1. Состояніе ученія	1. Состояніе духовнаго просвѣщенія и ученія.
2. Состояніе священнослуженія.	2. Состояніе богослуженія.
3. Состояніе управленія.	3. Состояніе управленія.
В. Состояніе вѣры и нравственности христіанъ.	В. Состояніе Церкви по вѣрѣ и нравственности.
1. Всѣхъ вообще.	1. Общій взглядъ на это состояніе.
2. Монастырей и монашествующихъ.	2. Состояніе св. обителей и подвижничества.
3. Лица, извѣстныя по своей святости.	3. Лица, извѣстныя по своей святости.

Академическія чтенія Макарія собственно по исторіи русской церкви, насколько можно судить о нихъ по „Очерку исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій“, отличались такими же прекрасными качествами, какъ и чтенія его по введенію въ исторію русской церкви. Главная же и высокая заслуга Макарія и здѣсь состояла въ томъ, что онъ работалъ почти исключительно по первоисточникамъ, преимущественно на основаніи отрывочныхъ лѣтописныхъ извѣстій.

Что касается собственно самаго преподаванія іером. Макаріемъ русской церковной исторіи, то для сужденія о немъ мы имѣемъ два свидѣтельства. По обоимъ этимъ свидѣтельствамъ, Макарій былъ образцовымъ наставникомъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такъ, В. И. Аскоченскій, весьма критически и рѣзко отзывающійся о многихъ своихъ сослуживцахъ по Кіевской духовной Академіи, въ то же время даетъ самый лестный отзывъ о преподавательскихъ способностяхъ и дѣятельности іером. Макарія. „А вотъ послушайте“, пишетъ онъ въ своемъ „дневникѣ“, „молодаго

монаха Макарія,—какъ хорошо, съ какимъ энтузіазмомъ импровизируетъ онъ свои уроки изъ исторіи русской церкви. Послушайте, говорю, его всѣ слушаютъ“ [1])! Такой же лестный отзывъ о Макаріѣ, какъ преподавателѣ русской церковной исторіи, мы слышали и отъ одного изъ нынѣ здравствующихъ питомцевъ XI-го курса нашей Академіи, бывшаго непосредственнымъ слушателемъ лекцій Макарія. По его словамъ, іером. Макарій говорилъ свои лекціи всегда наизустъ, хотя въ тоже время было замѣтно, что онъ весьма тщательно приготовлялъ ихъ каждый разъ дома. Произносилъ свои лекціи Макарій громко, отчетливо, ясно и выразительно. Нерѣдко онъ говорилъ въ классѣ съ такимъ воодушевленіемъ и чистосердечнымъ увлеченіемъ, что слушателямъ слова его казались живою импровизаціею, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ и Аскоченскій. Но въ дѣйствительности это была не импровизація, а только хорошо обдуманная и прекрасно произносимая рѣчь. Кромѣ того, лекціи Макарія всегда отличались многосодержательностію и потому возбуждали живой интересъ въ студентахъ, которые постоянно собирались въ большомъ количествѣ въ аудиторію молодаго баккалавра. Наконецъ, по собственному свидѣтельству Макарія, онъ имѣлъ обыкновеніе произносить свои лекціи очень быстро [2]).

Параллельно съ преподаваніемъ русской церковной исторіи въ высшемъ отдѣленіи іером. Макарій читалъ студентамъ XII-го курса Кіевской духовной Академіи русскую гражданскую исторію. Программа преподаванія была такова. Во введеніи давалось понятіе о наукѣ, дѣлался краткій очеркъ русской гражданской исторіи и указывалось раздѣленіе ея (на древнюю и новую). Затѣмъ слѣдовало самое изложеніе исто-

---

[1]) См. Истор. Вѣстн. т. VII (1882 г.) стр. 336.

[2]) Въ письмѣ къ С. А. Серафимову отъ 15 дек. 1842 года Макарій говоритъ: „я произносилъ, по моему обыкновенію, лекціи очень быстро“ (Церк. Вѣст. 1883 г. № 8).

ріи русскаго государства по періодамъ, при чемъ іером. Макарій въ теченіе 184½ учебнаго года успѣлъ обозрѣть только пять слѣдующихъ періодовъ: 1) 862—1054 года: основаніе Руси (древнѣйшіе обитатели русской земли, нордманны, крещеніе Руси, Ярославъ); 2) 1054—1238 года: раздѣленіе Руси на удѣльныя княжества (общее обозрѣніе удѣльнаго періода, споры дѣтей и внуковъ Ярослава за удѣлы, возвышеніе дома Владиміра Мономаха, споры князей за первенство, раздѣленіе Руси на многія княжества и состояніе Руси въ началѣ XIII в.); 3) 1238—1328 года: иго монгольское (покореніе Руси монголами, начало раздѣленія Руси на восточную и западную, Русь восточная и Русь западная); 4) 1328—1462 года: Москва и Литва (великое княжество московское и великое княжество литовское); на этомъ кончились чтенія іером. Макарія по русской гражданской исторіи предъ праздникомъ Рождества Христова 1841 года [1]). Въ теченіе же второй половины 184½ учебнаго года Макарій успѣлъ обозрѣть одинъ только пятый періодъ русской гражданской исторіи 1462—1613 года, когда русское государство находилось въ борьбѣ съ татарами и поляками [2]).

Гражданскую русскую исторію іером. Макарій преподавалъ такъ же хорошо, какъ и церковную. По свидѣтельству одного изъ непосредственныхъ слушателей Макарія, воспитанниковъ XII-го курса Кіевской духовной Академіи, іером. Макарій читалъ имъ русскую гражданскую исторію съ неподражаемо хорошею дикціею и съ большимъ увлеченіемъ. Лекціи его всегда были обдуманны, стройны, живы, содержательны и необыкновенно интересны. Внимательно слѣдя за литературою предмета, молодой баккалавръ въ своихъ чтеніяхъ всегда соображался съ послѣдними открытіями въ области русской гражданской исторіи и не мало оживлялъ свои

[1]) См. арх. Кіев. дух. Академіи по внутр. Правл. за 1841 г. дѣло № 55.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1842 г. дѣло № 28.

лекціи, бросая на то или другое событіе совершенно новый взглядъ. Поэтому, лекціи его сразу же заинтересовали студентовъ, которые всегда съ большою охотою шли слушать молодаго наставника. Нѣкоторыя лекціи Макарія по русской гражданской исторіи были такъ интересны и глубоковпечатлительны, что одну изъ нихъ, именно послѣднюю лекцію, сказанную Макаріемъ въ 1842 году о самозванцахъ, то лице, со словъ котораго мы передаемъ настоящій разсказъ, помнитъ во всѣхъ подробностяхъ до настоящаго времени, т. е. въ продолженіи 52 лѣтъ. Въ этой лекціи іером. Макарій, на основаніи только что обнародованныхъ тогда историческихъ документовъ о смутномъ времени на Руси, доказывалъ, между прочимъ, непричастность Бориса Годунова къ дѣлу мученической кончины царевича Димитрія. Тоже самое лице передавало намъ слѣдующій разсказъ, отчасти характеризующій отношенія архим. Димитрія, который тогда былъ уже ректоромъ Академіи, къ Макарію. Экзаменъ студентовъ XII-го курса по русской гражданской исторіи въ декабрѣ 1841 года производилъ самъ ректоръ Академіи Димитрій. Первый спрошенный студентъ долженъ былъ отвѣчать о раздѣленіи русской исторіи. Со словъ Макарія, студентъ началъ было говорить, что исторія русскаго государства должна быть раздѣляема на древнюю до Петра Великаго и новую послѣ Петра В. Но ректоръ Димитрій призналъ такое дѣленіе неправильнымъ и сталъ тутъ же подробно доказывать его неосновательность. Всѣми было понято такое поведеніе архим. Димитрія, какъ желаніе испытать Макарія и вызвать его на защиту своего мнѣнія. Однакоже іером. Макарій все время простоялъ молча и краснѣя, признавъ, очевидно, невозможнымъ, или просто неудобнымъ возражать своему учителю и начальнику. Впрочемъ, экзаменъ студентовъ, который въ сущности былъ экзаменомъ для молодаго учителя, прошелъ удачно, при чемъ въ иныхъ случаяхъ отвѣты студентовъ, т. е. чтенія Макарія, удостоивались самыхъ лестныхъ и похвальныхъ отзывовъ со стороны архиман. Димитрія.

Къ сожалѣнію, академическія чтенія іером. Макарія по русской гражданской исторіи не сохранились и, кажется, должны считаться разъ на-всегда потерянными. Впрочемъ, одна изъ лекцій его, читанныхъ студентамъ XII-го курса, была впослѣдствіи напечатана іером. Макаріемъ въ журналѣ „Маякъ“ подъ заглавіемъ: „Пути Промысла о Россіи въ порабощеніи ея татарами“ [1]). Содержаніе ея таково. „Предки наши вполнѣ вѣрно судили, когда искренно вѣрили, что толпы варваровъ, нахлынувшихъ на Россію изъ глубины Азіи, подвиглись оттуда не собственною силою, а двинуты были десницею Вышняго, прогнѣваннаго беззаконіемъ Россіянъ. Но при всей разительной вѣрности взгляда нашихъ предковъ на порабощеніе татарами, этотъ взглядъ не обнималъ всего событія. Они видѣли истинную причину зла, видѣли самое зло со всѣми его ужасами; но не видѣли и не могли видѣть тѣхъ слѣдствій, какія долженствовало принести оно для нашего отечества. Мы—отдаленные потомки—можемъ теперь взглядъ свой простереть далѣе, нежели предки, и по плодамъ уже судить, чѣмъ было для Россіи иго татарское, возложенное на неё перстомъ грознаго, но вмѣстѣ и всеблагаго Судіи небеснаго... Оно было, скажемъ смѣло теперь, въ десницѣ благодѣющаго намъ Господа, однимъ изъ благотворныхъ событій и для нашей церкви и для нашего отечества: для церкви—тѣмъ, что сохранило и утвердило у насъ православіе, для отечества—тѣмъ, что породило въ немъ самодержавіе“.

По собственному свидѣтельству Макарія, разсмотрѣнная нами лекція была составлена и выдана имъ студентамъ XII курса для публичнаго экзамена [2]). Въ своемъ письмѣ къ С.

---

[1]) См. Маякъ за 1842 г. т. VI кн. XII стр. 27—34.

[2]) Дѣйствительно, изъ „Плана публичнаго испытанія студентовъ Кіевской дух. Академіи 22 іюня 1842 года“ (Кіевъ. 1842г.) видно, что для устнаго испытанія студентовъ низшаго отдѣленія по гражданской россійской исторіи назначалось разсужденіе на тему: „Вліяніе на Россію ига татарскаго“; изъ того же самаго

А. Серафимову отъ 24 сентября 1842 года онъ, между прочимъ, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „совѣтуютъ мнѣ печатать свои историческія записки въ „Маякѣ“ и одну статью преосвященный ректоръ отдалъ уже Бурачку (редактору „Маяка“), не знаю, напечатаетъ ли?.. Сейчасъ прислалъ Бурачекъ отвѣтъ преосвященному [1]) и благодаритъ сильно за статью, обѣщалъ её напечатать: это моя лекція, данная для публичнаго экзамена въ низшемъ отдѣленіи“ [2]). А въ слѣдующемъ письмѣ къ тому же Серафимову онъ съ радостію автора, послѣ долгаго ожиданія увидѣвшаго свое печатное произведеніе, говоритъ: „статейка моя“: Пути промысла о Россіи въ порабощеніи ея татарами“, такъ долго залежавшаяся въ цензурѣ, наконецъ, напечатана въ послѣдней книжкѣ „Маяка“ [3]). Статья эта, содержательная и написанная живымъ, образнымъ и увлекательнымъ языкомъ, вполнѣ подтверждаетъ приведенный нами выше отзывъ объ академическихъ чтеніяхъ Макарія по русской гражданской исторіи.

Взаимныя отношенія между Макаріемъ, въ бытность его баккалавромъ Кіевской духовной Академіи, и студентами, его учениками, были самыя наилучшія и свѣтлыя. По свидѣтельству одного изъ учениковъ Макарія, за серьезное отношеніе его къ своему дѣлу, за прекрасныя чтенія и за необыкновенно благородное обхожденіе съ студентами во время спрашиванія ихъ на урокахъ, студенты платили Макарію искреннимъ уваженіемъ и вниманіемъ къ его лекціямъ, какого не показывали въ отношеніи къ инымъ старѣйшимъ профессорамъ. Самъ Макарій относился къ студентамъ съ сердеч-

---

„плана“ видно, что для устнаго испытанія студентовъ высшаго отдѣленія по русской церковной исторіи назначалось разсужденіе на тему: „Состояніе вѣры и нравственности у первыхъ христіанъ русскихъ“ (стр. 2).

[1]) Разумѣется преос. Аѳанасій (Дроздовъ), бывшій ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи съ 21 апр. 1841 г. по 13 генв. 1847 г.; о немъ и его отношеніяхъ къ Макарію будетъ сказано ниже.

[2]) См. Церков. Вѣсти. 1883 г. № 8.

[3]) См. Тамъ же.

нымъ расположеніемъ, которое сохранилъ и по переводѣ въ С.-Петербургскую духовную Академію. Въ своемъ письмѣ отъ 24 сентября 1842 г. Макарій писалъ С. А. Серафимову: „всѣмъ, всѣмъ господамъ наставникамъ, всѣмъ даже студентамъ обоихъ отдѣленій мое почтеніе“ [1]).

Среди своихъ сослуживцевъ, изъ которыхъ почти всѣ были вмѣстѣ съ тѣмъ и наставниками его, іером. Макарій пользовался такимъ же расположеніемъ и уваженіемъ, какъ и среди студентовъ. Макарій, въ свою очередь, относился къ своимъ сослуживцамъ съ глубокимъ почтеніемъ и добрую память о нихъ хранилъ долго по выходѣ изъ Кіевской дух. Академіи. Въ первомъ изъ своихъ писемъ къ С. А. Серафимову Макарій, между прочимъ, писалъ: „теперь дошло до засвидѣтельствованія почтеній, и я, засвидѣтельствовавши одно изъ нихъ вамъ, прошу передать отъ меня глубочайшее уваженіе и преданность добрѣйшему и незабвенному наставнику и начальнику о. ректору Димитрію: о, какъ объ немъ здѣсь всѣ высоко отзываются, начиная отъ графа [2]) и митрополита Іоны до нижайшихъ, съ какими только мнѣ приходилось говорить: и я радъ, радъ отъ сердца! Всенижайшее почтеніе и уваженіе достоуважаемымъ мною о. инспектору [3]) и Фотію, Якову Козьмичу, Василію Николаевичу, Петру Семеновичу, Ивану Петровичу [4]), Димитрію Ивановичу [5]), Сильвестру Сильвестровичу [6]), Андрею Демьяновичу [7]), Венедикту Павловичу [8]), Виктору Ипатьевичу [9]), Александру Лукьяновичу,

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) Разумѣется графъ А. Н. Протасовъ, бывшій тогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

[3]) Іоанникій Горскій, бывшій инспекторомъ Кіевской дух. Академіи съ 24 апр. 1841 г. до 14 окт. 1846 г,

[4]) Баккалавръ Максимовичъ.

[5]) Професс. Макаровъ.

[6]) Баккалавръ Гогоцкій.

[7]) Профес. Граниковъ.

[8]) Баккалавръ Чеховичъ.

[9]) Баккалавръ Аскоченскій.

Давиду Александровичу [1])... и мое глубочайшее уваженіе Ивану Михайловичу" [2]). Второе письмо Макарія къ Серафимову заканчивалось такимъ же засвидѣтельствованіемъ почтенія его всѣмъ бывшимъ наставникамъ и сослуживцамъ по Кіевской духовной Академіи. И послѣдующія письма Макарія къ тому же Серафимову и къ другимъ лицамъ обнаруживаютъ въ немъ самыя добрыя, симпатичныя отношенія къ своимъ кіевскимъ наставникамъ и сослуживцамъ по Академіи. Особенно радовали Макарія успѣхи ихъ на поприщѣ литературномъ. Такъ, въ письмѣ Макарія къ С. А. Серафимову, тогда уже одесскому протоіерею, отъ 24 мая 1846 года, между прочимъ, читаемъ: „еще новость: Козьмичъ кіевской прислалъ свою Гомилетику въ нашъ цензурный комитетъ; она одобрена и скоро явится въ печати. Еще: Иванъ Михайловичъ Скворцовъ прислалъ сюда свое каноническое право, которое также уже одобрено цензурнымъ комитетомъ и представлено въ Св. Синодъ... Знай *нашихъ кіевскихъ*! А бѣдному Ипатичу досталось въ „Пчелкѣ" за исторію русской литературы. Злодѣй" [3])!.. Со многими изъ своихъ кіевскихъ наставниковъ и сослуживцевъ по Академіи Макарій впослѣдствіи находился въ дружественной перепискѣ (съ Иннокентіемъ, Димитріемъ, Я. К. Амфитеатровымъ, С. А. Серафимовымъ и др.), которая, въ свою очередь, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ пользовался среди сослуживцевъ искреннимъ довѣріемъ и уваженіемъ; нѣкоторымъ изъ нихъ онъ потомъ оказывалъ мелкія, а иногда и важныя услуги, особенно когда былъ сдѣланъ членомъ С. Петербургскаго духовнаго цензурнаго Комитета. Вообще же говоря, Макарію, въ бытность его учителемъ Кіевской духовной Академіи, по собственному его свидѣтельству, жилось хорошо и счастливо, такъ что онъ всегда впослѣдствіи вспоминалъ объ этой жизни съ радостію и удоволь-

[1]) Баккалавръ Подгурскій.
[2]) Прот. І. М. Скворцовъ.
[3]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 10.

ствіемъ. „Каково живу“? спрашиваетъ онъ самого себя въ письмѣ къ С. А. Серафимову отъ 24 сентября 1842 года, и отвѣчаетъ: „такъ же счастливо, какъ жилъ и въ Кіевѣ: да развѣ вы не знаете, что наше счастье отъ насъ и въ насъ“? „Но чѣмъ болѣе живу въ Питерѣ“, писалъ онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 15 декабря 1842 года тому же своему товарищу, „тѣмъ болѣе начинаю жалѣть о Кіевѣ и часто, часто повторяю даже въ слухъ слова Пушкина: „то ль дѣло Кіевъ? Что за край“ [1])?

Въ качествѣ монашествующаго наставника, Макарій въ теченіи сентябрьской трети 1841 года жилъ въ академическомъ зданіи, въ нижнемъ этажѣ новаго корпуса, въ первой комнатѣ на право отъ лѣстницы, ведшей изъ нижняго въ верхній этажъ. Образъ жизни его въ это время сталъ еще болѣе регулярнымъ, точнымъ и аккуратнымъ, чѣмъ въ годы студенчества. Время для занятій, отдыха, прогулокъ по академическому двору и для сна было строго у него разсчитано и разъ заведенный порядокъ времяпрепровожденія никогда не измѣнялся, за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ случаевъ. Самымъ любимымъ развлеченіемъ Макарія было присутствованіе на спѣвкахъ академическаго хора. По воспоминаніямъ одного очевидца, Макарій за весь годъ своего баккалаврства въ Кіевѣ не пропустилъ ни одной спѣвки. Самъ Макарій, какъ раньше, такъ и теперь владѣлъ прекраснымъ голосомъ. Строгая регулярность въ образѣ жизни больше всего поддерживала здоровье Макарія, который, какъ видно изъ инспекторскихъ еженедѣльныхъ донесеній митрополиту, ни однажды не былъ боленъ и въ теченіи всего $184^1/_2$ учебнаго года не пропустилъ ни одного своего урока.

Съ наступленіемъ новаго 1842 года іером. Макарій долженъ былъ изъ Академіи переселиться въ зданіе кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ, куда онъ временно былъ назначенъ исправлять должность ректора. Должность ректора

[1]) См. Тамъ же № 8.

кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ была поручена бакалавру Макарію 20 генваря 1842 года, а 26 генваря онъ уже дѣйствительно вступилъ въ свою новую должность [1]). Съ этого времени у Макарія значительно прибавилось дѣла. Должность ректора уѣзднаго и приходскаго училищъ по уставу 1810 года была весьма сложная, отвѣтственная и трудная. Правда, ректоръ училищъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ быть тогда свободенъ отъ учительскихъ обязанностей [2]). Такъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ самъ Макарій, который не имѣлъ уроковъ въ кіево-подольскихъ духовныхъ училищахъ.

Но и независимо отъ этого, исправное и добросовѣстное прохожденіе должности ректора училищъ требовало великаго труда и затраты времени. На ректорѣ училищъ лежала отвѣтственная обязанность имѣть высшее наблюденіе за всѣми сторонами училищной жизни: нравственно-воспитательною, учебною и экономическою. По дѣйствовавшему тогда уставу, ректоръ училищъ, разъ онъ желалъ быть исправнымъ начальникомъ, долженъ былъ самъ дѣлать все то, что нынѣ лежитъ на обязанности училищныхъ правленій. Особенно много труда и времени требовало веденіе письменной отчетности по училищамъ, которая, за отсутствіемъ правленія, канцеляріи и даже письмоводителя, всецѣло лежала на обязанности ректора. А между тѣмъ письменная отчетность по училищамъ тогда была едва ли не сложнѣе и обширнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Напр., тогда ректоръ училищъ обязанъ былъ еженедѣльно представлять митрополиту доклады о состояніи училищъ по всѣмъ сторонамъ ихъ внутренней жизни. Таковые доклады по кіево-подольскимъ училищамъ за вторую половину $184^1/_2$ учебнаго года, хранящіеся въ подлинникахъ въ училищномъ архивѣ, всѣ были писаны собственною рукою

[1]) См. Арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1842 годъ дѣла подъ №№ 44 и 67 ср. Журналы Кіев. Сем. Правл. по училищн. части за 20 и 31 генв. 1842 года.

[2]) См. Проектъ устава духовныхъ уѣздныхъ училищъ. СПБ. 1810 г, ч. 1-я. §§ 1—4; 47.

ректора Макарія [1]). Далѣе, переписка съ Семинарскимъ Правленіемъ, въ непосредственномъ вѣдѣніи котораго находились кіево-подольскія духовныя училища, также была весьма сложна и требовала немалаго труда и знанія дѣла особенно по части экономической. Наконецъ, должность ректора кіево-подольскихъ училищъ, порученная 20 генваря 1842 года іером. Макарію, значительно осложнялась еще отъ того, что училища эти при его предшественникѣ, архим. Евгенiѣ (20 генваря 1842 года онъ былъ назначенъ настоятелемъ Слободскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Вятской епархіи) были, кажется, довольно запущены. Запущенность всѣхъ дѣлъ, царившая въ кіево-подольскихъ духовныхъ училищахъ въ ректорство архим. Евгенія, обнаружилась при самомъ же вступленіи іером. Макарія въ должность ректора. Когда, по предписаніямъ Академическаго и Семинарскаго Правленій, архим. Евгеній и іером. Макарій приступили было—первый къ сдачѣ, а второй—къ пріему училищнаго имущества, то оказалось, что въ училищахъ не было совсѣмъ никакой описи наличнаго училищнаго имущества, не смотря на то, что таковая опись имѣлась въ 1836 году во время пріема архим. Евгеніемъ должности отъ своего предшественника іером. Василія. Іером. Макарій вынужденъ былъ пріостановить дѣло пріема должности отъ своего предшественника и обратился за разрѣшеніемъ возникшаго недоразумѣнія къ Семинарскому Кіевскому Правленію. Это послѣднее предписало іером. Макарію принять училищное имущество отъ архим. Евгенія и во время самаго пріема составить опись всего наличнаго имущества [2]). Несомнѣнно, что составленіе новой описи всего училищнаго имущества потребовало немалаго труда и затраты времени, которое такъ было дорого для Макарія. А между тѣмъ вскорѣ послѣ того обнаружились и другія упущенія по училищамъ. Оказалось, напр., что за прошедшій

[1]) Св. Арх. Кіево-подольскаго училища за 1842 годъ.

[2]) См. арх. Кіево-подольскаго духовн. училища дѣла за 1842 годъ.

годъ не были составлены именныя и перечневыя вѣдомости учениковъ, равно какъ и конспекты уроковъ, преподанныхъ имъ наставниками. Тѣ и другіе были лично составлены ректоромъ Макаріемъ и 23 марта 1842 года были представлены уже въ Кіевское Семинарское Правленіе [1]).

Изъ послѣдующей кратковременной, впрочемъ, службы іером. Макарія въ кіево-подольскихъ духовныхъ училищахъ видно, что онъ относился къ своей ректорской должности съ примѣрнымъ вниманіемъ, усердіемъ и даже рвеніемъ. Это дѣлаетъ ему тѣмъ большую честь, что онъ исправлялъ должность ректора кіево-подольскихъ училищъ только временно и, слѣдовательно, трудился нѣкоторымъ образомъ за другихъ и для другихъ. Благодаря усердному и добросовѣстному отношенію къ своимъ обязанностямъ, іером. Макарій за время своего полугодичнаго служенія въ Кіево-подольскихъ училищахъ успѣлъ сдѣлать много добраго и полезнаго для ихъ благоустройства.

И прежде всего, какъ человѣкъ долга, относившійся съ глубокимъ уваженіемъ къ требованіямъ закона, ректоръ Макарій весьма внимательно слѣдилъ за соблюденіемъ дисциплинарныхъ правилъ воспитанниками ввѣренныхъ ему училищъ, дѣйствуя въ данномъ случаѣ на основаніи точнаго смысла училищнаго устава и указаній Семинарскаго Правленія, которому онъ обязательно доносилъ о всѣхъ выдающихся нарушеніяхъ учениками правилъ христіанской нравственности и благоприличія. Замѣчательно при этомъ, что чаще всего подобныя дисциплинарныя нарушенія состояли въ самовольныхъ отлучкахъ и побѣгахъ воспитанниковъ кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ. Трудно сказать, отъ чего именно зависѣло это печальное явленіе въ жизни кіево-подольскихъ училищъ, хотя можно предполагать, что небезвиновно въ этомъ было и прежнее училищное начальство, которое видимо весьма легко и равнодушно относилось къ подобнымъ проступкамъ учe-

[1]) См. журн. Кіев. Сем. Правл. по училищн. части за 30 мар. 1842 г.

никовъ. По крайней мѣрѣ, уже 3 февраля, т. е. черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ должность ректора, іером. Макарій доносилъ Кіевскому Семинарскому Правленію, что ученикъ 2-го класса приходскаго кіево-подольскаго училища Павелъ Шамаранскій самовольно выбылъ изъ училища и доселѣ не является. Семинарское Правленіе тогда же обратилось съ просьбою къ Кіевской градской полиціи розыскать бѣглеца. Но 27 марта Кіевская полиція донесла Семинарскому Правленію, что, не смотря на самые тщательные розыски, бѣглый ученикъ нигдѣ не могъ быть найденъ. И только уже 16 апрѣля 1842 года ректоръ Макарій довелъ до свѣдѣнія Семинарскаго Правленія, что ученикъ Павелъ Шамаранскій возвращенъ въ училище своими родственниками, у которыхъ онъ думалъ скрыться. Семинарское Правленіе поручило возвращеннаго бѣглеца особенно строгому надзору училищнаго начальства, а преосв. Іеремія Чигиринскій, на разсмотрѣніе котораго было потомъ представлено это дѣло, съ своей стороны, поинтересовался узнать, „былъ ли бѣглецъ наказанъ въ страхъ другимъ“? Во исполненіе данной резолюціи преосвященнаго, ректоръ Макарій доносилъ 13 мая 1842 года Семинарскому Правленію, что ученикъ Павелъ Шамаранскій въ свое время былъ наказанъ за побѣгъ изъ училищъ въ страхъ другимъ воспитанникамъ въ ихъ присутствіи [1]).

Другой подобный случай еще болѣе интересенъ въ смыслѣ свидѣтельства о невнимательномъ отношеніи прежняго начальства кіево-подольскихъ училищъ къ своимъ обязанностямъ, при чемъ начальству не всегда было извѣстно, какіе ученики находятся въ училищѣ и какіе совсѣмъ не являются въ него по цѣлымъ годамъ. Именно 13 февраля 1842 года ректоръ Макарій представлялъ Семинарскому Правленію, что ученикъ 2 класса приходскаго училища Артемій Бржезинскій уже болѣе двухъ лѣтъ не является въ училище. И не смотря на

[1]) См. Журн. Кіевск. Сем. Правл. за 5 февр., 2 и 29 апр. и 22 мая 1842 г.

всѣ розыски бѣглеца, предпринятые Семинарскимъ Правленіемъ, онъ не былъ найденъ, о чемъ и донесено было оберъ-священнику арміи, такъ какъ ученикъ Артемій Бржезинскій состоялъ на т. н. армейской суммѣ [1]).

Побѣги воспитанниковъ кіево-подольскихъ училищъ случались и послѣ, уже въ ректорство Макарія. Такъ, 20 мая 1842 года ректоръ Макарій доносилъ Семинарскому Правленію, что ученики низшаго отдѣленія уѣзднаго училища Василій Лиховицкій и Александръ Бутовскій убѣжали изъ училищъ неизвѣстно куда; одинъ изъ бѣглецовъ скоро былъ найденъ и возвращенъ, а другой (Лиховицкій) такъ и остался неразысканнымъ [2]).

Кромѣ побѣговъ изъ училищъ, случались среди воспитанниковъ и другія нарушенія дисциплины и благочинія, иногда довольно грубыя, къ пресѣченію которыхъ ректоръ Макарій старался принимать рѣшительныя мѣры. Напр., 13 февраля 1842 года Макарій сообщилъ Семинарскому Правленію, что ученикъ 1-го класса приходскаго училища Андрей Кошецъ продалъ, неизвѣстно кому, на базарѣ три казенныхъ часослова—одинъ, данный ему самому для обученія, а два—похищенные имъ у товарищей—Алексѣя Подгурскаго и Ѳеодосія Петровскаго; въ примѣръ прочимъ ректоръ Макарій представлялъ виновнаго къ исключенію изъ училищнаго въ епархіальное вѣдомство. Семинарское Правленіе согласилось было съ представленіемъ ректора училища, но преосв. Іеремія написалъ на этомъ дѣлѣ: „сколько шалуну лѣтъ и какъ онъ учится“? Когда же, согласно данной резолюціи преосвященнаго, ректоръ Макарій 16 марта донесъ, что ученикъ Андрей Кошецъ имѣетъ отъ роду 9 лѣтъ и успѣваетъ посредственно, то Семинарское Правленіе сдѣлало такое постановленіе, утвержденное потомъ и преосв. Іеремією: „такъ какъ ученикъ

---

[1]) См. Журн. Кіевск. Сем. Правл. по училищн. части за 26 февр. 1842г.

[2]) См. тамъ же за 22 мая 1842 года.

1-го класса кіево-подольскаго приходскаго училища Андрей Кошецъ слишкомъ молодъ, такъ что, если исключить его изъ училищъ, то онъ не можетъ занять никакой должности и отъ праздности еще болѣе можетъ испортиться въ своей нравственности, то оставить его въ училищѣ въ надеждѣ исправленія, поручивъ его особенно строгому надзору инспектора училищъ, за учиненный же имъ поступокъ положить наказаніе по усмотрѣнію училищнаго начальства“ [1]).

Много заботился ректоръ Макарій и о возвышеніи учебныхъ успѣховъ воспитанниковъ ввѣренныхъ ему училищъ. Кіево-подольскія духовныя училища въ ректорство Макарія были необыкновенно переполнены. Въ высшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища было 137 воспитанниковъ; въ низшемъ отдѣленіи его—204 чел., при чемъ это отдѣленіе имѣло два класса, изъ коихъ въ первомъ было 97, а во второмъ—107 человѣкъ; во второмъ классѣ приходскаго училища было 154, а въ первомъ—38 человѣкъ. Слѣдовательно, всѣхъ учениковъ въ обоихъ училищахъ было 533 челов., изъ коихъ 129 чел. жили въ казенномъ домѣ, при чемъ 65 чел. пользовались полнымъ бурсачнымъ содержаніемъ, а 64 чел. находились на полубурсачномъ содержаніи. Заботы ректора Макарія о возвышеніи и улучшеніи учебной части въ кіево-подольскихъ училищахъ видны особенно изъ того, что онъ внимательно слѣдилъ за неопустительнымъ посѣщеніемъ классовъ наставниками, при чемъ самъ нерѣдко присутствовалъ на ихъ урокахъ, и старался по возможности каждаго ученика снабжать учебными руководствами. Такъ, черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ должность ректора, Макарій 3 февраля 1842 года уже просилъ Семинарское Правленіе о выпискѣ 150 экземпляровъ пространнаго катихизиса и 25 экземп. краткой греческой грамматики. Нѣсколько позднѣе, именно 15 апрѣля

[1]) См. Журн. Кіев. Сем. Правл. по училищ. части за 26 февр. и 19 мар. 1842 года.

онъ снова ходатайствовалъ предъ Семинарскимъ Правленіемъ о высылкѣ для безплатной раздачи бѣднѣйшимъ воспитанникамъ кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ ариѳметики Куминскаго (60 экзем.), греческой грамматики (150 экземпл.), географіи Арсеньева (80 экземпл.), пространнаго катихизиса (60 экземп.), латин. грам. (180 экземп.), краткой священной исторіи (75 экземп.), русской грамматики Греча (150 экзем.) и географическихъ картъ (до 4 экземпл.) [1]).

Не оставлялъ Макарій безъ должнаго вниманія и экономической стороны жизни ввѣренныхъ ему училищъ. Кромѣ того, что онъ за-ново составилъ во время пріема должности опись всего наличнаго училищнаго имущества, онъ же первый изъ начальниковъ кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ завелъ книгу для записи имѣвшаго впредь поступать училищнаго имущества и книгу для записи всѣхъ съѣстныхъ припасовъ и другихъ мелкихъ принадлежностей училищной экономіи: обѣ послѣднія книги онъ 17 февраля 1842 года представлялъ въ Семинарское Правленіе для скрѣпы [2]). При Макаріѣ же и по его иниціативѣ былъ перестроенъ хлѣбный училищный амбаръ, такъ какъ въ прежнемъ испортилась крыша и образовалась было течь [3]).

Въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ, наставникамъ кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ, іером. Макарій отличался простотою, доступностію и благородствомъ обхожденія. Кромѣ того, изъ дѣлъ семинарскаго и училищнаго архивовъ видно, что ректоръ Макарій съ большимъ сочувствіемъ относился къ затруднительному матеріальному положенію, въ какомъ тогда находились наставники низшихъ духовныхъ училищъ, получавшіе весьма незначительное вознагражденіе за свои труды. Между прочимъ, онъ неодкократно и настойчиво

---

[1]) См. арх. Кіево-подольскаго духовнаго училища за 1842 годъ.

[2]) См. тамъ же.

[3]) См. Журн. Кіевск. Сем. Правл. по экономич. части за 7 мая 1842 г.

ходатайствовалъ предъ высшимъ училищнымъ начальствомъ о матеріальномъ пособіи нѣкоторымъ наставникамъ кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ. Такъ, 21 марта онъ просилъ Семинарское Правленіе о назначеніи квартирнаго пособія учителямъ—Ефиму Илляшевичу и Ивану Гаевскому. Семинарское Правленіе, само стѣсненное въ матеріальныхъ средствахъ, видимо несочувственно и неблагопріятно приняло такое ходатайство ректора Макарія и, разсчитывая, вѣроятно, заставить его отказаться отъ своего ходатайства, потребовало отъ него обстоятельнаго объясненія касательно особенныхъ заслугъ представленныхъ имъ къ пособію учителей. Но Макарій не смутился этимъ и 28 апрѣля повторилъ свое ходатайство съ указаніемъ на то, что оба представленные имъ къ пособію учители въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безплатно проходили должность помощниковъ инспектора училищъ. Тогда Семинарское Правленіе назначило квартирное пособіе въ размѣрѣ Илляшевичу 42 р. $85^5/_7$ к. сер., а Гаевскому—40 руб. сер. [1]).

Должность ректора кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ іером. Макарій исполнялъ въ теченіи полугода: съ 20 генваря до 21 іюля 1842 года. Преемникъ его, іером. Іоаннъ (въ мірѣ Алексѣй Петинъ, скончавшійся въ санѣ полтавскаго архіепископа), былъ назначенъ Св. Синодомъ на должность смотрителя кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ еще 26—31 марта, но почему-то замедлилъ и явился къ мѣсту своего новаго служенія (раньше онъ былъ преподавателемъ Орловской духовной семинаріи и священникомъ г. Орла) только 23 іюня, а дѣйствительно вступилъ въ должность смотрителя только 21 іюля [2]). По свидѣтельству своего ближайшаго начальства въ лицѣ Кіевскаго Семинарскаго Правленія, іером. Макарій „проходилъ должность ректора при училищахъ отлично-исправно“. И однакоже, не смотря на такой отзывъ

[1]) См. архивъ кіево-подольск. дух. училища дѣла за 1842 г.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по Окружн. Правл. за 1842 г. дѣло № 67.

начальства, не смотря на то, что Макарій употреблялъ на занятія по училищамъ много драгоцѣннаго для него времени и относился къ своему дѣлу съ рѣдкою добросовѣстностію, ректорская должность не принесла ему, кажется, ничего кромѣ однихъ огорченій и непріятностей. Въ своемъ письмѣ отъ 15 декабря 1842 года къ С. А. Серафимову Макарій, между прочимъ, просилъ его: „узнайте, прошу васъ, отъ о. инспектора,—уже ли мнѣ отказано рѣшительно въ жалованьѣ за ректорство въ училищѣ? А между тѣмъ и здѣсь увѣряютъ, что я имѣю право, даже предлагаютъ средства, кои отвергъ я... Откровенно скажу, что я въ деньгахъ вовсе не нуждаюсь: теперь я уже отнюдь не такъ бѣденъ, какъ былъ въ Кіевѣ. Но сердцу моему чрезвычайно больно при каждомъ воспоминаніи, что *за полугодовую египетскую работу* мнѣ не сказали и хвалы или благодарности. *Больно горько, что инъ естъ съяй, а инъ жняй: одинъ трудился, другому достались плоды*... Но... да не выскажу всего, что въ моей душѣ кипятится“ [1]).

Въ поясненіе приведенныхъ словъ Макарія должно замѣтить слѣдующее. При увольненіи іером. Макарія отъ временнаго исправленія должности ректора кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ, Семинарское Правленіе, между прочимъ, постановило: „выдать ему за усердное прохожденіе означенной должности ректорскій окладъ со дня вступленія его въ должность по день дѣйствительнаго увольненія“ [2]). М. Филаретъ утвердилъ это постановленіе. Но преемникъ Макарія іером. Іоаннъ, когда вступилъ въ должность, опротестовалъ вышеприведенное постановленіе Семинарскаго Правленія и предъявилъ свои права на ректорское жалованье по кіево-подольскимъ духовнымъ училищамъ за первую половину 1842 года на томъ основаніи, что а) іером. Макарій временно

[1]) См. Церков. Вѣстн. 1883 г. № 8.

[2]) См. Журн. Кіевск. Сем. Правл. по училищн. части за 21 іюля 1842 г.

исправлялъ должность ректорскую, и б) самъ онъ, іером. Іоаннъ, былъ назначенъ на должность смотрителя синодальнымъ опредѣленіемъ отъ $^{26}/_{31}$ марта 1842 года. Въ этомъ смыслѣ іером. Іоаннъ подалъ прошеніе митрополиту Филарету, которому онъ приходился дальнимъ родственникомъ, и выдача Макарію ректорскаго жалованья замедлилась. А между тѣмъ въ августѣ 1842 года іером. Макарій долженъ былъ уѣхать въ С.-Петербургъ, такъ и не дождавшись рѣшенія дѣла о ректорскомъ жалованьѣ. Неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла и объясняется сѣтованіе Макарія, какое онъ выражаетъ въ письмѣ отъ 15 декабря 1842 года къ своему товарищу и другу. Но правда въ этомъ дѣлѣ была несомнѣнно на сторонѣ іером. Макарія и потому возникшее недоразумѣніе, хотя и поздно, но все таки рѣшено было въ его пользу. 12 сентября 1842 года Кіевское Семинарское Правленіе предписывало начальству кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ выслать въ Семинарію ректорскій окладъ за первую половину 1842 года для передачи его іером. Макарію, на основаніи прежняго опредѣленія Семинарскаго Правленія, которое 27 августа было утверждено и Академическимъ Правленіемъ [1]). Такое распоряженіе Семинарскаго Правленія, понятно, было весьма непріятно для смотрителя іером. Іоанна. Послѣдній доставилъ требуемыя деньги въ Семинарское Правленіе только 15 декабря 1842 года и при томъ съ донесеніемъ, что, по тщательной провѣркѣ денежныхъ училищныхъ суммъ, полученныхъ имъ отъ бывшаго ректора іером. Макарія, оказался недочетъ въ 18 р. $^1/_7$ коп. сер. Семинарское Правленіе поручило своему секретарю и эконому разслѣдовать это дѣло, при чемъ оказалось, что, дѣйствительно, въ наличной денежной суммѣ, сданной іером. Макаріемъ своему преемнику 14 іюля, противъ отчетной суммы недоставало 18 р. $^1/_7$ коп. сер. Тогда рѣшено было вычесть эти

[1]) См. арх. Кіево-подольск. дух. училища, дѣла за 1842 г.

деньги изъ ректорскаго жалованья, причитавшагося Макарію, а остатокъ въ количествѣ 44 р. 92$^{6}/_{7}$ коп. сер. былъ высланъ ему въ С.-Петербургъ [1]). Такъ награжденъ былъ Макарій „за полугодовую египетскую работу"!..

Въ бытность баккалавромъ Кіевской Академіи и ректоромъ Кіево-подольскихъ духовныхъ училищъ, іером. Макарій, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, находилъ еще время и для занятій проповѣдничествомъ, которое тогда, впрочемъ, было обязательно для наставниковъ Академіи и училищъ, имѣвшихъ духовный санъ. По росписанію Кіевской духовной Консисторіи, утвержденному м. Филаретомъ, о „сказываніи проповѣдей въ 1842 году", іером. Макарію было назначено произнести проповѣдь въ Великій Пятокъ въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ [2]). Проповѣдь эта, дѣйствительно, была произнесена іером. Макаріемъ въ видѣ рѣчи на текстъ: „*Що Христъ молимъ, яко Богу молящу нами, молимъ по Христѣ: примиритеся съ Богомъ*" 2 Кор. V, 20. Въ своей рѣчи, сказанной предъ плащаницей, витія умолялъ слушателей именемъ Спасителя, претерпѣвшаго за насъ на крестѣ такія мученія, какихъ отъ вѣка никто не терпѣлъ и не будетъ терпѣть, и отъ лица Бога Отца, заклавшаго ради насъ Своего Единороднаго Сына, примириться съ Богомъ, распяться во грѣхахъ и жить свято [3]). Рѣчь, по обыкновенію, написана кратко и какъ-то отрывисто.

Еще ранѣе, именно 25 декабря 1841 года іером. Макарій проповѣдывалъ, вѣроятно, по собственному желанію, или по назначенію Академическаго начальства, въ церкви Кіево-братскаго монастыря на текстъ: „*Христосъ раждается*,

---

[1]) См. тамъ же и Журн. Кіевс. Сем. Правл. по экономич. части за 15 и 31 дек. 1842 года.

[2]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1841 г. дѣло № 105.

[3]) См. Слова и Рѣчи Макарія, митрополита московскаго, произнесенныя въ 1841—1868 г. въ Кіевѣ и Петербургѣ, въ Тамбовской и Харьковской епархіяхъ. Изд. второе. СПБ. 1891 г. стр. 9—12.

славите"! Это была первая проповѣдь іером. Макарія, по выходѣ его изъ Академіи, и она весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что уроки проф. Я. К. Амфитеатрова не прошли даромъ для молодаго, начинавшаго проповѣдника. Богатство и стройное развитіе мыслей въ ней вполнѣ гармонируетъ съ прекрасною формою. Указавъ на то, что люди, обязанные всегда славить Господа Славы, должны особенно прославлять Его въ день Его воплощенія, витія, далѣе, подробно развиваетъ это свое основное положеніе. И причина воплощенія—безконечная благость Божія,—и самое воплощеніе, въ которомъ яснѣйшимъ образомъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ дѣйствіяхъ Божіихъ, обнаружилось Божественное всемогущество, и, наконецъ, цѣль воплощенія Спасителя,—удовлетвореніе безконечной правдѣ Божіей,—все это обязываетъ людей особенно прославлять Бога въ день Рождества Христова. Послѣдовательное раскрытіе этихъ трехъ главныхъ положеній ведется въ трехъ частяхъ проповѣди, изъ коихъ каждая риторически заканчивается восклицаніемъ: „*Христосъ раждается, славите*" [1])!

Изъ всего сказаннаго нами о кіевскомъ періодѣ службы іером. Макарія видно, что въ лицѣ Макарія Кіевская духовная Академія пріобрѣла было себѣ „даровитѣйшаго, трудолю-

---

[1]) Проповѣдь эта была помѣщена сначала въ Христ. Чтеніи (за 1843 г. ч. 1 стр. 111—125) подъ заглавіемъ: „размышленіе на день Рождества Христова" и потомъ въ „Сборникѣ Словъ и Рѣчей Макарія, митрополита московскаго, произнесенныхъ въ 1841—1868 г. въ Кіевѣ и Петербургѣ, въ Тамбовской и Харьковской епархіяхъ (См. Изд. 2, СПБ. 1891 стр. 1—8) подъ видомъ „Слова", произнесеннаго въ Кіево-братскомъ училищномъ монастырѣ 25 декабря 1841 года. Изъ одного письма Макарія къ С. А. Серафимову можно заключать, что данное „слово" было написано, вѣроятно, еще въ годы студенчества и такъ какъ почему-либо тогда не было сказано, то Макарій и произнесъ его 25 дек. 1841 г., будучи баккалавромъ. Вотъ это мѣсто въ письмѣ отъ 15 декаб. 1842 года: „въ слѣдующей книжкѣ „Христіанскаго Чтенія" напечатается моя статья „Христосъ раждается, славите"!—еще студенческая, съ небольшими измѣненіями" (Церков Вѣстн. 1883 г. № 8).

бивѣйшаго и цвѣтущаго крѣпостію и свѣжестію силъ“[1]) ученаго дѣятеля. Въ Макаріѣ, какъ можно было заключать на основаніи его дѣятельности по должности баккалавра Академіи и ректора кіево-подольскихъ училищъ, счастливо совмѣщались выдающіяся умственныя дарованія и трудолюбіе любознательнаго ученаго съ замѣчательнымъ практическимъ тактомъ административнаго дѣятеля. Понятно, что Академія въ лицѣ своего начальства должна была радоваться и утѣшаться, глядя на первые шаги будущаго знаменитаго русскаго іерарха, историка и богослова. Кіевская Академія при этомъ надѣялась многія лѣта пользоваться славными плодами полезной дѣятельности воспитаннаго ею даровитаго ученаго. Но человѣкъ, говорятъ, предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Промыслу Божію угодно было призвать своего избранника на дѣло въ иномъ, болѣе видномъ съ точки зрѣнія человѣческихъ отношеній мѣстѣ служенія. Макарій оставался на службѣ въ своей родной Академіи только одинъ годъ. Къ началу $184^2/_3$ учебнаго года онъ распоряженіемъ высшаго начальства былъ переведенъ изъ Кіевской въ С.-Петербургскую духовную Академію.

Безспорно, что въ этомъ переводѣ, имѣвшемъ глубоко важное значеніе для всей послѣдующей жизни Макарія, не малую роль играли и человѣческія соображенія и побужденія. Молва о даровитомъ молодомъ кіевскомъ баккалаврѣ, очевидно, къ тому времени достигла уже и далекаго Петербурга. Её могъ привезти туда ректоръ С. Петербургской духовной Академіи, преосв. Аѳанасій (Дроздовъ). Послѣдній раньше былъ ректоромъ Херсонской духовной Семинаріи и на должность ректора С.-Петербургской духовной Академіи былъ назначенъ 21 апрѣля 1841 года. Лѣтомъ того же года архим. Аѳанасій, проѣздомъ въ С.-Петербургъ, посѣтилъ Кіевъ и былъ въ Кіевской духовной Академіи. Весьма вѣроятно, что уже въ это время онъ могъ слышать лестные

[1]) Истор. Записка И. И. Малышевскаго. Юбил. Сборникъ Кіевъ. 1869 г. стр. 111.

отзывы о молодомъ іерод. Макаріѣ, тогда еще только оканчивавшемъ академическій курсъ, и, быть можетъ, даже лично познакомился съ нимъ во время посѣщенія Академіи въ сопровожденіи ректора, архим. Димитрія. Сдѣлавшись ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи, архим. Аѳанасій въ скоромъ времени весьма близко сошелся съ тогдашнимъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, графомъ Протасовымъ. Послѣдній въ то время былъ занятъ реформою духовно-учебныхъ заведеній, которую онъ началъ тотчасъ же послѣ закрытія извѣстной Коммиссіи духовныхъ Училищъ, стоявшей во главѣ духовно-учебнаго вѣдомства съ 1808 года по 1 марта 1839 года. Графъ Протасовъ и архим. Аѳанасій были вполнѣ согласны между собою во взглядѣ на дѣло задуманной реформы. Скоро Архим. Аѳанасій сдѣлался правою рукою всесильнаго тогда графа Протасова и 8 августа 1842 года ректоръ Аѳанасій былъ сдѣланъ епископомъ Винницкимъ, викаріемъ подольской епархіи, съ оставленіемъ въ должности ректора Академіи. Для того, чтобы имѣть возможность свободнѣе заниматься дѣломъ предположенной реформы, преосв. Аѳанасій 7 марта 1842 года, по опредѣленію св. Синода, былъ уволенъ отъ должности профессора богословскихъ наукъ въ Академіи [1]). Тогда и открылась нужда избрать на освободившуюся каѳедру богословскихъ наукъ достойнаго кандидата,—такого, который бы, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, при случаѣ могъ успѣшно выполнять и другія важныя порученія. Выборъ Аѳанасія остановился на молодомъ кіевскомъ баккалаврѣ Макаріѣ и участь послѣдняго была рѣшена. Отношеніемъ отъ 7 іюля 1842 года оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ сообщалъ Кіевскому Академическому Правленію что Св. Синодъ, по его предложенію, своимъ опредѣленіемъ отъ $^{12}/_{26}$ іюня постановилъ на открывшуюся въ С.-Петербургской духовной Академіи

[1]) См. И. Чистовича. Исторія С.Петербургской духовной Академіи СПБ, 1857 г. стр. 335. 343.

вакансію баккалавра богословскихъ наукъ перемѣстить баккалавра Кіевской духовной Академіи іером. Макарія. Кіевская духовная Академія, безъ сомнѣнія, съ искреннимъ сожалѣніемъ должна была подчиниться такому рѣшенію и отпустила своего питомца на службу своей юнѣйшей сестрѣ съ самою лестною рекомендаціею. Въ билетѣ, выданномъ іером. Макарію изъ Кіевскаго Академическаго Правленія 5 августа 1842 года на проѣздъ до С.-Петербурга, говорилось, между прочимъ, что „іеромонахъ Макарій исправлялъ должность учителя по классу церковной и гражданской русской исторіи при поведеніи весьма честномъ, познаніяхъ обширныхъ и съ успѣхомъ отличнымъ“ [1]). Въ день же выдачи билета, т. е. 5 августа 1842 года, іером. Макарій, волнуемый въ глубинѣ души своей искреннею скорбію о покидаемой родной Академіи и неизвѣстностію своей послѣдующей судьбы, оставилъ свою alma mater съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ нее уже въ почетномъ званіи ея ревизора, въ санѣ архіепископа и съ общеизвѣстнымъ именемъ славнаго историка и богослова православной церкви.

На пути изъ Кіева въ С. Петербургъ іером. Макарій проѣзжалъ черезъ родную епархію и, безъ сомнѣнія, посѣтилъ Бѣлгородъ и дорогое его сердцу Сурково, хотя, впрочемъ, мы и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ. Несомнѣнно однакоже то, что свиданіе Макарія съ родными, если только оно было въ этотъ разъ, могло быть только самымъ кратковременнымъ. Изъ писемъ Макарія къ С. А. Серафимову мы узнаемъ, что къ началу учебнаго года, т. е. приблизительно около 15 августа 1842 года, Макарій былъ уже въ С. Петербургской духовной Академіи [2]).

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1842 г. дѣло № 147.

[2]) См. Церк. Вѣсти. 1883 г. № 8.

VI. Петербургскій періодъ жизни митрополита Макарія.

1. Макарій въ должности баккалавра и помощника инспектора С:-Петербургской духовной Академіи.

Общее замѣчаніе о петербургскомъ періодѣ жизни м. Макарія. Значеніе перваго года службы Макарія въ С.-Петербургской духовной Академіи. Путешествіе Макарія въ С.-Петербургъ и его представленіе о С.-Петербургской духовной Академіи. Пріѣздъ Макарія въ С.-Петербургъ и пріемъ его со стороны ректора Академіи, преосв. Аѳанасія. Покровительство преосв. Аѳанасія Макарію. Преподавательская дѣятельность Макарія. Литературные труды Макарія въ первый годъ его службы въ С.-Петербургской духовной Академіи; „догматическій сборникъ и программа чтеній Макарія по догматическому богословію"; изданіе „Исторіи Кіевской Академіи" и отношеніе литературно-ученаго міра къ этому труду Макарія. Частная жизнь Макарія и его успѣхи по службѣ; любовь студентовъ и академическаго начальства къ Макарію. Одиночество Макарія и скорбь его о Кіевѣ и кіевской жизни.

Подъ благодатнымъ небомъ Малороссіи, въ Бѣлгородѣ и Кіевѣ раскрылись и дали пышный цвѣтъ необыкновенная дарованія Макарія; вполнѣ же развиться, созрѣть и принести добрый плодъ рѣдкому генію Макарія суждено было на далекомъ сѣверѣ Россіи, въ туманной атмосферѣ Петербурга. Около пятнадцати лѣтъ провелъ Макарій въ сѣверной столицѣ и эти пятнадцать лѣтъ составили одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ въ жизни нашего богослова и церковнаго

историка. По собственному выраженію Макарія, годы службы его въ Петербургской духовной Академіи были „самымъ счастливымъ, полнымъ очаровательныхъ симпатій души къ научной профессіи, періодомъ его жизни“ [1]), „лучшимъ періодомъ, который онъ, по устроенію Промысла Божія, въ состояніи былъ исключительно посвятить столько полезнымъ и столько любимымъ имъ занятіямъ науками“ [2]). За то время успѣли развиться и вполнѣ созрѣть чудныя дарованія Макарія. Въ то время Господь, изливавшій на своего избранника „непрерывный рядъ милостей“ [3]), далъ ему силы и возможность пройти всѣ ступени іерархическаго служенія и съ рѣдкою быстротою достигнуть почести высшаго званія—епископскаго. Въ теченіи же этого времени Макарій съ небывалымъ успѣхомъ прошелъ и всѣ ступени человѣческой славы, окончательно утвердилъ свою репутацію, какъ общепризнанный русскій богословъ и церковный историкъ. Всѣ высшія ученыя учрежденія Россіи, начиная съ Академіи Наукъ, сочли за честь тогда имѣть его своимъ сочленомъ и сотрудникомъ. Словомъ, если въ Петербургъ Макарій пріѣхалъ въ августѣ 1842 года почти никому неизвѣстнымъ простымъ іеромонахомъ, то выѣхалъ онъ изъ Петербурга въ маѣ 1857 года въ высокомъ санѣ епископа и съ почетнымъ, общепризнаннымъ именемъ перваго русскаго ученаго богослова и церковнаго историка.

Но во всемъ пятнадцатилѣтнемъ петербургскомъ періодѣ жизни м. Макарія едва ли не самымъ важнымъ и замѣчательнымъ былъ именно первый годъ его службы въ С.-Петербургской духовной Академіи. Въ этотъ именно годъ Макарій положилъ прочное основаніе для всей послѣдующей своей славной петербургской дѣятельности—преподавательской

[1]) См. Русск. Стар. т. XXXVIII (1883 г.) стр. 671.

[2]) См. Слова и Рѣчи Макарія, м. московскаго, произнесенныя въ 1841—1868 г. СПБ. 1891 г. Изд. 2 стр. 192,

[3]) См. тамъ же.

и учено-литературной. Въ этотъ годъ онъ успѣлъ создать себѣ во мнѣніи высшаго духовно-училищнаго начальства репутацію даровитаго наставника и съ рѣдкимъ блестящимъ успѣхомъ выступилъ на поприще литературной богословской и церковно-исторической дѣятельности, съ котораго за тѣмъ не сходилъ уже до послѣдняго дня своей жизни. Въ виду этого, прослѣдимъ возможно подробнѣе жизнь и дѣятельность м. Макарія въ первый годъ службы его въ С.-Петербургѣ, когда онъ былъ баккалавромъ и помощникомъ инспектора Академіи.

Мы уже знаемъ, что Макарій выѣхалъ изъ Кіева въ С.-Петербургъ 5 августа 1842 года. Ему предстояло совершить далекое и при тогдашнихъ способахъ сообщенія крайне утомительное путешествіе, потребовавшее не менѣе 10—15 дней. Впрочемъ, обычныя дорожныя непріятности, должно полагать, съ избыткомъ вознаграждались массою новыхъ и пріятныхъ впечатлѣній, какія ожидали въ дорогѣ молодаго путешественника и о какихъ намъ, привыкшимъ съ неизвѣстною для того времени быстротою пересѣкать громадныя пространства при помощи пара, трудно судить. Въ самомъ дѣлѣ, сколько новыхъ и самыхъ разнообразныхъ видовъ, ландшафтовъ, костюмовъ, нарѣчій и обычаевъ пришлось наблюдать молодому ученому во время медленнаго путешествія изъ Кіева въ С.-Петербуръ! Сколько удовольствій доставило ему одно только свиданіе съ дорогими родными и посѣщеніе родныхъ странъ! Наконецъ, сколько пріятныхъ впечатлѣній доставилъ молодому историку видъ древнепрестольной, златоглавой Москвы и многихъ другихъ древнихъ русскихъ городовъ! Все это было совершенно ново для Макарія, который до того времени почти безвыходно сидѣлъ въ четырехъ стѣнахъ, имѣя дѣло съ одними только мертвыми друзьями своими—книгами. Все это, съ увѣренностію можно сказать, оставляло ему самое пріятное наслажденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало совершенно незамѣтными всѣ дорожныя непрі-

ятности и неудобства. Вотъ почему Макарій называлъ потомъ въ своихъ письмахъ совершенное имъ путешествіе „пріятнымъ и беззаботнымъ развлеченіемъ“ [1]). Одно только могло смущать нашего путешественника: это думы о своемъ будущемъ, о томъ пріемѣ, какой ожидалъ его въ С.-Петербургѣ. Макарію были совершенно неизвѣстны всѣ тѣ обстоятельства, которыя послужили причиною его перевода изъ кіевской въ петербургскую Академію. Поэтому, всякій разъ, какъ только мысль его въ дорогѣ останавливалась на конечной цѣли его далекаго путешествія, Макарій невольно долженъ былъ спрашивать себя: „почему его вызвали въ Петербургъ! Кто могъ знать его въ Петербургѣ и содѣйствовать его переводу въ столичную Академію? Что ожидаетъ его въ новомъ мѣстѣ служенія и съ миромъ ли будетъ прибытіе его сюда“?

Должно полагать, что Макарій ѣхалъ изъ Кіева въ Петербургъ съ нѣкоторыми болѣе или менѣе ясными представленіями о петербургской Академіи, въ которой ему предстояло служить. „Какова Академія“? спрашивалъ Макарія его товарищъ Серафимовъ, и Макарій въ первомъ къ нему письмѣ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: да вы её знаете“ [2])! Но если зналъ петербургскую Академію Серафимовъ, въ чемъ Макарій былъ совершенно увѣренъ, то, понятно, зналъ её и Макарій. Интересно, поэтому, и намъ знать, какое же именно представленіе имѣлъ Макарій о петербургской духовной Академіи, въ которую онъ ѣхалъ служить?

Несомнѣнно, что Макарій въ данномъ случаѣ руководился тѣмъ общимъ представленіемъ о петербургской духовной Академіи, какое могло существовать о ней тогда въ Кіевѣ, въ кіевской Академіи и вообще въ кіевскомъ кружкѣ лицъ, принадлежавшихъ къ духовно-учебному вѣдомству. И нельзя сказать, чтобы это представленіе (насколько оно было

[1]) См. Церк. Вѣсти. 1883 г. № 8.

[2]) См. Церк. Вѣсти. 1883 г. № 8.

правильно, мы не беремся объ этомъ судить), было пріятно и утѣшительно для Макарія. Въ Кіевѣ о Петербургской духовной Академіи существовало тогда понятіе, какъ о представительницѣ формализма, строгихъ порядковъ во всемъ, внѣшней показности и лоска и новшествъ, особенно въ отношеніи внѣшней обстановки. Образованію такого мнѣнія въ Кіевѣ о Петербургской духовной Академіи немало содѣйствовалъ тогдашній кіевскій митрополитъ Филаретъ, бывшій истиннымъ попечителемъ и ближайшимъ руководителемъ жизни въ своей Кіевской Академіи. М. Филаретъ всегда относился къ своей Академіи съ истинно отеческою любовію. Такое отношеніе владыки къ Академіи, по воспоминаніямъ одного изъ тогдашнихъ воспитанниковъ ея, „влекло души всѣхъ студентовъ въ благоговѣйную любовь къ нему и *соединяло всѣхъ ихъ въ одну семью*, для которой митрополитъ былъ по истинѣ отцомъ, такъ что всѣ они не иначе и звали его, какъ „нашъ возлюбленный дѣдушка“ [1]). Митрополиту Филарету особенно нравилась мысль устроить свою Академію на подобіе *одной родственной семьи*. „Любимымъ выраженіемъ его, когда заходила рѣчь объ Академіи, было изреченіе Апостола: *„яко же доилица грѣетъ чада своя“*... такъ, пояснялъ владыка, и начальники и всѣ наставники должны чувствовать себя и выражать свои дѣйствія къ воспитанникамъ, *послабляюще* имъ, потому же Апостолу, и самыя *прещенія*, а главное *не насилуя ихъ положеніе одними казенными порядками по заведеннымъ формамъ и инструкціямъ. Послѣднія если и потребны, то опять таки не на одинъ ладъ для всѣхъ мѣстъ*“ [2]).—Въ послѣднихъ словахъ заключался прозрачный намекъ на вводившіеся тогда новые порядки съ С.-Петербургской духовной Академіи, при чемъ Духовно-Учебное Управленіе въ лицѣ

---

[1]) См. у архим. Сергія. Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и его время. Казань. 1888 г. т. 3 стр. 148.

[2]) См. тамъ же стр. 152.

оберъ-прокурора Св. Синода графа А. Н. Протасова желало видѣть тѣ же самые порядки и въ другихъ Академіяхъ. Но Кіевскій митрополитъ Филаретъ глубоко не сочувствовалъ всѣмъ такимъ „новшествамъ“, какъ онъ выражался, и ничто не могло такъ огорчить и оскорбить его, какъ именно напоминаніе о томъ, что хорошо было бы и въ Кіевской Академіи завести такіе же порядки, какъ и въ петербургской. Разъ какъ-то ректоръ Академіи, архим. Антоній, напомнилъ объ этомъ м. Филарету и услышалъ отъ него слѣдующій отвѣтъ, произнесенный съ замѣтнымъ раздраженіемъ: „зналъ я и прежде тебя и побольше, что тамъ заведено... тамъ есть и полицмейстеръ какой-то при Академіи, и въ баню-то сопровождаетъ студентовъ фельдшеръ, или лекарь, чтобы опредѣлять степень жара и кому дозволить, а кому нѣтъ— париться. Знай, что, пока я живъ, этого не будетъ; никто меня не убѣдитъ, чтобы студенты, уже столько взрослые, матерые держали себя на пружинахъ и были какъ на иголкахъ. Эка бѣда, что студентъ въ халатѣ; халатъ съ пояскомъ то же, что подрясникъ; а въ подрясникѣ ходятъ вездѣ и въ церковь; а что студенты иные иногда уснутъ послѣ обѣда, это и естественно; и не думай, что спятъ отъ лѣности, отъ бездѣлья, а вѣрнѣе, чтобы отдохнуть и снова живѣе и усерднѣе заняться дѣломъ; лѣниваго-то и празднаго и не уложишь въ эту пору; онъ скорѣе это время свободное употребитъ на что-либо праздное; а если захочетъ и не въ пору полежать, то и въ отдѣльныхъ комнатахъ онъ не затруднится и не спроситъ, какъ это сдѣлать; самъ съумѣетъ лучше всякаго“ [1]). Въ другой разъ какъ-то послѣ экзаменовъ м. Филаретъ зашелъ въ студенческія комнаты и въ одной изъ нихъ, взявъ книгу со стола, присѣлъ на койку и сталъ говорить какъ-бы про себя: „вотъ какъ прекрасно здѣсь! студенту можно и заняться и вмѣстѣ отдохнуть. То ли дѣло такъ по старому!

[1]) См. тамъ же, стр. 150—151.

А то заводятъ тамъ отдѣльныя общія спальни, общія занятныя комнаты: бѣдные студенты“![1]).

Въ послѣднихъ словахъ м. Филарета опять таки заключался весьма ясный намекъ на С.-Петербургскую духовную Академію, гдѣ тогда, дѣйствительно, введены были отдѣльныя занятныя комнаты и отдѣльныя спальныя, а также и одежда студентамъ шилась по новымъ образцамъ. Благодаря тому, что м. Филаретъ, лично наблюдавшій всѣ эти новые порядки во время пребыванія въ С.-Петербургѣ до 1842 года, не скрывалъ ни предъ кѣмъ своего нерасположенія къ такимъ порядкамъ, и въ самой Кіевской Академіи какъ среди наставниковъ, такъ и среди студентовъ было живо несочувственное отношеніе къ нимъ. Кіевскіе студенты даже съ боязнію всегда принимали вѣсть о томъ, что у нихъ могутъ быть введены петербургкіе порядки [2]). И хотя мы не знаемъ, какъ лично самъ Макарій относился къ порядкамъ, вводившимся въ петербургской Академіи, и какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, но для насъ во всякомъ случаѣ должно быть несомнѣннымъ только то, что онъ, еще будучи въ Кіевѣ, могъ имѣть представленіе о петербургской Академіи, куда его вызывалъ на службу, какъ о представительницѣ формы, порядка, законности и новизны. Вскорѣ мы увидимъ, что такое мнѣніе Макарія о петербургской Академіи въ замѣчательной степени оправдалось. Въ письмахъ его, писанныхъ въ теченіи перваго года службы въ Петербургѣ, мы встрѣчаемъ неоднократныя упоминанія и указанія на формализмъ, господствовавшій тогда въ С.-Петербургской духовной Академіи.

Могъ также знать Макарій еще до пріѣзда въ Петербургъ хотя въ самыхъ общихъ чертахъ и нѣкоторыхъ изъ начальниковъ и наставниковъ С.-Петербургской духовной Академіи, особенно же ректора ея, преосвящ. Аѳанасія. Во

---

[1]) См. тамъ же. стр. 149.

[2]) См. тамъ же, стр. 154.

1-хъ, за годъ предъ тѣмъ архим. Аѳанасій былъ въ Кіевской Академіи и, какъ намъ приходилось слышать отъ одного изъ очевидцевъ этого посѣщенія, произвелъ не вполнѣ благопріятное впечатлѣніе на академическихъ начальниковъ, наставниковъ и даже студентовъ. Въ 2-хъ, еще въ то время, когда Макарій былъ въ Кіевѣ, здѣсь уже отчасти было извѣстно то положеніе и та рѣчь, какую игралъ въ С.- Петергургѣ ректоръ Академіи Аѳанасій. Его здѣсь считали однимъ изъ первыхъ сторонниковъ графа А. Н. Протасова и главнымъ поборникомъ того направленія академической жизни, о которомъ было сказано раньше [1]). Въ частности, въ Кіевѣ было извѣстно, что архим. Аѳанасій, благодаря близкимъ связямъ съ оберъ-прокуроромъ графомъ Протасовымъ и крайней дряхлости м. Серафима (умеръ въ генварѣ 1843 года), былъ властнымъ и почти безконтрольнымъ начальникомъ Академіи [2]).

Вотъ съ какимъ представленіемъ о петербургской духовной Академіи ѣхалъ на службу въ нее іером. Макарій. Смущеніе и естественное нетерпѣніе его, понятно, все болѣе и болѣе увеличивалось по мѣрѣ приближенія его къ Петербургу. Наконецъ, подъ вечеръ одного августовскаго дня дорожная кибитка въѣхала въ московскую заставу Петербурга. Предъ сидѣвшимъ въ „повозкѣ“ молодымъ инокомъ, благообразной наружности, съ необыковенно умнымъ лицомъ и выразительнымъ взоромъ, открылось невиданное зрѣлище: потянулись громадныя и высокія зданія по обѣ стороны широкихъ и стройныхъ улицъ сѣверной столицы. Утомленіе невольно уступило мѣсто любопытству и неподдѣльному восхищенію. Петербургъ совершенно поразилъ Макарія, который до того времени не видѣлъ ничего подобнаго. На вопросъ своего друга о томъ, каковъ Петербургъ, онъ въ первомъ письмѣ къ нему отвѣчалъ: „Петербургъ съ перваго раза

[1]) См. тамъ же, стр. 151 прим. 1.

[2]) См. тамъ же, стр. 528.

ослѣпилъ мои глаза, и я оттого не видѣлъ и не вижу его. Объ немъ или не говорить ничего, или если говорить, то цѣлые томы“ [1]).

Пріѣхавъ прямо въ Академію, іером. Макарій черезъ часъ послѣ пріѣзда былъ уже у своего новаго начальника, ректора Академіи Аѳанасія, который за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа винницкаго, викарія подольской епархіи [2]). Преосв. Аѳанасій, какъ главный виновникъ вызова іером. Макарія въ Петербургъ, самъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ нимъ. Къ удовольствію для него и къ счастію для Макарія это свиданіе имѣло самые благопріятные результаты: преосв. Аѳанасій былъ положительно очарованъ своимъ избранникомъ послѣ подробной и обстоятельной бесѣды съ нимъ. „Съ перваго вечера“, писалъ Макарій впослѣдствіи Серафимову объ этомъ свиданіи, „какъ только я къ нему (т. е. къ преосв. Аѳанасію) представился, когда онъ преподробно, въ продолженіе часовъ пяти, поиспыталъ меня въ знаніи догмачическаго богословія, особенно касаясь пунктовъ православія; съ этого роковаго, вовсе непредвидѣннаго мною въ дорогѣ безъ-заботнаго вечера, онъ тутъ же началъ хвалить сильно мой образъ мыслей, называя его совершенно сходнымъ (а этотъ вечеръ начался черезъ часъ, какъ только я слѣзъ съ повозки) до малѣйшихъ подробностей съ своимъ. Сколько отсюда хорошаго для меня! Признаюсь, мои счастливые отвѣты въ тотъ вечеръ, къ которому я вовсе не готовился, отнюдь не

---

[1]) См. Церковн. Вѣсти. 1883 г. № 8.

[2]) 8 августа 1842 года. См. у И. Чистовича. Исторія С.-Петербургской духовной Академіи. СПБ. 1857 г. стр. 335. Вѣсть о хиротоніи преосв. Аѳанасія, полученная въ Кіевѣ, конечно, уже по отъѣздѣ Макарія, произвела здѣсь неблагопріятное впечатлѣніе. „Тамъ и ректоровъ стали дѣлать безмѣстными архіереями“, замѣтилъ по этому поводу м. Филаретъ. См. у архим Сергія. Филаретъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій и его время. Казань. 1888 г. т. 3 стр. 151.

зная, что мнѣ придется преподавать здѣсь, отвѣты сіи я почитаю особеннымъ благодѣяніемъ благодѣющаго мнѣ Промысла: вѣдь отъ нихъ на первый разъ зависѣло мое все“ [1]).

Дѣйствительно, благопріятное впечатлѣніе, произведенное Макаріемъ на преосв. Аѳанасія, было для него на первыхъ порахъ весьма благодѣтельно и полезно. Сразу же полюбивъ своего избранника, преосв. Аѳанасій началъ видимо покровительствовать ему, дѣлать о немъ повсюду самые лестные отзывы [2]) и давались ему самыя серьезныя и важныя порученія, удачное исполненіе которыхъ, конечно, должно было обращать вниманіе высшаго начальства на молодаго инока.

По иниціативѣ преосв. Аѳанасія, іером. Макарію была поручена въ Петербургской духовной Академіи одно изъ важнѣйшихъ богословскихъ каѳедръ, именно каѳедра догматическаго богословія. Замѣчательно, что Макарій это уже во второй разъ долженъ былъ начинать чтеніе академическихъ лекцій безъ спеціальной подготовки, причемъ въ Петербургѣ онъ долженъ былъ чувствовать и, дѣйствительно, чувствовалъ себя еще въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ годъ тому назадъ въ Кіевѣ, такъ какъ чтеніе лекцій въ Петербургской Академіи началось тотчасъ же непосредственно послѣ его пріѣзда. „Классы мои“, писалъ Макарій Серафимову, „начались черезъ два дня послѣ моего пріѣзда. А какіе классы и сколько въ недѣлю? Вотъ въ томъ-то и главнѣйшая трудность. Каѳедру я занялъ по догматикѣ; классовъ въ недѣлю мнѣ дано три, да знайте, что ходить-то въ классы здѣсь надобно немедленно послѣ колокольчика минутъ черезъ пять, десять и сидѣть непремѣнно до конца; а классы-то весьма часто посѣщаетъ самъ преосвященный ректоръ (у меня онъ былъ впрочемъ только разъ). Уроки свои я началъ

[1]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 9.

[2]) См. тамъ же.

чтеніями о мірѣ ангельскомъ и уже прочелъ объ ангелахъ добрыхъ и злыхъ, мірѣ видимомъ и человѣкѣ... Ну, словомъ, теперь (24 сентября 1842 года) читаю о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Уроки свои я обязанъ писать немедленно, чтобы отдавать въ литографію; часть ихъ я подалъ преосвященному ректору, и онъ обѣщалъ печатать ихъ въ „Христіанскомъ Чтеніи"; не знаю, исполнитъ ли свое обѣщаніе. А признаюсь: зѣло трудно составлять лекціи по догматикѣ. Сколько я уже употребилъ времени" [1]).

Приведенное нами сейчасъ мѣсто изъ письма Макарія весьма важно въ томъ отношеніи, что проливаетъ яркій свѣтъ на первоначальные шаги его дѣятельности, какъ бакалавра по догматическому богословію въ С.-Петербургской духовной Академіи. Видно, прежде всего, что Макарій началъ чтеніе лекцій по программѣ, составленной предшественникомъ его, которымъ, вѣроятнѣе всего, былъ самъ покровитель его, преосв. Аѳанасій. Макарій, переведенный въ С.-Петербургскую духовную Академію среди учебнаго курса, долженъ былъ сдѣлать это въ силу положительной необходимости, такъ какъ до него уже была выполнена первая часть программы: не могъ же онъ начинать чтеніе лекцій по новой своей собственной программѣ и, такимъ образомъ, повторять уже прочитанное его предшественникомъ? Далѣе, изъ письма ясно, что руководителемъ Макарія въ преподаваніи догматики былъ преосв. Аѳанасій. Преосвященный Аѳанасій подробно разсуждалъ съ Макаріемъ по предмету догматическаго богословія въ первый же вечеръ своего знакомства съ нимъ, затѣмъ былъ на его урокахъ и, наконецъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ нимъ могъ давать ему необходимыя руководственныя указанія. Такимъ образомъ, если бы даже у Макарія и были въ это время кіевскія лекціи архим. Димитрія по догматическому богословію, что мы раньше признали вѣроятнымъ, то даже и въ

[1]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 8.

такомъ случаѣ Макарій едва ли могъ пользоваться ими, какъ совсѣмъ готовымъ матеріаломъ. Онѣ могли въ крайнемъ случаѣ служить ему въ качествѣ справочнаго руководства. Наконецъ, изъ собственныхъ словъ Макарія, искренность которыхъ нѣтъ никакихъ основаній заподозривать, видно, что онъ въ это время составлялъ свои лекціи по догматическому богословію совершенно самостоятельно. Составленіе ихъ доставалось ему съ великимъ трудомъ и занимало весьма много времени. Къ сожалѣнію, мы не могли достать первыхъ лекцій Макарія, хотя онѣ, по собственнымъ его словамъ, литографировались и потому могли бы сохраниться въ его бумагахъ. Впрочемъ, у насъ все жъ таки остается одно средство, по крайней мѣрѣ для возстановленія программы и даже общаго направленія лекцій Макарія по догматическому богословію, читанныхъ имъ въ первый годъ службы въ С.-Петербургской духовной Академіи. Въ это время, какъ увидимъ, Макарій составлялъ догматическій сборникъ по сочиненіямъ св. Димитрія Ростовскаго. Этотъ-то сборникъ и можетъ дать намъ нѣкоторыя основанія для сужденія о программѣ и общемъ характерѣ чтеній Макарія по догматическому богословію въ $184^2/_3$ учебномъ году.

Догматическое богословіе іером. Макарій преподавалъ собственно только въ теченіи сентябрьской трети $184^2/_3$ уч. года. „Догматику“, писалъ онъ Серафимову въ концѣ этой трети, „я кончилъ 6 ноября, кончилъ ровно въ двадцать пять лекцій. Скоро? А извольте взять во вниманіе: а) что трактатъ о таинствахъ былъ уже прочитанъ другимъ наставникомъ [1]); б) что каждая лекція продолжалась почти два

[1]) Обращаемъ вниманіе читателей на эти слова Макарія и вотъ почему. По нашему мнѣнію, они указываютъ на то, что при исполненіи петербургской программы по догматическому богословію онъ имѣлъ въ виду и соображался (не болѣе) съ программою кіевскою. Видно, что по кіевской программѣ, которую, какъ увидимъ, Макарій принялъ и въ основаніе своего догматическаго

часа; в) что я произносилъ, по моему обыкновенію, лекціи очень быстро, и г) наконецъ, что я, нечего грѣха таить, имѣя три класса въ недѣлю, не всегда могъ разсматривать предметъ всесторонне, приготовляясь къ классу. И какъ эти двадцать пять лекцій было истомили меня! Чѣмъ? Тѣмъ по-преимуществу и исключительно, что не по силамъ моимъ бить словами воздухъ два часа... Дѣло было дошло уже до того, что въ предпослѣдніе два класса, подъ конецъ ихъ, я вовсе изнемогалъ и умолкалъ. За то, какъ только я кончилъ догматику, мнѣ была и благодарность сладостнѣйшая; мнѣ опредѣлили только одинъ классъ въ недѣлю и изъ снисхожденія къ слабости моей и другихъ сдѣлали то (съ утвержденія Духовно-учебнаго Управленія и Св. Синода), что отселѣ въ здѣшней Академіи классы будутъ продолжаться по $1^1/_2$ часа и такихъ классовъ, послѣ праздника, на мою долю опредѣлили лишь два въ недѣлю?! Въ нашу Академію это вводится на первый разъ только для пробы, а потомъ, если окажется хорошимъ, не введутъ ли и въ другія“ [1]).

Въ теченіи второй трети $184^2/_3$ учебнаго года іером. Макарій преподавалъ уже введеніе въ богословіе. Впрочемъ, собственно чтеніемъ лекцій по введенію въ богословіе онъ очень мало занимался въ это время. Большую часть класснаго времени онъ, по порученію преосв. Аѳанасія, посвящалъ теперь на практическія занятія съ оканчивающими курсъ студентами Академіи, которые подъ его руководствомъ говорили свои пробныя лекціи. „Лекцій я сказалъ въ эту треть ровно четыре“, писалъ Макарій въ Кіевъ къ празднику Пасхи 1843 года, „при всемъ желаніи говорить больше. Преосвященному ректору угодно было, чтобы я въ свои классы обучалъ

сборника, трактатъ о таинствахъ находился во второй половинѣ программы, тогда какъ въ Петербургской Академіи онъ былъ прочитанъ въ первый учебный годъ курса и, слѣдовательно, стоялъ въ началѣ программы.

[1]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 8.

преподавать лекціи будущихъ профессоровъ, и они, дѣйствительно, поочередно говорили свои пробные уроки по два въ каждый классъ, излагая ихъ другъ за другомъ въ порядкѣ составленнаго мною догматическаго конспекта для семинарій. На такія лекціи, кои я долженъ былъ разсматривать, нерѣдко жаловалъ самъ преосвященный ректоръ. Лучшія изъ нихъ были произносимы въ залѣ при полномъ собраніи... я при этомъ обыкновенно дѣлывалъ возраженія, замѣчанія, совѣты, и скажу, что нѣкоторыя—немногія—лекціи годились бы для академической каѳедры. Теперь розданы всѣмъ и конспекты по практическому богословію и, по волѣ преосвященнаго ректора, они начали давать уроки и по этой наукѣ, продолжая въ мои классы по догматикѣ“ [1]).

Кромѣ баккалаврской должности, іером. Макарій въ теченіе $184^{2}/_{3}$ учебнаго года исполнялъ еще обязанности помощника инспектора Академіи. Съ 16 августа по 12 декабря 1842 года онъ считался исправляющимъ должность помощника инспектора, а по опредѣленію Свят. Синода отъ $^{2}/_{12}$ декабря того же года былъ окончательно утвержденъ въ этой должности [2]). Исполненіе обязанностей помощника инспектора, при господствовавшемъ тогда въ С.-Петербургской духовной Академіи духѣ формализма, требовало большаго труда со стороны іером. Макарія и значительно осложняло его занятія. „Вѣрьте“, писалъ Макарій Серафиму по этому поводу, „что въ Кіевѣ я и въ половину не имѣлъ дѣлъ сравнительно съ настоящими. Извольте послушать. Вдругъ съ пріѣзда меня сдѣлали помощникомъ инспектора: *а вѣдь здѣсь помощникъ не то что у васъ*; по крайней мѣрѣ пять разъ обязанъ онъ пройти по комнатамъ, въ одинъ день, до четырехъ разъ по-

[1]) См. тамъ же № 9.

[2]) См. послужной списокъ м. Макарія въ брошюрѣ: „Кончина и погребеніе высокопреосвященнѣйшаго Макарія, митрополита московскаго и коломенскаго“. Москва. 1882 г. стр. 22—23.

бывать въ столовой студенческой за ихъ обѣдомъ, ужиномъ, дважды за чаемъ (который здѣсь заведенъ казенный“) [1]).

Но еще больше труда и времени требовали отъ Макарія другія стороннія и нерѣдко весьма важныя порученія, какія давались ему, по иниціативѣ преосв. Аѳанасія, въ теченіи перваго года службы его въ С.-Петербургской духовной Академіи. Такъ, Макарій долженъ былъ давать темы студентамъ для сочиненій и затѣмъ читать какъ семестровыя сочиннія собственно по догматическому богословію, такъ и курсовыя сочиненія студентовъ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи. „Мнѣ первому“, читаемъ въ письмѣ Макарія къ Серафимову отъ 24 сентября 1842 года, „пришлось дать и задачу студентамъ, и они теперь уже подали мнѣ сочиненія преогромныя, и я долженъ читать, читать скорѣе не на шутку“ [2]). А въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о томъ же самомъ слѣдующее: „студенты своими задачами мнѣ надоѣдали уже! Представьте, нѣкоторые подали по 10 листовъ частное сочиненіе. И я, труженикъ, прочелъ всѣ съ двухъ предложеній. Спасибо—пишутъ бойко; два разсужденія по моему предложенію уже напечатаны, а три приготовляются къ печати. Преосвященному ректору угодно, чтобы до окончанія года напечатать задачи всѣхъ студентовъ 1-го разряда, дабы не вышло за этимъ остановки къ скорому утвержденію степеней. Да еще, какъ бы вы думали, надоѣло мнѣ выдумывать для нихъ курсовыя предложенія. Бѣда, да и только! А между тѣмъ мнѣ одному велѣно было придумать для всѣхъ. Слава Богу, изъ 200 выбрано кое-какъ и утверждено преосвященнымъ ректоромъ, по числу студентовъ, 55“ [3]). Когда курсовыя сочиненія были поданы студентами, то Макарію же хотѣли поручить и чтеніе всѣхъ ихъ, такъ что ему

---

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8.

[2]) См. тамъ же.

[3]) См. тамъ же.

стоило большихъ усилій освободиться отъ этого отвѣтственнаго и непосильнаго труда, если только, впрочемъ, ему удалось это. „Началъ отселѣ читать курсовыя студентовъ“, писалъ Макарій Серафимову предъ праздникомъ Пасхи 1843 года; „бѣда! хотятъ взвалить почти всѣ на меня. Упаси Боже! А преосвященный того хочетъ, да и студенты прямо просятъ. Не знаю, буду просить облегченія, а то подамся“ [1]).

Но исполненіемъ важныхъ порученій, находившихся въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ обязанностями по должности академическаго наставника, далеко не исчерпывались еще занятія Макарія въ первый годъ службы его въ С.-Петербургской духовной Академіи. Онъ, прежде всего, три раза проповѣдывалъ въ теченіи этого года. Первую проповѣдь Макарій говорилъ вскорѣ же послѣ пріѣзда своего въ Петербургъ, 30 августа 1842 года, въ Александро-невской лаврѣ. „Вдругъ съ пріѣзда“, читаемъ объ этомъ въ одномъ письмѣ Макарія, „возложили на меня долгъ приготовить поученіе для праздника св. Александра Невскаго, столь уважаемаго въ С.-Петербургѣ, которое я и имѣлъ счастіе произнести (не шутя) предъ цѣлыми тысячами; если угодно, вы прочтете его въ „Христіанскомъ Чтеніи“ [2]). Эта первая проповѣдь Макарія въ С.-Петербургѣ, которая, можно думать, была экзаменомъ для него въ проповѣдническомъ дѣлѣ со стороны его покровителя, преосв. Аѳанасія, была произнесена Макаріемъ на слова церковной пѣсни (Мин. Авг. 30, Слав. глас. 2): „*пріидите вси Россійстіи сыны, восхвалите добраго чиноначальника: власти, мудраго строителя; воини, прехраброго воина; православія любители, твердаго исповѣдника,*

---

[1]) См. тамъ же № 9.

[2]) См. Христ. Чт. 1842 г. ч. IV отд. IX стр. 262—275 ср. Слова и Рѣчи Макарія, митрополита московскаго, произнесенныя въ 1841—1868 г., въ Кіевѣ и Петербургѣ, въ тамбовской и Харьковской епархіяхъ, изд. 2, СПБ. 1891, стр. 13—20. Проповѣдь эта въ свое время была напечатана, кромѣ того, и отдѣльными оттисками (См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8).

изволеніемъ мученика; и видѣвше кончину его, подражайте вѣрѣ его". Предметомъ слова служило прославленіе добродѣтелей св. Александра Невскаго (любви къ вѣрѣ и отечеству), какъ образца для нашего подражанія; кромѣ того, нѣсколько заключительныхъ словъ молодой витія посвящалъ въ своей проповѣди виновнику гражданскаго торжества, падавшаго на тотъ день, именно Наслѣднику Цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу. По общему счету, это была третья проповѣдь Макарія; сравнительно съ предшествующими двумя, уже извѣстными намъ, она отличается особенною теплотою чувства и особенною задушевностію тона, проникающими ея содержаніе.—Во второй разъ въ Петербургѣ и опять таки въ Александро-Невской Лаврѣ Макарій проповѣдывалъ 25 марта 1843 года. Къ сожалѣнію, проповѣдь эта не сохранилась, такъ какъ нигдѣ не была напечатана самимъ авторомъ: ни въ академическомъ журналѣ, ни въ особомъ сборникѣ его проповѣдей, изданномъ въ 1847 году. Объ этой проповѣди мы узнаемъ изъ письма Макарія къ Серафимову, гдѣ читаемъ о ней слѣдующее: „написалъ проповѣдь на Благовѣщеніе, которую имѣлъ счастіе произносить въ лаврѣ, при самомъ митрополитѣ на *„буди имя Господне*", сдѣлавъ нарочитое обращеніе къ нему" [1]). Наконецъ, въ третій разъ Макарій

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 9. С.-Петербургскимъ митрополитомъ въ это время былъ преосв. Антоній (Рафальскій 1843—1848 г. См. о немъ у архим. Сергія. Филаретъ Амфитеатровъ, митрополитъ кіевскій и его время. Казань, 1888 г. т. III стр. 528—529). Кстати замѣтимъ здѣсь, что г. Кипарисовъ В. (См. его сочиненіе: „митрополитъ московскій Макарій Булгаковъ), какъ проповѣдникъ". Сергіевъ Посадъ. 1893 г., стр. 24, прим. 43), какъ на причину, почему проповѣдь Макарія на Благовѣщеніе 1843 года нигдѣ не была напечатана авторомъ, указываетъ на возможную слабость ея, обусловленную, въ свою очередь, будто бы поспѣшностью, съ какою Макарій работалъ тогда надъ всѣми своими сочиненіями. Но едвали можно согласиться вполнѣ съ такимъ объясненіемъ. Хотя, правда, самъ Макарій, по естественному чувству скромности, и жаловался на незрѣлость своихъ тогдашнихъ трудовъ, однакоже рѣшительно нельзя допустить, чтобы онъ могъ отнестись легко и равнодушно къ составленію проповѣди, которую долженъ былъ произнести въ присутствіи

проповѣдывалъ въ С.-Петербургѣ въ Александро-Невской же лаврѣ въ праздникъ св. Пасхи 1843 года на слова Пс. 117, 24: „*сей день, его же сотворилъ Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь*“ [1]). Предметомъ слова на этотъ разъ служило показаніе великой важности Воскресенія Христова въ дѣлѣ нашего спасенія и радости, какая прилична христіанину въ праздниковъ Праздникъ.

Кромѣ проповѣдничества, Макарій въ первый годъ своей службы въ С.-Петербургской духовной Академіи весьма энергично и усердно занимался и собственно учено-литературнымъ трудомъ. Литературные труды Макарія, относящіеся къ этому именно году, можно раздѣлить на два разряда: одни были вновь составлены имъ: это богословскія сочиненія; а другіе представляли собою только болѣе или менѣе значительную переработку прежнихъ сочиненій его, написанныхъ имъ еще въ бытность студентомъ и баккалавромъ Кіевской духовной Академіи, это именно историческіе труды его. Скажемъ сначала о перваго рода произведеніяхъ Макарія.

митр. Антонія, тогда только что вступившаго на Петербургскую каѳедру. Это совершенно не согласуется съ характеромъ Макарія. Не вѣрнѣе ли будетъ предположеніе, что личный элементъ проповѣди (разумѣемъ обращеніе проповѣдника по адресу м. Антонія), произнесенной Макаріемъ въ день Благовѣщенія 1843 года, былъ причиною, почему проповѣдь его не могла быть напечатана сначала на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“, гдѣ тогда печатались статьи съ большимъ разборомъ, и потомъ въ сборникѣ проповѣдей Макарія, изданномъ въ 1847 году?

[1]) См. слова и Рѣчи Макарія, митр. московскаго, произнесенныя въ 1841—1868 г. Изд. 2. СПБ. 1891 г., стр. 21—30. Первоначально слово это было напечатано въ „Христ. Чтеніи“ (см. 1843 г. ч. II отд. V стр. 187—204) подъ заглавіемъ: „Размышленіе на день Воскресенія Христова“. Кромѣ того изъ одного письма Макарія къ Серафимову (см. Церк. Вѣсти. 1883 г. № 9) можно заключать, что настоящее произведеніе Макарія было написано имъ еще въ годы студенчества. Вотъ это мѣсто въ письмѣ Макарія къ своему другу. „Что печатаю? А вотъ въ послѣдней книжкѣ „Христ. Чтенія“ кое что еще студенческое мое на день св. Пасхи“. Слѣдовательно, происхожденіе настоящаго слова такое же, какъ и происхожденіе слова Макарія, произнесеннаго 25 дек. 1841 г. въ Кіево-братскомъ монастырѣ.

Самымъ важнымъ и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ уже раньше упомянутый нами сборникъ догматическаго ученія по руководству св. Димитрія Ростовскаго. Иниціатива составленія этого сборника принадлежала собственно преосв. Аѳанасію. Макарій, которому преосв. Аѳанасій поручилъ осуществить его идею, сначала отнесся было къ ней легко, но затѣмъ увлекся ею и, принявшись за работу съ обычнымъ своимъ усердіемъ и умѣньемъ, въ теченіи сравнительно непродолжительнаго времени приготовилъ очень солидный трудъ. „Готовлю", писалъ Макарій въ Кіевъ 24 сентября 1842 года, „статью для Христіанскаго Чтенія: „извлеченіе изъ догматическихъ мѣстъ изъ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго" (впрочемъ, недавно еще поручено и я не принимался) [1]). Затѣмъ во второмъ письмѣ Макарія къ Серафимову читаемъ о томъ же самомъ слѣдующее: „много, кажись, оставалось и времени празднаго, да увы! Это время я долженъ былъ употребить на другія занятія, на выборъ догматическаго ученія изъ сочиненій св. Димитрія Ростовскаго. Признаюсь, сначала я хотѣлъ было сдѣлать это дѣло какъ-нибудь, и въ облегченіе себѣ породалъ было по книгѣ св. отца студентамъ для извлеченія замѣчательныхъ мѣстъ. И студенты сдѣлали это лишь бы только отдѣлаться. Когда же приступилъ я къ работѣ, то рѣшился исполнить благое предпріятіе получше, а потому, отбросивши тетради студенческія, принялся читать самъ, и пока понабралъ мѣстъ на весь свой планъ, перечиталъ всѣ творенія святаго до четырехъ разъ. Утомителенъ былъ для меня такой трудъ, потому что дѣло дѣлалось къ спѣху: едва я составилъ первые два листа, какъ ихъ начали печатать и отъ меня безпрестанно требовать продолженія и продолженія! вотъ потому-то, и особенно въ первой половинѣ, я не успѣлъ выдержать и

[1]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 8.

строгаго порядка, некогда было осмотрѣться; послѣднюю же половину я уже (о домостр...) расположилъ по тому плану. въ общихъ чертахъ, по которому самъ читалъ свои уроки, Прибавьте къ этому, что я самъ же держалъ всю утомительную корректуру этой книжки. За то сколько уже я слышалъ за неее благодарностей даже отъ постороннихъ лицъ! Здѣшнему комитету она такъ понравилась, что её думаютъ ввесть вмѣсто предполагаемаго конспекта въ руководство для семинарій и мнѣ поручили только исполнить ее и посистематичнѣе расположить, что я уже сдѣлалъ; теперь студенты по-очереди приходятъ ко мнѣ для скорѣйшей переписки этого богословія въ новомъ его видѣ, чтобы къ новому году оно успѣло поступить отъ комитета на разсмотрѣніе св. Синода. Посмотримъ, чѣмъ-то кончится? А я этого никогда не имѣлъ и въ мысли тѣмъ болѣе, что отъ меня въ Духовно-Учебное Управленіе нарочито требовали съ просьбою, чтобы для этой самой цѣли поспѣшилъ изложить къ вакаціи свои уроки на бумагу“ [1]).

Сборникъ догматическихъ мѣстъ изъ сочиненія св. Димитрія Ростовскаго, съ обстоятельствами происхожденія котораго мы познакомились сейчасъ на основаніи собственныхъ словъ Макарія, печатался сначала на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“, а потомъ былъ изданъ и отдѣльною книгою, хотя въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. „Съ удовольствіемъ переслалъ бы вамъ“, писалъ Макарій Серафимову, „и догматическое ученіе св. Димитрія, да отдѣльныхъ оттисковъ сдѣлали весьма немного, и всѣ уже раздорены преосвященнымъ. Вотъ ужъ какъ отпечатаютъ экземпляровъ *тысячъ пятьнадцать*, какъ теперь думаютъ, тогда исполню мое искреннее желаніе“ [2]).

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. Церк. Вѣст. 1883 г. № 8. Самое сочиненіе Макарія, о которомъ идетъ рѣчь, можно читать въ Христ. Чт. за 1842 г. ч. IV отд. XII стр. 311—521, гдѣ помѣщенъ рядъ статей его подъ общимъ заглавіемъ: „Святаго отца нашего Димитрія ростовскаго святителя и чудотворца, догматическое ученіе, выбранное изъ его сочиненій“.

Несомнѣнно, что трудъ Макарія по составленію догматическаго сборника, не смотря на свой, повидимому, несложный и болѣе механическій характеръ, имѣлъ великое значеніе и, прежде всего, для самого автора. Въ этомъ отношеніи, равно какъ и въ другихъ, нельзя не видѣть „великаго благодѣянія благодѣявшаго Своему избраннику Промысла Божія", по выраженію самого Макарія. Во 1-хъ, составленіе сборника потребовало отъ Макарія основательнаго и самаго точнаго знакомства съ произведеніями такого замѣчательнаго церковнаго писателя, какъ св. Димитрій Ростовскій. Самъ Макарій сознается, что онъ для составленія сборника „перечиталъ всѣ творенія святаго до четырехъ разъ". Сколько мыслей—глубокихъ и важныхъ—онъ долженъ былъ почерпнуть изъ этихъ твореній! Во 2-хъ, повидимому, случайное обстоятельство—порученіе составить догматическій сборникъ изъ твореній св. Димитрія Ростовскаго—имѣло глубоко важное значеніе для Макарія особенно въ томъ отношеніи, что служило первымъ подготовительнымъ опытомъ на пути къ дальнѣйшимъ богословскимъ изслѣдованіямъ. Составленіе догматическаго ученія по руководству св. Димитрія Ростовскаго, безъ сомнѣнія, должно было указать Макарію тотъ духъ и направленіе, какимъ должно отличаться православно-христіанское догматическое богословіе, равно какъ должно было открыть для него тотъ истинный и чистый источникъ, откуда православный богословъ можетъ и долженъ почерпать свои свѣдѣнія по этому важному предмету. И не здѣсь ли должно искать начало того церковно-историческаго направленія, какое свойственно богословскимъ трудамъ Макарія и какое собщаетъ имъ особенную цѣнность въ глазахъ истинныхъ ревнителей Православія?

Для насъ же разсматриваемый трудъ Макарія имѣетъ весьма важное значеніе въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность познакомиться съ программою чтеній его по догматическому богословію въ первый годъ службы его въ С.-Петербургской духовной Академіи. Изъ словъ Макарія, при-

веденныхъ выше, видно, что онъ составлялъ сборникъ по тому самому плану, по какому читалъ свои уроки; слѣдовательно познакомившись съ планомъ сборника, мы въ то же самое время познакомимся и съ программою чтеній Макарія. Каковъ же планъ догматическаго сборника?

Догматическое ученіе св. Димитрія Ростовскаго изложено у Макарія въ слѣдующихъ пяти главахъ: I) о св. вѣрѣ и Церкви вообще; II) о Богѣ и Его свойствахъ; III) объ общихъ дѣйствіяхъ Божіихъ въ мірѣ—твореніи и промыслѣ; о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣческаго рода и V) о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія. Для насъ важны собственно послѣднія три главы труда Макарія, планъ которыхъ, по собственному свидѣтельству его, вполнѣ совпадалъ съ программою его классныхъ лекцій. Поэтому, мы и разсмотримъ болѣе подробно эти главы. Содержаніе ихъ таково. III) объ общихъ дѣйствіяхъ Божіихъ въ мірѣ—твореніи и промыслѣ... Б) Богъ—Творецъ и Промыслитель міра невидимаго. В) Богъ—Творецъ и Промыслитель міра видимаго. Г) Богъ—Творецъ и Промыслитель человѣка. IV) О Богѣ, какъ Спасителѣ человѣческаго рода. А) Предварительныя понятія. Б) О лицѣ Спасителя человѣческаго рода. В) Исторія нашего Спасителя. V) О Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія. Предварительныя понятія. А) Сначала Господь приготовлялъ людей ко спасенію во Христѣ Іисусѣ. Б) По исполненіи временъ Обѣтованный Искупитель міра самымъ дѣломъ совершилъ наше спасеніе, явившись на землѣ 1) какъ пророкъ, проповѣдавшій и Самъ и чрезъ свв. Апостоловъ вмѣсто закона древняго и плотянаго—новый и духовный; 2) какъ Первосвященникъ, добровольно принесши Себя въ жертву не за Себя, а за наши грѣхи и всего міра, и потому потерпѣвши все, что мы заслуживали; 3) какъ царь, основавши на землѣ благодатное царство—новозавѣтную церковь на Самомъ Себѣ, чтобы она руководствовала людей ко спасенію, и для достиженія сей высокой цѣли обѣщавшись Самъ во вѣки

пребывать въ ней невидимо Главою и Управителемъ, даровавши ей постояннаго руководителя—всесвятаго Духа и учредивши въ ней видимыхъ вождей ко спасенію—пастырей и учителей; поэтому, новозавѣтная церковь есть общество видимое, состоящее изъ совершенныхъ и несовершенныхъ, есть также единая, святая, соборная и апостольская, и не поколеблется, и не погрѣшитъ вовѣки. В) Теперь, по вознесеніи Своемъ на небеса, Господь усвояетъ намъ совершенное Имъ на землѣ спасеніе чрезъ св. Церковь 1) какъ пророкъ, преподавая намъ Свое ученіе чрезъ учителей Церкви, избираемыхъ и руководимыхъ Самимъ Духомъ Святымъ и къ тому же, по самому призванію, болѣе другихъ искусныхъ въ вѣрѣ, и утвердивши сіе ученіе тѣмъ же Духомъ истины на вселенскихъ соборахъ, а отъ насъ требуя вѣры въ ученіе Его, которое сохраняется въ церкви православной,—вѣры, которую бы мы исповѣдывали устами и показывали бы въ дѣлахъ; 2) какъ первосвященникъ, священнодѣйствуя для нашего спасенія видимо чрезъ служителей Церкви при совершеніи ими святыхъ таинствъ, Имъ установленныхъ, и изливающихъ на насъ благодать всесвятаго Духа (здѣсь слѣдуетъ изложеніе ученія о таинствахъ), и невидимо чрезъ ходатайство за насъ на небесахъ какъ собственное, такъ и Своея Пречистыя Матери, Ангеловъ и всѣхъ святыхъ Своихъ, а отъ насъ требуя, чтобы мы непремѣнно пользовались св. таинствами (чрезъ кои подается намъ благодать, совершенно необходимая для нашего возрожденія и преспѣянія въ жизни духовной), и притекали къ своимъ ходатаямъ съ молитвою, воздавая притомъ подобающее чествованіе св. Кресту, св. Евангелію Спаса нашего и священнымъ изображеніямъ какъ Господа, такъ и всѣхъ святыхъ Его, 3) какъ царь, управляя нами на пути ко спасенію: невидимо—Самъ чрезъ Св. Духа, видимо же—чрезъ пастырей церкви, коимъ вручилъ Онъ Свою власть, а отъ насъ требуя дѣлъ добрыхъ, или повиновенія святому закону Его, коимъ Онъ исправляетъ насъ ко спасенію, и по-

виновенія заповѣдямъ святыя Церкви, направляющимъ насъ къ той же цѣли. Г) Наконецъ, является и явится Судіею и мздовоздаятелемъ всѣхъ людей: является для каждаго человѣка въ отдѣльности, вдругъ по смерти его, на судѣ частномъ, гдѣ и воздастъ каждому по заслугамъ, хотя не окончательно, однимъ опредѣляя небо, другимъ—адъ, откуда умершіе могутъ являться къ намъ живущимъ; явится для всѣхъ людей, послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ знаменій во время втораго славнаго Своего пришествія на землю, при окончаніи міра, на судѣ всеобщемъ, гдѣ уже опредѣлитъ полное воздаяніе каждому по дѣломъ.

Мы нарочито изложили содержаніе сборника Макарія съ возможно большею полнотою, именно, для того, чтобы теперь имѣть возможность сравнить программу чтеній Макарія по догматическому богословію въ первый годъ службы въ Петербургской духовной Академіи съ программою таковыхъ чтеній покойнаго архіепископа Димитрія Муретова, учителя Макарія по Кіевской духовной Академіи [1]). Сравниваемыя программы имѣютъ существенное различіе между собою, краснорѣчиво свидѣтельствующее о томъ, что Макарій уже въ это время не былъ робкимъ подражателемъ своего славнаго учителя, по крайней мѣрѣ, въ распредѣленіи и планѣ своихъ чтеній по догматическому богословію (о бо́льшемъ мы, за неимѣніемъ подъ руками самыхъ лекцій, не имѣемъ права судить). Вотъ главнѣйшіе пункты различія между программами Макарія и Димитрія: 1) у Макарія ученіе о творепіи и промыслѣ излагалось отдѣльно и въ различныхъ пунктахъ; у Димитрія же оно разсматривалось нераздѣльно и въ одномъ трактатѣ; 2) у Макарія ученіе о первобытномъ состояніи человѣка, его паденіи и первородномъ грѣхѣ излагалось въ

[1]) Программу чтеній преосв. Димитрія по догматическому богословію см. въ статьѣ проф. М. Ф. Ястребова (Труды Кіевск. д. Акад. 1887 г. т. II стр. 233.

трактатѣ о твореніи человѣка; у Димитрія же имъ открывается трактатъ о домостроительствѣ спасенія человѣческаго рода, и 3) ученіе о пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ служеніи Спасителя у Макарія излагалось въ двухъ отдѣльныхъ параграфахъ, тогда какъ у Димитрія оно находилось въ одномъ трактатѣ.

Разсматривая съ общей точки зрѣнія программы Макарія и Димитрія, мы не можемъ не признать, что программа перваго замѣтно уступала программѣ послѣдняго въ отношеніи цѣльности, компактности и законченности общаго плана, равно какъ и въ отношеніи раздѣльности и ясности отдѣльныхъ догматическихъ понятій. Но это, разумѣется, было и вполнѣ естественно, такъ какъ Макарій въ то время былъ еще только новичекъ въ области догматическаго богословія.

Что же касается самаго „Догматическаго ученія св. Димитрія Ростовскаго“, собраннаго Макаріемъ, то оно, безспорно, представляло трудъ цѣнный и совершенный. Каждая выдержка изъ твореній св. Димитрія Ростовскаго стояла въ сборникѣ Макарія на своемъ мѣстѣ и каждая рубрика программы чрезъ приведеніе надлежащихъ мѣстъ получила полное и ясное освѣщеніе.

Изъ словъ Макарія въ одномъ письмѣ къ Серафимову мы уже знаемъ, что трудъ Макарія по составленію сборника догматическаго ученія св. Димитрія Ростовскаго заслужилъ всеобщее одобреніе и авторъ удостоился получить благодарность за него отъ многихъ лицъ. Слова эти отнюдь не были преувеличеніемъ дѣйствительности, или самовосхваленіемъ молодаго писателя. Не только духовныя лица, но даже и свѣтскіе писатели съ радостію привѣтствовали появленіе въ печати перваго богословскаго труда Макарія. Обозрѣватель періодической литературы въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ называлъ „Догматическое ученіе св. Димитрія Ростовскаго“, собранное Макаріемъ, „*драгоцѣннымъ*

памятникомъ, свидѣтельствующимъ, что Россія и въ концѣ XVIII столѣтія имѣла знаменитыхъ богослововъ“ [1]).

Когда Макарій окончилъ составленіе догматическаго сборника, преосв. Аѳанасій, вполнѣ довольный его трудомъ, поручилъ ему составить такимъ же образомъ и „нравственное богословіе“ по сочиненіямъ св. Димитрія Ростовскаго. Надъ составленіемъ этого новаго сборника Макарій трудился уже во вторую половину 184²/₃ учебнаго года. „Предложилъ мнѣ“ писалъ Макарій Серафимову 15 декабря 1842 года, „преосвященный ректоръ уже давно такимъ же образомъ составить и нравственное богословіе изъ сочиненій св. Димитрія. И я составилъ уже для этого планъ и по прежнему раздалъ было сочиненія студентамъ. Но такъ какъ теперь студентамъ не до того, я вчера взялъ у нихъ и планъ и всѣ книги къ себѣ и, если поможетъ Богъ, объ святкахъ займусь самъ“ [2]).

Во вторую же половину перваго года своей службы въ С.-Петербургской духовной Академіи Макарій приступилъ къ составленію извѣстнаго труда его по введенію въ богословіе. „Чѣмъ я занимался“? спрашивалъ самого себя Макарій въ одномъ изъ писемъ къ Серафимову, и отвѣчалъ: „немногимъ и сдѣлалъ мало: составилъ и продолжаю составлять по своему конспекту, представленному въ Св. Синодъ, введеніе въ богословіе: десять листовъ уже выдалъ“ (письмо было писано предъ праздникомъ Пасхи 1843 года) [3]). Для справокъ при составленіи этого новаго труда по богословію Макарій во второмъ своемъ письмѣ къ тому же Серафимову (отъ 15 декабря 1842 года) просилъ послѣдняго достать его курсовое сочиненіе „планъ христіанской аскетики“ и поскорѣе выслать ему въ С.-Петербургъ: „онъ мнѣ очень нуженъ“, прибавлялъ Макарій, „такъ какъ послѣ святокъ я буду читать и сочинять

[1]) См. ч. XXXVIII. 1843 г. отд. VI стр. 39—44.

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8.

[3]) См. тамъ же 1883 г. № 9.

для студентовъ энциклопедію богословскихъ наукъ, при чемъ онъ пригодился бы мнѣ для соображеній“ [1]). Макарій, очевидно, составлялъ введеніе въ богословіе одновременно съ чтеніемъ лекцій по этому предмету и, вѣроятнѣе всего, по одной и той же программѣ.

Параллельно съ занятіями надъ составленіемъ и печатаніемъ вышеуказанныхъ проповѣдническихъ и богословскихъ сочиненій своихъ Макарій въ первый же годъ своей службы въ Петербургской духовной Академіи энергично трудился также и надъ окончательною обработкою и печатаніемъ своихъ историческихъ произведеній, написанныхъ имъ раньше еще въ Кіевѣ. Такъ, въ теченіи $184^2/_3$ учебнаго года Макарій напечаталъ: 1) статью подъ заглавіемъ „Пути Промысла о Россіи въ порабощеніи ея татарами“ въ журналѣ „Маякъ“ [2]); 2) статью подъ заглавіемъ „Исторія Кіевской Академіи“ въ томъ же журналѣ [3]) и 3) отдѣльною книгою издалъ свое магистерское сочиненіе подъ заглавіемъ „Исторія Кіевской Академіи“ (СПБ. 1843 г.).

Мы уже знакомы съ названными сейчасъ историческими трудами Макарія по предыдущимъ очеркамъ его жизни. Здѣсь считаемъ достаточнымъ замѣтить только, что оба первые опыта Макарія въ области русской исторіи вызвали въ тогдашней читающей публикѣ и въ ученомъ мірѣ всеобщее искреннее сочувствіе и рѣдкое единодушное одобреніе. „Бурачекъ (редакторъ журнала „Маякъ“) расхвалилъ мою убогую лекцію (т. е. статью „Пути Промысла о Россіи въ порабощеніи ея татарами“) до чрезвычайности, писалъ Макарій Серафимову, „называетъ её прекрасною и проситъ преосвященнаго ректора открыть ему имя автора и познакомить съ нимъ.

---

[1]) См. тамъ же № 8.

[2]) См. за 1842 г. т. VI кн. XII стр. 27—34.

[3]) См. за 1843 г. т. X, гдѣ былъ помѣщенъ только отрывокъ изъ магистерскаго сочиненія Макарія на ту же тему.

Преосвященный, дѣйствительно, обѣщалъ познакомить меня съ знаменитымъ Бурачкомъ, увѣряя, что послѣдній будетъ дорожить знакомствомъ съ лицомъ духовнымъ“ [1]).

Еще бо́льшій восторгъ и одобреніе въ литературномъ мірѣ вызвала „Исторія Кіевской Академіи“. Появленіе въ печати этого труда Макарія составило настоящее событіе въ русскомъ литературномъ мірѣ и обратило вниманіе всѣхъ ученыхъ историковъ на себя. Почти всѣ лучшіе журналы того времени, принадлежавшіе къ самымъ противоположнымъ литературнымъ направленіямъ, помѣстили у себя самые лестные критическіе отзывы объ этомъ трудѣ іером. Макарія [2]).

Для характеристики отношенія учено-литературнаго міра къ первому историческому опыту Макарія мы приведемъ здѣсь отзывы объ „Исторіи Кіевской Академіи“ двухъ наиболѣе видныхъ въ то время русскихъ историковъ. Такъ, М. П. Погодинъ въ своемъ „Москвитянинѣ“ вступленіе іером. Макарія на историческое поприще привѣтствовалъ слѣдующими словами: „радостно встрѣчаемъ мы“, писалъ онъ, „всякое сочиненіе, имѣющее предметомъ разработку матеріаловъ Русской Исторіи, изображеніе постепеннаго развитія какой-либо стороны нашего общественнаго или частнаго быта, или какого-либо учрежденія. Всѣ монографіи такого рода, болѣе или менѣе, полезны для полной исторіи нашего отечества, которая покуда еще невозможна; когда не приготовлены матеріалы, не изъ чего строить зданія. *Привѣтствуемъ настоящее сочиненіе, какъ плодъ добросовѣстнаго труда и какъ важное пособіе для будущаго историка про-*

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 9.

[2]) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1844г т. 42 отд. 6; Отечеств. Зап. 1844 г. № 3; Москвитянъ 1844 г. № 2; Библ. для Чт. 1843 г. т. 61; соврем. 1844 г. т. 34 и Литерат. Газета 1844 г. № 11.

священія нашего въ нашемъ отечествѣ“ [1]). Галанинъ, съ своей стороны, писалъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ объ „Исторіи Кіевской Академіи“ Макарія слѣдующее: „съ истиннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе *этого замѣчательнаго труда, который, составляя совершенную новость въ русской литературѣ*, приноситъ прекрасную услугу отечественному просвѣщенію. Кому не извѣстно, какое обширное значеніе имѣла Кіевская Академія въ теченіе двухъ предшествовавшихъ столѣтій? Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ любознательный прочтетъ *прекрасное сочиненіе почтеннаго отца Макарія*... Должно замѣтить, что авторъ съ полнымъ усердіемъ и искусствомъ воспользовался находившимися у него подъ руками матеріалами, для которыхъ обильнѣйшими источниками служили древнія рукописи, хранящіяся въ библіотекахъ Кіево-печерской лавры и Кіево-софійскаго собора“. Въ заключеніи своей статьи рецензентъ говорилъ: вотъ перечень только нѣкоторой части содержанія любопытнаго труда іеромонаха Макарія,—*труда замѣчательнаго сколько по новости предмета и обилію подробностей, столько же и по систематическому составу своему и прекрасному изложенію*“ [2]).

Итакъ, въ теченіи перваго года своей службы въ С.-Петербургской духовной Академіи іером. Макарій успѣлъ напечатать слѣдующіе труды: 1) двѣ проповѣди; 2) сборникъ догматическаго ученія св. Димитрія Ростовскаго“ и 3) два историческихъ произведенія. По-истинѣ изумительный успѣхъ для молодаго баккалавра, занятаго при томъ же другими многообразными обязанностями! Самому же Макарію, съ дѣтства привыкшему къ постоянному и непрерывному труду,

---

[1]) См. за 1844 г. № 5 стр. 80—82; ср. Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова кн. VII гл. XXXI стр. 204—205.

[2]) См. за 1844 г. т. 42 отд. 6. стр. 57—75.

такая кипучая дѣятельность, открывшаяся предъ нимъ въ Петербургѣ, доставляла истинное и высокое удовольствіе. „Сильно нравится мнѣ“, писалъ Макарій своему кіевскому другу, „моя теперешняя жизнь, въ полномъ смыслѣ рабочая и дѣловая. Силы и здоровье, слава Богу, не измѣняютъ ни мало. Объ одномъ жалѣю, что труды мои устремлены не на одинъ главный предметъ мой, на который я желалъ бы употребить ихъ“ [1]). Посреди непрерывной кипучей дѣятельности Макарій совершенно забывалъ обо всемъ стороннемъ и высшее счастіе находилъ во внутреннемъ довольствѣ и трудѣ. „Каково живу“? спрашивалъ онъ самого себя въ одномъ письмѣ къ Серафимову, и отвѣчалъ: „такъ же счастливо, какъ жилъ и въ Кіевѣ: да развѣ вы не знаете, что наше счастіе отъ насъ и въ насъ? Впрочемъ, я не замѣчаю, какъ мнѣ живется, за дѣлами позабылъ порядокъ дней и не вижу, право, какъ бѣжитъ время. Участію своею я совершенно доволенъ, и пока лучшей не желаю“ [2]).

Вообще іером. Макарію въ первый годъ его службы въ С.-Петербургской духовной Академіи жилось, по собственному его признанію, вполнѣ счастливо и хорошо. „Жить мнѣ здѣсь ей-ей прекрасно: всю треть (сентябрьскую) не испыталъ ни одного огорченія“ [3]). О томъ же самомъ говорилъ Макарій и въ письмѣ, писанномъ предъ праздникомъ Пасхи 1843 года, по окончаніи второй трети года [4]).

Безспорно, что счастливой жизни Макарія въ С.-Петербургѣ, кромѣ внутренняго удовлетворенія, основаннаго главнымъ образомъ на сознаніи исполненнаго долга и убѣжденіи въ томъ, что „наше счастіе въ насъ и отъ насъ“, много содѣйствовало также и то, что дѣятельность его сопровождалась успѣхомъ, и самъ онъ пользовался расположеніемъ студен-

---

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. №. 8.

[2]) См. тамъ же № 8.

[3]) См. тамъ же, № 8.

[4]) См. тамъ же № 9.

товъ и начальства, къ которымъ, съ своей стороны, относился съ искреннимъ расположеніемъ. Студенты петербургской духовной Академіи понравились Макарію съ перваго же раза. „Скажу о своихъ студентахъ“, писалъ Макарій 24 сентября 1842 года, „что многіе изъ нихъ люди весьма даровитые и прекрасно приготовленные, какъ вижу изъ задачъ; всѣ ревностны къ дѣлу и съ жаромъ слушаютъ уроки; богословское направленіе дано имъ въ духѣ истиннаго православія и въ задачахъ видишь не голыя умствованія, а по преимуществу свидѣтельства св. Церкви“ [1]). Студенты, въ свою очередь, любили Макарія. Это видно изъ писемъ Макарія. По свидѣтельству Макарія, студенты сами желали и даже просили, чтобы именно онъ читалъ ихъ курсовыя сочиненія. Студенты также, по приглашенію Макарія, съ охотою участвовали въ его трудахъ по составленію догматическаго и нравственнаго богословія по сочиненіямъ св. Димитрія Ростовскаго. Все это, очевидно, было возможно только при довѣріи и расположеніи студентовъ къ своему учителю—баккалавру Макарію.

Академическое начальство также неизмѣнно было расположено къ Макарію и цѣнило его труды и усердіе. Въ особенности Макарію покровительствовалъ ректоръ Академіи, преосв. Аѳанасій, который какъ читатели, вѣроятно, могли сами замѣтить изъ писемъ Макарія, былъ полновластнымъ распорядителемъ въ жизни Академіи. Мы уже знаемъ, что преосв. Аѳанасій полюбилъ Макарія и сталъ ему всячески покровительствовать съ перваго же вечера, какъ тотъ представился ему. Впослѣдствіи это расположеніе преосв. Аѳанасія къ своему избраннику все болѣе и болѣе росло. Посѣщеніе лекцій Макарія только еще болѣе укрѣпило преосв. Аѳанасія въ его высокомъ мнѣніи о дарованіяхъ молодаго баккалавра. „Въ тотъ день“, читаемъ въ одномъ письмѣ Мака-

[1]) См. тамъ же № 8.

рія къ Серафимову, „когда посѣтилъ мой классъ преосвященный ректоръ, лекція моя была какъ нарочно лучшая изъ всѣхъ, мною здѣсь данныхъ, и даже отдѣленіе лекціи, при немъ произнесенное, самое лучшее... и какъ расхвалилъ меня предъ студентами преосвященный!...“ [1]). Но преосв. Аѳанасій хвалилъ Макарія не предъ одними только студентами и не въ одной только Академіи. Онъ дѣлалъ самые лестные отзывы о немъ предъ митрополитомъ, предъ оберъ-прокуроромъ и вездѣ въ С.-Петербургѣ и чрезъ то самое безспорно много содѣйствовалъ быстрому возвышенію и успѣху Макарія по службѣ. По вліянію преосв. Аѳанасія, Макарію часто давались важныя и серьезныя порученія. Ему, напр., поручался выборъ темъ для курсовыхъ сочиненій; ему передавались эти сочиненія и для прочтенія; онъ же долженъ былъ руководить и пробными лекціями оканчивавшихъ курсъ студентовъ. Кромѣ того, по рекомендаціи, очевидно, преосв. Аѳанасія, Макарій, будучи баккалавромъ и помощникомъ инспектора, въ то же время состоялъ и членомъ Комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ [2]), а также членомъ временноревизіоннаго Комитета для провѣрки отчетовъ по содержанію С.-Петербургской духовной Академіи въ 1842 году [3]). Удачное исполненіе всѣхъ такихъ порученій, разумѣется, невольно обращало вниманіе начальства на Макарія и содѣйствовало его успѣху по службѣ. Но замѣчательно, что самъ Макарій, по свойственному ему глубокому благоговѣнію, вовсе не тщеславился своими успѣхами и отнюдь не считалъ ихъ слѣдствіемъ своихъ блестящихъ дарованій, или своего трудолюбія, хотя ему при этомъ было чуждо и ложное смиреніе. Макарій видимо былъ доволенъ

[1]) См. тамъ же № 9.

[2]) См. И. Чистовича. Исторія С.-Петербургой духовной Академіи. СПБ. 1857 г. стр. 427.

[3]) См. послужной списокъ м. Макарія въ брошюрѣ: „Кончина и погребеніе высокопр. Макарія, митр. москов. и колом. М. 1882, стр. 23, 25.

своими успѣхами и открыто хвалился ими предъ своимъ вѣрнымъ другомъ. Особенно былъ доволенъ Макарій полученіемъ магистерской степени въ самомъ началѣ новаго 1843 года. „Радуйтесь и паки реку радуйтесь!“ писалъ онъ по этому поводу Серафимову. „Наконецъ, наше дѣло кончилось. На дняхъ переписано оно въ Духовно-Учебномъ Управленіи для представленія въ Св. Синодъ и окончательнаго утвержденія. Сейчасъ я узналъ объ этомъ и немедленно взялся за перо, чтобы подѣлиться съ вами радостію“ [1]). Такимъ же образомъ Макарій относился и къ другимъ счастливымъ и радостнымъ событіямъ въ своей жизни, напр., появленію въ печати сочиненія, похвалѣ отъ ректора и т. п. Но радуясь такимъ своимъ успѣхамъ и хвалясь ими предъ друзьями, Макарій въ то же время считалъ ихъ прямымъ слѣдствіемъ безконечнаго милосердія Божія къ нему, а вовсе не своихъ дарованій, или заслугъ. „Признаюсь“, писалъ онъ однажды Серафимову, „мои счастливые отвѣты въ тотъ вечеръ,... я почитаю особеннымъ благодѣяніемъ благодѣющаго мнѣ Провидѣнія... Еще новымъ и особеннымъ благодѣяніемъ Господа считаю и то, что въ тотъ день, когда посѣтилъ мой классъ преосвященный ректоръ, лекція моя была какъ нарочно лучшая изъ всѣхъ... Ей, я отнесъ это къ Богу и сильно—пламенно, по выходѣ изъ класса, Ему молился“ [2]).

Замѣчательно, что судьба Макарія въ началѣ его служебной дѣятельности въ Петербургѣ весьма много напоминаетъ судьбу знаменитаго предшественника его по московской митрополичьей каѳедрѣ—м. Филарета (Дроздова). Извѣстно, что Филаретъ въ свое время (въ концѣ 1808 г.) былъ вызванъ, вопреки желанію м. Платона (Левшина), изъ Москвы въ Петербургъ, и здѣсь его славѣ и быстрому возвышенію весьма много содѣйствовалъ тогдашній петербургскій м.

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8.

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 9.

Амвросій (Подобѣдовъ), для котораго Филаретъ скоро сдѣлался незамѣнимымъ и дорогимъ помощникомъ въ его борьбѣ съ сильнымъ тогда архіепископомъ рязанскимъ Ѳеофилактомъ (Русановымъ) [1]). Тоже самое случилось, какъ видимъ, и съ Макаріемъ. И Макарій, по вызовѣ въ Петербургъ, тотчасъ же дѣлается любимцемъ преосв. Аѳанасія, который своимъ авторитетомъ и вліяніемъ совершенно заслонялъ тогдашняго петербургскаго митрополита Антонія (Рафальскаго). Съ другой стороны, какъ и Филаретъ въ свое время весьма много дѣлалъ для м. Амвросія и за него, такъ тоже самое было и въ отношеніяхъ между Макаріемъ и преосв. Аѳанасіемъ. Послѣдній, не отличаясь особенными дарованіями и ученостью, весьма часто долженъ былъ прибѣгать за помощью къ Макарію, который, не смотря на всю свою терпѣливость, иногда тяготился такими отношеніями со стороны его покровителя. „Сколько дѣлаю я не за себя“, писалъ Макарій Серафимову, „а за другихъ, тайкомъ, какъ скрытое орудіе! То пишу отзывы или критики на ту или другую книгу, которыя шлютъ сюда, разумѣется, ко мнѣ изъ Учебнаго Управленія, то составляю планы на то, на сё..., то, напр., долженъ былъ найти изъ Св. Писанія приличные эпиграфы на фронтоны нашего великолѣпнѣйшаго Исаакіевскаго собора и проч. и проч. Есть, конечно, око, которое видитъ всѣ эти мои бездѣлушки и я совершенно доволенъ... Но не хотѣлъ бы и этого довольства за потерю золотаго времени, котораго не вернешь...“ [2]).

Вообще же Макарій на первыхъ порахъ своей службы въ С.-Петербургской духовной Академіи относился къ своему покровителю, преосв. Аѳанасію, съ уваженіемъ и благодарностью. Онъ былъ даже доволенъ имъ въ это время и, во-

---

[1]) См. у прот. А. Смирнова: „Петербургскій періодъ жизни митрополита Филарета“ Чт. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1893 г. кн. XII стр. 465—536 (особенно стр. 488).

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8.

преки ожиданію и тому представленію, какое имѣлъ о немъ раньше въ Кіевѣ, находилъ его достойнымъ уваженія и похвалы. „Со стороны преосвященнаго ректора“, писалъ Макарій вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, „я принятъ прекрасно. Узнавши его, я готовъ расхвалить его во всѣхъ отношеніяхъ“ [1]). Но съ теченіемъ времени, какъ увидимъ скоро, Макарій ближе и лучше узналъ преосв. Аѳанасія и совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе о немъ [2]).—На службѣ въ С.-Петербургской духовной Академіи Макарій, по собственному его признанію, получалъ вполнѣ достаточное содержаніе. Оно составлялось, кромѣ жалованья по должности баккалавра и помощника инспектора, еще изъ вознагражденія за его статьи, печатавшіяся въ „Христіанскомъ Чтеніи“ и „Маякѣ“. Поэтому, Макарій считалъ себя въ это время богатымъ человѣкомъ по сравненію съ тѣмъ, какъ онъ жилъ въ Кіевѣ. „Открыто скажу“, писалъ однажды Макарій Серафимову, что я въ деньгахъ вовсе не нуждаюсь: теперь я уже отнюдь не такъ бѣденъ, какъ былъ въ Кіевѣ“ [3]). Кстати здѣсь будетъ замѣтить, что уже въ то время всѣми сознавалась крайняя недостаточность вознагражденія, получавшагося тогда академическими наставниками. Между прочимъ, ректоръ С.-Петербургской духовной Академіи, преосв. Аѳанасій, трудился въ разсматриваемое время надъ проэктомъ улучшенія матеріальнаго положенія академическихъ наставниковъ. Макарій зналъ объ этомъ, вѣроятно, изъ бесѣдъ съ преосв. Аѳанасіемъ и во второмъ письмѣ своемъ къ Серафимову съ живѣйшею радостію сообщалъ ему объ этомъ. „Вы что-то жалуетесь на свою бѣдность“, писалъ онъ: „молите-жъ Бога, чтобы состоялся и поскорѣе планъ преобразованія нашихъ академій, составленный, по волѣ преосвященнаго рек-

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. письма Макарія къ преосв. Иннокентію въ Христ. Чт. 1884 г. т. 1.

[3]) См. Церк. Вѣсти. 1883 г. № 8.

тора, однимъ здѣшнимъ опытнѣйшимъ профессоромъ. Вотъ тогда-то уже вдоволь будетъ денегъ,—столько, сколько у университетскихъ. Планъ этотъ, сколько я слышалъ объ немъ, весьма хорошій, во многихъ чертахъ взятый съ устройства нашихъ университетовъ. Только онъ здѣсь дѣло еще домашнее преосвященнаго ректора, и угодно ли ему будетъ представить къ графу и далѣе... Это пока тайна [1])!..

Образъ жизни Макарія и въ С.-Петербургѣ остался такимъ же регулярнымъ, аккуратнымъ и точнымъ во всемъ, какъ это мы видѣли и въ бытность его въ Кіевѣ, при чемъ Макарій во всю первую треть $184^2/_3$ учебнаго года наслаждался полнымъ здоровьемъ. „Я совершенно здоровъ, писалъ онъ 24 сент. 1824 года, „держусь во всемъ прежняго порядка: ложусь спать въ 10 часовъ, встаю въ 5-ть, или 6-ть. Только въ часы бодрствованія не гуляю,—о, не до гулянья! Повѣрьте, иногда какъ голова не разлетится“ [2]). Въ концѣ сентябрьской трети $184^2/_3$ учебнаго года Макарій снова благодарилъ Бога за то, что ему не измѣняли силы и здоровье въ его кипучей дѣятельности, хотя она все таки настолько изнурила и утомила его, что онъ, по собственному его свидѣтельству, „въ предпослѣдніе два класса, подъ конецъ ихъ вовсе изнемогалъ и умолкалъ“ [3]). За то во вторую половину $184^2/_3$ учебнаго года Макарій почти все время чувствовалъ себя нездоровымъ, подъ вліяніемъ, очевидно, неблагопріятнаго для его здоровья петербургскаго климата. „Почти всю треть“, писалъ Макарій Серафимову предъ праздникомъ Пасхи 1843 года, „я былъ очень слабъ желудкомъ, а, слѣдовательно, и головою отъ несносной погоды: недѣли двѣ не могъ даже вовсе заниматься дѣломъ, хотъ

[1]) См. тамъ же № 9.
[2]) См. тамъ же № 8.
[3]) См. тамъ же № 8.

и не ложился въ постель. Меня и жалѣли таки, когда свѣдали про слабость моего здоровья“ [1]).

Неблагопріятное вліяніе климата на здоровье и отсутствіе близкихъ, довѣренныхъ друзей больше всего тяготило Макарія въ первый годъ его службы въ С.-Петербургской духовной Академіи и невольно заставляло его вспоминать о Кіевѣ, съ которымъ онъ успѣлъ уже было сродниться въ теченіи пятилѣтней жизни въ немъ. „Чѣмъ болѣе живу въ Петербургѣ“, писалъ онъ 15 декабря 1842 года, „тѣмъ болѣе начинаю жалѣть о Кіевѣ и часто, часто повторяю даже въ слухъ слова Пушкина: „то ль дѣло Кіевъ? Что за край?“ [2]). Изъ другихъ писемъ Макарія видно, что онъ въ Петербургѣ на первыхъ порахъ чувствовалъ себя нравственно одинокимъ и не имѣлъ никого, съ кѣмъ бы могъ подѣлиться своими мыслями и чувствами. „Ѳеофанъ [3]) очень доволенъ своимъ мѣстомъ“, писалъ Макарій предъ праздникомъ Пасхи 1843 года, „мы часто съ нимъ переписываемся, а пожаловать на свиданіе не захотѣлъ... На вакаціи свидимся... Весьма бы мнѣ хотѣлось перетянуть его къ себѣ: вѣдь больно горько мнѣ безъ своихъ, безъ сочувствія... одинокому, когда нельзя ни предъ однимъ человѣкомъ имѣть души и сердца на распашку. Да самъ-то Ѳеофанъ не хочетъ и заклинаетъ меня не тянуть его въ Питеръ. Что дѣлать?“ [4]).

---

[1]) См. тамъ же № 9.

[2]) См. тамъ же № 8.

[3]) Разумѣется недавно почившій преосв. Ѳеофанъ, бывшій епископъ владимірскій, который въ то время былъ инспекторомъ Новгородской духовной семинаріи.

[4]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8.

2. *Архимандритъ Макарій въ должности инспектора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи.*

Благопріятный исходъ ревизіи С.-Петербургской духовной Академіи въ 1843 г. для іеромонаха Макарія. Присвоеніе іером. Макарію званія экстраординарнаго профессора Академіи. Назначеніе іером. Макарія на должность инспектора Академіи, усвоеніе ему званія ординарнаго профессора и возведеніе его въ санъ архимандрита. Профессорская дѣятельность архим. Макарія: преподаваніе имъ основнаго и догматическаго богословія и русской церковной исторіи. Отношеніе программъ архим. Макарія по богословскимъ наукамъ къ программамъ Димитрія и Иннокентія, его учителей по Кіевской духовной Академіи. Архим. Макарій, какъ инспекторъ Академіи. Дѣятельность архим. Макарія въ качествѣ члена Комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ и члена с.-петербургскаго духовно-цензурнаго комитета. Частныя порученія ученаго характера, дававшіяся архим. Макарію въ это время. Архим. Макарій, какъ ревизоръ духовныхъ семинарій: олонецкой, орловской, тульской и с.-петербургской съ подвѣдомственными имъ низшими духовными училищами. Посѣщеніе архим. Макаріемъ своей родины въ 1848 г. Учено-литературная дѣятельность архим. Макарія; характеристика архим. Макарія, какъ проповѣдника, въ петербургскій періодъ его жизни. Частная жизнь архим. Макарія: отношенія его къ высшему духовно-учебному начальству, къ непосредственному своему начальству, въ лицѣ ректоровъ с.-петербургской духовной Академіи—преосвящ. Аѳанасія и преосв. Евсевія, къ своимъ сослуживцамъ, подчиненнымъ и знакомымъ.

Первый годъ службы іером. Макарія въ С.-Петербургской духовной Академіи закончился для него также счастливо и успѣшно, какъ и начался. Въ концѣ этого (184²/₃) года с.-петербургскій м. Антоній (Рафальскій), при содѣйствіи присутствовавшаго тогда въ св. Сунодѣ, преосв. Гедеона, еп. полтавскаго, обозрѣвалъ с.-петербургскую духовную Академію по всѣмъ частямъ ея управленія. Въ своемъ отчетѣ объ этой ревизіи м. Антоній, между прочимъ, свидѣтельствовалъ предъ Св. Синодомъ, что онъ „нашелъ въ воспитанникахъ Академіи *по догматической части твердое православное направленіе*, въ изученіи св. отцевъ Церкви полноту и ясность“ [1]). Одобритель-

[1]) См. извлеч. изъ отчета г. Оберъ-Прокурора Св. Синода за 1843 г. 71—72 ср. у Чистовича И. Исторія С.-Петерб. дух. Академіи СПБ. 1857 г. стр. 400.

ный отзывъ митрополита—ревизора о „твердомъ православномъ догматическомъ направленіи“ студентовъ Академіи былъ самой лестной аттестаціей для молодаго баккалавра, іером. Макарія, который, какъ мы знаемъ, преподавалъ въ теченіи $184^{2}/_{3}$ учебнаго года догматическое богословіе. Его, очевидно, ожидала награда со стороны Св. Синода. Награда, дѣйствительно, не замедлила послѣдовать. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ $^{3}/_{31}$ декабря 1843 г. баккалавру іером. Макарію „за обширныя познанія въ предметахъ богословія и отлично-ревностную службу и для поощренія впредь“ присвоено было званіе экстра-ординарнаго профессора богословскихъ наукъ [1]). Менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого видимъ новое поощреніе служебной дѣятельности молодаго профессора. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ $\frac{16\text{ октября}}{13\text{ декабря}}$ 1844 г. профессоръ, іером. Макарій, въ вознагражденіе отлично—усердной службы его, былъ назначенъ инспекторомъ и ординарнымъ профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита и съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласнаго монастыря. 17 декабря 1844 г. іером. Макарій былъ посвященъ м. Антоніемъ въ санъ архимандрита при служеніи въ Александро-Невской Лаврѣ и въ тотъ-же день священникомъ Георгіемъ Добросердовымъ былъ приведенъ къ присягѣ на должность инспектора Академіи [2]).

Такимъ образомъ, черезъ три года по окончаніи академическаго курса Макарій былъ уже архимандритомъ, ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Академіи. По истинѣ рѣдкій и почти небывалый успѣхъ по службѣ! Успѣхъ этотъ, понятно, долженъ былъ еще болѣе усилить въ архим. Макаріи, съ одной стороны, чувство благоговѣнія къ „благодѣявшему ему Промыслу Божію“ [3]), по выраженію самого Макарія, а съ другой сторо-

[1]) См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи Журн. Внутрен. Правленія за 21 окт. 1843 г. и Журн. Конференціи за 26 февр. 1844 г.

[2]) См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи по Внутр. Правленію за 1844 г. дѣло № 14.

[3]) См. Церков. Вѣсти. за 1883 г. № 8-й.

ны, его и безъ того достойное удивленія трудолюбіе и ревность во всѣхъ занятіяхъ, какія были связаны съ его служебными обязанностями.

Въ должности профессора и инспектора с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій прослужилъ семь лѣтъ (съ 1843 по 1850 г.) Ближайшее и возможно болѣе подробное разсмотрѣніе этой важной эпохи въ жизни Макарія и составитъ предметъ послѣдующей нашей рѣчи.

Сдѣлавшись профессоромъ, архим. Макарій по прежнему занималъ одну изъ важнѣйшихъ богословскихъ каѳедръ въ Академіи, именно каѳедру догматическаго богословія. Въ качествѣ профессора по догматическому богословію, архим. Макарій преподавалъ собственно двѣ богословскія науки: а) основное богословіе, иначе называвшееся энциклопедіей православнаго богословія, и б) догматическое богословіе. Сверхъ того архим. Макарій читалъ лекціи и по русской церковной исторіи, которую онъ нѣкогда преподавалъ въ нашей академіи.

Преподаваніемъ основнаго богословія архим. Макарій открылъ свои чтенія по богословскимъ наукамъ студентамъ XVI курса с.-петербургской духовной Академіи въ $18^{43}/_{45}$ учебномъ курсѣ. Для сужденія о томъ, въ какомъ объемѣ и въ какой системѣ преподавалъ архим. Макарій основное богословіе, мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи три программы, представлявшіяся Макаріемъ въ Правленіе Академіи а) къ декабрьскимъ испытаніямъ 1844 г., б) къ іюньскимъ испытаніямъ 1845 г. и в) къ декабрьскимъ испытаніямъ 1846 года. Такимъ образомъ, мы имѣемъ данныя для того, чтобы составить себѣ ясное представленіе о курсѣ основнаго богословія, читанномъ архим. Макаріемъ въ $18^{43}/_{45}$—$18^{45}/_{47}$ годахъ. Въ теченіи же этого-же времени вполнѣ опредѣлился у архим. Макарія курсъ науки основнаго богословія. Въ 1847 г. этотъ курсъ былъ уже напечатанъ архим. Макаріемъ подъ заглавіемъ: „Введеніе въ Православное Богословіе“. Это послѣднее сочиненіе архим. Макарія было

ничѣмъ инымъ, какъ только печатнымъ воспроизведеніемъ его академическихъ лекцій по энциклопедіи православнаго богословія, читанныхъ въ теченіи $18^{45}/_{47}$ учебнаго курса.

Судя по „конспекту основнаго богословія, преподаннаго студентамъ XVI курса с.-петербургской „духовной Академіи въ первую половину $184^{3}/_{4}$ г.," [1]) въ предисловіи", т. е. введеніи, іером. Макарій сообщалъ своимъ слушателямъ а) понятіе объ основномъ богословіи, какъ введеніи въ православное богословіе, б) понятіе о православномъ богословіи, в) о предметѣ введенія въ православное богословіе, г) объ основныхъ началахъ православнаго богословія и д) общее и частнѣйшее раздѣленіе основнаго богословія. Самая система основнаго богословія предполагалась имѣющею состоять изъ трехъ частей, при чемъ въ теченіи первой половины $18^{43}/_{44}$ учебнаго года іером. Макаріемъ была преподана только одна первая часть. Она заключала въ себѣ „апологетику христіанской вѣры". Въ первомъ отдѣленіи этой части раскрывалось понятіе о христіанской вѣрѣ, частнѣе: понятіе о вѣрѣ вообще (членъ 1-й), понятіе о вѣрѣ откровенной (членъ 2-й) и понятіе о вѣрѣ собственно христіанской (членъ 3-й). Во второмъ отдѣленіи говорилось о божественномъ происхожденіи христіанской вѣры, частнѣе: излагались доказательства ветхозавѣтнаго откровенія (членъ 1-й) и новозавѣтнаго откровенія (членъ 2-й). Наконецъ, въ третьемъ отдѣленіи сообщалось объ источникахъ христіанской вѣры: Св. Писаніи и Св. Преданіи.

Къ концу $184^{3}/_{5}$ учебнаго курса архим. Макарій представилъ уже полную программу въ видѣ „плана основнаго богословія, преподаннаго студентамъ XVI курса" [2]). Въ этомъ „планѣ" мы видимъ первую часть основнаго богословія въ

---

[1]) См. арх. С.Петерб. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1844 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

[2]) См. тамъ же по Внутрен. Правленію за 1845 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

нѣсколько измѣненномъ изложеніи, при чемъ измѣненія касались не содержанія, или объема, а исключительно системы, или правильнѣе слововыраженія. Тѣ же самые отдѣлы и частнѣйшіе члены были изложены здѣсь точнѣе и выразительнѣе. Очевидно, что архим. Макарій въ теченіи $18^{43}/_{45}$ учебнаго курса много думалъ и серьезно работалъ надъ планомъ основнаго богословія. По выработанному имъ въ теченіи этого времени плану, система основнаго богословія должна была состоять изъ введенія и трехъ частей. Содержаніе введенія и первой части науки намъ уже извѣстно. Во второй части говорилось о церкви, какъ учительницѣ православной вѣры, частнѣе: а) о существѣ церкви, б) о божественной важности и достовѣрности для насъ учительства церкви, в) о православіи церкви восточной и г) о сочиненіяхъ, содержащихъ въ себѣ ученіе православной Церкви. Въ третьей части науки основнаго богословія предлагалась самая система богословія, при чемъ а) сообщались предварительныя понятія о системѣ богословія и б) начертывалось самое построеніе этой системы, гдѣ кратко характеризовались приготовительныя, составительныя и прикладныя науки православнаго богословія. Такова была программа преподаванія архим. Макаріемъ основнаго богословія въ теченіе $18^{43}/_{45}$ учебнаго курса.

Въ слѣдующемъ учебномъ курсѣ архим. Макарій преподавалъ основное богословіе уже по нѣсколько измѣненной программѣ и притомъ подъ другимъ названіемъ „энциклопедіи православнаго богословія“. Судя по этой программѣ [1]), во введеніи профессоръ архим. Макарій доказывалъ необходимость и потребность энциклопедіи православнаго богословія, особенно въ высшихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, сообщалъ понятіе объ энциклопедіи православнаго богословія, предметѣ и составныхъ частяхъ этой науки, о значеніи ея въ ряду прочихъ богословскихъ наукъ, ея исторіи и литературѣ. Въ пер-

[1]) См. тамъ же по Внутр. Правленію за 1846 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

вой части науки онъ преподавалъ о предметѣ православнаго богословія, частнѣе: о существѣ христіанской религіи и о божественномъ происхожденіи христіанской религіи. Въ теченіи первой половины $18^{45}/_{46}$ учебнаго года архим. Макаріемъ было преподано только введеніе и затѣмъ первая часть энциклопедіи православнаго богословія. Дальнѣйшаго продолженіи программы по энциклопедіи православнаго богословія, преподанной архим. Макаріемъ студентамъ XVII курса, мы не имѣемъ подъ руками. Но судя потому, что введеніе и первая часть программы по энциклопедіи православнаго богословія за $18^{45}/_{7}$ учебный курсъ буквально совпадаютъ съ предисловіемъ и первою частью сочиненія Макарія подъ заглавіемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“, можно съ увѣренностію предполагать, что и въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи программа по энциклопедіи православнаго богословія за $18^{45}/_{47}$ учебный курсъ буквально совпадала съ программой, по какой написано вышеозначенное сочиненіе архим. Макарія. Но если такъ, то во второй части энциклопедіи православнаго богословія архим. Макарій преподавалъ студентамъ XVII курса объ источникахъ православнаго богословія, частнѣе: о Св. Писаніи (отдѣлъ 1-й), о Св. Преданіи (отдѣлъ 2-й) и о православной церкви, какъ хранительницѣ и истолкователь-ницѣ Св. Писанія и Св. Преданія (отдѣлъ 3-й), въ третьей-же части—о системѣ православнаго богословія вообще (отдѣлъ 1-й) и о составныхъ частяхъ системы православнаго богословія въ особенности, именно: о наукахъ предварительныхъ, составныхъ и прикладныхъ (отдѣлъ 2-й).

Такимъ образомъ, различіе между программами архим. Макарія по основному богословію, или энциклопедіи православнаго богословія за $18^{43}/_{45}$ и $18^{45}/_{47}$ учебные курсы состояло въ слѣдующемъ. По программѣ $18^{43}/_{5}$ курса трактатъ „*объ источникахъ христіанской вѣры*“ составлялъ третье отдѣленіе первой части; въ программѣ-же $184^{5}/_{7}$ курса этотъ трактатъ составлялъ первое отдѣленіе второй части и стоялъ здѣсь подъ

нѣсколько измѣненнымъ заглавіемъ: „*объ источникахъ православнаго богословія*“; далѣе, по программѣ $184^{3}/_{5}$ учебнаго курса трактатъ „*о церкви, какъ учительницѣ православной вѣры*“ составлялъ вторую часть науки основнаго богословія; между тѣмъ какъ въ программѣ $184^{5}/_{7}$ учебнаго курса онъ занималъ только одно третье отдѣленіе второй части подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ: „*о православной Церкви, какъ хранительницѣ и истолкователь-ницѣ Св. Писанія и Св. Преданія*“; наконецъ, въ программѣ $184^{5}/_{7}$ курса всѣ вообще части и отдѣлы изложены были подробнѣе, обстоятельнѣе и раздѣльнѣе, чѣмъ въ программѣ $184^{3}/_{5}$ учебнаго курса.

Изъ сказаннаго нами сейчасъ очевидно, что различіе между программами XVI и XVII курсовъ по основному богословію, или энциклопедіи православнаго богословія было не существенное и касалось не содержанія науки, а исключительно распредѣленія одного и того же содержанія по различнымъ частямъ и отдѣламъ. Но какъ ни мало было различіе между программами XVI и XVII курсовъ, однако-же оно въ высшей степени важно для насъ. Различіе это служитъ краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ того, что въ теченіе 1843—1847 г.г. архим. Макарій серьезно и непрерывно работалъ надъ усовершеніемъ своей программы по основному богословію, или энциклопедіи православнаго богословія. Поэтому, та программа, по какой было написано архим. Макаріемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“, была самостоятельнымъ произведеніемъ его.

Но само собою разумѣется, что самостоятельность архим. Макарія въ выработкѣ имъ программы по наукѣ „основнаго богословія“ могла быть только относительною. Не могъ-же, въ самомъ дѣлѣ, онъ создать совершенно новую, въ полномъ смыслѣ слова самостоятельную программу по этой наукѣ. Послѣднее невозможно было уже по одному тому, что онъ въ данномъ случаѣ долженъ былъ необходимо соображаться съ

существовавшими тогда въ духовной школѣ понятіями объ этой наукѣ. Такимъ образомъ, общія преданія духовной школы должны были въ силу необходимости отразиться на выработанной архим. Макаріемъ программѣ основнаго богословія, или введенія въ православное богословіе. Это вліяніе преданій духовной школы и выразилось, дѣйствительно, въ сходствѣ программы архим. Макарія съ программами его предшественниковъ по преподаванію настоящей науки. Это такъ естественно, что упрекать архим. Макарія за подобное вліяніе было-бы въ высшей степени несправедливо. Но этого мало. На программѣ архим. Макарія должно было отразиться не только общее вліяніе преданій духовныхъ школъ, но и въ частности вліяніе той именно школы, въ которой получилъ образованіе архим. Макарій. Это опять таки было совершенно въ порядкѣ вещей и требовать, чтобы архим. Макарій былъ независимъ отъ вліянія преданій Кіевской духовной Академіи было-бы неестественно. Вотъ почему мы, съ совершенно спокойною совѣстью и отнюдь не боясь набросить тѣнь на свѣтлое и славное имя знаменитаго русскаго богослова, признаемъ, что программа архим. Макарія по основному богословію, или по введенію въ православное богословію, была во многихъ отношеніяхъ сходна съ программою по этому предмету его учителя, покойнаго архіепископа Димитрія Муретова. Сходство это выразилось не только въ совпаденіи общихъ и главныхъ пунктовъ программы, но и въ частнѣйшихъ подраздѣленіяхъ ея, а нерѣдко даже и въ самой внѣшней формѣ выраженія этихъ послѣднихъ. По всему видно, что архим. Макарій, по крайней мѣрѣ, въ самое первое время своей преподавательской дѣятельности въ с.-петербургской духовной Академіи имѣлъ подъ руками у себя программу своего учителя Димитрія по основному богословію, или введенію въ православное богословіе. Для того, чтобы не быть голословными, мы считаемъ необходимымъ познакомить нашихъ читателей съ тою программою, по какой

преподавалъ назначную науку архим. Димитрій Муретовъ въ Кіевской духовной Академіи.

Въ первую половину $183^{7}/_{8}$ учебнаго года архим. Димитрій впервые преподавалъ основное богословіе подъ именемъ „Апологетики Христіанства“ студентамъ IX-го курса Кіевской духовной Акаѣеміи по слѣдующей программѣ [1]). Прежде всего, онъ сообщалъ своимъ слушателямъ предварительныя свѣдѣнія по данной наукѣ въ видѣ „введенія въ курсѣ богословскихъ наукъ“, гдѣ разъяснялъ понятіе о богословіи, какъ наукѣ, о предметѣ богословія, внѣшней формѣ богословія, возможности богословской системы, опасностяхъ при систематическомъ изученіи христіанской религіи, измѣняемости и постоянномъ законѣ богословской системы, частяхъ бооословской системы, методѣ и достоинствѣ ея, связи богословія съ другими науками, и въ заключеніи предлагалъ очеркъ исторіи богословія. Послѣ предварительныхъ свѣдѣній профессоръ читалъ „апологетику христіанства“ [2]), которая, въ свою очередь, у него раздѣлялась на вступленіе и двѣ части. Во вступленіи сообщались основныя свѣдѣнія объ апологетикѣ, какъ наукѣ, ея предметѣ, назначеніи, отношеніи къ другимъ богословскимъ наукамъ, планѣ ея и предлагался очеркъ исторіи апологетики. Первая часть апологетики заключала въ себѣ ученіе о религіи и откровеніи вообще. Въ ученіи о религіи сообщались понятія о религіи, составѣ ея, основаніи религіи въ природѣ человѣка, дѣйствительномъ существованіи религіи въ родѣ человѣческомъ, происхожденіи религіи отъ Бога, свойствахъ истинной религіи, возможности поврежденія и утраты истинной религіи, слѣдствіяхъ этой утраты, о состояніи рели-

[1]) См. арх. Кіевск. духов. Академіи по Внутрен. Правленію за 1837 г. дѣ о о декабрьскихъ испытаніяхъ (№ 74).

[2]) Вспомнимъ, что и у Макарія въ его программѣ за $184^{3}/_{4}$ учебн. курсъ первая часть программы заключала въ себѣ „апологетику христіанской вѣры“; но въ послѣдующихъ его программахъ по основному богословію это выраженіе не встрѣчается.

гіи въ родѣ человѣческомъ, причинахъ и неестественности этого состоянія, о потребности возстановленія истинной религіи въ родѣ человѣческомъ и условіяхъ къ тому. Въ ученіи объ откровеніи говорилось о понятіи и возможности ложныхъ откровеній и необходимости признаковъ истиннаго откровенія, о предлежательныхъ и подлежательныхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ признакахъ истиннаго откровенія, о методѣ и способѣ изложенія, приличныхъ откровенію. Вторую часть апологетики составляло „защищеніе христіанской религіи“: здѣсь божественность христіанства доказывалась на основаніи личнаго характера, дѣлъ и ученія Основателя христіанской религіи, ученія и дѣлъ Апостоловъ Его и въ особенности Св. Ап. Павла.

Слѣдующему X курсу, питомцемъ котораго былъ, между прочимъ, и архим. Макарій, Димитрій преподавалъ основное богословіе уже по нѣсколько измѣненной программѣ, видимо отличающейся отъ прежней программы бо̀льшею полнотою, отчетливостію и обстоятельностію. Прежде всего, въ программѣ X курса самое выраженіе „Апологетика христіанства“ уже отсутствуетъ и замѣняется терминомъ „общаго, или основнаго богословія“ [1]). Предварительныя свѣдѣнія объ этой наукѣ подъ именемъ „общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ“, за самымъ незначительнымъ различіемъ (сравнительно съ программой IX курса отсутствуютъ параграфы подъ буквами е) опасности при систематическомъ изученіи христіанской религіи и ж) средства къ уклоненію оныхъ, а также называются самыя части богословской системы, именно: науки приготовительныя, собственно система богословія и науки прикладныя), совершенно сходны съ таковыми же свѣдѣніями программы IX курса. За предварительными свѣдѣніями слѣдовало самое изложеніе общаго, или основнаго богословія.

[1]) См. арх. Кіев. дух Академіи по Внутрен. Правленію за 1839 г, дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ (№ 44).

Послѣднее раздѣлялось на вступленіе и два отдѣленія. Вступленіе въ общемъ было сходно съ вступленіемъ въ „апологетику христіанства“ по программѣ IX курса. Въ первомъ отдѣленіи основнаго богословія сообщалось ученіе о религіи вообще, а именно: во 1) общія свѣдѣнія о религіи, во 2) о возможности расторженія религіознаго союза съ Богомъ—со стороны человѣка, въ 3) о потребности возстановленія религіи, въ 4) объ откровеніи и признакахъ его, методѣ, способѣ изложенія и неизмѣняемости откровенія. Во второмъ отдѣленіи основнаго богословія говорилось о религіи христіанской, а именно во 1) о божественномъ происхожденіи христіанской религіи, во 2) сущности и свойствахъ ея и въ 3) источникахъ христіанской религіи: Св. Писаніи, Св. Преданіи и ученіи св. православно-христіанской церкви.

Итакъ, вотъ программы—архим. Димитрія, какъ она сложилась у него ко времени поступленія Макарія въ число его учениковъ и архим. Макарія, какъ она окончательно была выработана имъ ко времени напечатанія его сочиненія: „Введеніе въ Православное Богословія“—въ ихъ взаимномъ сопоставленіи:

ПРОГРАММА АРХИМ. ДИМИТРІЯ	ПРОГРАММА АРХИМ. МАКАРІЯ
А) Общее введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ, гдѣ сообщались общія предварительныя свѣдѣнія о богословіи, какъ наукѣ, и указывались части богословской системы.	Предисловіе Общія предварительныя свѣдѣнія о наукѣ „Введеніе въ Православное Богословіе“.
Б) Богословіе общее или основное.	Часть первая. О предметѣ православнаго богословія.
Вступленіе. Общія предварительныя свѣдѣнія о наукѣ „основнаго богословія“.	Отдѣлъ первый. О религіи и откровеніи вообще.
Отдѣленіе первое. Ученіе о религіи вообще.	Глава первая. О религіи: а) Основныя истины, предпо-

а) общее понятіе о религіи.
б) возможность расторженія союза съ Богомъ—со стороны человѣка,
в) потребность возстановленія религіи,
г) понятіе объ откровеніи,
д) необходимость и возможность откровенія,
е) признаки откровенія: внутренніе и внѣшніе.

Отдѣленіе второе.

О религіи христіанской.

1) Божественное происхожденіе христіанской религіи, которое доказывалось на основаніи ученія, нравственнаго характера чудесъ и пророчествъ Господа Іисуса Христа.

2) Сущность и свойства христіанской религіи.

3) Источники христіанскаго ученія.

А) Св. Писаніе.

Б) Св. Преданіе.

В) Ученіе св. православно-каѳолической церкви.

лагаемыя понятіемъ о религіи.
б) Существо религіи.
в) Религія, какъ достояніе всѣхъ существъ духовныхъ и всего рода человѣческаго: понятіе о церкви.

Глава вторая.

Объ откровеніи:
а) возможность откровенія,
б) необходимость откровенія,
в) признаки откровенія:
1) внутренніе,
2) внѣшніе.

О религіи христіанской, какъ единомъ истинномъ откровеніи.

Глава первая.

О христіанствѣ, какъ религіи.

Глава вторая.

О христіанствѣ, какъ единомъ истинномъ откровеніи:

1) О божественномъ происхожденіи ветхозавѣтнаго откровенія.

2) О божественномъ происхожденіи новозавѣтнаго откровенія.

Часть вторая.

Объ источникахъ православнаго богословія.

Отдѣлъ первый.

О Св. Писаніи.

Отдѣлъ второй.

О Св. Преданіи.

Отдѣлъ третій.

О православной церкви, какъ хранительницѣ и истолкователь-ницѣ св. Писанія и св. Преданія.

Часть третья.

О системѣ православнаго богословія.

Изъ представленнаго сопоставленія программъ видно, что программа архим. Макарія въ однихъ пунктахъ была сходна съ программой архим. Димитрія, а въ другихъ замѣтно отличалась отъ нея. Сходство между программами собственно заключалось въ слѣдующемъ: во 1) предварительныя свѣдѣнія о наукѣ почти одинаково излагались тамъ и здѣсь; во 2) трактатъ о религіи вообще въ обѣихъ программахъ почти одинаковъ и въ 3) трактатъ объ откровеніи вообще довольно сходно излагался въ той и другой программѣ. Различіе же между программами состояло въ слѣдующемъ: во 1) система богословскихъ наукъ у Димитрія излагалась въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ и, повидимому, очень кратко; у Макарія-же она занимала всю третью часть программы и излагалась весьма подробно и обстоятельно; во 2) ученіе объ источникахъ христіанской вѣры у Димитрія составляло заключеніе втораго отдѣла, въ которомъ говорилось о христіанской религіи; а у Макарія оно занимало вторую обширную часть программы; въ 3) одни и тѣ-же отдѣлы у Макарія излагались видимо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ у Димитрія; такъ, напр., доказательство божественнаго происхожденія христіанской религіи у Димитрія ограничивалось анализомъ однихъ только новозавѣтныхъ свидѣтельствъ, тогда какъ у Макарія привлекались къ дѣлу и ветхозавѣтныя свидѣтельства, которыя при томъ разбирались весьма подробно, и наконецъ, въ 4) архим. Димитрій, судя по его программѣ, преподавалъ преимущественно *обще-христіанское* основное богословіе, тогда какъ у архим. Макарія замѣчается видимое стремленіе преподавать преимущественно введеніе въ *православно христіанское* богословіе.

Таково было существенное различіе между программами, по какимъ преподавали основное богословіе Димитрій и Макарій. Что-же касается найденнаго нами раньше сходства между этими праграммами, то значительная часть его должна быть отнесена на счетъ во 1) общности предмета и во 2)

вліянія преданій одной и той-же школы. При этомъ считаемъ позволительнымъ, замѣтить, что вліяніе преданій школы сильнѣе и замѣтнѣе отразилось на программѣ Димитрія, чѣмъ на программѣ его ученика Макарія. По крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что между программами Макарія и Димитрія замѣчается меньшее сходство, чѣмъ между программами Димитрія и его учителя, знаменитаго Иннокентія. Въ этомъ можно весьма легко убѣдиться посредствомъ сличенія программъ Димитрія и Иннокентія по основному богословію, или введенію въ курсъ богословскихъ наукъ. Архим. Иннокентій въ первую треть $183^{3}/_{4}$ учебнаго года преподавалъ введеніе въ богословіе студентамъ VII курса Кіевской духовной Академіи, питомцемъ котораго былъ и Димитрій, по слѣдующей программѣ [1]): во 1) prolegomena in theologiam universam; во 2) doctrina de religione ingenere; въ 3) doctrina de religione christiana ingenere. Но тѣ же самые пункты мы находимъ и въ программѣ архим. Димитрія, а именно: во 1) общее введеніе въ курсъ богословскихъ наукъ; во 2) ученіе о религіи вообще и въ 3) ученіе о религіи христіанской; особенно замѣтно сходство между Иннокентіемъ и Димитріемъ въ изложеніи третьяго пункта программы по введенію въ богословіе; гдѣ Димитрій буквально повторялъ Иннокентія [2]).

Изъ всего сказаннаго нами о преподованіи архим. Макаріемъ въ С.-Петербургской духовной Академіи основнаго

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1833 г. дѣло № 56. Слѣдуетъ замѣтить, что съ находящеюся здѣсь программою архим. Иннокентія по введенію въ курсъ богословскихъ наукъ буквально сходна и программа іером Антонія Шокотова, по какой онъ преподавалъ тотъ же предметъ студентамъ VIII курса Кіевск. дух. Академіи (см. арх. Кіевск. дух Академіи по Внутр. Правленію за 1835 г. дѣло № 34).

[2]) Мы имѣемъ въ виду здѣсь сходство исключительно между программами Иннокентія и Димитрія; но само собою разумѣется, что при однѣхъ и тѣхъ же программахъ могло быть существенное различіе въ самомъ исполненіи ихъ, что, дѣйствительно, и было въ отношеніи между академическими чтеніями преосв. Иннокентія и преосв. Димитрія по введенію въ курсъ болословскихъ наукъ.

богословія, или энциклопедіи православнаго богословія мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующее заключеніе: во 1) окончательно выработанная архим. Макаріемъ программа по этой наукѣ была самостоятельнымъ (по крайней мѣрѣ, отвосительно) произведеніемъ его; во 2) эта программа была выработана имъ постепено въ теченіи 1843—1847 г.г. и въ 5) судя по программѣ, и самыя чтенія архим. Макарія по этой наукѣ были самостоятельнымъ произведеніемъ его, независимымъ отъ чтеній его учителя по Кіевской духовной Академіи, архим. Димитрія, хотя окончательное сужденіе объ этомъ отлагаемъ до того времени, когда будемъ говорить о сочиненіи архим. Макарія, которое было печатнымъ воспроизведеніемъ его академическихъ чтеній по основному богословію.

Одновременно съ основнымъ богословіемъ архим. Макарій во все обозрѣваемое время преподавалъ и богословіе догматическое. Намъ уже извѣстна та программа, по какой Макарій преподавалъ догматическое богословіе студентамъ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи въ теченіи $184^2/_3$ учебнаго года. Въ своемъ мѣстѣ мы высказали, на основаніи словъ самого Макарія [1]), предположеніе, что программа эта совпадала съ тѣмъ конспектомъ, по какому былъ составленъ Макаріемъ сборникъ „догматическаго ученія по руководству св. Димитрія Ростовскаго“. Теперь, имѣя подъ руками подлинную программу Макарія по догматическому богословію за $184^2/_3$ учебный годъ, мы имѣемъ возможность перейти изъ области предположеній въ область дѣйствительныхъ фактовъ. Дѣйствительно, программа чтеній Макарія по догматическому богословію за $184^2/_3$ учебный годъ буквально совпадала съ конспектомъ упомянутаго сборника. Для того, чтобы быть болѣе обстоятельными и понятными въ послѣдующей своей рѣчи, мы воспроизведемъ здѣсь эту программу въ самыхъ общихъ чертахъ, послѣ чего мы уже будемъ имѣть возможность

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8-й.

лучше и скорѣе разобраться посреди программъ архим. Макарія, по какимъ онъ читалъ догматику студентамъ слѣдующихъ курсовъ С.-Петербургской духовной Академіи.

Въ $184^{2}/_{3}$ учебномъ году Макарій выполнилъ одну только вторую половину программы по догматическому богословію [1]). Онъ читалъ: 1.) о Богѣ вообще и общихъ дѣйствіяхъ Его въ мірѣ (часть первая, въ которой говорилось именно о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра невидимаго (I), о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра видимаго (II), и о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ человѣка (III), и во 2) о Богѣ въ частности, какъ Спасителѣ человѣковъ, и особенномъ дѣйствіи Его въ мірѣ и о домостроительствѣ нашего спасенія (часть вторая, въ которой подробно говорилось о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣческаго рода (отд. I) и о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія (отд. II).

Въ слѣдующемъ $184^{3}/_{4}$ учебномъ курсѣ архим. Макарій преподавалъ догматическое богословіе по нѣсколько иной программѣ, при чемъ сдѣланныя въ программѣ измѣненія касались главнымъ образомъ формальной стороны дѣла. Все догматическое богословіе по программѣ XVI курса раздѣлялось на двѣ части [2]). Въ первой части, озаглавленной „богословіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ“ излагалось ученіе о Богѣ, а именно: о Богѣ единомъ по существу и о Богѣ троичномъ въ лицахъ, и объ отношеніи Божіемъ къ міру, частнѣе: о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра невидимаго, видимаго и человѣческаго. Во второй части, озаглавленной „Христословіе“ (излагалось ученіе о Христѣ Іисусѣ, въ частности о Христѣ Спасителѣ (о лицѣ Іисуса Христа, двухъ естествахъ въ І. Христѣ, о двоякомъ состояніи Господа нашего І. Христа) и объ от-

[1]) См. арх. С.-Петербургск. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1843 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

[2]) См. тамъ же за 1845 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи

ношеніи І. Христа къ человѣческому роду, гдѣ собственно излагалось ученіе о пророческомъ, первосвященическомъ и царскомъ служеніи Господа І. Христа, при чемъ ученіе о царскомъ служеніи Господа І. Христа, въ свою очередь, распадалось на два отдѣла, изъ коихъ первый озаглавливался такъ: „І. Христосъ, какъ царь управляетъ своимъ благодатнымъ царствомъ, или церковію", а второй такъ: „І. Христосъ какъ царь, является и явится Судіею человѣческаго рода".

Сравненіе программъ Макарія, по какимъ онъ преподавалъ догматическое богословіе студентамъ XV и XVI курсовъ с.-петербургской духовной Академіи, показываетъ, что а) въ ученіи о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра онѣ были почти буквально согласны между собою, и б) различались онѣ только во второй своей части, которая въ программѣ XV курса озаглавливалось такъ: „о Богѣ въ частности, какъ Спасителѣ человѣковъ, и особенномъ дѣйствіи его въ мірѣ и о домостроительствѣ нашего спасенія", а въ программѣ XVI курса такъ: „Христословіе"; различіе состояло въ слѣдующемъ: 1) въ программѣ XVI курса указывалась связь между первою и второю частями догматики, чего не видимъ въ программѣ XV курса; 2) въ программѣ XVI курса ученіе о двухъ естествахъ въ природѣ Господа І. Христа предшествовало ученію о единствѣ упостаси во І. Христѣ, а въ программѣ XV курса эти два трактата находились въ обратномъ взаимоотношеніи; 3) въ программѣ XV курса ученіе о Богоматери составляло особый трактатъ, тогда какъ по программѣ XVI курса оно входило въ трактатъ о двухъ естествахъ Господа І. Христа; 4) трактатъ, слѣдовавшій за ученіемъ о лицѣ Господа І. Христа, въ программѣ XV курса озаглавливался такъ: „исторія нашего Спасителя", а въ программѣ XVI курса такъ: „о двоякомъ состояніи Господа нашего І. Христа"; 5) второй отдѣлъ второй части догматики въ программѣ XV курса имѣлъ такое заглавіе: „о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія", а въ программѣ XVI курса такое:

„объ отношеніи І. Христа къ человѣческому роду“; 6) второй отдѣлъ второй части догматики въ программѣ XV курса начинался ученіемъ о приготовленіи человѣческаго рода ко спасенію во І. Христѣ и затѣмъ уже слѣдовало ученіе о пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ служеніи Спасителя, тогда какъ въ программѣ XVI курса этотъ отдѣлъ начинался прямо ученіемъ о троякомъ служеніи, и наконецъ 7) трактатъ о Богѣ, какъ Мздовоздаятелѣ въ програмѣ XVI курса составлялъ только вторую часть ученія о царскомъ служеніи Господа І. Христа, между тѣмъ какъ въ програмѣ XV курса онъ занималъ совершенно особенное мѣсто. Показанное нами различіе между программами XV и XVI курсовъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что архим. Макарій серьезно работалъ надъ усовершенствованіемъ своей программы по догматическому богословію въ теченіи 1843—1847 года, при чемъ сдѣланныя имъ въ теченіи этого времени измѣненія касались почти исключительно формальной стороны ея.

Въ программѣ, по которой архим. Макарій читалъ догматику XVII курсу студентовъ с.-петербургской духовной Академіи, сравнительно съ предыдущими программами замѣчаются слѣдующія двѣ особенности: 1) здѣсь мы видимъ введеніе въ догматическое богословіе; въ этомъ введеніи профессоръ сообщалъ своимъ слушателямъ понятіе о православной догматикѣ вообще, понятіе о догматѣ православной вѣры Христовой, условіяхъ догмата, частное понятіе о догматѣ, какъ предметѣ православной догматики, раздѣленіи догматовъ съ этой точки зрѣнія, наконецъ, о планѣ и методѣ православной догматики, и 2) самое догматическое богословіе по прежнему дѣлилось на двѣ части, изъ коихъ первая заключала въ себѣ богословіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, т. е. ученіе о Богѣ (отд. I.) и о Божіемъ отношеніи къ міру (отд. II), а вторая часть содержала „Христословіе“, или ученіе о лицѣ І. Христа и Его отношеніи къ человѣческому роду. Но за то въ

частнѣйшемъ разсмотрѣніи этихъ общихъ пунктовъ православно-догматическаго ученія настоящая программа сравнительно съ предыдущими отличалась большею подробностію, обстоятельностію и отчетливостію, что особенно должно сказать о трактатѣ, излагавшемъ ученіе о существѣ Божіемъ и существенныхъ свойствахъ Божіихъ.

Наконецъ, въ программѣ, по которой архим. Макарій преподавалъ догматику XVIII курсу студентовъ с.-петербургской духовной Академіи въ теченіи $184^{7}/_{9}$ г., мы подмѣтили слѣдующую особенность [1]). При сохраненіи прежняго плана и дѣленія науки на введеніе и самое догматическое богословіе, которое, въ свою очередь, распадалось на двѣ части, въ программѣ замѣчается еще бо́льшая полнота, обстоятельность подробность и отчетливость, съ какими разсматривались отдѣльные пункты догматическаго богословія. Въ частности, во введеніи, кромѣ прежде указанныхъ вопросовъ, рѣшались еще слѣдующія: 1) долгъ православно-догматическаго богословія, 2) дѣленіе догматовъ, а) на библейскіе и церковные, б) раскрытые и нераскрытые, в) основные и частные, г) непостижимые и постижимые, д) существенные и несущественные и е) общіе и основные, и въ 3) очеркъ исторіи православно-догматическаго богословія. Съ другой стороны, въ перечисленіи свойствъ Божіихъ и въ раздѣленіи ихъ по пунктамъ, кромѣ большей полноты сравнительно съ предыдущимъ, нами замѣчены еще слѣдующія двѣ частнѣйшія особенности: 1) „всемогущество“ отнесено къ числу свойствъ существа Божія вообще, тогда какъ въ прежнихъ программахъ оно относилось къ числу свойствъ воли Божіей, и 2) въ числѣ свойствъ существа Божія вообще находимъ одно новое, т. е. неупоминавшееся въ прежнихъ программахъ архим. Макарія, именно: „неизмѣримость существа Божія“. Считаемъ необходимымъ здѣсь замѣтить, что по разсмотрѣнной нами сейчасъ програм-

[1]) См. тамъ же за 1848 г. дѣло о декабрьскихъ испытаніяхъ студентовъ Академіи.

въ XVIII курса архим. Макарій въ 1848 г. съ апрѣльской книжки академическаго журнала „Христіанское Чтеніе“ началъ печатать свое православно-догматическое богословіе, причемъ въ печатномъ произведеніи были удержаны тѣ-же самыя дѣленія и рубрики, какія находятся и въ программѣ. Поэтому, на программу XVIII курса можно смотрѣть, какъ на окончательно выработанную архим. Макаріемъ за это время программу догматическаго богословія.

Изъ представленнаго нами краткаго очерка программъ, по какимъ архим. Макарій преподавалъ догматическое богословіе въ бытность инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи, мы можемъ ясно видѣть слѣдующее Во 1) архим. Макарій серьезно, неутомимо и непрерывно въ теченіи всего этого времени (1843—1849 г.) занимался обработкою программы по догматическому богословію. Съ каждымъ новымъ курсомъ онъ вводилъ въ свои чтенія по догматикѣ что-либо новое, или же дѣлалъ измѣненія въ распредѣленіи догматическаго ученія по различнымъ отдѣламъ. Всѣ эти дополненія и измѣненія краснорѣчиво свидѣтельствовали объ усовершенствованіи познаній архим. Макарія по догматическому богословію, о болѣе глубокомъ, всестороннемъ и частнѣйшемъ изученіи имъ этой важнѣйшей отрасли богословскихъ наукъ. Во 2) архим. Макарій, очевидно, путемъ самостоятельнаго и въ высшей степени усерднаго труда, который онъ добровольно несъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, окончательно выработалъ ту программу, по какой написана его знаменитая догматическая система. Послѣ этого въ высшей степени является страннымъ мнѣніе, будто Макарій заимствовалъ программу своей догматики у своего учителя по Кіевской духовной Академіи, преосв. Димитрія. Мы шагъ за шагомъ слѣдили за Макаріемъ въ его работахъ, во всѣхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ имъ своихъ чтеній по догматикѣ и въ концѣ концовъ пришли къ глубокому убѣжденію, что программа догматическаго богословія была выработана архим. Мака-

ріемъ совершенно самостоятельно и независимо отъ другаго какого-либо авторитета.

Говоря это, мы вовсе не желаемъ утверждать того, что въ программѣ архим. Макарія по догматическому богословію не было никакого сходства съ программами его предшественниковъ. Сходство это безспорно есть, но оно такого свойства, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ свидѣтельствовать о рабской зависимости архим. Макарія отъ его учителей по Кіевской духовной Академіи. Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться посредствомъ сравненія программъ Иннокентія, Димитрія и Макарія по догматическому богословію. Вотъ эти программы въ ихъ взаимномъ сопоставленіи:

Программа Иннокентія, представленная имъ концу пятаго учебнаго курса Кіевской дух Академіи [1]).	Программа Димитрія, читанная имъ X курсу Кіевской д. Академіи [2]).	Программа Макарія, читанная имъ XVIII курсу С.-Петерб. д. Академіи[3]).
1. Definitio theologiae dogmaticae: summa et partitio	Введеніе.	Введеніе.
Pars prima, theognosiam exhibens, hic	Часть первая: ученіе о Тріединомъ Богѣ и Его отношеніи къ міру	Часть первая: богословіе въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.
Doctrina de Deo ejusque attributis	I. Ученіе о Тріединомъ Богѣ.	I. Ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ .
Doctrina de S. Trinitatis mysterio.	1. Ученіе о трехъ божественныхъ Ипостасяхъ.	1. О Богѣ единомъ по существу и существенныхъ свойствахъ Его.
Doctrina de mundi creatione,	2. О единомъ Божествѣ существѣ трехъ Ипостасей.	2. О Богѣ Троичномъ въ Лицахъ.
Doctrina de Dei providentia	II. Ученіе о дѣйствіяхъ Тріипостаснаго Божества въ мірѣ	II. Объ отношеніи Божіемъ къ міру.
Doctrina de Spiritibus: Angelis et Daemonibus	1. Ученіе о сотвореніи міра.	1. Ученіе о твореніи и промыслѣ.
Doctrina de statu hominis primitivi: a) creatio hominis	2. Ученіе о Провидѣніи Божіемъ.	2. О Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра невидимаго, т. е. Ангеловъ добрыхъ и злыхъ.
3) perfectio	3. Ученіе объ Ангелахъ: а) добрыхъ и б) злыхъ.	3. О Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра видимаго.
Doctrina de primorum parentum lapsu	4. Ученіе о человѣкѣ: происхожденіе человѣка и образъ сотворенія его.	

[1]) См. арх. Кіевской дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1831 г. дѣло № 86.

[2]) См. тамъ же за 1841 г. дѣло № 54.

[3]) См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи по Внутрен. Правленію за 1849г дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

Pars secunda, Soterologiam, sive doctrinam de restitutione generis humani per Christum proponens.

1. Doctrina de praevia praeparatione generis humani ad salutem in Cristo

2. Doctrina de duabus naturis Christi.

3. Doctrina de triplici Christi officio: prophetico, sacerdotali et regio.

4. Doctrina de applicatione salutis per Christum.

De sacramentis.

Pars tertia, Dicastelogiam continens.

Doctrina de morte et statu hominis post mortem.

Doctrina de die novissima et resurrectione mortuorum.

Doctrina de judicio universali et consummatione mundi.

Doctrina de diversa animarum sorte in vita aeterna.

Часть вторая.

Вступленіе: 1) о первобытномъ состояніи человѣка; 2) о паденіи человѣка

Ученіе о спасеніи рода человѣческаго Сыномъ Божіимъ.

Приготовленіе рода человѣческаго къ принятію Искупителя.

Пришествіе І. Христа и служеніе Его спасенію человѣческаго рода.

Ученіе о Лицѣ І. Христа, или о таинствѣ воплощенія.

Ученіе о служеніи І. Христа спасенію человѣческаго рода: пророческомъ, первосвященническомъ и царскомъ.

Ученіе о царствѣ Божіемъ, учрежденномъ на землѣ І. Христомъ, для спасенія человѣковъ.

А. Царство благодатное или церковь воинствующая. О таинствахъ.

Б. Царство славы, или церковь торжествующая.

1. Окончаніе царства благодати—послѣдняя брань съ областію сатаны.

2. Откровеніе царства славы: воскресеніе мертвыхъ, славное пришествіе Господа и послѣдній судъ.

3. Образъ царства славы—слѣдствія суда Христова: а) вѣчная жизнь праведниковъ и б) вѣчное осужденіе грѣшниковъ.

4. О Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ рода человѣческаго, при чемъ въ ученіи о Богѣ, какъ Промыслителѣ человѣч. рода излагалось ученіе о паденіи человѣка,

Часть вторая.

Ученіе о Богѣ, какъ Искупителѣ человѣковъ.

Предварительныя понятія.

Ученіе о лицѣ І. Христа. Исторія нашего Спасителя.

Ученіе о Божіемъ домостроительствѣ человѣческаго спасенія.

Приготовленіе рода человѣческаго ко спасенію въ Христѣ Іисусѣ.

Ученіе о троякомъ служеніи І. Христа роду человѣческому.

I) І. Христосъ, какъ пророкъ.

II) І. Христосъ, какъ первосвященникъ.

III) І. Христосъ, какъ царь.

1. управляетъ Своимъ благодатнымъ царствомъ, или церковію.

2. является и явится судіею рода человѣческаго:

а) о судѣ частномъ

б) о судѣ всеобщемъ:

1) предварительныя обстоятельства сего суда.

2) самый судъ.

3) его слѣдствія.

Изъ представленнаго нами сопоставленія программъ Иннокентія, Димитрія, и Макарія видно, что 1) программа каждаго изъ названныхъ Архипастырей имѣла свои существенныя характеристическія особенности; 2) замѣчаемое между ними сходство необходимо требовалось самымъ существомъ дѣла, т. е. общностью предмета и, наконецъ, 3) въ частности, что касается собственно взаимнаго отношенія между программами Димитрія и Макарія, то Макарій до конца остался вѣренъ тѣмъ отступленіямъ отъ программы своего учителя,

какія мы видѣли въ самой первой программѣ Макарія, по которой онъ преподовалъ догматическое богословіе студентамъ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи въ $184^{2}/_{3}$ учебномъ году. Весьма важное и существенное различіе между программами Димитрія и Макарія, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами сравненія ихъ, состояло въ слѣдующемъ: 1) у Димитрія догматическое ученіе о твореніи и Промыслѣ Божіемъ излагалось вмѣстѣ и нераздѣльно, тогда какъ у Макарія оно разсматривалось отдѣльно, т. е. въ различныхъ пунктахъ; 2) у Димитрія ученіе о первоначальномъ состояніи человѣка, его паденіи и первородномъ грѣхѣ стояло во главѣ трактата о домостроительствѣ спасенія человѣческаго рода, между тѣмъ какъ у Макарія это ученіе излагалось въ концѣ трактата о Богѣ, какъ Промыслителѣ человѣческаго рода, и, наконецъ, 3) у Димитрія ученіе о мздовоздаяніи составляло вторую половину трактата о царствѣ Божіемъ, учрежденномъ на землѣ І. Христомъ для спасенія людей, и озаглавливалось такъ: „царство славы, или церковь торжествующая“, тогда какъ у Макарія это ученіе составляло вторую половину трактата о царскомъ служеніи Господа І. Христа и имѣло такое заглавіе: „І. Христосъ, какъ Царь, является и явится Судіею рода человѣческаго“. Показанное сейчасъ различіе безусловно исключаетъ всякую мысль о зависимости богословско-догматической программы Макарія отъ таковой же программы Димитрія.

Кромѣ введенія въ православное богословіе и догматическаго богословія, архим. Макарій, въ бытность свою инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи, преподавалъ студентамъ высшаго отдѣленія еще и русскую церковную исторію. Программа преподаванія въ общемъ оставалась та же самая, по какой Макарій читалъ эту науку студентамъ XV курса Кіевской духовной Академіи въ $184^{1}/_{2}$ учебномъ году. Во введеніи, послѣ предварительныхъ свѣдѣній (понятіе о наукѣ и раздѣленіе ея по предмету и по времени—на пе-

ріоды), профессоръ обозрѣвалъ первый—предварительный періодъ, гдѣ сообщалъ своимъ слушателямъ свѣдѣнія о началѣ христіанства въ предѣлахъ нынѣшней Россіи до основанія русскаго царства (проповѣдь св. ап. Андрея, церковь Христова въ древней Скиѳіи, или нынѣшнемъ новороссійскомъ краѣ, церковь Христова въ древней Сарматіи, или нынѣшнемъ кавказскомъ краѣ и церковь Христова въ закавказьи) и о началѣ христіанства собственно въ царствѣ русскомъ (крещеніе Аскольда и Дира, переводъ св. Писанія и богосл. книгъ на славянскій языкъ, состояніе христіанства на Руси при Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ и Игорѣ, крещеніе в. к. Ольги, попытка къ распространенію на Руси папизма, крещеніе в. к. Владиміра, кіевлянъ и всей земли русской). Собственно по исторіи русской церкви архим. Макарій въ теченіи учебнаго курса обозрѣвалъ два первые періода ея: 1) до порабощенія Россіи татарами въ 1240 г. и 2) до учрежденія въ Россіи патріаршества въ 1588 г. Въ томъ и другомъ періодѣ профессоръ разсматривалъ обыкновенно состояніе русской церкви съ трехъ сторонъ: 1) по внѣшнему ея составу (іерархія и паства), 2) по внутреннему составу (духовное просвѣщеніе и ученіе, внѣшнее богослуженіе и управленіе) и 3) по успѣхамъ въ вѣрѣ и благочестіи (всѣхъ вообще христіанъ, монастырей и монашествующихъ и лицъ, особенно отличавшихся святостію жизни).

Но, при общемъ согласіи кіевской и петербургской программъ Макарія по русской церковной исторіи, есть между ними и различіе. Прежде всего, въ с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій успѣвалъ въ теченіи учебнаго курса прочитывать больше, чѣмъ въ Кіевѣ. Поэтому, въ петербургской программѣ вторая половина ея является новою. Вотъ содержаніе ея. Въ трактатѣ о внѣшнемъ состояніи русской церкви до утвержденія въ ней патріаршества излагалась, а) исторія іерархіи, причемъ говорилось о перенесеніи митрополичьей каѳедры изъ Кіева во Владиміръ и потомъ въ Москву,

раздѣленіи русской митрополіи, началѣ нѣкоторой независимости отъ цареградскаго патріарха, московскихъ и кіевскихъ митрополитахъ съ 1461 г., отношеніи митрополитовъ къ патріарху, князьямъ, духовенству и народу, перемѣнахъ въ нашихъ епархіяхъ, новыхъ архіепископахъ въ Россіи, правахъ епископовъ и о средствахъ для содержанія высшаго духовенства, б) изображалось состояніе паствы, причемъ говорилось объ умноженіи числа вѣрующихъ, или распространеніи православной вѣры въ Россіи, противодѣйствіяхъ успѣхамъ православной вѣры со стороны религіозныхъ обществъ заграничныхъ (папистовъ, реформатовъ, социніанъ и татаръ) и со стороны сектъ, возникавшихъ въ нѣдрахъ нашей церкви (стригольниковъ и раскольниковъ); въ трактатѣ о внутреннемъ устройствѣ русской церкви говорилось а) о духовномъ просвѣщеніи и ученіи (упадкѣ просвѣщенія, крайнемъ невѣжествѣ духовенства, церковныхъ писателяхъ изъ числа архипастырей и низшаго духовенства и нѣкоторыхъ чертахъ самаго ученія—догматическаго, нравственно-аскетическаго, полемическаго и др.), о внѣшнемъ богослуженіи (храмахъ, ихъ числѣ, извѣстнѣйшихъ храмахъ, священныхъ временахъ, новыхъ празднествахъ, соблюденіи постовъ, священныхъ дѣйствіяхъ и вещахъ) и объ управленіи (основаніи церковнаго управленія, устройствѣ его и рядѣ соборовъ); наконецъ, въ трактатѣ объ успѣхахъ въ вѣрѣ и благочестіи изображалось состояніе въ этомъ отношеніи а) всѣхъ вообще христіанъ (набожность и благочестіе народа, обстоятельства, содѣйствовавшія этому, недостатки въ вѣрѣ и нравственности и причины этихъ недостатковъ); б) монастырей и монашествующихъ (новые монастыри, знаменитѣйшіе изъ нихъ, средства для содержанія ихъ, внутреннее устройство ихъ и образъ жизни иноковъ) и в) лицъ, особенно отличавшихся святостію жизни изъ числа царственныхъ особъ, архипастырей и подвижниковъ разныхъ обителей. Съ другой стороны, есть различіе между кіевскою и петербургскою программами Макарія по русской церковной исторіи и въ изложеніи частнѣйшихъ пунктовъ программы. Такъ,

напр., трактатъ, имѣющій одинаковое заглавіе въ обѣихъ программахъ: „состояніе русской церкви по внѣшнему составу“, по петербургской программѣ начинался исторіею іерархіи и затѣмъ уже изображалось состояніе паствы, а по кіевской программѣ въ этомъ трактатѣ сначала говорилось о паствѣ и потомъ уже объ іерархіи; очевидно, порядокъ изложенія въ первой программѣ болѣе соотвѣтствовалъ существу дѣла, чѣмъ во второй. Далѣе, въ петербургской программѣ совсѣмъ отсутствовалъ параграфъ, озаглавленный въ Кіевской программѣ: „Рюрикъ-Христіанинъ“. Наконецъ, петербургская программа Макарія по русской церковной исторіи отличалась отъ кіевской большею полнотою, подробностію и обстоятельностію. Насколько вообще петербургская программа была полнѣе, обстоятельнѣе и подробнѣе кіевской въ параллельныхъ отдѣлахъ, это можно особенно ясно видѣть изъ слѣдующаго сравненія ихъ:

Кіевская программа[1])	С.-петербургская программа[2])
1) Состояніе паствы.	2) Паства
А) умноженіе числа вѣрующихъ	а) умноженіе числа вѣрующихъ, или распространеніе вѣры православной
	α) въ странахъ тогдашней Россіи и
	β) въ странахъ пограничныхъ;
	б) противодѣйствія успѣхамъ православной вѣры:
	α) со стороны волхвовъ,
	β) со стороны папъ,
Б. Попытки папъ сократить число православно-вѣрующихъ въ Россіи	аа) рядъ ихъ попытокъ
	бб) ихъ мнимые у насъ успѣхи
	γ) со стороны ересей и расколовъ, проникавшихъ къ намъ
В. благоденствіе и бѣдствія вѣрующихъ	

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Академіи по Внутреннему Правленію за 1841 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

[2]) См. арх. Петерб. дух. Акад. по Внутрен. Правленію за 1845 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

2) Состояніе іерархіи А. Митрополиты,	изъ Греціи. аа) лжеученіе Адріана и Дмитра; бб) споры о постѣ въ среду и пятокъ вв) ересь Мартына. I. Іерархія а) составъ Русской іерархіи б) происхожденіе Митрополитанской власти на Руси.
Б. Епископы,	в) попытка раздѣлить нашу Митрополію г) рядъ Митрополитовъ I) до Иларіона II) съ Иларіона до конца періода. д) отношеніе ихъ къ царе-градскимъ Патріархамъ, великимъ князьямъ, подвѣдомымъ Епископамъ и народу; е) число епархій, ж) ихъ раздѣленіе на архіепископіи и епископіи,
В. Прочее низшее духовенство,	з) отношеніе епископовъ къ митрополиту, князьямъ, подвѣдомому духовенству и народу. и) источники для содержанія митрополита и епископовъ, і) употребленіе епископскихъ доходовъ, к) о низшемъ духовенствѣ л) общая привиллегія всего духовенства,
Г. Міряне.	м) міряне, причисленные къ классу духовныхъ.

Всѣ указаныя нами измѣненія въ петербургской программѣ архим. Макарія по русской церковной исторіи весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что Макарій не оставилъ занятій этою наукою и въ бытность свою инспекторомъ С.-Петербургской духовной Академіи. Правда, многосложныя и отвѣтственныя обязанности по должности инспек-

тора и профессора богословскихъ наукъ не позволяли ему вести эти занятія правильно и систематически. Архим. Макарій, какъ онъ самъ сознается въ одномъ изъ своихъ писемъ къ преосв. Иннокентію, занимался русскою церковною исторіею въ это время только „урывками“ [1]). Можно думать, что собственно искренняя привязанность къ наукѣ и желаніе во что-бы то ни стало не оставлять разъ начатыхъ занятій по русской церковной исторіи и побудило главнымъ образомъ архим. Макарія добровольно принять на себя обязанности преподавателя этой важной науки, для которой къ тому же въ данное время не было особой каѳедры въ С.-Петербургской духовной Академіи. Не смотря однако же на то, что архим. Макарій имѣлъ возможность заниматься русскою церковною исторіею въ С.-Петербургѣ только „урывками“, занятія эти все-таки сопровождались значительнымъ успѣхомъ. Какъ можно заключать изъ программъ, по какимъ архим. Макарій преподавалъ русскую церковную исторію студентамъ С.-Петербургской духовной Академіи, познанія его въ области этой науки значительно расширились теперь и сдѣлались видимо болѣе глубокими и основательными, чѣмъ были прежде. Плодомъ занятій архим. Макарія русскою церковною исторіею были также, какъ скоро увидимъ, многіе и очень солидные труды его по различнымъ вопросамъ этой науки, напечатанные имъ въ обозрѣваемое время.

Въ заключеніе всей нашей рѣчи о профессорской дѣятельности архим. Макарія мы должны замѣтить, что подобно тому, какъ въ Кіевѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ Макарій былъ образцовымъ и выдающимся во всѣхъ отношеніяхъ профессоромъ. Лекціи его по богословскимъ наукамъ и по русской церковной исторіи, произносившіяся имъ обыкновенно наизустъ, отличались живостію, занимательностію и могучимъ воздѣйствіемъ на слушателей. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣ-

[1]) См. Христ. Чтеніе за 1884 г. т 1 стр. 800 письмо отъ 9 апр 1846 г.

тельство отъ одного изъ непосредственныхъ слушателей Макарія въ самое первое время его профессорской дѣятельности въ С.-Петербургской духовной Академіи. „Позвольте вашему академическому слушателю“,—писалъ протоіерей І. Базаровъ, магистръ XV курса С.-Петербургской духовной Академіи, слушавшій іером. Макарія въ первый годъ его службы здѣсь,—„никогда, и вдали отъ отчизны и среди богословской учености Германіи, *не забывающему вашего преподаванія, столь живо впечатлѣвшагося на юныхъ сердцахъ вашихъ слушателей*,—позвольте предстать предъ вашимъ преосвященствомъ съ слабымъ трудомъ моимъ...“ [1]).

Какъ инспекторъ Академіи, архим. Макарій оставилъ по себѣ память въ С.-Петербургѣ въ высшей степени аккуратнаго, исполнительнаго и внимательнаго къ нуждамъ студентовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ строгаго и требовательнаго начальника. Всѣ эти качества, составлявшія отличительную особенность его характера, въ то-же время прекрасно восполнялись въ немъ гуманностію отношеній къ студентамъ. При незначительныхъ нарушеніяхъ академической дисциплины, которая при Макаріи, нужно замѣтить, была очень строга въ Петербургѣ, инспекторъ Макарій предпочиталъ рѣшать дѣло собственнымъ судомъ, т. е. выговоромъ или замѣчаніемъ провинившемуся въ чемъ либо студенту. Только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ онъ позволялъ себѣ обращаться къ содѣйствію высшей академической власти—Правленія. Но даже и въ этихъ случаяхъ гуманный инспекторъ обыкновенно ходатайствовалъ о смягченіи наказаній, слѣдовавшихъ студентамъ за ихъ проступки. Такъ, 26 ноября 1845 г. инспекторъ архим. Макарій доносилъ Правленію, что студентъ Елисей Ивановъ возвратился въ Академію въ нетрезвомъ видѣ. Правленіе, по особому ходатайству инспектора, сдѣлало такое постановленіе: „послѣ внушенія посадить студента Ива-

[1]) См. Прав. Обозрѣніе 1889 г: т. 1 стр. 372.

нова на три дня въ карцеръ, а всѣмъ студентамъ объявить, что, если кто нибудь изъ нихъ будетъ замѣченъ въ нетрезвости, то немедленно же будетъ исключенъ изъ академіи“ [1]). Въ вѣдомости за мартъ 1849 г. инспекторъ Макарій одного студента В. Н. аттестовалъ такъ: „послѣ многократныхъ замѣчаній и увѣщаній остается непокорнымъ существующимъ правиламъ начальства“. Академическое Правленіе по этому поводу постановило: „В. Н. сдѣлать строгій выговоръ со внушеніемъ уваженія къ его обязанностямъ, въ теченіе мѣсяца не отпускать въ городъ, неисправности его отмѣтить въ книгѣ поведенія и объявить ему, что въ случаѣ продолженія неисправности онъ можетъ лишиться одобрительнаго отзыва по поведенію въ аттестатѣ, по окончаніи курса ученія“ [2]). 22 мая 1850 г. инспекторъ Макарій входилъ въ Правленіе съ запискою слѣдующаго содержанія: „имѣю честь донести Академическому Правленію, что студентъ высшаго отдѣленія И. Г., будучи уволенъ 21 числа текущаго мѣсяца въ городъ, возвратился къ вечеру въ Академическій корпусъ въ нетрезвомъ видѣ“. Правленіе 23 мая 1850 г. постановило: „хотя неодобрительные поступки, подобные сдѣланному воспитанникомъ Г., совершенно не могутъ быть терпимы въ духовной Академіи, но такъ какъ означенный воспитанникъ оказался въ немъ виновнымъ въ первый разъ въ продолженіе академическаго курса: то въ наказаніе содержать его на хлѣбѣ и водѣ въ теченіе пяти дней и не удостоивать увольненія изъ Академіи въ городъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заслужитъ того послѣдующимъ исправленіемъ и благоповеденіемъ, а неодобрительный его поступокъ отмѣтить въ книгѣ поведенія“ [3]).

Вообще изъ инспекторскихъ вѣдомостей, ежемѣсячно представлявшихся архим. Макаріемъ въ Правленіе, можно заклю-

---

[1]) См. архивъ С.-Петербург. дух. Акад. Журн. Внутр. Правленія за 26 ноября 1845 г.

[2]) См. арх. С.-Петерб. дух. Академіи журн. Внутр. Правл. за 2 апр. 1849г.

[3]) См. тамъ же Журн. Внутр. Правл за 23 мая 1850 г.

чать, что Макарій весьма внимательно наблюдалъ за нравственною жизнью студентовъ и прекрасно зналъ отличительныя особенности характера каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Изъ тѣхъ-же вѣдомостей можно заключать, что архим. Макарій въ особенную похвалу студентамъ вмѣнялъ точное и акуратное исполненіе ими всѣхъ своихъ обязанностей [1]). Между прочимъ, въ вѣдомости за 1845 г. архим. Макарій студентовъ высшаго отдѣленія: Евграфа Ловягина (впослѣдствіи профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи) и Василія Наумова (въ монашествѣ Кириллъ, бывшій потомъ инспекторомъ той же Академіи) аттестовалъ такъ: „отличались строгою точностію въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, любовію къ наукѣ и тихостію нрава;“ въ той же вѣдомости противъ студента низшаго отдѣленія Александра Булгакова было замѣчено: „отличается мягкостію сердца, кротостію и дружелюбіемъ“. Въ вѣдомости за январь 1849 г. года студентъ высшаго отдѣленія Иванъ Янышевъ аттестованъ: „отличается скромностію и трудолюбіемъ“; студенты низшаго отдѣленія—Н. Делицынъ, Ил. Чистовичъ и Н. Наумовъ: „внимательны къ себѣ и исправны“, Александръ Бровковичъ: „отличается скромностію и набожностію“ [2]); въ вѣдомости за ноябрь 1850 г. студенты высшаго отдѣленія—іерод. Никаноръ, іерод. Германъ, Н. Делицынъ и Ил. Чистовичъ отмѣчены: „отличаются благородствомъ, набожностію и трудолюбіемъ“ [3]); въ другихъ вѣдомостяхъ о поведеніи студентовъ, представлявшихся архим.

---

[1]) Наоборотъ, Макарію, какъ инспектору, больше всего не нравились тѣ именно студенты, которые почему либо неохотно подчинялись заведеннымъ имъ дисциплинарнымъ порядкамъ въ Академіи. „Я, писалъ Макарій Серафимову 15 апрѣля 1848 г. о студентѣ Гумилевскомъ изъ грековъ, „всячески стараюсь ему покровительствовать,—хоть опять, увы, плохо онъ любитъ подчиняться нашимъ порядкамъ, и скажу откровенно: мнѣ много съ нимъ горя“. (См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 10).

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1849 г. дѣло № 41.

[3]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1850 г. дѣло № 25.

Макаріемъ, чаще всего встрѣчаются такія аттестаціи: отличается благородствомъ, трудолюбіемъ и исправностію" (Н. Сергіевскій), „отличается скромностію, благородствомъ и трудолюбіемъ" (Н. Делицынъ), „благороденъ и постоянно исправенъ" (И. Янышевъ), „отлично набоженъ и дѣятеленъ" (Г. Кикодзевъ), „трудолюбивъ и исправенъ" (И. Дроздовъ), „отлично скроменъ и исправенъ въ отношеніи обязанностей старшаго" (И. Янышевъ), „скроменъ и постоянно усерденъ въ занятіяхъ" (Г. Кикодзевъ) и т. д. [1]).

Вообще, какъ инспекторъ, архим. Макарій имѣлъ большое вліяніе на студентовъ и на направленіе всей вообще внутренней жизни С.-Петербургской духовной Академіи. Кромѣ того, архим. Макарій оказывалъ сильное вліяніе и на обоихъ ректоровъ, смѣнившихся за это время въ С.-Петербургской духовной Академіи, и, благодаря этому, давалъ главный тонъ всей академической жизни. Девизомъ этой послѣдней во время инспекторства Макарія былъ строгій порядокъ, точность и аккуратность во всемъ. Всѣ эти нравственныя правила академической жизни настолько утвердились въ годы инспекторства Макарія, что они сдѣлались какою то необходимою принадлежностію ея и сохраняли всю свою силу долго послѣ Макарія. „Наше время",—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Г. Рыбаковъ, кандидатъ XXV курса С.-Петербургской духовной Академіи, вышедшій изъ нея уже въ 1859 г.,—„наше время отличалось строгостію правилъ студенческаго быта. Но мы не чувствовали этой строгости и не тяготились ею. *Вся эта регламентація, подъ разумнымъ управленіемъ и при педагогическомъ тактѣ преосвящ. Макарія еще въ бытность его инспекторомъ*,—тактѣ, основанномъ на глубокомъ знаніи свойствъ души человѣческой, вошла въ нравы и обычаи студетовъ, составляя духъ заведенія, который традиціонно пере-

[1]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1848 г. дѣло № 26.

ходилъ отъ одного курса къ другому и которымъ, какъ потокомъ, увлекался всякій новичекъ даже изъ непрывыкшихъ къ требованіямъ общежитія. Студенты обыкновенно говорили: „у насъ это не принято“, напр., составлять компаніи, или кутить, выходить изъ Академіи въ непозволенное время“ [1]).

Дѣйствительно, во все время инспекторства архим. Макарія между студентами с.-петербургской духовной Академіи не было никакихъ особенныхъ волненій и вообще никакихъ выраженій недовольства своимъ начальствомъ. Студенты жили спокойно, каждый занимаясь своимъ дѣломъ. Всѣ они глубоко уважали своего строгаго, исполнительнаго и требовавшаго отъ всѣхъ и во всемъ точности инспектора и охотно подчинялись всѣмъ распоряженіямъ его, видя лучшій образецъ этого на самомъ же своемъ начальникѣ. Добрымъ отношеніямъ между инспекторомъ Макаріемъ и студентами немало содѣйствовало также и то, что всѣ дѣйствія этого послѣдняго были глубоко проникнуты безпристрастіемъ, справедливостію, гуманностію и снисходительностію къ своимъ подчиненнымъ.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что инспекторская дѣятельность архим. Макарія имѣла столь же плодотворные результаты, какъ и профессорская его служба. Слѣдствіемъ разумной инспекторской дѣятельности архим. Макарія было установленіе во внутренней жизни с.-петербургской духовной

---

[1]) См. Прав. Обозрѣніе 1883 г. т. 2. стр. 539. Замѣчательно, что архим. Макарій заведенные имъ въ Академіи порядки желалъ видѣть и въ семинаріяхъ находившихся въ вѣдѣніи с.-петербург. дух. Академіи. Въ качествѣ инспектора Академіи онъ долженъ былъ давать отчеты о нравственномъ состояніи всѣхъ духовныхъ семинарій с.-петербургскаго духовно-учебнаго округа. Между прочимъ, 18 апр. 1841 г. онъ входилъ во внѣшнее правленіе съ запискою, въ которой объяснялъ, что „по таблицамъ подвѣдомственныхъ Академіи семинарій поведеніе учениковъ было въ весьма хорошемъ состояніи“, но при этомъ указалъ и на то, что нѣтъ единства (точнѣе однообразія) въ обозначеніи поведенія учениковъ. Правленіе постановило: „сдѣлать внушеніе, чтобы соблюдалось однообразіе“. (См. арх. с.-петерб. дух. Академіи по Внѣшнему Правленію журн. за 18 апр. 1846 г.).

Академіи особаго направленія. Самою характеристическою чертою этого направленія былъ порядокъ во всемъ,—но не мертвый, исключительно формальный порядокъ, убивающій душу человѣка, а порядокъ, одухотворенный сознаніемъ необходимости и пользы его. Заведенные архим. Макаріемъ порядки основывались исключительно на точномъ исполненіи каждымъ членомъ малаго академическаго общества своего нравственнаго долга. Неудивительно, если такіе порядки, не смотря на нѣкоторый ригоризмъ ихъ, не только не тяготили студентовъ, но даже нравились имъ. Поэтому, величайшая заслуга инспектора, архим. Макарія состояла, какъ справедливо замѣчаетъ г. Рыбаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, именно въ томъ, что онъ не только создалъ особенный порядокъ нравственной жизни студентовъ, но даже заставилъ ихъ полюбить этотъ порядокъ. Студенты с.-петербургской духовной Академіи любили и даже гордились заведенными при инспекторѣ Макаріи порядками, когда прямо и открыто говорили всѣмъ: „у насъ такъ не принято“.

Установившіяся при архим. Макаріи дисциплинарныя правила за шесть лѣтъ его инспекторства хорошо привились къ академической жизни и, какъ мы знаемъ изъ словъ г. Рыбакова, долго сохраняли свою силу и послѣ Макарія. Такому прочному водворенію въ академической жизни созданныхъ Макаріемъ порядковъ не мало содѣйствовало, между прочимъ, и то обстоятельство, что Макарій, въ бытность свою инспекторомъ, неоднократно исполнялъ ректорскую должность и при томъ не въ каникулярное только время, какъ это чаще всего бываетъ, но иногда даже и среди учебнаго года. Во время исправленія ректорской должности архим. Макарій, разумѣется, съ большею увѣренностію и съ большимъ успѣхомъ могъ высказывать свои предположенія касательно измѣненій въ правилахъ дисциплины, чѣмъ въ то время, когда онъ бывалъ только инспекторомъ. Съ другой стороны, и сами студенты во время исправленія архим. Макаріемъ ректорской должности привыкали относиться къ своему инспектору съ большимъ

уваженіемъ, почему послѣдующія распоряженія его, какъ инспектора, имѣли для нихъ большую силу и авторитетность Но какъ ни благопріятно было для Макарія съ этой стороны исполненіе имъ ректорской должности, однакоже это обстоятельство имѣло и свои неудобства. Въ тѣхъ случаяхъ, когда архим. Макарій исправлялъ должность ректора Академіи, въ его рукахъ сосредоточивались такія разнообразныя и отвѣтственныя обязанности, что онѣ совершенно отвлекали его отъ ученыхъ занятій, и Макарій, не смотря на всю свою выносливость, положительно изнемогалъ подъ бременемъ ихъ и нерѣдко жаловался на это въ письмахъ къ своимъ друзьямъ. Въ первый разъ Макарій исправлялъ ректорскую должность въ 1846 г. съ 17 мая до 4-го августа [1]). Въ это время ректоръ Академіи, преосв. Аѳанасій ревизовалъ Казанскую духовную Академію, и должность его, по порученію Св. Синода, исправлялъ архим. Макарій. Подъ предсѣдательствомъ послѣдняго происходили въ 1846 г. и годичныя испытанія студентовъ Академіи. „У насъ“, писалъ архим. Макарій 24 іюня 1846 г. С. А. Серафимову, „академическая новость та, что преосвященный ректоръ нашъ теперь ревизируетъ казанскую академію, и вотъ уже болѣе мѣсяца находится въ отсутствіи. Должность его многотрудную, по мѣрѣ силъ, несу я, съ утвержденія Св. Синода, а мою о. Ѳеофанъ нашъ. Экзаменъ свой мы уже отбыли и празднуемъ вакацію“ [2]). Въ другой разъ архим. Макарій исправлялъ ректорскую должность въ 1847 г. съ 20 января по 25-е февраля, въ промежуткѣ между отбытіемъ ректора преосв. Аѳанасія въ Саратовъ и прибытіемъ его преемника, архим. Евсевія [3]). Изъ письма архим. Макарія къ преосв. Иннокентію отъ 28 января 1847 г. видно, что во все это время онъ былъ и редакторомъ „Христі-

[1]) См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи Журн. Внутрен. Правленія за 8-е и 22 іюля 1846 г.

[2]) Ст. Церк. Вѣстникъ 1883 г. № 10 стр 7.

[3]) См. арх. С.-петербург. дух. Академіи по Внѣшнему Правленію за 1847 г. дѣло № 6.

анскаго Чтенія", что, конечно, было сопряжено съ большими хлопотами и потерею времени [1]). Наконецъ въ 1848 г. съ 4-го іюня по 9-е августа мы снова видимъ архим. Макарія исправляющимъ должность ректора Академіи, по случаю назначенія преосв. Евсевія ревизоромъ псковской, могилевской и смоленской семинарій [2]). Едва ли стоитъ упоминать о томъ, что, исправляя временно ректорскую должность, архим. Макарій ближе знакомился со всѣми сторонами академической жизни и чрезъ то самое подготовлялся къ дѣйствительному прохожденію этой должности, которая была поручена ему въ концѣ 1850 г.

Исправленіемъ ректорской должности далеко не исчерпывались тѣ порученія, которыя отъ времени до времени возлагались на Макарія высшимъ начальствомъ, въ бытность его инспекторомъ Академіи. Такъ, онъ состоялъ въ это время членомъ Комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ, членомъ с.-петербургскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ, исполнялъ нѣкоторыя частныя порученія ученаго характера и, наконецъ, обозрѣвалъ пять духовныхъ семинарій съ подвѣдомыми имъ низшими духовными училищами, въ качествѣ ревизора.

Комитетъ для разсмотрѣнія конспектовъ по предметамъ семинарскаго ученія былъ учрежденъ 9-го сентября 1840 г. Въ этомъ послѣднемъ году, какъ извѣстно, была преобразована учебная часть въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ. Нѣкоторые изъ прежнихъ учебныхъ предметовъ теперь были расширены въ объемѣ, или-же приспособлены къ обязанностямъ сельскаго священника; другіе, полезные въ общежитіи, какъ, напр., естественныя науки, сельское хозяйство и ме-

---

[1]) См. Христіан. Чтен. 1884 г. т. I стр. 803.

[2]) См. Прибавл. къ Твор. свв. оо. 1886 г. кн 2-я стр. 824.

дицина были вновь введены въ семинарскій курсъ; наконецъ, теперь-же сдѣлано было новое распредѣленіе предметовъ ученія по годамъ и введено было преподаваніе всѣхъ наукъ на русскомъ языкѣ. Всѣ эти перемѣны въ семинарскомъ учебномъ курсѣ требовали, конечно, и новаго опредѣленія способовъ преподаванія, сообразно съ указанною выше цѣлію. Дѣйствительно, въ томъ же 1840 г. Конференціямъ духовныхъ академій было поручено составить новые конспекты для всѣхъ наукъ семинарскаго курса. А для разсмотрѣнія этихъ конспектовъ въ С.-Петербургѣ былъ учрежденъ особый Комитетъ, который обыкновенно состоялъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Св. Синода и членомъ котораго въ 1842 г. 21 декабря былъ, между прочимъ, назначенъ и Макарій [1]). Этотъ послѣдній принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ трудахъ Комитета по разсмотрѣнію семинарскихъ конспектовъ для преподаванія богословскихъ наукъ. Въ своемъ представленіи о награжденіи Макарія званіемъ соборнаго іеромонаха Александро-Невской лавры преосв. Аѳанасій писалъ Академическому Правленію 18-го октября 1843 г. слѣдующее: „баккалавръ Академіи по классу богословскихъ наукъ, отлично—усерднымъ прохожденіемъ возложенныхъ на него должностей, какъ по званію баккалавра, такъ и по званію члена Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ, обращаетъ на себя полное мое вниманіе“ [2]). Участіе въ трудахъ Комитета требовало отъ Макарія серіозныхъ занятій и при томъ далеко не однихъ только домашнихъ, кабинетныхъ, такъ какъ по дѣламъ Комитета иногда приходилось ѣздить далеко изъ Академіи, что, конечно, было сопряжено съ немалою затратою времени. Преосв. Евсевій, ректоръ с.-петербургской ду-

[1]) См. арх. С.-Петербург. дух. Академіи по Внутрен. Правленію дѣло съ послужными списками за 1844 г. № 21.

[2]) См тамъ же Журн. Внутрен. Правленія за 18 октября 1843 г.

ховной Академіи 18-го марта 1848 г., между прочимъ, писалъ своему другу А. В. Горскому слѣдующее: „вотъ я съ о. инспекторомъ (т. е. Макаріемъ) ѣздимъ теперь къ нему (разумѣется архіепископъ Херсонскій Иннокентій) для пересмотра конспектовъ, и еще ушли не далѣе конспекта по догматическому богословію, хотя нынѣ въ четвертый разъ путешествуемъ за семь верстъ“ [1]). Но главное затрудненіе и даже, пожалуй, непріятность, сопряженная съ участіемъ въ трудахъ Комитета, заключалась въ томъ, что, благодаря неопредѣленности положенія дѣла, а равно и частой смѣнѣ руководителей Комитета, члены его не представляли себѣ ясно, въ чемъ состоятъ ихъ обязанности и что собственно требовалось отъ нихъ, а потому въ концѣ концовъ начинали тяготиться своими занятіями, отъ которыхъ не видѣли никакой пользы.

О дѣятельности Комитета для разсмотрѣнія семинарскихъ конспектовъ и, въ частности, архим. Макарія, какъ члена этого Комитета, мы можемъ почерпать хотя нѣкоторыя свѣдѣнія изъ мнѣній и отзывовъ м. Филарета. Оказывается, что всѣ работы Комитета по составленію семинарскихъ конспектовъ посылались Св. Синодомъ на разсмотрѣніе м. Филарета. Замѣчательно, что м. Филаретъ 28 декабря 1844 года возвратилъ конспекты по введенію въ православное богословіе и по догматическому богословію, которые были доставлены ему графомъ Протасовымъ 11 мая того же года и въ составленіи которыхъ, должно полагать, принималъ самое дѣятельное участіе архим. Макарій. М. Филаретъ нашелъ въ разсмотрѣнныхъ конспектахъ много недостатковъ и выражалъ желаніе, чтобы эти конспекты были вновь пересмотрѣны и усовершены [2]). Желаніе м. Филарета было исполнено. Но 2 сен-

[1]) См. Прибавл. къ Творен. свв. о.о. за 1886 г. кн. 2. стр. 776.

[2]) См. „Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, м. московскаго, т. 3. СПБ. 1885 г. стр. 127—141. Въ своихъ замѣчаніяхъ м. Филаретъ не одобрялъ употребленія въ конспектахъ по введенію въ православное богословіе и по догмати-

тября 1845 г. онъ возвратилъ графу Протасову исправленные по его прежнимъ замѣчаніямъ конспекты введенія въ православное богословіе и догматическаго богословія съ новыми замѣчаніями и желаніемъ большаго усовершенія конспектовъ [1]). Дальнѣйшая судьба пересмотра и исправленія конспектовъ по вышеозначеннымъ богословскимъ наукамъ, равно какъ и вообще дѣятельности Комитета для разсмотрѣнія семинарскихъ конспектовъ намъ неизвѣстна въ точности. Но есть основаніе думать, что дѣятельность эта и послѣ того была такъ же безуспѣшна, какъ и прежде. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ преосв. Евсевія (Орлинскаго) къ А. В. Горскому отъ 18 марта 1848 года встрѣчаемъ извѣстіе, что „Комитетъ ушелъ не далѣе конспекта по догматическому богословію... Это довольно скучно", замѣчалъ преосв. Евсевій. „Что изъ сего выйдетъ, не знаю" [2]).

Духовно-цензурный Комитетъ при с.-петербургской духовной Академіи былъ учрежденъ во время преобразованія ея въ 1809 г. Составъ и образъ дѣйствій его опредѣлялся нарочитыми правилами устава духовныхъ академій. Но такъ какъ правила эти не имѣли надлежащей точности и по нѣкоторымъ пунктамъ нуждались въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ, то въ 1818—1828 гг. Конференціею с.-петербургской духовной Академіи былъ составленъ, по порученію Св. Синода, проэктъ устава духовной цензуры и штата цензурныхъ комитетовъ, примѣнительно къ общей системѣ духовно-учебнаго управленія. 22-го апрѣля 1828 г. проэктъ этотъ былъ Высочайше утвержденъ. По новому уставу духовной цен-

---

ческому богословію слова „вѣра" вмѣсто „религія". Макарій принялъ это замѣчаніе къ свѣдѣнію и слѣдовалъ ему въ своихъ сочиненіяхъ. Вообще какъ изъ этого, такъ и изъ другихъ примѣровъ можно заключать, что замѣчанія м. Филарета оказали пользу Макарію.

[1]) См. тамъ же стр. 153—161.

[2]) См. Твор. свв. оо. 1886 г. кн. 2 стр. 776. Ср. И. А. Чистовича. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Коммиссія духовныхъ училищъ. СПБ. 1894 стр. 345.

зуры, Комитетамъ при с.-петербургской и московской духовныхъ академіяхъ была поручена цензура наибольшаго числа сочиненій и переводовъ, и при томъ обширнѣйшихъ и важнѣйшихъ, тогда какъ кіевскій и (впослѣдствіи) казанскій академическіе цензурные Комитеты были ограничены разсмотрѣніемъ мелкихъ сочиненій, какъ-то: небольшихъ разсужденій, словъ и программъ, которыя имѣли поступать собственно отъ лицъ ихъ училищнаго вѣдомства [1]).

Архим. Макарій былъ опредѣленъ членомъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета по указу Св. Синода отъ $\frac{16 \text{ октября}}{17 \text{ ноября}}$ 1844 г. вмѣсто своего предшественника по должности инспектора Академіи архим. Іоасафа. Какъ этотъ послѣдній, такъ и архим. Макарій былъ собственно сверхштатнымъ четвертымъ членомъ цензурнаго Комитета, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе статей, помѣщавшихся въ академическомъ журналѣ „Христіанское Чтеніе“. Назначеніе четвертаго сверхштатнаго члена Комитета, какъ видно изъ представленія Конференціи с.-петербургской духовной Академіи объ опредѣленіи на это мѣсто Макарія [2]), было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣйствительные члены Комитета (Морскаго собора протоіерей Никольскій, Смоленскокладбищенской церкви протоіерей Райковскій и Казанскаго собора священникъ Андрей Окуневъ) жили далеко отъ Академіи и, кромѣ того, всѣ были крайне обременены занятіями по епархіальной службѣ. На обязанности же четвертаго сверхштатнаго члена, кромѣ разсмотрѣнія статей, назначавшихся для „Христіанскаго Чтенія“, лежало также и общее наблюденіе за ходомъ дѣлъ Комитета. Наконецъ, изъ представленія с.-петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета отъ

---

[1]) См. И. Чистовича. Исторія С.-Петербургской дух. Академіи. СПБ. 1857 г. стр. 416—417.

[2]) См. арх. с.-петербург. дух. Академіи журн. Конференціи за 21 сентября 1844 г.

16 января 1847 г. видно, что архим. Макарій, кромѣ исполненія обязанностей цензора „Христіанскаго Чтенія“ и наблюдателя за общимъ ходомъ дѣлъ Комитета, разсматривалъ и другія сочиненія, равно какъ и принималъ участіе въ цензурѣ сочиненій, подлежавшихъ общему суду всѣхъ членовъ Комитета [1]).

Изъ сказаннаго нами видно, какъ многосложны были обязанности Макарія по должности члена цензурнаго Комитета. Обязанности эти, кромѣ того, были и отвѣтственны. Пропускъ въ печать сочиненія, заключавшаго въ себѣ какія либо неточныя мысли, или неудобныя выраженія, могъ имѣть самыя неблагопріятныя послѣдствія для цензора. Это заставляло духовныхъ цензоровъ быть строгими и нерѣдко даже придирчивыми къ авторамъ. Правда, уставъ 1828 г. значительно смягчилъ и упростилъ правила и требованія духовной цензуры. До этого времени правила духовной цензуры были невообразимо строги и суровы. Преосв. Иннокентій, по собственному опыту знавшій всю непріятность цензорской службы, въ отвѣтъ на жалобы архим. Макарія писалъ ему 26 декабря 1846 г.: „что дѣлать, вы теперь по крайней мѣрѣ живете въ тихую и не суровую погоду. Пожили-бы и поцензорствовали въ 1826—и 7 год..!—Это была вьюга на вьюгѣ, громъ за громомъ“ [2]). Но даже и послѣ введенія устава 1828 г., предъ самымъ назначеніемъ архим. Макарія въ цензурный Комитетъ, с.-петербургская духовная цензура отличалась строгостію и преслѣдованіемъ сколько нибудь оригинальныхъ мыслей и сочиненій. Тотъ-же преосв. Иннокентій писалъ 27 марта 1847 г. архим. Макарію: „а я, среди страстной недѣли, вздумалъ посмотрѣть на свои—*Послѣдніе дни земной*

---

[1]) Ст. тамъ же Журн. Конференціи с.-петербург. дух. Академіи за 18 января 1847 г. № 2-й.

[2]) См. Церков. Вѣстн. 1883 г. №№ 17—18 стр. 7. Преосв. Иннокентій былъ членомъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета въ 1827—1830 гг. См. у И. Чистовича. Исторія С.-Петербург. дух. Академіи СПБ. 1857 г. стр. 418.

жизни I. Христа. Сочиненіе не мудреное, но могшее быть читаннымъ не безъ пользы. Когда то, лѣтъ за пять, я хотѣлъ его издать особенно и представилъ первую часть въ вашу цензуру. Но тогда она страдала—vitio haeresificationis. Рукопись досталось читать о. Райковскому, человѣку очень ограниченному и всегда готовому плыть по вѣтру, откуда бы онъ ни вѣялъ. И вотъ онъ нашелъ нѣкоторыя мѣста якобы невѣрными истинѣ, тогда какъ они всѣ есть у св. отцовъ. Книга при томъ была одобрена Конференціей и Коммиссіей училищъ, за нее дана степень доктора и большая ея часть напечатана въ „Христіанскомъ Чтеніи", при томъ—для изданія—и изъ того все, что было очень школьнаго, опущено въ рукописи" [1]).

Кромѣ серіозной отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ, что собственно и заставляло духовныхъ цензоровъ быть крайне требовательными и подъ-часъ даже придирчивыми къ авторамъ, въ цензорской службѣ была еще одна непривлекательная сторона. Лица, отдававшія свои сочиненія въ цензуру, желали какъ можно скорѣе получить разрѣшеніе на право печатанія ихъ. Это, конечно, прекрасно сознавали и сами члены цензурнаго Комитета и потому, повидимому, должны бы быть исполнительными и аккуратными въ своей должности. Однако же иногда, при всемъ желаніи самихъ цензоровъ быть исполнительными, это было положительно невозможно для нихъ. Дѣло въ томъ, что жалованье по должности цензурнаго Комитета было крайне ничтожно и потому обыкновенно должность эта поручалась лицамъ, занимавшимъ другія какія-либо мѣста, преимущественно духовнымъ лицамъ епархіальнаго вѣдомства. Неудивительно, поэтому, если члены цензурнаго Комитета, обремененные многими должностями и занятіями, неаккуратно относились къ своимъ цензорскимъ обязанностямъ, которыя при томъ для многихъ изъ нихъ были

[1]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 24.

и нежелательны. Это было хорошо извѣстно и академической Конференціи, въ вѣдѣніи которой находился с.-петербургскій духовно-цензурный Комитетъ и которая въ своемъ представленіи о назначеніи членомъ Комитета архим. Макарія прямо жаловалась Св. Синоду на то, что неаккуратное отношеніе къ своимъ обязанностямъ дѣйствительныхъ членовъ Комитета, обремененныхъ занятіями по епархіальной службѣ, крайне затрудняло изданіе академическаго журнала „Христіанское Чтеніе“ [1]). Но если цензоры позволяли себѣ неаккуратно относиться къ разсмотрѣнію статей, назначавшихся для академическаго журнала, то само собою понятно, какъ медлительны бывали они въ разрѣшеніи къ печати сочиненій, представлявшихся посторонними лицами. Такія лица иногда должны были ожидать разрѣшительнаго билета по нѣсколькимъ мѣсяцамъ и даже по цѣлымъ годамъ. Изъ писемъ преосв. Филарета (Гумилевскаго) къ А. В. Горскому лучше всего можно видѣть, сколько претерпѣвали иногда даже выдающіеся по своему положенію духовные писатели отъ медлительности с.-петербургской и московской цензуры [2]).

Изъ сказаннаго сейчасъ слѣдуетъ, что всякій цензоръ долженъ былъ отличаться качествами внимательнаго, гуманнаго и аккуратнаго въ исполненіи своихъ обязанностей человѣка. Но всѣ эти качества, какъ мы знаемъ, составляли отличительныя черты характера архим. Макарія. Поэтому, архцм. Макарій былъ самымъ желательнымъ цензоромъ, какъ для начальства, которое знало и считало его за человѣка серіознаго и точнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя представляли свои рукописи въ с.-петербургскій духовно-цензурный Комитетъ и для которыхъ Макарій былъ интересенъ, какъ человѣкъ аккуратный, благо-

---

[1]) См. арх. с.-петербургск. дух. Академіи по Конференціи. Журн. за 21 сент. 1844 г.

[2]) См., напр., прибавл. къ Твореніямъ св. оо. 1885 г. кн. 3 стр. 104.

родный, гуманный. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, архим. Макарій скоро сдѣлался самымъ популярнымъ представителемъ духовной цензуры. Мало того, что онъ серіозно и внимательно прочитывалъ всѣ поручавшіяся ему сочиненія и снисходительно относился къ авторскимъ недосмотрамъ или нѣсколько оригинальнымъ мыслямъ ихъ, онъ, при своей любви быть точнымъ и аккуратнымъ во всемъ, никогда не задерживалъ поступавшихъ къ нему рукописей и разрѣшалъ ихъ къ печати безъ замедленія. Вотъ почему всѣ, сколько-нибудь знавшіе, или просто только слышавшіе о Макаріи, обращались къ нему съ просьбами быть ихъ заступниками въ цензурномъ Комитетѣ, при чемъ всѣ они получали просимое и были потомъ глубоко благодарны архим. Макарію.

Съ подобными просьбами къ арх. Макарію обращались даже такія замѣчательныя въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ лица, какъ преосв. Иннокентій Борисовъ, а также преосв. Анатолій Мартыновскій, Бодянскій, бывшій учитель Макарія по Кіевской духовной Академіи професс. Я. К. Амфитеатровъ и многіе другіе. Изъ писемъ всѣхъ этихъ лицъ къ архим. Макарію по дѣламъ цензуры видно, что Макарій былъ очень вліятельнымъ членомъ цензурнаго Комитета и за свое добросовѣстное и гуманное отношеніе къ дѣлу у всѣхъ пользовался глубокимъ уваженіемъ.

Такъ, 22 октября 1846 г. архіепископъ Иннокентій писалъ архим. Макарію: „добраго здоровья и успѣха въ ученыхъ и общеполезныхъ трудахъ, достопочтеннѣйшему о. Макарію. Если есть между ними минута свободы, то благоволите удѣлить ее намъ и выслушать нашу просьбу. Дѣло въ слѣдующемъ. На сей же почтѣ посылается отъ меня въ вашъ цензурный Комитетъ небольшое собраніе великопостныхъ поученій, предназначенныхъ къ изданію въ свѣтъ. Мнѣ хотѣлось бы получить ихъ обратно поскорѣе, дабы, если получится на то позволеніе, успѣть напечатать до великаго поста. Времени, повидимому, еще немало, но типографія здѣсь такъ медленна,

что отъ нея трудно ожидать, что кончитъ печатать заблаговременно. Между тѣмъ, заботясь объ ускореніи дѣла, я вмѣстѣ съ симъ прошу Васъ отложить совершенно всякій этикетъ и, не стѣсняясь ничѣмъ, отмѣтить оффиціально, или сказать мнѣ частно, что, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы исключить или измѣнить: все то будетъ выполнено со всею точностію, хотя бы для сего нужно было оставить безъ употребленія полкниги. Можетъ быть и эта просьба будетъ не безъ отягощенія для васъ, а я долженъ буду предложить еще и другую. На дняхъ же отправлены мною въ Св. Синодъ два рукописныхъ акаѳиста [1]) съ просьбою о дозволеніи напечатать. По всей вѣроятности они будутъ переданы вашему Комитету. *Благоволите обратить на нихъ, какъ на земляковъ, ваше дружелюбное вниманіе.* Текстъ ихъ взятъ изъ извѣстнаго западно-русскаго акаѳиста, только сокращено, очищено и усовершено въ словѣ. Дѣйствіе сихъ акаѳистовъ на народъ чрезвычайно сильное и благотворное. Посему мы и рѣшились хлопотать объ изданіи ихъ въ свѣтъ, что хорошо бы сдѣлать со временемъ и съ прочими акаѳистами, кои ходятъ издавна по рукамъ здѣшняго народа“ [2]).

На эту просьбу преосв. Иннокентія Макарій 15 ноября 1846 г. отвѣчалъ слѣдующее: *„рукопись ваша процензурована съ возможною скоростію, по вашему желанію. 11-го числа этого мѣсяца она поступила въ комитетъ; 12 и 13-го была разсматриваема, нынче—15 препровождается къ вамъ, съ разрѣшеніемъ.* Осмѣливаюсь при этомъ принести вашему высокопреосвященству мою искреннѣйшую признательность за то душевное наслажденіе, какое, въ преизбыткѣ, испыталъ я, при чтеніи этой рукописи. Пользуясь даннымъ вами правомъ обозначать на ней свои недоумѣнія, я кое-гдѣ выразилъ ихъ

---

[1]) Страстямъ Господнимъ и Покрову Пресв. Богородицы. Примѣчаніе издателя писемъ.

[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. №№ 17—18 стр. 6—7.

чертами карандаша; но всѣ они, какъ сами изволите увидѣть, совершенно маловажны и, по вашему усмотрѣнію, могутъ быть вытерты резинкою... Акаѳисты, представленные вами въ Св. Синодъ, къ намъ еще не поступили. А когда поступятъ: то постараюсь въ точности исполнить вашу волю“ [1]).

Довольный, очевидно, услугою своего бывшаго ученика, преосв. Иннокентій черезъ мѣсяцъ снова обращается къ нему съ просьбою по цензурному дѣлу. „За чтеніе книги“, писалъ онъ 26 декабря 1846 г., „приносимъ вамъ усердную благодарность. Но вы слишкомъ благи: намъ бы желалось, чтобъ вы были суровѣе. Особенно можете сказать намъ въ вашемъ письмѣ, если что вамъ не по нраву. Ибо, надобно признаться, намъ рѣдко бываетъ возможно даже вникнуть хорошо въ то, что пишется... Зная ваши занятія, мнѣ совѣстно было бы тревожить васъ такъ скоро опять: но въ Кіевской цензурѣ тоже есть моя книга, да она же и пропускаетъ не иначе, какъ только печатая у себя... Для Москвы тоже есть нѣсколько сухарей. Оставалось опять къ вамъ.... на сей почтѣ посылается 2-й томъ, а на слѣд. будетъ присланъ 1-й. Хочется, чтобы къ новому году было чисто въ комнатѣ.... Эта книга, скорѣе поспѣвшая, посылается къ вамъ безъ бумаги, съ отношеніемъ въ цензуру придетъ другая.—А у васъ на святкахъ,—можетъ быть, найдется часъ—другой свободный для этого дѣла, сколько знаю по опыту, не весьма пріятнаго“ [2]). Вскорѣ потомъ преосв. Иннокентій въ дополненіе къ прежней своей просьбѣ писалъ Макарію 1-го января 1847 г. слѣдующее: „въ пущенномъ къ вамъ на прошедшей почтѣ письмѣ я такъ принужденъ былъ спѣшить за недостаткомъ времени, что вѣроятно вы не разберете болѣе половины написаннаго. Вотъ же вамъ необходимый паралипоменонъ. У насъ для великаго поста нашлось нѣсколько не негоднаго матеріала. Представлять

[1]) См. Христіан. Чтеніе 1884 г. т. 1 стр. 801—802.
[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. №№ 17—18.

его въ цензуру особенно не стоитъ. Просимъ покорно прочитать и возвратить, дабы оно могло войти въ печатную книгу, которая, благодаря здѣшней типографіи университетской, идетъ довольно спѣшно“ [1]). Какъ отнесся къ послѣдней просьбѣ преосв. Иннокентія Макарій, это можно видѣть изъ отвѣтнаго письма его отъ 28 января 1847 г. „Проповѣдь въ дополненіе къ великому посту“, писалъ онъ, „думаю, вы уже получили. Второй томъ собранія вашихъ словъ къ паствѣ харьковской отправленъ отсюда 21 января, первый отправляется съ нынѣшней почтою. И въ настоящій разъ, каюсь передъ вами, я не могъ быть строгимъ критикомъ. Вы знаете, что для этого нужно не мало времени, полная осмотрительность и сообразительность: а я особенно при стеченіи въ настоящую пору многихъ хлопотъ въ нашей академіи, читалъ довольно быстро, опасаясь задержать ваши книги. Впрочемъ въ двухъ, трехъ проповѣдяхъ я кое-что поизмѣнилъ, или повыпустилъ, по своему крайнему разумѣнію. Если вамъ будетъ угодно, уничтожьте мои измѣны, и пусть будетъ все по старому. Не намъ, скажу чистосердечно, ученикамъ учениковъ вашихъ—быть вамъ въ чемъ нибудь учителями“ [2]). Недѣли черезъ двѣ съ небольшимъ послѣ этого преосв. Иннокентій обращается съ новою просьбою къ своему услужливому и исполнительному ученику. „Постъ мой“, писалъ онъ 15 февраля 1847 г. архим. Макарію, „возвращается къ вамъ въ самомъ необыкновенномъ видѣ. Намъ нужно было проводить его по экстра—почтѣ, которая не принимаетъ тяжелыхъ пакетовъ, поэтому онъ идетъ къ вамъ по частямъ, изъ коихъ нѣкоторыя (разумѣя въ томъ числѣ и оригиналы) адресованы на ваше имя, а другія въ цензуру. Не задержите билета. На остальныхъ недѣляхъ могутъ нѣкоторые по крайней мѣрѣ изъ здѣшнихъ еще прочитать книгу. Въ посту обыкновенно боль-

---

[1]) См. тамъ же 1883 г. № 24.

[2]) Христіан. Чтеніе 1884 г. Т. I. стр. 803.

ше охотниковъ подобнаго чтенія. А книги въ цензуру идутъ по почтѣ тяжелой. Если-бы не явились во время, то повѣрьте ихъ намъ на нѣсколько дней—на слово. Посылаю еще одну—по обѣщанію—для о. Аввакума [1]); васъ уже грѣшно занимать и отвлекать отъ дѣла. *А васъ просимъ посмотрѣть, чтобы эта рукопись не завалялась долго на полкахъ комитетскихъ, какъ это иногда бываетъ*“ [2]). Архим. Макарій и къ этой послѣдней просьбѣ преосв. Иннокентія отнесся съ большимъ вниманіемъ и 4-го марта 1847 г. отвѣчалъ ему: „*книги вашего высокопреосвященства получены въ цензуру 24 февраля, и на другой день отправленъ билетъ на выпускъ ихъ.* Если бы вамъ было угодно предварительно извѣстить меня: я бы могъ распорядиться, чтобы билетъ этотъ высланъ былъ еще до отпечанія книги. По крайней мѣрѣ, не будетъ-ли вамъ угодно это для книгъ послѣдующихъ. *Паденіе Адамово* я съ совершенною охотою и удовольствіемъ прочиталъ самъ и нынче же по почтѣ препровождаю къ вамъ съ цензурною печатью. *О. Аввакуму, вопреки вашего желанія, я не отдалъ этой книги, опасаясь, чтобы онъ, по причинѣ приключившейся ему, хотя и небольшой, болѣзни не задержалъ*“ [3])....

Изъ послѣдующей переписки преосв. Иннокентія и Макарія видно, что этотъ послѣдній оказывалъ своему бывшему ректору не мало и другихъ весьма важныхъ и незамѣнимыхъ въ подобныхъ обстоятельствахъ услугъ. Такъ, Макарій, по просьбѣ преосв. Иннокентія, справлялся и слѣдилъ за судьбою „Догматическаго Сборника“, одного изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ Иннокентія, доставлялъ ему многія рѣдкія книги и рукописи, напр., китайскую грамматику іером. Іоакинѳа, велъ переговоры съ книгопродавцами по поводу изданія разныхъ сочиненій его, справлялся, по его просьбѣ, о судьбѣ со-

---

[1]) Аввакумъ Честной, бывшій членомъ цензурнаго с.-петербург. Комитета отъ 1845—1849 г.

[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 24.

[3]) См. Христіан. Чтеніе 1884 г. т. I, стр. 805.

чиненій другихъ лицъ (напр., одесскаго протоіерея Павловскаго) [1]) и, наконецъ, давалъ совѣты по поводу разныхъ недоумѣній, съ которыми обращался къ нему преосв. Иннокентій. Отмѣтимъ одинъ изъ подобныхъ совѣтовъ. 12-го января 1850 г. преосв. Иннокентій писалъ Макарію слѣдующее: „въ церковь Владимірскую, что устрояется въ Севастополѣ въ память Св. Владиміра отъ лица всей Россіи, нуженъ иконостасъ съ образами святыхъ—тамошняго края и тогдашнихъ давнихъ временъ; мы набрали ихъ по возможности: но просимъ посмотрѣть, не придетъ ли вамъ чего на мысль? Равнымъ образомъ не покажется ли нужнымъ другая разстановка? Особенно, какого бы нужно апостола помѣстить въ параллель съ Андреемъ Первозваннымъ? Не посѣщалъ ли кто другой—по преданію—изъ Апостоловъ, кромѣ его, нашего Крыма или Тамани? Намъ хотѣлось выразить во всемъ иконостасѣ одну мысль—совокупленіемъ въ одинъ соборъ тѣхъ лицъ, кои потрудились у насъ надъ основаніемъ христіанства и были провозвѣстниками его въ Крыму, гдѣ будетъ новая церковь.... Вмѣсто другого апостола мы думали было поставить—въ параллель съ апостоломъ Андреемъ—царя Константина: но онъ чужой—не нашъ, да и не апостолъ“ [2]). На просьбу преосв. Иннокентія архим. Макарій отвѣчалъ слѣдующее: „разсмотрѣвъ со вниманіемъ присланную вашимъ высокопреосвященствомъ роспись святымъ для иконастаса Владимірской церкви въ Севастополѣ, я пришелъ къ слѣдующимъ мыслямъ: 1) болѣе святыхъ, сообразно съ идеею вашею касательно этого иконостаса, кажется, придумать нельзя. Но и изъ придуманныхъ не лучше ли Симона Кананита изобразить не отдѣльно въ параллель св. ап. Андрею, а вмѣстѣ съ нимъ, какъ его спутника, подобно тому, какъ съ св. Климентомъ изобразится ученикъ Фивъ,—

[1]) См. тамъ же 1884 г. т. I. стр. 806. 807. 808. ср. Церковн. Вѣстн. 1883 г. №№ 17—18. 24.

[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 24.

тѣмъ болѣе, что Симонъ, по преданію скончавшійся и погребенный на Кавказѣ, едвали и доходилъ до Крыма? А папу Мартина, который хотя и жилъ въ Крыму, но не содѣйствовалъ здѣсь успѣхамъ христіанства, не лучше ли опустить? 2) Расположить святыхъ въ этомъ иконостасѣ, по моему мнѣнію, хорошо было-бы въ хронологическомъ порядкѣ сѣ верху внизъ, такъ что это была бы живая исторія на иконахъ. Съ этою цѣлію я позволилъ себѣ написать на самомъ планѣ карандашомъ имена святыхъ, чтобы предоставить наглядно на судъ вамъ придуманный мною распорядокъ“ [1]).

Не менѣе важныя услуги по цензурному дѣлу оказывалъ архим. Макарій и другому изъ своихъ учителей по Кіевской духовной Академіи; разумѣемъ профессора Я. К. Амфитеатрова. Рѣшившись вторично представить въ цензурный Комитетъ свою извѣстную Гомилетику, Я. К. Амфитеатровъ 4-го мая 1846 г. писалъ архим. Макарію: „примите ее (т. е. гомилетику), ради всѣхъ святыхъ примите ее подъ свою опеку и защищеніе, и изведите душу ея и мою.... Сдѣлайте милость, будьте ласковы—пропустите. Какъ бы я радъ былъ, если бы вашимъ именемъ была запечатлѣна моя горькая работа..... Крестите (т. е. исправляйте) и вы тамъ сколько хотите. Впрочемъ, ересей у меня нѣтъ“ [2]). Чрезъ нѣсколько дней проф. Амфитеатровъ вновь писалъ архим. Макарію о томъ, что онъ измѣнилъ свое прежнее намѣреніе и рѣшилъ свои рукописи отправить не въ цензурный Комитетъ, а прямо на имя Макарія для того, чтобы этимъ ускорить и вообще дать дѣлу надлежащій ходъ. „Надписалъ было на оберткѣ *въ с.-петербургскій духовно-цензурный комитетъ*“, читаемъ въ письмѣ его отъ 13—14 мая 1846 г., „теперь дерзаю о вашемъ собственномъ имени, уповая на вашу доброту душевную.... Въ пропускѣ моихъ грѣховъ сквозь вашъ igneum purgatorium,

---

[1]) См. Христіан. Чтеніе 1884 г. т. 1. стр. 809.

[2]) См. Православ. Обозрѣніе 1889 г. т. 1. стр. 360.

кажется, не будетъ большихъ препятствій, въ чемъ я, во-первыхъ, надѣюсь на васъ“ [1]). Надежда проф. Амфитеатрова на своего бывшаго ученика была вполнѣ оправдана этимъ послѣднимъ. Архим. Макарій 24 іюня 1846 г. писалъ своему товарищу С. А. Серафимову: „Козьмичъ кіевской прислалъ свою гомилетику въ нашъ цензурный комитетъ; она одобрена и скоро явится въ печати“ [2]).

Репутація архим. Макарія, какъ въ высшей степени гуманнаго, безпристрастнаго и аккуратнаго цензора, скоро сдѣлалась весьма широко извѣстною въ кругу русскихъ писателей. Поэтому, къ нему скоро стали обращаться съ просьбами по цензурному дѣлу даже такія лица, которыя не знали его непосредственно, а только слышали о немъ. „Простите меня великодушно, что, не имѣя удовольствія лично быть вамъ знакомымъ“, писалъ Макарію преосв. Анатолій Мартыновскій 18-го марта 1846 г., „осмѣливаюсь утруждать ваше высокопреподобіе настоящимъ письмомъ. Такою смѣлостію одушевляетъ меня душевно уважаемое мною, извѣстное церкви, ваше литературное трудолюбіе, а побужденіе къ письму состоитъ въ слѣдующемъ“. Въ письмѣ затѣмъ излагалась просьба къ архим. Макарію принять подъ свое покровительство и, если можно, издать найденныя преосв. Анатоліемъ въ одной изъ книгъ могилевской семинаріи собственноручныя записки преосв. Георгія Конисскаго, заключавшія въ себѣ опроверженіе гипотезы, будто Россія, по просвѣщеніи св. крещеніемъ, первоначально состояла въ соединеніи съ римскою церковію. Изъ слѣдующаго письма преосв. Анатолія (отъ 5 іюня 1847 г.) видно, что архим. Макарій, дѣйствительно, издалъ записки Георгія Конисскаго. Ободренный и утѣшенный „великою благостію любвеобильнаго сердца“ архим. Макарія, преосв. Анатолій впослѣдствіи снова обращался къ нему за помощію въ

[1]) См. тамъ же стр. 362—363.

[2]) См. Церковн. Вѣсти. 1883 г. № 10.

цензурномъ дѣлѣ и при томъ даже тогда, когда архим. Макарій уже не состоялъ членомъ цензурнаго Комитета. „Позвольте нижеподписавшемуся старцу“, писалъ преосв. Анатолій 12-го іюня 1850 г. къ архим. Макарію, „прервать на минуту ваши занятія. Побуждаемый нѣкоторыми обстоятельствами, онъ рѣшился снова издать книгу свою „Вѣра, надежда и любовь“, со включеніемъ въ нее нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ „Воскресное Чтеніе“, съ присовокупленіемъ къ тому предисловія и новаго, вмѣсто прежняго, собранія духовныхъ стихотвореній. Рѣшившись на сіе, сказанный старецъ, по настоящей почтѣ, посылаетъ означенную книгу въ с.-петербургскій комитетъ духовной цензуры, съ покорнѣйшею просьбою, дозволить напечатать ту книгу съ приложеніями, и съ таковою же обращается къ вашему высокопреподобію—споспѣшествовать осуществленію старческаго предположенія. Помогите, высокопреподобнѣйшій отецъ, содѣйствіемъ своимъ исполненію желанія старца, которому, по естественному ходу вещей, подобаетъ уже малиться“ [1]).

Даже свѣтскіе люди обращались къ посредничеству и услугамъ архим. Макарія, какъ цензора, при чемъ больше всего цѣнили въ немъ добросовѣстность, гуманность и главное точность и аккуратность. „Въ числѣ ихъ (разумѣются матеріалы, заготовленные было для „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“, въ то время прекратившихся) есть нѣсколько древнихъ памятниковъ“, писалъ О. М. Бодянскій архим. Макарію 17 февраля 1847 г., „на церковно-славянскомъ (или древнебулгарскомъ) языкѣ, печатанныхъ церковнымъ письмомъ, которые нуждаются для появленія своего въ свѣтъ въ одобреніи духовной цензуры. Могу-ли обратиться съ покорнѣйшею просьбою объ этомъ къ вамъ, какъ члену духовнаго цензурнаго комитета? Здѣшняя духовная цензура (т. е. московская)

[1]) См. Правосл. Обозрѣніе 1888 г. т. 3. стр. 697.

отличается, не говоря о прочемъ, въ особенности, какъ извѣстно, своею медлительностію, ни на что непохожею. Избѣгая этой бѣды, я намѣреваюсь прибѣгнуть къ с.-петербургской духовной цензурѣ и просить васъ хлопотать о моемъ дѣтищѣ у нея! Памятники эти извѣстны намъ въ переводахъ новѣйшихъ съ греческаго, но тутъ представляются въ переводѣ X—XI столѣтій, что важно для насъ въ филологическомъ отношеніи. Можетъ-ли духовная цензура разрѣшить изданіе ихъ въ ученомъ отношеніи, не обязывая печатаніемъ въ духовной типографіи.... Всякое вразумлѣніе и совѣтъ вашъ въ этомъ, столько для меня важномъ, дѣлѣ приму съ величайшею благодарностію горячо признательнаго человѣка, и почту себя счастливымъ, если когда либо представится мнѣ случай сдѣлать вамъ угодное“ [1]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ отвѣтнаго письма Макарія. Но изъ другаго письма О. М. Бодянскаго къ нему видно, что архим. Макарій отнесся сочувственно къ просьбѣ Бодянскаго и согласился быть посредникомъ между нимъ и с.-петербургскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ. „Другое спасибо приношу вамъ“, писалъ Бодянскій Макарію 15 марта 1849 г., „за готовность вашу быть посредникомъ мнѣ въ сношеніи съ с.-петербургской духовной цензурой. Все, какъ вы изволили написать мнѣ въ своемъ письмѣ, будетъ сдѣлано мною точь въ точь“ [2]).

Архим. Макарій исполнялъ обязанности цензора въ теченіи четырехъ лѣтъ. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 9—16 января 1848 г., онъ, согласно прошенію, былъ уволенъ отъ должности сверхштатнаго члена с.-петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета [3]). Ревностная служба архим. Макарія въ качествѣ цензора дѣлаетъ ему тѣмъ большую честь, что

---

[1]) См. Русск. Старина т. LXVI, апрѣль стр. 201—202.

[2]) См. тамъ же стр. 202.

[3]) См. архивъ с.-петербургской дух. Академіи по Конференціи за 1848 г, Отношеніе Духовно-учебнаго Управленія при Св. Синодѣ отъ 26 января 1848 г. № 583.

онъ трудился въ данномъ случаѣ совершенно безкорыстно, не получая никакого вознагражденія за свой весьма тяжелый и подъ-часъ непріятный трудъ. Только одинъ разъ въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ получилъ небольшую денежную награду за этотъ трудъ. 16 января 1847 г. с.-петербургскій духовно-цензурный комитетъ, „принявъ во вниманіе, что инспекторъ Академіи, архим. Макарій, состоя сверхштатнымъ членомъ болѣе двухъ лѣтъ, во все время своей службы въ комитетѣ не получалъ за труды свои никакого возмездія, а между тѣмъ сверхъ статей, назначаемыхъ для помѣщенія въ „Христіанскомъ Чтеніи", онъ разсматривалъ и другія сочиненія, равно какъ имѣлъ участіе въ разсмотрѣніи сочиненій, подлежавшихъ общему суду всѣхъ членовъ комитета", просилъ преосв. Аѳанасія, ректора академіи, ходатайствовать о приличномъ вознагражденіи архим. Макарія за его свыше двухлѣтнюю безмездную и ревностную службу въ комитетѣ. По заявленію ректора, академическая Конференція 20 января 1847 г. представила ходатайство объ этомъ м. Антонію, который тогда же изъявилъ свое полное согласіе. По его представленію, Св. Синодъ опредѣленіемъ своимъ отъ 13—20 февраля 1847 г. постановилъ выдать архим. Макарію въ вознагражденіе безмездныхъ трудовъ его по должности члена цензурнаго комитета годовой окладъ жалованья, присвоеннаго этой должности, въ количествѣ 228 р. 75 коп. сер. изъ духовно-учебныхъ капиталовъ [1]).

Но если со стороны матеріальнаго обезпеченія служба архим. Макарія въ цензурномъ комитетѣ была совершенно неблагодарною, за то въ другомъ отношеніи она безспорно принесла ему великую пользу. Состоя членомъ цензурнаго комитета, онъ прекрасно и практически познакомился съ правилами и требованіями духовной цензуры. А это было въ высшей степени важно для него, такъ какъ и въ это время,

[1]) См. тамъ же по Конференціи за 1847 г. дѣло № 2-й.

и послѣ того архим. Макарій постоянно печаталъ свои многочисленныя сочиненія. Хорошо знакомый съ цензурными требованіями, онъ обыкновенно такъ обрабатывалъ ихъ, что они почти всегда безпрепятственно проходили чрезъ igneum purgatorium самой строгой цензуры Съ другой стороны, ближайшее и практическое знакомство съ правилами нашей духовной цензуры по уставу 1828 г безспорно сослужило великую службу Макарію впослѣдствіи, именно въ 1870 г., когда онъ, по назначенію отъ Св. Синода, состоялъ предсѣдателемъ Коммиссіи по пересмотру устава духовной цензуры.

Помимо разсмотрѣнія сочиненій, поступавшихъ въ духовно-цензурный комитетъ, архим. Макарій въ качествѣ профессора Академіи исполнялъ въ обозрѣваемое время и другія ученыя порученія высшаго начальства, состоявшія преимущественно въ разборѣ, или въ исправленіи различныхъ сочиненій. Изъ числа многихъ подобныхъ частныхъ порученій ученаго характера, дававшихся архим. Макарію, считаемъ необходимымъ упомянуть о слѣдующихъ. Такъ, въ 1845 г. академическое Правленіе поручало ему исправить книгу подъ заглавіемъ „Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій“. 23 января 1845 г. архим. Макарій, по поводу этого порученія, доносилъ академическому Правленію слѣдующее: „исправивши книгу подъ заглавіемъ „Изъясненія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій“, согласно съ замѣчаніями, какія сдѣланы на нее присутствующимъ въ Св. Синодѣ архіепископомъ курскимъ Иліодоромъ, также с.-петербургскимъ комитетомъ для цензуры духовныхъ книгъ, честь имѣю представить при семъ академическому Правленію экземпляръ помянутой книги, мною исправленный и переписанный“ [1]).

7-го февраля 1846 г. въ собраніи Конференціи с.-петербургской духовной Академіи былъ заслушанъ подробный и

[1]) См. тамъ же по Внутрен. Правленію за 1845 г. дѣло № 15.

обстоятельный отзывъ о сочиненіи подъ заглавіемъ „Σύντομος ἀπάντησις πρὸς τὸ λοίδορον φυλλάδιον τοῦ δυσικοῦ Ἀρχιεπισκόπου Ἰουλιάνου Μαρὶὰ Ἰλλέρω“, равно какъ и о русскомъ переводѣ его, сдѣланномъ іерод. Амвросіемъ. Въ своемъ отзывѣ архим. Макарій признавалъ какъ сочиненіе, такъ и русскій переводъ его слабыми и недостигающими той цѣли, для которой они предназначались. Академическая Конференція вполнѣ согласилась съ отзывомъ архим. Макарія, какъ „основательнымъ“ [1]).

22 апрѣля 1848 г. въ Конференціи былъ заслушанъ отзывъ архим. Макарія о достоинствѣ апологіи, написанной на греческомъ языкѣ противъ нѣкоего протестанта Кинга, равно какъ и о переводѣ означенной апологіи на русскій языкъ, которые были представлены въ Конференцію состоявшимъ при россійской посольской въ Греціи церкви іерод. Амвросіемъ. Въ своемъ отзывѣ архим. Макарій признавалъ „апологію вполнѣ соотвѣтствующею своему назначенію [2]), хотя и не содержащею обстоятельнаго изложенія разсматриваемыхъ ею догматовъ и не предлагающею ничего, доселѣ неизвѣстнаго для православнаго богослова“. Переводъ апологіи рецензентъ призналъ правильнымъ, точнымъ, простымъ и яснымъ“ [3]).

28 декабря того же года въ Академической Конференціи докладывалась записка архим. Макарія съ его замѣчаніями о программѣ для преподаванія богословскихъ наукъ въ университетахъ и лицеяхъ, составленной членами Конференціи прот. А. Райковскимъ и А. Окуневымъ. Въ своей, очень подробной и обстоятельной запискѣ, архим. Макарій признавалъ программы „имѣющими неоспоримыя достоинства, какъ

---

[1]) См. тамъ-же по Конференціи Журн. за 7 февраля 1846 г.

[2]) Апологія была написана съ цѣлію предохранить православныхъ грековъ отъ еретическихъ мыслей Іоны Кинга, который, изложивши ихъ въ особой брошюрѣ на греческомъ языкѣ, старался распространить эту брошюру по всей Греціи. Въ брошюрѣ еретически извращалось, будто-бы, на основаніи ученія св. отцевъ, ученіе о пресв. Богородицѣ, почитаніи св. иконъ и пресуществленіи св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи.

[3]) См. арх. с.-петерб. дух. Академіи Журн. Конференціи за 22 апр. 1848 г.

точно и съ систематическою послѣдовательностію обозначающими, какіе именно предметы по каждой изъ упомянутыхъ наукъ должны быть преподаваемы въ университетахъ и лицеяхъ". Но въ программахъ найдены были рецензентомъ и нѣкоторыя неточности и опущенія, а именно: 1) догматическое богословіе раздѣлялось на двѣ части: приготовительное и собственно догматическое богословіе. По мнѣнію архим. Макарія, здѣсь заключалась „очевидная неточность. Богословіе приготовительное, для котораго назначаются трактаты о религіи, откровеніи, христіанской религіи и источникахъ православнаго богословія, лучше бы излагать въ видѣ особой предварительной части или общаго введенія въ православное богословіе, а если уже вносить въ составъ самой догматики, то подъ какимънибудь другимъ, болѣе приличнымъ названіемъ, напр., общей части догматическаго богословія и под.; 2) при перечисленіи предметовъ въ собственно догматическомъ богословіи опущены трактаты: о Церкви, хотя въ оглавленіи другихъ трактатовъ объ ней и упоминается, между прочимъ; также о призываніи святыхъ, о молитвахъ за умершихъ, о почитаніи св. иконъ и мощей. 3) Программа каноническаго права предлагала всѣ коренныя права Церкви, какъ богоучрежденнаго общества, и отношеніе церковной власти къ власти гражданской преподавать во введеніи въ эту науку на ряду съ понятіями о каноническомъ правѣ, его раздѣленіи на части, его достоинствѣ и источникахъ. Но по мнѣнію рецензента, „такіе важные предметы, какъ коренныя права Церкви, на которыхъ основываются всѣ частныя права ея, раскрываемыя въ церковномъ законодательствѣ, и отношеніе ея къ гражданской власти, справедливѣе бы излагать не во введеніи въ науку каноническаго права, а въ самой наукѣ, и при томъ на первомъ планѣ. И въ такомъ случаѣ, вмѣсто теперешнихъ двухъ частей, наука эта раздѣлилась бы на три части: 1) о коренныхъ правахъ Церкви, какъ основаніяхъ всего церковнаго законодательства, II) о правѣ Церкви внутреннемъ и III) о правѣ ея внѣшнемъ".

Касательно руководствъ, рекомендованныхъ въ программахъ для преподаванія богословскихъ наукъ, архим. Макарій, вопреки мнѣнію составителей программъ, полагалъ, „что въ настоящее время могутъ быть приняты за такое руководство, по крайней мѣрѣ, по каноническому праву записки по церковному законовѣдѣнію прот. Іоанна Скворцова, отличающіяся сжатостію и отчетливостію“; а по Церковной исторіи вмѣсто „Начертанія церковной исторіи преосв. Иннокентія“, рекомендованнаго составителями программы, но, по мнѣнію рецензента, страдающаго обширностію и вмѣстѣ раздробленностію предметовъ, архим. Макарій совѣтовалъ „вмѣнить въ обязанность самимъ наставникамъ составлять болѣе краткія записки по составленной теперь программѣ для церковной исторіи“. Въ качествѣ пособій по богословскимъ предметамъ и церковной исторіи рецензентъ въ дополненіе къ мнѣнію на этотъ счетъ составителей программъ, съ своей стороны, рекомендовалъ Догматическое богословіе архим. Антонія и Исторію русской церкви преосв. харьковскаго Филарета. Наконецъ, по вопросу о числѣ часовъ для преподаванія богословскихъ наукъ въ университетахъ и лицеяхъ архим. Макарій сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „для преподаванія нравственнаго богословія и особенно церковной исторіи назначается (составителями программы) слишкомъ мало времени. Преподавать въ одно послѣднее полугодіе, когда при томъ не мало времени отнимается для репетицій и испытаній, всю исторію Церкви вселенской и русской, при двухъ лекціяхъ въ недѣлю, можно развѣ въ видѣ самаго бѣглаго обзора“.

Академическая Конференція, по выслушаніи записки архим. Макарія, постановила: „замѣчанія о. архимандрита Макарія о программѣ, признавъ основательными, сообщить составителямъ программы, рекомендуя имъ сдѣлать въ сообразность съ сими замѣчаніями надлежащія исправленія въ программахъ“ [1]).

[1]) См. тамъ же Журн. Конфер. за 28 дек. 1848 г.

Подобно тому какъ служба архим. Макарія въ цензурномъ комитетѣ была во многихъ отношеніяхъ полезна для него, давъ ему богатый запасъ разныхъ практическихъ знаній, весьма пригодившихся ему впослѣдствіи, такъ равно и участіе его въ трудахъ Комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ, не смотря на всѣ невыгодныя стороны въ дѣятельности этого Комитета, о чемъ было выше замѣчено нами, принесло Макарію безспорно великую пользу. Участіе архим. Макарія въ дѣлахъ этого послѣдняго Комитета должно было ближайшимъ образомъ познакомить его съ учебною частію, которая была введена въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ по реформѣ 1840 г. А это знакомство было въ высшей степени важно для него въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по порученію своего начальства, долженъ былъ обозрѣвать различныя духовныя семинаріи. Нельзя не согласиться здѣсь съ тѣмъ, что Макарій, какъ ревизоръ духовныхъ семинарій, находился въ очень выгодныхъ условіяхъ, не смотря на всю свою молодость. Съ одной стороны, онъ, какъ сравнительно недавно еще окончившій семинарскій курсъ, хорошо зналъ учебные порядки, существовавшіе въ нашихъ духовныхъ семинаріахъ до реформы 1840г. А съ другой стороны, ему, какъ члену Комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ, была прекрасно знакома и учебная часть, введенная въ семинаріяхъ въ 1840 г. Такимъ образомъ, архим. Макарій имѣлъ полную возможность сравнивать новые порядки съ старыми и, слѣдовательно, судить о дѣлѣ въ качествѣ всесторонне опытнаго ревизора. Въ этомъ отношеніи отчеты архим. Макарія о ревизіяхъ духовныхъ семинарій представляютъ и для насъ глубокій интересъ.

Во время своего служенія въ должности инспектора и профессора с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій, по порученію высшаго начальства, обозрѣвалъ слѣдующія семинаріи съ подчиненными имъ низшими духовными

училищами: олонецкую, тверскую, тульскую, орловскую и петербургскую.

Ревизоромъ олонецкой духовной семинаріи іером. Макарій былъ назначенъ по опредѣленію Св. Синода отъ 14—28 іюня 1844 г. Кромѣ олонецкой семинаріи, онъ обозрѣвалъ и подчиненныя ей низшія духовныя училища: петрозаводскія и олонецкія. Ревизію олонецкой семинаріи съ двумя духовными училищами іером. Макарій произвелъ въ теченіи двадцати дней, съ 1 по 20 іюля. 29 іюля, т. е. черезъ девять дней по возвращеніи изъ ревизіи, іером. Макарій представилъ уже во Внѣшнее правленіе с.-петербургской духовной Академіи весьма подробный и обстоятельный отчетъ о состояніи обревизованной семинаріи и подчиненныхъ ей училищъ.

Судя по этому отчету, іером. Макарій нашелъ олонецкую семинарію въ благоустроенномъ состояніи по всѣмъ частямъ ея управленія. Въ частности, онъ остался въ высшей степени доволенъ образцовымъ состояніемъ учебнаго дѣла въ семинаріи и особенно успѣхами воспитанниковъ ея по догматическому и нравственному богословію, каковые предметы преподавались ректоромъ семинаріи архим. Августиномъ. „По всему видно“, писалъ онъ въ своемъ отчетѣ, „что наставникъ весьма опытенъ въ преподаваніи, умѣетъ искусно передавать свои познанія питомцамъ и имѣетъ на нихъ сильное нравственное вліяніе. Къ сему долгомъ считаю присовокупить общую мысль относительно ректоровъ семинаріи: для того, чтобы они имѣли время удобнѣе наблюдать за ходомъ преподаванія всѣхъ наукъ въ подвѣдомыхъ имъ семинаріяхъ, посѣщать классы, разсматривать сочиненія учениковъ какъ высшаго, такъ и прочихъ отдѣленій, представляемыя имъ наставниками, вникать въ самыя записки наставниковъ и вообще нести всѣ лежащія на нихъ обязанности по семинаріи,—необходимо или вовсе освободить ихъ отъ наставнической должности или дать имъ не болѣе двухъ классовъ въ недѣлю“. Въ такомъ же почти состояніи, какъ богословіе догматическое и нравствен-

ное, найдены были ревизоромъ и двѣ другія отрасли православнаго богословія, именно чтеніе Св. Писанія и Патристика, преподававшіяся инспекторомъ семинаріи, іером. Ѳеофилактомъ. „Пріятно было замѣтить въ ученикахъ“, писалъ ревизоръ въ своемъ отчетѣ, „любовь къ обѣимъ этимъ богословскимъ наукамъ, возбужденную усерднымъ и весьма ревностнымъ наставникомъ, замѣтить частію изъ ихъ отвѣтовъ, а особенно изъ ихъ домашнихъ, сверхклассическихъ занятій въ этихъ предметахъ, въ теченіе всего года, расположенныхъ по нѣкоторымъ опредѣленнымъ правиламъ, и происходящихъ подъ непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ самого наставника“. Изъ другихъ богословскихъ наукъ по исторіи библейской и церковной ревизоръ выражалъ пожеланіе лучшихъ успѣховъ на будущее время. Изъ вспомогательныхъ наукъ наилучшіе успѣхи ревизоръ нашелъ по предмету русской исторіи. „На вопросы изъ нея“, замѣчалъ онъ, „воспитанники отвѣчали, можно сказать, прекрасно. Причина сему, конечно, частію близость къ сердцу учениковъ предмета, качества даннаго учебника, но вмѣстѣ и полная, достойная хвалы, ревность наставника“ (Семена Леонтьева). Состояніе успѣховъ по философскимъ предметамъ вызвало со стороны ревизора слѣдующее замѣчаніе. „Изъ логики воспитанники отвѣчали вообще хорошо, а нѣкоторые и очень хорошо. Но эти уже отвѣты показали, что самыя записки по логикѣ, выданныя въ руководство ученикамъ, индѣ не совсѣмъ ясны и приближены къ ихъ понятіямъ, напр., въ трактатѣ объ идеяхъ, взятомъ почти цѣликомъ изъ логики Бахмана,—а въ другихъ мѣстахъ, особенно въ изслѣдованіи о силлогизмахъ, излишне растянуты дробленіемъ и тонкостями. По моему мнѣнію, для учениковъ семинаріи средняго отдѣленія, у которыхъ еще недовольно раскрылись умственныя силы, гораздо полезнѣе было бы преподавать логику покороче, ограничиваясь болѣе важнымъ и существеннымъ, и не вдаваясь въ многочисленныя частности и перечисленія разныхъ схо-

ластическихъ формъ и тонкостей, которыя, какъ показываетъ опытъ, только забиваютъ еще нетвердыя головы большей части воспитанниковъ и, безъ сомнѣнія, въ самое короткое время по изученіи науки будутъ забыты ими, какъ неусвоенныя. Посему вмѣсто того, чтобы преподавать въ семинаріи логику почти чрезъ полтора года (въ сей же обширности времени, назначеннаго для преподаванія логики—и заключается причина нарочитой обширности помянутыхъ записокъ, по объясненію самого наставника) не довольно ли удѣлить для сего двѣ трети года или даже цѣлый годъ, *а остальное время посвятить какой либо другой или болѣе важной или болѣе обширной наукѣ, какова напр. самая психологія, порученная для преподаванія тому же наставнику*".

Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи ревизора слышится деликатное неодобреніе реформы 1840 года. Въ то время въ высшихъ сферахъ духовно-учебнаго управленія было сильно стремленіе къ ограниченію философскаго образованія въ духовныхъ семинаріяхъ. Подъ вліяніемъ этого стремленія философія, именно исторія философскихъ системъ и метафизика были совершенно исключены изъ числа учебныхъ предметовъ въ семинаріяхъ уставомъ 1840 г. Во главѣ противниковъ философскаго образованія воспитанниковъ духовныхъ семинарій стоялъ тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ А. Н. Протасовъ [1]). Архим. Макарій, учившійся въ семинаріи при старомъ уставѣ, не могъ, конечно, не замѣтить во время ревизіи олонецкой семинаріи сильнаго упадка философскаго образованія въ семинаріяхъ со введеніемъ устава 1840 г. Вышеприведенное замѣчаніе его и имѣло, по всей вѣроятности, въ виду обратить вниманіе начальства на этотъ упадокъ. Но Макарій,

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ интересной статьѣ журнала „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ" 1877 г. кн. 2 отд. II стр. I—V. 1—114 подъ заглавіемъ: „о Филаретѣ, Митрополитѣ Москов. комъ, моя память. Записки Никодима, епископа Красноярскаго"; особенно см. стр. 41.

прекрасно знавшій настроеніе и взгляды начальствующихъ лицъ на этотъ предметъ, не могъ открыто высказаться за возстановленіе прежнихъ порядковъ. Вмѣсто этого онъ, по крайней мѣрѣ, желалъ расширить преподаваніе психологіи на счетъ логики, для которой, по уставу 1840 г., назначалось, дѣйствительно, непомѣрно громадное количество времени и уроковъ. Къ сожалѣнію, доброе желаніе Макарія не осуществилось. Впослѣдствіи, именно въ 1845 г. на счетъ времени, назначеннаго для логики и психологіи, было расширено преподаваніе не философскихъ предметовъ, а патристики и латинскаго языка.

Изъ другихъ замѣчаній архим. Макарія въ его отчетѣ о ревизіи олонецкой семинаріи заслуживаетъ вниманія слѣдующее. „Изученіе языковъ греческаго и латинскаго“, писалъ онъ, „найдено въ довольно хорошемъ состояніи, *но отнюдь не въ такомъ, въ какомъ бывало оно въ нашихъ семинаріяхъ въ прежніе годы: знатоковъ этихъ языковъ между всѣми учениками вовсе не оказалось*“. И здѣсь опять таки нельзя не слышать скрытаго неодобренія реформы 1840 г.

Нравственно-воспитательная и экономическая части управленія олонецкой семинаріей были найдены ревизоромъ Макаріемъ въ удовлетворительномъ состояніи.

Что касается петрозаводскихъ училищъ, то они со стороны учебной и нравственно-воспитательной были найдены ревизоромъ вполнѣ благоустроенными, между тѣмъ какъ экономическая часть вызвала съ его стороны нѣсколько неодобрительныхъ замѣчаній. Особенно въ мрачномъ видѣ ревизоръ описывалъ помѣщеніе этихъ училищъ.

Наконецъ [1]), въ олонецкихъ духовныхъ училищахъ нравственно-воспитательная часть была найдена ревизоромъ въ очень хорошемъ состояніи, а остальныя двѣ части—учебная

[1]) См. арх. с.-петерб. дух. Академіи по Внѣшнему Правл. за 1844 г. „дѣло по докладу секретаря Академическаго Правленія на счетъ обозрѣнія семинарій Полоцкой, Могилевской и Олонецкой“.

и экономическая—были не одобрены имъ. Замѣченные безпорядки въ этихъ частяхъ ревизоръ вмѣнялъ въ вину училищному начальству.

Тверскую, тульскую и орловскую духовныя семинаріи архим. Макарій ревизовалъ лѣтомъ 1848 года, съ 14 мая до 26 іюня. Эта послѣдняя ревизія имѣла особенное значеніе для архим. Макарія. Есть основаніе думать, что она была поручена архим. Макарію по собственному его желанію и даже, кажется, по нарочитому ходатайству его объ этомъ предъ высшимъ начальствомъ. Онъ желалъ воспользоваться этой ученой командировкой для того, чтобы побывать на родинѣ и повидаться съ своею матерью и другими близкими родными. „Кажется, о. инспекторъ нашъ будетъ у Васъ", сообщалъ преосв. Евсевій А. В. Горскому 20 апрѣля 1848 г. „Онъ ѣдетъ на родину, съ порученіемъ обозрѣть на дорогѣ семинаріи, можетъ быть и скоро, хотя не знаю еще, какъ скоро,—можетъ быть въ началѣ мая поѣдетъ отселѣ" [1]). Свирѣпствовавшая въ 1848 г. у насъ холера едва было совсѣмъ не разстроила плана Макарія и затѣмъ не дала ему возможности произвести ревизію семинарій, какъ слѣдуетъ. „Не знаю, что будетъ", писалъ преосв. Евсевій А. В. Горскому 29 апрѣля 1848 г., „а слово мое о путешествіи о. инспектора едва-ли сбудется: слухи о возобновленіи холеры перемѣняютъ его намѣреніе, хотя онъ началъ было хлопотать и предъ начальствомъ" [2]). Однако же желаніе архим. Макарія получить ученую командировку исполнилось такъ, какъ именно онъ и предполагалъ. Ему не только дано было порученіе обозрѣть тверскую, тульскую и орловскую семинаріи, но и вмѣстѣ разрѣшено было посѣтить родину. 12мая 1848 г. архим. Макарій обращался въ Академическое Правленіе въ такою просьбою: „имѣя желаніе посѣтить мѣсто своей родины, находящееся

[1]) См. Твор. свв. оо 1886 г. кн. II стр. 775.

[2]) См. тамъ же, стр. 787.

въ Курской губерніи, также города Воронежъ и Харьковъ, и находя это удобнымъ по выполненіи порученія, возложеннаго на меня Св. Синодомъ, касательно обревизованія семинарій—тверской, тульской и орловской—прошу Академическое Правленіе исходатайствовать мнѣ у Его Высокопреосвященства дозволеніе на такое посѣщеніе означенныхъ мѣстъ и испросить, у кого слѣдуетъ, соотвѣтствующую подорожную". Правленіе постановило: „такъ какъ нѣтъ никакого препятствія къ удовлетворенію просьбы инспектора Академіи, архим. Макарія, то представить о семъ на разрѣшеніе Его Высокопреосвященства, и, если послѣдуетъ архипастырское соизволеніе на посѣщеніе имъ означенныхъ мѣстъ, вмѣстѣ съ тѣмъ просить Его Высокопреосвященство исходатайствовать у гражданскаго начальства для инспектора Академіи, архим. Макарія надлежащую подорожную отъ С.-Петербурга до Харькова чрезъ Тверь, Тулу, Орелъ, Курскъ и Воронежъ и обратно до Петербурга". Это ходатайство Правленія было удовлетворено, и 21 мая архим. Макарій выѣхалъ изъ С.-Петербурга на ревизію семинарій, при чемъ начальство обязало его „возвратиться непремѣнно къ 1 числу іюля мѣсяца и представить отчетъ о ревизіи" [1]).

Изъ Петербурга архим. Макарій направился черезъ Москву прямо въ Орелъ, минуя пока Тверь и Тулу. Изъ донесенія Орловскаго семинарскаго Правленія Кіевскому Окружному Правленію отъ 25 мая 1848 г. видно, что ревизоръ архим. Макарій прибылъ въ орловскую семинарію 23 мая и, окончивъ ревизію, 25 мая отправился въ дальнѣйшій путь. Ревизія орловской семинаріи и подчиненныхъ ей училищъ происходила, въ виду эпидеміи, поспѣшно. Изъ журнала, представленнаго Орловскимъ семинарскимъ Правленіемъ, видно, что ревизія происходила такимъ образомъ. 24 мая отъ 8

[1]) См. арх. с.-петербург. дух. Акад. Журн. Внутрен. Правл. за 12 мая 1848 г.

ч. у. до 2 ч. по полуд. ревизоръ, въ присутствіи членовъ Правленія и наставниковъ, экзаменовалъ учениковъ всѣхъ классовъ средняго и низшаго отдѣленій, а ученики высшаго отдѣленія въ это время писали сочиненіе на тему: „какъ великъ грѣхъ нашихъ прародителей“? Того же 24 мая, отъ 4 до 7 ч. вечера ревизоръ экзаменовалъ учениковъ обоихъ орловскихъ духовныхъ—уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, послѣ чего обозрѣвалъ училищныя зданія, бурсу, семинарскую больницу, и спальныя комнаты казеннокоштныхъ учениковъ. 25 мая 6—8 ч. у. архим. Макарій обозрѣвалъ жилыя комнаты казеннокоштныхъ учениковъ семинаріи, надворныя семинарскія постройки и семинарскую усадьбу, дѣлопроизводство по Правленію, особенно документы о нравственности учениковъ. Того-же числа отъ 10 ч. до 1 ч. по полуд. онъ, въ присутствіи орловскаго преосвященнаго Смарагда, экзаменовалъ учениковъ высшаго отдѣленія по богословскимъ наукамъ. Наконецъ, 25 мая отъ 8 до 10 ч. у. ревизоръ экзаменовалъ учениковъ высшаго отдѣленія по Св. Писанію, Церковной Исторіи, Гомилетикѣ, Каноническому праву, сельскому хозяйству и медицынѣ; а ученики средняго и низшаго отдѣленія въ это время писали сочиненія на темы, заданныя ревизоромъ,—первые на тему: „какое отношеніе имѣетъ логика къ цѣли семинарскаго воспитанія“?, а вторые на тему: „познай самого себя“ [1]).

По окончаніи ревизіи орловской семинаріи, архим. Макарій отправился далѣе въ Курскъ, оттуда на родину въ село Сурково новооскольскаго уѣзда, потомъ чрезъ Бѣлгородъ, Харьковъ и Воронежъ направился въ обратный путь до Петербурга. Во время обратнаго путешествія, въ началѣ второй половины іюня онъ обозрѣвалъ тульскую и тверскую духовныя семинаріи. Ревизія этихъ семинарій была произведена архим. Макаріемъ такъ же поспѣшно, какъ и ревизія орлов-

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по Окруж. Правленію за 1848 г. № 14.

ской семинаріи. Въ тверской семинаріи онъ, кромѣ того, не засталъ уже учениковъ, которые были распущены по случаю холеры, и потому долженъ былъ ограничиться разсмотрѣніемъ одной только отчетности по учебной и нравственной частямъ управленія семинаріи и подчиненныхъ ей духовныхъ училищъ. „Для обозрѣнія тверской семинаріи", доносилъ архим. Макарій 12 іюля 1848 г. С.-Петербургскому Окружному Правленію, „я прибылъ 19 іюня текущаго года (уже по обозрѣніи семинарій тульской и орловской, которое также было мнѣ поручено высшимъ начальствомъ); но по прибытіи въ Тверь, я нашелъ, что воспитанники семинаріи были распущены по домамъ родителей, по случаю появленія въ городѣ эпидемической болѣзни—холеры. А потому и долженъ былъ ограничиться обозрѣніемъ лишь того, что можно обозрѣть, по учебной и нравственной части, въ семинаріи". Изъ дальнѣйшаго содержанія отчета архим. Макарія особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія его замѣчанія. При разсмотрѣніи конспектовъ за прошедшій учебный годъ, ревизоръ нашелъ, что „области семинарскихъ наукъ недовольно разграничены между собой, что о нѣкоторыхъ предметахъ говорится въ двухъ, трехъ наукахъ, а нѣкоторые почти опускаются, и что даже однѣ и тѣ же науки, напр., Догматическое Богословіе, въ разныхъ классахъ преподаются по значительно различнымъ программамъ: *это болѣе и болѣе убѣждаетъ въ необходимости ускорить изданіе однообразныхъ программъ для всѣхъ предметовъ семинарскаго ученія*". Нѣкоторые наставники, какъ замѣтилъ ревизоръ, позволяли себѣ и вовсе безъ нужды отступленія отъ данныхъ руководствъ по извѣстнымъ наукамъ; такъ, въ преподаваніи церковной исторіи, во второмъ богословскомъ классѣ, слишкомъ подробно изложено, судя по конспекту, состояніе церковнаго ученія въ разные вѣка,—тогда какъ въ существующемъ учебникѣ оно изложено кратко и для подробнаго изученія его преподается нынѣ въ семинаріи особая наука—патристика (ректоръ семинаріи,

обязанный наблюдать за ходомъ всего семинарскаго ученія, не долженъ бы дозволять подобныхъ отступленій). О разсмотрѣнныхъ домашнихъ сочиненіяхъ учениковъ ревизоръ, между прочимъ, замѣчалъ: „нѣкоторыя сочиненія разсмотрѣны наставниками безъ надлежащаго вниманія и иногда, кажется, скрѣплялись неразсмотрѣнныя, по крайней мѣрѣ, безъ всякихъ замѣчаній для воспитанниковъ. *Нельзя не пожелать, чтобы для столь важной статьи въ дѣлѣ семинарскаго воспитанія удѣлялось болѣе наблюдательности со стороны ректора семинаріи*... Въ числѣ предложеній, на которыя писались разсмотрѣнныя сочиненія, встрѣчаются иногда не совсѣмъ точныя и ясныя, а иногда даже довольно странныя,—на что, для примѣра, я нарочито указывалъ самому о. ректору семинаріи при разсматриваніи сочиненій: для устраненія этого неудобства, составляющаго, конечно, не малую трудность для воспитанниковъ, надлежало бы, по моему мнѣнію, чтобы наставники, особенно молодые, предварительно представляли избранныя ими предложенія на разсмотрѣніе о. ректора семинаріи“.

По поводу найденнаго состоянія проповѣдническаго дѣла въ семинаріи ревизоръ замѣчалъ: „*въ составленіи проповѣдей, по правиламъ риторическаго искусства, воспитанники высшаго отдѣленія занимались довольно; но въ составленіи краткихъ безыскусственныхъ поученій, приспособленныхъ къ понятіямъ простого народа,—мало (я замѣтилъ лишь по одному опыту); между тѣмъ гораздо полезнѣе было бы для воспитанниковъ, какъ будущихъ учителей народа, еслибы они болѣе пріобрѣтали въ семинаріи навыкъ составлять краткія общенародныя поученія, чѣмъ искусственныя слова и бесѣды, доступныя для немногихъ. Для этого, по моему мнѣнію, можно бы иногда заставлять воспитанниковъ писать краткія поученія вмѣсто обычныхъ классическихъ разсужденій, или, чтобы дѣло было опредѣленнѣе, можно бы половину времени, назначеннаго теперь для составленія разсужденій впродол-*

женіе богословскаго курса, удѣлить для упражненія воспитанниковъ въ краткихъ поученіяхъ, а другую половину оставить за разсужденіями".

Нравственно-воспитательную часть въ тверской семинаріи архим. Макарій нашелъ образцовою и за это отдавалъ полную честь инспектору семинаріи: „надзоромъ его—посредственнымъ и непосредственнымъ", писалъ ревизоръ, „воспитанники объемлются, можно сказать, во всѣхъ своихъ положеніяхъ и непрестанно". Архим. Макарій высказывалъ только два пожеланія касательно нравственно-воспитательной части: а) чтобы въ семинарскомъ корпусѣ жилъ кто-либо одинъ изъ начальствующихъ — ректоръ или инспекторъ, которые до того времени жили оба внѣ семинаріи; и б) чтобы ученики къ богослуженію собирались всѣ въ одну какую-либо церковь, а не ходили бы въ разныя церкви, какая къ кому ближе.

Въ тверскихъ духовныхъ училищахъ архим. Макарій также ограничился разсмотрѣніемъ однихъ только документовъ по учебной и нравственной части и нашелъ ихъ въ должномъ порядкѣ [1]).

По окончаніи ревизіи тверской семинаріи, архим. Макарій отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 24 іюня. Можно, кажется, думать, что архим. Макарій разсчитывалъ провести нѣкоторое время въ Новгородѣ и позаниматься въ здѣшней библіотекѣ. Но по случаю появленія холеры, онъ долженъ былъ измѣнить свое намѣреніе и проѣхать черезъ Новгородъ, не останавливаясь. „Отецъ инспекторъ нашъ", писалъ преосв. Евсевій своему московскому другу 28 іюня 1848 г., „возвратился 24 числа. Въ Твери семинарія была распущена до его пріѣзда, по случаю появленія холеры. Въ Новгородѣ также почти не останавливался: ибо съ его пріѣздомъ появилась болѣзнь въ семинаріи и взяла одного наставника" [2]).

[1]) См. архив. С.-Петерб. дух. Академіи по Внѣшнему Правленію за 1848. г. дѣло № 57.

[2]) См. Твор. св. св. отцовъ 1886 г. кн. II стр. 797.

Но, не смотря на то, что ученая командировка архим. Макарія лѣтомъ 1848 г. вышла нѣсколько неудачной и сопряжена была даже съ опасностію и боязнію, вслѣдствіе свирѣпствовавшей холерной эпидеміи, однакоже въ другомъ отношеніи эта командировка доставила ему не мало самыхъ пріятныхъ удовольствій. Теперь онъ, прежде всего, имѣлъ возможность поближе познакомиться съ Москвою и ея историческими достопримѣчательностями, которыя онъ только мелькомъ видѣлъ во время переѣзда своего изъ Кіева въ Петербургъ. Въ 1848 г. архим. Макарій, будучи въ Москвѣ, посѣтилъ духовную Академію въ Сергіевомъ Посадѣ и пережилъ въ ней нѣсколько лучшихъ въ своей жизни часовъ. „Онъ весьма доволенъ", писалъ преосв. Евсевій А. В. Горскому о Макаріи, „пріемомъ его въ Московской Академіи и Лаврѣ. Говоритъ, что лучшіе часы его путешествія—это проведенные въ стѣнахъ Сергіевой Лавры. Это пріятно,—тѣмъ болѣе, что онъ прежде не зналъ этого мѣста и людей, и даже иногда неравнодушно слушалъ добрые отзывы о добрыхъ людяхъ" [1]). Затѣмъ въ Курскѣ архим. Макарій видѣлся съ преосв. Иліодоромъ, который лѣто 1848 г. проводилъ у себя дома, возвратившись незадолго предъ пріѣздомъ Макарія изъ С.-Петербурга, гдѣ онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ къ ряду жилъ въ качествѣ присутствующаго члена Св. Синода [2]). Архіеп. Иліодоръ теперь былъ особенно дорогъ для архим. Макарія, какъ архипастырь, облагодѣтельствовавшій его въ годы бѣдственнаго юношества, покровительствовавшій его роднымъ и безспорно весьма много содѣйствовавшій быстрымъ успѣхамъ его на службѣ въ с.-петербургской духовной Академіи. Но самымъ дорогимъ и пріятнымъ временемъ изъ всего настоящаго сравнительно продолжительнаго и далекаго путешествія было, конечно, время, проведенное архим.

---

[1]) См. тамъ-же.

[2]) См. тамъ-же стр. 785.

Макаріемъ въ кругу родной своей семьи. Одинъ изъ живыхъ свидѣтелей этого пребыванія архим. Макарія на родинѣ сообщаетъ намъ, что „пріѣздъ его на родину былъ весьма дорогъ для всѣхъ родныхъ, особено же для матери. На родину онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ А. П. Булгаковымъ и прогостилъ дня три—четыре“ [1]). Изъ села Суркова архим. Макарій ѣздилъ въ Бѣлгородъ, гдѣ останавливался у ректора курской семинаріи, архим. Никодима (Казанцева).

Наконецъ, нельзя не признать удачнымъ отсутствіе архим. Макарія изъ Академіи лѣтомъ 1848 г., когда онъ обозрѣвалъ тверскую, тульскую и орловскую семинаріи, еще и въ томъ отношеніи, что въ это время безъ него въ Академіи совершилось ужасное несчастіе. 23 мая, т. е. на другой день по отъѣздѣ архим. Макарія на ревизію, баккалавръ патристики И. И. Лобовиковъ былъ найденъ мертвымъ въ своей комнатѣ. Правда, это печальное событіе не могло имѣть какихъ либо особенныхъ непріятныхъ послѣдствій для архим. Макарія, но тѣмъ не менѣе его могли бы упрекать въ недостаткѣ надзора, если бы онъ присутствовалъ въ это время въ Академіи. По крайней мѣрѣ, тогдашній ректоръ с.-петербургской духовной Академіи, преосв. Евсевій горько сокрушался объ этомъ событіи и 26 мая 1848 г. съ боязнію сообщалъ о немъ своему московскому другу: „можете представить, какъ это тяжко не только для начальника академіи, но и для всѣхъ принадлежащихъ къ ней и принимающихъ участіе въ ней! Но что дѣлать? Какъ было предотвратить зло? Никому и на мысль не могло приходить ожиданіе сей бѣды, чтобы позаботиться о предотвращеніи ея. Человѣкъ держалъ себя въ порядкѣ; никакихъ непріятностей особенныхъ повидимому не имѣлъ около себя, былъ повидимому веселъ, хотя и былъ склоненъ къ задумчивости и къ чувству

[1]) Изъ письма прот. П. А. Солнцева.

недовольства окружающими его обстоятельствами. Но это выражалось въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ! [1]).

С.-Петербургскую духовную семинарію архим. Макарій обозрѣвалъ лѣтомъ 1849 г., отъ 13 іюня по 17 іюля. Продолжительность ревизіи, по всей вѣроятности, произошла отъ того, что Макарій въ это время исправлялъ должность ректора Академіи, за отсутствіемъ преосв. Евсевія, и подъ предсѣдательствомъ его происходили курсовыя испытанія въ Академіи. 27 августа 1849 года архим. Макарій представилъ въ Окружное Академическое Правленіе отчетъ о состояніи петербургской духовной семинаріи по всѣмъ частямъ ея управленія. Изъ этого отчета видно, что ревизоръ нашелъ учебную часть въ петербургской семинаріи очень удовлетворительною, „за немногими исключеніями". Подъ этими исключеніями разумѣлись слѣдующіе недостатки: 1) записки проф. П. Боголюбова по церковной исторіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были излишне обширны и потому обременительны для воспитанниковъ семинаріи; 2) правила по риторикѣ и поэзіи не отличались достаточною точностію, ясностью и богатствомъ примѣровъ, и наставникъ этого класса (проф. А. Никольскій) относился холодно и не совсѣмъ усердно къ своей наукѣ и къ своимъ воспитанникамъ; 3) запискамъ по герменевтикѣ и чтенію Св. Писанія (проф. П. Савваитовъ) кое-гдѣ не доставало надлежащей точности и отчетливости; 4) успѣхи учениковъ въ знаніи ученія о богослужебныхъ книгахъ и православнаго Исповѣданія (учит. свящ. А. Кедровъ) оказались совершенно неудовлетворительными, и ревизоръ рекомендовалъ замѣнить наставника этихъ предметовъ другимъ—болѣе способнымъ и усердным; 5) сочинять по-латыни воспитанники почти вовсе не могли, а относительно успѣховъ ихъ въ знаніи новыхъ языковъ ревизоръ замѣчалъ: „*жаль, что ни по французски, ни по нѣмецки ученики нисколько не*

[1]) См. Твор. свв. отцевъ 1886 г. кн. II, стр. 788—789.

пріучены объясняться, а могутъ только переводить съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій и то большею частію лишь прежде переведенное ими". Преподаваніе всѣхъ прочихъ наукъ, особенно же богословскихъ, удостоилось полнаго одобренія со стороны ревизора, который свой отчетъ о состояніи учебной части въ петербургской духовной семинаріи заканчивалъ такъ: „направленіе мыслей, особенно у воспитанниковъ высшаго отдѣленія, правильное, доброе и благочестивое. Пріятно было видѣть многіе довольно удачные опыты и краткихъ поученій къ сельскимъ прихожанамъ, составленные воспитанниками высшаго отдѣленія". Изъ наставниковъ семинаріи наилучшей аттестаціи удостоился іером. Леонтій (Лебединскій), преподававшій нравственное богословіе и гомилетику; отвѣты воспитанниковъ по этимъ предметамъ архим. Макарій призналъ очень хорошими и замѣчалъ: „эти отвѣты, а вмѣстѣ и самыя записки по означеннымъ наукамъ, составленныя молодымъ профессоромъ довольно разумно и примѣнительно къ понятіямъ слушателей, свидѣтельствуютъ о его ревности къ своимъ обязанностямъ и подаютъ о немъ пріятную надежду".

Нравственную, экономическую и правительственную (административную) части управленія архим. Макарій нашелъ безукоризненными. „Духъ повиновенія, скромности, взаимной любви и благородства", замѣчалъ онъ, „составляютъ главный характеръ питомцевъ, за весьма немногими исключеніями Подъ исключеніями разумѣю два, три опыта, бывшіе въ теченіе учебнаго курса, когда провинившіеся въ нетрезвости были уволены изъ семинаріи" [1]).

Въ высшей степени сложныя и отвѣтственныя занятія по должности профессора, инспектора, члена комитетовъ— духовно-цензурнаго и для разсмотрѣнія семинарскихъ Кон-

[1]) См. арх. с.-петербургской дух. Академіи по Окружн. Правл. за 1849 г. дѣло № 60.

спектовъ, а также члена Академической Конференціи и Внѣшняго Правленія, повидимому, должны были наполнять рѣшительно все время, какимъ могъ располагать архим. Макарій. А между тѣмъ и посреди такихъ должностныхъ занятій архим. Макарій находилъ время для ученыхъ работъ. Даже болѣе того: обозрѣваемое время было однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ періодовъ жизни Макарія въ ученo-литературномъ отношеніи. Кромѣ пяти довольно объемистыхъ сочиненій, онъ успѣлъ напечатать за это время цѣлую серію небольшихъ, но весьма важныхъ и серьезныхъ изслѣдованій. Это могъ сдѣлать только человѣкъ съ такимъ умѣньемъ утилизировать время, какимъ отличался Макарій во всю свою жизнь. Должно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ тѣ должности, какія исполнялъ Макарій въ данную пору, могли не столько отвлекать, сколько именно располагать его къ ученымъ работамъ. Исполненіе всѣхъ этихъ должностей, за исключеніемъ, пожалуй, должности ревизора семинарій, нимало не отвлекало архим. Макарія отъ Академіи и нисколько не нарушало правильности его кабинетныхъ занятій. Зависѣло это отъ того, что всѣ тѣ должности, какія исправлялъ архим. Макарій въ обозрѣваемое время, включительно съ должностію ревизора, имѣли преимущественно ученый характеръ и находились въ ближайшей связи съ его учеными работами. Совсѣмъ иное дѣло было въ послѣдующую эпоху петербургскаго періода жизни Макарія, когда ему давались такія должности и порученія, которыя часто отвлекали его отъ Академіи и постоянно нарушали непрерывность и систематичность его ученыхъ занятій. Такъ можно объяснять обиліе учено-литературныхъ произведеній, относящихся къ разсматриваемому времени петербургской жизни Макарія. Не малую, конечно, роль въ этомъ играла и свойственная Макарію способность быстро работать на учено-литературномъ поприщѣ, а также и его нажитое лѣтами трудолюбіе. Эта быстрота и трудолюбіе были предметомъ удивленія для лицъ,

окружавшихъ Макарія въ данную пору его жизни, или издали наблюдавшихъ за его учено-литературною дѣятельностію. „Смотрите“, писалъ преосв. Евсевій А. В. Горскому 28 сентября 1847 года, „какъ много трудится нашъ о. Макарій“! [1]) „Въ нашемъ изданіи“, писалъ онъ же и тому же своему другу черезъ годъ, „видите новые труды о. Макарія... Онъ скоръ въ дѣятельности и въ будущемъ годѣ, вѣроятно, дѣло кончится и явится отдѣльно“ [2]). А преосв. Иннокентій, который самъ трудился до того, что иногда къ вечеру рука едва могла держать перо [3]), совѣтовалъ даже своему трудолюбивому ученику быть болѣе умѣреннымъ въ занятіяхъ. „Съ новымъ годомъ, любезнѣйшій землякъ“! писалъ онъ Макарію 26 декабря 1846 года, „желаемъ вамъ новыхъ силъ, и паче всего новой и, кажется, несовсѣмъ знакомой вамъ умѣренности въ употребленіи силъ сихъ. Кому непріятно любоваться трудами вашими; мы первые ихъ усердные любители. Но ради Бога не забывайте скудельности сосуда нашего; я по опыту знаю, что въ занятіяхъ нашихъ есть черта, за которую бѣда, если кто перейдетъ, и которую однакоже легко перейти. Все кажется, что есть силы, что можно сдѣлать то и другое, а потомъ увидишь бѣду; но уже нельзя воротиться... Примите же совѣтъ, посылаемый вамъ отъ души“ [4]). О томъ же самомъ просилъ архим. Макарія и преосв. Елпидифоръ, бывшій ректоръ его по семинаріи. „Да подкрѣпляетъ только Господь силы ваши; и вы сами приберегайте здоровье свое, чтобы вы могли и впредь надолго еще трудиться на пользу другихъ“, писалъ онъ Макарію 10 октября 1847 года [5]).

Всѣ многочисленныя произведенія архим. Макарія, относящіяся къ обозрѣваемому времени его жизни, могутъ быть,

---

[1]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 741.
[2]) См. тамъ же стр. 802—803.
[3]) См. Церковн. Вѣст. 1883 г. № 24-й.
[4]) См. тамъ же 1883 г. №№ 17—18.
[5]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I. стр. 116,

по предметамъ своего содержанія, раздѣлены на слѣдующіе четыре разряда: 1) богословскія, 2) церковно-историческія, 3) проповѣдническіе труды и 4) одинъ трудъ, остающійся доселѣ въ рукописи, по каноническому праву.

Къ первому разряду относятся „Введеніе въ Православное Богословіе“ и первые два тома обширнаго труда подъ заглавіемъ: „Православно-догматическое Богословіе“.

„Введеніе въ Православное Богословіе“ было издано архим. Макаріемъ въ 1847 году, при чемъ нѣкоторые отдѣлы печатались предварительно на страницахъ академическаго журнала „Христіанское Чтеніе“ [1]). Сочиненіе это было печатнымъ воспроизведеніемъ академическихъ лекцій архим. Макарія по основному богословію, или по энциклопедіи православнаго богословія, съ программами каковыхъ чтеній мы раньше уже познакомились. Въ пользу этого говоритъ не только почти совершенное совпаденіе между программами чтеній архим. Макарія и общимъ планомъ его „Введенія“, но и собственныя слова Макарія. „Я рѣшился“, писалъ онъ 15 ноября 1846 г. преосв. Иннокентію, „съ Божіею помощію издать нѣкоторыя свои богословскія записки, именно—богословіе основное, и часть ихъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, уже представлена на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе Св. Синода. Если будетъ благоугодно Св. Синоду разрѣшить,—издамъ, не смотря на то, что самъ сознаю всю слабость ихъ и несовершенства.... Иначе когда-же мы дождемся хоть чего нибудь по учебному богословію, если всѣ будемъ ждать совершеннѣйшаго? Нѣкоторые пророчатъ мнѣ опасности.... за недосмотры и

[1]) См. Христ. Чтен. 1846 г. ч. I стр. 434—462 статья безъ подписи: „Составъ религіи“ ср. Введеніе стр. 36—53. Христ. Чт. 1846 г. ч. 3 стр. 209—252 статья: „Необходимость сверхъестественнаго откровенія“ ср. Введеніе стр. 71—95; Христ. Чт. 1847 г. Ч. 2 стр. 218—239 статья: „Составъ религіи Христіанской“ ср. Введеніе ст. 125—138; Христ. Чт. 1847 г. ч. 2: стр. 367—406 статья „о религіи христіанской“ ср. Введеніе стр. 140—165 и Христ. Чт. 1847 г. ч. 3. стр. 67—104; 250—309 и 371—414 статья подъ заглавіемъ: „О религіи подзаконной“ ср. Введеніе стр. 170—258.

ошибки... Но Богъ милостивъ! Да будетъ Его Святая воля!“ [1]) О дальнѣйшей судьбѣ представленныхъ архим. Макаріемъ лекцій по основному богословію мы узнаемъ уже изъ дѣлъ с.-петербургскаго духовно-цензурнаго Комитета. Отсюда видно, что рукопись подъ заглавіемъ „Энциклопедія Православнаго Богословія“ была представлена архим. Макаріемъ прямо къ цензору, архим. Аввакуму. Съ одобрительнымъ мнѣніемъ цензора она 24 декабря 1846 года поступила на разсмотрѣніе Св. Синода. Св. Синодъ измѣнилъ заглавіе рукописи, наименовавъ ее „Введеніемъ въ Православное Богословіе“, затѣмъ далъ свое благословеніе и въ слѣдующемъ году сочиненіе было напечатано [2]).

Содержаніе „Введенія въ Православное Богословіе“, думаемъ, извѣстно всѣмъ, и потому намъ нѣтъ нужды излагать его подробно. Сочиненіе распадается на предисловіе и три части. Въ предисловіи излагаются общія свѣдѣнія о предметѣ „Введенія въ Православное Богословіе“, въ первой части говорится о религіи, откровеніи и христіанской религіи, какъ единомъ истинномъ откровеніи, во второй части— объ источникахъ православнаго богословія и православной Церкви, какъ хранительницѣ и истолкователь ницѣ этихъ источниковъ; наконецъ, въ третьей части содержится собственно система православнаго богословія.

„Введеніе въ Православное Богословіе“ было первымъ самостоятельнымъ опытомъ [3]) Макарія въ области богословской науки, и опытомъ во многихъ отношеніяхъ весьма выдающимся, вполнѣ достойнымъ Православной Церкви. Безспорно, что это произведеніе было плодомъ усиленнаго, кропот-

---

[1]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. 1. стр. 862.

[2]) См. арх. С.-Петерб. дух. Акад. по Конфер. Журн. за 13 февраля 1847 г. № 8-й ср. И. Чистовича, С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ. СПБ. 1889 г. стр. 28.

[3]) Сборникъ „Догматическаго ученія св. Димитрія Ростовскаго“ былъ, какъ мы знаемъ, преимущественно компилятивнымъ произведеніемъ Макарія.

ливаго и усидчиваго труда. Но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что одно только трудолюбіе, какъ бы велико оно ни было, не могло создать такого замѣчательнаго произведенія. Только даровитый и глубоко просвѣщенный богословъ могъ создать такой трудъ. Словомъ, первое произведеніе архим. Макарія по богословскимъ наукамъ весьма ясно показывало, что въ лицѣ его выступалъ на это поприще вполнѣ достойный дѣятель. Прочитавъ настоящее произведеніе архим. Макарія, преосв. Иннокентій писалъ ему 24 февраля 1848 года: „не оставляйте же и дальше подвизаться на этомъ святомъ поприщѣ. Господь видимо васъ призываетъ къ нему. Жатва многа, необозрима; а дѣлателей, какъ сами вѣсте, еще мало и не по жатвѣ“ [1]).

Выдающіяся достоинства „Введенія въ Православное Богословіе“ были достойно оцѣнены всѣми, и трудъ этотъ доставилъ многое, весьма многое своему автору. Въ этомъ отношеніи „Введеніе въ Православное Богословіе“ было самымъ счастливымъ произведеніемъ Макарія, что сознавалъ и самъ онъ. „Мое Введеніе въ богословіе“, писалъ онъ 15 апрѣля 1848 г. С. А. Серафимову, „очень счастливо: успѣло уже все разойтись и теперь снова напечатано,—не упоминаю уже о томъ, что доставило оно своему автору... Благодареніе Господу“ [2])!

Что же доставило своему автору „Введеніе въ Православное Богословіе“?

Прежде всего, Св. Синодъ, какъ высшій выразитель суда православной русской церкви, весьма сочувственно встрѣтилъ это сочиненіе и удостоилъ его рѣдкихъ наградъ. Такъ, архим. Макарій за это сочиненіе былъ возведенъ на степень доктора богословія. 31 Октября 1847 года въ Св. Синодѣ состоялось опредѣленіе, въ которомъ говорилось, что архим.

---

[1]) См. Церков. Вѣстн. 1883 г. № 24.

[2]) См. тамъ же 1883 г. № 10-й.

Макарій „въ уваженіе обширныхъ свѣдѣній въ предметахъ богословскихъ, равно ученыхъ трудовъ и особенно изданнаго имъ въ 1847 г. сочиненія подъ заглавіемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“, возводится на степень доктора богословія“ [1]). Въ награжденіи архим. Макарія высшею ученою богословскою степенью, которая въ то время была величайшею рѣдкостью, Св. Синодъ основывался на отзывѣ о трудѣ Макарія такого компетентнаго богослова, какъ преосв. Иннокентій и на особомъ представленіи, подписанномъ м. Антоніемъ, и тѣмъ же преосв. Иннокентіемъ [2]).

Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала новая награда архим. Макарію со стороны Св. Синода. По синодальному опредѣленію, сочиненіе Макарія было поднесено Государю Императору и Наслѣднику Цесаревичу, при чемъ оба они сочувственно приняли подношеніе и милостиво благодарили автора. 14 декабря 1847 года графъ А. Н. Пратасовъ писалъ м. Антонію: „вслѣдствіе опредѣленія Св. Синода, я имѣлъ счастіе поднести Государю Императору экземпляръ сочиненнаго инспекторомъ с.-петербургской духовной Академіи, архим. Макаріемъ, „Введенія въ Православное Богословіе“, и Его Императорскому Величеству въ 6 день текущаго декабря благоугодно было Всемилостивѣйше пожаловать архим. Макарію за поднесенное сочиненіе наперстный крестъ съ драгоцѣнными камнями изъ кабинета Его Величества. Другой экземпляръ сего сочиненія, согласно тому же опредѣленію, представленъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, при чемъ Е. И. Высочество, принявъ книгу сію благосклонно, соизволилъ повелѣть благодарить сочинителя отъ имени Его Высочества за полезный трудъ его“ [3]).

---

[1]) См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Конфер. Журн. за 8 ноября 1847 г. № 2 и по Внутр. Правл. за 1848 г. № 7.

[2]) См. тамъ же и у И. Чистовича. Исторія С.-Петерб. дух. Академ С.П.Б. 1857 г. стр. 398.

[3]) См. арх. с.-петербургск. дух. Акад. по Внутреннему Правленію за 1847 г. Дѣло № 7.

Вслѣдъ за Св. Синодомъ и всѣ наши Архипастыри, читавшіе „Введеніе въ Православное Богословіе“, отнеслись къ этому труду архим. Макарія съ живѣйшимъ вниманіемъ, а большинство изъ нихъ, кромѣ того, выразили искреннюю благодарность ему, съ великою похвалою отозвавшись о его талантѣ и трудолюбіи. Такъ, архіеп. тверской Григорій (съ 1856 г. с.-петербургскій митрополитъ) писалъ 15 генваря 1848 г. архим. Макарію: „я нѣсколько удовлетворилъ моему любопытству и остался доволенъ вашимъ сочиненіемъ. Ваше сочиненіе у насъ первое и достойно быть во всякой ученой библіотекѣ.... Весьма желаю подобнаго обстоятельнаго продолженія“ [1]). „Получивъ подаренный мнѣ экземпляръ „*Введенія въ Православное Богословіе*“, писалъ 21 октября 1847 года архіеп. полоцкій Василій, „я непремѣннымъ долгомъ поставилъ для себя вдругъ же внимательно прочесть эту книгу. Не могу не выразить особеннаго удовольствія, какое мнѣ доставило чтеніе этого, можно сказать, перваго, весьма удачнаго опыта въ нашемъ отечествѣ. Вѣрный и вмѣстѣ полный взглядъ на предметъ, систематическое и отчетливое изложеніе онаго, вотъ достоинства, которыя, по моему мнѣнію, украшаютъ ваше сочиненіе. Не говоря уже о многостороннихъ свѣдѣніяхъ, доказывающихъ глубокую вашу начитанность, я увѣренъ, что всякій любитель духовнаго просвѣщенія вполнѣ оцѣнитъ ваше усердіе; зрѣлый же плодъ трудовъ вашихъ не замедлитъ принесть истинную пользу между образующимся юношествомъ“ [2]). „Сочиненіе ваше“, читаемъ въ письмѣ архіеп. казанскаго Владиміра отъ 26 ноября 1847 г., „я своевременно получилъ, получивъ, два раза его читалъ, читая, въ оба раза до глубины души услаждался отчетливостію, съ какою оно составлено, и услаждаяся, тако умолялъ премудрости Наставника и смысла Подателя: да воздастъ Онъ вамъ

[1]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. III стр. 702.

[2]) См. тамъ же стр. 705.

за сей трудъ въ мѣру полну, нетрясену и преливающуюся“ [1]. Подобнымъ образомъ и преосв. Елпидифоръ, бывшій ректоръ Макарія по семинаріи, приносилъ ему глубокую благодарность за дорогой подарокъ отъ себя и отъ архіеп. варшавскаго Никанора, (съ 1848 г. митрополита с.-петербургскаго), которому не нравилось только употребленіе Макаріемъ „религія“ вмѣсто „вѣра“ [2]. Съ своей стороны, преосв. Елпидифоръ совѣтовалъ Макарію раздѣлить свое сочиненіе на два тома „для удобнѣйшаго употребленія книги въ рукахъ“ и выражалъ надежду, что Макарій не остановится, подобно другимъ, на одномъ введеніи, а самъ будетъ идти впередъ и другихъ будетъ вводить въ самую науку“ [3].

Наконецъ, и свѣтское образованное общество, выразителемъ котораго явились журналы самыхъ различныхъ направленій, единогласно привѣтствовало „Введеніе въ Православное Богословіе“ полнымъ одобреніемъ и похвалою. Такъ, критикъ „Москвитянина“ (А. И. Петровъ) указывалъ своимъ читателямъ на этотъ обширный и зрѣлый трудъ, какъ на одно изъ истинно-ученыхъ произведеній, рѣдкихъ въ нашей литературѣ вообще, и просилъ ихъ нисколько не стѣсняться заглавіемъ „Введенія“. Свою рецензію онъ заключалъ такими

---

[1]) См. тамъ-же стр. 706.

[2]) Замѣчательно, что въ программѣ чтеній по основному богословію студентамъ XVI курса (184$^{3}/_{5}$ г.) Макарій вездѣ и систематически употреблялъ выраженіе „вѣра“ и ни разу не встрѣчается здѣсь выраженіе „религія“, но въ программахъ тѣхъ же чтеній студентамъ слѣдующихъ курсовъ (XVII, XVIII и слѣд.) вездѣ и систематически употребляется выраженіе „религія“. Впослѣдствіи Макарій снова замѣнилъ выраженіе „религія“ словомъ „вѣра“ и сдѣлалъ это, очевидно, по собственному убѣжденію, а вовсе не изъ угоды другимъ, какъ думаетъ архим. Сергій (См. его сочиненіе „Антоній, архіеп казанскій“. Казань 1885 г. т. 1. стр. 153.

[3]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. стр. 116—117. Самъ м. Филаретъ (Дроздовъ) благодарилъ Макарія за его трудъ. Въ письмѣ же къ А. Н. Муравьеву онъ выразилъ только неудовольствіе на Макарія за то, что онъ не послѣдовалъ его мнѣнію о мѣстѣ въ системѣ для ученія о церкви См. Письма м Филарета къ А. Н. Муравьеву К. 1869. г. стр. 269.

словами: „подробное и обстоятельное разрѣшеніе всѣхъ предварительныхъ вопросовъ богословія, точное распредѣленіе богословскихъ наукъ по содержанію и объему, и, наконецъ, образцовое по ясности, отчетливости и чистотѣ ученаго изложенія,—все это, встрѣчаемое въ книгѣ, показываетъ въ ней плодъ долгой, усердной, всесторонней разработки богословскихъ познаній“ [1]). Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ своей стороны, привѣтствовалъ самымъ лестнымъ отзывомъ появленіе разсматриваемаго сочиненія архим. Макарія. „Основательное, ясное, подробное, отчетливое и вмѣстѣ убѣдительное изложеніе понятій“, говорилось въ этомъ отзывѣ, „суть достоинства книги. Кромѣ этихъ достоинствъ, и самое содержаніе ея таково, что она, раскрывая такія истины и понятія, которыя служатъ самымъ основаніемъ для всѣхъ отраслей науки православнаго богословія, предварительно знакомитъ изучающихъ истины христіанской вѣры съ каждою изъ отраслей этой науки. Въ ней излагаются понятія объ общемъ предметѣ всѣхъ частныхъ наукъ богословскихъ, объ общихъ ихъ источникахъ и объ общемъ ихъ систематическомъ расположеніи.... Всѣ эти истины и понятія таковы, что они составляютъ основу христіанскаго православнаго богословія, какъ науки и потому „Введеніе въ Православное Богословіе“ по всей справедливости можно назвать богословіемъ основнымъ“ [2]) Редакторъ „Чтеній Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ въ изданіи „Введенія въ Православное Богословіе“ видѣлъ новую эпоху въ нашей богословской литературѣ и вмѣнялъ въ особенную похвалу архим. Макарію то, что онъ понялъ требованіе своего вѣка, когда, при напряженномъ вниманіи и соплеменниковъ нашихъ, православныхъ и неправославныхъ, и всего образо-

[1]) Ст. 1848 г. ч. 1. отд. VI стр. 143—145.

[2]) См. 1849 г. ч. 1. отд. VI стр. 1—33.

ваннаго запада къ нашей церкви, вѣроисповѣдные вопросы снова явились на первомъ планѣ въ современномъ движеніи[1]).

Но самый обстоятельный разборъ „Введенія въ Православное Богословіе“ помѣстили у себя „Отечественныя Записки“. По мнѣнію автора этого разбора, архим. Макарій настоящимъ своимъ сочиненіемъ оказалъ слѣдующія важныя услуги богословской наукѣ и Православной церкви: 1) онъ установилъ на православное богословіе свой собственный взглядъ, какого доселѣ не имѣлъ еще ни одинъ изъ нашихъ богослововъ; въ частности, введеніемъ въ свое сочиненіе трактата о церкви православной, какъ единой хранительницѣ истинной вѣры, онъ сдѣлалъ то, что написалъ введеніе именно въ православное богословіе, а не въ богословіе христіанское, или откровенное вообще; 2) онъ „въ образцовомъ сочиненіи съ неподражаемою силою, ясностію, полнотою и убѣдительностію раскрылъ истины христіанскія, составляющія предметъ Введенія. Здѣсь во всемъ свѣтѣ обнаружились его необыкновенный умъ, всеобъемляющій взглядъ и изумительно обширное знакомство съ источниками. Въ своемъ Введеніи авторъ доказываетъ и объясняетъ богословскія истины не только обыкновенными свидѣтельствами Св. Писанія и св. отцовъ Церкви и соображеніями здраваго разума, но заставляетъ говорить въ пользу ихъ іудеевъ и язычниковъ, ихъ исторію, мудрость, поэзію. Самая природа со всѣми ея законами представляетъ ему очевидныя доказательства раскрываемыхъ имъ истинъ, такъ что многія изъ нихъ дѣлаются, наконецъ, почти осязаемыми“; 3) опровергая заблужденія иновѣрцевъ, авторъ избѣжалъ въ этомъ, весьма щекотливомъ, дѣлѣ обычной крайности пылкаго, фанатическаго предубѣжденія противъ западныхъ церквей, что, какъ извѣстно, особенно вредитъ правотѣ дѣла. Всѣ приводимыя имъ свидѣтельства и доводы возбуждаютъ въ душѣ читателя, даже не-

[1]) См. Русская Стар. т. XXII. Письма къ м. Макарію.

православнаго, полное къ нему довѣріе, и не могутъ не произвести желаннаго дѣйствія, тѣмъ болѣе, что въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приводитъ многія свидѣтельства западныхъ же пастырей обстоятельно и точно; наконецъ, 4) въ послѣдней части „Введенія“ авторъ съ особенною подробностію указалъ точки зрѣнія, съ какихъ должно смотрѣть при составленіи всѣхъ прикосновенныхъ къ богословію наукъ, представивъ планъ и даже конспектъ для каждой изъ нихъ, показавъ источники, пособія, образцы. Рецензія заканчивалась слѣдующими словами: „свѣтлый взглядъ на введеніе собственно въ православное богословіе, ясность, сила и полнота въ раскрытіи богословскихъ истинъ и вслѣдствіе этого особенная убѣдительность, заставляющая соглашаться съ авторомъ самыхъ упорныхъ скептиковъ, сообщеніе подробнаго и раздѣльнаго понятія о всѣхъ отрасляхъ богословскихъ наукъ— все это составляетъ высокія, рѣдкія достоинства труда Макарія и ставитъ его въ ряду замѣчательнѣйшихъ сочиненій нашего времени“. Живость, чистоту изложенія, отсутствіе сухости и школьнаго духа, почти неизбѣжныхъ при составленіи системы, стройное и удивительно естественное расположеніе всѣхъ частей Введенія рецезентъ уже относилъ къ второстепеннымъ достоинствамъ [1]).

Такъ отнеслась, можно сказать, вся православная церковь и все образованное русское общество къ первому произведенію архим. Макарія по богословію. Посреди всеобщей радости и восторга, вызванныхъ „Введеніемъ въ Православное Богословіе“, рѣзкимъ диссонансомъ прозвучалъ одинъ неодобрительный отзывъ, который мы, въ видахъ безпристрастія, и приводимъ здѣсь. Въ письмѣ къ А. В. Горскому отъ 30 іюля 1848г. преосв. Филаретъ (Гумилевскій), между прочимъ, говорилъ: „недавно читалъ его (т. е. о. Макарія) *Введеніе въ Богословіе*. Что это за вздорная путаница? Ни логическаго порядка, ни

[1]) См. 1853 г. Августъ отд. IV стр. 47—70.

силы въ доказательствахъ нѣтъ. Если бы мнѣ грѣшному привелось читать и студенческое подобное сочиненіе, не оставилъ бы четвертой части не измаранною. Соколовъ (нынѣ о. Іоаннъ) представлялъ мнѣ въ свое время записки по тому же предмету; по совѣсти говорю: онѣ втрое были дѣльнѣе“ [1]). Намъ нѣтъ никакой необходимости опровергать этотъ отзывъ почтеннаго ученаго Архипастыря. Мы увѣрены только въ томъ, что устами преосв. Филарета говорило на этотъ разъ пристрастіе и раздраженное самолюбіе. Въ это время, какъ увидимъ скоро, преосв. Филаретъ и архим. Макарій были уже литературными соперниками.

За то въ разборѣ нуждается другое ложное мнѣніе, которое связано съ „Введеніемъ въ Православное Богословіе“ архим. Макарія. Разумѣемъ мнѣніе о зависимости этого сочиненія отъ академическихъ чтеній преосв. Димитрія по основному богословію, или апологетикѣ христіанства. Говорятъ, что сохранившееся въ преданіи изреченіе архіеп. Димитрія: „*тутъ мой крестъ, а его цѣпочка*“ [2]) имѣетъ отношеніе именно къ „Введенію въ Православное Богословіе“ архим. Макарія. При такомъ пониманіи даннаго выраженія, оно намекало, будто бы, на полученный Макаріемъ докторскій крестъ за „Введеніе въ Православное Богословіе“ и означало, что крестъ то собственно принадлежитъ ему, Димитрію, а Макарію—одна только цѣпочка.

Мы раньше видѣли, что программы Димитрія и Макарія по основному, или энциклопедическому богословію существенно различны между собою. Но тамъ же мы предположили возможность другого рѣшенія вопроса: форма, программы могли быть различны, но реальное содержаніе ихъ могло быть и одинаково. Поэтому, здѣсь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о взаимоотношеніи между самыми чтеніями Димитрія по основ-

[1]) См. Твор. свв. отцовъ 1885 г. ч. 3. стр. 142.

[2]) См. выше стр. 74.

ному богословію и „Введеніемъ въ Православное Богословіе“ Макарія, которое, какъ мы уже сказали, было только печатнымъ воспроизведеніемъ его академическихъ чтеній по основному, или энциклопедическому богословію [1]). Для рѣшенія этого вопроса мы имѣли двухъ родовъ данныя: а) программы и б) чтенія Димитрія по основному богословію и сочиненіе Макарія подъ заглавіемъ „Введеніе въ Православное Богословіе“.

Програ́ммы Димитрія и Макарія, равно какъ и сочиненіе послѣдняго, намъ уже извѣстны. Остается, поэтому, сказать только о чтеніяхъ Димитрія по основному богословію. Съ этими чтеніями мы имѣли возможность болѣе или менѣе достаточно познакомиться по рукописнымъ сборникамъ, хранящимся нынѣ въ библіотекѣ Кіевской духовной Академіи и поступившимъ въ неё отъ прот. Н. Я. Оглоблина.

Въ одномъ изъ этихъ сборниковъ [2]) содержатся студенческія лекціи по энциклопедическому, апологетическому, догматическому богословію и сравнительная таблица христіанскихъ вѣроисповѣданій. На первомъ заглавномъ листѣ сборника рукою неизвѣстнаго лица написано, что апологетическое богословіе, содержащееся въ сборникѣ, „есть лекціи экстра-ординарнаго профессора Кіевской духовной Академіи, іером. Димитрія“. Съ своей стороны, мы признаемъ, что содержащіяся въ настоящемъ сборникѣ лекціи по „апологетикѣ христіанства“ принадлежатъ преосв. Димитрію Муретову и были читаны имъ студентамъ IX курса нашей Академіи въ теченіи первой половины $183^{7}/_{8}$ учебнаго года. Говоримъ такъ на томъ основаніи, что оглавленія параграфовъ разсматриваемыхъ лекцій совершенно буквально совпадаютъ съ текстомъ „показанія уроковъ по классу богословія, читанныхъ студентамъ Кіевской д. Академіи въ первую половину $183^{7}/_{8}$ учебнаго года профес-

[1]) См. „Введеніе“ стр. 13 прим. 3.

[2]) См. Муз. Рук. № 209.

сором, іером. Димитріемъ“ [1]). Къ сожалѣнію, въ настоящемъ сборникѣ сохранился не весь курсъ лекцій Димитрія по введенію въ богословіе, а только часть его, содержащая въ себѣ предварительныя свѣдѣнія по „апологетикѣ христіанства“ и первый отдѣлъ ея подъ заглавіемъ „о религіи вообще“.

За то въ другомъ сборникѣ [2]) мы имѣемъ уже полный курсъ „введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“, также принадлежащій безспорно преосв. Димитрію. Правда, въ самомъ сборникѣ нѣтъ никакихъ указаній на счетъ того, какому профессору принадлежатъ лекціи по „введенію въ кругъ богословскихъ наукъ“. Но мы съ увѣренностію признаемъ эти лекціи принадлежащими преосв. Димитрію на слѣдующихъ основаніяхъ. Во 1) эти лекціи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходны и при томъ не только по мыслямъ, но даже и по изложенію съ извѣстными уже намъ лекціями преосв. Димитрія по „апологетикѣ христіанства“. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только сравнить параллельные параграфы тѣхъ и другихъ, напр. § 28 Введенія съ § 19 Апологетики, § 29 Введ. съ § 23 Апол., § 33 Введ съ § 26 Апологет., § 34 Введ. съ § 27 Аполог., § 40. Введ. съ § 36 Апол., § 41 Введ. съ § 37 Апологетики. Во 2) заглавія параграфовъ „введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“ буквально совпадаютъ съ текстомъ „показанія предметовъ, преподанныхъ студентамъ высшаго отдѣленія Академіи въ первую половину $18^{39}/_{40}$ учебнаго года по классу богословія профессоромъ, архим. Димитріемъ“ [3]). Это послѣднее обстоятельство даетъ намъ, очевидно, основаніе заключать, что въ разсматриваемыхъ чтеніяхъ по „введенію въ кругъ богословскихъ наукъ“ мы имѣемъ именно тѣ лекціи преосв. Димитрія, какія онъ читалъ по этому предмету X курсу студентовъ Кіевской д. Академіи,

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад по Внутр. Правл. за 1837 г дѣло № 74.

[2]) См. Муз. рукоп. № 210.

[3]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1839 г. дѣло № 44.

питомцемъ котораго былъ и Макарій. Лучше этого, конечно, нельзя уже и желать. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, всѣ необходимыя данныя для сравненія академическихъ чтеній Димитрія по „введенію въ курсъ богословскихъ наукъ“ и „Введенія въ Православное Богословіе“ архим. Макарія. Внимательное сравненіе ихъ показываетъ существенное различіе между ними какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

Въ цѣломъ своемъ системы основнаго богословія у Димитрія и Макарія имѣли слѣдующее различіе. Съ одной стороны, система Макарія безспорно превосходила систему Димитрія обширностію своего объема и всесторонностію изслѣдованія частныхъ вопросовъ. Такіе отдѣлы, какъ показаніе и подробное описаніе частей православнаго богословія и ученіе о православной церкви, какъ хранительницѣ и истолкователь-ницѣ Св. Писанія и Св. Преданія были, можно сказать, почти новыми у Макарія сравнительно съ Димитріемъ. Затѣмъ и каждый почти изъ трактатовъ, одинаково заключающихся въ системахъ Димитрія и Макарія, у послѣдняго разсматривается подробнѣе, обстоятельнѣе и всестороннѣе; особенно интересно въ этомъ отношеніи сравнить параллельные трактаты въ системахъ Димитрія и Макарія, заключающіе въ себѣ доказательство божественнаго происхожденія христіанства, ученіе о церкви и разсужденія о признакахъ истиннаго откровенія. Съ другой стороны, въ системѣ основнаго богословія, принадлежащей Макарію, надъ всѣмъ видимо господствуетъ одна идея—дать введеніе именно въ православное богословіе, къ чему у него направляются всѣ, повидимому, самыя отдаленныя разсужденія; напротивъ, систему Димитрія сравнительно съ системой Макарія можно назвать введеніемъ въ обще-христіанское, въ обще-откровенное богословіе. Отъ чего произошло это послѣднее различіе между системами Макарія и Димитрія, скоро увидимъ.

Мы показали сейчасъ, можно сказать, внѣшнее различіе между системами Димитрія и Макарія, разсматриваемыми въ

ихъ цѣломъ. Но не менѣе существенно различаются онѣ между собою и по внутреннему своему характеру. Съ этой стороны систему Димитрія можно назвать философско-богословскимъ введеніемъ въ ученіе объ откровенной религіи, а систему Макарія—церковно-историческимъ введеніемъ въ православное богословіе. Такое различіе, имѣющее коренное основаніе свое, конечно, въ различномъ складѣ ума того и другаго богослова, произошло также и отъ различнаго метода, какого оба они держатся въ своихъ изслѣдованіяхъ основныхъ богословскихъ истинъ. У Димитрія систематически выдерживается такой планъ изслѣдованія. Поставивъ какой-либо вопросъ, онъ затѣмъ обсуждаетъ его философски и на основаніи этого обсужденія даетъ такое или иное рѣшеніе вопроса, такое или иное опредѣленіе извѣстной основной богословской истины. Напр., онъ ставитъ вопросъ: „что такое религія“? Въ отвѣтъ на него отъ разсматриваетъ „религію“ со стороны филологическаго значенія этого слова и по существу дѣла и потомъ уже, какъ выводъ изъ предыдущихъ разсужденій, дѣлаетъ опредѣленіе, что „религія есть союзъ Бога съ человѣкомъ“. Тотъ же самый порядокъ и планъ изслѣдованія выдерживается Димитріемъ и въ рѣшеніи всѣхъ другихъ основныхъ богословскихъ вопросовъ. У него рѣдко, въ высшей степени рѣдко, встрѣчаются свидѣтельства Св. Писанія, Св. Преданія и отцовъ Церкви. Совсѣмъ иной методъ въ изслѣдованіи основныхъ богословскихъ истинъ замѣчается у Макарія. Онъ, прежде всего, даетъ готовое понятіе о той или другой богословской истинѣ и при томъ преимущественно на основаніи церковнаго православнаго ученія и затѣмъ уже подтверждаетъ и раскрываетъ это понятіе свидѣтельствами Св. Писанія, Св. Преданія, отцовъ и учителей Церкви, и только уже въ концѣ ссылается на доводы здраваго разума и при томъ, должно замѣтить, не всегда. Такъ, напр., поставивъ вопросъ о религіи, онъ сначала даетъ понятіе о ней, потомъ приводитъ свидѣтельства Св. Писанія о религіи первоначальной, патріархаль-

ной, подзаконной и христіанской, наконецъ, ссылается на свидѣтельство Лактанція. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что такое различіе въ методѣ изслѣдованія основныхъ богословскихъ истинъ не было чѣмъ либо случайнымъ у Димитрія и Макарія. Напротивъ того, оно проводилось ими сознательно и намѣчалось обоими въ самомъ началѣ системы того и другаго богослова. Во введеніи въ „апологетику христіанства“ Димитрій, между прочимъ, ставитъ вопросъ о томъ, что должно служить началомъ и основаніемъ апологетики? и рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: „началомъ апологетики не можетъ служить положительное откровеніе; поелику истина и божественность откровенія есть только искомое въ сей наукѣ. Тѣмъ менѣе можетъ быть началомъ апологетики какая либо философская система: поелику всякая таковая система болѣе или менѣе одностороння, есть произведеніе ума одного человѣка,— посему не можетъ быть одинаково важна для каждаго. Надлежитъ избрать такихъ вождей, коимъ равно каждый могъ бы довѣрить себя. Такіе руководители у человѣка суть здравый смыслъ и опытъ, или исторія. Священное Писаніе, поелику оно выражаетъ ученіе здраваго разума въ чистомъ его видѣ и имѣетъ историческую достовѣрность, должно быть принято за руководство при изслѣдованіяхъ въ апологетикѣ“ [1]). Совсѣмъ иначе рѣшаетъ тотъ же вопросъ Макарій. По его мнѣнію, источникомъ введенія въ православное богословіе должно служить само слово Божіе, т. е. Св. Писаніе и Св. Преданіе, сохраняемыя и преподаваемыя православною церковію: „ибо откуда же и заимствовать понятіе о христіанской религіи и ея источникахъ, какъ не изъ христіанскаго ученія, сохраняемаго Церковію“; соображенія здраваго разума и историческія изслѣдованія онъ ставилъ уже на второмъ планѣ“ [2]).

---

[1]) См. Муз. Рукоп. № 209 начерт. Апол. § 6 стр. 3.

[2]) См. Введеніе стр. 12.

Преобладаніемъ у Димитрія—философскаго, а у Макарія—церковно-историческаго начала объясняется и слѣдующее очень важное различіе между ихъ системами по введенію въ курсъ богословскихъ наукъ. У Димитрія безспорно гораздо сильнѣе логическая послѣдовательность мыслей, чѣмъ у Макарія. Логика въ чтеніяхъ Димитрія, не смотря на то, что они были только студенческими записками и, быть можетъ, не видѣли редакторской руки самого автора, просто поразительна: одна мысль у него совершенно естественно вытекаетъ изъ другой и послѣдующее является выводомъ изъ предыдущаго. Благодаря этому, весь курсъ чтеній Димитрія по введенію въ богословіе представляетъ какъ бы непрерывную цѣпь силлогизмовъ. Особенно интересно съ этой стороны сравнить взаимное отношеніе въ системахъ Димитрія и Макарія двухъ главныхъ отдѣловъ: „объ откровеніи вообще“ и „христіанской религіи, какъ единомъ истинномъ откровеніи“. У Димитрія рѣчь объ „откровеніи вообще“ является самымъ прекраснымъ подготовленіемъ къ „апологіи христіанства“. Онъ сначала показываетъ, каково должно быть истинное откровеніе и затѣмъ непосредственно раскрываетъ свойства христіанской религіи. Слѣдствіемъ этого само собою является глубочайшее убѣжденіе въ божественномъ происхожденіи христіанства. Достигается же это, по нашему мнѣнію, именно тѣмъ, что Димитрій разсматриваетъ христіанство съ тѣхъ самыхъ сторонъ, съ какихъ онъ раньше анализировалъ понятіе о сверхъестественномъ откровеніи, и не позволяетъ себѣ никакихъ отступленій отъ разъ намѣченнаго плана. У Макарія такой убѣдительности препятствуютъ именно подобныя отступленія. Наконецъ, у Димитрія сравнительно съ Макаріемъ замѣчается слѣдующая особенность. Димитрій, видимо, старался какъ можно болѣе углубляться въ разбиравшійся на лекціи вопросъ и при этомъ имѣлъ обыкновеніе нѣкоторые особенно интересные и живые вопросы только намѣчать, оставляя ихъ нерѣшенными окончательно; этимъ, само собою разумѣется,

онъ будилъ мысль слушателей и заставлялъ ихъ вдумываться въ сказанное имъ на лекціи. У Макарія же обыкновенно всякій вопросъ разсматривается всесторонне, предметъ исчерпывается совершенно, такъ что слушателямъ оставалось только слѣдить за живою рѣчью своего краснорѣчиваго наставника, который иногда позволялъ себѣ нарушать строго логическую послѣдовательность мыслей и уклоняться въ сторону.

Показанное нами сейчасъ общее различіе между системами Макарія и Димитрія обнаруживается ясно и въ частностяхъ ихъ. Такъ, напр., возьмемъ вступительные отдѣлы ихъ. Здѣсь мы, прежде всего, видимъ неодинаковое опредѣленіе богословія. У Макарія оно опредѣляется, какъ „систематическое изложеніе христіанской религіи, на основаніи слова Божія: Св. Писанія и Св. Преданія, подъ руководствомъ православной церкви“[1]), а у Димитрія, какъ „наука, руководствующая къ основательному познанію христіанской религіи и къ успѣшнѣйшему употребленію ея во благо свое и другихъ“ [2]). Затѣмъ у Димитрія сравнительно съ Макаріемъ являются въ этомъ отдѣлѣ новыми слѣдующіе вопросы: 1) нужно ли обращать христіанскую религію въ предметъ науки? 2) не можетъ ли быть какой либо опасности отъ того, что христіанская религія поставляется предметомъ науки? 3) какъ предотвратить эту опасность? 4) можетъ ли измѣняться система богословія? 5) есть ли какой либо постоянный законъ, по которому можно оцѣнивать относительное достоинство богословской системы? 6) части богословской системы и 7) достоинство и связь богословія съ другими науками. Правда, два послѣдніе вопроса есть и у Макарія, только рѣшеніе ихъ у него составляетъ обширную третью часть науки, между тѣмъ какъ у Димитрія оно занимаетъ два небольшихъ параграфа. Въ свою очередь, и у Макарія новымъ сравнительно съ Димитріемъ является § 5-й, гдѣ дѣлается „историческое обозрѣніе другихъ понятій о введеніи въ богословіе“. Наконецъ, и всѣ параллельные параграфы,

[1]) См. Введеніе § 2.
[2]) См. Сборн. Муз. № 210. Введ. § 1.

гдѣ у Димитрія и Макарія рѣшаются одни и тѣ же вопросы, имѣютъ значительное различіе; чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ, кромѣ выше указанныхъ § 1 у Димитрія и § 2 у Макарія, сравнить еще § 13 у Димитрія и § 4 у Макарія, гдѣ идетъ рѣчь о методѣ богословія.

Въ трактатѣ о религіи находимъ большое различіе между системами Димитрія и Макарія: у того и другаго ученіе о религіи неодинаково и по содержанію и по плану (ср. § 19 Дим. и § 7 Мак.); кромѣ того, у Макарія въ этомъ трактатѣ являются совсѣмъ новыми параграфы, гдѣ раскрываются истина бытія Божія, истина бытія и безсмертія человѣческой души и понятіе о церкви; у Димитрія дѣлается только намекъ на понятіе и ученіе о церкви въ этомъ отдѣлѣ. Можно, кажется, думать, что трактаты объ истинѣ бытія Божія, бытія и безсмертія человѣческой души Макарій внесъ въ свое „введеніе“ подъ воздѣйствіемъ *м. Филарета*[1]).

Въ трактатѣ объ откровеніи вообще замѣчается слѣдующее различіе между системами Димитрія и Макарія. Прежде всего, послѣдовательность и ходъ мыслей неодинаковъ. У Димитрія онъ таковъ: расторженіе религіознаго союза Бога съ человѣкомъ, необходимость возстановленія этого союза, возможность такого возстановленія, рѣчь объ откровеніи; у Макарія же такой: возможность откровенія, необходимость его, рѣчь объ откровеніи; у Димитрія, какъ видимъ, болѣе логическая и естественная послѣдовательность. Съ другой стороны, изображеніе религіи человѣчества, уклонившагося отъ союза съ Богомъ, неодинаково: у Димитрія разсматривается только языческая религія, а у Макарія, кромѣ того, ново-іудейская и магометанская. Наконецъ, у Димитрія въ этомъ трактатѣ есть совсѣмъ новые вопросы, напр., опытъ возстановленія союза человѣка съ Богомъ (§ 40).

Въ трактатѣ о признакахъ истиннаго откровенія между

---

[1]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ его. СПБ. 1885 г. т. III стр. 136.

системами Димитрія и Макарія существуетъ коренное различіе. У Димитрія, прежде всего, есть особый вступительный отдѣлъ, гдѣ рѣшаются вопросы о необходимости сверхъестественнаго откровенія, предметѣ, планѣ, способахъ откровенія, способахъ распространенія и сохраненія его, долгѣ человѣка въ отношеніи откровенія, послѣ чего уже начинается рѣчь о ложныхъ откровеніяхъ и необходимости признаковъ истиннаго откровенія, тогда какъ у Макарія прямо говорится о возможности ложныхъ откровеній и необходимости признаковъ истиннаго откровенія. Затѣмъ, дѣленіе признаковъ сверхъ естественнаго откровенія совсѣмъ неодинаково у Димитрія и Макарія. Наконецъ, въ заключеніи трактата объ откровеніи у Димитрія являются новыми вопросы: 1) методъ, приличный откровенію; 2) можетъ ли откровеніе время отъ времени усовершаться?

Трактаты о религіи христіанской въ системахъ Димитрія и Макарія существенно различны. Замѣчательно, что самое опредѣленіе христіанства неодинаково формулируется у нихъ. По Макарію, „христіанская религія есть не только союзъ между Богомъ и человѣкомъ, но именно союзъ новый, возстановленный, по нарушеніи человѣкомъ союза первобытнаго“ (§ 46), а по Димитрію, „христіанство есть богооткровенная религія, признающая І. Христа Сыномъ Божіимъ и Искупителемъ рода человѣческаго“ (§ 78); опредѣленіе Макарія послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія системы, опредѣленіе же Димитрія—безспорно точнѣе. Неодинаковое опредѣленіе христіанства повлекло за собою глубокое различіе и въ изложеніи всего трактата; Макарій разсматриваетъ ветхозавѣтную и новозавѣтную христіанскую религію, слѣдуя въ данномъ случаѣ, кажется, указаніямъ м. Филарета[1]). а Димитрій обращаетъ вниманіе исключительно только на новозавѣтную

[1]) См. тамъ же стр. 137.

христіанскую религію; отсюда у Макарія настоящій трактатъ вышелъ гораздо обширнѣе и обстоятельнѣе (56 §§ отъ 51 до 107 и 224 стр. 138—362), чѣмъ у Димитрія (20 §§ отъ 83 до 103 и 14 стр.). Наконецъ, трактатъ „о сущности и свойствахъ христіанской религіи", составляющій у Димитрія вторую часть ученія о христіанствѣ, является у него новымъ сравнительно съ Макаріемъ.

Трактатъ объ источникахъ христіанской религіи у Макарія излагается гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ у Димитрія; напр., въ отдѣлѣ о Св. Писаніи Димитрій даетъ понятіе о немъ, говоритъ о богодухновенности и свойствахъ св. книгъ и затѣмъ замѣчаетъ: „раздѣленіе книгъ, происхожденіе, исторія ихъ и пр. „составляетъ предметъ особой науки введенія въ Св. Писаніе"; между тѣмъ какъ Макарій здѣсь рѣшаетъ всѣ эти и другіе вопросы о Св. Писаніи. То же самое слѣдуетъ сказать и объ отдѣлѣ, гдѣ говорится о Св. Преданіи, которое—кстати замѣтимъ—у Димитрія опредѣляется, какъ „изложеніе ученія о какомъ-либо предметѣ вѣры, или наставленіе о какомъ-либо св. обрядѣ, неизображенное буквально въ Св. Писаніи, но согласное съ духомъ его и служащее къ поясненію его, устно или черезъ писаніе передаваемое учителями церкви, и отъ первыхъ временъ церкви постоянно сохраняемое, какъ Божіе" (§ 114), а у Макарія, какъ „слово Божіе, не заключенное въ письмена самими богодухновенными писателями, а устно преданное церкви и съ тѣхъ поръ непрерывно въ ней сохраняющееся" (§ 127). Наконецъ, разсужденія о св. церкви, содержащіяся въ разсматриваемыхъ трактатахъ обѣихъ системъ, также радикально различаются между собою; у Макарія есть совершенно новые вопросы, напр, о православной церкви и объ изложеніяхъ вѣры, въ которыхъ можно находить символическое ученіе православной церкви. Замѣчательно, что трактатъ о церкви Макарій оставилъ въ своей системѣ на настоящемъ мѣстѣ, не смотря на самыя категорическія

возраженія м. Филарета противъ этого [1]). Обращаемъ вниманіе на это обстоятельство, какъ на самое краснорѣчивое свидѣтельство самостоятельности и стойкости Макарія въ своихъ убѣжденіяхъ.

Итакъ, изъ всего сказаннаго нами мы имѣемъ полное право сдѣлать тотъ выводъ, что сочиненіе архим. Макарія „Введеніе въ Православное Богословіе“ находится внѣ всякой литературной зависимости отъ академическихъ чтеній его учителя, архим. Димитрія. Всякіе толки о такой зависимости мы признаемъ праздною и недостойною обоихъ нашихъ славныхъ богослововъ болтовнею. „Введеніе въ Православное Богословіе“ какъ по плану, такъ и по содержанію, было плодомъ самостоятельныхъ занятій архим. Макарія въ области основнаго богословія.

Мы видѣли, что всѣ архипастыри и другія лица, поздравлявшія архим. Макарія съ выпускомъ въ свѣтъ „Введенія въ Православное Богословіе“, выражали искреннее желаніе видѣть продолженіе его труда. Преосв. Иннокентій прямо вмѣнялъ это въ обязанность архим. Макарію, котораго, какъ онъ говорилъ, самъ Господь призываетъ на это дѣло. Лица, окружавшія архим. Макарія, равно какъ и высшее духовное начальство побуждало его къ тому же. „Слышно“, писалъ 11 ноября 1847 года преосв. Евсевій А. В. Горскому, „что о. Макарію нашему поручено на словахъ отъ митрополита написать Догматическое Богословіе. Онъ по этому случаю почти отказывается на будущій годъ быть мнѣ сотрудникомъ въ изданіи. Это явно неладно; но что дѣлать! Можетъ быть уговорю что нибудь сдѣлать на пользу изданія“ [2]). Самъ архим. Макарій также не скрывалъ того, что онъ приступилъ къ написанію догматики по волѣ начальства. „Благодареніе Господу“! писалъ онъ 15 апрѣля 1848 года С. А. Серафимову.

---

[1]) См. тамъ же стр. 137—139; 156—161.

[2]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 749.

„Теперь по волѣ начальства, я принялся за новый трудъ, котораго начало положено уже въ послѣдней книжкѣ „Христіанскаго чтенія“. Разумѣю православное догматическое богословіе. Дастъ ли мнѣ Богъ окончить этотъ трудъ, не знаю. А хотѣлось бы отъ всей души принести еще хоть лепту на пользу общую. Буду молить Всевышняго“ [1]). Изъ переписки преосв. Евсевія съ А. В. Горскимъ мы, кромѣ того, узнаемъ, что къ составленію и напечатанію догматики арх. Макарія побуждало и свѣтское духовно-учебное начальство, вѣроятно, въ лицѣ оберъ-прокурора графа А. Н. Пратасова и его помощника А. И Карасевскаго, директора духовно-учебнаго Управленія. „Въ нашемъ изданіи“, писалъ преосв. Евсевій 16 сентября 1848 года своему другу, „видите новые труды о. Макарія. По намѣренію поручавшихъ ему—свѣтскаго начальства—писать, это должно быть руководствомъ для семинарій. Впрочемъ, трудящійся, кажется, и самъ не имѣетъ въ виду этой, главно, цѣли. Свои мысли я ему сказывалъ: но къ сожалѣнію (а можетъ быть и не такъ) онъ слѣдуетъ твердо своимъ понятіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло будетъ въ своемъ родѣ хорошо и полезно и удовлетворитъ нуждѣ. Господь поможетъ ему. Онъ скоръ въ дѣятельности, и въ будущемъ годѣ, вѣроятно, дѣло кончится и явится отдѣльно“ [2]).

Изъ приведенныхъ нами сейчасъ словъ преосв. Евсевія видно, что духовно-учебное начальство поручало архим. Макарію составить и напечатать собственно руководство по догматикѣ для семинарій. Но, Макарій, принявъ порученіе, не вполнѣ послѣдовалъ совѣтамъ другихъ. Вмѣсто учебника, онъ рѣшилъ составить ученое изслѣдованіе по предмету догматическаго богословія. Такого своего намѣренія онъ ни отъ кого не скрывалъ и прямо высказалъ его въ самомъ началѣ своего труда. Въ заключеніе обзора исторіи православно-

---

[1]) См. Церков. Вѣстн. 1883 г. № 10.

[2]) См. Твор. св. отцевъ 1886 г. кн. 2. стр. 802—803.

догматическаго богословія архим. Макарій говорилъ: „остается желать, чтобы по этимъ указаніямъ составились, наконецъ, у насъ систематическіе учебники Догматическаго Богословія, достойные предмета и вполнѣ соотвѣтствующіе потребностямъ образующагося въ духовныхъ училищахъ юношества и всей Церкви“ [1]).

Очевидно, что архим. Макарій рѣзко отличалъ свой трудъ отъ учебнаго руководства для семинарій и сознательно не желалъ стѣснять своего широко задуманнаго труда рамками семинарскаго учебника. Въ этомъ ему вполнѣ сочувствовалъ и преосв. Евсевій, писавшій 18 марта 1848 года А. В. Горскому: „въ ней (разумѣется первая книжка Христ. Чт. за 1848 г.) увидите начало труда о. инспектора по догматическому богословію. Явно, что это не можетъ быть учебникомъ, если продолженіе не приметъ другаго вида. Но, кажется, сочинитель и не хочетъ стѣсняться въ рамку учебника: для этого слишкомъ много требуется самоотверженія“ [2]).

Получивъ предложеніе написать догматичеекое богословіе, что могло быть, судя по свидѣтельству преосв. Евсевія, въ ноябрѣ 1847 года, архим. Макарій, очевидно, немедленно же принялся за работу. „Скорый въ дѣятельности“, онъ къ началу слѣдующаго года уже успѣлъ настолько обработать свои чтенія по догматикѣ, что съ первой книжки „Христіанскаго Чтенія“ за 1848 годъ могъ уже приступить къ печатанію своего новаго труда. Въ теченіе обозрѣваемаго нами времени своей жизни архим. Макарій успѣлъ напечатать вве-

---

[1]) См. Христ. Чт. 1848 г. ч. 1. стр. 406 ср. Православно-догматическое Богословіе арх. Макарія СПБ. 1849 г., т. 1. стр. 75; здѣсь въ прим. 154 архим. Макарій уже замѣчалъ: „соѣшимъ присовокупить, что такой учебникъ для среднихъ духовно-учебныхъ заведеній, дѣйствительно, и явился у насъ въ недавнее время подъ заглавіемъ: „Догматическое богословіе правосл. каѳолической восточной Церкви съ присовокупленіемъ общаго введенія въ курсъ богословскихъ наукъ—преподанное въ Кіевской дух. Семинаріи ректоромъ архим. Антоніемъ“.

[2]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 776.

деніе въ науку догматическаго богословія и первый отдѣлъ первой части ея или ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ [1]). Въ отдѣльномъ изданіи эти статьи составили первый томъ извѣстнаго труда архим. Макарія подъ заглавіемъ: „Православно-догматическое богословіе", который вышелъ въ 1849 году.

Въ него вошло: а) введеніе, гдѣ говорится о долгѣ православно-догматическаго богословія, о христіанскихъ догматахъ, какъ предметѣ его, происхожденіи и раскрытіи догматовъ въ церкви, источникахъ и образцахъ православно-догматическаго богословія, разныхъ дѣленіяхъ догматовъ и значеніи этихъ дѣленій, о характерѣ, планѣ, методѣ науки, въ заключеніе предлагается очеркъ исторіи православно—догматическаго богословія и б) первый отдѣлъ первой части, заключающій ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ; въ первой главѣ этого отдѣла говорится о Богѣ, единомъ въ существѣ, а во второй—о Богѣ троичномъ въ лицахъ.

Какъ статьи архим. Макарія, печатавшіяся на страницахъ Христіанскаго Чтенія, такъ и первый томъ православно-догматическаго богословія архим. Макарія были привѣтствованы такимъ же единодушнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ, какое мы видѣли при появленіи въ печати „Введенія въ Православное Богословіе". Почти всѣ архипастыри наши, которымъ Макарій посылалъ свой новый трудъ, отозвались о немъ съ великою похвалою. „Весьма благодаренъ", писалъ 5 ноября 1849 г. архіеп. Григорій, „за доставленіе мнѣ перваго тома Догматики! Весьма обстоятельное и основательное сочиненіе! Да дастъ вамъ Господь Богъ силы окончить этотъ трудъ, такъ давно въ церкви желанный и такъ удовлетворительный" [2]). „Искреннѣйшую приношу вамъ благодарность за

[1]) См. Христ. Чт. 1848 г. Апрѣль стр. 212—284; Май стр. 285—308; Іюнь стр. 375—411; Сентябрь стр. 192—231; Октябрь стр. 261—308; Ноябрь стр. 309—359; 1849 г. Мартъ стр. 151—204; Апрѣль стр. 225—294.

[2]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. 3. стр. 702.

присылку мнѣ книги вашего *прекраснаго* произведенія подъ названіемъ: „Православно-догматическое Богословіе“, писалъ также архіеп. астраханскій Евгеній 21 октября 1849 г. „Да пошлетъ вамъ Господь продолжать и совершить сіе великое, святое и преполезное дѣло для нашей православной россійской Церкви“ [1]).

Свѣтское образованное общество, съ своей стороны, встрѣтило догматическій трудъ архим. Макарія весьма сочувственно. Обозрѣватель журналовъ (И. Галанинъ) въ Ж. М. Н. П. неопустительно слѣдилъ за статьями архим. Макарія по догматическому богословію, печатавшимися въ Христ. Чтеніи, признавалъ ихъ замѣчательными и рекомендовалъ ихъ своимъ читателямъ [2]). А „Москвитянинъ“ почтилъ появленіе перваго тома догматики Макарія въ печати обстоятельнымъ и похвальнымъ отзывомъ. О немъ здѣсь заявлялось, что „по учености богословской, по объему, это замѣчательный трудъ въ духовной нашей литературѣ, и въ исторіи ея, конечно онъ займетъ важное мѣсто. За достоинство сочиненія не мало говоритъ и имя автора, извѣстнаго по историческимъ трудамъ; и мы видимъ въ настоящемъ сочиненіи приложеніе его историческихъ свѣдѣній къ наукѣ богословія, что даетъ его труду великую цѣну“ [3]). „Ваши глубоко-ученые труды, напутствующіе насъ въ христіанскомъ православіи“, писалъ 21 ноября 1849 г. архим. Макарію И. Д. Бѣляевъ, редакторъ Московскаго „Временника“, по полученіи отъ него перваго тома догматики, „составляютъ истинное и лучшее украшеніе отечественной литературы. Вы правильно сказали, что они какъ бы проникнуты исторіею; а я прошу и молю Бога, чтобы наша исторія была проникнута тѣми истинами, которыя вы излагаете въ трудахъ своихъ; чтобы она была исто-

[1]) См. тамъ же стр. 703—704.

[2]) См. 1848 г. ч. 59 отд. VI стр. 280—296 и др.

[3]) См 1850 г. январь № 2 отд. IV стр. 35—36.

ріею православія; чтобы трудолюбивые дѣятели ея руководились божественными истинами, а не гонялись за мудрованіями человѣческими, особенно увлекательными и пагубными въ дѣлѣ исторіи“ [1]).

Но рядомъ съ похвальными отзывами почти съ самаго же начала появленія въ печати догматическаго труда Макарія стали распространяться о немъ и недоброжелательные толки. Толки эти, происходившіе изъ самыхъ различныхъ, но одинаково нечистыхъ источниковъ, доходили до слуха Макарія, отъ котораго, поэтому, требовалось истинно-христіанское терпѣніе для спокойнаго перенесенія всѣхъ обидныхъ разговоровъ на счетъ его. Что это были за толки и къ чему собственно они относились,—мы не знаемъ; но думаемъ, что они проистекали изъ ложной боязни за православіе и касались главнымъ образомъ двухъ обстоятельствъ; 1) зависимости Макарія отъ своего учителя Димитрія и 2) отношеній Макарія къ свѣтскому духовно-учебному начальству, по порученію котораго онъ собственно и началъ свой трудъ. Несомнѣнно, что въ началѣ недоброжелательные толки не мало смущали и волновали Макарія, но въ концѣ концовъ онъ примирился и по обыкновенію возложилъ всю свою надежду на Бога и Его помощь. „Что до меня“, писалъ онъ 17 октября 1850 года своему товарищу С. А. Серафимову, въ то время бывшему уже одесскимъ протоіереемъ, „я второй томъ моей догматики уже представилъ въ Св. Синодъ, а третій пишу и довелъ уже до половины. Помолитесь за меня своими теплыми молитвами, чтобы далъ мнѣ Господь силы и бодрость докончить мною начатое, не смотря на всѣ толки зависти или злобы или глаголемой ревности по православію“ [2]).

По русской церковной исторіи архим. Макарій, въ бытность свою инспекторомъ и профессоромъ петербургской ду-

[1]) Изъ неизданнаго письма, переданнаго намъ С. А. Булгаковымъ.

[2]) См. Церков. Вѣст. 1883 г. № 10.

ховной Академіи, успѣлъ напечатать два крупныхъ и цѣлый рядъ мелкихъ произведеній.

Въ 1846 году онъ издалъ „Исторію Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви". Обстоятельства происхожденія этого труда Макарія намъ извѣстны. Онъ былъ воспроизведеніемъ кіевскихъ академическихъ лекцій его по русской церковной исторіи съ небольшими измѣненіями, какія онъ могъ сдѣлать при чтеніи ихъ студентамъ XVI курса с.-петербургской духовной Академіи, съ программою каковымъ чтеній буквально совпадаетъ планъ настоящаго сочиненія.

Крупныя достоинства этого послѣдняго были въ свое время отмѣчены и достойно оцѣнены спеціалистами по исторіи русской церкви. Отзывъ преосв. Иннокентія, бывшаго выразителемъ духовной науки, намъ извѣстенъ. Свѣтское образованное общество въ лицѣ журналистовъ самыхъ различныхъ направленій привѣтствовало трудъ Макарія почти единодушнымъ одобреніемъ. Когда еще „исторія Христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра" печаталась въ Христіанскомъ Чтеніи, то критикъ Ж. М. Н. Пр. постоянно обращалъ вниманіе читателей на статьи Макарія, какъ на замѣчательныя „во многихъ отношеніяхъ" [1]). „Москвитянинъ" въ лицѣ своего редактора, М. П. Погодина, почтилъ выходъ настоящаго сочиненія архим. Макарія слѣдующими словами: „архим. Макарій, инспекторъ Петербургской Академіи, извѣстный своею прекрасною исторіей Кіевской Академіи, пріобрѣтаетъ себѣ вдругъ знаменитость послѣднимъ сочиненіемъ. Это сочиненіе ученое, европейское, и служитъ блистательнымъ новымъ доказательствомъ нашей зрѣлости. Мы смѣло можемъ представить его европейскому конгрессу. Знакомство близкое со всѣми источниками, внимательность къ прежнимъ изслѣдованіямъ, осторожность въ заключеніяхъ, полнота, со-

[1]) См. 1845 г. ч. 46. отд. 6 стр. 185—198; ч. 47 отд. 6. стр. 185—189.

размѣрность, ясный умъ, прекрасный языкъ—вотъ достоинства книги“ [1]). Критикъ „Библіотеки для Чтенія“, въ свою очередь, обращалъ вниманіе всѣхъ образованныхъ русскихъ людей на книгу архим. Макарія, какъ на изслѣдованіе „о предметѣ новомъ, доселѣ почти нетронутомъ, какъ на плодъ многолѣтняго изученія и внимательной критики историческихъ фактовъ. „Почтеннѣйшій архим. Макарій“, говорилъ онъ далѣе, „одинъ изъ ученѣйшихъ членовъ нашего духовенства, уже извѣстный многими трудами въ области духовной литературы, старался изслѣдовать и начертать исторію первоначальнаго распространенія христіанства на Руси и выполнилъ это трудное предпріятіе съ отличнымъ успѣхомъ. Хотя начало православной Церкви считается у насъ съ крещенія в. к. Владиміра, но христіанство существовало на русской землѣ гораздо прежде этой эпохи. Первые археологическіе слѣды христіанства въ Россіи имѣютъ такую тѣсную связь съ позднѣйшею исторіею русской Церкви, что критикъ фактовъ не можетъ упустить ихъ изъ виду“ [2]).

Подобные же похвальные отзывы объ „исторіи христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ были помѣщены и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ того времени. Автора этой книги такъ много хвалили, что нѣкоторые искренніе доброжелатели Макарія даже боялись за него, опасаясь, какъ бы онъ не возгордился слишкомъ отъ такихъ похвалъ. „Многократно я и собирался и начиналъ писать къ вамъ“, писалъ Макарію преосв. Анатолій (Мартыновскій) 5 іюня 1847 г., „но все такъ, что опасался, чтобы ваше высокопреподобіе не сочли моихъ рѣчей за лесть, или что еще хуже, чтобы онѣ не сдѣлались хоть малымъ поводомъ къ духовной гордости, которая убійственнѣе всякой болѣзни для дарованія. Я боялся поэтому не только самъ писать, но да-

[1]) См. 1846 г. ч. II стр. 156—257.

[2]) См. 1846 г. Апрѣль стр. 52—54.

же за другихъ, чтобы чего-либо такого не написали къ вамъ и особенно досадовалъ на журналистовъ, что они такъ хвалили вашу книгу! Ибо я самъ испыталъ, что для человѣка въ духовныхъ дѣлахъ ничего нѣтъ пагубнѣе человѣческихъ похвалъ. Даже, если онѣ не служатъ ни къ чему болѣе, какъ къ поощренію трудящагося, всѣ онѣ вредны: потому, что могутъ заставить человѣка излишне трудиться и повредить свое здоровье“ [1]).

Однакоже Макарій получалъ за свою исторію не однѣ только похвалы, которыя такъ смущали преосв. Анатолія, стоявшаго вдали и не знавшаго о многомъ. На самомъ дѣлѣ архим. Макарію пришлось выслушать не одинъ упрекъ и не одно замѣчаніе за его „Исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“. Эти упреки и замѣчанія были тѣмъ болѣе горькими для него, что иногда дѣлались несправедливо и съ недобрыми цѣлями.

По собственному побужденію, а отчасти и по побужденію преосвящ. Иннокентія, архим. Макарій представлялъ свою „исторію христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ въ Академію Наукъ на премію. 22 октября 1846 года преосв. Иннокентій писалъ Макарію: „какъ бѣдна рецензія о ней (т. е. исторіи)! Впрочемъ о такой книгѣ мало кто можетъ дать суда надлежащаго. Не вздумаете-ли отдать ее на судъ академіи наукъ. Надобно же, чтобы такое прекрасное произведеніе имѣло себѣ гдѣ-либо достойныхъ цѣнителей“ [2]). Архим. Макарій 15 ноября того же года отвѣчалъ архіеп. Иннокентію: „я позволилъ себѣ смѣлость, представивъ въ Академію Наукъ свою исторію христіанства на премію, хоть признаюсь, со страхомъ и трепетомъ. Не знаю, кому то она будетъ поручена на разсмотрѣніе. Не бѣда, если и не удастся“! Преосв. Иннокентій, вполнѣ одобривъ поступокъ Макарія, старался разсѣять его мрачныя ожиданія и боязнь.

[1]) См. Правосл. Обозр. 1888 г. т 3 стр. 695—696.

[1]) См. Церков. Вѣсти. 1883 г. №№ 17—18

„Хорошо вы сдѣлали“, писалъ онъ 26 декабря 1846 года, „что отдали свою исторію Академіи!. Вѣроятно, она попадетъ въ руки Акима Семен. (разумѣется, А. С. Кочетовъ, профес. с.-петерб. д. Академіи и членъ цензурн. комитета); да кто бы ни былъ судья, всякій невольно отдастъ должное“ [1]). И дѣйствительно, Макарію воздали должное за его трудъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ ожидалъ преосв. Иннокентій. Академія Наукъ поручила разсмотрѣніе представленнаго Макаріемъ сочиненія адъюнкту Кунику. Этотъ послѣдній далъ въ общемъ одобрительный отзывъ о разсмотрѣнномъ сочиненіи, признавъ трудъ Макарія „рѣдкимъ явленіемъ въ области литературы отечественной исторіи и заслуживающимъ тѣмъ большаго вниманія, что съ давняго времени Исторія русской церкви не находила у насъ обработывателя, обладающаго въ столь высокой мѣрѣ, какъ архим. Макарій, всѣми необходимыми для историка качествами“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ отмѣтилъ и нѣкоторые недостатки въ сочиненіи. По его мнѣнію, первый отдѣлъ сочиненія представлялъ не столько „плодъ обширныхъ, собственныхъ изысканій автора, сколько сводъ готовыхъ уже матеріаловъ о странахъ и народахъ, имъ упоминаемыхъ,—свѣдѣній, почерпнутыхъ имъ изъ разныхъ бывшихъ у него подъ рукою книгъ и источниковъ“. Относительно второго отдѣла сочиненія онъ замѣчалъ, что авторъ нѣкоторымъ образомъ самъ себѣ преградилъ путь къ точному уразумѣнію водворенія въ Россіи христіанской вѣры съ 866 года, упустивъ изъ виду, что подъ именемъ Рῶς въ IX вѣкѣ разумѣлись не славяне, а одни только норманнскіе князья и ихъ дружина, и ошибочно допустивъ вмѣсто одного, нѣсколько крещеній Руси. Наконецъ, признавъ главу о переводѣ Св. Писанія и литургіи на славянскій языкъ и о первомъ ихъ распространеніи между южными, западными и восточными сла-

[1]) См. Церков. Вѣстн. 1883 г. №№ 17—18.

вянами, лучшимъ изъ всего того, что когда либо было писано въ отечественной литературѣ о столь важномъ предметѣ исторіи славянскаго просвѣщенія, рецензентъ все таки упрекалъ „сочинителя въ несовершенномъ знакомствѣ съ исторіею славянъ“ [1]).

На основаніи этой рецензіи адъюнкта Куника, Академія Наукъ удостоила сочиненіе архим. Макарія только похвальнаго отзыва. Этимъ она выразила свое согласіе съ мнѣніемъ Куника. Но другіе видѣли въ рецензіи послѣдняго выраженіе несимпатичнаго явленія партійной нетерпимости. Такъ, неизвѣстный авторъ письма къ редактору „Москвитянина“ по поводу рецензій на „Исторію Русской Церкви“, видимо, спеціалистъ въ этой области, между прочимъ, замѣчалъ: „доказательства автора исторіи Русской Церкви, что подъ русскими нельзя разумѣть однихъ Варяговъ, совершенно основательны. Помнится, г. Куникъ упрекалъ исторію христіанства въ Россіи до Владиміра за то, что тамъ признается неоднократное крещеніе славянъ. Онъ думаетъ, что Руссами называются Варяги: странная скандинавоманія. У Нестора нѣтъ нигдѣ этого различенія, чтобы онъ звалъ единственно Варяговъ Руссами“ [2]). А между тѣмъ на скандинавоманіи основывались важнѣйшіе упреки Куника Макарію.

Адъюнктъ Куникъ былъ оффиціальнымъ рецензентомъ сочиненія Макарія. Поэтому, вѣроятно, Макарій не сталъ и защищать своихъ положеній противъ упрековъ Куника. За то съ другимъ критикомъ архим. Макарій счелъ необходимымъ вступить въ полемику. Этимъ критикомъ былъ преосв. Филаретъ (Гумилевскій). Въ 4-й книжкѣ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“ за 1846 годъ преосв. Филаретъ помѣстилъ статью „Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“ и въ этой статьѣ сдѣлалъ нѣ-

[1]) См. Журн. М. Н. Пр. 1847 г. т. 54 отд. 3. стр. 82—84.

[2]) См. Москвитянинъ 1849 г. Іюнь № 11 стр. 97.

сколько критическихъ замѣчаній по поводу нѣкоторыхъ сужденій архим. Макарія о переводѣ священныхъ и богослужебныхъ книгъ св. Меѳодіемъ на славянскій языкъ. Смыслъ замѣчаній преосв. Филарета сводился къ слѣдующему: 1) онъ отрицалъ, будто „*слѣдованная псалтырь*“ была составлена Меѳодіемъ, при чемъ замѣчалъ: „въ сборникъ этого рода почти каждый вносилъ, что хотѣлъ“; 2) обвинялъ Макарія въ смѣшеніи апокрифическихъ и каноническихъ книгъ, „что, какъ онъ замѣчалъ, строго запрещали отцы церкви“ и при этомъ даже по адресу Макарія нарочито приводилъ одно изреченіе св. Іоанна Дамаскина и 3) обличалъ Макарія за то, что онъ бьется изъ всѣхъ силъ доказать, будто Меѳодій перевелъ и апокрифы, а также и въ томъ, что онъ въ одномъ мѣстѣ совершенно неправильно ссылается на Изборникъ Святославовъ“ [1]).

Какъ и можно было ожидать, эти критическія замѣчанія преосв. Филарета произвели сильное впечатлѣніе на Макарія. Иного дѣйствія они и не могли произвести. Критика преосв. Филарета видимо имѣла цѣлію набросить тѣнь на православіе молодого ученаго, не умѣющаго, будтобы, различить апокрифическихъ книгъ отъ каноническихъ, и обличить его въ легкомыслiи. Но еще больше должны были обидѣть Макарія критическія замѣчанія преосв. Филарета тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они основывались на совершенно извращенномъ пониманіи словъ Макарія. Свой справедливый и благородный гнѣвъ на критику архим. Макарій излилъ въ письмѣ къ преосв. Иннокентію. „Не знаю“, писалъ онъ послѣднему 4 марта 1847 года, „изволили ли вы прочесть статью преосв. рижскаго въ № 4 „Чтеній московскаго историческаго общества“ и замѣтить, какъ вѣжливо и благородно обращается онъ со мною въ глазахъ всей исторической братіи... Здѣсь эти вспышки показались многимъ не совсѣмъ добрымъ знакомъ для самого же горячаго критикана, который всѣ почти мои мысли поипреувеличилъ и

[1]) См. стр. 22—25 прим. 41—46.

взнесъ на меня клевету. Отвѣтъ на его замѣчанія самый скромный и краткій я помѣстилъ въ настоящей мартовской книжкѣ „Христіанск. Чт“. въ моей статьѣ“ [1]).

Дѣйствительно, отвѣтъ архим. Макарія преосв. Филарету былъ скромный, благородный и кроткій, но тѣмъ не менѣе сильный. Въ своемъ отвѣтѣ архим. Макарій 1) доказывалъ, что нельзя такъ смотрѣть на богослужебныя книги (напр., слѣдованную псалтирь), какъ смотритъ на нихъ преосв. Филаретъ: будто въ сборникъ этого рода почти каждый вносилъ, что хотѣлъ; „ни откуда неизвѣстно“, говорилъ Макарій, „чтобы подобное нестроеніе существовало когда-либо въ православной церкви“; 2) на основаніи цѣлаго ряда данныхъ и ссылокъ опровергалъ преосв. Филарета, который за несомнѣнное утверждалъ, „*что каноническихъ книгъ В. и Н. Завѣта, съ давняго времени въ Греческой церкви считали именно 60*“, и что св. отцы никогда въ счетъ книгъ Св. Писанія не вносили книгъ апокрифическихъ и строго запрещали вносить въ канонъ такія книги, какъ Сынъ Сираховъ, Премудрость Соломона и пр. „Все дѣло въ томъ“, замѣчалъ въ заключеніе Макарій, „какъ понимать названіе: *книга каноническая*—въ смыслѣ-ли строгомъ и точномъ, или въ смыслѣ болѣе обширномъ и менѣе точномъ“; наконецъ, 3) указывалъ на то, что имъ была предложена только какъ *догадка скромная*, а отнюдь не какъ *усиленное доказательство*, что св. Меѳодій перевелъ и неканоническія книги [2]).

Независимо отъ этого отвѣта на страницахъ академическаго журнала, архим. Макарій писалъ частное письмо преосв. Филарету, гдѣ, нужно думать, подробнѣе и обстоятельнѣе защищалъ свои положенія и объяснялъ соображенія, какія его заставили отвѣчать на замѣчаніе преосв. Филарета. „Статья о Кириллѣ“, писалъ преосв. Филаретъ къ А. В. Гор-

[1]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I, стр. 806.

[2]) См. 1847 г. ч. I. стр. 396—401 въ примѣчаніяхъ.

скому 30 апрѣля 1847 года, „подала поводъ къ искушеніямъ. Мнѣ писалъ о. Макарій. Кажется, окончилась ссора: а я право не желалъ ни съ кѣмъ ссориться. Еслибы я зналъ, что Христіанское Чтеніе нынѣ подъ особою редакціею людей великихъ, до которыхъ касаться не мое дѣло, то, конечно, не коснулся бы о. Макарія. Да, вѣкъ живи, вѣкъ учись“ [1])... Впрочемъ, преосв. Филаретъ еще раньше самъ созналъ свою ошибку, которую извинялъ раздражительностію своего характера, еще болѣе усилившеюся у него въ Ригѣ. „Другъ мой“! писалъ онъ А. В. Горскому 28 марта 1847 года, „не сѣтуй на меня за мои шероховатыя слова. Иному Богъ далъ способность жить подъ ладъ желаніямъ человѣческимъ. Въ себѣ, грѣшный, я не вижу этой способности. Невѣрный звукъ раздражаетъ мои нервы, потрясаетъ душу. Что же мнѣ дѣлать? повторю,—горькая жизнь моя въ Ригѣ сдѣлала меня еще болѣе раздражительнымъ. Особенно первыя впечатлѣнія, прежде чѣмъ имѣю я время осмотрѣть ихъ и усмирить чувства, тяжелы мнѣ бываютъ. Въ настоящемъ случаѣ о. Макарій попался на глаза такъ недавно. Теперь я и самъ раскаиваюсь, что одна строка (латинская) вовсе не нужна и даже неумна“ [2]).

Изъ этихъ словъ преосв. Филарета, равно какъ и изъ другихъ замѣчаній его въ томъ же письмѣ [3]) видно, что другъ—его, А. В. Горскій, весьма не одобрялъ поведенія преосв. Филарета въ его полемикѣ съ архим. Макаріемъ. Это можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что неправою стороною въ этой полемикѣ былъ именно преосв. Филаретъ. Такъ смотрѣли на полемику между нашими двумя церковными историками другія лица, слѣдившія за нею со стороны. „Не дивитеся о еже бываемому къ Вамъ раздраже-

[1]) См. Твор. св. св. отцовъ 1885 г. кн. 3 стр. 124.

[2]) См. тамъ же стр. 121—122.

[3]) См. тамъ же стр. 120—121.

нію отъ Риги", писалъ Макарію 21 марта 1847 года преосв. Иннокентій, „оно естественно... А намъ должно дѣлать свое дѣло... Самъ увидитъ, что, какъ говоритъ апостолъ, попремногу согрѣшаетъ вся" [1]).

Въ 1847 году архим. Макарій издалъ новое произведеніе по русской церковной исторіи, подъ заглавіемъ: „Очеркъ исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій 992—1240 г." Обстоятельства происхожденія этого очерка намъ извѣстны изъ предшествующихъ разсказовъ. Онъ былъ печатнымъ воспроизведеніемъ кіевскихъ, а потомъ петербургскихъ академическихъ чтеній Макарія по исторіи русской Церкви. А однимъ изъ поводовъ къ напечатанію этихъ лекцій былъ выходъ „Исторіи Русской Церкви" преосв. Филарета, которая во многихъ отношеніяхъ не удовлетворила Макарія. „Каюсь", писалъ Макарій преосв. Иннокентію 28 генваря 1847 года, „что исторію русской церкви преосв. Филарета Рижскаго я до излишества расхвалилъ предъ вами: я говорилъ[2]) почти не читавши ее, а больше со словъ цензора; теперь, всмотрѣвшись въ нее повнимательнѣе, скажу, что она хотя точно учена, но кратка очень, суха, безъ общей мысли, безъ духа послѣдовательности, а больше простой прекрасный разсказъ.... и потому все еще заставляетъ желать лучшей достойнѣйшей исторіи нашей Церкви. Смотря

---

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 24.

[2]) 15 ноября 1846 года Макарій писалъ преосв. Иннокентію: „кстати объ исторіи: пріятнѣйшая новость! Преосвященнѣйшій Филаретъ рижскій написалъ едва-ли не всю исторію русской церкви; по крайней мѣрѣ, въ нашъ комитетъ поступила третья часть его сочиненія, обнимающая періодъ патріаршества до учрежденія Св. Синода, а двѣ первыя, или, можетъ быть, одна, — находятся, слышно, въ комитетѣ московскомъ. Жду не дождусь изданія въ свѣтъ этого ученаго творенія! Въ комитетѣ оно находится еще съ августа и, вѣроятно, первыя части возвращены уже преосвященнѣйшему автору. Свои работы по исторіи я нарочно пріостановилъ до выхода въ свѣтъ этой многообѣщающей книги: надѣюсь, что она весьма много поможетъ мнѣ въ моихъ занятіяхъ" (См. Христ. Чтен. 1884 г. т. 1. стр. 802).

на такія качества исторіи преосв. Филарета, я не устыдился начать съ нынѣшней книжки „Христ. Чтенія“ печатаніе своихъ краткихъ и бѣдныхъ записокъ по русской церковной исторіи, которыя набросалъ еще въ Кіевѣ, въ первый годъ моего баккалаврства, поисправивши теперь лишь кое-что. А лишь только выдетъ исторія преосв. Филарета, непремѣнно приступлю къ обстоятельнѣйшему и неспѣшному начертанію исторіи отечественной, съ радостію будучи готовъ посвятить на это цѣлые годы“ [1]). Къ Пасхѣ 1847 года архим. Макарій уже окончилъ печатаніе своихъ статей по исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій и выпустилъ ихъ отдѣльною книжкою, которую и послалъ тотчасъ-же преосв. Иннокентію. „Вмѣсто краснаго яичка“, писалъ Макарій ему 24 марта 1847 года, „прошу покорнѣйше принять отъ меня небольшую брошюрку мою, о которой я упоминалъ уже въ предшествовавшемъ къ вамъ письмѣ“ [2]).

„Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до—татарскій“ былъ принятъ нашимъ образованнымъ обществомъ очень сочувственно. Критикъ одного журнала, разсмотрѣвъ содержаніе новаго труда архим. Макарія, приходилъ къ тому убѣжденію, „что послѣдній изложилъ въ немъ исторію отечественной Церкви въ періодъ до-татарскій съ тою же полнотою и отчетливостію, съ тѣмъ же вѣрнымъ взглядомъ на событія, съ какимъ онъ въ первой части своей „исторіи русской церкви“ объяснилъ состояніе нашего отечества въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ до введенія въ Россіи христіанства при Владимірѣ Св.“ [3]). По его же мнѣнію, у автора было высказано очень много вѣрныхъ замѣчаній на счетъ перевода священныхъ книгъ на славянскій языкъ, а въ

[1]) См. тамъ же стр. 805.

[2]) См. тамъ же стр. 807.

[3]) См. Журн. М. Н. П. 1848 г. ч. 57 отд. VI стр. 85—96. статья А. Лакіера.

этомъ именно отдѣлѣ Макарій полемизировалъ съ Филаретомъ. Критикъ другаго журнала, съ своей стороны, замѣчалъ объ „очеркѣ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій“, что „эта прекрасная книга ученаго автора безъ сомнѣнія должна найти многочисленныхъ читателей. Почтенный авторъ представилъ въ этомъ сочиненіи полную картину Русской Церкви отъ перваго ея начала до татарскаго владычества. Внѣшній составъ Церкви, состояніе духовнаго просвѣщенія, богослуженіе и нравственное развитіе народа—вотъ главные вопросы, которые разсмотрѣны въ этой книгѣ съ глубокимъ знаніемъ дѣла“ [1]).

Кромѣ двухъ крупныхъ произведеній, архим. Макарій въ разсматриваемое нами время его жизни напечаталъ нѣсколько мелкихъ произведеній, а также издалъ нѣсколько важныхъ памятниковъ по исторіи русской Церкви. Такъ, въ 1847 г. имъ были изданы „Записки преосвященнаго Георгія Конисскаго о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой уніи съ римскою церковію“. Записки эти были найдены преосв. Анатоліемъ (Мартыновскимъ) въ одной изъ книгъ могилевской семинаріи и доставлены имъ Макарію съ тѣмъ, чтобы послѣдній или самъ воспользовался ими въ своихъ сочиненіяхъ, или же издалъ ихъ въ подлинномъ видѣ отдѣльно [2]). Архим. Макарій нашелъ болѣе удобнымъ издать записки Георгія Конисскаго отдѣльно, что и сдѣлалъ при посредствѣ „Чтеній московскаго историческаго общества“ [3]).

Въ слѣдующемъ 1848 г. архим. Макарій на страницахъ своего академическаго журнала напечаталъ двѣ небольшихъ, но весьма интересныхъ статьи: а) „Взглядъ на первые слѣды

---

[1]) См. Библ. для Чт. 1847 г. Апрѣль. Литер. Лѣт. стр. 42—43.

[2]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. 2. стр. 693—697.

[3]) См. Чт. въ Им. Общ. Ист. и Древн. Росс. г. 2 кн. 8 Засѣданія 29 марта 1847 года.

православной вѣры между монголами“ [1]) и б) „Мысли о значеніи исторіи отечественной православной церкви“ [2]), при чемъ эта послѣдняя статья, по заявленію самого автора, представляла отрывокъ изъ записокъ по этой наукѣ.

Въ слѣдующемъ 1849 году архим. Макарій напечаталъ на страницахъ академическаго журнала „Три памятника русской духовной литературы XI вѣка: 1) Память и похвала князю Русскому Володимеру, како крестися Володимеръ и дѣти своя крести и всю землю русскую отъ коньца до коньца, и како крестися баба Володимерова преже Володимера; 2) Житіе блаженаго Володимера и 3) Сказаніе страстей и похвала о убьеніи святую мученику Бориса и Глѣба“. Изданіе этихъ памятниковъ архим. Макарій снабдилъ весьма обстоятельнымъ введеніемъ, въ которомъ онъ изслѣдовалъ вопросъ объ авторахъ издаваемыхъ имъ памятниковъ и о великомъ

---

[1]) См. Христ. Чт. 1848 г. Генварь отд. 3. стр. 32—46.

[2]) См. тамъ же 1848 г. Мартъ отд. 3. стр. 175—186. Должно замѣтить, что обѣ послѣднія статьи были помѣщены въ „Христ. Чтен.“ безъ подписи автора. Мы приписываемъ ихъ архим. Макарію на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) архим. Макарій въ это время былъ единственнымъ спеціалистомъ по русской церковной исторіи въ с.-петербургской д. Академіи; 2) языкъ этихъ статей совершенно напоминаетъ языкъ историческихъ сочиненій архим. Макарія и 3) самое содержаніе статей находилось въ тѣснѣйшей связи съ церковно-историческими трудами Макарія, будучи или дополненіемъ, или разъясненіемъ послѣднихъ. Такъ, статья „взглядъ на первые слѣды православной вѣры между монголами“, гдѣ кратко изображалась исторія распространенія христіанства между монголами со времени подчиненія Россіи татарскому игу до царствованія Іоанна Грознаго (включительно), была какъ бы продолженіемъ изданнаго Макаріемъ въ 1847 г. „очерка исторіи русской Церкви въ періодъ до-татарскій“; статья же подъ заглавіемъ: „мысли о значеніи исторіи отечественной православной церкви“, гдѣ весьма краснорѣчиво раскрывалась важность, необходимость и поучительность знанія этой исторіи, въ то же время какъ бы намѣчала общій взглядъ на программу, по какой должна была преподаваться и изучаться исторія отечественной Церкви. Послѣдняя статья написана особенно краснорѣчиво и, по всей вѣроятности, она была вступительною лекціею Макарія по русской церковной исторіи одному изъ курсовъ с.-петербургской дух. Академіи.

значеніи этихъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности для русской церковной исторіи. Свое „предъувѣдомленіе“ архим. Макарій заканчивалъ слѣдующими словами: „надѣемся, что благочестивые читатели сами увидятъ и оцѣнятъ достоинства издаваемыхъ нами рукописей [1]), и пожалѣемъ объ одномъ, что при изданіи, мы не имѣли возможности пользоваться нѣсколькими списками этихъ сочиненій для показанія варіантовъ (разныхъ чтеній), а должны были ограничиваться тѣмъ, какой у насъ находился“ [2]). Впрочемъ, къ первымъ двумъ памятникамъ архим. Макарій составилъ и напечаталъ „разногласія“ по одному списку XVII вѣка [3]).

По словамъ непосредственнаго свидѣтеля обнародованія настоящихъ „трехъ памятниковъ“ архим. Макаріемъ, они „встрѣчены были общимъ участіемъ со стороны любителей отечественной исторіи и послужили поводомъ къ многимъ важнымъ и любопытнымъ изслѣдованіямъ въ области древней письменности“ [4]). Но едва ли не большее еще значеніе имѣло обнародованіе „трехъ памятниковъ“ для русской церковной исторіи. Именно съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на изданные архим. Макаріемъ „памятники“ критикъ одного журнала и называлъ ихъ замѣчательнѣйшими во многихъ отношеніяхъ [5]). Только одинъ преосв. Филаретъ, по обыкновенію, критически отнесся къ изданію своего литературнаго соперника. „Случилось мнѣ“, писалъ онъ 25 декабря 1849 года А.

---

[1]) Рукописи принадлежали почтенному любителю и знатоку отечественной старины И. П. Сахарову. Самые памятники см. въ Христ. Чт. 1849 г. ч. 2 стр. 301—335; 377—407.

[2]) См. тамъ же стр. 315.

[3]) См. тамъ же стр. 450—453.

[4]) См. И. Чистовича Исторія С. Петерб. дух. Академіи С.П.Б. 1857 г. стр. 316.

[5]) См. Журн. М. Н. Пр. 1850 г. т. 65 отд. VI стр. 182—189.

В. Горскому, „прочесть книжки Христ. Чтен., гдѣ напечатаны сочиненія Іакова, вѣроятно, о. Макаріемъ. Я уже не могъ пользоваться этими трудами. Пусть воспользуются другіе. Точно не мало новаго сказываютъ эти три новыя сказанія... Къ чему было печатать драгоцѣнную древность съ испорченныхъ древнихъ списковъ? Развѣ въ Петербургѣ далеко отъ него музей Румянцева и Публичная Библіотека?... Редакторъ говоритъ, что житіе Владиміра, издаваемое имъ, тоже, что въ описаніи музея на стр. 444. А на дѣлѣ оказывается, что между ними никакого нѣтъ сходства, кромѣ тождества предмета... Просьба моя къ тебѣ покорнѣйшая. Потрудитесь вмѣстѣ съ Капитономъ Ивановичемъ [1]) издать эти памятники древности съ лучшихъ рукописей.... Вы не можете сомнѣваться, что Вамъ и свѣтскіе и духовные скажутъ искреннюю благодарность...[2]).

Совсѣмъ не такъ смотрѣлъ самъ Макарій на изданные имъ памятники. Онъ придавалъ имъ „великую важность для отечественной исторіи“ [3]) и не замедлилъ показать, что они, дѣйствительно, таковы и на самомъ дѣлѣ.

Въ 1850 году архим. Макарій напечаталъ въ академическомъ журналѣ статью подъ заглавіемъ: „Церковь Русская во дни Св. Владиміра и Ярослава до избранія митрополита Иларіона“[4]). Статья эта была началомъ знаменитаго двѣнадцатитомнаго церковно-историческаго труда Макарія, надъ которымъ онъ продолжалъ трудиться до послѣдняго дня своей жизни. Въ числѣ важнѣйшихъ источниковъ при написаніи сейчасъ названной статьи архим. Макарія были, между прочимъ, изданные имъ незадолго предъ тѣмъ „три памятника

---

[1]) Т. е. Невоструевымъ.

[2]) См. Твор. свв. отцовъ 1885 г. кн. 4 стр. 414—415.

[3]) См. Христ. Чт. 1849 г. ч. 2. стр. 302.

[4]) См. тамъ же 1850 г. ч. I, стр. 54—136.

русской духовной литературы XI вѣка“ [1]). Въ обозрѣваемое нами время архим. Макарій разсмотрѣлъ только „источники для исторіи русской Церкви во дни св. Владиміра и Ярослава, первоначальные предѣлы русской Церкви и ея первую іерархію и, наконецъ, первыя училища въ Россіи и памятники духовнаго просвѣщенія и ученія“. На этомъ изслѣдованіи Макарія по русской церковной исторіи прекратились до 1853 года.

Таковы были труды архим. Макарія по церковной исторіи, напечатанные имъ въ бытность инспекторомъ и профессоромъ с.-петербургской духовной Академіи. Замѣчательно, что всѣ они имѣли цѣлію разработку именно отечественной исторіи. Поэтому, съ немалымъ удивленіемъ мы отнеслись къ извѣстію о томъ, что архим. Макарій въ данную пору занимался также изслѣдованіями и по общей церковной исторіи. Извѣстіе это тѣмъ болѣе кажется намъ загадочнымъ, что послѣ Макарія не осталось, повидимому, никакихъ сочиненій, бывшихъ результатомъ его изслѣдованій въ области общей церковной исторіи. Даже въ рукописяхъ Макарія, относящихся къ петербургскому періоду его жизни, намъ не встрѣтилось ни одного слѣда этихъ занятій. А между тѣмъ Макарій былъ въ высшей степени аккуратенъ въ сохраненіи всѣхъ своихъ рукописей, иногда самыхъ небольшихъ и незначительныхъ, и всѣ эти рукописи находятся въ нашемъ распоряженіи, благодаря любезности и необыкновенно участливому отношенію къ составленію біографіи м. Макарія со стороны его племянника С. А. Булгакова. Но и извѣстіе, которое мы имѣемъ въ виду, трудно заподозривать въ истинности. 27 апрѣля 1847 года преосв. Евсевій писалъ своему московскому другу А. В. Горскому: „нашъ о. инспекторъ, которымъ я очень доволенъ, занимается составленіемъ исторіи патріарха Фотія со всѣми обстоятельствами его времени. Начато было до меня по предложенію, кажется,

[1]) См. тамъ же стр. 56—57.

устному свѣтскаго начальства и по его собственному расположенію. Что будетъ, время покажетъ. Предметъ, конечно, занимательный и, кажется, довольно трудный“ [1]). Не смотря на то, что намъ не удалось отыскать никакихъ результатовъ ученыхъ изысканій Макарія по исторіи п. Фотія, однако же мы встрѣтили одно мѣсто въ письмахъ архим. Макарія, которое какъ будто бы подтверждаетъ свидѣтельство преосв. Евсевія и говоритъ о томъ, что Макарій, по крайней мѣрѣ, интересовался въ данную пору церковною исторіею времени п. Фотія. „Всѣ ваши статьи въ Москвитянинѣ“, писалъ 24 іюня 1846 года архим. Макарій С. А. Серафимову, „я читалъ съ большимъ удовольствіемъ и догадывался, что онѣ вамъ принадлежатъ. Я просилъ бы васъ, что бы вы обратили особенное вниманіе на разработку исторіи церкви со временъ Фотія, которая такъ пренебрежена, и напечатали бы статью одну—другую объ источникахъ касательно этого періода. Или не можете ли вы перевесть церковную исторію Мелетія, которая вамъ извѣстна, а намъ вовсе нѣтъ...? Впрочемъ, ваше собственное благоразуміе лучше можетъ указать вамъ, какъ бы здѣсь поступить“ [2]). Съ другой стороны, изъ переписки преосв. Евсевія съ А. В. Горскимъ видно, что архим. Макарій желалъ достать черезъ посредство Евсевія лекціи Горскаго по общей церковной исторіи и даже переписать ихъ для себя, хотя на это послѣдній не согласился [3]).

Годы служенія архим. Макарія въ должности инспектора и профессора Академіи были самымъ плодотворнымъ временемъ въ проповѣдническомъ отношеніи изъ всего петербургскаго періода его жизни. Въ то время, какъ за 7 лѣтъ ректорской службы Макарія (1850—1857 г.) мы имѣемъ отъ не-

---

[1]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 714—715.

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 10.

[3]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 839

го только 5 проповѣдей, изъ обозрѣваемаго нами времени его петербургской жизни намъ извѣстно 18 проповѣдей. Эти 18 проповѣдей по годамъ распредѣляются такъ: изъ 1846, 1847, 1848 и 1849 г.г. сохранилось по 3, а изъ 1844, 1845 и 1850 по 2 проповѣди [1]).

Содержаніе проповѣдей архим. Макарія разсматриваемаго времени таково. Предметомъ слова, сказаннаго въ недѣлю православія 1844 года, служило разсужденіе о томъ, что „вѣра православная есть первое для насъ благо и какъ для людей и какъ для сыновъ Россіи“ [2]); предметомъ слова въ Великій Пятокъ того же года служило разсужденіе о томъ, „что вѣщаетъ намъ крестъ Христовъ, съ увѣщаніемъ приложить эти вѣщанія къ своей жизни“ [3]); въ словѣ на день 30 августа того же года проповѣдникъ разъяснялъ своимъ слушателямъ то, почему событія, падавшія на тотъ день (заключеніе нейштадскаго мира при Петрѣ В., память перенесенія мощей св. благовѣрнаго в. кн. Александра Невскаго, тезоименитство Наслѣдника Цесаревича и рожденіе в. кн. Ольги Николаевны) ни къ кому такъ не близки, какъ къ обитателямъ первопрестольнаго града [4]); въ словѣ на день св. Пасхи 1845 г. Макарій раскрывалъ дивный рядъ благотвор-

---

[1]) Весьма немногія (именно три) изъ этихъ проповѣдей были напечатаны на страницахъ „Христ. Чт.“ (См. 1849 г. Августъ стр. 126—132 „слово при погребеніи члена Св. Синода, преосв. м. Іоны“; 1850 г. Мартъ стр. 137—150: „слово при погребеніи архіеп. Воронежскаго Игнатія, сказанное 23 генв. 1850 г.“; 1850 г. Іюль стр. 11—16: „слово при погребеніи архіеп. нижегородскаго Іакова, сказанное 23 мая 1850 г.“); остальныя проповѣди этого періода были напечатаны отдѣльно въ видѣ сборника, изданнаго въ 1847 году; впослѣдствіи также Макарій издавалъ неоднократно свои проповѣди отдѣльными сборниками. Мы пользовались посмертнымъ изданіемъ проповѣдей Макарія подъ заглавіемъ: „Слова и Рѣчи Макарія, митрополита московскаго“. С.П.Б. 1891 г.

[2]) См. „Слова и рѣчи Макарія, м. московскаго“ 1891 г. СПБ. стр. 31—39.

[3]) См. тамъ же стр. 40—44.

[4]) См. тамъ же стр. 45—51.

нѣйшихъ дѣйствій воскресенія Христова на небѣ, на землѣ и въ преисподней [1]); въ словѣ по избраніи судей для с.-петербургской губерніи того же года проповѣдникъ разъяснялъ высоту званія судьи и то, до какой степени можетъ содѣлаться низкою и жалкою высокая и вожделѣнная участь судьи, если онъ окажется невѣрнымъ своему долгу [2]); въ словѣ на день святителя Христова Николая того же года проповѣдникъ говорилъ о благотворности добраго союза Церкви и государства для земной и будущей жизни православныхъ христіанъ [3]); въ словѣ въ великій пятокъ 1846 года онъ бесѣдовалъ о тѣхъ урокахъ вѣры, любви и надежды, какіе преподаетъ намъ Спаситель Своею смертію [4]); въ словѣ на день коронаціи Государя Императора Николая Павловича того же года онъ указывалъ на благодѣянія св. православной вѣры, какъ наилучшей насадительницы въ насъ любви къ отечеству, при чемъ старался больше всего уяснить своимъ слушателямъ ту истину, что „истинными патріотами могутъ быть только истинные христіане, т. е. люди возрожденные и живущіе самоотверженіемъ и любовію къ ближнимъ“ [5]); въ словѣ на день св. Пасхи 1847 года онъ разъяснялъ, почему этотъ день есть „царь и Господь субботъ, праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ“ [6]); предметомъ слова на день рожденія Государыни Цесаревны Маріи Александровны въ 1847 году служило размышленіе о томъ, „съ какою цѣлію всѣ мы родились въ міръ, и увѣщаніе со всѣмъ усердіемъ стремиться къ осуществленію своего назначенія“ [7]); темою слова въ недѣлю православія въ 1848 году служило доказательство, что

[1]) См. тамъ же стр. 52—61.
[2]) См. тамъ же стр. 62—67.
[3]) См. тамъ же стр. 68—79.
[4]) См. тамъ же стр. 80—89.
[5]) См. тамъ же стр. 90—102.
[6]) См. тамъ же стр. 103—111.
[7]) См. тамъ же стр. 112—117.

„вольномысліе въ дѣлѣ вѣры,—вольномысліе дерзкое и упорное есть преступленіе величайшее“ [1]); въ словѣ на день благовѣрнаго князя Александра Невскаго и тезоименитства Наслѣдника Цесаревича въ томъ же году онъ разъяснялъ, „чему поучаетъ насъ жизнь св. Александра Невскаго“ [2]); въ словѣ на великій пятокъ 1849 года проповѣдникъ показывалъ, сколько свѣтлаго и утѣшительнаго для вѣрующихъ душъ заключается въ мрачной, поразительной картинѣ Голгоѳской [3]); предметомъ слова на день рожденія Императрицы Александры Ѳеодоровны въ 1849 году служило размышленіе о „благочестіи, какъ главнѣйшемъ средствѣ, которымъ мы можемъ содѣйствовать благосостоянію своего земнаго отечества“ [4]); въ словѣ на день святителя Николая и тезоименитства Государя Императора Николая I-го 6 декабря 1850 года проповѣдникъ поучалъ своихъ слушателей посредствомъ примѣра жизни святителя Николая тому, что болѣе всего необходимо намъ въ жизни христіанской и жизни гражданской [5]); наконецъ, въ словахъ, сказанныхъ 24 іюня 1849 года при погребеніи м. Іоны [6]), 23 генваря 1850 года при погребеніи архіеп. Игнатія [7]) и 23 мая того же года при погребеніи архіепископа Іакова [8]) проповѣдникъ поучалъ своихъ слушателей посредствомъ примѣра благочестивой жизни почившихъ архипастырей.

Изъ сказаннаго сейчасъ видно, что проповѣди Макарія, произнесенныя имъ въ обозрѣваемое время, по своему содержанію, могутъ быть раздѣлены на слѣдующіе 4 класса: 1)

---

[1]) См. тамъ же стр. 118—124.
[2]) См. тамъ же стр. 125—131.
[3]) См. тамъ же стр. 132—139.
[4]) См. тамъ же стр. 140—145.
[5]) См. тамъ же стр. 170—177.
[6]) См. тамъ же стр. 146—152.
[7]) См. тамъ же стр. 153—164.
[8]) См. тамъ же стр. 165—169.

въ словахъ праздничныхъ проповѣдникъ преимущественно разъяснялъ догматы православно-христіанскаго ученія; 2) въ словахъ на дни высокоторжественные преимущественно говорилъ или о благотворности союза между церковію и государствомъ, или же о нравственномъ долгѣ и обязанностяхъ гражданина и патріота; 3) слово, сказанное по избраніи судей для с.-петербургской губерніи, имѣетъ спеціально нравоучительный характеръ и, наконецъ, 4) слова, сказанныя при погребеніи трехъ архипастырей, имѣютъ похвально-нравоучительный характеръ.

Должно замѣтить, что проповѣди Макарія, относящіяся къ петербургскому періоду его жизни, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ позднѣйшихъ проповѣдей его. Поэтому, мы попытаемся здѣсь охарактеризовать архим. Макарія, какъ проповѣдника, принявъ во вниманіе при этомъ, что изъ обозрѣваемой нами эпохи петербургскаго служенія Макарія сохранилось наибольшее количество проповѣдей сравнительно съ другими эпохами того же періода его жизни. Слѣдовательно, сказанное теперь будетъ относиться ко всему вообще петербургскому періоду жизни Макарія.

Характеристическія особенности петербургскихъ проповѣдей Макарія состоятъ въ слѣдующемъ. Прежде всего, содержаніе ихъ преимущественно догматическое, отвлеченное и отрѣшенное отъ дѣйствительной жизни. Съ другой стороны, даже проповѣди не догматическаго содержанія имѣютъ характеръ и построеніе научныхъ, такъ сказать, школьныхъ разсужденій; нѣкоторыя же изъ нихъ имѣютъ характеръ какъ будто схоластическій. Далѣе, уже въ этотъ періодъ у Макарія замѣчается тяготѣніе къ одному предмету, который впослѣдствіи становится преимущественною темою проповѣдей его: это, какъ онъ самъ выражается, „законъ христіанской любви“ [1]). Вообще въ петербургскій періодъ своей жиз-

[1]) См. Слово на день коронаціи Государя Императора Николая Павловича въ 1846 г. тамъ же стр. 97.

ни архим. Макарій принадлежалъ „къ той серьезной и строгой проповѣднической школѣ, произведенія которой не только въ изложеніи и построеніи, но и въ самомъ выборѣ предметовъ рѣчи, характеризуются строгою выдержанностію законовъ гомилетики“ [1]) и логики, возвышенностію и отлеченностію своего содержанія. Впрочемъ, это и неудивительно. У Макарія, все время проводившаго въ стѣнахъ высшаго учебнаго заведенія, научное богословское міровоззрѣніе—предметъ академическаго преподаванія—отъ долгаго обращенія съ нимъ въ тишинѣ ученаго кабинета и на академической каѳедрѣ, обратилось, какъ говорятъ, въ плоть и кровь его духовно-нравственнаго существованія, а мышленіе его сложилось въ строго-логическія и методически-правильныя формы. Поэтому, проповѣди Макарія въ петербургскій періодъ его жизни и могли быть ничѣмъ инымъ, какъ только возвышенными, отвлеченными и построенными по правиламъ гомилетики и логики разсужденіями о догматахъ вѣры и правилахъ нравственности. Прямымъ слѣдствіемъ служебнаго положенія архим. Макарія, какъ академическаго наставника, была также и слѣдующая особенность петербургскихъ проповѣдей его. Въ нихъ замѣчается наклонность къ размышленіямъ о предметахъ догматическихъ и любовь къ подтвержденію своихъ мыслей свидѣтельствами исторіи. Очевидно, это было не случайностію, а прямымъ слѣдствіемъ того, что архим. Макарій въ это время занимался преимущественно догматикой и церковной исторіей.

Изъ сказаннаго нетрудно видѣть, что всѣ характеристическія особенности петербургскихъ проповѣдей Макарія получаютъ достаточное объясненіе собственно въ одномъ обстоятельствѣ: въ положеніи его, какъ академическаго наставника. Въ тѣснѣйшей же причинной связи съ этимъ его по-

[1]) См. Русск. Стар. т. 38 (1883 г.) стр. 676.

ложеніемъ находится и самое количество его петербургскихъ проповѣдей. Понятно, что Макарій во весь петербургскій періодъ своей жизни, какъ лицо подчиненное, не имѣвшее опредѣленной каѳедры, съ которой онъ могъ бы систематически поучать постоянныхъ своихъ слушателей, долженъ былъ по необходимости проповѣдывать только тамъ и тогда, гдѣ и когда ему назначало начальство его. Поэтому, по нашему мнѣнію, является совершенно лишнимъ и даже неумѣстнымъ вопросъ о томъ, почему Макарій въ данное время проповѣдывалъ мало. Гораздо интереснѣе будетъ рѣшить вопросъ о томъ, почему не всѣ сохранились проповѣди Макарія, сказанныя имъ въ петербургскій періодъ. Вопросъ этотъ сдѣлается для насъ еще болѣе интереснымъ, если мы примемъ во вниманіе слѣдующее. Во 1-хъ) Макарій, отличавшійся необыкновенною аккуратностію и бережливостію во всемъ, былъ также весьма аккуратенъ и въ сохраненіи всѣхъ своихъ рукописей. Достаточно будетъ замѣтить, что онъ тщательно хранилъ всѣ свои ученическія упражненія, мельчайшія замѣтки и даже рукописи тѣхъ сочиненій, какія были напечатаны при его жизни. Почему же, спрашивается, не сохранились всѣ его проповѣди петербургскаго періода? Можетъ быть, потому что Макарій не всѣ свои проповѣди предварительно записывалъ, а нѣкоторыя изъ нихъ произносилъ наизусть, какъ это онъ весьма часто дѣлалъ впослѣдствіи[1])? Но во 2) это предполо-

[1]) Изъ писемъ преосв. Макарія къ своему брату прот. А. П. Булгакову видно, что онъ очень часто говорилъ проповѣди въ Тамбовѣ и Харьковѣ наизусть, безъ предварительной ихъ записи. О томъ же самомъ говоритъ преосв. Макарій и въ предисловіи къ собранію „словъ и рѣчей“ изданныхъ имъ въ 1864 году. „Издавая въ свѣтъ эти „Слова и Рѣчи“, читаемъ здѣсь, „единственно по желанію многихъ изъ моихъ духовныхъ чадъ, питаю себя надеждою, что они извинятъ меня, если не найдутъ въ моемъ изданіи всего того, чего могли ожидать, *не найдутъ большей части моихъ церковныхъ поученій,—которыя они слышали, а встрѣтятъ только нѣкоторыя, весьма немногія. Съ любовію отдаю все, что имѣю: печатаю всѣ тѣ слова и рѣчи, какія успѣлъ записать вскорѣ послѣ ихъ произнесенія, но не печатаю и не могу напечатать тѣхъ, кото-*

женіе не можетъ быть принято. „До епископскаго сана“, вполнѣ справедливо замѣчаетъ проф. Кипарисовъ, „всѣ проповѣди (Макарія) потому уже должны быть писанными предварительно, что тогда и Макарій подчиненъ былъ одному

рыя, по обстоятельствамъ, не были мною своевременно записаны“. (См. Слова и Рѣчи Макарія, архіеп. харьковскаго. СПБ. 1864 г. предисловіе). Въ высшей степени любопытно съ приведеннымъ свидѣтельствомъ преосв. Макарія о томъ, что *большая часть его поученій была не записана до произнесенія и потому не напечатана*, сопоставить слѣдующія разсужденія проф. Кипарисова: „о количествѣ проповѣдей Макарія, не смотря на самый тщательный сборъ ихъ, сдѣланный уже послѣ его смерти, должно сказать, что количество всякаго рода рѣчей его, сказанныхъ въ качествѣ пастыря при какомъ бы то ни было случаѣ, количество это никакъ не превышаетъ двухъ сотъ (собственно 198). Мы, конечно, говоримъ судя по доступному намъ источнику—по печатнымъ изданіямъ его проповѣдей Но можетъ быть здѣсь именно и имѣетъ приложеніе то соображеніе, что проповѣдывать и печатать проповѣди—не одно и тоже и одно не совпадаетъ съ другимъ? Къ сожалѣнію (если только можно сожалѣть объ этомъ), случаи, гдѣ нашъ авторъ несомнѣнно сказывалъ проповѣдь, но она не была записана, и потому не могла дойти до настоящаго времени, всѣ извѣстны почти наперечетъ и далѣе мы должны будемъ отмѣтить, что иначе, т. е. *многочисленныхъ проповѣдей устныхъ и быть почти не могло*“..... „Очень можетъ быть, что для нѣкоторыхъ проповѣдей.... написаніе могло послѣдовать позднѣе произнесенія, къ чему, конечно, давала удобство и извѣстная краткость его словъ; но *большинство рѣчей, безспорно, не импровизаціи, но рѣчи частію предварительно даже и написанныя, а во всякомъ случаѣ плодъ не только минутнаго, но даже, вѣроятно, и не часоваго вдохновенія, а обычной умственной работы привычнаго къ мышленію человѣка*“ (См. Цит. соч. стр. 10. 98). По поводу собственно послѣдняго замѣчанія почтеннаго профессора о томъ, что „большинство рѣчей Макарія безспорно были не импровизаціи“, позволяемъ себѣ привести слѣдующія собственныя слова преосв. Макарія изъ письма къ его брату А. П. Булгакову отъ 16 іюня 1857 года: „я выѣхалъ изъ Тамбова уже болѣе недѣли, проѣзжалъ разные города и села, часто служилъ, иногда по три дня сряду и почти вездѣ говорилъ проповѣди, *безъ приготовленія, прямо на память. Проповѣди эти я не записываю и всѣ онѣ не увидятъ печати*; да и не нужно. Но я вижу и чувствую, что онѣ, при всей своей простотѣ и безыскусственности, дѣйственнѣе проповѣдей, сочиненныхъ—искусственныхъ, какъ свободное изліяніе мыслей. Иногда эти импровизаціи не совсѣмъ удаются, когда я бываю утомленъ службою,—или несовсѣмъ здоровъ, а иногда выходятъ очень удачны, какъ, напр., нынче въ Липецкѣ, гдѣ я, по случаю водъ цѣлебныхъ, которыми пріѣхалъ самъ лѣчиться, поговорилъ православнымъ о водахъ духовныхъ, необходимыхъ для излѣченія душъ“....

со всѣми общему закону—закону предварительной цензуры, тогда въ особенности строго блюдомому“ [1]). Слѣдовательно, всѣ проповѣди петербургскаго періода, по крайней мѣрѣ, до 1851 г. Макарій долженъ былъ предварительно записывать и представлять цензору. Но если такъ, то мы должны признать за несомнѣнный фактъ, что многія изъ петербургскихъ проповѣдей почему-то не были напечатаны Макаріемъ. Утверждаемъ это на слѣдующемъ основаніи. Изъ документальныхъ данныхъ видно, что Макарій произнесъ въ Петербургѣ проповѣдей гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ извѣстно въ печати. Такъ, напр., въ 1844 г. Макарій, по порученію начальства, произносилъ 4 проповѣди: 14 мая и 30 Августа въ Александро-Невской лаврѣ, 13 февраля и 11 іюля въ Казанскомъ соборѣ [2]); между тѣмъ намъ извѣстно изъ 1844 года только два его слова: въ Великій Пятокъ и въ недѣлю Православія [3]). Въ 1845 г. архим. Макарій, по порученію начальства, долженъ былъ произносить три проповѣди: 28 генваря и 6 декабря въ Казанскомъ соборѣ и 30 Августа въ Александро-Невской Лаврѣ. Но отъ проповѣди 28 генваря 1845 года архим. Макарій почему-то отказался и въ отвѣтъ на его прошеніе объ этомъ с.-петербургская духовная консисторія просила Академическое Правленіе сообщить ему, что отъ произнесенія проповѣди 28 генваря 1845 г. онъ уволенъ; слѣдовательно, архим. Макарій въ 1845 г., повидимому, произносилъ двѣ проповѣди (30 августа и 6 декабря) [4]), между тѣмъ какъ въ печати извѣстны три проповѣди его за этотъ годъ: по избраніи судей къ Казанскомъ соборѣ, на Пасху въ Александро-

---

[1]) См. его сочиненіе: „Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ“ М. 1893 г. стр. 98.

[2]) См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1843 г. дѣло № 8.

[3]) См. Слова и Рѣчи СПБ. 1891 г. стр. 31—51.

[4]) См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1844 г. № 73.

Невской Лаврѣ и 6 декабря въ Никольскомъ соборѣ [1]). Въ 1846 году архим. Макарій долженъ былъ произнести три проповѣди: 24 февраля и 22 августа въ Казанскомъ соборѣ и 5 апрѣля (Великій Пятокъ) въ Александро-Невской Лаврѣ [2]), а въ печати извѣстно только два слова: въ Великій Пятокъ и въ день (22 августа) священнаго вѣнчанія на царство императора Николая I [3]). Въ 1847 году архим. Макарій, по назначенію начальства, долженъ былъ произносить 4 проповѣди: 23 марта (день св. Пасхи) въ Александро-Невской Лаврѣ и 26 февраля, 21 апрѣля и 20 ноября въ Казанскомъ соборѣ [4]), а между тѣмъ извѣстно только два слова за этотъ годъ: на день Св. Пасхи и въ день рожденія Государыни Цесаревны Маріи Александровны [5]). Въ 1848 году архим. Макарій, по назначенію начальства, произносилъ двѣ проповѣди: 29 февраля въ Казанскомъ соборѣ и 30 августа въ Александро-Невской лаврѣ [6]); обѣ эти проповѣди сохранились и въ

---

[1]) См. Слова и Рѣчи СПБ. 1891 г. стр. 52—79. Въ настоящемъ случаѣ между печатнымъ изданіемъ проповѣдей и свидѣтельствомъ архива замѣчается противорѣчіе; по даннымъ архива, архим. Макарій долженъ былъ произнести только два слова, а между тѣмъ извѣстны [illegible]хъ три; по свидѣтельству архива, 6 декабря 1845 г. архим. Макарій говорилъ проповѣдь въ Казанскомъ соборѣ, а по печатному изданію проповѣдей (1869 г. и 1891 г.)—въ Никольскомъ С.-Петербургскомъ соборѣ. Для устраненія этого противорѣчія мы предлагаемъ слѣдующую догадку: во 1) не есть ли слово „по избраніи судей“ та самая проповѣдь, какая назначалась Макарію на 28 генваря 1845 г. и отъ которой онъ сначала отказался, а потомъ, быть можетъ, и произнесъ, или во всякомъ случаѣ написалъ её? во 2) слово 6 декабря 1845 г. было произнесено, вѣроятнѣе всего, въ Казанскомъ, а не Никольскомъ соборѣ; по крайней мѣрѣ, въ изданіи 1847 г. оно отмѣчено произнесеннымъ въ Казанскомъ соборѣ; слѣдов., въ позднѣйшія изданія могла вкрасться ошибка.

[2]) См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по внутр. Правл. за 1846 г. дѣло 21.

[3]) См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. с . 80—102.

[4]) См. архивъ с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1846 г. дѣло № 21.

[5]) См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 103—117.

[6]) См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1847 г. дѣло № 17.

печати [1]). Въ слѣдующемъ 1849 г. архим. Макарій, по назначенію начальства, говорилъ двѣ проповѣди: 30 августа въ Александро-Невской Лаврѣ и 21 апрѣля въ Казанскомъ соборѣ [2]); сохранилось же три проповѣди, при чемъ третья (при погребеніи м. Іоны 24 іюня 1849 г.) была сказана Макаріемъ, очевидно, по собственному желанію [3]). Наконецъ, въ 1850 г. архим. Макарій произносилъ, по назначенію начальства, двѣ проповѣди: 21 апрѣля (въ Великій Пятокъ) въ Александро-Невской Лаврѣ и 6 декабря (въ день Чудотворца святителя Николая и тезоименитства Государя Императора Николая 1-го (въ Казанскомъ соборѣ) [4]), а между тѣмъ въ печати извѣстно три, при чемъ два слова (при погребеніи архіепископовъ: Игнатія воронежскаго и Іакова нижегородскаго) были произнесены архим. Макаріемъ, очевидно, по собственному желанію, а слово въ Великій Пятокъ (21 апрѣля) не сохранилось [5]).

Итакъ, за время своего служенія въ должности инспектора и профессора Академіи архим. Макарій произносилъ 23 проповѣди, изъ нихъ сохранилось 18; видимо, что пять проповѣдей не было напечатано. Категорически рѣшать вопросъ о причинѣ ненапечатанія архим. Макаріемъ 5 произнесенныхъ имъ проповѣдей мы не беремся, за отсутствіемъ какихъ-либо несомнѣнныхъ основаній для этого рѣшенія. Ограничимся только предложеніемъ болѣе или менѣе вѣроятной догадки. Можно именно думать, что архим. Макарій былъ недоволенъ почему либо тѣми проповѣдями, какія онъ не рѣшился напечатать. Объ этомъ можно заключать, между прочимъ, и на томъ основаніи, что архим. Макарій впослѣдствіи жалѣлъ даже о

---

[1]) См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 118—131.

[2]) См. арх. с.-петерб. дух. Акад. по Внутр. Прав. за 1848г. дѣло № 14.

[3]) См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 132—152.

[4]) См. арх. с.-петербург. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1850 г. дѣло № 10.

[5]) См. Слова и Рѣчи С.П.Б. 1891 г. стр. 153—177.

напечатаніи тѣхъ проповѣдей, какія вошли въ изданіе 1847 г. Посылая свое „собраніе нѣсколькихъ словъ“ [1]) преосв. Иннокентію, архим. Макарій писалъ ему 28 генваря 1847 г. слѣдующее: „на мои проповѣди прошу смотрѣть какъ на грѣхъ моей юности: объ изданіи ихъ, задуманномъ въ минуту неосмотрительности, я уже немножно жалѣю. Надобно сказать, что здѣсь—въ Петербургѣ проповѣдь въ крайнемъ упадкѣ вообще“ [2]). Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что преосв. Иннокентій не согласился съ такимъ мнѣніемъ архим. Макарія о своихъ проповѣдяхъ. Преосв. Иннокентію понравились проповѣди его ученика и въ отвѣтномъ письмѣ къ нему онъ, между прочимъ, замѣчалъ: „напрасно желѣете вы объ изданіи въ свѣтъ проповѣдей вашихъ. Мало ли чего можно пожелать для совершенства своихъ произведеній! Но будемъ довольны тѣмъ, что Богъ далъ. Книжка, вами изданная, будьте увѣрены, составитъ нѣкогда одно изъ колецъ въ цѣпи исторіи литературы проповѣднической. Мнѣ она весьма понравилась“ [3]). По заключенію спеціальнаго изслѣдователя проповѣднической дѣятельности Макарія, это послѣднее предсказаніе преосв. Иннокентія вполнѣ сбылось [4]). Не смотря однакожъ на лестный отзывъ преосв. Иннокентія о петербургскихъ проповѣдяхъ архим. Макарія, самъ онъ оставался прежняго мнѣнія о нихъ, былъ недоволенъ ими и ставилъ ихъ значительно ниже позднѣйшихъ своихъ проповѣдей. „Радуюсь, что тебѣ нравятся мои проповѣди тамбовскія“, писалъ преосв. Макарій 19 октября 1858 года своему брату А. П. Булгакову. „Я и самъ предпочитаю ихъ прежнимъ. Тѣ писаны волей-неволей на данные случаи,

---

[1]) По нашему мнѣнію, даже самое заглавіе: „Собраніе нѣсколькихъ словъ“ показывало, что въ это собраніе вошли не всѣ проповѣди, произнесенныя Макаріемъ до 1847 г.

[2]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. I стр. 804—805.

[3]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 24.

[4]) См. В. Кипарисова цит. сочин. стр. 228—229.

и собственно сочинены послѣ немалыхъ размышленій и хлопотъ для предварительнаго показа начальству, и потому отзываются искусственностію и холодностію. Тамбовскія совсѣмъ напротивъ: ты знаешь отъ меня, какъ онѣ создаются“ [1])... Можно думать, что сознаніе недостатковъ (особенно искусственности и холодности) въ связи съ „крайнимъ упадкомъ проповѣди вообще въ Петербургѣ“ было главною причиною, почему архим. Макарій не счелъ нужнымъ напечатать всѣ свои петербургскія проповѣди.

Всѣмъ извѣстно имя м. Макарія, какъ великаго, а по мнѣнію нѣкоторыхъ (преосв. Никанора), даже безпримѣрнаго богослова [2]) и историка русской православной Церкви; меньшею извѣстностію пользуется м. Макарій, какъ проповѣдникъ; однакоже и въ этомъ отношеніи теперь, благодаря труду проф. Кипарисова, болѣе или менѣе опредѣлено значеніе преосв. Макарія; доселѣ оставалось только совершенно неизвѣстнымъ имя м. Макарія, какъ ученаго канониста нашей церкви. А между тѣмъ это послѣднее имя должно быть усвоено м. Макарію по всей справедливости. Въ числѣ многочисленныхъ произведеній Макарія, относящихся къ обозрѣваемому нами времени, сохранилось, между прочимъ, одно въ высшей степени замѣчательное сочиненіе его по каноническому праву. Къ сожалѣнію, сочиненіе это доселѣ остается почему то въ рукописномъ видѣ, хотя оно имѣетъ всѣ права на то, чтобы быть обнародованнымъ. Разумѣемъ „Собраніе матеріаловъ для науки каноническаго права Православной Русской Церкви, изложенное въ систематическомъ порядкѣ СПБ. 1850 г.“ [3]). „Собраніе матеріаловъ для науки каноническаго права“ хранится нынѣ въ музейной библіотекѣ Кіевской дух.

---

[1]) Изъ неизданнаго письма.

[2]) См. Уфимскія Епарх. Вѣдомости 1882 г. № 15.

[3]) См. Муз. Аа. 190.

Академіи, куда оно поступило по завѣщанію самого автора, и представляетъ рукопись на 214 листахъ in folio. Авторская принадлежность рукописи Макарію не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію[1]). Во 1-хъ, на первомъ заглавномъ листѣ характерною рукою Макарія написано: „изъ библіотеки Архимандрита Макарія. Санкт.-Петербургъ 1850 года". Затѣмъ, во 2) самое „собраніе матеріаловъ написано рукою другого лица, но за то рукою Макарія сдѣланы многія исправленія и дополненія какъ въ оглавленіи, такъ и въ самомъ текстѣ рукописи; оглавленіе же третьей части „Собранія" все цѣликомъ написано характерною рукою Макарія. Наконецъ, въ 3) въ пользу авторской принадлежности разсматриваемой рукописи Макарію говоритъ также и то обстоятельство, что планъ „Собранія матеріаловъ для науки каноническаго права" буквально совпадаетъ съ тѣмъ планомъ, какой архим. Макарій начерталъ „для науки каноническаго права" въ своемъ „Введеніи въ Православное Богословіе[2]). Судя по всему, задуманное, но почему то не выполненное „каноническое право православной Россійской Церкви" имѣло быть осуществленіемъ второй части „плана", какой былъ начертанъ архим. Макаріемъ во „Введеніи въ Православное Богословіе".

Что касается обстоятельствъ происхожденія интересующаго насъ „Собранія матеріаловъ", то, къ сожалѣнію, не смотря на всѣ наши попытки, вопросъ этотъ остался для насъ совершенно неуясненнымъ. Ни въ письмахъ, ни въ многочисленныхъ рукописяхъ м. Макарія, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, мы не нашли никакихъ указаній на обстоятельства происхожденія замѣчательнаго труда Макарія. Также нерѣшеннымъ остался для насъ и вопросъ о причинахъ, почему трудъ этотъ, почти совершенно законченный и обработанный, не былъ напечатанъ авторомъ ни въ разсматривае-

[1]) См. „Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ". Проф. Н. И. Петрова. М. 1892 г. вып. 1 стр. 25.

[2]) См. Введеніе стр. 673—674.

мое нами время жизни Макарія, ни послѣ того[1]). Можно, впрочемъ, сдѣлать нѣкоторыя предположенія на этотъ счетъ. Такъ, можно думать, что самъ архим. Макарій, сознавая всю важность предпринятаго имъ труда—кодификаціи русскаго церковнаго права, не рѣшился напечатать свой трудъ, боясь, чтобы онъ не причинилъ ему какихъ либо непріятностей. Но могло быть и иначе. Могли встрѣтиться затрудненія цензурнаго свойства, которыя заставили архим. Макарія отказаться отъ мысли напечатать свой трудъ по каноническому праву. Впрочемъ, послѣднее предположеніе намъ лично представляется мало вѣроятнымъ. Трудно допустить, чтобы архим. Макарій могъ представлять въ цензурный комитетъ свой трудъ по каноническому праву въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сохранился. Хотя и въ настоящемъ своемъ видѣ трудъ этотъ имѣетъ характеръ болѣе или менѣе обработаннаго изслѣдованія, но все таки для представленія въ печать онъ требовалъ еще нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій, какія уже были намѣчены самимъ авторомъ. Итакъ, мы склоняемся въ пользу перваго предположенія и думаемъ, что архим. Макарій самъ почему либо отказался отъ мысли напечатать свой трудъ по каноническому праву. Это въ высшей степени печально, такъ какъ почти законченный трудъ архим. Макарія имѣлъ, какъ онъ и нынѣ имѣетъ, великое значеніе.

---

[1]) За разрѣшеніемъ вопросовъ объ обстоятельствахъ происхожденія и о причинахъ ненапечатанія каноническаго труда Макарія мы обращались къ племяннику его, прот. П. А. Солнцеву, и достопочтенный о. протоіерей отвѣтилъ намъ 8 января 1895 года слѣдующее; „канонический сборникъ, составленный преосв. Макаріемъ, я увидѣлъ въ первый разъ въ Харьковѣ. Онъ находился въ канцеляріи преосвященнаго и съ нимъ справлялся архіерейскій письмоводитель при рѣшеніи тѣхъ или другихъ епархіальныхъ дѣлъ. Мнѣ сказалъ Владыка о семъ сборникѣ, что онъ требуетъ пересмотра и исправленія, но заняться симъ дѣломъ онъ не имѣетъ времени. Кромѣ сборника, въ библіотекѣ преосвященнаго находились еще двѣ статьи въ рукописи каноническаго характера—о догматическомъ основаніи каноническаго права и историческомъ; время написанія сборника и статей мнѣ неизвѣстно“.

Для того, чтобы значеніе труда архим. Макарія по русскому церковному праву вполнѣ для насъ уяснилось, достаточно будетъ показать, въ какомъ состояніи находилась эта наука въ разсматриваемое нами время. Разъ мы будемъ знать это состояніе, тогда само собою опредѣлится для насъ мѣсто труда Макарія въ исторіи русскаго каноническаго права.

Въ то время, къ какому относится наша рѣчь, наука русскаго церковнаго права находилась въ періодѣ зарожденія. Это нисколько неудивительно въ виду того, что даже и въ настоящее время русское церковное право не достигло еще степени вполнѣ научнаго развитія, а находится еще только на пути къ достиженію этой степени. По сознанію одного изъ современныхъ корифеевъ въ области русскаго каноническаго права, проф. А. С. Павлова, мы и теперь еще не имѣемъ всѣхъ данныхъ для построенія полной догматической системы русскаго каноническаго права. По его убѣжденію, для этого „нужно еще приготовлять матеріалъ; нужно исполнить не малое число предварительныхъ работъ надъ самыми источниками этого права съ цѣлію опредѣлить ихъ относительное достоинство и указать, насколько содержится въ нихъ дѣйствующее право или такое, которое должно быть признаваемо дѣйствующимъ..... Собственныя изысканія ученаго канониста должны вести къ разрѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: откуда происходятъ тѣ источники, историческое происхожденіе которыхъ неизвѣстно? Какъ относятся они къ содержанію основнаго канона церкви и насколько принадлежащія имъ особенныя своеобразныя опредѣленія соотвѣтствуютъ потребностямъ современной церковной жизни или природы того каноническаго института, котораго касаются? Только такія работы (если только онѣ исполнены съ знаніемъ дѣла и добросовѣстно) могутъ содѣйствовать приведенію каноническаго права нашей церкви въ надлежащій внутренній поря-

докъ.... и построенію научно-догматической системы его“ [1]). Нельзя не признать всей горькой правды приведенныхъ словъ достопочтеннаго канониста, равно какъ нельзя не пожалѣть вмѣстѣ съ нимъ и о томъ, что „законы, которыми съ 1721 г. т. е. съ эпохи учрежденія св. Синода ближайшимъ образомъ управляется русская православная церковь, доселѣ еще не приведены въ надлежащій порядокъ,—*не изданы въ особомъ систематическомъ или хронологическомъ собраніи;* многіе изъ нихъ не вошли не только въ „Сводъ“, но и въ „Полное Собраніе законовъ Россійской имперіи“; другіе съ самаго начала и до сихъ поръ сохраняютъ характеръ „конфиденціальныхъ“ распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“ [2]).

Но, если въ такомъ состояніи находится наука русскаго церковнаго права теперь, то что же должно сказать о сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія? Да, состояніе ея въ то время было еще болѣе печальное и жалкое. Только въ первой четверти настоящаго столѣтія сознана была у насъ необходимость систематическаго, научнаго изученія каноническаго права. До того же времени познаніе каноническаго права въ Россіи, по выраженію м. Филарета (Дроздова), пріобрѣталось „не наставленіемъ въ училищахъ духовныхъ, а токмо частнымъ упражненіемъ любителей церковного благоустройства и опытомъ въ церковныхъ судилищахъ“ [3]). Впервые мысль о необходимости системы по каноническому праву была высказана извѣстною Коммиссіей духовныхъ училищъ въ ея предписаніяхъ Академическому С.-Петербургскому Правленію и въ ея проэктѣ устава духовныхъ Академій, Высочайше утвержденномъ въ 1814 году. По порученію же Коммиссіи духовныхъ училищъ, архим. (впослѣдствіи московскій

[1]) См. его 50-я глава Кормчей книги М. 1887 г. пред. стр. 4—5.

[2]) См. тамъ же пред. стр. 1—2.

[3]) См. его „Обозрѣніе богословскихъ наукъ въ отношеніи къ преподаванію ихъ въ высшихъ духовныхъ училищахъ“ СПБ. 1814 г. стр. 47.

митрополитъ) Филаретъ составилъ въ 1814 году и самую систему канонического права[1]). По разумѣнію составителя, эта система должна была заключать въ себѣ 5 отдѣловъ 1) предварительное понятіе о церкви, соборахъ и преданіяхъ; 2) церковное чиноначаліе, 3) церковное чиноположеніе, 4) церковное домостроительство, и 5) церковное судопроизводство) и быть написана такъ, чтобы каждое положеніе въ ней подтверждалось словомъ Божіимъ, или правилами соборными съ примѣненіемъ особенно къ узаконеніямъ церкви Россійской. „Таковое сочиненіе", замѣчалъ въ заключеніе архим. Филаретъ, „прежде употребленія училищнаго, должно быть представлено на разсмотрѣніе начальства" [2]). Но прошло много лѣтъ, прежде чѣмъ явилась научная система канонического права.

Этимъ первымъ опытомъ[3]) систематическаго изложенія церковнаго права были „Записки по церковному законовѣдѣнію" [4]) славнаго профессора Кіевской дух. Академіи (и Университета), прот. І. М. Скворцова. Вся система канонического права у прот. І. М. Скворцова состояла изъ 7 отдѣленій, отличныхъ отъ тѣхъ отдѣленій, какія были намѣчены въ „обозрѣніи" м. Филарета. Но подобно этому послѣднему, и прот. І. М. Скворцовъ въ своей системѣ излагалъ право русской церкви параллельно съ правомъ вселенской церкви. Каждое положеніе въ системѣ его строго обосновывалось или на церковныхъ канонахъ, или же на государственныхъ законахъ. Изданіе „Записокъ по церковному законовѣдѣнію" прот. І.

---

[1]) См. въ томъ же обозрѣніи; кромѣ отдѣльнаго изданія, это обозрѣніе можно читать также въ „Собраніи мнѣній и отзывовъ м. Филарета", издан. преосв. Саввы т. 1.

[2]) См. Обозрѣніе стр. 52—53.

[3]) Появившіяся въ печати раньше того изслѣдованія по каноническому праву м. Евгенія и барона Розенкампфа имѣли спеціальный характеръ и были посвящены исключительно изученію Кормчей книги. См. Прав. Соб. 1894 г. кн. 3. стр. 277—289.

[4]) Первое изданіе вышло въ Кіевѣ въ 1848 году.

М. Скворцова безспорно составило настоящую эпоху въ исторіи каноническаго права [1]). Въ частности, архим. Макарій былъ въ большомъ восторгѣ отъ нихъ и ставилъ ихъ гораздо выше появившагося нѣсколько позже извѣстнаго труда преосв. Іоанна (Соколова) по каноническому праву. „Иванъ Михайловичъ Скворцовъ", писалъ онъ 24 іюня 1845 года С. А. Серафимову, „прислалъ сюда свое каноническае право, которое уже одобрено цензурнымъ комитетомъ и представлено въ Св. Синодъ [2]). „Одинъ изъ здѣшнихъ баккалавровъ—о. Іоаннъ", писалъ онъ тому же лицу 15 апрѣля 1848 г. „также представилъ въ Св. Синодъ свои записки по каноническому праву гораздо обширнѣе Скворцовыхъ, хоть и не столь зрѣлыя" [3]).

Къ сожалѣнію, архим. Макарій не могъ воспользоваться трудомъ своего учителя. Еще прежде его архим. Макарій долженъ былъ заниматься составленіемъ системы каноническаго права для своего „Введенія въ Православное Богословіе", которое явилось въ печати на годъ раньше „Записокъ по Церковному Законовѣдѣнію" прот. І. М. Скворцова. Такимъ образомъ, единственнымъ пособіемъ для Макарія при составленіи имъ программы каноническаго права могла служить только система этой науки, начертанная въ 1814 году м. Филаретомъ. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что система каноническаго права, составленная архим. Макаріемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно превосходила систему, начертанную въ свое время архим. Филаретомъ. Прежде всего, у архим. Макарія въ его „Введеніи въ Православное Бо-

[1]) „Какъ первый опытъ систематическаго изложенія науки, говоритъ проф. Остроумовъ въ своемъ „Очеркѣ православнаго Церковнаго права", „Записки по церковному законовѣдѣнію" трудъ для своего времени замѣчательный". См. Вѣра и Разумъ 1891 г. № 4 Прил. стр. 105; ср. „Біографич. словарь профессоровъ и преподавателей университета св. Владиміра". К. 1884 г. стр 606.

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 10-й.

[3]) См. тамъ-же.

гословіе“ мы находимъ гораздо болѣе стройный и сообразный съ научными требованіями планъ науки каноническаго права, чѣмъ у его знаменитаго предшественника [1]). Съ другой стороны, у архим. Макарія мы видимъ болѣе опредѣленное и ясное разграниченіе между наукою права церкви вселенской и наукою права собственнно церкви русской [2]). Въ то время, какъ у Филарета узаконенія церкви россійской излагались параллельно съ общецерковными канонами, у Макарія вся вторая часть начертанной имъ системы подъ заглавіемъ: „о правѣ церкви внутреннемъ“ предназначалась спеціально для изложенія русскаго каноническаго права.

Это изложеніе мы и видимъ, дѣйствительно, въ разсматриваемой нами рукописи. Содержаніе этой рукописи, раздѣляющейся на три части, таково. Въ первой части ея говорится „о правительствѣ православной Русской Церкви“. Часть эта, въ свою очередь, распадается на два отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи говорится „о Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ и состоящихъ при немъ учрежденіяхъ“, при чемъ законоположенія о Св. Синодѣ излагаются въ первой главѣ этого отдѣленія, а законоположенія объ учрежденіяхъ, состоящихъ при Св. Синодѣ (о синодальныхъ конторахъ, Духовно-учебномъ Управленіи, Хозяйственномъ Управленіи и синодальныхъ типографіяхъ)—во второй главѣ. Второе отдѣленіе первой части посвящается изложенію законоположеній „объ управленіяхъ, подчиненныхъ Св. Синоду“, а именно: епархіальномъ управленіи (гл. 1-я), управленіи придворнымъ духовенствомъ (гл. 2-я), управленіи военнымъ духовенствомъ и управленіи училищномъ (гл. 4-я). Во второй части говорится „о лицахъ управляемыхъ, или членахъ Православной русской церкви“; часть эта, въ свою очередь, рас-

[1]) См. Прав. Соб. 1894 г. кн. 3. стр. 274.

[2]) См. программу каноническаго права арх. Макарія въ его „Введеніи“ стр. 672—674.

падалась на три отдѣленія; въ первомъ изъ нихъ гогорится о духовенствѣ, а именно о бѣломъ духовенствѣ (гл. 1-я), о монашествующемъ духовенствѣ (гл. 2-я) и о лицахъ, принадлежащихъ къ духовному званію по происхожденію и службѣ (гл. 3-я, здѣсь частнѣе говорится о дѣтяхъ священно-церковнослужителей (чл. 1-й), о наставникахъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, не имѣющихъ священническаго сана (чл. 2) и о вдовахъ и сиротахъ священно церковнослужителей и наставниковъ, служащихъ по духовному вѣдомству (чл. 3-й); во второмъ отдѣленіи говорится о мірянахъ, при чемъ раздѣльно излагаются церковныя законоположенія касательно мірянъ епархіальнаго (гл. 1-я), придворнаго (гл. 2-я) и военнаго вѣдомства (гл. 3-я), а въ концѣ излагаются обязанности всѣхъ вообще мірянъ, какъ членовъ Церкви Православной; въ третьемъ отдѣленіи говорится объ актахъ, удостовѣряющихъ принадлежность къ православной церкви того или другого члена оной, званіе ихъ и другія обстоятельства, касающіяся ихъ, какъ членовъ Церкви, при чемъ въ 1-й главѣ идетъ рѣчь объ актахъ, общихъ для всѣхъ членовъ церкви, а во 2-й—объ актахъ, особенныхъ для духовенства. Третья часть посвящается изложенію церковныхъ законоположеній „о средствахъ, коими Церковь пользуется для своей цѣли“, при чемъ въ первомъ отдѣленіи должно было говориться „о преподаваніи ученія“ (въ рукописи всего этого отдѣленія нѣтъ), а во второмъ говорится „объ отправленіи богослуженія и прочихъ христіанскихъ требъ“, частнѣе: о священныхъ дѣйствіяхъ (гл. 1-я), о священныхъ временахъ (гл. 2-я) и священныхъ мѣстахъ (гл. 3-я) и, наконецъ, въ третьемъ отдѣленіи говорится о церковной судебной дисциплинѣ, при чемъ отдѣльно излагаются законоположенія о судѣ церковномъ вообще надъ православными членами Церкви (гл. 1-я) и надъ лицами, состоящими въ духовномъ вѣдомствѣ (гл. 2-я).

Таковъ планъ каноническаго труда архим. Макарія. Планъ этотъ, какъ мы и раньше замѣтили, почти совершенно

совпадалъ съ планомъ, начертаннымъ во „Введеніи въ Православное Богословіе“ и видимо былъ разсчитанъ на то, что бы обнять область русскаго церковнаго права со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Что касается внутреннихъ особенностей содержанія разсматриваемаго нами труда, то главнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія: Во 1-хъ) въ началѣ каждой части, отдѣленія и главы авторъ точно указываетъ тѣ предметы и стороны церковной жизни, о какихъ онъ будетъ приводить законоположенія; затѣмъ слѣдуютъ самыя церковныя законоположенія, которыя приводятся по намѣченнымъ разрядамъ; во 2) авторъ отнюдь не ограничивается сухимъ перечнемъ церковныхъ законоположеній; нѣтъ, избравъ какую либо сторону церковной жизни, онъ разсматриваетъ ее канонически по пунктамъ, при чемъ для каждаго пункта приводитъ всѣ церковныя законоположенія; въ 3) самыя законоположенія церковныя авторомъ только цитуются, а не приводятся въ буквальномъ видѣ; впрочемъ, это послѣднее было и не нужно совсѣмъ, въ виду прежняго опредѣленія, формулированнаго самимъ авторомъ; кромѣ того, можно думать, что при печатаніи авторъ могъ если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя, важнѣйшія церковныя правила приводить подробно; въ 4-хъ) доказательства для своихъ положеній авторъ беретъ изъ слѣдующихъ источниковъ: Св. Писанія, Св. Преданія, правилъ св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, русскихъ соборовъ, твореній свв. отцовъ, древнихъ каноническихъ сборниковъ, указовъ Св. Синода и гражданскихъ узаконеній; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ приводитъ заразъ нѣсколько ссылокъ на разные источники, а въ другихъ мѣстахъ ограничивается ссылкою на одинъ какой либо источникъ; въ 5-хъ) авторъ вездѣ ведетъ дѣло систематическаго изложенія церковныхъ законоположеній положительно; по крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не замѣтили у архим. Макарія опроверженія противныхъ канонамъ православной русской церкви заблужденій; наконецъ, въ 6-хъ) несмотря на всю краткость, съ ка-

кою ведется у архим. Макарія систематизація каноновъ русской православной церкви, трудъ его не дѣйствуетъ утомительно на читателя, а, напротивъ, читается легко и съ интересомъ, благодаря отчетливому, точному и ясному изложенію.

Для того, чтобы ближе познакомить нашихъ читателей съ пріемами систематизаціи церковныхъ правилъ, излагаемыхъ Макаріемъ, приведемъ здѣсь одинъ небольшой отрывокъ изъ его каноническаго труда. Членъ III (II-отдѣленія 3-ей части). Правила касательно совершенія таинствъ. Статья 1-я о таинствѣ крещенія. Крещеніе должно быть совершаемо по учрежденію Господню во имя Отца и Сына и Св. Духа. См. Ап. Пр. 49. Тремя погруженіями. Тамъ-же пр. 50. Все дѣйствіе долженъ совершать священникъ, діаконамъ же и причетникамъ не совершать, 1767 Соб. дѣян. бывш. въ Москв. гл. 2 пр. 8; 1698 г. Дек. 26 указн. стат. патр. Москов. Адріана 3. Излож. вѣры вост. патр. чл. 10 и 16. Крестить же, т. е. погрузить троекратно и выговаривать слова: крещается рабъ (или раба) Божій во имя Отца и проч....,— въ случаѣ нужды, какова напр. слабость младенца, можетъ и простой человѣкъ, только бы былъ православный и при томъ понимающій важность крещенія. Номок. пр. 204; указъ 1722 г. февр. 23 пр. 1 о должности приходскихъ священ. § 84. Излож. вѣры восточ. патр. чл. 10. Но такое крещеніе священникъ долженъ довершать молитвою. Тамъ же о долж. пресв. § 84. Крещеніе еретиковъ, не имѣющихъ православной формы крещенія, или крестящихся во едино погруженіе, недѣйствительно и крещающій такимъ образомъ подлежитъ изверженію. См. Ап. пр. 40. 47; Втор. всел. соб. пр. 7. Крещеніе должно быть совершаемо въ церкви при причетникахъ, можетъ быть совершаемо и въ домахъ, но не иначе какъ съ дозволенія мѣстнаго епископа или только въ случаѣ нужды. 6 Всел. Соб. пр. 59 и 31; Дух. Регл. 2 част. о мірск. особ. пр. 9; Инстр. благоч. пр. 20, указъ 1805 г. март. 20 и т. д.

Изъ всего сказаннаго нами о рукописномъ каноническомъ трудѣ архим. Макарія можно, кажется, съ полнымъ правомъ вывести слѣдующія заключенія: 1) трудъ этотъ по всей справливости можетъ быть названъ систематической кодификаціей русскаго церковнаго права; 2) онъ былъ первымъ опытомъ у насъ въ этомъ родѣ и 3) слѣдовательно, Макарій имѣетъ такое же право на званіе перваго русскаго канониста, съ какимъ ему усвояется имя перваго русскаго богослова. Въ высшей степени было бы желательно, чтобы трудъ Макарія былъ напечатанъ. Повторяемъ, что онъ этого вполнѣ заслуживаетъ какъ по высокому авторитету имени своего автора, такъ равно и по высокимъ внутреннимъ своимъ достоинствамъ. Обнародованіе каноническаго труда Макарія, безъ сомнѣнія, было бы принято нашими канонистами съ искреннею благодарностію.

Служба архим. Макарія въ должности инспектора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи сопровождалась, можно сказать, блестящими успѣхами. Отношенія его къ высшему начальству, своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ были самыя наилучшія.

Прежде всего, имя архим. Макарія уже въ это время сдѣлалось извѣстно Государю Императору. Мы знаемъ, что въ 1847 году онъ получилъ Высочайшую награду отъ Государя Императора за свое сочиненіе „Введеніе въ Православное Богословіе“ и благодарность отъ Наслѣдника Цесаревича. Еще раньше, именно 17 апрѣля 1846 г. архим. Макарій получилъ Высочайшую благодарность отъ Государя Императора за сочиненіе: „Исторія христіанства въ Россіи доравноапостольнаго князя Владиміра“ [1]). Такія высокія и рѣдкія награды, должно думать, служили для молодого бого-

[1]) См. архивъ С.-Петерб. дух. Академіи по Внутр. Правл. Журн. за 22 апр. 1846 года и за тотъ же годъ дѣло № 8.

слова однимъ изъ важнѣйшихъ побужденій къ продолженію своей ревностной учено-литературной дѣятельности.

Далѣе, во все это время архим. Макарій былъ на самомъ лучшемъ счету у Св. Синода. Здѣсь ему не мало содѣйствовало счастливое совпаденіе обстоятельствъ. Въ годы инспекторства и профессорства архим. Макарія въ Св. Синодѣ почти постоянно присутствовали въ числѣ другихъ членовъ архіепископъ Курскій Иліодоръ (Чистяковъ) и архіепископъ Харьковскій (съ 1848 г. Херсонскій) Иннокентій (Борисовъ). Оба эти архипастыря, за болѣзненностію первоприсутствующаго члена м. Антонія (Рафальскаго) и за постояннымъ отсутствіемъ двухъ другихъ митрополитовъ—московскаго и кіевскаго, были даже наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Св. Синода. „Теперь въ Св. Синодѣ", писалъ 18 марта 1848 года преосв. Евсевій А. В. Горскому, „за отсутствіемъ Владыки митрополита, Владыка Иннокентій сидитъ впереди другихъ" [1]). А между тѣмъ изъ предшествующихъ нашихъ очерковъ читателямъ извѣстно, что архіепископы Иліодоръ и Иннокентій прекрасно знали архим. Макарія и были о немъ наилучшаго мнѣнія. Кромѣ того, преосв. Иліодоръ принималъ ближайшее участіе въ Макаріи еще со времени его семинарскаго образованія, а преосв. Иннокентій еще съ 1843 года находился въ самой дружественной и откровенной перепискѣ съ Макаріемъ, при чемъ этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, оказывалъ немаловажныя услуги своему бывшему ректору по цензурному дѣлу. Понятно теперь, что какъ тотъ, такъ и другой изъ названныхъ архипастырей должны были по естественнымъ побужденіямъ оказывать возможное покровительство архим. Макарію. Къ этому у нихъ обоихъ было немало благопріятнымъ поводовъ. Такъ, архіеп. Иліодоръ въ 1845 и 1847 г.г., по окончаніи XVI и XVII

[1]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 775—776.

учебныхъ курсовъ, обозрѣвалъ, по порученію Св. Синода, С.-Петербургскую духовную Академію по всѣмъ частямъ ея управленія въ качествѣ помощника м. Антонія[1]). Въ 1847 году м. Антоній даже совсѣмъ не участвовалъ въ ревизіи, которую производилъ, поэтому, одинъ архіеп. Иліодоръ. Понятно, что въ оба раза ревизоръ давалъ самые лестные отзывы объ инспекторской и профессорской дѣятельности своего любимца. Такъ, въ 1846 году Св. Синодъ, по опредѣленію отъ $\frac{\text{22 апрѣля}}{\text{17 мая}}$, преподалъ благословеніе архим. Макарію, вслѣдствіе одобрительнаго отзыва м. Антонія и архіеп. Иліодора, ревизовавшихъ въ 1845 году С.-Петербургскую духовную академію[2]). Въ 1847 году архіеп. Иліодоръ также далъ самый лестный отзывъ о службѣ архим. Макарія и даже предложилъ Св. Синоду удостоить его ученой степени доктора богословія[3]). Это послѣднее предложеніе было принято въ Св. Синодѣ весьма сочувственно. Св. Синодъ поручилъ нарочито разсмотрѣть для этой цѣли ученые труды архим. Макарія, особенно изданное имъ въ томъ году „Введеніе въ Православное Богословіе“, м. Антонію и архіеп. Иннокентію. Есть основаніе думать, что м. Антоній всецѣло сдался въ этомъ дѣлѣ на преосв. Иннокентія, который далъ, конечно, самый похвальный отзывъ о трудахъ Макарія. „Честь имѣю поздравить васъ“, писалъ архіеп. Иннокентій 5 ноября 1847 года архим. Макарію, „со степенью доктора богословія! Вчера подписанъ журналъ о семъ. Нѣтъ нужды увѣрять, какъ пріятно это для всѣхъ чтителей таланта вашего“[4]). Въ опредѣленіи Св. Синода, состоявшемся 31 октября 1847 г., говорилось, что архим. Макарій „признается вполнѣ заслужи-

---

[1]) См. арх. с.-петербург. дух. акад. по Внутр. Правл. за 1845 г. дѣло № 50 и за 1847 г. дѣло № 46. Ср. Твор. св. св. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 725.

[2]) См. арх. с.-петерб. дух. акад. По Внутр. Правл. за 1846 г. дѣло № 8.

[3]) См. Твор. св. св. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 742.

[4]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 24.

вающимъ высшаго ученаго званія доктора богословія, согласно мнѣнію преосв. Антонія, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, и преосв. Иннокентія, архіеп. херсонскаго, во уваженіе обширныхъ свѣдѣній его въ предметахъ богословскихъ, равно ученыхъ трудовъ его, какъ предшествовавшихъ, такъ въ особенности изданнаго нынѣ подъ названіемъ: „Введеніе въ Православное Богословіе“ [1]). Независимо отъ этого, архим. Макарій 10 мая 1847 года былъ награжденъ, по представленію Св. Синода, орденомъ св. Анны 2 ст. „въ воздаяніе отлично—усердной службы его“, какъ говорилось въ Высочайшей грамотѣ, данной на его имя 13 мая 1847 года [2]).

Митрополиты петербургскіе, бывшіе главными начальниками Академіи, относились къ архим. Макарію неизмѣнно благосклонно. За время инспекторства и профессорства архим. Макарія с.-петербургскую митрополичью каѳедру занимали—Антоній Рафальскій (до 1848 г.) и Никаноръ Клементьевскій. Оба они всегда аттестовали архим. Макарія въ послужномъ спискѣ съ наилучшей стороны. Напр., въ 1843 году Макарій былъ аттестованъ м. Антоніемъ такъ: „поведенія честнаго, исправенъ и благонадеженъ“ [3]), въ 1844 г.: „поведенія честнаго, исправенъ и по всему благонадеженъ“ [4]), въ 1845 г.: „поведенія очень честнаго, въ должности ревностенъ и исправенъ и къ продолженію оной весьма благонадеженъ“ [5]), въ 1846 г.: „поведенія примѣрно честнаго, въ должности всегда исправенъ и къ продолженію оной весьма благонадеженъ“ [6]); за 1847 годъ: „поведенія постоянно честнаго, въ должности всегда исправенъ и вполнѣ благонадеженъ“ [7]); въ 1848 году

---

[1]) См. арх. с.-петерб. дух. акад за 1847 г. по Внутр. Правл. дѣло № 7 и по Конференціи дѣло № 25.

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1847 г. дѣло № 7-й.

[3]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1843 г. дѣло № 10-й.

[4]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1844 г. дѣло № 21-й.

[5]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1845 г. дѣло № 12-й.

[6]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1846 г. дѣло № 8-й.

[7]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1847 г. дѣло № 8-й.

уже м. Никаноръ такъ аттестовалъ архим. Макарія: „поведенія добраго, отлично исправенъ, благонадеженъ“ [1]); въ 1849 г.: „поведенія постоянно честнаго, въ должности всегда исправенъ и благонадеженъ“ [2]), и въ 1850 г.: „поведенія весьма честнаго, исправенъ и благонадеженъ“ [3]). Кромѣ того, въ 1849 г. м. Никаноръ обозрѣвалъ, по порученію Св. Синода, петербургскую Академію и, по его предложенію, Св. Синодъ въ томъ же году преподалъ благословеніе архим. Макарію за его отлично усердную службу [4]).

Свѣтское духовно-училищное начальство въ лицѣ оберъ-прокурора Св. Синода и высшихъ чиновниковъ Духовно-учебнаго Управленія относилось во все это время къ архим. Макарію въ высшей степени благосклонно. Изъ писемъ преосв. Евсевія къ А. В. Горскому, между прочимъ, видно, что Макарій нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій писалъ въ это время по нарочитому предложенію со стороны свѣтскаго духовно-училищнаго начальства [5]).

Что касается, далѣе, отношеній архим. Макарія къ своему непосредственному начальству въ лицѣ ректора Академіи, то они не всегда были одинаковы. За время инспекторства и профессорства архим. Макарія въ с.-петербургской духовной академіи перемѣнилось два ректора: преосв. Аѳанасій Дроздовъ и преосв. Евсевій Орлинскій. При первомъ изъ нихъ Макарій, какъ мы знаемъ, поступилъ на службу въ С.-Петербургскую духовную академію. Мы знаемъ также и то, что преосв. Аѳанасій сначала много покровительствовалъ своему избраннику Макарію и потому отношенія между ними тогда были самыя наилучшія. Въ первый годъ своей службы въ Петербургской академіи Макарій былъ

---

[1]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1848 г. дѣло № 8-й.

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. 1849 г. дѣло № 8-й

[3]) См. тамъ же по Внутр. Правл. 1850 г. дѣло № 2-й

[4]) См. тамъ же по Конференціи за 1849 г. дѣло № 11.

[5]) См. Твор. св. св. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 714—715.

положительно въ восторгѣ отъ своего начальника и весьма доволенъ имъ, о чемъ и писалъ своему кіевскому другу [1]). Въ послѣдующее время, приблизительно до 1846 года, отношенія между ректоромъ преосв. Аѳанасіемъ и молодымъ профессоромъ архим. Макаріемъ также оставались самыми лучшими. Изъ дѣлъ с.-петербургскаго академическаго архива за это время можно ясно видѣть, что архим. Макарій былъ весьма много обязанъ въ своемъ необыкновенно быстромъ повышеніи по службѣ, между прочимъ, и преосв. Аѳанасію [2]). Такъ, званіе соборнаго іеромонаха Александро-Невской лавры, должность экстра-ординарнаго профессора, инспектора и ординарнаго профессора Академіи, ровно какъ и санъ архимандрита были получены Макаріемъ по особымъ ходатайствамъ преосв. Аѳанасія. Каждый разъ при этомъ преосв. Аѳанасій входилъ въ Конференцію или Правленіе Академіи съ записками, въ которыхъ подробно исчислялъ заслуги и выдающіяся достоинства Макарія. Для примѣра мы приведемъ здѣсь одну изъ этихъ записокъ. „Поелику", писалъ преосв. Аѳанасій 19 сентября 1844 г. „магистръ іеромонахъ Макарій

---

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8-й.

[2]) Раньше мы предположили, что іером. Макарій могъ быть переведенъ изъ Кіева въ Петербургъ по ходатайству преосв. Аѳанасія. Нынѣ мы имѣемъ возможность категорически утверждать это. 7 Іюля 1842 г. отъ Духовно-учебнаго Управленія въ Правленіе С.-Петербургской д. Академіи поступило слѣдующее отношеніе за № 8. 256: „Св. Синодъ, принявъ во вниманіе ходатайство Академическаго Правленія и *одобрительный отзывъ ректора Академіи архим. Аѳанасія о баккалаврѣ Кіевской д. Академіи іеромонахѣ Макаріи*, опредѣленіемъ отъ 17/28 минувшаго іюля постановилъ: означеннаго іеромонаха Макарія перемѣстить изъ Кіевской въ здѣшнюю Академію по классу богословскихъ наукъ". Изъ того же самаго дѣла видно, что, по предложенію преосв. Аѳанасія отъ 19 августа 1842 года, іеромонаху Макарію было поручено преподаваніе догматическаго богословія. См. архивъ с.-петербургской дух. Академіи по Внутр. Правл. за 1842 годъ дѣло „о перемѣщеніи баккалавра Кіев. дух. Академіи іером. Макарія на вакансію баккалавра богословскихъ наукъ въ С.-Петербург. дух. Акад. и объ усвоеніи эму степени магистра" (№ 13).

въ двухгодичное служеніе при здѣшней Академіи, сперва баккалавромъ, потомъ экстра-ординарнымъ профессоромъ богословскихъ наукъ, также помощникомъ инспектора и членомъ академической Конференціи, представилъ довольно опытовъ, какъ основательныхъ познаній въ богословскихъ наукахъ и искусствѣ преподаванія оныхъ, такъ и благоразумія въ надзорѣ за воспитанниками по должности помощника инспектора, то я нахожу его вполнѣ способнымъ и достойнымъ занять вакансію инспектора и профессора богословскихъ наукъ въ Академіи; баккалавромъ же богословскихъ наукъ вмѣсто іером. Макарія признаю способнымъ инспектора новгородской семинаріи іером. Ѳеофана“ [1]). Кромѣ того, преосв. Аѳанасій много содѣйствовалъ распространенію по духовно-учебнымъ заведеніямъ и вообще въ средѣ образованнаго общества сочиненій своего любимца Макарія. Такъ, 18 октября 1843 года преосвящ. Аѳанасій, „находя полезнымъ привести въ извѣстность между наставниками духовныхъ Академій и семинарій выходъ въ свѣтъ изданной баккалавромъ, іером. Макаріемъ „Исторіи Кіевской Академіи“, просилъ Академическое Правленіе сдѣлать отъ него зависящее распоряженіе. Правленіе опредѣлило: „сдѣлать извѣстнымъ сочиненіе іеромонаха Макарія чрезъ Правленіе Кіевской, Казанской и Московской Академіи и всѣ семинаріи“ [2]). По ходатайству же преосв. Аѳанасія, другое сочиненіе Макарія: „Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра“ представлялось Св. Синодомъ на усмотрѣніе Государя Им-

[1]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1844 г. дѣло № 14; ср. тамъ же Журн. по Внутр. Правл. за 18 октября 1843 г. и за 21 окт. 1843 г. При представленіи къ возведенію іером. Макарія въ званіе экстра-ординарнаго профессора преосв. Аѳанасій 21 октября 1843 г. докладывалъ Правленію, что „іером. Макарій, состоя на службѣ третій годъ, должность свою проходитъ съ особеннымъ усердіемъ и благоуспѣшностію и имѣетъ основательныя познанія въ своемъ предметѣ“.

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. Журн. за 18 октября 1843 г. ср. арх. Кіев. дух. Акад. по Внѣшн. Правл. за 1843 г. дѣло № 12.

ператора и публиковалось вездѣ отъ имени Академическаго Правленія [1]).

Такимъ образомъ, отношенія между преосв. Аѳанасіемъ и архим. Макаріемъ приблизительно до половины 1846 года оставались добрыми. Но затѣмъ они измѣнились въ худшую сторону. Въ послѣдній годъ службы преосв. Аѳанасія въ с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій былъ уже крайне недоволенъ своимъ ректоромъ, чего не скрывалъ отъ своихъ друзей, съ которыми находился въ перепискѣ. Такъ, 28 генваря 1847 года архим. Макарій писалъ преосв. Иннокентію, между прочимъ, слѣдующее; „съ какими чувствами мы провожаемъ преосв. Аѳанасія? Увы! съ радостію... всѣ, всѣ, всѣ. Урокъ преназидательный! занималъ такой постъ, могъ сдѣлать столько добра многимъ и въ частности подчиненнымъ, могъ привлечь къ себѣ сердца наши и заставить надолго благословлять свое имя... И!!! Никогда не позавидуешь подобной участи! Я—грѣшный, послѣдній годъ поиспыталъ также не мало тяготу его, какъ бы сказать, не знаю,... его ученой зависти что-ли и эгоизма! Да проститъ ему Господь! Года четыре для него я былъ добрый работникъ,.. добрый и безвѣстный. Прошу Бога, чтобы отношенія ко мнѣ новаго ректора не были подобны,—прошу не изъ ничтожнаго самолюбія, а именно потому, что это можетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на мой духъ и на мои ученыя занятія, къ которымъ чувствую теперь, пока неохладѣло еще и не разочаровалось сердце, такое пламенное влеченіе: хотя, увы, и въ этомъ побужденіи, какъ видите, не безъ тонкаго самолюбія и своекорыстія“ [2]).

---

[1]) См. тамъ же по Внутр. Правл. Журн. за 22 апр. 1846 г. и по Внѣшн. Правл. Журн. за 19 марта 1846 г. При представленіи „Исторіи Христіанства въ Россіи“ архим. Макарія къ публикаціи, преосв. Аѳанасій, между прочимъ, замѣчалъ въ своей докладной запискѣ отъ 19 марта 1846 г.: „это сочиненіе съ пользою можетъ быть читано какъ по духовно-учебнымъ заведеніямъ, такъ и вообще всѣми любителями духовнаго просвѣщенія“.

[2]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. I. стр. 804.

Есть основанія вполнѣ вѣрить приведеннымъ словамъ Макарія, въ которыхъ онъ объясняетъ причину рѣзкой перемѣны въ его отношеніяхъ къ преосв. Аѳанасію. Судя по свидѣтельствамъ многихъ современниковъ и по отзывамъ другихъ лицъ, сколько нибудь знавшихъ преосв. Аѳанасія, этотъ послѣдній имѣлъ такой характеръ, который вооружалъ противъ него всѣхъ окружавшихъ его. Онъ былъ человѣкъ горячій, гордый, любившій порисоваться своею ученостью (но отнюдь не „очень ученый“, каковою репутаціею онъ въ свое время пользовался въ Казанской д. Академіи [1]), на счетъ другихъ. Понятно, что съ такимъ человѣкомъ было трудно ужиться хоть кому. Поэтому, архим. Макарій могъ быть доволенъ и даже, при своемъ „восторженномъ характерѣ“ увлекаться и превозносить преосв. Аѳанасія предъ своимъ другомъ только до тѣхъ поръ, пока близко и хорошо не узналъ, кто такой въ сущности преосв. Аѳанасій. Ближайшее знакомство съ личностью своего начальника, отличавшагося, при ограниченности ума, угодливостью предъ высшимъ (особенно) свѣтскимъ духовно-учебнымъ начальствомъ и деспотическимъ, крайне презрительнымъ отношеніемъ къ подчиненнымъ, должно было раньше или позже оттолкнуть архим. Макарія отъ преосв. Аѳанасія, какъ отталкивало отъ него и всѣхъ другихъ его знакомыхъ. Для того, чтобы приведенный нами выше отзывъ арх. Макарія о преосв. Аѳанасіи не показался въ глазахъ нашихъ читателей черною неблагодарностью со стороны перваго къ своему покровителю, безспорно очень много сдѣлавшему для него въ смыслѣ быстраго возвышенія его на службѣ, мы сошлемся на отзывы о преосв. Аѳанасіи другихъ современниковъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Такъ, напр., преосв. Филаретъ Гумилевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. В. Горскому писалъ ему о преосв.

---

[1]) См. у П. Знаменскаго въ его Исторіи Казанской дух. Академіи. Казань 1891 г. вып. 1, стр. 375.

Аѳанасіи, между прочимъ, слѣдующее: „что сказать тебѣ объ Аѳанасіи? О, великій Аѳанасій! Но да проститъ мнѣ Господь, великій на такія дѣла, о которыхъ не хотѣлось бы никогда и слышать. Признаюсь, что хотя и прежде не были свѣтлы дѣла его, но теперь? Боже мой, Боже мой! до чего доводятъ насъ страсти! До чего доводить можетъ оскорбленная дикая гордость? Человѣкъ будетъ жечь людей на кострѣ, будетъ отдавать святыню на поруганіе и однако будетъ оставаться въ полуувѣренности, что онъ дѣлаетъ все это на пользу человѣчества. Несчастный человѣкъ! Какъ жаль, что таковъ теперь Аѳанасій. Прости меня, другъ мой, что я назову его Іудою. Слишкомъ жестоко? Но если согрѣшилъ я, Господи, прости меня. Другъ мой! Я чувствую, что пишу тебѣ только о своихъ чувствахъ и не показываю самыхъ дѣлъ. Но что жъ мнѣ дѣлать съ своей душей? Она такъ возмущена, что иначе не можетъ говорить, не можетъ не называть вещей ихъ именемъ, отягченная чернотою именъ. Аѳанасій, да, Аѳанасій, а не другой кто, проповѣдуетъ: для меня исповѣданіе Могилы и Кормчая все—и болѣе ничего. Аѳанасій, а не кто другой, орудіе и дѣйствователь отчаянный по видамъ и волѣ бритыхъ раскольниковъ и іезуитовъ. Что имъ нужно дѣлать, все готовъ дѣлать и дѣлаетъ. Боже мой! Спаси насъ. Да, наши грѣхи довели насъ до такого положенія. Господи! даждь ми зрѣти моя согрѣшенія. Несчастный человѣкъ! Язва для своей души, язва опустошительная для цѣлой церкви. Но вы сами скоро увидите нѣкоторыя изъ дѣлъ его, а меня освободите отъ тяжести говорить о его дѣлахъ“ [1]). Преосв. Филаретъ Гумилевскій былъ способенъ, подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства, къ преувеличеніямъ, за что не-

[1]) См. Твор. свв. отцевъ 1884 г. кн. 2 стр. 548—549. Для сужденія о приведенномъ отзывѣ преосв. Филарета слѣдуетъ сравнить отзывъ или „мнѣніе митрополита Филарета о сокращенной герменевтикѣ, составленной архимандритомъ Аѳанасіемъ. См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митр. москов. изд. преосв. Саввы т. III. СПБ. 1885 г стр. 70—78 и 80—90.

рѣдко самъ на себя сѣтовалъ. Поэтому, и въ его слова о преосв. Аѳанасіи могли вкрасться преувеличенія. Но на этотъ разъ едва-ли дѣло могло обстоять такимъ образомъ. Почти такой же отзывъ, какой мы сейчасъ привели изъ писемъ преосв. Филарета, дѣлаетъ о преосв. Аѳанасіи и преосв. Евсевій, свидѣтельство котораго для насъ должно имѣть тѣмъ большую цѣнность, что послѣдній былъ преемникомъ преосв. Аѳанасія по должности ректора С.-Петербургской духовной Академіи и, слѣдовательно, могъ ближайшимъ образомъ наблюдать плоды его дѣятельности, въ такихъ мрачныхъ краскахъ изображенной преосв. Филаретомъ. Не отрицая въ общемъ того, что преосв. Аѳанасій сдѣлалъ для него, какъ своего преемника и коё что доброе [1]), Преосв. Евсевій въ то же время 8 апрѣля 1847 года писалъ А. В. Горскому слѣдующее: „причину неудовольствія противъ преосв. Аѳанасія господинъ Войцеховичъ мнѣ такъ объяснилъ; „когда сталъ Аѳанасій архіереемъ, онъ возсталъ противъ самолюбія человѣческаго... никого не щадилъ... Это возбудило противъ него множество непріятностей; куда не явится, вездѣ оставитъ слѣды неудовольствія“. Подобное этому не разъ приходилось слышать отъ свѣтскихъ и духовныхъ. Это слышно теперь и изъ Саратова. Это—несчастіе отъ характера! А по моему замѣчанію положеніе Аѳанасія было, а можетъ быть и есть весьма тонкое... Мнѣ кажется, что отъ него благодать Духа отступаетъ, и онъ часто лишается мира и утѣшенія о Св. Духѣ... Въ этомъ положеніи онъ мучится, не знаетъ, что съ собою дѣлать,—ловитъ какую-либо горделивую мечту, и нашедши—забываетъ, уносится или заносится и опять дѣйствуетъ жалко“ [2]).

Изъ сказаннаго можно видѣть, насколько былъ правъ архим. Макарій, когда онъ, наученный опытомъ и послѣ близ-

---

[1]) См. Тв. свв. оо. 1886 г. кн. 2. стр. 708.

[2]) См. тамъ же стр. 709–710 ср. стр. 836. Справедливость требуетъ

каго знакомства съ характеромъ и образомъ дѣятельности преосв. Аѳанасія, совершенно перемѣнилъ о немъ свое первоначальное доброе мнѣніе. Въ этомъ ему вполнѣ сочувствовалъ и преосв. Иннокентій, который даже вдали отъ Петербурга слышалъ неблагопріятные отзывы о преосв. Аѳанасіи. „Отъѣздъ бывшаго оберъ-директора“ [1]), писалъ преосв. Иннокентій въ отвѣтъ на сообщенное ему Макаріемъ извѣстіе объ отбытіи преосв. Аѳанасія въ Саратовъ, „точно поучителенъ. Имѣя мало свѣдѣній положительныхъ объ его отношеніяхъ, я однакоже подозрѣвалъ почти подобное. Такимъ людямъ и дозволяютъ такъ долго колобродить на счетъ другихъ“ [2]).

Преемникомъ преосв. Аѳаанасія былъ назначенъ Евсевій (Орлинскій), бывшій до того времени ректоромъ Московской духовной Академіи и возведенный въ Петербургѣ въ санъ епископа Винницкаго [3]). Замѣчательно, что преосв. Иннокентій, принимавшій такое живое участіе въ архим. Макаріи, уже въ это время считалъ его вполнѣ достойнымъ ректорской должности, хотя впослѣдствіи, какъ увидимъ, онъ нѣсколько перемѣнилъ свой взглядъ на этотъ предметъ и не желалъ для блага самого своего любимца, чтобы его скоро дѣлали ректоромъ, боясь ущерба отъ этого для его ученой

замѣтить, что существуютъ иные отзывы о преосв. Аѳанасіи. Разумѣемъ отзывъ архіеп. Никанора Бровковича. См. Наша свѣтская и духовная печать о духовенствѣ. Воспоминанія бывшаго альта-солиста А. Б—а. СПБ. 1884 г. ср. у И А. Чистовича. Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Комиссія духовныхъ училищъ. СПБ. 1894 г. стр. 347—353.

[1]) Разумѣется преосв. Аѳанасій, который, какъ читатели сами могли замѣтить, былъ орудіемъ оберъ прокурора, графа Пратасова въ его реформѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній 1840 г. и въ другихъ случаяхъ.

[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 24.

[3]) Архим. Евсевій былъ назначенъ ректоромъ с.-петербургск. дух. Академіи 17 генваря 1847 г., 24 февраля онъ прибылъ въ Академію и 25 февраля былъ введенъ въ должность, а и. д. ректора архим. Макарій и и. д. инспектора Д. Ростиславовъ были уволены отъ занимаемыхъ ими должностей. См. арх. С.-Петерб. дух. Акад. по Внѣшн. Правл. дѣло № 6-й, за 1847 г.

дѣятельности. „Мнѣ бы, признаюсь", писалъ преосв. Иннокентій, „хотѣлось видѣть васъ на этомъ мѣстѣ, которое вы вполнѣ заслужили; но поелику этикетъ (бѣда намъ съ нимъ!) требуетъ повременить, то лучше нельзя было сдѣлать выбора. Это одинъ изъ добрѣйшихъ и благонамѣреннѣйшихъ людей и вы окажете мнѣ пріятельскую услугу, поздравивъ его отъ насъ съ новымъ саномъ" [1]). Послѣднія слова относились къ новому ректору, преосв. Евсевію. Характеристика его, сдѣланная преосв. Иннокентіемъ, вполнѣ оправдалась. Архим. Макарій съ первыхъ же дней знакомства своего съ преосв. Евсевіемъ составилъ себѣ самое лучшее представленіе о немъ. „Новый нашъ о. ректоръ", писалъ онъ преосв. Иннокентію 4 марта 1847 года, „прибылъ къ намъ 24 февраля и доселѣ все въ хлопотахъ. Человѣкъ, дѣйствительно, весьма хорошій и не похожій на преосв. Аѳанасія, сколько можно судить по первому впечатлѣнію. Видимо понравился Владыкѣ Митрополиту и всему здѣшнему начальству. Нынѣ, т. е. 4 марта будетъ происходить его нареченіе (на которое и я сейчасъ отправляюсь), а въ слѣдующее воскресенье—самое посвященіе. Въ нашемъ кружкѣ это теперь интересный предметъ разговора" [2]). Преосв. Евсевій, въ свою очередь, съ самаго же перваго знакомства съ архим. Макаріемъ составилъ себѣ о немъ весьма хорошее представленіе. „Отцомъ инспекторомъ", писалъ онъ А. В. Горскому 12 мая 1847 года, „я до нынѣ очень доволенъ. Онъ умный, добрый, внимательный. Горячъ подъ часъ? Ну, я холоденъ,—итакъ температура возьметъ средину, и бѣды авось не будетъ. При томъ этихъ случаевъ горѣнія я еще не видалъ почти" [3]).

Установившіяся при такихъ добрыхъ предзнаменованіяхъ отношенія между преосв. Евсевіемъ и архим. Макаріемъ до

---

[1]) См. Церк. Вѣсти. 1883 г., № 24.

[2]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. 1. стр. 806.

[3]) См. Твор. свв. отцовъ 1886 г. кн. 2. стр. 717.

самаго конца ихъ совмѣстной службы оставались неизмѣнно самыми лучшими.

Былъ, впрочемъ, одинъ непродолжительный періодъ, когда въ добрыхъ взаимныхъ отношеніяхъ между преосв. Евсевіемъ и архим. Макаріемъ промелькнула тѣнь, но и она исчезла, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Разумѣемъ тотъ случай, когда преосв. Евсевій былъ лишенъ докторской степени, которой былъ въ то же время удостоенъ архим. Макарій. Предоставимъ лучше всего разсказать объ этомъ случаѣ самому преосв. Евсевію. „Дѣло вотъ какъ было“, писалъ онъ А. В. Горскому 28 сентября 1847 г. „Обозрѣвавшій, вмѣсто преосвященнаго митрополита, въ отзывѣ своемъ Его Высокопреосвященству м. Антонію предложилъ меня и о. инспектора возвести на степень докторовъ. По первому предложенію сей былъ очень согласенъ. Даже и мнѣ и о. инспектору съ удовольствіемъ передавалъ свое намѣреніе предложить Св. Синоду о семъ. Но нашелся вскорѣ человѣкъ, который представилъ ему дѣло въ иномъ видѣ (говорятъ и гадаютъ, что это бывшій костромской о. ректоръ), и Владыка дѣло отложилъ до времени. Время (опять говорятъ) будто назначено,— когда выйдетъ книга (которую вамъ посылаю) о. инспектора и отъ меня также книга о Спасительныхъ Таинствахъ, которая едва-ли выйдетъ и въ будущемъ годѣ, если и буду живъ“ [1]). „Дѣло разрѣшилось“, писалъ онъ нѣсколько позже, 11 ноября 1847 года. „Нынѣ по утру на имя Конференціи получилъ я докторскій крестъ и дипломъ для о. инспектора Макарія. Слѣдовательно, я не послужилъ преградою. Слѣдовательно, видите и то, что я не удостоенъ степени докторской. Впрочемъ, какъ слышалъ я на другой день отъ одного Владыки, дѣло это случилось по другимъ расчетамъ. Можетъ быть даже, если исполнится слышанное, осуществится ваше желаніе касательно нѣкоторыхъ людей, достойныхъ чести док-

[1]) См. тамъ же стр. 742.

тора. Дѣла этого я еще не понимаю хорошо. Владыка Митрополитъ нашъ представлялъ обо мнѣ, и кажется прилагалъ брошюры моего сочиненія; по крайней мѣрѣ у меня были взяты черезъ курскаго преосвященнаго.—Между тѣмъ вотъ послѣ уже того о. инспекторъ напечатанное сочиненіе всѣмъ представлялъ.—Слѣдовательно, было основаніе, оставивъ прежнее, остановиться на послѣднемъ и почтить одного. Въ предложеніи Его Сіятельства сказано, что о. инспекторъ признанъ достойнымъ сей степени по мнѣнію Высокопреосвящ. Митрополита Антонія и преосв. архіеп. Иннокентія харьковскаго.—Когда я крестъ съ бумагою принесъ къ преосвященнѣйшему митрополиту Антонію, и прошу его возложить сіе отличіе на о. инспектора, онъ показалъ большое смущеніе, и началъ меня упокоивать“ [1]). Въ слѣдовавшихъ затѣмъ письмахъ преосв. Евсевія къ А. В. Горскому отъ времени до времени проглядывало какъ будто раздраженіе автора ихъ противъ архим. Макарія [2]). Преосв. Евсевій видимо чувствовалъ себя неловко рядомъ съ молодымъ докторомъ богословія, архим. Макаріемъ. Но съ теченіемъ времени это чувство недовольства на архим. Макарія, невольно послужившаго поводомъ для огорченія, совершенно прошло у преосв. Евсевія и онъ по прежнему сталъ хорошо отзываться о Макаріи въ своихъ письмахъ къ А. В. Горскому. „Пріятно слышать“, писалъ онъ, напр., отъ 26 мая 1848 г., „что мой сотрудникъ (т. е. инспекторъ Макарій) такъ вамъ понравился. Этого и можно было ожидать. Онъ человѣкъ очень благородный, радушный, пользующійся отличнымъ вниманіемъ начальства и уваженіемъ публики. Я, безъ сомнѣнія, долженъ вполнѣ чувствовать цѣну его достоинствъ, служащихъ вмѣстѣ и къ облегченію моей немощи..... Обстоятельства его довольно отличны отъ моихъ“ [3]). Затѣмъ, немного спустя, преосв. Евсевій

[1]) См. тамъ же стр. 746.
[2]) См. тамъ же стр. 759. 762.
[3]) См. тамъ же стр. 790.

снова писалъ Горскому о Макаріи: „объ немъ вы знаете не черезъ меня; можетъ быть, Господь готовитъ въ немъ благаго пастыря. У Господа средствъ много, чтобы очистить наши наросты“ [1]). Такимъ образомъ, преосв. Евсевій до послѣднихъ дней своего служенія въ должности ректора с.-петербургской духовной Академіи оставался неизмѣнно хорошаго мнѣнія о своемъ инспекторѣ и былъ искренно расположенъ къ нему. Архим. Макарій платилъ ему тѣмъ же. По крайней мѣрѣ, онъ видимо искренно сожалѣлъ о разлукѣ съ преосв. Евсевіемъ и съ глубокимъ сожалѣніемъ отъ 29 генваря 1851 года сообщалъ преосв. Иннокентію, что „преосв. Евсевій предъ выѣздомъ изъ Петербурга заболѣлъ, бѣдный, горячкою желудочною и теперь лежитъ въ постели“ [2]). Пользуясь расположеніемъ начальства, архим. Макарій былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ академической корпораціи. Какимъ вліяніемъ пользовался архим. Макарій въ бытность инспекторомъ, видно изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ преосв. Ѳеофана къ С. О. Бурачку отъ 35 апрѣля 1849 года: „вечеромъ толковали съ о. Макаріемъ.—Онъ предложилъ: хочешь въ Кіевъ?—Тамъ три мѣста,—и одно по нравственному богословію. *Когда будутъ назначать, стоитъ только слово сказать, и сдѣлаютъ.*—Въ Кіевѣ—рай: Какъ вы думаете?—О. Макарій—скажи,—говоритъ только да: *а то я все устрою.*—Я промолчалъ,—а вотъ что сказалъ: *дѣйствуйте, какъ начальникъ*, по совѣсти, не спрашивайте моего *да* или *нѣтъ*“ [3]).

Въ средѣ своихъ сослуживцевъ—наставниковъ с.-петербургской духовной Академіи архим. Макарій пользовался глубокимъ уваженіемъ и всеобщимъ расположеніемъ. Всѣ това-

---

[1]) См. тамъ же стр. 797. Въ письмѣ отъ 2 го іюля 1850 года, т. е. незадолго до назначенія преосв. Евсевія на симбирскую архіерейскую каѳедру, встрѣчаемъ извѣстіе, что преосв. Евсевій бывалъ у нѣкоторыхъ преосвященныхъ съ архим. Макаріемъ. См. тамъ же стр. 847.

[2]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. 1 стр. 810.

[3]) См. Богосл. Вѣстн. 1895 г. Кн. 1 стр. 89, прим. 2.

рищи по службѣ уважали его, какъ человѣка „радушнаго“, „благороднаго“, трудолюбиваго и постоянно занятаго, ласковаго и общительнаго, совершенно безпристрастнаго и сочувственно относившагося къ нуждѣ каждаго, обращавшагося къ нему за помощію. Лучшимъ выразителемъ чувствъ и отношеній корпораціи с.-петербургской духовной Академіи къ архим. Макарію, какъ инспектору и профессору, по нашему мнѣнію, можетъ служить проф. Д. И. Ростиславовъ, извѣстный рѣзкою независимостію своихъ убѣжденій и скупостію на похвальные отзывы о своихъ современникахъ и сослуживцахъ. „Ваше преосвященство“! писалъ проф. Ростиславовъ преосв. Макарію 3 ноября 1852 г. „Я теперь уже не принадлежу къ академіи, не служу и не буду служить нигдѣ, не имѣю и не могу имѣть никакихъ видовъ впереди, *поэтому мнѣ нѣтъ нужды предъ вами лицемѣрить, нѣтъ никакой пользы льстить вамъ*; примите же мои слова, какъ слова человѣка совершенно свободнаго, независимаго, не имѣющаго никакихъ надеждъ, ни на что не расчитывающаго, а желающаго только высказать вамъ свои чувства.

Благодарю васъ, ваше преосвященство, благодарю искренно отъ всей моей души, отъ всего моего сердца, отъ всего моего дряхлаго существа, благодарю за ваше участіе, которое вы приняли во мнѣ. Участіе это тѣмъ больше требуетъ благодарности съ моей стороны, что я при васъ, какъ начальникѣ, почти вовсе не служилъ, а вамъ, какъ человѣку, дѣлалъ даже много непріятностей; *только одна доброта вашего сердца, одно благородство характера могли васъ заставить дѣйствовать въ мою пользу.* Притомъ, мнѣ кажется, это только при васъ я и могъ получить полную пенсію; только ваше ходатайство предъ высшимъ начальствомъ могло дать такой благопріятный оборотъ моему дѣлу; при вашемъ предшественникѣ я, разумѣется, не получилъ бы того, что теперь имѣю, хотя бы онъ и сталъ ходатайствовать.

Позвольте мнѣ еще повторить вамъ полную, сердечную,

искреннюю мою благодарность. Жалѣю только о томъ, что состояніе моего здоровья и мое положеніе едва ли позволятъ мнѣ чѣмъ-либо другимъ, кромѣ словъ, отблагодарить васъ. Но еслибы, ваше преосвященство, я на что-нибудь оказался годнымъ для васъ, Бога ради, требуйте отъ меня всего, къ чему я еще способенъ; исполненіе вашихъ желаній будетъ для меня истиннымъ удовольствіемъ, настоящею наградою.

Не желаю больше утомлять васъ, хотя въ душѣ много еще остается, что мнѣ слѣдовало-бы высказать вамъ; но позвольте мнѣ еще, еще и еще благодарить васъ, ваше преосвященство, *за ваше доброе и благородное ходатайство обо мнѣ*“ [1]).

Среди студентовъ Академіи архим. Макарій также пользовался уваженіемъ и расположеніемъ, какъ наставникъ даровитый и глубоко ученый, и какъ инспекторъ, хотя и строгій, но въ тоже время безпристрастный и гуманный. Не только во время пребыванія въ Академіи, но даже и по выходѣ изъ нея, ученики архим. Макарія хранили о немъ самыя свѣтлыя воспоминанія, какъ о профессорѣ и инспекторѣ. Намъ извѣстенъ уже отзывъ о профессорской дѣятельности архим. Макарія, принадлежащій прот. І. Базарову, магистру XV курса с.-петербургской духовной Академіи [2]). Первый магистръ слѣдующаго XVI курса, извѣстный впослѣдствіи протоіерей и членъ Св. Синода І. В. Васильевичъ также называлъ Макарія въ своихъ письмахъ къ нему не иначе, какъ „незабвеннымъ наставникомъ“, которому онъ, „благодарный памятью и сердцемъ“, старался, по силѣ, доказать свою признательность“ [3]). Питомецъ XVIII курса, извѣстный протопресвитеръ Н. Сергіевскій, почтилъ память своего бывшаго инспектора и профессора надгробнымъ словомъ, въ которомъ

---

[1]) См. Русск. Стар. изд. 1890 г. т. LXVI.

[2]) См. Прав. Обозр. 1889. т. I. стр. 372.

[3]) См. тамъ же стр. 174.

характеризовалъ его, какъ „архипастыря мудраго и всѣмъ доступно-учительнаго,—о благѣ паствы многопопечительнаго и въ дѣйствіи неукоснительнаго,—правдиваго и милостиваго, твердаго въ правдѣ и сочувственнаго ко всякой службѣ церковной,—внимательнаго къ заслугамъ всѣхъ степеней служенія,—щедраго въ благотвореніи на всякое дѣло благое и особенно на дѣло просвѣщенія“, и въ заключеніе, обращаясь къ почившему, говорилъ: „прими посильное слово признательной памяти чрезъ одного изъ твоихъ ближайшихъ учениковъ,—слово, отъ котораго уповательно не откажутся и прочіе твои ученики, здѣсь и по всей Россіи сущіе“ [1]). Первенецъ слѣдующаго XIX курса, знаменитый херсонскій архипастырь Никаноръ, въ одномъ изъ своихъ поминальныхъ словъ далъ, можно сказать, безсмертную характеристику своего инспектора и профессора Макарія послѣ такого предварительнаго замѣчанія: „митрополита Макарія лично зналъ я со второго года его общественнаго служенія. Видѣлъ лично четырнадцать лучшихъ лѣтъ его жизни и дѣятельности, какъ ученикъ его по академическому воспитанію и по первымъ годамъ моего ученаго служенія въ Академіи, какъ евангельскій сынъ его по монашеству и ставленникъ во іерейскій чинъ. *Говорю это съ благоговѣйною памятью и духовно-родственною любовію*“ [2]). Наконецъ, сотоварищъ преосв. Никанора, недавно почившій проф. И. А. Чистовичъ, учившійся во время инспекторства и профессорства Макарія, свидѣтельствуетъ въ своей „Исторіи СПБ-ской духовной Академіи“, что „важнѣйшими достоинствами его инспекціи былъ прямой и вполнѣ откровенный образъ дѣйствій и отсутствіе всякаго желанія узнать что-либо о студентахъ внѣ общихъ способовъ инспекторскаго наблюденія, а также всякой попытки поразить неожиданностію или застигнуть въ рас-

[1]) См. брошюру: „Высокопреосв. Макарій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій“. М. 1882 г. стр. 47. 48.

[2]) См. Уфимскія Епарх. Вѣдомости 1882 г. № 15.

плохъ“ [1]). Прямота же и полное безпристрастіе были отличительными чертами отношеній архим. Макарія къ студентамъ и какъ профессора. Архим. Макарій выше всего цѣнилъ въ студентахъ умъ и дарованія, отнюдь не привнося въ эту оцѣнку своихъ инспекторскихъ наблюденій. Въ частности, при оцѣнкѣ дарованій студентовъ, архим. Макарій наибольшее значеніе придавалъ ихъ сочиненіямъ, которыя считалъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ умственныхъ способностей. Напр., въ спискѣ студентовъ высшаго отдѣленія за первую половину $184^{7}/_{8}$ учеб. года первымъ записанъ былъ Иванъ Янышевъ, имѣвшій по сочиненіямъ 9—10 балловъ, а вторымъ Николай Сергіевскій, имѣвшій по сочиненіямъ 8—9 балловъ; въ спискѣ за послѣднюю половину $18^{49}/_{50}$ учеб. года студенты были записаны въ слѣдующемъ порядкѣ: Александръ Бровковичъ, Н. Делицынъ, И. Чистовичъ, имѣвшіе по сочиненіямъ 10 балловъ, дальше слѣдовали студенты, имѣвшіе 9 балловъ по сочиненіямъ.

Изъ сказаннаго нетрудно видѣть, что студенты Академіи уважали своего инспектора больше всего за его прямоту, открытый образъ дѣйствій и полнѣйшее безпристрастіе. Съ лучшими изъ студентовъ архим. Макарій находился даже въ особенно близкихъ отношеніяхъ. Какъ и въ первый годъ своей службы въ с.-петербургской духовной Академіи, такъ и въ бытность инспекторомъ Академіи архим. Макарій имѣлъ обыкновеніе привлекать изъявлявшихъ на то добровольное желаніе студентовъ къ участію въ его работахъ. По его просьбѣ, студенты дѣлали ему разныя справки и подготовительныя разысканія. Для студентовъ это отнюдь не было обременительно, а между тѣмъ польза отъ такихъ занятій подъ руководствомъ опытнаго ученаго богослова и историка была для нихъ безспорно великая и важная. Такія занятія знакомили ихъ съ необходимыми пріемами ученыхъ изслѣдованій и незамѣтно

[1]) См. стр. 73.

располагали ихъ къ учено-литературной дѣятельности. Поэтому, не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что многіе изъ питомцевъ XVI—XIX курсовъ с.-петербургской духовной Академіи, пріобрѣвшіе впослѣдствіи болѣе или менѣе громкую извѣстность на поприщахъ учебномъ и литературномъ, были обязаны этимъ архим. Макарію. Таковы, напр., его ученики: Іосифъ Васильевъ (XVI к.), Евграфъ Ловягинъ, Моисей Голубевъ, іером. Кириллъ Наумовъ, Василій Гречулевичъ (XVII к.), протопресв. І. Л. Янышевъ, прот. Н. Сергіевскій, А. Рудаковъ (XVIII курс.), архіеп. Никаноръ, проф. И. Чистовичъ, Н. Делицынъ, И. Чельцовъ и др. (XIXк.). Насколько охотно студенты Академіи желали трудиться подъ руководствомъ архим. Макарія, это можно видѣть, между прочимъ, изъ того, что темы для своихъ курсовыхъ сочиненій они старались брать преимущественно по предметамъ, которые преподавалъ Макарій. Такъ, напр., въ XVIII курсѣ на темы архим. Макарія писали сочиненія 17 студентовъ (т. е. цѣлая треть курса, въ которомъ было всѣхъ 54 студ.), причемъ 4 человѣка писали по догматикѣ, а 13 по русской церковной исторіи [1]). Было бы крайнею несправедливостію понимать въ

---

[1]) Вотъ заглавія этихъ сочиненій: а) по русской церковной исторіи 1) Объ отношеніи Русской Церкви къ Константинопольскому патріарху до начала XIV вѣка, или до утвержденія всероссійской митрополичьей каѳедры въ Москвѣ (писалъ П. Сергіевскій); 2) Историческое обозрѣніе духовнаго просвѣщенія въ Россіи до XVIII столѣтія (А. Строкинъ); 3) Состояніе Православной Церкви въ юго-западной Россіи со времени Даніила Романовича Галицкаго до происхожденія уніи 1240—1591 г. (В. Войтковскій); 4) Историческій взглядъ на унію (И. Цвиневъ); 5) Исторія распространенія христіанской вѣры въ Сибири (И. Соловьевъ); 6) Историческое изслѣдованіе отношеній Русской Церкви къ протестантскимъ обществамъ (П. Побѣдоносцевъ); 7) О подвижничествѣ въ Русской Церкви въ періодъ до-монгольскій (А. Логиновскій); 8) О попыткахъ папъ къ подчиненію Церкви Русской со времени Іоанна Грознаго до возсоединенія уніатовъ (А. Кургановичъ); 9) Государственныя заслуги древнихъ пастырей православной Русской Церкви и ихъ участіе въ гражданскихъ дѣлахъ отечества (Н. Бѣляевъ); 10) объ услугахъ пастырей нашей Церкви отечеству въ періодъ монгольскій (І. Домскій); 11) О церковномъ управленіи Новгорода въ періодъ

превратномъ смыслѣ образъ дѣйствій архим. Макарія, привлекавшаго къ участію въ своихъ ученыхъ занятіяхъ студентовъ, какъ это иногда дѣлаютъ, о чемъ, впрочемъ, у насъ будетъ особая рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ.

Въ своей домашней жизни архим. Макарій и теперь остается такимъ же аккуратнымъ человѣкомъ, неутомимымъ кабинетнымъ труженикомъ и ревностнымъ исполнителемъ своего нравственнаго долга, какимъ мы видѣли его раньше. Точное исполненіе служебныхъ обязанностей и разныхъ порученій начальства вмѣстѣ съ постоянными учеными занятіями наполняло все время, которымъ архим. Макарій умѣлъ, какъ рѣдко кто другой, пользоваться. По прежнему всѣ часы у него строго были разсчитаны для его сложныхъ и разнообразныхъ занятій. Эта аккуратность и умѣренность во всемъ только и спасали здоровье архим. Макарія, которое никогда не отличалось особенною крѣпостію. Неутомимость и энергія въ занятіяхъ положительно поражали всѣхъ, слѣдившихъ за дѣятельностію архим. Макарія. Преосв. Евсевій на трудолюбіе своего инспектора обращалъ вниманіе даже такого неутомимаго труженика, какъ А. В. Горскій. „Смотрите“, писалъ онъ ему однажды, „какъ много трудится нашъ о. Макарій“ [1]). Преосв. Иннокентій, котораго трудно было удивить ревностію въ занятіяхъ, такъ какъ онъ самъ часто трудился до того,

---

гражданской его независимости (А. Почовицкій); 12) Историческій обзоръ распространенія христіанства въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкѣ (М. Анненковъ); 13) О гражданскихъ правахъ и преимуществахъ русскаго духовенства до Петра I (А. Рудневъ); по догматикѣ: 14) О догматической важности никеоцареградскаго символа вѣры (А. Соколовъ); 15) О таинствѣ священства (В. Протопоповъ); 16) Объ устной исповѣди (В. Серафимовъ) и 17) Исторія догмата о происхожденіи Бога Духа Святаго (А. Рудаковъ). См. арх. С.-петерб. дух. Акад. по Конференціи за 1849 г. дѣло № 11. Для характеристики отношеній архим. Макарія, какъ профессора, къ студентамъ не мѣшаетъ замѣтить, что изъ 17 студентовъ XVIII курса, писавшихъ сочиненія на темы Макарія, 11 человѣкъ были удостоены степени магистра богословія.

[1]) См. Твор. св. св. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 741.

„что перо чуть держалось въ рукахъ“ [1]), даже и онъ поражался трудолюбіемъ своего ученика и желалъ ему „умѣренности въ употребленіи своихъ силъ“. „Пишу это“, замѣчалъ онъ, „потому, что меня не разъ смущали разсказами о вашемъ здоровьѣ“ [2]). Преосв. Елпидифоръ, преосв. Анатолій (Мартыновскій) и многіе другіе доброжелатели Макарія также постоянно совѣтовали ему быть умѣреннѣе въ трудахъ и беречь свое здоровье [3]).

Но замѣчательно, что весь погруженный въ свои ученыя занятія, посреди которыхъ, казалось, у него не должно бы было оставаться даже и одной свободной минуты [4]), архим. Макарій вовсе не чуждался общества и отнюдь не былъ нелюдимымъ анахоретомъ, какъ это весьма часто случается съ кабинетными учеными. Наоборотъ, онъ любилъ бывать въ обществѣ, своею ласковостію, простотою и словоохотливостію весьма много содѣйствовалъ общему оживленію и вообще былъ человѣкъ весьма общительный и обходительный. Манера, съ какою архим. Макарій обыкновенно держалъ себя въ обществѣ и у себя дома предъ посѣтителями, отличалась простотою и въ тоже время изяществомъ. Изъ писемъ преосв. Евсевія къ А. В. Горскому, между прочимъ, видно, что архим. Макарій, въ бытность свою инспекторомъ, имѣлъ репутацію въ кружкѣ своихъ знакомыхъ человѣка „благороднаго, радушнаго“, и „пользовался отличнымъ уваженіемъ публики“ [5]). Изъ тѣхъ же писемъ видно, что архим. Макарій особенно любилъ про-

---

[1]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 24.

[2]) См. тамъ же №№ 17–18.

[3]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I, стр. 116. 118 и др.; т. 3 стр. 694 и слѣд.

[4]) „*Позвольте*“, писалъ преосв. Анатолій Макарію 12 іюня 1850 г. „*прервать на минуту ваши занятія*“... См. Прав. Обозр. 1888 г. т. 3 стр. 693. „Если есть между вашими учеными трудами *минута свободы*“, писалъ преосв. Иннокентій 22 октября 1846 г. „то благоволите удѣлить её намъ“. См. Церк. Вѣстн. 1883 г. №№ 17–18.

[5]) См. Твор. св. св. отцовъ 1886 г. кн. 2 стр. 790.

водить свободные часы своей непрерывно - труженнической жизни у преосв. Иннокентія и преосв. Иліодора, когда эти послѣдніе жили въ Петербургѣ, по званію присутствовавшихъ въ Св. Синодѣ [1]). Кромѣ того, въ послѣдніе годы своего инспекторства архим. Макарій близко сошелся съ протоіереемъ церкви Зимняго Дворца І. М. Наумовымъ, дядею баккалавра Академіи іером. Кирилла Наумова. Въ домѣ протоіерея І. М. Наумова нерѣдко собирались свѣтила своего времени въ лицѣ м. Никанора, прот. Павскаго, протопресвитера Бажанова, китайскаго миссіонера Іакинфа Бичурина, Никитенко и др. Здѣсь же въ домѣ прот. І. М. Наумова младшій братъ архим. Макарія А. П. Булгаковъ, окончившій академическій курсъ въ 1849 г. со степенью магистра и тогда же опредѣленный на должность профессора петербургской семинаріи, нашелъ себѣ подругу жизни въ лицѣ племянницы гостепріимнаго и умнаго хозяина, дочери архимандрита (изъ вдовыхъ дьяконовъ) Никифора, Е. Н. Наумовой. Это обстоятельство еще болѣе сблизило архим. Макарія съ прот. І. М. Наумовымъ и со всѣмъ кружкомъ его образованныхъ друзей [2]).

---

[1]) См. тамъ же.

[2]) См. брошюру подъ заглавіемъ: „Памяти Е. Н. Булгаковой“ ср. Церк Iѣстн. 1892 г. № 11-й.

3. Преосвященный Макарій, епископъ Виннцкій, въ должности ректора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи.

Назначеніе архим. Макарія ректоромъ Академіи. Возведеніе въ санъ епископа винницкаго. Ректорская дѣятельность преосв. Макарія: его мѣропріятія по нравственно-воспитательной, учебной и экономической частямъ управленія Академіею. Профессорская дѣятельность преосв. Макарія Служеніе преосв. Макарія въ должности редактора академическаго журнала, главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ столичныхъ заведеніяхъ, члена Главнаго Правленія Училищъ, ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ, предсѣдателя Комитета для изданія краткихъ духовно нравственныхъ книгъ и члена временной С.-Петербургской синодальной Конторы; частныя ученыя порученія преосв. Макарію. Учено-литературная дѣятельность преосв. Макарія; богословскіе труды его; сравненіе догматическихъ системъ преосв. Макарія и преосв. Димитрія по ихъ содержанію; церковно-историческіе и проповѣдническіе труды преосв. Макарія. Успѣхи преосв. Макарія по службѣ. Отношенія его къ начальству, сослуживцамъ и подчиненнымъ. Рѣдкое трудолюбіе преосв. Макарія. Отношенія его къ своимъ знакомымъ и роднымъ; посѣщеніе его матерью. Состояніе его здоровья. Назначеніе преосв. Макарія на тамбовскую архіерейскую каѳедру, прощаніе съ Академіею, избраніе его въ почетные члены Академіи и выѣздъ его изъ С.-Петербурга.

20 декабря 1850 года ректоръ С.-Петербургской духовной Академіи преосв. Евсевій (Орлинскій) былъ переведенъ на новоучрежденную самарскую архіерейскую каѳедру. Въ тотъ же самый день на его мѣсто ректоромъ Академіи Св. Синодъ опредѣлилъ инспектора архимандрита Макарія съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля первокласснаго монастыря [1]). Такъ исполнилось ожиданіе и желаніе многихъ близкихъ къ Макарію лицъ видѣть его въ должности ректора

---

[1]) См. арх. С.-Петербургской дух. Академіи по Внутр. Правл. за 1850 г. № 3.

той Академіи, на пользу которой онъ трудился уже много лѣтъ. Еще за два года предъ тѣмъ, 26 мая 1848 года, преосв. Евсевій писалъ своему другу А. В. Горскому о Макаріи: „пріятно мнѣ и то представлять, что приготовляется или готовъ на смѣну меня такой прекрасный ректоръ Академіи. Это говорю не шутя. Лучше человѣку подготовиться на мѣстѣ, чѣмъ быть издали пересаженнымъ не на свою почву. Онъ безъ сомнѣнія болѣе привыкъ къ здѣшнему климату, чѣмъ я; при томъ и обстоятельства его довольно отличны отъ моихъ“ [1]). Нельзя не согласиться съ этими словами преосв. Евсевія. Предшествующая служба архим. Макарія въ должности баккалавра, профессора, инспектора, члена Внутренняго и Внѣшняго Правленій, члена Конференціи и, наконецъ, члена цензурнаго Комитета съ порученіемъ наблюдать за академическимъ журналомъ,—служба эта была самою лучшею подготовительною школою къ занятію ректорской должности въ Академіи. Архим. Макарій занялъ эту должность, будучи прекрасно знакомъ со всѣми сторонами академической жизни. Неудивительно, поэтому, если онъ принялъ свое новое назначеніе съ совершенно спокойнымъ духомъ и съ радостнымъ благодареніемъ къ Богу, видя въ этомъ назначеніи достойную награду отъ начальства за его прежніе труды. „Спѣшу порадовать Васъ“, писалъ архим. Макарій вскорѣ послѣ этого своему зятю А. П. Солнцеву [2]), „тремя новинками—извѣстіями. Первое касается непосредственно меня: я сдѣланъ ректоромъ С.-Петербургской духовной Академіи и первокласснымъ Архимандритомъ съ 20 декабря 1850 года,—награда для меня весьма важная и величайшая“ [3])!...

[1]) См. Твор. свв. о.о. 1886 г. кн. 2. стр. 790.

[2]) А. П. Солнцевъ, о которомъ мы съ этого времени будемъ часто упоминать, былъ женатъ на старшей сестрѣ Макарія—Аннѣ. Онъ былъ сначала священникомъ, а потомъ протоіереемъ въ селѣ Сурковѣ, родинѣ Макарія. Макарій и его зять А. П. Солнцевъ, были соединены узами самой искренней и глубокой родственной любви. А. П. Солнцевъ, какъ мы знаемъ, принималъ живое участіе въ воспитаніи сироты М. П. Булгакова.

[3]) Изъ неизданнаго письма; это и всѣ другія письма Макарія къ А. П. Солнцеву переданы намъ сыномъ послѣдняго прот. П. А. Солнцевымъ.

Однакоже, какъ ни велика была награда, полученная архим. Макаріемъ въ видѣ назначенія на должность ректора Академіи, но его вскорѣ ожидала еще болѣе высокая награда. Всѣ ожидали, что вмѣстѣ съ ректорскою должностію архим. Макарій наслѣдуетъ отъ своего предшественника и званіе викарнаго епископа подольской епархіи. Преосв. Елпидифоръ, въ то время епископъ подольскій, поздравляя архим. Макарія съ назначеніемъ на ректорскую должность, писалъ ему 5 генваря 1851 года: „на викаріатство подольское никто еще не назначенъ: желаю и съ радостію ожидаю, что займетъ оное возлюбленный мой Макарій, по примѣру двухъ своихъ предшественниковъ“ [1]). Преосв. Иннокентій такъже былъ увѣренъ въ этомъ. „Съ особеннымъ удовольствіемъ услышалъ я, достопочтеннѣйшій о Макарій“, писалъ онъ 14 января 1851 года, „о новомъ назначеніи вашемъ и спѣшу отъ души привѣтствовать васъ съ новою дальнѣйшею возможностію употреблять прекрасные труды ваши на пользу св. церкви, не перемѣняя мѣста служенія. По собственному опыту зная, какъ тяжелы эти перемѣны мѣстъ, какъ много они разстраиваютъ весь порядокъ занятій, тѣмъ болѣе радуюсь за васъ и благодарю Господа. Перемѣна должности ученой, вѣроятно, поведетъ за собою для васъ и перемѣну въ санѣ іерархическомъ. Съ одной стороны это—по любви къ вамъ желательно для меня; а съ другой—по любви къ вашимъ ученымъ трудамъ почти не желательно до времени; ибо я боюсь, чтобы это накопленіе должностей не помѣшало дорогому перу вашему быть такъ же летучему, какъ прежде. Но пусть будетъ, что угодно Богу и начальству, а мы не перестанемъ во всякомъ случаѣ имѣть надежду утѣшаться новыми и новыми произведеніями вашего ума и познаній [2])....

Ожиданіе доброжелателей Макарія, которое было вмѣстѣ

---

[1]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I, стр. 118.

[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1883 г. № 26.

съ тѣмъ и общимъ ожиданіемъ, дѣйствилельно, сбылось. 20 января 1851 года Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Св. Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно ему быть епископомъ Винницкимъ, викаріемъ каменецъ-подольской епархіи и настоятелемъ первокласснаго Шаргородскаго Свято-Николаевскаго монастыря[1]). 24 генваря 1851 года происходило нареченіе архим. Макарія во епископа Винницкаго. Нареченіе совершалъ самъ м. Никаноръ петербургскій съ сонмомъ другихъ архипастырей. При нареченіи архим. Макарій, по принятому обычаю, говорилъ рѣчь Св. Синоду. Слово новонареченнаго епископа имѣло предметомъ раскрытіе смысла словъ, которыя, по церковному чину, произносятся каждымъ избранникомъ Св. Синода, призываемымъ къ сану епископа: „*благодарю, и пріемлю, и ни мало вопреки глаголю*“. Рѣчь—весьма важна для насъ, какъ свидѣтельство о тѣхъ чувствахъ, какія одушевляли архим. Макарія въ такія важныя минуты его жизни. „Благодарю“, говорилъ онъ, „всѣмъ существомъ моимъ Господа Бога моего за новую, неизглаголанную милость Его ко мнѣ—недостойному. Мало того, что Онъ удостоилъ меня бытія, величайшаго дара Его безконечной благости ко всему существующему. Мало того, что онъ удостоилъ меня потомъ дара, который для человѣка падшаго дороже самаго бытія,—удостоилъ возродиться въ нѣдрахъ единой, святой, соборной и апостольской Церкви, истинной путеводительницы людей къ вѣчному спасенію. Мало того, что Онъ сподобилъ меня, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, ближайшимъ образомъ, питаться чистымъ, животворнымъ ученіемъ этой непогрѣшимой Наставницы, и затѣмъ подъ руководствомъ ея, питать другихъ, избранныхъ юношей, готовящихся на служеніе ей.... Се нынѣ Всеблагій и Неистощимый въ щедротахъ призываетъ меня еще *къ почести вышняго званія въ* дому Его (Фил. 3, 14)!

[1]) См. арх. С.-Петерб. дух. Акад. Журн. по Внутр. Правл. за 6 февраля 1851 года.

Се нынѣ отдѣляетъ меня къ лику тѣхъ, которыхъ предназначилъ Онъ быть преемниками апостоловъ: быть главными учителями въ Его Св. Церкви, право правящими слово истины; быть первыми священнодѣйствователями и совершителями Св. Таинствъ для освященія вѣрующихъ; быть главными вождями странствующихъ къ горнему отечеству!... *О, буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!*... Да будетъ отнынѣ вся жизнь моя единою, непрерывною благодарностію Вседержителю"! Затѣмъ, послѣ благодаренія Государя Императора и Св. Синода, новонареченный продолжалъ: „пріемлю со страхомъ и трепетомъ.... однакожъ, съ надеждою и дерзновеніемъ христіанскимъ". Рѣчь заканчивалась обѣщаніемъ во всемъ поступать по волѣ Божіей и согласно указаніямъ Высшей власти и опредѣленіямъ Св. Синода и просьбою къ посвящавшимъ его Архипастырямъ: „усугубьте Ваши теплыя молитвы ко Всевышнему", говорилъ, обращаясь къ нимъ, новонареченный, „да благословитъ, умудритъ и подкрѣпитъ Онъ меня— немощнаго въ моемъ новомъ служеніи, да даруетъ Онъ мнѣ благодать подвигомъ добрымъ подвизаться во славу Его святаго имени, для спасенія ближнихъ и моего собственнаго и да сподобитъ меня, наконецъ, когда скончаю мое земное теченіе, не устыдиться на страшномъ судѣ Его тѣхъ словъ, которыя съ дерзновеніемъ изрекъ я нынѣ: *„благодарю, и пріемлю, и ни мало вопреки глаголю"* [1]).

Замѣчательно, что архим. Макарій остался и здѣсь вѣренъ самому себѣ. Свое новое назначеніе онъ принялъ спокойно, радостно и увѣренно, какъ именно опредѣленіе Божіе. Поэтому, лучшей темы для своей рѣчи онъ и не могъ избрать, какъ та, какая заключается въ словахъ церковнаго чина: „благодарю, и пріемлю, и ни мало вопреки глаголю". Самое посвященіе архим. Макарія въ санъ епископа совершилось черезъ 4 дня, 28 генваря. Оно происходило въ Ка-

[1]) См. „Слова и Рѣчи" С.П.Б. 1891 г. стр. 178—181.

занскомъ соборѣ. Хиротонію совершалъ м. Никаноръ, а во время продолжавшейся послѣ хиротоніи литургіи въ положенное время новопосвященный епископъ Макарій рукоположилъ въ санъ священника къ церкви Царскосельскаго Госпиталя своего младшаго брата—А. П. Булгакова. Посвященіе въ санъ епископа преосв. Макарій принялъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ. На другой день послѣ хиротоніи онъ писалъ преосвящ. Иннокентію: „такъ, владыко святый, Господу угодно было и меня сопричислить къ сонму преемниковъ апостольскихъ! 20 генваря, по указанію отъ Него, послѣдовала Высочайшая о томъ воля, 24 было нареченіе, а 28 рукоположеніе меня во епископа. О, какое обиліе благости Божіей ко мнѣ недостойному! Благословите меня, достоуважаемый мною архипастырь, на новомъ моемъ поприщѣ и помолитесь о мнѣ вашими святительскими молитвами“ [1]).

Съ возведеніемъ въ санъ епископа Винницкаго, преосв. Макарій по прежнему остался въ должности ректора Академіи. 6 февраля 1851 года въ академическомъ Правленіи было заслушано отношеніе г. синодальнаго оберъ-прокурора, который сообщалъ, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ преосв. Макарію, еп. Винницкому, оставаться въ С.-Петербургѣ при исполненіи тѣхъ обязанностей, которыя были возложены на предшественниковъ его—преосв. Аѳанасія и преосв. Евсевія и пользоваться тѣмъ же содерженіемъ, которое имъ производилось“ [2]). Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ преосв. Макарій, будучи назначенъ на ректорскую должность, оставилъ за собою и профессорство въ Академіи.

Такимъ образомъ, съ 1851 года, т. е. меньше чѣмъ черезъ 10 лѣтъ по окончаніи академическаго курса и имѣя

---

[1]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. I. стр. 810.

[2]) См. арх. СПб-ской. дух. Акедем. Журн. по Внутр. Правл. за 6 февр. 1851 г.

отъ роду всего 34 года, Макарій былъ уже епископомъ, ректоромъ и профессоромъ Академіи. Нельзя не согласиться съ словами г. Рыбакова, „что карьера Макарія въ духовно-учебномъ мірѣ совершилась съ такою быстротою, съ какою можно сравнить только взлетъ орла съ земли до высотъ“ [1]).

Въ санѣ епископа винницкаго и въ должности ректора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи преосв. Макарій оставался около 6½ лѣтъ (1851—1857 г.). Разсмотрѣніе этой эпохи въ жизни и дѣятельности преосв. Макарія и будетъ служить предметомъ настоящаго нашего очерка.

При самомъ же назначеніи архим. Макарія на должность ректора Академіи, 20 декабря 1850 г. ему было вмѣнено Св. Синодомъ въ обязанность донести о состояніи, въ какомъ будетъ принята имъ С.-Петербургская духовная Академія. Такое порученіе, впрочемъ, обычное въ то время, было полезно, прежде всего, для самого новаго ректора. Онъ долженъ былъ на этотъ разъ ближайшимъ образомъ и непосредственно вникнуть во внутреннее состояніе ввѣренной ему Академіи, для того, чтобы видѣть, на что должны были быть обращены его собственное вниманіе и его дѣятельность. Отчетъ преосв. Макарія о томъ, въ какомъ состояніи найдена имъ Академія, важенъ и для насъ, давая намъ возможность опредѣлить плоды ректорской дѣятельности самого преосв. Макарія на пользу С.-Петербургской духовной Академіи.

26 февраля 1851 года преосв. Макарій доносилъ Академическому Правленію для представленія высшему начальству, что онъ, при вступленіи въ должность ректора, нашелъ Академію въ слѣдующемъ состояніи: 1) всѣ предметы академическаго ученія преподаются въ надлежащей полнотѣ, съ добрымъ направленіемъ и въ согласіи между собою; 2) библіотека и физическій кабинетъ находятся въ порядкѣ и цѣ-

[1]) См. Прав. Обозр. 1883 г. т. 2, стр. 536.

лости; 3) нравственность воспитанниковъ вообще въ отлично—хорошемъ состояніи; 4) содержаніе воспитанниковъ пищею и одеждою вполнѣ удовлетворительное; 5) церковь, больница, зала собраній, столовая, классическія, занятныя и спальныя комнаты содержатся въ совершенномъ порядкѣ и опрятности; 6) дѣлопроизводство по академическому Правленію и Конференціи идетъ самымъ исправнымъ образомъ и 7) архивъ академическаго Правленія и Конференціи находится въ цѣлости и надлежащемъ порядкѣ“ [1]).

Между вступленіемъ въ должность ректора и представленіемъ настоящаго отчета прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ. Можно, поэтому, думать, что преосв. Макарій писалъ свой отчетъ о состояніи Академіи на основаніи самаго тщательнаго и всесторонняго знакомства съ дѣломъ, что ему, какъ служившему въ Академіи 8 лѣтъ, было особенно легко сдѣлать. Поэтому, вполнѣ довѣряя свидѣтельству преосв. Макарія, мы должны признать, что преосв. Макарій принялъ въ свое завѣдываніе С.-Петербургскую духовную Академію въ самомъ благоустроенномъ состояніи по всѣмъ частямъ ея управленія. Такимъ образомъ, преосв. Макарію, какъ ректору и главному непосредственному начальнику Академіи, сама собою намѣчалась очень опредѣленная задача дѣятельности: заботиться о поддержаніи внутренняго благоустройства и объ укрѣпленіи раньше заведенныхъ внутреннихъ порядковъ въ Академіи. Забота объ этомъ и была, дѣйствительно, какъ увидимъ сейчасъ, главною цѣлію всей ректорской дѣятельности преосв. Макарія. Поэтому, ректорство преосв. Макарія, составившее по справедливости настоящую эпоху въ исторіи С.-Петербургской духовной Академіи, было между тѣмъ отнюдь не такимъ реформаціоннымъ періодомъ, какъ, напр., время ректорства преосв. Іоанна (Соколова). Великая заслуга

[1]) См. арх. С.-Петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1850 г. дѣло № 3.

преосв. Макарія состояла въ томъ, что онъ укрѣпилъ, возвысилъ и одухотворилъ своимъ собственнымъ благороднымъ духомъ раньше заведенные въ Академіи порядки.

Самъ преосв. Макарій свидѣтельствовалъ, что предъ его вступленіемъ въ должность ректора Академіи, „нравственность воспитанниковъ находилась въ отлично—хорошемъ состояніи". Это достигнуто было трудами самого преосв. Макарія. Будучи инспекторомъ Академіи, онъ установилъ самый строгій, внимательный и вмѣстѣ благоразумный надзоръ за поведеніемъ студентовъ. Это намъ уже хорошо извѣстно и изъ документальныхъ данныхъ академическаго архива и изъ свидѣтельствъ самихъ учениковъ преосв. Макарія [1]).

Сдѣлавшись ректоромъ Академіи, преосв. Макарій наблюдалъ только за тѣмъ, чтобы раньше заведенные имъ порядки поддерживались и не ослабѣвали. Инспекторами Акакадеміи при немъ и по его выбору были архимандриты: Іоаннъ Соколовъ (1851—1855) и Кириллъ Наумовъ [2]) (1855—1857 г.). Они были точными исполнителями распоряженій ректора. Благодаря этому, во все ректорство преосв. Макарія прежніе порядки касательно дисциплины оставались безъ измѣненій. Въ это время были приняты только мѣры къ тому, чтобы инспекторскій надзоръ за студентами былъ постоянный и непрерывный. 6 февраля 1851 года академическое Правленіе, по предложенію преосв. Макарія, имѣло разсужденіе о томъ, что для постояннаго наблюденія за воспитанниками полезно было-бы, если бы они находились подъ надзоромъ инспектора и его помощниковъ не только въ жилыхъ комнатахъ, во время, свободное отъ классическихъ занятій, но и въ самыхъ классахъ при слушаніи наставническихъ лекцій, которыя продолжаются шесть часовъ ежедневно. Правленіе опредѣлило:

[1]) См. въ воспоминаніяхъ г Рыбакова въ Прав. Обозр. 1883 г. т. 2 и у И. А. Чистовича, СПБ-ская дух. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ СПБ. 1889 г. стр. 73.

[2]) См. у И. Чистовича Ист. Спб—ской дух. Акад. СПБ. 1857г. стр. 340.

такъ какъ въ академическомъ уставѣ объ этомъ ничего не сказано, то просить высшее начальство, чтобы впредь инспектору Академіи и помощникамъ его вмѣнено было въ обязанность посѣщать классы во время учебныхъ часовъ и при чтеніи лекцій наставниковъ, для неопустительнаго наблюденія за поведеніемъ воспитанниковъ, но предварительно испросить на то соизволеніе Его Высокопреосвященства[1]). Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, примѣнялась ли на практикѣ проведенная преосв. Макаріемъ мѣра инспекторскаго надзора и какъ это дѣлалось. Но, какъ ни строгъ былъ инспекторскій надзоръ за студентами, преосв. Макарій не полагался и на него. Для того, чтобы имѣть непосредственныя свѣдѣнія о нравственномъ состояніи и вообще о жизни студентовъ Академіи, преосв. Макарій часто самъ навѣщалъ занятныя комнаты студентовъ. Путемъ такихъ благоразумныхъ мѣръ преосв. Макарій достигъ того, что въ Академіи установился опредѣленный и неизмѣнный порядокъ студенческой жизни. Онъ былъ таковъ. „Утромъ въ 6 часовъ звонокъ, въ 7 часовъ молитва въ церкви, затѣмъ чай въ столовой, далѣе обязательныя занятія студентовъ, съ девяти до двухъ часовъ пополудни слушаніе лекцій, за симъ обѣдъ, послѣ обѣда прогулка въ саду, въ пять часовъ вечерній чай, съ шести до девяти часовъ вечера обязательныя занятія студентовъ, въ девять часовъ ужинъ, заразъ послѣ ужина вечерняя молитва въ церкви же, затѣмъ послѣ получасового отдыха, состоявшаго въ свободной товарищеской бесѣдѣ, желавшіе занимались. Въ одинадцать часовъ всѣ отходили къ сну. Ночью засиживаться ни въ какомъ случаѣ не позволялось. „Баринъ, сейчасъ потушу свѣчу“, говорилъ бывало вахтеръ, точный исполнитель воли начальства, обыкновенно запиравшій въ это время студенческія комнаты. Студентъ прекращалъ работу и уходилъ въ

[1]) См. арх. Спб. духов. Акад. Журн. Внутр. Правл. за 6 февр. 1851 года.

спальни. И такъ изо дня въ день. Жизнь студентовъ текла правильно: всѣ до одного являлись на молитву, всѣ до одного бывали на лекціяхъ[1])... Въ воскресные и праздничные дни позволялось студентамъ выходить въ городъ къ знакомымъ или просто для прогулки до восьми часовъ вечера, причемъ каждый изъ насъ предварительно долженъ былъ записаться въ книгу и получить отъ дежурнаго билетъ, въ которомъ прописывалось, къ кому такой-то намѣренъ былъ отправиться. Предъ ужиномъ, въ половинѣ девятаго, всѣ ходившіе въ городъ студенты по звонку являлись къ инспектору и каждый лично подавалъ его высокопреподобію свой билетъ. Въ девять часовъ другой звонокъ. Студенты строились въ корридорѣ и отсюда шли по двое въ рядъ въ столовую, гдѣ уже находился очередной инспекторскій помощникъ, который послѣ того, какъ студенты займутъ каждый свое мѣсто, звонилъ, тотчасъ за этимъ пѣлась молитва, потомъ слѣдовалъ ужинъ. По окончаніи ужина опятъ звонокъ и опять молитва. Помощникъ инспектора въ продолженіе ужина ходилъ по столовой, наблюдалъ за исправностію прислуги, которая по звонку его обязана была убирать оконченное блюдо и подавать другое. Такой порядокъ въ столовой за обѣдомъ и ужиномъ соблюдался и въ другіе дни всегда неизмѣнно“ [2]).

Замѣчательно, что сами студенты нисколько не тяготились строгими дисциплинарными порядками, бывшими въ ректорство преосв. Макарія. Какъ прежде, такъ и теперь студенты любили такіе порядки, живой примѣръ точнаго исполненія которыхъ они постоянно видѣли на самомъ своемъ ректорѣ. „Съ сердечною благодарностію припоминаемъ“, говоритъ питомецъ С.-Петербургской дух. Академіи временъ преосв. Макарія, „что во все время его управленія Акаде-

[1]) См. „Воспоминанія“ г. Рыбакова. Прав. Обозр. 1883 г. т. 2, стр. 533 – 534.

[2]) См. тамъ же стр 538 – 539.

міею, мы не видѣли ничего, кромѣ самаго искренняго, прямого и доброжелательнаго отношенія его къ намъ—воспитанникамъ академіи. Ничего грубаго, двусмысленнаго, фальшиваго, недоброжелательнаго не было въ его отношеніяхъ къ воспитанникамъ. На какія нибудь подъискиванія, на какія нибудь разузнаванія косвенными путями о студентахъ онъ не былъ способенъ по своему характеру. Это воспитало въ насъ, бывшихъ его ученикахъ, чувство прямоты и откровенности, которыя потомъ жизнь оцѣнивала по своему. Онъ собственнымъ примѣромъ училъ насъ прямотѣ, откровенности и искренности. Такимъ же примѣромъ онъ былъ для насъ и въ нашихъ занятіяхъ и въ нашей дисциплинѣ. Какъ бывшій при немъ студентомъ Академіи, я не помню ни одного случая, чтобы преосв. Макарій когда-нибудь и въ чемъ нибудь сдѣлалъ упущеніе въ своихъ обязанностяхъ. Мы знали не только изъ часа въ часъ, но изъ минуты въ минуту весь порядокъ его жизни, въ высокой степени правильный и дисциплинированный въ сообразности съ ходомъ жизни академіи, которою онъ руководилъ. Нашему уваженію къ нему не было предѣла. Режимъ Академіи, въ то время очень строгій и суровый, онъ смягчалъ именно только своею правдивостію и прямотою. Болѣе прямого, честнаго и откровеннаго начальника—педагога мы не встрѣчали въ нашей жизни. Никакая лесть, никакое угодничество, сверхъ прямого отношенія къ дѣлу, не были ему доступны. Мы увѣрены, что никто изъ его воспитанниковъ не найдетъ этихъ словъ преувеличенными“ [1]). Изъ приведенныхъ словъ нетрудно видѣть, почему студенты не тяготились строгимъ дисциплинарнымъ режимомъ, который ввелъ и поддерживалъ въ Академіи преосв. Макарій. Самъ преосв. Макарій, будучи ректоромъ, жилъ жизнью студентовъ и на собственномъ живомъ примѣрѣ показывалъ, какъ должно и полезно исполнять человѣку свой нравствен-

[1]) См. брошюру: „Высокопреосвященнѣйшій Макарій, митрополитъ московскій и коломенскій“. М. 1882 г. стр. 24.

ный долгъ. Вотъ почему нравственность студентовъ Спб-ской Академіи въ ректорство преосв. Макарія была высока, чиста и безукоризненна. Въ 1851 году Академію ревизовалъ, по порученію Св. Синода, м. Никаноръ. Въ своемъ отчетѣ объ этой ревизіи м. Никаноръ, между прочимъ, свидѣтельствовалъ предъ Св. Синодомъ, что „поведеніе воспитанниковъ исполнено благоговѣнія къ вѣрѣ, скромности и уваженія къ начальству“ [1]).

Однимъ изъ самыхъ важныхъ нравственно-воспитательныхъ средствъ служитъ участіе въ храмовомъ богослуженіи. Преосв. Макарій понималъ это и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы богослуженіе въ академической церкви сдѣлать какъ можно болѣе торжественнымъ и благолѣпнымъ и при его посредствѣ развить среди студентовъ молитвенный духъ. Это ему и удалось. „Студенты“, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Рыбаковъ, „неопустительно посѣщали богослуженіе. За клиросами былъ разостланъ во всю ширину церкви большой коверъ, на которомъ во время богослуженія стояли студенты: направо старшіе, на лѣво младшіе, между воспитанниками на томъ же коврѣ, среди храма противъ царскихъ вратъ, стояла архіерейская каѳедра съ сѣдалищемъ епископа, украшеннымъ бархатною подушкой съ четырьмя золотыми кистями. Мѣсто за этою каѳедрою и рядами студентовъ было назначено для приходившихъ въ нашъ храмъ изъ города. Въ наше время составъ начальствующихъ, учащихъ и учащихся отличался обиліемъ чиновъ церковной іерархіи. Кромѣ начальника Академіи епископа, въ ней были архимандриты, игуменъ (сербъ, присланный сюда сербскимъ митрополитомъ для слушанія высшаго курса богословія, въ надеждѣ епископства на родинѣ), соборные іеромонахи, священники, архидіаконы (греки, одинъ баккалавръ греческаго

[1]) См. Извлеченіе изъ отчета г. синодальнаго оберъ-прокурора за 1851 г. Ср. И. Чистовича. Исторія С.-Петерб. дух. Акад. СПБ. 1857 г. стр. 400.

языка Григорій Веглерисъ, другой студентъ Александръ Ласкорисъ, проповѣдникъ (ἱεροκῆρυξ) константинопольской церкви, по распоряженію константинопольскаго патріарха, прибывшій въ Россію съ тою же цѣлію, съ какою пріѣхалъ въ нее и упомянутый сербъ), іеродіаконы. При сонмѣ священнослужителей въ академической церкви литургія въ воскресные и праздничные дни совершалась всегда соборнѣ, всенощныя наканунѣ двунадесятыхъ и другихъ особенно чтимыхъ православнымъ народомъ праздниковъ блистали пышностію и торжественностію церковнаго обряда. Пѣли студенты на обоихъ клиросахъ,—на правомъ и партесно. Въ студенческой средѣ были прекрасные голоса, были и отличные чтецы, которыхъ едва-ли могли превзойти и прославленные чтецы лавры.

Во время великаго поста мы говѣли два раза: на первой недѣлѣ и на страстной. Въ субботу первой недѣли этого поста преосв. Макарій служилъ въ академической церкви и самъ причащалъ студентовъ. Въ великій четвергъ онъ не могъ дѣлать этого потому, что въ этотъ день, какъ въ другіе высокоторжественные праздники, былъ приглашаемъ къ совмѣстному служенію съ митрополитомъ въ одинъ изъ соборовъ столицы. Въ храмовой академическій праздникъ 30 іюня, въ день 12 апостоловъ, преосв. Макарій всегда служилъ. И съ какимъ глубокимъ проникновеніемъ силою божественнаго тайнодѣйствія всегда совершалъ онъ богослуженіе!... Чинными, благолѣпными службами церковными питалось и поддерживалось въ юношахъ благочестивое настроеніе. Духъ молитвенный не чуждъ былъ студенческой среды. Въ каждой изъ нашихъ спальныхъ комнатъ въ 10 часовъ вечера зажигалась передъ иконой лампада, которая мерцала во всю ночь. Нѣкоторые изъ студентовъ любили, когда всѣ заснутъ, помолиться колѣнопреклоненно, какъ бы по примѣру псалмопѣвца: *полунощи востахъ исповѣдатися судьбамъ правды Твоея.* Таковъ именно былъ одинъ изъ моихъ товарищей, сынъ калужскаго каѳедральнаго протоіерея, Николай Лазаре-

вичъ Зайцевъ, авторъ сочиненія: „очерки быта древнихъ евреевъ“ (скончался въ званіи профессора Кіевской Академіи)[1]).

Изъ словъ самого преосв. Макарія мы знаемъ, что при вступленіи его въ должность ректора Академіи, въ этой послѣдней „всѣ предметы академическіе преподавались въ надлежащей полнотѣ, съ добрымъ направленіемъ и въ согласіи между собою“. О поддержаніи того же самаго направленія въ учебной части Академіи заботился и преосв. Макарій во все время своего ректорскаго служенія. Для того, чтобы имѣть вѣрныя и постоянныя свѣдѣнія о ходѣ академическаго преподаванія, онъ весьма часто посѣщалъ лекціи наставниковъ. Благодаря этому, онъ прекрасно зналъ всѣхъ наставниковъ Академіи, методъ и характеристическія особенности ихъ преподавательской дѣятельности. Разъ онъ замѣчалъ какіе либо недостатки въ учебной части, онъ принималъ рѣшительныя мѣры къ немедленному ихъ устраненію. Такъ, 7 іюля 1853 года преосв. Макарій представлялъ м. Никанору слѣдующее: „недавно опредѣленный (21 сентября 1852 г.) на каѳедру церковнаго краснорѣчія изъ воспитанниковъ Казанской духовной Академіи, баккалавръ Александръ Соколовъ, хотя способенъ и весьма трудолюбивъ, но, не обладая въ желаемой степени ни даромъ слова, ни особенно даромъ хорошаго произношенія, столь необходимыми въ наставникѣ краснорѣчія, могъ бы быть перемѣщенъ безъ обиды для него на праздную нынѣ вакансію профессора общей и русской исторіи въ здѣшней семинаріи, гдѣ онъ получалъ-бы такое же точно жалованье, какимъ пользуется въ Академіи. Для замѣщенія же каѳедры церковнаго краснорѣчія при Академіи есть весьма способные въ числѣ окончившихъ нынѣ курсъ воспитанниковъ здѣшней Академіи“. М. Никаноръ согласился съ мнѣніемъ преосв. Макарія, и баккалавръ А. Соколовъ

[1]) См Прав. Обозр. 1883 г. т. 2 стр. 534—536.

былъ перемѣщенъ въ семинарію[1]). Зато другихъ наставниковъ, съ успѣхомъ и ревностію проходившихъ свою должность, преосв. Макарій старался всячески поощрять. Самою обыкновенною и вмѣстѣ съ тѣмъ, при крайне незначительномъ содержаніи, желательною для наставниковъ Академіи наградою въ то время было повышеніе ихъ по служебному званію изъ баккалавровъ въ экстраординарные и изъ экстраординарныхъ въ ординарные профессоры. Преосв. Макарій весьма часто представлялъ наставниковъ ввѣренной ему Академіи къ подобнымъ наградамъ и при немъ получили званіе профессоровъ очень многіе изъ наставниковъ Академіи. Такъ, при немъ и по его ходатайству, были возведены въ званіе профессоровъ: архим. Іоаннъ, В. Долоцкій и Кириллъ Лучицкій—ординарныхъ (18—22 нояб. 1852 г.)[2]), Ил. Чистовичъ—экстраординарнаго (30 окт. 1856 г.)[3]), Евграфъ Ловягивъ и Моисей Голубевъ—ординарныхъ ($\frac{6 \text{ марта}}{8 \text{ апрѣля}}$ 1857 г.)[4]). Кромѣ того, по предложенію и ходатайству преосв.

---

[1]) См. арх. Спб--ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1853 г. дѣло № 65; ср. у И. Чистовича, Исторія Спб—ской дух. Академіи 1857 г. СПБ. стр. 348. Мѣра, принятая преосв. Макаріемъ въ отношеніи баккалавра А. Соколова, тѣмъ болѣе замѣчательна, какъ лучшее свидѣтельство его глубокой справедливости, что баккалавръ этотъ былъ опредѣленъ раньше по рекомендаціи же самого преосв. Макарія. 11 октября 1852 года преосв. Макарій входилъ въ академическое Правленіе съ слѣдующей запиской: „по случаю открывшейся при Академіи наставнической вакансіи по смерти профессора Димитрія Вознесенскаго, я сносился съ ректоромъ Казанской духовной Академіи архим. Парѳеніемъ, прося его сообщить: нѣтъ ли между воспитанниками Казанской Академіи, кончившими курсъ въ нынѣшнемъ (1852) году, способнаго къ занятію академической каѳедры. Получивъ отъ него одобрительный отзывъ объ окончившемъ нынѣ курсъ воспитанникѣ А. Соколовѣ, предлагаю академическому Правленію ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о назначеніи Соколова въ СПб—скую духовную Академію на открывшуюся должность наставника по церковному краснорѣчію“. (См. арх. СПб—ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1852 г. дѣло № 7).

[2]) См. арх. Спб—ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1852 г. дѣло № 4.

[3]) См. тамъ же Журн. Внутр. Правл. за 30 окт. 1856 г.

[4]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1857 г. дѣло № 24.

Макарія, инспекторы архимандриты: Іоаннъ ($\frac{27\text{ іюня}}{6\text{ ноября}}$ 1853 г.)[1]) и Кириллъ ($\frac{18\text{ ноября}}{24\text{ дек.}}$ 1855 г.)[2]) были возведены въ высшее званіе докторовъ богословія.

Замѣщеніе академическихъ каѳедръ вполнѣ достойными кандидатами было также одною изъ главныхъ и постоянныхъ заботъ преосв. Макарія по учебной части. Выборъ кандидатовъ дѣлался преосв. Макаріемъ въ высшей степени осмотрительно и всегда удачно, такъ какъ преосв. Макарій зналъ прекрасно всѣхъ выдающихся студентовъ Академіи. За умѣніе преосв. Макарія дѣлать выборъ достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія профессорскихъ каѳедръ въ Академіи лучше всего говорятъ самыя имена этихъ избранниковъ его. Таковы: Никаноръ Бровковичъ (умершій въ санѣ херсонскаго архіепископа), И. А. Чистовичъ, Н. Н. Делицынъ и Ив. В. Чельцовъ (XIX к.), Сам. В. Михайловскій, (XX к.) іером. Валеріанъ, Андрей И. Предтеченскій и Михаилъ О. Кояловичъ (XXI к.) и И. Т. Осининъ, И. Ѳ. Нильскій и А. И. Парвовъ (XXII курса).

Избранныхъ молодыхъ наставниковъ преосв. Макарій не оставлялъ своимъ руководствомъ и послѣ опредѣленія ихъ на службу. Въ отношеніи же ко всѣмъ наставникамъ Академіи онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы они преподавали свои науки „въ добромъ направленіи и въ согласіи между собою“. Всякія отступленія отъ такого порядка онъ старался немедленно устранять. Дѣлалъ это онъ такимъ образомъ. „Преосв. Макарій“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ г. Рыбаковъ, „слѣдилъ за духомъ и характеромъ преподаванія въ Академіи, по временамъ посѣщая лекціи профессоровъ и баккалавровъ и употребляя къ тому еще слѣдующій способъ: въ учебное время, каждый день послѣ ужина, два студента, одинъ—старшаго, другой—младшаго

[1]) См. тамъ же по Конференціи за 1853 г. дѣло № 10.

[2]) См. тамъ же по Конференціи за 1855 г. дѣло № 19.

курса, являлись съ классными журналами къ преосвященному ректору и отдавали ему подробный отчетъ во всемъ слышанномъ ими на лекціяхъ въ тотъ день. Такимъ образомъ, направленіе духовной и свѣтской науки въ Академіи всегда было хорошо извѣстно преосвященному Макарію,—и если между каѳедрами слышался диссонансъ, какъ это разъ случилось съ исторіей философіи и психологіей, высокообразованный ректоръ не оставлялъ этого безъ вниманія, приходилъ самъ слушать такого рода лекціи, въ видахъ установленія стройнаго теченія науки, по поводу нѣкоторыхъ тенденцій, повидимому несогласныхъ съ общепринятыми принципами. Однажды пришлось намъ быть свидѣтелями диспута, происходившаго на лекціи между ректоромъ и профессоромъ, и удивляться глубокому уму преосвященнаго Макарія, хорошо знакомаго съ свѣтскими науками, умѣвшаго тонкимъ анализированіемъ мыслей доводить слушателя до правильности воззрѣній и осязательнаго пониманія предмета“ [1]).

Кромѣ того, преосв. Макарій подавалъ своимъ сослуживцамъ самый лучшій, краснорѣчивѣйшій и живой примѣръ того, какъ нужно было относиться къ своему дѣлу и обязанностямъ, на самомъ себѣ. Самъ онъ былъ неутомимый труженникъ и, по совершенно естественнымъ побужденіямъ, къ тому же стремились и всѣ его сослуживцы—наставники, а за ними и студенты. Отсюда „времена преосв. Макарія были временами многосторонней, кипучей дѣятельности академіи. Все жило одною общею интеллектуальною жизнью и учащіе и учащіеся занимались своимъ дѣломъ, каждый по мѣрѣ силъ и способностей. Хорошее то было время, проходившее въ сладостнѣйшихъ для духа занятіяхъ науками“ [2]).

Изъ частныхъ мѣропріятій по учебной части, состоявшихся по иниціативѣ или, по крайней мѣрѣ, при дѣятель-

[1]) См. Правосл. Обозр. 1883 г. т. 2. стр. 539—540.

[2]) См. тамъ же стр. 537—538.

номъ участіи преосв. Макарія, считаемъ необходимымъ отмѣтить слѣдующія. Одною изъ первыхъ заботъ преосв. Макарія, по вступленіи въ должность ректора, была забота объ усиленіи проповѣдническаго дѣла среди студентовъ С.-Петербургской духовной Академіи. 5 октября 1851 года Академическое Правленіе, по предложенію преосв. Макарія, обратилось къ м. Никанору съ слѣдующею просьбою: „воспитанники здѣшней Академіи, между прочими занятіями своими, обыкновенно сочиняютъ по назначенію на каждый воскресный и праздничный день по три проповѣди, изъ которыхъ только одна бываетъ произносима въ Академической церкви, прочія же остаются непроизнесенными. Посему Академическое Правленіе, на основаніи прежнихъ примѣровъ, благопочтительнѣйше испрашиваетъ Архипастырскаго дозволенія Вашего Высокопреосвященства,—лучшія изъ студенческихъ проповѣдей назначать къ произнесенію въ здѣшней Лаврѣ воспитанникамъ монашествующимъ за позднею обѣднею, а прочимъ за раннею“. М. Никаноръ изъявилъ свое полное согласіе на представленіе Академическаго Правленія [1]).

Въ томъ же 1851 году преосв. Макарій провелъ еще одну очень важную мѣру. Въ этомъ году, по окончаніи XIX учебнаго курса, происходила ревизія Академіи. Ревизію производилъ, по обыкновенію, петербургскій м. Никаноръ. Преосв. Макарій обратилъ вниманіе ревизора на необходимость усиленія въ Академіи изученія русской церковной исторіи. Наука эта до того времени не имѣла особой самостоятельной каѳедры и преподавалась вмѣстѣ съ общею церковною исторіей. Въ виду обширности главнаго предмета каѳедры—общей церковной исторіи—исторія русской церкви обыкновенно проходилась профессоромъ кратко, а иногда даже и неполно. Преосв. Макарій, спеціально занимавшійся исторіей русской

[1]) См. арх. С.-Петербургской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1851 г. дѣло № 54.

церкви и придававшій весьма важное значеніе этому предмету въ системѣ общаго и, въ частности, высшаго богословскаго образованія, не могъ не сожалѣть о такомъ упадкѣ среди студентовъ Академіи знанія отечественной церковной исторіи [1]). Подъ вліяніемъ такого чувства, онъ, вѣроятно, по собственному побужденію и добровольно преподавалъ русскую церковную исторію студентамъ высшаго отдѣленія Академіи еще въ бытность свою инспекторомъ. Сдѣлавшись же ректоромъ, онъ, прежде всего, постарался лучше поставить преподаваніе въ Академіи русской церковной исторіи и съ этою цѣлію предложилъ м. Никанору, за невозможностію открытія самостоятельной каѳедры для этой науки, по недостатку матеріальныхъ средствъ, присоединить ее, по крайней мѣрѣ, къ каѳедрѣ русской гражданской исторіи. Кромѣ того, онъ же предложилъ ревизору назначить въ помощь прежнимъ профессорамъ общей церковной и русской церковно-гражданской исторій еще по одному баккалавру. Обѣ эти мѣры, исходившія отъ преосв. Макарія, м. Никаноръ предложилъ въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ на разсмотрѣніе Св. Синода. Св. Синодъ далъ свое согласіе, и 24 сентября 1851 года, по предложенію преосв. Макарія, И. А. Чистовичъ и И. В. Чельцовъ, лучшіе воспитанники XIX курса (1847—1851 г.), были избраны баккалаврами—первый по каѳедрѣ русской церковной и гражданской исторіи, а второй—по каѳедрѣ общей церковной исторіи [2]). Тогда же, въ видахъ возвышенія успѣховъ по богословскимъ наукамъ и по общей гражданской исторіи, въ качествѣ баккалавровъ по этимъ предметамъ были оставлены: іером. Никаноръ Бровковичъ и Н. Н. Делицынъ (съ 29 сентября 1852 г.) [3]).

---

[1]) См. статью преосв. Макарія; „Мысли о значеніи исторіи отечественной православной Церкви“ Христ. Чтен. 1848 г. Мартъ отд. 3 стр. 175—176.

[2]) См. арх. С.-Петербургской духовной Академіи Журн. Внутр. Правл. за 5 окт. 1851 г.

[3]) См. у И. Чистовича Исторія С.-Петербургской дух. Академіи СПБ. 1857 г. стр. 345—349.

Вскорѣ послѣ того видимъ новое мѣропріятіе со стороны преосв. Макарія для возвышенія успѣховъ по богословскимъ наукамъ и вмѣстѣ для лучшей разработки этихъ послѣднихъ. Извѣстно, что преосв. Макарій, въ бытность инспекторомъ Академіи, выработалъ программу для „Введенія въ Православное Богословіе“ и написалъ изслѣдованіе—руководство по этому предмету. Этимъ онъ, можно сказать, создалъ особую самостоятельную богословскую науку. Во все время инспекторства своего и въ первый учебный курсъ, когда преосв. Макарій былъ уже ректоромъ Академіи, онъ самъ преподавалъ эту науку студентамъ высшаго отдѣленія. Но, по окончаніи XX учебнаго курса, онъ призналъ неудобнымъ соединеніе вмѣстѣ двухъ такихъ важныхъ наукъ, какъ „Введеніе въ Православное Богословіе“ и „Догматическое Богословіе“, и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ одного наставника. При всей исполнительности, усердіи и ревности этого послѣдняго, такая постановка дѣла не могла не отзываться неблагопріятно на преподаваніи либо одного, либо другого важнаго богословскаго предмета. Поэтому, преосв. Макарій призналъ необходимымъ отдѣлить „Введеніе въ Православное Богословіе“ и поручить его особому наставнику. Предложеніе его въ этомъ было принято Академическимъ Правленіемъ, а Св. Синодъ, съ своей стороны, разрѣшилъ привести его въ исполненіе. Тогда съ $185^3/_4$ учебнаго года „Введеніе въ Православное Богословіе“ было перечислено въ кругъ предметовъ низшаго отдѣленія и преподаваніе его было поручено баккалавру обличительнаго богословія іером. Никанору Бровковичу[1]). Самъ преосв. Макарій сталъ преподавать те-

[1]) См. у И. Чистовича. С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ СПБ. 1889 г стр. 38. Впослѣдствіи была сдѣлана попытка отмѣнить мѣру преосв. Макарія, но неудачно. 31 августа 1866 г. ректоръ преосв. Іоаннъ (Соколовъ), вообще отличавшійся любовію вводить реформы (см. у П. Знаменскаго въ его, „Исторіи Казанской духовной Академіи“. Казань 1891 г. вып. I стр. 136—176, особенно 160—166), предложилъ Правленію С.-Петербург-

перь въ высшемъ отдѣленіи одно Догматическое Богословіе. Такая мѣра была тѣмъ болѣе благовременна, что въ то же самое время въ курсъ академическаго ученія были введены новые предметы, преподаваніе одного изъ коихъ и принялъ на себя преосв. Макарій. Произошло это слѣдующимъ образомъ.

7 августа 1853 года изъ Духовно-учебнаго Управленія въ Правленіе С.-Петербургской духовной Академіи поступила бумага слѣдующаго содержанія: „Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить Высочайшаго утвержденія предложенныя Св. Синодомъ мѣры усиленія духовно-нравственнаго дѣйствованія на раскольниковъ по духовно учебной части. Одною изъ этихъ мѣръ была признана необходи-

---

ской Академіи слѣдующее: „принимая во вниманіе, что 1) введеніе въ богословіе въ видѣ особой науки составлено и внесено въ академическій курсъ только въ недавнее время, безъ особенныхъ уважительныхъ причинъ, и только потому исключительному обстоятельству, что напечатана въ этомъ видѣ особая книга и при томъ не по особому какому либо распоряженію высшаго начальства, а по личной иниціативѣ самого автора книги; что 2) и въ научномъ отношеніи не представляется никакихъ важныхъ основаній и побужденій къ тому, чтобы изъ предварительныхъ понятій, относящихся къ богословію, составлять отдѣльную науку, такъ какъ и составъ ея не имѣетъ ничего самостоятельнаго и цѣли въ ней не видится непосредственной, въ ней самой заключающейся, внѣ связи съ догматическимъ богословіемъ, и нѣтъ причины, почему бы трактаты о религіи, откровеніи божественномъ, о церкви не могли входить прямо въ полный составъ догматики, тогда какъ характеръ этихъ трактатовъ чисто догматическій; 3) преподаваемое въ младшемъ курсѣ, это „введеніе“ не имѣетъ никакой связи съ прочими науками этого курса и, стоя одиноко, въ видѣ какого-то отрывка отъ богословія, не только не привлекаетъ къ себѣ надлежащаго вниманія студентовъ, но среди другихъ наукъ, собственно философскихъ, главныхъ на младшемъ курсѣ, теряетъ еще свою важность, находя болѣе правильнымъ въ системѣ наукъ и болѣе полезнымъ перенесть введеніе въ богословіе на старшій курсъ и присоединить къ догматическому богословію. (См. у И. Чистовича С.-Петербургская духовная Академія за послѣднія 30 лѣтъ СПБ. 1889 г. стр 32—33). Однакоже предложеніе преосв. Іоанна, составленное тенденціозно и съ прозрачными намеками на преосв. Макарія, не имѣло успѣха. „Введеніе въ Православное Богословіе“ осталось на всегда самостоятельною наукою въ числѣ богословскихъ системъ.

мость, въ видахъ усиленія дѣйствующихъ по разнымъ мѣстамъ духовныхъ миссій, образованія при духовныхъ академіяхъ изъ наличныхъ студентовъ и изъ священнослужителей, кои изъявятъ на то желаніе, по небольшому отдѣленію для особаго приготовленія ихъ на дѣло съ раскольниками какъ въ видѣ прямыхъ миссіонеровъ, такъ и въ видѣ священниковъ при церквяхъ единовѣрческихъ и православныхъ, гдѣ есть раскольники". Духовно-учебное Управленіе требовало при этомъ соображеній начальства академіи о томъ, какъ могутъ быть въ самомъ непродолжительномъ времени устроены при Академіяхъ вышеозначенныя отдѣленія—миссіонерскія и что и кѣмъ должно быть въ нихъ преподаваемо въ дополненіе къ общему академическому курсу. Составленіе правилъ касательно предположенныхъ къ открытію миссіонерскихъ отдѣленій при Академіи принялъ на себя преосв. Макарій. Правила эти, которыя были, по утвержденіи ихъ Св. Синодомъ, приняты во всеобщее употребленіе, состояли въ слѣдующемъ. 1) Особое отдѣленіе для приготовленія нѣкоторыхъ воспитанниковъ на дѣло съ раскольниками предлагалось открыть при духовныхъ Академіяхъ съ началомъ нынѣшняго же курса. 2) Поступать въ это отдѣленіе должны только воспитанники высшаго отдѣленія Академіи, ибо для преподаванія имъ нужныхъ свѣдѣній на дѣло съ раскольниками достаточно двухъ лѣтъ; 3) принимать изъявившихъ свое согласіе и благонадежныхъ, 4) число воспитанниковъ миссіонерскаго отдѣленія можетъ въ каждой Академіи простираться отъ 5—10, 5) курсъ общій со всѣми и спеціальный. 6) Въ составъ спеціальнаго курса могутъ входить: а) исторія русскихъ расколовъ, б) современная статистика русскаго раскола во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ, в) обозрѣніе всѣхъ сочиненій, написанныхъ какъ раскольниками, такъ и противъ нихъ, г) положительное опроверженіе раскольническаго ученія во всѣхъ его толкахъ и отрасляхъ и д) практическія наставленія миссіонерамъ для ихъ будущаго служенія. Въ по-

собіе при преподаваніи этой послѣдней, особенно важной, части, желалось бы, чтобы, по опредѣленію Св. Синода, истребованы были отъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ, наиболѣе обращавшихся съ раскольниками, опытныя замѣчанія, какъ успѣшнѣе дѣйствовать противъ раскольниковъ и потомъ препровождены были въ Академическое Правленіе. 7. Преподаваніе поручить 2—3 изъ наличныхъ наставниковъ. 8) Для преподаванія этихъ спеціальныхъ наукъ достаточно по одному классу въ недѣлю, а если окажется нужнымъ, и по два". Правила эти были разсмотрѣны Академическою Конференціей и 28 сентября 1853 года отъ ея имени были представлены на усмотрѣніе м. Никанора. Изъ этого представленія видно также, что преосв. Макарій „изъявилъ согласіе взять на себя преподаваніе въ миссіонерскомъ отдѣленіи исторіи и статистики русскихъ расколовъ, обозрѣнія сочиненій, написанныхъ какъ раскольниками, такъ и противъ нихъ и опроверженія главнѣйшихъ заблужденій раскольническаго ученія" [1]). М. Никаноръ и затѣмъ Св. Синодъ согласились со всѣми предположеніями преосв. Макарія, и, такимъ образомъ, съ $185^3/_4$ учебнаго года, при дѣятельномъ участіи преосв. Макарія, было открыто въ С.-Петербургской духовной Академіи миссіонерское отдѣленіе. Кромѣ самого преосв. Макарія на этомъ отдѣленіи, по его предложенію, преподавали: архим. Кириллъ, профессоръ нравственнаго богословія—практическія наставленія миссіонерамъ для ихъ будущаго служенія и баккалавръ обличительнаго богословія іером. Никаноръ Бровковичъ—обличеніе частнѣйшихъ заблужденій раскольниковъ [2]). Въ такомъ же положеніи миссіонерское отдѣленіе при С.-Петербургской духовной Академіи оставалось до самаго конца ректорства преосв. Макарія.

---

[1]) См. арх С.-Петербургской духовной Академіи по Внутр. Правл. за 1853 г. № 34.

[2]) См. тамъ-же и у И. Чистовича. С.-Петербургская духовная Академія

Одною изъ постоянныхъ заботъ преосв. Макарія по учебной части въ Академіи была его забота о возможномъ пополненіи книгами и вообще о благоустройствѣ академической библіотеки. Еще въ бытность инспекторомъ, преосв. Макарій былъ въ числѣ самыхъ усердныхъ сторонниковъ восполненія академической библіотеки. При этомъ онъ нерѣдко поступалъ такимъ образомъ. Сначала самъ пріорѣталъ по случаю и по удешевленной цѣнѣ выдающіяся произведенія на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и затѣмъ уже предлагалъ Академическому Правленію купить ихъ у него для академической библіотеки [1]). Сдѣлавшись ректоромъ Академіи, преосв.

за послѣднія 30 лѣтъ СПБ. 1889 г. стр. 27—28. Слѣдуетъ замѣтить, что инициатива открытія миссіонерскихъ отдѣленій при нашихъ Академіяхъ и семинаріяхъ исходила отъ казанскаго архіеп. Григорія. Не ограничиваясь открытіемъ этихъ отдѣленій, онъ предложилъ въ 1853 г. Св. Синоду вызвать въ С.-Петербургъ священниковъ разныхъ епархій, зараженныхъ расколомъ, для приготовленія ихъ къ миссіонерской дѣятельности среди раскольниковъ. Священники были помѣщены въ Петербургской Академіи, и преосв. Григорій самъ читалъ имъ лекціи, указывая способы опроверженія разныхъ раскольническихъ толковъ. (См. у И. Чистовича тамъ же стр. 2). Объ этой преподавательской дѣятельности преосв. Григорія преосв. Макарій въ своихъ письмахъ къ преосв. Иннокентію отъ 18 мая и 10 сентября 1854 года, между прочимъ, замѣчалъ слѣдующее: „по дѣлу о раскольникахъ скажу, что преосв. Григорій окончилъ уже для священниковъ преподаваніе исторіи расколовъ и теперь преподаетъ о самомъ расколѣ по своей книгѣ „о церкви“, которая оканчивается печатаніемъ. Черезъ мѣсяцъ, слышно, священники уже разъѣдутся по своимъ мѣстамъ, достаточно приготовленные къ важному поприщу“ (18 мая 1854 г.). „Преосв. Григорій написалъ прекрасную книгу; только большая половина ея, по его словамъ, составлена имъ гораздо прежде: теперь-бы въ такое короткое время онъ конечно не успѣлъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Священники миссіонеры давно разъѣхались, хотя, по ихъ собственному сознанію, почти ничего не пріобрѣтши“. (10 сентября 1864 г.). См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I. стр. 812—815.

[1]) См. арх. С.-Петербургской духовной Академіи по Внутр. Правл. Журналы за 22 іюня 1846 г., 28 генваря и 20 августа 1847 года, 30 марта 1848 г. и 38 февр. 1850 года Справедливость требуетъ замѣтить, что преосв. Макарій при покупкѣ книгъ для академической библіотеки отнюдь не руководился соображеніями спеціалиста богослова и историка, а напротивъ принималъ въ разчетъ общія нужды академической библіотеки. Поэтому, онъ покупалъ и выпи-

Макарій продолжалъ дѣятельно заботиться о пріумноженіи библіотечныхъ сокровищъ. Между прочимъ, въ это время вниманіе его было обращено на сравнительную скудость рукописнаго отдѣленія академической библіотеки. А между тѣмъ съ открытіемъ при Академіи миссіонерскаго отдѣленія должна была явиться неотложная необходимость въ древнихъ рукописяхъ. Въ своихъ заботахъ о пріобрѣтеніи для академической библіотеки рукописей, преосв. Макарій 20 февраля 1853 года вошелъ въ Академическое Правленіе съ запиской, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ. Въ Софійской новгородской библіотекѣ было много древнихъ рукописей. Каталогъ библіотеки, внимательно пересмотрѣнный преосв. Макаріемъ, заключалъ въ себѣ три частнѣйшихъ реестра подъ слѣдующими заглавіями: 1) реестръ, сочиненный въ силу присланнаго изъ новгородской духовной Консисторіи указа отъ 18 декабря 1784 года, находящимся въ софійскомъ соборѣ на хорахъ книгамъ древлепечатнымъ и древлеписаннымъ (первыхъ показано 1247, а послѣднихъ 2189 названій), 2) вѣдомость рукописнымъ кирилловской книгохранительницы, до россійской исторіи относящимся, книгамъ, съ показаніями №№, подъ коими въ книгохранительницѣ состоятъ (всего поименовано 116 рукописей) и 3) реестръ, какіе лѣтописцы и другія имъ подобныя сочиненія, къ россійской исторіи относящіяся въ Св. Синодъ отъ епархіальныхъ архіереевъ и ставропигіальныхъ монастырей настоятелей присланы (здѣсь поименованы 103 рукописи). Рукописи 2-го и 3-го реестра, какъ показываютъ и самыя ихъ названія, были взяты преимущественно изъ Кирилло-бѣлоозерскаго монастыря и отчасти изъ нѣкоторыхъ

сывалъ книги и по другимъ наукамъ академическаго курса. Напр. въ требовательной запискѣ его отъ 28 генваря 1847 г. есть сочиненіе по Св. Писанію, въ запискѣ же отъ 20 авг. того же года встрѣчаются сочиненія по эстетикѣ и по русской литературѣ, въ запискѣ же отъ 30 марта 1848 г. упоминается нѣсколько сочиненій по философіи и по литературѣ и, между прочимъ, полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ.

другихъ библіотекъ древнихъ, особенно новгородской и петербургской епархій. „Принимая во вниманіе", писалъ далѣе преосв. Макарій, „что а) новгородская софійская библіотека весьма богата и собственными рукописями, б) рукописи 2 и 3 реестра (319), за исключеніемъ 17, принадлежавшихъ и прежде софійской библіотекѣ, взяты изъ другихъ духовныхъ библіотекъ; в) оставаясь въ новгородской софійской библіотекѣ, эти рукописи и не могли и не могутъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, приносить для отечественной исторіи той пользы, какую могли бы принести, если бы помѣщались при одномъ изъ высшихъ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, какова напр. Академія С.-Петербургская, гдѣ и наставники и воспитанники при общемъ сочувствіи въ настоящее время къ трудамъ историческимъ, могли бы воспользоваться столь богатыми пособіями для разработки разныхъ частей нашей церковной исторіи; г) что въ числѣ этихъ 402 рукописей—26 значатся взятыми изъ библіотеки александро—невской семинаріи, которая вскорѣ (именно въ 1767 г.) переименована въ Академію, а прочія 279 рукописей изъ разныхъ духовныхъ библіотекъ собственно здѣшняго края,—предлагаю Академическому Правленію ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о перемѣщеніи означенныхъ 302 рукописей, изъ новгородской—софійской библіотеки въ библіотеку С.-Петербургской духовной Академіи" [1]). Ходатайство, согласно предложенію преосв. Макарія, было возбуждено тогда же, но, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ мысль преосв. Макарія была осуществлена не скоро, уже по оставленіи имъ Академіи [2]).

---

[1]) См. арх. С.-Петербургской д. Акад. по внутр. Правл. Журн. за 21 февр. 1853 г.

[2]) Г. Рыбаковъ, очевидно, сообщаетъ не точное свѣдѣніе въ своихъ воспоминаніяхъ о преосв. Макаріи, когда говоритъ: „въ наше время академическая библіотека обогатилась даровымъ пріобрѣтеніемъ многочисленныхъ древнихъ рукописей, которыя просто, говорятъ, валялись во главѣ Софійскаго собо

Потерпѣвъ здѣсь неудачу, преосв. Макарій началъ принимать другія мѣры къ пополненію рукописной академической библіотеки. Но къ немалому его огорченію, онъ встрѣтилъ сильнаго соперника себѣ въ этомъ дѣлѣ въ лицѣ архіепископа казанскаго Григорія, „Самъ я“, писалъ преосв. Макарій 18 мая 1854 года архіеп. Иннокентію, „нѣсколько мѣсяцевъ сряду почти исключительно занимался разсмотрѣніемъ книгъ и рукописей синодальной библіотеки и поступившихъ въ нее изъ министерства внутреннихъ дѣлъ: книги были привозимы ко мнѣ въ ящикахъ, и я пересмотрѣлъ ихъ до трехъ тысячъ (книги все раскольническія) и отобралъ было для миссіонерскихъ отдѣленій до пятисотъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій. Но что же? Не успѣлъ я еще донести объ нихъ Св. Синоду, какъ преосв. Григорій, разумѣется, по праву сильнаго, взялъ у меня большую часть этихъ книгъ и рукописей, говоря, что они нужны ему и для казанской Академіи, а въ здѣшней-де много и своихъ рукописей.... Мое дѣло повиноваться; только жаль, изъ за чего же я убилъ столько времени. Надобно, впрочемъ, сказать, что между рукописями почти всѣ ничтожныя. Выдано также было мнѣ изъ суммъ Св. Синода 500 руб, для покупки раскольническихъ рукописей, и я съ величайшимъ трудомъ накупилъ ихъ до 15-ти весьма важныхъ, платя за каждый изъ сборниковъ по 20, 30, 40 и даже 50 р. сер. А теперь нарочно медлю представлять объ этомъ Св. Синоду, пока не отъѣдетъ на епархію преосв. Григорій: боюсь, какъ бы онъ и всѣ эти рукописи не ото-

---

ра въ Новгородѣ и которыя, по распоряженію новгородскаго и петербургскаго митрополита Никанора, вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго Макарія, изъ Новгорода были привезены къ намъ въ Академію“. (См. у Рыбакова Прав. Обозр 1883 г. т. 2 стр. 547). Въ дѣйствительности это случилось послѣ Макарія, именно 27 октября 1858 г., когда Св. Синодъ, по ходатайству м. Григорія, разрѣшилъ передать новгородскую софійскую библіотеку въ вѣдѣніе С.-Петербургской д. Академіи. См. у И. Чистовича, С.-Петербургская д. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ С.П.Б. 1889 г. стр. 97.

бралъ себѣ. Въ такомъ случаѣ я готовъ бы лучше за нихъ свои деньги заплатить, возвративъ выданныя изъ Св. Синода. Дѣло въ томъ, что теперь, когда раскольники здѣшніе узнали о возложенной на меня порученности покупать ихъ рукописи, въ Петербургѣ невозможно ни за какія деньги доставать ихъ; и я большею частію покупалъ ихъ въ Москвѣ черезъ людей сторонних[ъ]“ [1]).

Нельзя не упомянуть еще объ одной реформѣ по духовно-учебной части—реформѣ, введенной по иниціативѣ преосв. Макарія. Эта реформа на первый взглядъ можетъ показаться малою. Но въ дѣйствительности она имѣла весьма важное значеніе для наставниковъ и студентовъ того времени. Въ то время лекціи въ Академіи продолжались каждая по $1^1/_2$ часа. Такая продолжительность лекцій, какъ мы знаемъ изъ писемъ преосв. Макарія [2]), была введена въ С.-Петербургской духовной Академіи въ 1843 году, а до того времени каждая лекція продолжалась 2 часа. Не только двухчасовыя, но даже и полуторачасовыя лекціи были крайне обременительны какъ для наставниковъ, такъ и для студентовъ. Преосв. Макарій по собственному опыту зналъ, какъ тяжело доставались для наставниковъ полуторачасовыя лекціи. Поэтому, съ $185^5/_6$ учебнаго года, по его предложенію и съ разрѣшенія м. Никанора и Св. Синода, въ Петербургской Академіи были введены часовыя лекціи, которыя продолжались 9—1 ч. и 3—4 по полудни [3]).

Дѣятельность преосв. Макарія въ области академической экономіи, безъ сомнѣнія, ограничивалась и парализовалась крайне скудными средствами, которыя тогда отпускались на содержаніе Академій. Въ это время еще дѣйствовали оклады по штатамъ

---

[1]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I. стр. 812—813.

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 8.

[3]) См. у И. Чистовича С.-Петербургская дух. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ С.ПБ. 1889 г. стр. 72.

1836 года. По этимъ штатамъ отпускались крайне несоотвѣтственныя съ потребностями времени суммы на содержаніе Академіи. Мы знаемъ изъ писемъ Макарія, что еще въ 1842 году раздавались жалобы среди членовъ академическихъ корпорацій на скудость содержанія. А съ того времени успѣло уже пройти цѣлое десятилѣтіе безъ всякаго улучшенія матеріальной стороны въ жизни духовныхъ Академій. Уже въ предпослѣдній годъ своего служенія въ ректорской должности преосв. Макарій горько сокрушался о матеріальной бѣдности и выражалъ желаніе скорѣйшаго улучшенія матеріальной стороны духовно-учебныхъ заведеній. „Теперь, съ наступленіемъ вожделѣннаго мира“, писалъ онъ 19 апрѣля 1856 года преосв. Иннокентію, „все внутреннее у насъ начинаетъ двигаться впередъ; только и слышно, что о новыхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ по разнымъ отраслямъ государственной жизни; что-то послѣдуютъ ли какія перемѣны и улучшенія по нашей бѣдной духовно-училищной части? Пойдемъ-ли и мы вмѣстѣ съ другими впередъ на пути просвѣщенія, или намъ суждено оставаться въ прежней неподвижности, полумертвенности? Дай Господи всего лучшаго“! [1]). Однакоже улучшеніе послѣдовало нескоро и все время ректорскаго служенія преосв. Макарія прошло при старомъ порядкѣ вещей.

Преосв. Макарій, прошедшій всѣ ступени служебной академической іерархіи и близко знавшій бытъ студенческій, не могъ, конечно, не желать нѣкоторыхъ улучшеній въ матеріальномъ положеніи академическихъ наставниковъ и воспитанниковъ. И не его, конечно, вина была, если онъ не могъ сдѣлать здѣсь такихъ важныхъ улучшеній, какъ напр., въ учебной и нравственно-воспитательной части академической жизни. Онъ дѣлалъ то, что можно было и что позволяли обстоятельства. Улучшеніе матеріальнаго быта наставниковъ

[1]) См. Хрит. Чтен. 1884 г. т. I. стр. 817.

Академіи всецѣло зависѣло тогда отъ скораго движенія по службѣ. И мы знаемъ, что преосв. Макарій, съ своей стороны, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы достойныхъ наставниковъ возможно скорѣе возводить на степень ординарныхъ профессоровъ. Другое средство къ улучшенію матеріальнаго быта наставниковъ состояло въ болѣе или менѣе равномѣрномъ распредѣленіи сторонних должностей и занятій, кромѣ профессорскихъ, между всѣми наставниками Академіи. Въ этомъ отношеніи преосв. Макарій наблюдалъ полнѣйшее безпристрастіе и никогда не позволялъ себѣ лицепріятія или другихъ какихъ либо побужденій несправедливости. Для того, чтобы въ этомъ убѣдиться, слѣдуетъ только прослѣдить распредѣленіе посторонних должностей въ его время между наставниками Академіи. Независимо отъ этого преосв. Макарій представлялъ нѣкоторыхъ наставниковъ къ наградамъ, преимущественно денежнымъ. Такъ, напр., 5 сент. 1852 года онъ входилъ въ Академическое Правленіе съ запискою слѣдующаго содержанія: „баккалавръ Академіи по классу сравнительнаго богословія іером. Никаноръ отлично—усернымъ прохожденіемъ какъ должности баккалавра, такъ и должности помощника инспектора, обращаетъ на себя милостивое вниманіе начальства. Посему не благоугодно ли будетъ Академическому Правленію ходатайствовать о сопричисленіи его къ соборнымъ іеромонахамъ здѣшней Александро-Невской Лавры съ производствомъ положеннаго по сему званію оклада“ [1]). Академическое Правленіе возбудило ходатайство, и іером. Никаноръ былъ удостоенъ означеннаго званія, съ которымъ было связано ежегодное полученіе 33 р. 23 к. [2]). 4 августа того же 1852 года скончался ординарный профессоръ церковной словесности Д. Ѳ. Вознесенскій, оставивъ семью

[1]) См. арх. С.-Петербургской д. Акад. по Внутр. Правл. за 1852 г Журн. № 13.

[2]) См. у И. Чистовича Спб.-ская д. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ 1889 г. СПБ. стр. 103.

безъ всякихъ средствъ. По ходатайству преосв. Макарія, Академическое Правленіе отпустило изъ своихъ скудныхъ средствъ 200 р. на погребеніе покойнаго и исходатайствовало дочери его $^1/_3$ пенсіи, не смотря на то, что профессоръ Вознесенскій не выслужилъ положеннаго числа лѣтъ [1]). Въ томъ же году по болѣзни уволился ординарный профессоръ по каѳедрѣ физико-математическихъ наукъ Д. И. Ростиславовъ. Академическое Правленіе, по предложенію преосв. Макарія, исходатайствовало отставному профессору полную пенсію, не смотря опять таки на то, что онъ не выслужилъ установленнаго числа лѣтъ [2]). Намъ уже извѣстно, какъ благодаренъ былъ проф. Ростиславовъ преосв. Макарію за его благородное ходатайство [3]). 13 іюня 1854 года преосв. Макарій докладывалъ Академическому Правленію, что экстраординарный профессоръ Моисей Голубевъ въ $185^3/_4$ г. вполнѣ добросовѣстно занимался преподаваніемъ англійскаго языка и предлагалъ ходатайствовать предъ высшимъ начальствомъ о награжденіи проф. Голубева за этотъ безмездный трудъ его: предложеніе преосв. Макарія было принято, и ходатайство Правленія было удовлетворено [4]). 27 октября 1856 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи шести новыхъ каѳедръ въ Академіи, въ томъ числѣ двухъ ординарныхъ, „для достаэленія“, какъ говорилось въ этомъ повелѣніи, „всѣмъ духовнымъ Академіямъ средствъ къ успѣшному дѣйствованію по предмету, какъ общаго, такъ и спеціальнаго образованія духовныхъ воспитанниковъ“. Это была въ высшей степени благодѣтельная не только въ ученомъ, но и въ матеріальномъ отношеніи мѣра. Преосв. Макарій не замедлилъ

---

[1]) См. арх. Спб-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1852 г. дѣло № 5.

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1852 г. дѣло № 9.

[3]) См. письма къ преосв. Макарію въ оттискахъ изъ Русск. Стар т. т. 74—76 стр. 203—204.

[4]) См. арх. Спб-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. Журн. за 13 окт. 1854 года.

воспользоваться ею, чтобы прити на помощь стѣсненному матеріальному положенію наставниковъ. Когда извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи получилось въ Академіи, то преосв. Макарій тогда же (6 марта 1857 г.) предложилъ экстраординарныхъ профессоровъ Ловягина и Голубева сдѣлать ординарными; 8 апрѣля его предложеніе уже было утверждено Св. Синодомъ [1]).

Принималъ мѣры преосв. Макарій и къ улучшенію быта студентовъ Академіи. Между прочимъ, по его ходатайству, съ 1855 года студентамъ начали утромъ и вечеромъ подавать чай съ бѣлымъ хлѣбомъ [2]) Преосв. Макарій также необыкновенно внимательно слѣдилъ за чистотою жилыхъ студенческихъ помѣщеній и за хорошимъ качествомъ студенческаго стола. „Въ учебное время, разсказываетъ г. Рыбаковъ, „разъ въ мѣсяцъ, въ воскресный или праздничный день послѣ литургіи въ академической церкви преосвященный Макарій, въ сопровожденіи инспектора Академіи архимандрита Кирилла, помощниковъ инспектора, экстраординарныхъ профессоровъ: соборнаго іеромонаха Никанора, Илларіона Алексѣевича Чистовича (впослѣдствіи тайный совѣтникъ, управляющій контролемъ при Св. Синодѣ, докторъ философіи) и эконома баккалавра Ивана Васильевича Чельцова (скончался въ званіи ординарнаго профессора Академіи, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника), обозрѣвалъ студенческую половину Академіи—наши жилыя комнаты и спальни, затѣмъ сходилъ въ столовую, гдѣ послѣ молитвы, пропѣтой студентами предъ началомъ обѣда, у пробнаго стола его преосвященство возглашалъ: „Христе Боже, благослови ястіе и питіе рабомъ твоимъ“. На пробномъ столѣ всегда во время нашего обѣда ставились кушанья студенческаго стола въ из-

[1]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1857 г. дѣло № 24.

[2]) См. у И. Чистовича Спб-ская дух. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ СПБ. 1889 г. стр. 73.

вѣстный день. На каждую недѣлю составлялось старшими—студентами росписаніе кушаньевъ, которое утверждалось подписомъ преосвященнаго ректора и потомъ вывѣшивалось въ столовой. Пища приготовлялась отдѣльно для обѣда и отдѣльно для ужина и, отличаясь разнообразіемъ, постоянно была вполнѣ удовлетворительною. Академическая жизнь наша находилась въ самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ, отчего и усиленныя занятія науками не могли истощить физическихъ силъ даже и некрѣпкихъ здоровьемъ студентовъ. Питомцы Петербургской духовной Академіи, конечно, съ признательностію вспоминаютъ о попечительности преосв. Макарія“ [1]).

Такова была собственно ректорская дѣятельность преосв. Макарія. По общему признанію, онъ все время своего ректорства управлялъ Академіею съ рѣдкимъ успѣхомъ и великою славою [2]). Съ полною справедливостію историкъ С.-петербургской д. Академіи вмѣняетъ преосв. Макарію въ заслугу то, что онъ воспиталъ цѣлый сонмъ замѣчательныхъ русскихъ архипастырей и не менѣе выдающихся ученыхъ и другихъ дѣятелей, съ честію и усердіемъ трудившихся и трудящихся на разнообразныхъ поприщахъ церковнаго и общественнаго служенія [3]). Сохранившееся до нынѣ живое преданіе С.Петербургской духовной Академіи отмѣчаетъ время ректорства преосв. Макарія, какъ эпоху строжайшаго режима и порядка во всемъ. Преосв. Макарій, передаютъ, правилъ Академіею весьма самостоятельно.

Два ближайшіе предшественника преосв. Макарія по должности ректора С.-Петербургской духовной Академіи были только высшими администраторами и не занимали профессор-

---

[1]) См. Прав. Обозр. 1883 г. т. 2. стр. 538.

[2]) См. у И. Чистовича Спб—ская д. Акад за послѣднія 30 лѣтъ. СПБ. 1889 г. стр. 2—4; у преосв. Никанора. Уфимск. Епарх. Вѣд. 1882 г. № 15 у Н. Барсова въ Русск. Стар. 1883 г. т. 38 стр. 671 и др.

[3]) См. у И. Чистовича. Спб-ск. дух. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ СПБ. 1889 г. стр. 2.

скихъ каѳедръ. Преосв. Макарій не послѣдовалъ ихъ примѣру. Онъ такъ любилъ профессорское званіе, что не оставилъ его, и сдѣлавшись ректоромъ и епископомъ. Въ теченіе $185^{1}/_{3}$ учебнаго курса преосв. Макарій преподавалъ введеніе въ православное богословіе и догматическое богословіе, въ теченіе же слѣдующихъ двухъ учебныхъ курсовъ ($185^{3}/_{5}$ и $185^{5}/_{7}$)—догматическое богословіе всѣмъ студентамъ высшаго отдѣленія и исторію русскаго раскола студентамъ миссіонерскаго противораскольническаго отдѣленія.

Введеніе въ Православное Богословіе преосв. Макарій преподавалъ студентамъ XX курса С.-Петербургской духовной Академіи ($185^{1}/_{3}$ г.) по своей печатной, уже извѣстной намъ, программѣ. Программа, представленная имъ къ іюньскимъ испытаніямъ 1853 [1]) года, буквально совпадаетъ съ программой, по какой написано „Введеніе въ Православное Богословіе“ преосв. Макарія съ сохраненіемъ всѣхъ подраздѣленій и даже заглавій каждаго отдѣла, главы и параграфа. Только недостатокъ времени заставилъ, вѣроятно, преосв. Макарія сдѣлать въ программѣ чтеній его по „Введенію въ Православное Богословіе“ студентамъ XX курса нѣкоторые пропуски. Имъ пропущены были именно: а) вторая глава втораго отдѣла первой части системы, гдѣ должна была идти рѣчь „о божественномъ происхожденіи ветхозавѣтнаго откровенія“, и б) первая глава перваго отдѣла второй части системы, гдѣ профессоръ долженъ былъ излагать ученіе „объ исторической важности или достовѣрности книгъ св. Писанія“.

Программа, по какой преподавалъ преосв. Макарій догматическое богословіе студентамъ XIX курса (въ теченіе второй половины 1851 учебнаго года), XX, XXI и XXII курсовъ, въ общемъ оставалась тою же самою, по какой онъ преподавалъ эту науку въ бытность инспекторомъ Академіи [2]).

[1]) См. арх. Спб-ской дух. Акад. по Внутр. Управл. за 1853 г. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ студентовъ.

[2]) См. арх. Спб-ской дух. Акад. по Внутр. Управл. дѣло объ іюньскихъ испытаніяхъ 1851, 1853, 1855, 1857 гг.

Безъ перемѣны остались объемъ и содержаніе программы. Но за то формальная сторона ея подверглась довольно значительнымъ перемѣнамъ. По прежнему программа догматическаго богословія состояла изъ введенія и двухъ частей, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ первой части говорилось о Богѣ въ Самомъ Себѣ (гл. 1-я о Богѣ единомъ по существу, гл. 2-я о Богѣ троичномъ въ лицахъ), а во второмъ отдѣлѣ ея—о Богѣ въ общемъ отношеніи Его къ міру и человѣку (гл. 1-я о Богѣ, какъ Творцѣ, гл. 2-я о Богѣ, какъ Промыслителѣ); въ первомъ отдѣлѣ второй части говорилось о Богѣ Спасителѣ (гл. 1-я о Богѣ, какъ Спасителѣ нашемъ вообще, гл. 2-я—о Господѣ нашемъ І. Христѣ въ особенности) и во второмъ отдѣлѣ—о Богѣ Спасителѣ въ Его особенномъ отношеніи къ человѣческому роду (гл. 1-я—о Богѣ, какъ Освятителѣ, гл. 2-я—о Богѣ какъ Судіи и Мздовоздателѣ). Такова въ общемъ видѣ программа догматическихъ чтеній преосв. Макарія за время ректорства. При сохраненіи прежняго объема и содержанія ея, въ изложеніи и распредѣленіи отдѣльныхъ частей и главъ мы видимъ здѣсь довольно значительныя перемѣны и усовершенствованія. Разсмотримъ ближе эти перемѣны и усовершенствованія.

Введеніе и отдѣлъ программы, заключавшій въ себѣ ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ, остались безъ всякихъ рѣшительно перемѣнъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ видимъ такую перемѣну. Раньше преосв. Макарій разсматривалъ догматическое ученіе о твореніи и промыслѣ Божіемъ раздѣльно, т. е. въ различныхъ пунктахъ, но въ то же время и параллельно, т. е. сначала говорилъ о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра духовнаго, потомъ о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра вещественнаго, и, наконецъ, о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра человѣческаго. Въ этомъ, какъ мы уже дважды замѣчали, состояло одно изъ главныхъ отличій программы преосв. Макарія отъ программы его учителя, преосв. Димитрія, у котораго ученіе о твореніи и промыслѣ Божіемъ

разсматривалось— каждое въ особомъ трактатѣ, при чемъ сначала говорилось о твореніи въ отношеніи ко всему вообще міру, а потомъ о промыслѣ, ученіе же объ ангелахъ и человѣкѣ излагалось особо. Въ ректорской программѣ преосв. Макарія видимъ уже совсѣмъ иную постановку. Здѣсь ученіе о твореніи и промыслѣ Божіемъ излагается въ двухъ отдѣльныхъ главахъ, изъ коихъ въ первой говорится о Богѣ, какъ Творцѣ въ отношеніи ко всѣмъ видамъ тварей, а во второй,—о Богѣ, какъ Промыслителѣ также въ отношеніи ко всѣмъ главнымъ видамъ тварей Божіихъ. Чѣмъ объяснить такую перемѣну? Быть можетъ, вліяніемъ программы преосв. Димитрія, которую самъ преосв. Макарій съ теченіемъ времени и на основаніи опыта призналъ болѣе удобною и цѣлесообразною? Нѣтъ, въ данномъ случаѣ преосв. Макарій слѣдовалъ указаніямъ м. Филарета (Дроздова). Мы знаемъ, что конспектъ особаго Комитета по догматическому богословію, редакція котораго несомнѣнно принадлежала Макарію, посылался на разсмотрѣніе м. Филарета. Послѣдній въ своихъ замѣчаніяхъ на конспектѣ догматическаго богословія, между прочимъ, замѣчалъ слѣдующее: „два ученія о твореніи и о промыслѣ въ конспектѣ смѣшаны вмѣстѣ. Это не благопріятствуетъ порядку и ясности. Надлежитъ изложить каждое порознь, какъ обыкновенно поступаютъ богословы. Въ смѣшеніи двухъ ученій о твореніи и промыслѣ вмѣшано третье объ ангелахъ, это также не благопріятствуетъ порядку, и ведетъ къ принужденностямъ и несообразностямъ“ [1]). Однако Комитетъ почему-то не согласился съ мнѣніемъ м. Филарета и въ исправленномъ конспектѣ догматическаго богословія оставилъ ученіе о твореніи и промыслѣ Божіемъ въ прежнемъ „смѣшанномъ“ видѣ. Это крайне не понравилось м. Филарету и онъ написалъ по этому поводу слѣдующее: „въ прежнихъ замѣчаніяхъ сказано, что смѣшеніе двухъ ученій *о твореніи и промыслѣ* не благопріятствуетъ порядку и ясности, а также

[1]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета т. 3 стр. 130.

и смѣшеніе между ними третьяго ученія объ *ангелахъ*. Не представляется причины отказаться отъ сего мнѣнія; такъ какъ и составителями конспекта не представлено ничего въ опроверженіе онаго. Конспектъ говоритъ о ангелахъ, что Богъ *даровалъ имъ бытіе*, о мірѣ видимомъ: *даровалъ ему бытіе*, о человѣкѣ—*даровалъ ему бытіе*,—трижды одно и то же, и при томъ такъ, что трикратное повтореніе одного понятія о твореніи перебивается понятіями о промыслѣ; а также о промыслѣ одно и то же говорится въ четырехъ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ, о ангелахъ: *сохраняетъ ихъ бытіе*, о мирѣ видимомъ: *сохраняетъ его бытіе*; о человѣкѣ первозданномъ: *промышлялъ о сохраненіи его*, о родѣ человѣческомъ: *промышляетъ о сохраненіи частныхъ лицъ* и пр. Идея *сохраненія* могла быть представлена однажды съ однимъ общимъ доказательствомъ: но по конспекту, она, повторяясь четырежды, не требуетъ повторенія и доказательства, и при томъ перебивается промежуточными понятіями о твореніи. Кажется, изъ сего примѣра довольно усмотрѣть можно, что смѣшеніе двухъ ученій не благопріятствуетъ порядку“ [1]). Это было писано 2 сентября 1845 года. Однакоже и послѣ того въ программахъ Макарія мы видимъ параллельное изложеніе догматическаго ученія о твореніи и промыслѣ по различнымъ пунктамъ. Только въ программѣ XIX курса мы видимъ тотъ именно порядокъ въ изложеніи этого ученія, какого требовалъ м. Филаретъ. Согласно указаніямъ м. Филарета, преосв. Макарій отдѣлилъ ученіе о промыслѣ Божіемъ отъ ученія о твореніи Божіемъ, при чемъ въ ученіи о твореніи Божіемъ помѣстилъ и трактатъ о первобытномъ состояніи и паденіи рода человѣческаго, тогда какъ прежде этотъ трактатъ относился къ ученію о Промыслѣ Божіемъ. Чѣмъ руководился преосв. Макарій въ этомъ допущеніи послѣдней перемѣны въ своей программѣ, не можемъ сказать.

Вторая часть догматической программы была значитель-

[1]) См. тамъ же стр. 156.

но преобразована со стороны формальной преосв. Макаріемъ въ бытность его ректоромъ Академіи. Теперь эта часть была раздѣлена на два отдѣла. Въ первый отдѣлъ вошло ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ. Первую главу отдѣла составили предварительныя свѣдѣнія, гдѣ говорилось о необходимости Божественной помощи для возстановленія падшаго человѣка, средствѣ, избранномъ для этого, участіи всѣхъ лицъ Пресв. Троицы въ искупленіи человѣческаго рода и сюда же отнесенъ былъ трактатъ о приготовленіи рода человѣческаго ко спасенію, который занималъ прежде другое мѣсто въ программѣ, слѣдуя за ученіемъ о лицѣ Спасителя нашего. Вторую же главу этого отдѣла составило ученіе о Лицѣ Господа І. Христа, о единствѣ Ѵпостасей во І. Христѣ и о совершеніи Господомъ І. Христомъ нашего спасенія, или таинствѣ искупленія (о троякомъ служеніи Спасителя), при чемъ сравнительно съ прежней программою отсутствовалъ цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ: „о двоякомъ состояніи Господа нашего І. Христа“. Наконецъ, второй отдѣлъ второй части подъ заглавіемъ: „о Богѣ Спасителѣ въ его особомъ отношеніи къ человѣческому роду“ являлся, повидимому, новымъ въ ректорской программѣ преосв. Макарія по догматическому богословію. Но на самомъ дѣлѣ онъ составился изъ трактатовъ, входившихъ по прежней программѣ въ ученіе о совершеніи Господомъ І. Христомъ нашего спасенія, или о троякомъ служеніи нашего Спасителя. Въ первой главѣ этого отдѣла говорилось о Богѣ, какъ Освятителѣ, или частнѣе, о св. Церкви, чрезъ которую Господь совершаетъ наше спасеніе, о благодати Божіей, какъ силѣ освящающей насъ, и святыхъ таинствахъ, какъ средствахъ, чрезъ которыя сообщается намъ благодать Божія, а вторую главу того же отдѣла составило ученіе о Богѣ, какъ Судіи и Мздовоздаятелѣ, гдѣ говорилось о судѣ и мздовоздаяніи частномъ и о судѣ и мздовоздаяніи всеобщемъ.

Одну изъ отличительныхъ особенностей ректорской программы преосв. Макарія по догматическому богословію со-

ставляетъ введеніе въ программу особыхъ трактатовъ подъ заглавіями: „нравственное приложеніе догмата“, которыми теперь сопровождалось изложеніе всякаго отдѣльнаго догмата. Въ прежнихъ программахъ преосв. Макарія этихъ трактатовъ не было.

Такъ окончательно образовалась программа догматическаго богословія у преосв. Макарія, по которой написана и извѣстная догматическая система его. Если мы сравнимъ самую первоначальную программу, по какой баккалавръ іером. Макарій преподавалъ догматику XV курсу студентовъ Спб-ской дух. Академіи, съ программою чтеній по догматикѣ за время ректорства преосв. Макарія, то увидимъ между ними значительное различіе. Уже одно это достаточно ясно говоритъ, насколько преосв. Макарій былъ самостоятеленъ въ его работахъ надъ тою программою, по какой была написана его догматическая система.

Исторію русскаго раскола преосв. Макарій преподавалъ студентамъ миссіонерскаго отдѣленія въ теченіе $185^3/_6$ и $185^5/_7$ учебныхъ курсовъ по слѣдующей программѣ [1]). За предварительными свѣдѣніями, гдѣ, между прочимъ, устанавливалось дѣленіе исторіи русскаго раскола на два періода, слѣдовало изложеніе исторіи раскола въ первый періодъ. Здѣсь именно говорилось о началѣ раскольническихъ мнѣній въ XV в. (гл. 1-я), умноженіи и усиленіи раскольническихъ мнѣній въ первой половинѣ XVI вѣка (гл. 2-я), покушеніи возвести нѣкоторыя изъ раскольническихъ мнѣній на степень догматовъ около половины XVI вѣка, во дни Стоглаваго собора, значеніи книги: Стоглавъ (гл. 3-я) и объ окончательномъ утвержденіи главныхъ раскольническихъ мнѣній къ концу XVI вѣка, особенно въ первой половинѣ XVII в., чрезъ внесеніе ихъ въ печатныя церковно-богослужебныя книги, при чемъ излагался

[1]) Мы имѣли подъ руками литографированную программу чтеній преосв. Макарія по исторіи русскаго раскола, сохранившуюся въ его бумагахъ.

и самый взглядъ на эти книги (гл. 4-я). Исторія русскаго раскола во второй періодъ его существованія излагалась въ пяти главахъ, изъ коихъ въ первой говорилось объ исправленіи церковныхъ книгъ и началѣ раскола, во второй—объ открытомъ возстаніи раскола противъ власти церковной и гражданской: мятежахъ соловецкомъ и стрѣлецкомъ, въ третьемъ—о распространеніи раскола, раздѣленіи его на секты и судьбахъ секты безпоповщинской, въ четвертой—излагалась исторія секты пововщинской, въ пятой—говорилось о мѣрахъ власти церковной и гражданской противъ раскола; сознаніи самими раскольниками нужды въ епископѣ и своихъ заблужденій и о церкви единовѣрческой. По этой же самой программѣ, какъ увидимъ, преосв. Макарій написалъ въ 1855 году и свое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства“.

Собственно о профессорской, или точнѣе о преподавательской дѣятельности преосв. Макарія мы имѣемъ слѣдующее краснорѣчивое свидѣтельство одного изъ учениковъ его. „Преосвященный Макарій“, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ г. Рыбаковъ, „такъ любилъ профессорское званіе, что не оставилъ его въ академіи и по принятіи сана архіерейскаго. Профессоръ—епископъ имѣлъ въ недѣлю двѣ лекціи по догматическому богословію, каждый разъ аккуратно приходилъ въ аудиторію и, осѣнивъ студентовъ архіерейскимъ благословеніемъ (при чемъ студенты пѣли ему: εἰς πολλὰ ἔτη Δέσποτα), по снятіи клобука, ходя по классу, говорилъ до звонка. Рѣчь его, проникнутая силою убѣжденія, лилась обильнымъ потокомъ и производила на слушателей глубокое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что лекціи преосв. Макарія всегда имѣли характеръ живой, увлекательной бесѣды, не нуждавшейся ни въ какихъ тетрадяхъ или запискахъ. Такъ, т. е. экспромптомъ, всегда онъ говорилъ и проповѣди, при чемъ, конечно, имъ предварительно былъ строго обдуманъ планъ и вполнѣ изучена тема. Простота и изящество въ словѣ, свобода и одуше-

вленіе въ произношеніи были свойственны преосв. Макарію и на церковной и на профессорской каѳедрахъ“ [1]).

Въ бытность свою ректоромъ Академіи, преосв. Макарій имѣлъ еще болѣе другихъ должностей, кромѣ профессорской, чѣмъ сколько онъ имѣлъ ихъ, будучи инспекторомъ. Такъ, преосв. Макарій въ годы своего ректорскаго служенія состоялъ 1) редакторомъ академическаго журнала: „Христіанское чтеніе“, 2) главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ, въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, 3) членомъ Главнаго Правленія училищъ, 4) ординарнымъ Академикомъ Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, 5) Предсѣдателемъ Комитета для изданія краткихъ духовно-нравственныхъ книгъ, назначенныхъ въ чтеніе простому народу, и 6) членомъ временной С.-Петербургской Синодальной Конторы. Разсмотримъ частнѣе дѣятельность преосв. Макарія по всѣмъ этимъ должностямъ и званіямъ.

Редакторство въ „Христіанскомъ Чтеніи“ было неразрывно связано съ должностію ректора Академіи. Этотъ по. слѣдній, по самому званію своему, бывалъ главнымъ редакторомъ журнала и кромѣ того непосредственно завѣдывалъ третьимъ отдѣломъ его, состоявшимъ изъ проповѣдей и ученo-литературныхъ статей духовно-нравственнаго содержанія [2]). Преосв. Макарій, разумѣется, хорошо понималъ, какая великая отвѣтственность лежала на немъ, какъ на главномъ редакторѣ академическаго журнала. Къ счастію для него, онъ былъ довольно хорошо знакомъ и съ состояніемъ академическаго журнала вообще и, въ частности, съ обязанностями

---

[1]) См. Прав. Об. 1883 г. т. 2 стр. 536—537. Даже самъ проф. Ростиславовъ, утверждавшій, что „между ректорами С.-Петербургской д. Академіи его времени не легко было встрѣтить хорошаго профессора“, считалъ преосв. Макарія „почетнымъ исключеніемъ“ См. Вѣстн. Европы 1872 г. кн. 9 стр. 154.

[2]) См. у И. Чистовича, СПБ-ская дух. Академія за послѣднія 30 лѣтъ С.П.Б. 1889 г. стр. 69.

главнаго редактора, такъ какъ онъ раньше состоялъ цензоромъ академическаго журнала и три раза временно исполнялъ обязанности редактора его. Поэтому, преосв. Макарій вступилъ въ отправленіе своей редакторской должности съ увѣренностію опытнаго человѣка. Первою его заботою было—привлечь лучшихъ сотрудниковъ къ участію въ журналѣ между ними особенно архіепископа Херсонскаго Иннокентія, который до того времени не особенно охотно участвовалъ въ петербургскомъ академическомъ журналѣ [1]). „Позвольте обратиться къ вашему высокопреосвященству“, писалъ ему преосв. Макарій 29 января 1851 года, „съ покорнѣйшею просьбою отъ лица новаго редактора, всѣхъ сотрудниковъ и всѣхъ читателей Христ. Чтенія“,—благоволите по временамъ, какъ бывало во дни оны, украшать журналъ нашъ вашими писаніями. И всѣ, а особенно я, будутъ вамъ тогда сердечно признательны. Сжальтесь, владыко, надъ бѣднымъ „Христіанскимъ Чтеніемъ“ и оживите его вашею бесѣдою“ [2]). Преосв. Иннокентій согласился, и его проповѣди были, дѣйствительно, однимъ изъ самыхъ лучшихъ украшеній академическаго журнала, подъ редакторствомъ преосв. Макарія. Послѣдній иногда даже перепечатывалъ изъ другихъ изданій проповѣди преосв. Иннокентія на страницахъ своего академическаго журнала. „Отъ всей души благодарю Васъ“, писалъ онъ 16 августа 1855 г. архіеп. Иннокентію, „за присланныя вами проповѣди. Я прочелъ ихъ съ умиленіемъ, а послѣднюю, сказанную въ Одессѣ, даже со слезами: говорю по совѣсти. Да и можно ли не прослезиться?... Что за предметъ, что за духъ, что за

---

[1]) См. Церк Вѣсти. 1883 г. № 24. Еще будучи временнымъ редакторомъ „Христ. Чтен.“, Макарій старался привлекать преосв. Иннокентія къ участію въ академическомъ журналѣ. Такъ, 28 генваря 1847 г. онъ писалъ ему; „не оставляйте, ради Бога и вашихъ безчисленныхъ почитателей, надѣлять наше „Христ. Чтеніе“ вашими сладостно-назидательными поученіями. Намъ въ частности это не безкорыстно: что грѣха таить“? См. Христ. Чтен. 1884 г. т. 1, стр. 804.

[2]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I, стр. 811.

краснорѣчіе! Извините, обоими вашими словами я украсилъ сентябрьскую книжку „Христ. Чтенія“ [1]). Кромѣ преосв. Иннокентія, въ Христ. Чтеніи за время редакторства преосв. Макарія, часто помѣщали свои проповѣдническія произведенія другіе архипастыри, напр. Иліодоръ, Елпидифоръ, Анатолій. Наконецъ, къ участію въ академическомъ изданіи преосв. Макарій умѣлъ располагать и привлекать также и своихъ сослуживцевъ—наставниковъ Академіи, при чемъ самъ былъ лучшимъ образцомъ для нихъ, трудясь на ряду и всегда впереди другихъ. Вообще „преосв. Макарій, какъ редакторъ доселѣ издаваемаго при петербургской духовной Академіи „Христіанскаго Чтенія“, дорожилъ репутаціей этого журнала и старался придать ему характеръ общеполезнаго изданія привлеченіемъ къ совмѣстному участію въ немъ академическаго персонала. Профессора и баккалавры дѣлились съ публикой тѣмъ матеріаломъ, который они обычно дѣлали достояніемъ своихъ слушателей. Чрезъ это достигалась польза отъ лекцій вдвойнѣ. Свѣтъ науки былъ доступенъ не однимъ посѣтителямъ академическихъ аудиторій, а помогалъ болѣе быстрому движенію впередъ и той части общества, которая или давно оставила стѣны академіи, или совсѣмъ туда не заглядывала. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ много помогали такія популяризаціи нѣкоторыхъ частей богословско-исторической науки. Статьи преосв. Макарія по изяществу отдѣлки какъ перлы блещутъ въ Христіанскомъ Чтеніи того времени. Читая другія сочиненія, рѣдко испытываешь такую легкость и удобство пониманія, какое чувствуется при чтеніи трудовъ преосв. Макарія. Виною этого служатъ стройность и порядокъ, которые составляютъ отличительную особенность этого знаменитаго писателя“ [2]). Въ качествѣ редактора журнала пре-

---

[1]) См. тамъ же стр. 816.

[2]) См. Прав. Обозр. 1883 г. т. 2 стр. 537.

осв. Макарій принималъ мѣры къ улучшенію его программы и къ болѣе цѣлесообразному распредѣленію отдѣловъ. Такъ, по его предложенію и съ разрѣшеніи Св. Синода отъ 30 іюня 1854 года съ 1855 года во второмъ отдѣлѣ журнала „Христіанское Чтеніе“ стали помѣщаться переводы писаній св. отцовъ и учителей церкви греческой, относящихся къ истолкованію православнаго богослуженія. Преосв. Макарій самъ же составилъ и списокъ этихъ писаній, въ который вошли: 1) Діонисія ареопагита—книга церковной іерархіи, 2) Максима исповѣдника толкованіе на книгу Діонисія археопалита и тайноводство, или изложеніе литургіи, 3) Софронія іерусалимскаго—объ одеждахъ и литургіи, 4) Германа Константинопольскаго—созерцаніе вещей церковныхъ, 5) Сумеона Солунскаго—книга о храмѣ и таинствахъ и 6) Николая Кавасилы—изъясненіе литургіи и др. [1]).

Должность главнаго редактора, кромѣ обыкновенныхъ затрудненій и заботъ, съ которыми она неизбѣжно связана и на которыя жаловались предшественники преосв. Макарія [2]), доставляла этому послѣднему еще особенныя непріятности. Дѣло въ томъ, что въ 1851 году при Св. Синодѣ былъ учрежденъ особый секретный комитетъ для наблюденія за дѣйствіями духовной цензуры. Съ этимъ-то комитетомъ, или правильнѣе съ членомъ его Сербиновичемъ и приходилось нерѣдко имѣть непріятныя сношенія преосв. Макарію. „Помнимъ памятью очевиднаго (очевидца?) свидѣтеля“, говоритъ проф. Чистовичъ, „какъ не одинъ разъ книжки „Христіанскаго Чтенія“, представленныя, по напечатаніи и сброшюрованіи, К. С. Сербиновичу, возвращаемы были съ приказаніемъ исключить ту или другую статью (почему-то такому цензурному остракизму подвергались всего чаще относящіяся

[1]) См. арх. С.-Петерб. дух. Акад. по Внутр. Правл за 1854 г. дѣло № 18 ср. у И. Чистовича. С.-Петер. дух. Акад. за послѣднія 30 лѣтъ. С.П.Б. 1889 г. стр. 68—69.

[2]) См. Прибавл. къ Твор. св. о.о. 1886 г. кн. II стр. 776.

къ церковному праву статьи архимандрита Іоанна), и забракованная статья замѣнялась другою, а не то книжка разсылалась съ слѣдами вырѣзанной статьи[1]).

Званіе главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ также было связано съ должностію ректора Академіи, и это званіе преосв. Макарій наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ—Аѳанасія и Евсевія. Должность главнаго наблюдателя была учреждена по Высочайшему повелѣнію въ 1844 году „для надлежащаго единства въ направленіи преподаванія Закона Божія“ въ названныхъ выше заведеніяхъ столицы. Преосв. Макарій былъ собственно высшимъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія и подъ его начальствомъ находились другія образованнѣйшія и почетнѣйшія лица изъ монашествующаго и бѣлаго духовенства столицы, которыя непосредственно уже слѣдили за преподаваніемъ закона Божія по разнымъ учебнымъ вѣдомствамъ—военному, министерства народнаго просвѣщенія и воспитательнымъ учрежденіямъ. Кромѣ того, съ 1850 года, независимо отъ другихъ помощниковъ главнаго наблюдателя, былъ назначенъ еще особый визиторъ по закону Божію для всѣхъ гимназій и казенныхъ училищъ столицы. Наконецъ, послѣ возложенія на законоучителей преподаванія логики и психологіи, эти предметы также были поручены надзору главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Обязанность главнаго наблюдателя, повидимому, была несложна и нетрудна. Однакоже въ дѣйствительности эта должность была едва-ли не самой затруднительной и нежелательной изъ всѣхъ посторонніхъ должностей, какія исполнялъ преосв.

[1]) См. у И. А. Чистовича, Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія СПБ. 1894 г. стр. 356—357. Секретный Комитетъ былъ закрытъ, по Высочайшему повелѣнію, 24 февраля 1859.

Макарій. Преосв. Макарію она должна была не нравиться больше всего тѣмъ, что она имѣла мало общаго съ главною его должностію и больше всего отвлекала его отъ кабинетныхъ ученыхъ работъ. Но преосв. Макарій былъ терпѣливъ и обладалъ рѣдкою способностію располагать временемъ. Предшественникъ же его по званію главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, преосв. Евсевій, положительно изнемогалъ подъ бременемъ этой должности. „Дивитесь Вы“, писалъ онъ 25 марта 1847 года, т. е. вскорѣ по вступленіи въ должность, А. В. Горскому, „дивитесь Вы, почему стращаетъ меня отношеніе къ заведеніямъ?[1]). А я немного дивлюсь, какъ Вамъ не представляется очевидною трудность сего дѣла! Представьте 160 заведеній, представьте: „если надзиратель имѣетъ какое нибудь значеніе, то попечителямъ заведеній захочется, чтобы онъ хотя однажды побывалъ въ каждомъ“. А если такъ, то представьте, сколько часовъ для сего надобно отдѣлить, или сколько дней? Еще я не вступалъ въ эту должность, а меня уже осаждаютъ приглашеніями. Кто-же приглашаетъ? Люди, которыхъ надобно принимать съ почтеніемъ. И это понятно. Для этого также нужно время! Но много Вамъ и понять нельзя безъ опытныхъ свѣдѣній. Напр., наставники заведеній по закону Божію представляютъ программы, вновь составленные уроки... говорятъ: прочтите! Посмотрите съ снисхожденіемъ и дозвольте это сдать въ руководство.... Потомъ вотъ такой-то генералъ отъ—инфантеріи

[1]) Въ предыдущемъ письмѣ отъ 27 февраля 1847 года преосв. Евсевій писалъ А. В. Горскому: „вчера былъ у Его сіятельства г. Оберъ-Прокурора. Онъ не скрываетъ, какъ много предстоитъ мнѣ трудовъ самыхъ разносторонних. Самое кажется трудное и неудобоисполнимое дѣло—это надзоръ за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ заведеніяхъ. И мой предмѣстникъ болѣе всего жаловался на этотъ трудъ! Но устранить отъ себя эту обязанность не предвижу никакой возможности. Главное, почему хотѣли имѣть ректора епископа, это доставленіе авторитета благочинному законоучителей, какъ сказалъ одинъ изъ виновниковъ дѣла“. См. Твор. св.св. оо. 1886 г. кн. 2 стр. 701.

при отношеніи присылаетъ проэктъ для преподаванія уроковъ по классамъ и проситъ, разсмотрѣвъ, возвратить съ мнѣніемъ... Теперь, думаю, уже поймете, въ чемъ дѣло!—Послѣдняго примѣра я еще не испыталъ, но вижу въ дѣлахъ моей канцеляріи, въ которой куча большая подобныхъ бумагъ за три или четыре года. Я забочусь, чтобы мнѣ какъ нибудь этотъ трудъ облегчить, раздѣлить съ другими и имѣть сколько нибудь времени для своихъ занятій“ [1]). Въ послѣдующихъ своихъ письмахъ преосв. Евсевій постоянно жаловался на тѣ затрудненія, какія доставляло ему званіе главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ столицы. „Вотъ всю минувшую недѣлю“, читаемъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, „ѣздилъ по заведеніямъ на испытанія. Каждый разъ выѣзжалъ въ 7 часовъ утра и возвращался домой обѣдать не ранѣе 3-го часу по полудни, а разъ, бывши въ двухъ заведеніяхъ, возвратился въ 6 часу. Согласитесь, что это не такъ легко? [2]). „Завтра въ 7 часовъ утра ѣду, буду въ двухъ заведеніяхъ и едва-ли раньше 4-хъ по полудни могу возвратиться домой. Не ропщу и не досадую, а очень тягостно это служеніе.... Можете представить, какъ трудно мнѣ при такихъ обстоятельствахъ взяться пристально за какое нибудь серьезное дѣло“ [3]). „Что-то мнѣ слишкомъ тяжело отъ множества и непрерывности дѣлъ!.. многосложность дѣлъ и отношеній до того развлекаетъ, что не знаешь, за что взяться и на чемъ остановиться. Да и думать некогда: ибо и то надобно и другое также. Тяжело, друже! Помолитесь Господу“ [4]). Но если преосв. Евсевію было тяжело и некогда было даже думать за многосложностію и непрерывностію дѣлъ, преимущественно „внѣшнихъ“,

[1]) См. тамъ же стр. 701.

[2]) См. тамъ же стр. 714.

[3]) См. тамъ же стр. 718.

[4]) См. тамъ же стр. 740. 750 ср. еще стр. 720—721. 731. 753. 775. 794. 817 844.

то какъ-же должно было тяготить званіе главнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ столицы преосв. Макарія, который несъ вдвое болѣе должностей сравнительно съ своимъ предмѣстникомъ? Дѣйствительно, званіе это отнимало много времени у него, но онъ, по обыкновенію, не тяготился имъ, а несъ его безропотно. Въ собственноручной запискѣ о трудахъ своихъ за 1855 годъ преосв. Макарій только замѣчалъ: „какъ главный наблюдатель за преподаваніемъ закона Божія въ столицѣ, присутствовалъ на экзаменахъ во всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для чего употреблялъ много времени и труда, естественно, отвлекавшихъ его отъ ученыхъ занятій“ [1]). Иногда только у него прорывалось слово—жалобы... „Ради Бога извините, владыко святый“, писалъ онъ 19 мая 1853 года преосв. Иннокентію, „что доселѣ не отвѣчалъ вамъ: я въ постоянныхъ разъѣздахъ по экзаменамъ и изнемогаю до крайности“ [2]).

Насколько внимательно относился преосв. Макарій къ своимъ обязанностямъ по званію главнаго наблюдателя за преподаваніемъ закона Божія въ столицѣ, можно видѣть изъ того, что труды его въ этомъ званіи удостоились рѣдкой награды со стороны высшаго начальства. 1-го октября 1853 года преосв. Макарій былъ осчастливленъ полученіемъ слѣдующаго рескрипта на его имя отъ Наслѣдника Цесаревича в. к. Александра Николаевича: „Ваше Преосвященство! Прочитавъ съ удовольствіемъ отзывъ Вашъ объ испытаніяхъ въ Законѣ Божіемъ воспитанниковъ с.-петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній въ минувшемъ $185^2/_3$ учебномъ году, пріятнымъ считаю долгомъ выразить Вамъ искреннюю благодарность за полезное попеченіе Ваше о христіанскомъ обра-

[1]) См. арх. Спб.-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1855 г. № 41.

[2]) См. Христ. Чтен. 1884 г. 1 стр. 811

зованіи Высочайше довѣренныхъ мнѣ питомцевъ военно-учебныхъ заведеній“ [1]).

Членомъ Главнаго Правленія Училищъ преосв. Макарій былъ назначенъ по Высочайшему указу 5 марта 1856 года. Это назначеніе было принято въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія съ радостію и большими надеждами. Извѣщая о назначеніи, министръ А. Норовъ писалъ преосв. Макарію: „не могу при этомъ случаѣ не выразить Вамъ утѣшительной для меня надежды на тѣ благіе плоды, какіе можетъ принести Ваше участіе въ дѣлахъ Главнаго Правленія Училищъ“ [2]). Въ должности Члена Главнаго Правленія Училищъ преосв. Макарій оставался во все время своего ректорскаго служенія.

Въ должности ординарнаго академика Императорской Академіи Наукъ по отдѣлу русскаго языка и словесности преосв. Макарій состоялъ съ 4 ноября 1854 года. Званіе это было не однимъ только почетнымъ отличіемъ, но и дѣйствительною службою. По званію ординарнаго академика, преосв. Макарій долженъ былъ посѣщать засѣданія втораго отдѣленія Академіи Наукъ, которыя обыкновенно происходили по субботамъ въ малой конференцъ—залѣ Академіи съ 10 ч. утра, а также и дѣятельно участвовать въ трудахъ Академіи. Преосв. Макарій во все время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ по возможности неопустительно посѣщалъ засѣданія втораго отдѣленія Академіи Наукъ и весьма дѣятельно участвовалъ въ ученыхъ работахъ его. Въ своемъ мѣстѣ мы будемъ имѣть случай говорить объ этихъ ученыхъ работахъ преосв. Макарія, какъ ординарнаго академика. Здѣсь позволимъ себѣ только замѣтить, что во все время пребыванія своего въ Петербургѣ преосв. Макарій не пропустилъ ни одного засѣданія Отдѣленія, хотя засѣданія происходили 7—10 разъ въ мѣсяцъ. Десять засѣданій отдѣленія

---

[1]) См. Архивъ СПБ-ской Акад. по Внутр. Правл. 1853 г. дѣло № 3.

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. 1856 г. дѣло № 31.

за время отъ 4 марта 1855 года до мая 1857 г. было посвящено слушанію рефератовъ преосв. Макарія [1]).

Слѣдующія слова академика И. И. Давыдова могутъ служить краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ того, какимъ расположеніемъ и глубокимъ уваженіемъ пользовался преосв. Макарій въ средѣ своихъ сослуживцевъ по Академіи Наукъ. „Радостно было узнать", писалъ Давыдовъ 5-го октября 1858 г. преосв. Макарію, „что вы, послѣ недуговъ и утомительныхъ заботъ, теперь здоровы и спокойны. Немедленно я сообщилъ объ этомъ Отдѣленію и всѣ члены поручили мнѣ единодушно принести вашему преосвященству искреннѣйшую благодарность за теплыя чувствованія и литературное приношеніе. Мы часто говоримъ о васъ, гордимся вами, какъ сочленомъ своимъ, и лишь только о томъ сожалѣемъ, что лишены вашей сладостной бесѣды" [2]).

Комитетъ для изданія духовно-нравственныхъ книгъ былъ учрежденъ въ концѣ 1855 года. Учрежденіе его состоялось въ силу Высочайшаго указа Императора Александра II, который призналъ полезнымъ усилить изданіе краткихъ и дешевыхъ книгъ, въ коихъ предлагалось бы простолюдинамъ чтеніе, утверждающее сердца въ вѣрѣ, преданности престолу и благихъ нравахъ [3]). Во исполненіе этой Высочайшей воли Св. Синодъ 30 сентября 1855 года распорядился учредить при С.-Петербургскомъ духовномъ Комитетѣ особый Комитетъ для изданія духовно-нравственныхъ книгъ и предсѣдателемъ его назначить ректора Академіи преосв. Макарія. Комитету

---

[1]) См. Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности СПБ. т. 4 (1855 г.) стр. 169, 195, 251, 322, 356—358, 369, 397—401; т. V. (1856 г.) стр. 45, 97, 100, 173, 176, 216, 271, 272, 330, 332 382—383; т. VI (1858 г.) стр. 82, 84, 181—183.

[2]) См. письма къ м. Макарію въ оттискахъ изъ Русск. Стар. т. т. 64—66 стр. 207—208.

[3]) См. И. Чистовичъ, Исторія Спб-ской дух. Акад. СПБ. 1857 г. стр. 428—429.

было отпущено 50 т. рублей и предписано немедленно же начать свои дѣйствія по изданію удобопонятныхъ для простаго народа книгъ. Предметами ихъ были назначены краткія молитвы, житія святыхъ, описанія святыхъ мѣстъ и всякіе назидательные разсказы, а цѣлію ихъ—утвержденіе въ вѣрѣ и благочестіи, преданности престолу и православной вѣрѣ. На такихъ началахъ былъ учрежденъ новый Комитетъ. Устройство его было всецѣло дѣломъ преосв. Макарія, который взялся за него съ обычною своею энергіею. 9 октября 1855 г. было получено изъ Духовно-учебнаго Управленія предписаніе объ открытіи Комитета, а 10 октября, т. е. на другой день было уже первое засѣданіе его. Очевидно, преосв. Макарій заранѣе зналъ объ учрежденіи Комитета и готовился къ этому. Одно изъ первыхъ предложеній преосв. Макарія имѣло цѣлію возможно большее оживленіе и большій успѣхъ дѣятельности новаго Комитета. Для этого, съ позволенія м. Никанора, Комитетъ обратился ко всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, академіямъ и семинаріямъ, прося ихъ доставлять удобопонятныя книги и статьи отъ всѣхъ болѣе или менѣе способныхъ лицъ. Одна только организація новаго дѣла и крайне многосложная переписка по дѣламъ Комитета, которую велъ самъ преосв. Макарій съ епархіальными архіереями и другими лицами и учрежденіями, стоила ему многихъ хлопотъ и большой затраты времени. На этого мало. Преосв. Макарій во все время своего ректорства былъ не только предсѣдателемъ Комитета для изданія духовно-нравственныхъ книгъ, но и самымъ дѣятельнымъ членомъ его, принималъ самое живое участіе въ изданіи простыхъ и удобопонятныхъ статей, преимущественно заимствованныхъ изъ твореній отцовъ и учителей древней церкви[1]).

Въ августѣ 1856 года Св. Синодъ находился въ Москвѣ, по случаю происходившей тамъ коронаціи Государя Им-

[1]) См. арх. Спб-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1855 г. дѣло № 36.

ператора Александра II-го. На время пребыванія Св. Синода въ Москвѣ въ С.-Петербургѣ была образована временная Синодальная Контора, которая должна была завѣдывать текущими дѣлами. Преосв. Макарій во все время существованія этой конторы былъ ея членомъ [1]).

Таковъ былъ кругъ второстепенныхъ званій и должностей, которыя преосв. Макарій исполнялъ въ бытность ректоромъ и профессоромъ С.-Петербургской духовной Академіи. Независимо отъ этого, преосв. Макарій въ годы своего ректорскаго служенія почти ежегодно исполнялъ разныя частныя порученія ученаго характера. Такъ, въ 1852 году преосв. Макарій разсматривалъ и дѣлалъ подробный отзывъ о сочиненіи Адама Зерникава: „De processione Spiritus Sancti a solo Patre“. Отзывъ этотъ требовался отъ Академическаго Правленія по слѣдующему обстоятельству. Протоіерей Раевскій, настоятель нашей посольской церкви съ Вѣнѣ, въ виду стѣсненія отъ католичества, нашелъ удобнымъ и необходимымъ распространить книгу Зерникава о происхожденіи Св. Духа, напечатавъ ее на латинскомъ, нѣмецкомъ и малороссійскомъ языкахъ, и просилъ на это разрѣшенія у Св. Синода. Св. Синодъ 18 марта 1852 года чрезъ Духовно-учебное Управленіе потребовалъ отъ Петербургскаго Академическаго Правленія отзывъ о книгѣ Зерникава, что́ принялъ на себя самъ преосв. Макарій. 5 апрѣля того же года преосв. Макарій представилъ въ Правленіе слѣдующій отзывъ о сочиненіи Зерникава, который (отзывъ) въ виду его интереса и самого по себѣ и для характеристики того, какъ преосв. Макарій относился къ подобнымъ порученіямъ, мы и приводимъ здѣсь. „Сочиненіе Адама Зерникава „о происхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца“, писалъ преосв. Макарій, „по справедливости считается лучшимъ изъ всѣхъ, какія когда-либо были написаны объ

[1]) См. брошюру: „Кончина и погребеніе Высокопреосв. Макарія, м. московскаго“. 1882 г. стр. 34—35.

этомъ предметѣ. Оно преимуществуетъ предъ ними тѣмъ, что а) въ чрезвычайномъ обилiи приводитъ рядъ свидѣтельствъ христiанской древности въ защиту православнаго догмата (и именно до 1000 изъ 57 восточныхъ писателей первыхъ 10 вѣковъ и 45 западныхъ писателей первыхъ 8 вѣковъ), б) съ величайшею обстоятельностiю опровергаетъ доказательства лжеученiя латинскаго и при томъ не при помощи только дiалектики, а большею частiю на основанiи отеческихъ же свидѣтельствъ: в) представляетъ многочисленные, нерѣдко разительные примѣры того, какъ латиняне позволяли себѣ намѣренно повреждать писанiя древнихъ въ подкрѣпленiе своего лжеученiя; г) разсматриваетъ возраженiя латинянъ противъ православнаго догмата до малѣйшихъ подробностей. Но, съ другой стороны, сочиненiе Зерникава не чуждо и недостатковъ. Будучи составлено во второй половинѣ XVII вѣка, оно а) нерѣдко приводитъ свидѣтельства изъ писанiй древнихъ учителей церкви по изданiямъ или рукописямъ неисправнымъ, и потому неточно, б) иногда же изъ такихъ писанiй мнимоотеческихъ, подложность которыхъ послѣ справедливо признана безпристрастною критикою; в) вовсе не приводитъ свидѣтельствъ изъ нѣкоторыхъ важныхъ отеческихъ твореній, изданныхъ въ свѣтъ уже впослѣдствiи. Всѣ эти недостатки старался исправить преосв. Евгенiй Болгаръ при своемъ изданiи Зерникавова сочиненiя, но исправилъ только отчасти. Должно присовокупить еще, что г) вмѣстѣ съ сильными и убѣдительнѣйшими доказательствами православнаго догмата изъ писанiй святыхъ отцевъ Зерникавъ приводитъ, вовсе безъ нужды, многiя мѣста и довольно слабыя, которыя самымъ обилiемъ своимъ какъ-бы заслоняютъ сильнѣйшiя; д) въ числѣ мѣстъ, поврежденныхъ латинянами, невѣрно указываетъ и такiя, которыя оказываются неповрежденными; е) занимается опроверженiемъ преимущественно тѣхъ возраженiй, какiя дѣланы были въ его время польскими iезуитами, и не представляетъ отвѣта на нѣкоторыя возраженiя западныхъ богослововъ, намъ современныхъ.

Такимъ образомъ, хотя сочиненіе Зерникава *о происхожденіи Св. Духа отъ единаго Отца* имѣетъ и нынѣ великую цѣну, какъ богатѣйшій сборникъ доказательствъ въ защиту правосл. догмата и въ опроверженіе догмата неправославнаго, а потому могло-бы вновь быть издано съ великою пользою, но во всѣхъ своихъ частяхъ не можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ для настоящаго времени.

Въ частности, разсматривая сочиненіе Зерникава по отношенію къ той цѣли, для которой рекомендуетъ издатель его о. Протоіерей Раевскій, не могу не замѣтить, что сочиненіе почти вовсе не приспособлено къ этой цѣли. Оно такъ обширно и исполнено такими многочисленными подробностями, что чтеніе его можетъ быть утомительнымъ даже для людей, спеціально занимающихся изученіемъ раскрываемой въ немъ истины. Для народнаго же чтенія несравненно полезнѣе было-бы распространить между православными, живущими въ предѣлахъ Австрійской Имперіи, сочиненіе о томъ же предметѣ болѣе краткое, ясное и отчетливое, чтобы всякій могъ удобно читать его, понимать и употреблять въ пользу. До нѣкоторой степени этому соотвѣтствуетъ, напримѣръ, трактатъ Пр. Ѳ. Прокоповича: de processione Spiritus Sancti, помѣщенный въ его Богословіи, и составленный же на основаніи Зерникавова сочиненія [1]).

Въ слѣдующемъ 1853 году преосв. Макарій имѣлъ новое порученіе отъ Св. Синода—дать отвѣтъ касательно неповторяемости таинства миропомазанія. Порученіе это вызвано было слѣдующими обстоятельствами. Въ 1848 г. вышло первое изданіе „догматическаго богословія“ архим. Антонія (Амфитеатрова). Трудъ этотъ былъ привѣтствованъ почти всѣми архипастырями и всѣми богословски образованными людьми съ

[1]) См. арх. СПБ ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1852 г. дѣло № 18.

живѣйшими чувствами радости. Одинъ только архіепископъ казанскій Григорій (Постниковъ) остался недоволенъ догматическимъ трудомъ архим. Антонія. Онъ находилъ много недостатковъ въ немъ, о которыхъ заявлялъ сначала устно, а въ 1853 г. оффиціально внесъ на разсмотрѣніе Св. Синода свои замѣчанія (въ числѣ болѣе 40) на нѣкоторыя мѣста догматическаго труда архим. Антонія. Изъ всѣхъ замѣчаній преосв. Григорія наиболѣе важными были признаны въ Св. Синодѣ два: а) касательно употребленія термина „религія“ и б) относительно повторяемости, или неповторяемости таинства миропомазанія [1]). По поводу двухъ этихъ замѣчаній преосв. Григорія, Св. Синодъ, между прочимъ, просилъ высказать свое мнѣніе кіевскаго митрополита Филарета, касательно же повторяемости и неповторяемости таинства миропомазанія, кромѣ того, поручилъ Духовно-учебному Управленію отнестись и къ преосв. Макарію съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ свое мнѣніе; при этомъ преосв. Макарію сообщено было и мнѣніе с.-петербургскаго цензурнаго комитета по тому же самому предмету. 25 сентября 1853 года преосв. Макарій писалъ директору Духовно-Учебнаго Управленія Карасевскому, что онъ „совершенно согласенъ съ мыслями, изложенными въ редакціи цензурнаго Комитета, только полагаетъ для большей точности ихъ и раздѣльности выразить ихъ нѣсколько иначе, а именно такъ: „таинство миропомазанія, въ обыкновенномъ ходѣ жизни не повторяющееся, повторяется только надъ еретиками, возвращающимися къ церкви. Совершаемое же надъ особами царскаго рода есть особенное только священнодѣйствіе этого таинства, дарующее имъ особенные дары, необходимые для прохожденія ихъ должности“ [2]).

---

[1]) Весь ходъ этого дѣла подробно изложенъ въ сочиненіи архим. Сергія: „Высокопреосвященный Антоній (Амфитеатровъ), архіеп. Казанскій и Свіяжскій“, т. 1. Казань 1885 г. стр. 146 и послѣд.

[2]) См. арх. С.П.Б.-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1853 г. 60. Св. Синодъ въ своемъ указѣ отъ 9 іюня 1856 года приказалъ такъ изложить въ па-

Въ томъ же 1853 г. преосв. Макарій, по порученію Св. Синода, составлялъ учебникъ по догматическому богословію. 27 генваря 1853 года преосв. Елпидифоръ писалъ преосв. Макарію по этому поводу: „не легкій и еще возложенъ на васъ трудъ составить учебникъ: но вы имъ много уже не затруднитесь, и тѣмъ окончательно довершите то, чего требуетъ общая польза духовнаго нашего образованія“ [1]).

Наконецъ, въ томъ-же 1853 г. преосв. Макарій, по порученію Академической Конференціи, разсматривалъ и дѣлалъ отзывъ о сочиненіи архим. Іоанна (Соколова) подъ заглавіемъ: „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“. По отзыву преосв. Макарія, названное сочиненіе „содержало въ себѣ обозрѣніе всѣхъ древнихъ основныхъ правилъ православной каѳолической церкви, отличалось полнотою, основательностію и богатствомъ разнородныхъ богословскихъ свѣдѣній и потому давало право автору на званіе доктора богословія“ [2]).

Въ 1854 г. преосв. Макарій, какъ мы уже знаемъ, „нѣсколько мѣсяцевъ сряду почти исключительно занимался разсмотрѣніемъ книгъ и рукописей синодальной библіотеки, поступившихъ въ нее изъ министерства внутреннихъ дѣлъ.... пересмотрѣлъ ихъ до трехъ тысячъ (книги все раскольническія) и отобралъ было для миссіонерскихъ отдѣленій до пятисотъ печатныхъ и рукописныхъ сочиненій“ [3]).

Въ слѣдующемъ 1855 году преосв. Макарій, по поруче-

томъ изданіи догматическаго богословія архим. Антонія параграфъ о таинствѣ миропомазанія: „таинство миропомазанія, однажды совершившееся надъ вѣрующимъ, простираетъ свое благодатное дѣйствіе на всю его жизнь“. (См. у архим. Сергія въ цит. сочиненіи т. I. стр. 154). Но замѣчаніе о помазаніи св. мѵромъ царей въ новомъ изданіи (1856 г.) архим. Антонія было изложено согласно редакціи преосв. Макарія.

[1]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I. стр. 123 ср. арх. С.П.Б.-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1855 г. дѣло 41.

[2]) См. арх. С.П.Б.-ской дух. Акад. по Конференціи за 1853 г. дѣло № 10.

[3]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I, стр. 812—813.

нію С. Синода, разсматривалъ огромное дѣло „о сектѣ странниковъ“ и составилъ статью объ этой сектѣ, разсматривалъ многія бумаги о современномъ состояніи раскола въ Смоленской губерніи и свои соображенія объ этомъ представлялъ въ Св. Синодъ; по порученію Академіи Наукъ, разсматривалъ и давалъ отзывъ о сочиненіяхъ: Муравьева „Русская Ѳиваида“ и Казанскаго „Исторія русскаго монашества“; наконецъ, по порученію Академической Конференціи, разсматривалъ и давалъ отзывъ о сочиненіи архим. Кирилла (Наумова) „Пастырское Богословіе“ [1]).

[1]) Любопытно прочитать подлинную собственноручную записку преосв. Макарія о его трудахъ и занятіяхъ въ теченіи 1854 отчетнаго года. Въ запискѣ этой, которую обязанъ былъ представлять къ извѣстному сроку въ Правленіе Академіи каждый наставникъ, читаемъ слѣдующее: „I) какъ профессоръ богословія, написалъ въ формѣ учебника „Начертаніе Православно-догматическаго богословія“, уже болѣе года представленное изъ здѣшняго цензурнаго Комитета въ св. Синодъ. II) какъ преподаватель въ миссіонерскомъ противораскольническомъ отдѣленіи, составилъ и издалъ въ свѣтъ „Исторію русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества“. III) Какъ редакторъ и вмѣстѣ сотрудникъ Христіанскаго Чтенія, а) разсматривалъ и исправлялъ всѣ статьи для третьяго отдѣла журнала и б) помѣстилъ въ этомъ отдѣлѣ болѣе 30 печатныхъ листовъ собственныхъ сочиненій. IV) Какъ ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ, а) часто присутствовалъ въ ученыхъ засѣданіяхъ Академіи Наукъ и б) напечаталъ въ извѣстіяхъ II отдѣленія Академіи Наукъ два своихъ историческихъ изысканія: о монахѣ Іаковѣ, писателѣ XI вѣка, и о Ѳеодосіи, писателѣ житія Володимерова, и в) составилъ, по порученію Академіи Наукъ, разборъ извѣстныхъ книгъ, каковы: „Русская Ѳиваида“ г. Муравьева и „Исторія русскаго монашества“ Казанскаго. V) Какъ главный наблюдатель за преподаваніемъ закона Божія въ столицѣ, присутствовалъ на экзаменахъ во всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, для чего употреблялъ много времени и труда, естественно отвлекавшихъ его отъ ученыхъ занятій. VI) Кромѣ того по порученію св. Синода, разсматривалъ синодальную библіотеку старопечатныхъ книгъ для миссіонерскихъ отдѣленій противъ раскола, учрежденныхъ при семинаріяхъ, б) разсматривалъ нѣсколько раскольническихъ рукописей и книгъ, присланныхъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ отъ черниговскаго генералъ-губернатора, и представилъ объ этихъ рукописяхъ свое мнѣніе въ Св. Синодъ и г) разсматривалъ огромное дѣло „о сектѣ странниковъ“ и составилъ подробную статью объ этой сектѣ и представилъ ее въ Св. Синодъ. VII). Разсматривалъ многія бумаги о современномъ состояніи раскола въ Смоленской губерніи и свои соображенія представилъ въ святѣйшій Синодъ“. Записка эта можетъ служить краснорѣчивѣй-

Въ слѣдующемъ 1856 году преосв. Макарій вновь, по порученію Академіи Наукъ, разсматривалъ сочиненіе архим. Кирилла подъ заглавіемъ: „Пастырское Богословіе“, по поводу представленія его авторомъ на Демидовскую премію. Въ своемъ отзывѣ преосв. Макарій, послѣ предварительнаго краткаго очерка пасторологической русской литературы (характеристика „книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“, „писемъ о должностяхъ священническаго сана“ А. С. Стурдзы и Пастырскаго Богословія“ архим. Антонія), кратко излагалъ содержаніе книги архим. Кирилла, характеризовалъ его планъ и методъ и сравнивалъ его съ лучшими однородными иностранными произведеніями. На основаніи всего этого онъ сдѣлалъ такое заключеніе: „признавая такимъ образомъ Пастырское Богословіе арх. Кирилла лучшимъ изъ всѣхъ, у насъ существующихъ, равняющимся съ лучшими иностранными, мы не можемъ однакоже по всей справедливости причислить его къ сочиненіямъ первоклассным и образцовымъ. По мѣстамъ въ немъ можно было-бы пожелать большей зрѣлости и раздѣльности мыслей, большей твердости и основательности доказательствъ, большей точности и сжатости слога, болѣе строгой и связной системы при изложеніи частныхъ трактатовъ. А потому сочиненіе архим. Кирилла, по нашему мнѣнію, хотя справедливо заслуживаетъ Демидовской преміи, но только преміи второстепенной“ [1]).

Посреди такихъ должностныхъ занятій и посреди почти непрерывныхъ ученыхъ порученій Начальства, преосв. Мака-

---

шимъ доказательствомъ рѣдкаго трудолюбія преосвященнаго Макарія, исполнявшаго столько самыхъ разнообразныхъ обязанностей и порученій. (См. арх. С.П.Б.-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1855 г. дѣло № 41).

[1]) Мы имѣли подъ руками подлинный рукописный отзывъ (автографъ) преосв. Макарія о сочиненіи архим. Кирилла.

рій какъ то умѣлъ находить еще у себя время для исполненія различныхъ порученій частныхъ лицъ. Особенно много помогалъ онъ своими совѣтами архіепископу херсонскому Иннокентію. Такъ въ 1853 г. онъ дѣлалъ для него выписки изъ „Breviarium Romanum“ и „Acta Sanctorum“ касательно Домитиллы [1]), въ 1855 году хлопоталъ о новомъ изданіи сочиненій его и по этому поводу сносился со многими книгопродавцами и давалъ ему совѣтъ касательно извѣстнаго догматическаго сборника, составленнаго, но, къ сожалѣнію, не напечатаннаго преосв. Иннокентіемъ [2]), наконецъ, въ 1856 г. разыскивалъ программу церковнаго архива и давалъ ему совѣты касательно этого дѣла [3]). Другому своему учителю, преосв. Елпидифору, преосв. Макарій давалъ совѣтъ касательно единовѣрческой церкви [4]); преосв. Анатолію давалъ совѣты и оказывалъ дѣятельное пособіе въ изданіи имъ нѣкоторыхъ своихъ сочиненій [5]); наконецъ, академику А. П.

---

[1]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I, стр. 811.

[2]) См. тамъ же стр. 815—816. „Что касается до вашего догматическаго сборника“, писалъ преосв. Макарій архіеп. Иннокентію 16 августа 1855 г., „то смѣю увѣрить, что извѣстныя замѣчанія на него писалъ не я. Мнѣ только передавалъ эти замѣчанія, вмѣстѣ съ сборникомъ г. Сербиновичъ, съ тѣмъ, чтобы я, сколько было въ моихъ силахъ, сдѣлалъ по замѣчаніямъ исправленія въ сборникѣ, и я моею рукою написалъ предполагавшіяся исправленія противъ самихъ примѣчаній. Самаго сборника я со вниманіемъ не читалъ, а только изъ любопытства перелистывалъ. И потому, если вамъ благоугодно знать мое мнѣніе о немъ, я готовъ высказать его, но не могу поручиться за его основательность: „Сборникъ этотъ полезно было-бы издать, но подъ заглавіемъ, которое бы менѣе обѣщало и заставляло ожидать, и при болѣе скромномъ предисловіи. Нѣкоторыя русскія статьи, несомнѣнно подложныя, напр. изъ дѣяній на Мартина еретика и изъ Ѳеогностова сборника, нужно исключить. Сдѣлать исправленія въ сборникѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе важныя, какія указаны въ примѣчаніяхъ, хотя большая часть изъ нихъ, сколько припоминаю, мнѣ казалась пустыми. Въ пользѣ изданія этого сборника я искренно убѣжденъ, равно какъ и въ томъ, что весьма многіе сказали бы за него вашему преосвященству сердечное спасибо“.

[3]) См. тамъ же стр. 817.

[4]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I. стр. 126—127.

[5]) См. тамъ же 1888 г. 3. стр. 700.

Плетневу помогалъ въ дѣлѣ погребенія русскаго поэта В. А. Жуковскаго [1]). Но самымъ важнымъ и славнымъ его дѣломъ и въ это время, какъ и прежде, были учено-литературные труды.

Въ первые два года своего ректорскаго служенія преосв. Макарій почти непрерывно продолжалъ печатаніе „православно-догматическаго богословія". Оно печаталось имъ сначала на страницахъ „Христіанскаго Чтенія" и затѣмъ постепенно выходило отдѣльными книгами. Въ 1851 г. вышли второй и третій томы, въ которые вошло ученіе о Богѣ въ общемъ отношеніи Его къ міру и человѣку (второй отдѣлъ первой части системы), ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ и особенномъ отношеніи Его къ человѣческому роду (весь первый отдѣлъ второй части системы и одинъ членъ первой главы втораго отдѣла, гдѣ излагается ученіе о церкви),[2]); въ 1852 году явился четвертый томъ, въ который вошло ученіе о благодати и таинствахъ: „крещеніи, миропомазаніи, причащеніи, покаяніи и елеосвященіи" (вторая часть третьяго члена втораго отдѣла второй части системы)[3]) и, наконецъ, въ 1853 г. вышелъ пятый и послѣдній томъ православно-догматическаго богословія преосв. Макарія, куда вошло ученіе о таинствахъ брака и священства и ученіе о Богѣ, какъ

---

[1]) См. письма къ м. Макарію въ оттискахъ изъ Русск. Стар, т. 64—66, стр. 204—205.

[1]) Второй томъ составился изъ статей, напечатанныхъ Макаріемъ еще въ бытность его инспекторомъ и помѣщенныхъ въ третьемъ отдѣлѣ іюльской книжки (стр. 3—39) 1849 г. и апрѣльск. (стр. 205—260), іюньской (стр. 383—416), іюльск. (стр. 25—74), сентябрьск. (стр. 208—236) и октябрьск. (237—270) книжекъ Христ. Чтен. за 1850 г; третій же томъ составился изъ статей, помѣщенныхъ въ третьемъ отдѣлѣ генварьской (стр. 17—63), февральск. (стр. 136—208), мартовской (стр. 209—248), апрѣльск. (стр. 338—362), майской (стр. 363—407) и іюньской (стр. 448—522) книжекъ Христ. Чтен. за 1851 г.

[1]) Онъ составился изъ статей, помѣщенныхъ въ третьемъ отдѣлѣ сентябрьской (стр. 251—294) и октябрьской (стр. 295—347) книжекъ того же журнала 1851 г., и генварьской (стр. 16—57), февральской (стр. 119—152), мартовской (стр. 195—289) и майской (стр. 403—440) книжекъ за 1852 годъ.

Судіи и Мздовоздаятелѣ [1]). Какъ статьи „Христіанскаго Чтенія“, такъ и постепенно выходившіе отдѣльные томы догматики преосв. Макарія встрѣчались всѣми представителями духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія, какъ самое отрадное явленіе, и удостоивались самыхъ лестныхъ отзывовъ [2]). Появленіе же всѣхъ пяти томовъ, всей догматической системы преосв. Макарія было справедливо отмѣчено всѣми, какъ эпоха въ исторіи православной богословской науки, какъ торжество всей православной русской церкви. Замѣчателенъ отзывъ, сдѣланный по этому поводу преосв. Анатоліемъ Мартыновскимъ. „Слава и благодареніе Богу, подавшему вамъ благодать“, писалъ онъ 1 февраля 1853 года преосв. Макарію, „изданіемъ полнаго, православнаго богатаго догматическаго богословія, на чистомъ, достойномъ предмета, русскомъ языкѣ, отнять поношеніе отъ русской церкви, которую укоряли иновѣрцы, что она не имѣетъ даже собственнаго, не зараженнаго чуждыми православію мнѣніями, Богословія!

---

[1]) Онъ составился изъ статей, помѣщенныхъ въ іюльской (стр. 35—106) и августовской (стр. 107—171) книжкахъ за 1852 г., при чемъ часть этого тома была, очевидно, напечатана прямо отдѣльно.

[2]) Такъ преосв. Анатолій Мартыновскій 11 окт. 1851 г. писалъ преосв. Макарію: „не умѣю выразить душевной моей благодарности за безцѣнный для меня даръ вашъ, состоящій въ III томѣ Богословія вашего сочиненія! Оно поистинѣ сокровище, собранное многотруднымъ терпѣніемъ вашего преосвященства на золотыхъ церковныхъ пріискахъ и внесенное въ церковное казнохранилище. Но позвольте сказать, что я въ трактатѣ вашего Богословія о церкви ожидалъ открытаго опроверженія догматовъ латинистовъ относительно церковнаго единовластительства папъ и ожидалъ тѣмъ пламеннѣе, что въ здѣшнихъ областяхъ разсѣяны невидимою рукою въ безчисленномъ множествѣ книги и книжки, преимущественно на французскомъ языкѣ, доказывающія этотъ любимый догматъ латинистовъ, а у всякаго почти ксендза имѣются Praelectiones Theologiae Perrone“ (Прав. Обозр. 1888 г. т. 3. стр. 698). Проф. А. В. Горскій, въ свою очередь, по полученіи отъ преосв. Макарія четвертаго тома его догматики, 14 октября 1852 года писалъ ему: „радовался и радуюсь, что наука богословія нашла въ васъ себѣ такого усерднаго и неутомимаго дѣятеля и вѣрнаго охранителя священнаго достоянія вѣры“. См. Прав. Обозр. 1888 г. т. 3. стр. 467.

Слава и вамъ,—преосвященнѣйшій владыко, подъявшему тяжкіе, многолѣтніе труды, и довершившему, съ неохлажденною ревностію, поистинѣ великій подвигъ! Теперь мнѣ, немощному старцу, дожившему до столь счастливой для нашей церкви эпохи, остается только воскликнуть: *нынѣ отпущаеши Владыко*![1])..... Но самый обстоятельный, безпристрастный и вполнѣ одобрительный отзывъ о догматическомъ трудѣ преосв. Макарія былъ данъ высшимъ русскимъ ученымъ учрежденіемъ въ лицѣ Академіи Наукъ. Этого отзыва искалъ и желалъ самъ преосв. Макарій. Тотчасъ же по выходѣ пятаго тома изъ печати онъ представилъ свое сочиненіе въ Академію Наукъ на Демидовскую премію. Академія Наукъ поручила разсмотрѣть представленное сочиненіе своему члену, херсонскому архіепископу Иннокентію. Преосв. Иннокентій былъ уже хорошо знакомъ съ произведеніемъ своего ученика. Еще 14 генваря 1851 года онъ писалъ Макарію: „ведите къ концу догматику, которая надолго останется представительницею степени успѣховъ нашихъ по богословской литературѣ“ [2]). Получивъ же оффиціальное порученіе отъ Академіи Наукъ разсмотрѣть догматическій трудъ преосв. Макарія, онъ отнесся серьезно къ столь важному дѣлу и 3 апрѣля 1854 года послалъ свой отзывъ въ Академію. Тогда же онъ написалъ объ этомъ и самому Макарію: „книга ваша отослана мною куда слѣдуетъ и съ чѣмъ слѣдуетъ, послана 3 апрѣля. Жаль, что время не позволило мнѣ распространиться въ разсмотрѣніи сего важнаго произведенія, но для цѣли будетъ достаточно“ [3]). Согласно отзыву архіеп. Иннокентія, Академія Наукъ въ засѣданіи 17 апрѣля 1854 года присудила преосв. Макарію за его „Православно-догматическое Богословіе“ полную Демидовскую премію въ 1428 рублей [4]).

---

[1]) См. тамъ же 1888 г. т. 3. стр. 698—699.
[2]) См. Церковн. Вѣстн. 1683 г. № 26.
[3]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 26.
[4]) См. Журн. М. Н. Пр. 1854 г. т. 82. отд. VII стр. 86—87.

Самый отзывъ, представляющій собою полный, обстоятельный и въ высшей степени основательный разборъ догматической системы преосв. Макарія, заслуживаетъ по справедливости того, чтобы быть здѣсь приведеннымъ въ наиболѣе замѣчательныхъ своихъ частяхъ.

„Разсматриваемое нами сочиненіе“, писалъ въ своемъ отзывѣ преосв. Иннокентій, „составляетъ собою рѣдкое и самое отрадное явленіе въ нашей богословской литературѣ, подобнаго коему она давно не видала на своемъ горизонтѣ и, по всей вѣроятности, не скоро увидитъ опять. Самыя иностранныя богословскія литературы, не смотря на ихъ давнее развитіе и вѣковыя усовершенствованія, не представляютъ, особенно въ современности, творенія съ такими достоинствами, какъ православная догматика преосв. Макарія. Богословіе, какъ наука, подвинута симъ многоученымъ твореніемъ далеко впередъ и много пріобрѣло уже тѣмъ, что разоблачено въ немъ совершенно отъ схоластики и латинскаго языка и такимъ образомъ введено въ кругъ русской литературы и предложено, такъ сказать, ко всеобщему употребленію для всѣхъ любителей богословскихъ познаній. Но самая большая заслуга автора состоитъ въ томъ, что въ сочиненіи его въ первый разъ изображены со всею силою и убѣдительностію, ученымъ и вмѣстѣ удобопонятнымъ языкомъ, тѣ догматы и положенія, коими православная Церковь Восточная отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій христіанскихъ. Послѣ сего иностранный богословъ никакъ не можетъ сказать, что въ Восточной Церкви привыкли вѣровать въ свои мнѣнія безотчетно: ибо въ новой православной догматикѣ содержится такой отчетъ во всемъ, подобнаго коему доселѣ не представили большая часть церквей неправославныхъ“.

Потомъ, приступая къ разбору самаго сочиненія, ученый рецензентъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе его плана, метода, объема и способа изложенія.

„Во 1-хъ, относительно плана, преосвященный Макарій умѣлъ положить основу своему сочиненію гораздо лучше и прочнѣе своихъ предшественниковъ и вообще другихъ обработывателей догматическаго богословія. Принявъ за исходную точку самое понятіе о христіанской религіи, какъ не просто только первобытной, или представляющей естественный союзъ человѣка съ Богомъ, но религіи въ ея дополненномъ чрезъ откровеніе и исправленномъ видѣ,—какъ союзъ падшаго человѣка съ Богомъ, возстановленный сверхъестественно чрезъ таинство искупленія и благодати,—онъ раздѣлилъ свою догматику самымъ естественнымъ образомъ на двѣ части по самому роду догматовъ, изъ которыхъ одни принадлежатъ ей, какъ религіи вообще, а другіе, какъ религіи возстановленной, сверхъестественной, христіанской. Въ первой излагается общее ученіе о Богѣ, а во второй ученіе о Богѣ, какъ Спасителѣ человѣковъ падшихъ и объ отношеніяхъ Его къ человѣческому роду особенномъ, сверхъестественномъ, какое Богъ имѣетъ исключительно къ человѣку въ религіи возстановленной, какъ нашъ Искупитель, Освятитель, Судія и Мздовоздаятель.

Во 2-хъ, въ отношеніи къ методу, или способу раскрытія истинъ богословскихъ у преосв. Макарія каждый догматъ обозрѣвается и раскрывается со всѣхъ сторонъ, съ какихъ онъ только можетъ явиться съ пользою въ наукѣ. Разсмотрѣніе всегда открывается обстоятельнымъ изложеніемъ о предметѣ ученія церкви, какъ хранительницы православія, и авторъ, не ограничиваясь здѣсь приведеніемъ только главныхъ пунктовъ этого ученія касательно главныхъ догматовъ, выставляетъ оное (первый) съ отчетливостію касательно всѣхъ прочихъ,—даже въ отношеніи къ нѣкоторымъ частнымъ истинамъ. За изложеніемъ ученія церкви, относительно каждаго догмата всегда слѣдуетъ подтвержденіе его изъ Св. Писанія, и гораздо превосходнѣе, нежели у прежнихъ догматистовъ, какъ относительно обилія текстовъ и выбора ихъ, такъ въ

особенности относительно раскрытія и приложенія къ доказываемому предмету. Въ слѣдъ за указаніемъ на существованіе догматовъ въ Св. Писаніи, всегда съ подробностію приводится, какъ сіи же самые догматы постоянно существовали въ преданіи церкви вселенской, и являются цѣлые ряды свидѣтелей сего преданія—отцы и учители церкви первыхъ шести вѣковъ. За симъ, къ дальнѣйшему поясненію догматовъ, авторъ призываетъ на помощь и самую исторію ихъ, которая, по важности своей, давно составила изъ себя уже особую науку въ иностранныхъ литературахъ, а у насъ оставалась въ забвеніи, и даетъ въ своей догматикѣ мѣсто для безпристрастнаго взора здраваго разума на догматы христіанскіе, удачно избѣгая при этомъ двухъ недостатковъ: направленія раціоналистическаго и схоластическаго. И, наконецъ, нравственные выводы изъ догматовъ, какими заключается у автора каждая глава, вездѣ являются въ приличной полнотѣ, проникнутые христіанскимъ чувствомъ, и какъ зрѣлый, сочный плодъ, заставляютъ желать извѣдать ихъ собственнымъ вкусомъ—на опытѣ.

Въ 3-хъ, насчетъ объема содержанія, который предначерталъ себѣ преосв. Макарій, догматика его превосходитъ всѣ бывшіе до него опыты этого рода въ русской литературѣ. Этого онъ достигъ, кромѣ обширности самаго метода, во 1) тѣмъ, что далъ мѣсто въ своей догматикѣ нѣкоторымъ дотолѣ невключеннымъ въ нее предметамъ, какъ, напр., очеркъ постепеннаго раскрытія догматовъ въ православной церкви, исторія самой догматики и пр.; а во 2) тѣмъ, что онъ съ необыкновенною обстоятельностію старался раскрывать тѣ догматы, которые составляютъ отличительный характеръ православнаго ученія восточной церкви и отвергаются, или превращаются въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ, какъ напр. ученіе о вѣчномъ происхожденіи Св. Духа отъ Бога Отца, о седми таинствахъ церкви, о почитаніи и призываніи на помощь святыхъ, о молитвѣ за умершихъ и проч.

Въ 4-хъ, и по самому изложенію догматическое богословіе преосв. Макарія отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему сочиненій въ этомъ родѣ: оно написано чистымъ, правильнымъ, современнымъ русскимъ языкомъ, который можетъ понимать каждый сколько-нибудь образованный и смыслящій русскій человѣкъ; притомъ это сочиненіе изложено не столько въ формѣ академическаго учебника, сколько въ видѣ общенароднаго руководства, и потому свободно отъ всѣхъ скучныхъ и тяжелыхъ формъ схоластики, почти неизбѣжныхъ въ краткихъ школьныхъ учебникахъ. Авторъ, при его особенномъ дарѣ выражаться о самыхъ возвышенныхъ предметахъ просто и ясно, умѣлъ достигнуть въ своемъ сочиненіи высшей степени общепонятности. Со всею справедливостію можно сказать, что наука православно-догматическаго богословія, которая доселѣ, какъ наука, была исключительнымъ достояніемъ школы, выведена авторомъ изъ тѣсныхъ стѣнъ ея въ область дѣйствительной жизни и изложена для общественнаго употребленія.

Сравнивъ затѣмъ разбираемое твореніе преосв. Макарія съ лучшими современными иностранными догматиками—Перроне, Клее и Штауденмайера, и доказавъ, что оно не только отъ того ничего не теряетъ, но еще выигрываетъ во многихъ отношеніяхъ, компетентный рецензентъ заключилъ свой критическій обзоръ слѣдующимъ выводомъ: „вообще православно-догматическое богословіе преосв. Макарія представляетъ: a) трудъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ, какіе являлись у насъ доселѣ на томъ же поприщѣ, и не только равняющійся по ученой обработкѣ съ лучшими современными иностранными опытами, но и не въ малыхъ отношеніяхъ ихъ превосходящій; b) трудъ самостоятельный и оригинальный: потому что авторъ ни въ системѣ, ни въ методѣ, ни въ способѣ изложенія истинъ не слѣдовалъ никакому изъ отечественныхъ и иностранныхъ богослововъ, а шелъ своимъ путемъ, глубоко обдуманнымъ и вѣрно предъизмѣреннымъ, черпалъ свѣдѣнія

изъ первыхъ источниковъ, изъ коихъ многіе имъ собственно найдены и всѣ имъ значительно обработаны, и такимъ образомъ при неутомимомъ трудѣ воздвигнуто стройное и громадное цѣлое, которое при всемъ желаніи подобныхъ явленій, по всей вѣроятности, надолго останется единственнымъ; с) трудъ, удовлетворяющій всѣмъ современнымъ требованіямъ науки, по стройной системѣ и выводу всѣхъ частей и истинъ изъ одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направленію, столь сродному богословію, какъ наукѣ положительной, по отличной ясности и вразумительности въ способѣ раскрытія истинъ, даже по слогу чисто русскому, постоянно носящему, при томъ, на себѣ печать здраваго вкуса; д) трудъ, составляющій важную заслугу не только для науки православнаго богословія, которую авторъ несомнѣнно подвинулъ гесьма далеко впередъ,—не только для духовнаго нашего образованія, въ исторіи котораго появленіе на свѣтъ догматики его послужитъ нѣкогда одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ,—но вообще для всей церкви русской, для всѣхъ православныхъ соотечественниковъ, кои получаютъ въ этомъ трудѣ,—чего давно желали,—возможно полное, стройное, основательное и общедоступное изложеніе отличительныхъ догматовъ своей церкви, столь драгоцѣнныхъ для ихъ ума и сердца“ [1]).

Приведенный нами отзывъ вполнѣ компетентнаго богослова, въ совершенствѣ знавшаго русскую и иностранную богословскую литературу, о догматической системѣ преосв. Макарія, какъ „трудѣ самостоятельномъ и оригинальномъ“, очевидно, исключаетъ всякую мысль о зависимости догматическаго богословія Макарія отъ другаго какого-либо труда по догматикѣ, какъ русскаго, такъ и иностраннаго. Тѣмъ не менѣе,

[1]) См. Журн. М. Н. Просв. 1854 г. часть 84, ноябрь отд. 3. стр 1 - 6. Общій отчетъ о 23 присужденіи Демидовскихъ наградъ за 1853 г.

въ виду существующаго неправильнаго имѣнія о зависимости догматической системы преосв. Макарія отъ таковой же системы преосв. Димитрія, мы считаемъ необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ.

Раньше мы уже неоднократно имѣли случай говорить о взаимномъ отношеніи между догматическими чтеніями Димитрія и Макарія. Мы сравнивали эти двѣ системы въ ихъ программѣ и въ ихъ постепенномъ образованіи. Въ послѣдній разъ мы пришли къ тому заключенію, что окончательно и постепенно выработанная догматическая программа преосв. Макарія должна быть признана совершенно независимою отъ той программы, по какой преподавалъ догматику Димитрій курсу Макарія. Теперь намъ остается только сказать послѣднее слово объ отношеніи самыхъ догматическихъ системъ преосв. Макарія и преосв. Димитрія, такъ какъ совершенно резонно предположеніе, что, при различіи въ программахъ, системы эти могли быть сходны въ своемъ содержаніи.

Догматическая система преосв. Макарія уже извѣстна намъ. Что же касается догматической системы преосв. Димитрія, то она не была напечатана и, кажется, не сохранилась вполнѣ даже и въ рукописномъ видѣ. При всемъ томъ у насъ есть нѣкоторыя данныя, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы составить себѣ вполнѣ вѣрное и ясное представленіе о содержаніи и внутреннемъ духѣ догматическихъ чтеній преосв. Димитрія. Разумѣемъ, прежде всего, студенческія записи лекцій преосв. Димитрія по догматикѣ. Мы имѣли подъ руками эти записи въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ содержится въ сборникѣ, хранящемся въ музейной библіотекѣ Кіевской д. Академіи и поступившемъ сюда отъ прот. Н. Я. Оглоблина [1]). Есть основаніе думать, что содержащіяся въ этомъ сборникѣ лекціи по догматикѣ суть именно тѣ записки, по какимъ студенты X курса (а слѣд. и Макарій) го-

[1]) См. Муз. Рукоп. № 210.

товились къ выпускному экзамену. Программа этихъ лекцій совершенно совпадаетъ съ программою Димитрія, представленною имъ къ курсовому экзамену 1841 г. [1]), и кромѣ того, на запискахъ есть собственноручныя поправки Димитрія. Впрочемъ, лекціи эти нельзя принимать за содержаніе, или сокращеніе подлинныхъ чтеній Димитрія по догматикѣ X-му курсу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсматриваемыхъ записокъ встрѣчаются отрывки видимо изъ записокъ прежнихъ курсовъ и даже, быть можетъ, изъ лекцій другихъ профессоровъ; въ иныхъ мѣстахъ записокъ есть ссылки просто на печатныя статьи по догматикѣ, по которымъ, очевидно, и готовились студенты къ экзамену. Такимъ образомъ настоящій экземпляръ, служащій только краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ того, что студенты X-го курса не имѣли у себя полной системы подлинныхъ лекцій Димитрія по догматикѣ и сдавали экзаменъ по какимъ-то, очевидно, сборнымъ и традиціоннымъ запискамъ,—экземпляръ этотъ можетъ дать намъ слишкомъ мало для знакомства съ содержаніемъ и внутреннимъ характеромъ догматическихъ чтеній Димитрія. Гораздо большую цѣнность въ этомъ отношеніи представляетъ другой экземпляръ догматическихъ чтеній преосв. Димитрія, переданный прот. А. М. Ельчуковымъ проф. М. Ф. Ястребову. По свидѣтельству этого послѣдняго, рукопись прот. Ельчукова представляетъ „пока единственный экземпляръ записокъ, знакомящихъ насъ наиболѣе полно съ догматическими чтеніями преосв. Димитрія“ [2]). На основаніи этой-то рукописи, а равно и на основаніи живыхъ преданій, слышанныхъ нами отъ непосредственныхъ учениковъ преосв. Димитрія, питомцевъ X, XI и XII курсовъ нашей Академіи, мы и попытаемся установить истинное взаимное отношеніе между догматическими системами преосв. Макарія и преосв. Димитрія по ихъ содержанію и внутреннему характеру.

---

[1]) См. арх. Кіевск. дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1841 г. № 54.

[2]) См. Труд. Кіевск. д. Акад. 1887 г. т. 2, стр. 238.

Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ догматическія системы преосв. Макарія и преосв. Димитрія существенно различаются между собою.

Конечно, содержаніе обѣихъ догматическихъ системъ, строго говоря, въ самомъ общемъ видѣ можетъ быть сведено къ почти тождественнымъ положеніямъ. Но это и понятно. Индивидуальность православнаго богослова должна проявляться не въ открытіи новыхъ догматовъ и даже не въ новомъ изложеніи ихъ, а исключительно въ способѣ раскрытія истинъ уже извѣстныхъ и принимаемыхъ всею православною церковью. Съ этой стороны между догматическими системами преосв. Макарія и преосв. Димитрія замѣчается громадное и существенное различіе. Оно сказывается, прежде всего, въ самомъ пониманіи и опредѣленіи догматическаго богословія, или науки. Преосв. Макарій предметомъ православно-догматическаго богословія признаетъ христіанскіе догматы, понимаемые въ смыслѣ откровенныхъ истинъ, преподаваемыхъ людямъ церковью, какъ непререкаемыя и неизмѣнныя правила спасительной вѣры [1]). У преосв. же Димитрія предметъ догматики опредѣляется такъ: „предметомъ догматики служитъ вѣра, изложенная въ символѣ“ [2]). Конечно, различіе съ перваго взгляда неважное и несущественное, но, какъ увидимъ, оно является таковымъ въ сопоставленіи съ другими догматическими опредѣленіями и понятіями преосв. Димитрія. Гораздо очевиднѣе является различіе между системами преосв. Макарія и преосв. Димитрія въ пониманіи задачи православно-догматическаго богословія. По разумѣнію преосв. Макарія, православное догматическое богословіе, понимаемое въ смыслѣ науки, должно изложить христіанскіе догматы въ систематическомъ порядкѣ съ возможною полнотою, ясностію и основа-

---

[1]) См. т. I. § 2.

[2]) См. рукоп. сборн., принадлежащій прот. А. М. Ельчукову, л. 9.

тельностію, и при томъ не иначе, какъ по духу православной церкви [1]). Совсѣмъ не такъ понимаетъ задачу догматическаго богословія преосв. Димитрій. „Задача нашей науки", говорится въ одномъ мѣстѣ рукописныхъ лекцій преосв. Димитрія по догматическому богословію, „состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи данныхъ началъ довести до ясности сознанія, что Церковь теперь вѣруетъ такъ, какъ научена Апостолами. Этой цѣли можно достигать посредствомъ логическаго раздѣленія истинъ вѣры и изложенія ихъ въ систематическомъ порядкѣ и затѣмъ показать, какимъ образомъ догматическія истины служатъ сѣменемъ нашей духовной жизни" [2]). Итакъ, у преосв. Макарія задача догматики полагается въ ясномъ, полномъ и основательномъ систематическомъ изложеніи православно-догматическихъ истинъ, а у преосв. Димитрія ее составляетъ живое уясненіе того, что православная церковь вѣруетъ такъ, какъ она была научена Апостолами. Различное пониманіе задачи нашими догматистами должно было въ силу необходимости повлечь за собою различіе и въ ея выполненіи. Если задача догматики состоитъ въ томъ, чтобы изложить систематически догматическое ученіе православной Церкви, то необходимо прежде всего привести точное опредѣленіе догмата изъ исповѣданія церкви и затѣмъ самыя основанія его изъ Св. Писанія и Св. Преданія. Такой именно путь при раскрытіи каждаго догмата и памѣчаетъ преосв. Макарій. Привести опредѣленія церковныя и подтвердить ихъ ссылками на Св. Писаніе и Св. Преданіе, по его пониманію задачи догматики, эта послѣдняя должна [3]). Но сверхъ того она можетъ допустить и соображенія здраваго разума, призвать на помощь исторію догматовъ и показать ихъ отношеніе къ христіанской

---

[1]) См. т. I. § 1.

[2]) См. сборн. лекцій прот. А. М Ельчукова л. 2 об. и л. 3.

[3]) См. т. I. § 5 стр. 32 – 34.

жизни, равно какъ можетъ и не дѣлать этого [1]). Само собою разумѣется, что такимъ взглядомъ на методъ изложенія догматическихъ истинъ не могъ удовлетвориться преосв. Димитрій, при своемъ иномъ пониманіи догматической задачи. Для преосвященнаго Димитрія, въ силу его своеобразнаго пониманія догматической задачи, научное изъясненіе догматовъ, притомъ— такое научное изъясненіе ихъ, которое бы одинаково питало умъ и сердце человѣка и дѣйствовало на его волю, было такъ же необходимо въ догматикѣ, какъ и православно-церковное изложеніе ихъ. Даже точнѣе: изъясненіе православно-догматическихъ истинъ (правильно и систематически, разумѣется, изложенныхъ) составляло главную и первую обязанность догматики.

Показавъ предварительно, что предметомъ науки служитъ символъ вѣры, заключающій въ себѣ такія истины, которыя, съ одной стороны, непостижимы, а съ другой стороны, опредѣлены такъ, что ихъ никто уже иначе не можетъ опредѣлить, показавъ, что непостижимыя истины не могутъ быть предметомъ науки, преосв. Димитрій затѣмъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: „итакъ, предметомъ науки“, говоритъ онъ, „остается одна сторона христіанскихъ истинъ, та, которая изложена церковію въ опредѣленныхъ словахъ, та, которая можетъ быть понята и принята. Что же будетъ дѣлать разумъ съ этими истинами, если онъ не можетъ ни прибавить къ нимъ, ни убавить отъ нихъ ничего? Не остается ли только читать символъ вѣры? По отношенію къ спасенію, дѣйствительно, болѣе нечего дѣлать здѣсь разуму, какъ остается только принимать и вѣровать. Но дѣло въ томъ, какъ вѣровать истинно? въ чемъ истинная вѣра апостольская? Это нужно теперь рѣшать посредствомъ изслѣдованія. Ибо теперь исповѣдуютъ вѣру одни такъ, а другіе иначе. Это различіе

[1]) См. тамъ же § 5 стр. 34—43.

есть и въ символахъ, а тѣмъ болѣе въ подробныхъ изложеніяхъ вѣры. У католиковъ и протестантовъ весьма много отличнаго отъ нашего исповѣданія. Не-христіанами ихъ назвать нельзя! Потому нельзя не спросить,—какое же вѣроисповѣданіе истинно? Правда, этотъ вопросъ рѣшаетъ полемика, но рѣшаетъ уже при помощи готоваго даннаго матеріала, и потому она рѣшитъ его только тогда, когда будетъ опредѣлено истинное вѣроисповѣданіе апостольское. Наука наша имѣетъ именно эту главную задачу,— она берется рѣшить, дать отчетъ, дѣйствительно-ли содержимое нами вѣроисповѣданіе дошло до насъ отъ Апостоловъ? Въ виду такой задачи, она обращается къ тѣмъ началамъ, на которыя всѣ христіане соглашаются, имѣетъ дѣло съ внутреннею стороною вѣры и, слѣдовательно, имѣетъ въ виду привести въ сознаніе, почему христіанинъ вѣритъ такъ, а не иначе“ [1])?

Замѣчательно, что преосв. Димитрій рѣшительно отвергалъ то участіе разума человѣческаго, какое допускалъ преосв. Макарій. Послѣдній допускалъ возможность уясненія, приближенія къ человѣческому пониманію даже непостижимыхъ догматовъ. Преосв. же Димитрій рѣшительно отвергалъ какъ уразумѣніе, такъ даже изъясненіе непостижимыхъ догматовъ. „Оригенъ, Павелъ Самосатскій, Аполлинарій“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „впали въ неправославіе единственно чрезъ попытки умственно доказывать истины вѣры“ [2]). Попытка изъясненія догматовъ также вводила въ ереси. Напр., „Евтихій изъ желанія утвердить единство лица во І. Христѣ старался изъяснить и доказать единство въ Немъ естествъ и впалъ въ ересь.... Оттого церковь всегда требовала оставлять вѣру неприкосновенною“ [3]). И даже допуская участіе разума въ изъясненномъ выше смыслѣ, преосв. Димитрій указывалъ

---

[1]) См. сборн. прот. А. М. Ельчукова л. 1 об. и л. 2

[2]) См. тамъ же л. 1 об

[3]) См. тамъ же л 1. об.

предосторожности, какія долженъ всегда наблюдать въ употребленіи разума догматистъ. Во 1-хъ, „наука можетъ быть вредною, какъ скоро преступитъ предѣлы свои, станетъ низводить истины христіанскаго откровенія въ область обыкновенныхъ истинъ, въ область вѣдѣнія, будетъ подводить ихъ подъ начала разума. Отсюда именно родились всѣ ереси. Возьмемъ напр. Праксеево ученіе. Праксей никакъ не хотѣлъ признать трехъ лицъ Божества, потому что это представлялось ему несообразнымъ съ началами разума, подобно тому, какъ невозможно представить двухъ высочайшихъ существъ совершенно равныхъ. Точно такъже Павелъ Самосатскій хотѣлъ уяснить истины вѣры для пальмирской правительницы, напитанной іудейскими понятіями,—и дошелъ до того, что Троица въ его воззрѣніяхъ есть не что иное, какъ тройственное явленіе одного Бога. Въ средніе вѣка Абеляръ хотѣлъ, чтобы богословіе, какъ наука, представляло научныя, разумныя доказательства христіанскихъ истинъ и дошелъ до антиномій. Отсюда-же и пренебреженіе къ вѣрѣ: социніанизмъ, раціонализмъ. Во 2-хъ, должно опасаться излишняго формализма, который любитъ наука; изъ него можетъ родиться схоластицизмъ, раздробленіе до самыхъ пустыхъ мелочей. Это дѣлаетъ истины вѣры мертвыми предметами забавы разсудка и въ приложеніи истинъ вѣры можетъ довести до пустой и безполезной казуистики“... Въ 3-хъ, научное изложеніе вѣроученія можетъ быть опасно еще и въ томъ случаѣ, если мы слишкомъ будемъ предаваться собственно свойствамъ науки. Свойство науки—питать и занимать одинъ разсудокъ, при чемъ жизнь человѣка обращается въ жизнь одного сухаго разсудка. А между тѣмъ глаголы Божіи суть духъ и животъ, они даны для питанія сердца, потому что въ немъ исходища живота, а не для изслѣдованія разсудка, который не можетъ оживить человѣка. Эта опасность оправдывается и опытами. Напр., простой человѣкъ, благоговѣйно вѣрующій, читаетъ слово Божіе съ величайшимъ уваженіемъ; а мы какъ? мы

привыкли разсуждать объ истинахъ вѣры, готовы говорить о нихъ, но не участвовать въ нихъ сердцемъ“ [1]). Мы, кажется, достаточно показали различіе въ общихъ, можно сказать, принципіальныхъ воззрѣніяхъ преосв. Димитрія и преосв. Макарія на догматическое богословіе, какъ науку. Понятно, что и самыя догматическія системы ихъ, которыя были только осуществленіемъ этихъ основныхъ воззрѣній, должны были существенно различаться, подъ тѣмъ, конечно, условіемъ, если догматисты въ самомъ изложеніи своихъ системъ будутъ послѣдовательны. И, дѣйствительно, догматическія системы ихъ глубоко различаются между собою. Для того, чтобы это различіе было ясно, мы сравнимъ два параллельныхъ отдѣла изъ догматики преосв. Макарія и преосв. Димитрія. Изберемъ для этого сравненія догматическое ученіе о Богѣ въ Самомъ Себѣ, въ частности, первый отдѣлъ этого ученія, заключающій въ себѣ ученіе о Богѣ, единомъ въ существѣ.

У преосв. Макарія это ученіе излагается такъ. Сначала онъ показываетъ степень нашего познанія о Богѣ, по ученію Православной Церкви, при чемъ дѣлаетъ это исключительно на основаніи Св. Писанія и твореній свв. отцовъ, устанавливаетъ сущность и раздѣленіе православнаго ученія о Богѣ въ Самомъ Себѣ и затѣмъ переходитъ къ самому изложенію этого ученія и, прежде всего, ученія о Богѣ, единомъ въ Существѣ. Здѣсь онъ снова предварительно показываетъ составъ и порядокъ изслѣдованія избраннаго догмата и потомъ уже излагаетъ сначала ученіе о единствѣ Божіемъ, а потомъ ученіе о существѣ Божіемъ. Ученіе о единствѣ Божіемъ онъ излагаетъ въ такомъ порядкѣ. Изложивъ ученіе церкви и исторію догмата, приводитъ затѣмъ доказательства единства Божія изъ Св. Писанія и изъ разума, изъ послѣднихъ тѣ, какія употребляли свв. отцы и учители церкви, и въ заключеніе показываетъ нравственное приложеніе догмата. Точно

[1]) См. тамъ же л. 3.

также излагается у преосв. Макарія и догматическое ученіе о существѣ Божіемъ. Сначала идетъ краткая исторія, церковное ученіе о догматѣ и составъ этого ученія, потомъ разъясняются, посредствомъ свидѣтельствъ Св. Писанія, отеческаго ученія и доводовъ здраваго разума, понятія о свойствахъ существа Божія, ума Божія и воли Божіей, и вся рѣчь заканчивается нравственнымъ приложеніемъ догмата. Замѣтимъ здѣсь-же, что весь, кратко изложенный нами, отдѣлъ догматики преосв. Макарія занимаетъ 117 страницъ убористой печати“ [1]).

Совсѣмъ иное мы видимъ въ догматической системѣ преосв. Димитрія. Здѣсь сначала подробно разъясняется необходимость и важность богопознанія по отношенію къ нашей земной жизни, къ вѣрѣ и жизни загробной. Безъ богопознанія невозможна правильная человѣческая жизнь—умственная, нравственная и сердечная. „Несомнѣнно“, заключаетъ всѣ свои разсужденія объ этомъ преосв. Димитрій, „что духъ человѣка живетъ въ собственномъ смыслѣ только тогда, когда онъ въ Богѣ и съ Богомъ“. Далѣе, „самое свойство познанія вообще показываетъ, какъ въ богопознаніи заключается именно жизнь. Отъ всякаго познанія предмета мы заимствуемъ что-либо духовное, но получаемъ, усвояемъ себѣ болѣе, когда приходимъ въ соприкосновеніе съ предметомъ самымъ желаемымъ. Слѣд., познаніе Бога, какъ единой истинной цѣли жизни, почерпаетъ оттуда жизнь и для нашего духа. Если истина, добро и, какъ необходимое слѣдствіе ихъ, блаженство заключаются въ Богѣ, то познаніе Бога есть, очевидно, участіе наше въ истинѣ, добрѣ и блаженствѣ Божественномъ... всякое отпаденіе отъ Бога есть отпаденіе отъ жизни. Такъ въ настоящемъ нашемъ состояніи. Но І. Христосъ говоритъ, что безъ познанія Бога невозможна и вѣчная жизнь. Жизнь вѣчная состоитъ: для ума—въ созерцаніи Бога, для воли—въ совер-

[1]) См. 1 т. §§ 9—23 стр. 81—198; издан 1-е 1849 г.

шенномъ уподобленіи и подчиненіи волѣ Божіей, для сердца— въ ощущеніи высшаго довольства. Все это Спаситель поставляетъ въ зависимость отъ познанія, говоря: „да знаютъ Тебе". Затѣмъ слѣдуютъ такія же подробныя и въ высшей степени интересныя разсужденія о томъ, какъ мы приходимъ къ познанію Бога. Здѣсь сначала изображается естественный способъ богопознанія, состоящій въ созерцаніи и умствованіи, доказывается недостаточность этого одного способа и потомъ изображается сверхъестественный способъ богопознанія и подробно характеризуются отличительныя свойства его. Сдѣлавъ изъ всего этого разсужденія то заключеніе, что истинное и полное ученіе заключается въ откровеніи, преосв. Димитрій переходитъ затѣмъ къ рѣшенію вопроса о томъ, „что же Св. Писаніе говоритъ намъ о Богѣ"? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ анализъ мѣстъ Св. Писанія, въ которыхъ говорится о существѣ Божіемъ и свойствахъ существа Божія, ума Божія и воли Божіей. Трактатъ заканчивается слѣдующимъ заключеніемъ: „Итакъ, повидимому, немного говоритъ Св. Писаніе о Богѣ. Это то, что Онъ Духъ безконечный, ни отъ кого независимый, безпредѣльный, вѣчный, знающій все, вездѣсущій, высочайше свободный, однакоже дѣйствующій по законамъ премудрости, благости, правды и проч. Но это познаніе о Богѣ вполнѣ достаточное для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что намъ нужно? Представимъ себя однимъ и единственнымъ человѣкомъ среди міра и спросимъ,—кто мы, откуда и для чего? Внутренній нашъ голосъ прежде всего говоритъ о высочайшемъ Существѣ, отъ Котораго произошло все. Затѣмъ всѣ возможные вопросы, могущіе смущать совѣсть человѣка, касательно его судьбы, рѣшаются только тремя понятіями о премудрости, благости и всемогуществѣ Божіемъ. Въ этихъ же простыхъ христіанскихъ понятіяхъ о Богѣ заключается рѣшеніе и другихъ вопросовъ о мірѣ, потому что понятіе о премудрости, благости и правосудіи Божіемъ ведетъ къ понятію о Промыслѣ. Слѣдов., со всѣхъ сторонъ познаніе, какое

даетъ намъ Св. Писаніе о Богѣ, совершенно достаточно, потому что оно, будучи просто, въ то же время истинно. Съ другой стороны познаніе это высокоутѣшительно и назидательно“ [1]). Замѣчательно, что все это ученіе о Богѣ въ Его Существѣ у преосв. Димитрія занимаетъ $3^3/_4$ листа обыкновенной писчей бумаги убористаго письма, при чемъ большую часть мѣста занимаетъ именно уясненіе догмата, а меньшую его изложеніе. Правда, что студенческія записки могли быть только сокращеніемъ самыхъ чтеній профессора; но всетаки какъ-бы мы ни расширяли въ своемъ воображеніи этихъ чтеній, они никогда не могли бы равняться, или даже приближаться по объему къ соотвѣтствующему отдѣлу догматики преосв. Макарія. У преосв. Димитрія совсѣмъ отсутствуетъ исторія догмата, ученіе отцовъ и доводы разума. Онъ, повидимому, только излагалъ на основаніи Св. Писанія и затѣмъ разъяснялъ избранный догматъ. Изъ другихъ мѣстъ его догматической системы можно заключить, что онъ излагалъ исторію только тѣхъ догматовъ, которые извращались еретиками, напр., о пресв. Троицѣ, о лицѣ Господа І. Христа, благодати и пр.

Изъ сказаннаго доселѣ не трудно видѣть, что догматическія системы преосв. Макарія и преосв. Димитрія существенно различались между собою, какъ въ принципіальныхъ воззрѣніяхъ, такъ равно и въ самомъ изложеніи. Замѣчены нами, кромѣ того, нѣкоторыя довольно характерныя различія между преосвящ. Макаріемъ и преосв. Димитріемъ и въ частныхъ догматическихъ мнѣніяхъ. Такъ, напр., преосв. Макарій ясно и настоятельно проводитъ въ своей догматикѣ мысль о безплотности ангеловъ [2]). Преосвященный же Димитрій такъ разсуждалъ о природѣ ангеловъ: „духовныя существа имѣютъ различныя степени бытія. Изъ самой древности разнились мнѣнія

[1]) См. сборн. прот. А. М. Ельчукова л. л. 16—23.

[2]) См. т. І. § 65. особ. пунктъ 2.

о семъ предметѣ. Отцы Церкви, старавшіеся дать ученію вѣры практическое направленіе, не изслѣдовали этого предмета, называя ангеловъ просто духами, силами. Отцы болѣе ученаго направленія отличаютъ ангеловъ отъ Духа Безконечнаго, приписывая имъ тѣло тончайшее. Преимущества нельзя отдать ни тѣмъ, ни другимъ. Сказано въ Св. Писаніи, что ангелы духи. Слѣд., они духи и по природѣ и по жизни. Это догматъ. Но связаны ли они съ какимъ-либо тѣломъ, это не имѣетъ догматической важности. Если дать просторъ догматамъ, то нѣтъ неприличія, или безумія, если, слѣдуя за св. Григоріемъ Богословомъ, будемъ представлять ихъ тѣлесными,— конечно, не такими, какъ люди. Основаніемъ къ этому можетъ быть слѣдующее. Все существующее есть составъ матеріальнаго и духовнаго, нравственнаго и ненравственнаго, разумнаго и неразумнаго. Ангелы вѣдь существуютъ не внѣ міра, слѣд., должны быть чѣмъ нибудь и соединены съ міромъ. Представить ихъ совершенно независящими отъ міра нельзя. Такое Существо Одно и Оно превышаетъ наше воображеніе. Если простирать догадки еще далѣе и взять во вниманіе степени развитія вещества, то можно полагать, что ангелы обитаютъ на свѣтящихся тѣлахъ. Св. Писаніе не безъ причины называетъ ангеловъ *живущими во свѣтѣ*. Этого нельзя принимать исключительно о Богѣ, какъ свѣтѣ нравственномъ. І. Христосъ вознесся на небо съ тѣломъ. Тѣло человѣческое не вездѣсущее. Слѣдов., оно должно быть въ извѣстномъ мѣстѣ. Іисусъ Христосъ пріидетъ съ неба. Гдѣ это небо? Для вещественнаго и небо должно быть вещественное. Если мы будемъ почитать ангеловъ постоянными жителями извѣстнаго пространства, то какъ они могутъ быть между нами? Царство Божіе едино, возглавлено во І. Христѣ. Посему пространство ничего не значитъ для духовныхъ существъ, тѣмъ болѣе, что и силы физическія имѣютъ слишкомъ большую силу дѣйствованія. При томъ человѣкъ теперь не такъ существуетъ, какъ ему надлежало-бы быть. Впрочемъ, все это догмата не касается. Апокалипсисъ даетъ нѣсколько поводовъ къ такимъ

предположеніямъ, когда говоритъ объ ангелахъ, поставленныхъ на солнцѣ, на четырехъ углахъ вселенной, и проч.“ [1]).

На основаніи показаннаго нами и раньше и теперь различія между догматическими системами преосв. Макарія и преосв. Димитрія мы считаемъ себя въ правѣ сдѣлать такое

---

[1]) См. сборн. прот. А. М. Ельчукова л. 35. Какъ видно, преосв. Димитрій въ своихъ догматическихъ чтеніяхъ позволялъ себѣ философскія разсужденія касательно только такихъ сторонъ православно-христіанскихъ догматовъ, какія не были опредѣлены Церковью. Выраженіе: „впрочемъ, это догмата не касается“ очень часто встрѣчается въ чтеніяхъ преосв. Димитрія и всегда сопровождаетъ именно его философско-богословскія разсужденія Такихъ разсужденій, всегда глубоко интересныхъ, немало въ чтеніяхъ преосв. Димитрія Напр., о паденіи діавола преосв. Димитрій разсуждаетъ такъ: „Источникомъ грѣха діавола было самолюбіе. Это видно изъ Св. Писанія. Но въ чемъ состоялъ самый грѣхъ и какой былъ поводъ къ тому, невидно Въ Св Писаніи только тотъ общій тонъ, что діаволъ представляется противникомъ собственно Второй Ипостаси Пресв. Троицы. Дѣйствительно, трудно представить въ чистыхъ духахъ прямое противленіе волѣ Божіей. Но можно положить, что тайна Преев, Троицы до нѣкотораго времени была сокрыта отъ ангеловъ и потомъ постепенно открыта Такимъ образомъ, діаволъ могъ представить Сына Божія не выше себя, какъ и теперь старается внушить ту же мысль своимъ послѣдователямъ“ (См. тамъ же л 37 об.). Или вотъ какъ преосв Димитрій разсуждалъ о вмѣненіи людямъ первороднаго грѣха: „какъ грѣхъ Адамовъ переходитъ на всѣхъ? Переходитъ не собственно грѣхъ,—паденіе, а естество испорченное. И такъ какъ каждый человѣкъ можетъ свободною дѣятельностію усиливать въ себѣ зло, то, очевидно, съ дальнѣйшимъ бытіемъ человѣчества должно усиливаться и зло. Какимъ образомъ вмѣняется намъ грѣхъ Адамовъ?—Вмѣняется не грѣхъ, какъ преступленіе заповѣди,—грѣховное дѣйствіе, а вмѣняется ἁμαρτία, vitiositas, постоянное худое состояніе Это состояніе грѣховно предъ Богомъ, потому что оно нечистое. *За что же мы виноваты, когда родились со грѣхомъ?* Мы не живемъ отдѣльною жизнію, а участвуемъ во всемъ,—во всей жизни человѣчества, составляемъ одно естество человѣческое, одно тѣло Что дѣлается вообще въ церкви, въ томъ по необходимости участвуютъ всѣ и каждый. Однимъ ударомъ отнята жизнь у всего человѣчества; слѣдов., долженъ умереть и каждый, какъ подвергается бездѣйственности, напр., рука, хотя человѣкъ пораженъ не въ нее, а въ голову. Притомъ если бы мы не любили живущаго въ насъ грѣха, то еще могли бы жаловаться нѣкоторымъ образомъ на правосудіе, вмѣняющее намъ порчу, не отъ насъ происшедшую. Но мы сердцемъ, сознаніемъ своимъ и свободою прилежимъ грѣху; слѣдов., справедливо наказываемся“ (См тамъ же лл 42 об. и 43, ср. разсужденія преосв. Димитрія объ освобожденіи отъ грѣха, тамъ же лл 43 об. и 44).

заключеніе. Во 1-хъ, всѣ сужденія и толки о какихъ-бы то ни было заимствованіяхъ, которыя будто-бы вошли въ догматику преосв. Макарія изъ лекцій преосв. Димитрія, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія [1]). Во 2-хъ, догматическія системы сейчасъ названныхъ нами іерарховъ были существенно различны какъ въ самомъ основаніи своемъ, такъ и въ частнѣйшемъ изложеніи. Наконецъ, въ 3-хъ, нисколько не удивительно то, если въ двухъ этихъ системахъ, принадлежащихъ учителю и ученику и вмѣстѣ съ тѣмъ ученикамъ одной и той же школы, мы находимъ нѣчто сходное. Напротивъ, въ высшей степени удивительно то, что преосв. Макарій, ученикъ замѣчательнаго богослова Димитрія, создалъ догматическую систему, такъ глубоко и существенно отличающуюся отъ системы преосв. Димитрія.

Съ изданіемъ пятитомной догматики, можно сказать, закончилась ученая богословская дѣятельность преосв. Макарія. Послѣдующая учено-литературная дѣятельность его имѣла почти исключительно своимъ предметомъ область исторіи русской Церкви и русскаго раскола. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что послѣ того, какъ преосв. Макарій напечаталъ свою пятитомную догматику, ему было поручено отъ начальства составить учебникъ по догматическому богословію для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ. „Не легкій и еще возложенъ на васъ трудъ составить учебникъ“, писалъ 27 января 1853 г. преосв. Елпидифоръ преосв. Макарію, „но вы имъ много уже не затруднитесь, и тѣмъ окончательно довершите то, чего требуетъ общая польза духовнаго нашего образованія“ [2]). Преосв. Макарій, дѣйствительно, скоро и, повидимому, безъ большихъ затрудненій исполнилъ возложенное на него порученіе. Составленный имъ учебникъ въ томъ же 1853 г. былъ представленъ въ духовно-цензурный комитетъ, который въ свою очередь съ одобреніемъ представилъ его въ Св. Си-

[1]) См. Труды Кіевск. дух. Акад. 1887 г. т. 2. стр. 241.
[2]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I. стр. 123.

нодъ. Св. Синодъ, прежде разрѣшенія напечатать, препроводилъ составленный преосв. Макаріемъ учебникъ по догматическому богословію на разсмотрѣніе м. Филарету, который продержалъ его у себя безъ всякаго отвѣта до самой смерти. Въ отчетѣ о своихъ трудахъ за 1855 годъ преосв. Макарій, между прочимъ, писалъ въ Правленіе Академіи, что онъ, „какъ профессоръ богословія, написалъ въ формѣ учебника „Начертаніе Православно-догматическаго богословія", уже болѣе года представленное изъ здѣшняго цензурнаго Комитета въ Св. Синодъ" [1]).

Въ заключеніе всей нашей рѣчи о богословскихъ трудахъ и о богословской учебной и ученой дѣятельности преосв. Макарія мы считаемъ весьма умѣстнымъ привести слѣдующую характеристику преосвящ. Макарія, какъ богослова,— характеристику, принадлежащую знаменитому херсонскому архіепископу Никанору. „Макарій", говорилъ онъ въ день полугодичнаго поминовенія своего бывшаго учителя и начальника, „былъ не только великій, а пока и безпримѣрный, по нѣкоторымъ чертамъ, богословъ. Послѣ того, какъ живая апостольская проповѣдь, запечатлѣвшись на всѣ вѣка, въ богооткровенныхъ апостольскихъ писаніяхъ, умолкла, христіанская вѣра, передаваемая отъ сердца сердцу, изъ устъ въ уста живымъ словомъ и примѣромъ, уставами и обычаями, закрѣплялась и въ письмени, спервоначала въ краткихъ сокращеніяхъ или символахъ вѣры, затѣмъ въ церковныхъ поученіяхъ, посланіяхъ и отдѣльныхъ трактатахъ, затѣмъ въ пѣсняхъ церковныхъ и вѣроопредѣленіяхъ соборовъ и святыхъ отцовъ. Въ этихъ первоосновныхъ письменныхъ памятникахъ христіанская вѣра раскрыта въ полномъ своемъ объемѣ до крайнихъ доступныхъ человѣческому постиженію глубинъ. Но систематическаго изложенія вѣры церковь не знала до VIII вѣка, до системы точнаго изложенія вѣры Св. Іоанна Дамаскина. До и со времени Іоанна Дамаскина никто ни въ

[1]) См. арх. СПБ—ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1855 г. дѣло № 41.

православной Восточно-греческой, ни въ Россійской церкви, не дерзалъ дать другую,—другую, конечно, не по смыслу, но по самому объему, по распорядку изъясненія, систему нашей вѣры до послѣднихъ вѣковъ. Уже въ русской церкви въ послѣдніе вѣка приснопамятный Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій, вынужденъ былъ напоромъ иновѣрія и колебаніемъ мыслей у самихъ православныхъ дать не распространенное, а сокращенное систематическое изложеніе вѣры въ чисто катихизической, заимствованной отъ христіанскаго Запада, формѣ, подъ именемъ исповѣданія православныя вѣры.. Затѣмъ уже на нашей живой памяти получили мы отъ приснопамятнаго митрополита Филарета, съ благословенія Св Синода, еще болѣе сокращенное изложеніе православныя вѣры, подъ именемъ Пространнаго Катихизиса. Упоминать-ли о попыткахъ болѣе широкой систематизаціи вѣры, то въ печатныхъ, то въ письменныхъ изложеніяхъ недавнихъ русскихъ богослововъ, предшественниковъ Макарія, начиная съ трудовъ архіепископа Ѳеофана Прокоповича и до множества другихъ позднѣйшихъ, хранящихся въ нашихъ библіотекахъ въ видѣ рукописей? Не всѣ эти изложенія зрѣлы, всесторонни, даже не всѣ во всемъ точны, почему въ большинствѣ и устранены изъ употребленія духомъ православія. Только Макарій (мы не говоримъ объ опытахъ богословствованія, предпринятыхъ по выходѣ въ свѣтъ богословскихъ трудовъ Макарія)—только Макарій, уже на нашихъ глазахъ, имѣлъ рѣдкое призваніе Божіе, имѣлъ высокое благословеніе Господа разумовъ, имѣлъ рѣдкій даръ, рѣдкое счастіе, при рѣдкой поддержкѣ сильныхъ, при сочувствіи всѣхъ, дать всей православной церкви обширное, обстоятельное, научно-богословское, строго православное и благочестивое руководство православной вѣры въ шести большихъ книгахъ богословія. Онъ же, своимъ рѣдкимъ счастіемъ, проложилъ дорогу и другимъ къ дерзновенію предавать гласности свои богословскія изслѣдованія, которыя по прежнимъ печатнымъ при-

мѣрамъ пугали и отгоняли отъ себя даже способныхъ. Изъ качествъ его капитальнаго богословскаго труда отмѣтимъ одно только, слишкомъ рѣдкое, никому изъ богослововъ въ данной мѣрѣ не принадлежавшее качество,—это необыкновенную мѣрность и вѣрность богословскаго взгляда, необыкновенный даръ найти и указать границу между положеніемъ богословскимъ и не богословскимъ, между догматическою богооткровенною истиной вѣры и положеніемъ человѣческаго, хотя и богословскаго, мнѣнія, качество,—которое называли необыкновеннымъ чутьемъ православія... Филаретъ, Иннокентій и Іоаннъ Смоленскій—тѣ поэтичнѣе, выше и глубже Макарія. Но Макарій безпримѣренъ по полнотѣ своей выработанной въ опредѣленныхъ научныхъ рамахъ и законченной богословской системы“ [1]).

Закончивъ свой великій богословско-догматическій трудъ, преосв. Макарій послѣ того тотчасъ предался всецѣло изслѣдованіямъ по исторіи русской церкви и русскаго раскола. Къ изученію исторіи русскаго раскола его побудила, кромѣ исполненія обязанностей наставника въ миссіонерскомъ противораскольническомъ отдѣленіи, можно думать, и прямая воля начальства. Результатомъ занятій преосв. Макарія исторіей русскаго раскола было изданіе имъ въ свѣтъ книги подъ заглавіемъ: „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства“. Сочиненіе это сначала печаталось на страницахъ академическаго журнала, при чемъ должно было предварительно пройти чрезъ ignеum purgatorium самой строгой и даже непріятной для автора цензуры [2]). „Не знаю“, писалъ 18 мая 1854 года преосв. Макарій архіеп. Иннокентію, „какъ покажется вашему высокопреосвя-

---

[1]) См. Черниг. Епарх. Вѣд. 1882 г. № 15.

[2]) См. Христ. Чтен. 1853 г. кн. XI. отд. 1. стр. 377—420; 1854 г. кн. 1. отд. 3, стр. 24—64. кн. 3 стр. 184—259; кн. V. стр. 446—474; кн. VI стр. 475—519; кн. VII стр. 102—154; кн. X стр. 270—328; кн. XI стр. 351—400 и кн. XII. стр, 470—522.

ществу моя исторія русскаго раскола: но она надѣлала мнѣ много крайнихъ огорченій, когда проходила мытарства синодальной цензуры [1]). По напечатаніи книги, при чемъ кажется, по требованію цензуры было перемѣнено самое заглавіе ея [2]), она была снова представлена въ св. Синодъ и уже съ его благословенія выпущена была въ свѣтъ. „Моя исторія раскола", писалъ преосв. Макарій 10 сентября 1854 года Иннокентію, еще не кончена; кончится не прежде декабря, потомъ должна поступить въ св. Синодъ и, вѣроятно, выйдетъ въ свѣтъ отдѣльною книгою не прежде великаго поста" [3]). Это предположеніе преосв. Макарія сбылось съ буквальною точностію. Въ декабрьской книжкѣ „Христ. Чтенія" за 1854 г. было окончено печатаніе „Критическаго очерка исторіи русскаго раскола", а 25 апрѣля 1855 года преосв. Макарій уже подносилъ „экземпляръ новоизданнаго его сочиненія архіеп. Иннокентію [4]).

Какъ статьи Христ. Чтенія по исторіи русскаго раскола, такъ и самая „исторія русскаго раскола" были приняты образованнымъ обществомъ—духовнымъ и свѣтскимъ—весьма сочувственно и съ общимъ почти интересомъ. „Съ особеннымъ удовольствіемъ", писалъ архіеп. Иннокентій преосв. Макарію 2 января 1854 года, „читаю я ваши (безъ сомнѣнія?) статьи въ Христ. Чтеніи о раскольникахъ. Пишите, если можно, дальше и больше: вещь истинно нужная и полезная" [5]). „Примите искреннѣйшую благодарность мою", писалъ 14 апрѣля 1855 г. преосв. Макарію академикъ Плетневъ, „за

---

[1]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I. стр. 814

[2]) Автографъ настоящаго сочиненія преосв. Макарія имѣлъ сначала такое же заглавіе, какъ и статьи, которыя печатались въ Христ. Чтеніи, т. е. „Критическій очеркъ исторіи русскаго раскола"; но потомъ самъ преосв. Макарій измѣнилъ это заглавіе на то, подъ какимъ извѣстно и теперь его сочиненіе по расколу.

[3]) См. Христ. Чтен. 1884 г. т. I. стр. 815.

[4]) См. тамъ же.

[5]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 26.

прекрасный подарокъ, который отъ васъ я имѣлъ честь получить сегодня. Новое сочиненіе ваше „Исторія русскаго раскола“ для нашихъ ученыхъ будетъ служить образцомъ, какъ надобно собирать историческіе матеріалы, какъ приводить ихъ къ единству прагматическаго сочиненія и, наконецъ, какъ излагать исторію въ высокомъ ея значеніи.... Читая новое сочиненіе ваше, я остаюсь въ недоумѣніи, какъ вы могли, будучи еще молодымъ человѣкомъ, извлечь совершенно изъ новыхъ источниковъ, никѣмъ не указанныхъ, столько подробныхъ свидѣтельствъ о предметѣ, можно сказать, никѣмъ не тронутомъ, и внести столько занимательности и убѣдительности въ повѣствованіе чисто спеціальное“ [1]).

Отзывы преосв. Иннокентія и П. А. Плетнева были частные и при томъ они были высказаны ими въ письмахъ къ самому же преосв. Макарію. Но не менѣе лестные отзывы о трудѣ преосв. Макарія были сдѣланы и лицами оффиціальными въ ученыхъ изданіяхъ того времени. Такова, напр., библіографическая записка предсѣдателя 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ И. И. Давыдова, которую онъ читалъ въ одномъ изъ засѣданій этого отдѣленія въ 1855 году. Сказавъ предварительно о томъ, что къ искорененію русскаго раскола у насъ издавна прилагали стараніе святители и знаменитые архипастыри, академикъ Давыдовъ затѣмъ такъ продолжалъ: „послѣ столь многихъ ученыхъ и богословскихъ трудовъ, преосв. Макарій предпринялъ исторически раскрыть происхожденіе, возрастаніе и укорененіе раскола и мысль свою въ разсматриваемомъ сочиненіи осуществилъ превосходно. Сочиненіе преосв. Макарія, обнимающее всѣхъ предшествовавшихъ ему писателей, обогащено новыми свѣдѣніями, добытыми имъ самимъ изъ нетронутыхъ доселѣ по сему предмету источниковъ, каковы: сокровища Румянцевскаго Музея, описанныя академикомъ Востоковымъ, Акты

[1]) Си. Письмо къ м. Макарію въ отдѣльномъ оттискѣ изъ „Русск. Стар.“ (т. 66) стр. 205.

и Лѣтописи Археографической Коммиссіи, Полное Собраніе законовъ... Составленная имъ исторія раскола достигаетъ двоякой цѣли: ученой и нравственной. Въ первомъ отношеніи онъ изображаетъ съ возможною вѣрностію, отчетливостію и полнотою одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій нашей церковной жизни, доселѣ еще не разъясненное вполнѣ, во второмъ отношеніи сочиненіе преосв. Макарія представляетъ историческую картину русскаго раскола такъ, что и заблуждающіеся должны ясно видѣть свои заблужденія и православные могутъ получить настоящее понятіе о расколѣ и надежное предостереженіе отъ уклоненія съ пути истины“ [1]).

Въ виду сейчасъ приведенныхъ нами, должно согласиться, совершенно компетентныхъ и безпристрастныхъ отзывовъ о трудѣ преосв. Макарія по исторіи русскаго раскола, представляется довольно страннымъ мнѣніе преосв. Филарета Гумилевскаго о немъ. „Слышно“, писалъ онъ 17 декабря 1853 года А. В. Горскому, „въ духовныхъ журналахъ нашихъ предписано помѣщать статьи о расколѣ. Пожалуйста— не допускайте такихъ безтолковыхъ статей, какова помѣщена въ ноябрьской книжкѣ Христіанскаго Чтенія. Такія статьи могутъ только сбивать съ толку нетолковитыхъ нашихъ бородачей“ [2]). Въ ноябрьской же книжкѣ Христ. Чтенія за 1853 г. была помѣщена первая статья преосв. Макарія изъ его сочиненія: „Исторія русскаго раскола“.

Кромѣ капитальнаго изслѣдованія по исторіи русскаго раскола, преосв. Макарій написалъ въ данное время нѣсколько мелкихъ произведеній, въ которыхъ изслѣдовалъ различные вопросы по тому же предмету. Таковы его статьи: 1) „Два древніе символа вѣры, по рукописямъ XIII вѣка, какъ два новыя свидѣтельства противъ неправды раскольнической“ и 2) „о сектѣ странниковъ“. Первое изъ названныхъ нами

[1]) См. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по отд. русск. яз. и слов. т. IV СПБ. 1855 г. стр. 185—186.

[2]) См. Прибавл. къ твор. свв. отцовъ 1885 г. кн. IV. стр. 449.

сейчасъ произведеній преосв. Макарія было напечатано на страницахъ академическаго журнала[1]) и въ немъ сначала приводились буквально два древнихъ символа, которые до того времени оставались наизвѣстными, а потомъ, въ видѣ обращенія къ раскольникамъ, дѣлалось заключеніе, что „должно, по всей справедливости, отдать преимущество нашему церковному символу предъ вашимъ, въ которомъ вопреки запрещенію третьяго вселенскаго собора, сдѣлано уже позднѣйшее произвольное прибавленіе, „*истиннаго*“ въ членѣ о Св. Духѣ, и что разночтеніе въ символѣ вѣры: „*его же царствію не будетъ конца*“ и „*его же царствію нѣсть конца*“ совершенно безразлично въ догматическомъ отношеніи, хотя чтеніе первое болѣе древнее“. Второе изъ названныхъ произведеній преосв. Макарія доселѣ еще остается не напечатаннымъ въ полномъ своемъ видѣ. Обстоятельства происхожденія этого сочиненія были таковы. Въ 1855 г. преосв. Макарію было поручено начальствомъ разсмотрѣніе огромнаго дѣла о „сектѣ странниковъ“. Результатомъ исполненія этого порученія и было составленіе преосв. Макаріемъ подробной статьи о новой раскольнической сектѣ. Статья, по собственному свидѣтельству преосв. Макарія, была тогда же пред-

[1]) См. 1853 г. кн. IX отд. 3. стр. 217—223. Кромѣ того мы предлагаемъ только въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятной догадки, что преосв. Макарію принадлежатъ нѣкоторыя изъ мелкихъ статей по предмету русскаго раскола за 1853—1857 г. въ Христ. Чтеніи, напр. „о святительскомъ жезлѣ, „обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ“ (1853 г. кн. XII *отд.* 3 т. л. 493—500), „о изображеніяхъ св. евангелистовъ, въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ“ (1854. VI. 3. 370—388), „о церкви для вразумленія мнимыхъ старообрядцевъ изъ сочиненія, существующаго въ рукописи подъ заглавіемъ: „о церкви и раскольникахъ, іером. Виталія, обратившагося въ единовѣріе изъ раскола“. (См. у Н. И. Петрова. Описаніе рукоп. собр., наход. въ Кіевѣ М. 1892 г. вып. 1 стр. 139—140). Впрочемъ, сейчасъ названныя нами статьи могли быть написаны и другимъ авторомъ, напр. іером. Никаноромъ, который въ то время также занимался исторіей русскаго раскола.

ставлена имъ въ Св. Синодъ [1]). Съ содержаніемъ ея мы имѣли возможность познакомиться по автографу—рукописи, переданной намъ С. А. Булгаковымъ. Статья раздѣляется на 6 небольшихъ главъ, изъ коихъ въ первой дается понятіе о сектѣ странниковъ и указываются источники предлагаемыхъ о ней свѣдѣній, во второй излагается краткая исторія и статистика секты, въ третьей говорится о составѣ и устройствѣ секты, въ четвертой—излагается ученіе секты, въ пятой говорится о богослуженіи секты и въ шестой авторъ знакомитъ насъ съ духомъ и нравственностію секты. Считаемъ необходимымъ замѣтить при этомъ, что содержаніе первыхъ трехъ главъ настоящей статьи вошло съ самыми незначительными пропусками и перемѣнами въ „Исторію русскаго раскола“; а послѣднія три главы доселѣ остаются въ рукописи. Содержаніе ихъ въ высшей степени интересно, какъ основанное на секретныхъ документахъ, предоставленныхъ начальствомъ въ распоряженіе преосв. Макарія.

Напечатанныя преосв. Макаріемъ сочиненія по исторіи русскаго раскола, показавъ въ немъ основательнаго знатока дѣла, скоро доставили ему справедливую славу перваго русскаго расколовѣда. Между тѣмъ начало 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія было временемъ особеннаго оживленія въ изученіи русскаго раскола. Были открыты противораскольническія миссіонерскія отдѣленія при всѣхъ академіяхъ и семинаріяхъ, епархіальнымъ преосвященнымъ было поручено обратить особенное вниманіе на дѣло изученія и борьбы съ раскольниками, наконецъ, предписано было въ духовныхъ журналахъ помѣщать статьи по исторіи раскола [2]). Въ случаяхъ особенно важныхъ, возникавшихъ по дѣламъ о расколѣ, обращались главнымъ образомъ къ преосв. Макарію, какъ Св.

---

[1]) См у Н. И. Петрова. Описаніе рукоп. соб., наход. въ Кіевѣ М. 1892 г. стр. 134.

[2]) См. стр. 279—283 (Изд. 1855 г, С.П.Б.).

Синодъ, такъ и епархіальные преосвященные. Такъ, мы уже знаемъ, что преосв. Макарій былъ собственно организаторомъ противораскольническихъ миссіонерскихъ отдѣленій, открытыхъ въ 1853 г. при академіяхъ и семинаріяхъ, и онъ же составилъ уставъ для нихъ. Ему же поручались Св. Синодомъ важнѣйшія дѣла, поступавшія по дѣламъ раскола отъ гражданскаго начальства и епархіальныхъ преосвященныхъ. Такъ, напр., въ 1855 г. онъ, по порученію Св. Синода, разсматривалъ синодальную библіотеку старопечатныхъ книгъ и рукописей и выбралъ изъ нея множество книгъ для миссіонерскихъ отдѣленій противъ раскола, учрежденныхъ при семинаріяхъ, разсматривалъ нѣсколько раскольническихъ рукописей и книгъ, присланныхъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ отъ черниговскаго генералъ-губернатора, и представилъ объ этомъ свое мнѣніе въ Св. Синодъ, разбиралъ многія бумаги о современномъ состояніи раскола въ Смоленской губерніи и представилъ свои соображенія объ этомъ въ Св. Синодъ, наконецъ, разсматривалъ уже раньше упомянутое дѣло о „сектѣ странниковъ“ [1]). Очень многія порученія исполнялъ и очень многіе совѣты давалъ преосв. Макарій по дѣламъ раскола также и нѣкоторымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, обращавшимся къ нему съ просьбами объ этомъ, напр., архіеп. Иннокентію, еп. Анатолію Мартыновскому и еп. Елпидифору Бенедиктову. Архіеп. Иннокентію преосв. Макарій собиралъ и доставлялъ выписки по дѣлу о скопцахъ [2]), преосв. Анатолію оказывалъ содѣйствіе въ изданіи имъ своихъ посланій къ раскольникамъ [3]), а преосв. Елпидифору давалъ разъясненія по поводу единовѣрія [4]).

Изслѣдованія преосв. Макарія по исторіи русскаго рас-

---

[1]) См. арх. СПБ-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1855 г. дѣло № 41.

[2]) См. Церк. Вѣстн. 1883 г. № 26.

[3]) См. Правосл. Обозр. 1888 г. т. 3 стр. 699—700.

[4]) См. тамъ же 1888 г. т. I, стр. 126—127.

кола были, можно сказать, плодомъ его должностныхъ занятій и исполненія имъ различныхъ порученій. Наоборотъ, изслѣдованія его по русской церковной исторіи были, видимо, результатомъ удовлетворенія собственному расположенію преосв. Макарія къ занятіямъ этимъ предметомъ. Занятій этимъ предметомъ преосв. Макарій, видимо, не прерывалъ никогда и даже въ то время, когда онъ былъ занятъ такимъ важнымъ дѣломъ, какъ сочиненіе и печатаніе „Православно-Догматическаго Богословія". Объ этомъ можно заключать, между прочимъ, на томъ основаніи, что преосв. Макарій приступилъ къ продолженію своей исторіи русской церкви тотчасъ-же послѣ того, какъ кончилъ печатаніе догматики. Въ теченіе первой половины 1853 года онъ уже закончилъ печатаніе видимо еще раньше подготовленныхъ, но, по случаю занятій догматикой, прерванныхъ статей подъ заглавіемъ: „Церковь Русская во дни св. Владиміра и Ярослава до избранія м. Иларіона" [1]). Статьи эти впослѣдствіи составили первый томъ извѣстной „Исторіи Русской Церкви" преосв. Макарія. Съ половины 1853 г. печатаніе изслѣдованій преосв. Макарія по исторіи русской церкви снова прерывается. Это произошло отъ того, что тогда онъ былъ всецѣло занятъ составленіемъ и печатаніемъ своей „Исторіи русскаго раскола", а также исполненіемъ различныхъ другихъ порученій по дѣламъ раскола. Когда же преосв. Макарій окончилъ свои занятія по расколу, онъ снова предается вполнѣ свободно и съ видимымъ, чисто юношескимъ, увлеченіемъ занятіямъ по своему любимому предмету,—исторіи русской церкви. Плодомъ этихъ занятій былъ цѣлый почти непрерывный рядъ изслѣдованій, которыя печатались въ академическомъ журналѣ, а также и въ изданіяхъ втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Въ Христіанскомъ Чтеніи печатался въ теченіи 1855, 1856 и 1857 годовъ рядъ статей преосв. Макарія подъ за-

[1]) См. Христ. Чтен. 1853 г. кн. I. отд. 3. стр. 15—78. Кн. III. отд. 3. стр. 183—232 и кн. VI отд. 3. стр. 463—497.

главіями: „Состояніе Русской Церкви со времени избранія митрополита Иларіона до митрополита Климента“ [1]) и „Состояніе Русской церкви со времени избранія митрополита Климента до митрополита Кирилла [2]) II-го“. Всѣ эти статьи отмѣчались обозрѣвателемъ періодической литературы въ Журналѣ Министерства Народнаго просвѣщенія“, какъ выдающіяся и превосходныя [3]). Выходъ же въ свѣтъ всѣхъ этихъ статей отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ трехъ томовъ въ 1857 году былъ отмѣченъ всѣми, какъ замѣчательная и рѣдкая эпоха въ области церковно-исторической литературы. Конечно, было-бы непослѣдовательно и несправедливо оцѣнивать значеніе церковно-историческаго труда преосв. Макарія, изданнаго имъ въ 1857 году, съ точки зрѣнія современнаго состоянія науки исторіи русской церкви. Съ того времени прошло уже 40 лѣтъ, за это время естественно долженъ былъ измѣниться взглядъ на нѣкоторыя событія древней русской церковной исторіи. Сдѣланныя же за это время многочисленныя открытія и изслѣдованія установили и совершенно новое рѣшеніе вопросовъ, затронутыхъ преосв. Макаріемъ 40 лѣтъ тому назадъ. Поэтому, слѣдуя принятому нами правилу оцѣнивать значеніе трудовъ преосв. Макарія съ точки зрѣнія тогдашняго состоянія русской науки, мы то же самое сдѣлаемъ и относительно первыхъ трехъ томовъ его „Исторіи Русской Церкви“.

Среди многочисленныхъ отзывовъ, появившихся вскорѣ послѣ выхода этого сочиненія преосв. Макарія, наиболѣе об-

---

[1]) См. 1855 г. кн. IV отд 3. стр. 295—293; кн. VI стр. 431—482; кн. IX стр. 235—300; кн. X. стр. 201—356; кн. XII стр. 437—476; 1856 г. кн. I. отд. 3. стр. 24—59; кн. III стр. 137—169.

[2]) См. 1856 г. кн. V. отд. 3 стр. 322—357; кн. VII стр. 3—44; кн. IX стр. 165—209; кн. XI стр. 344—404. кн. XII стр. 405—443;1857 г. кн. I, стр. стр. 27—63; кн. II, стр. 142—160; кн. III, стр. 161—177.

[3]) См. 1853 г, 78 ч. отд. VI стр. 195; 1855 г. ч. 88 от. VI стр. 93; 1856 г. ч. 89 отд. VI стр. 114; 1857 г. ч. 94 отд. VI стр. 4.

стоятельными были два. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ Извѣстіяхъ 2-го отдѣленія Императорской Академіи Наукъ и принадлежалъ проф И. А. Чистовичу. Этотъ послѣдній отмѣчалъ слѣдующія достоинства труда преосвящ. Макарія. Первымъ изъ нихъ онъ признавалъ всесторонность изслѣдованія и сообщеніе новыхъ матеріаловъ и фактовъ изъ нашей древней церковной исторіи. „Ни одинъ выводъ не прошелъ не замѣченнымъ, ни одно предположеніе не осталось безъ оцѣнки. Борьба противоположныхъ мнѣній нерѣдко вызывала автора на усиленныя изысканія и онъ открываетъ истину или высшую вѣроятность со всѣмъ безпристрастіемъ правдиваго историка. Изученіе и употребленіе источниковъ обнаруживаетъ въ сочинителѣ при многосторонней и основательной учености критическій навыкъ. Размѣщеніе (группировка) и искусное освѣщеніе лицъ и событій на исторической картинѣ показываютъ историческій тактъ, пріобрѣтаемый опытностію и навыкомъ въ семъ родѣ сочиненій. Разборъ литературныхъ памятниковъ—поученій древнихъ русскихъ іерарховъ, пастырскихъ посланій, духовныхъ сказаній постоянно управляется тонкимъ вкусомъ. Церковныя правила русскихъ пастырей, предложенныя на вопросы духовныхъ и свѣтскихъ лицъ,—лучшее выраженіе понятій и нравовъ эпохи, изложены съ такою полнотою, какая необходима для характеристики вѣка; въ канонической части изъяснены чрезъ снесеніе съ правилами вселенскихъ и мѣстныхъ соборовъ, св. отецъ и съ каноническими опредѣленіями греческихъ патріарховъ. Большая часть источниковъ для русской исторіи доселѣ не изданы въ печать, а остаются въ рукописяхъ. Сочинитель исторіи русской Церкви имѣлъ возможность пользоваться такими, часто драгоцѣнными, матеріалами, которые не для всякаго доступны, какъ-то: рукописи Софійской Новгородской библіотеки и Румянцевскаго Музеума“...

Другимъ не менѣе замѣчательнымъ достоинствомъ сочиненія преосв. Макарія рецензентъ признавалъ естественность

й правильность плана. „Планъ сочиненія", говоритъ онъ, „выведенъ изъ одного основнаго начала отношенія русской церкви къ константинопольскому патріарху. Русская церковь есть только часть церкви восточной, православно-каѳолической. Съ этою церковію она всегда, со времени происхожденія своего и до нынѣ, сохраняла и сохраняетъ самое полное внутреннее единеніе, содержа одну и ту же православную вѣру, одни и тѣ же основные каноны и постановленія. Идея чрезвычайно вѣрная исторически и плодотворная по своему примѣненію и слѣдствіямъ. Здѣсь факты говорятъ сами за себя. Прочтите VI—VII страницы предисловія къ Исторіи Русской Церкви, чтобы убѣдиться въ чрезвычайной вѣрности и обширномъ примѣненіи этого начала... Высказываемое иногда требованіе, что начало для обозрѣнія Русской церковной исторіи надлежитъ заимствовать изъ внутренней исторіи церкви, изъ развитія народнаго пониманія религіи и усвоенія нравственныхъ истинъ въ дѣятельной жизни, сколько несправедливо—потому что удаляетъ изъ обозрѣнія внѣшнюю сторону церкви, существенно принадлежащую исторіи ея, какъ религіознаго общества, развивающагося во внѣшнихъ формахъ и отношеніяхъ, столько и неосуществимо, потому что никто изъ людей не можетъ опредѣлить мѣры нравственнаго совершенства и преуспѣянія одного человѣка, тѣмъ болѣе цѣлаго народа. Добродѣтели же и благочестіе избранныхъ, которые вводятся въ исторію, какъ образцы христіанской жизни, не могутъ служить мѣрою духовнаго совершенства „для цѣлаго христіанскаго общества въ данное время".

„Несправедливо было бы", говорилъ далѣе рецензентъ, „оставить незамѣченнымъ еще одно достоинство исторіи преосв. Макарія,—прекрасное изложеніе, какимъ отличаются, впрочемъ, всѣ произведенія этого писателя. Трудъ его, сохраняя все достоинство ученаго труда, составляетъ въ то же время пріятное, замѣчательное и поучительное чтеніе для всѣхъ классовъ общества. Сочинитель такъ искусно разнообразитъ изложеніе, такъ незамѣтно перемѣшиваетъ свой разсказъ съ

выписками изъ древнихъ писателей, такъ удачно вводитъ лѣтописныя сказанія, сужденія очевидцевъ, поученія пастырей церкви, сказанія путешественниковъ и біографическія подробности, наконецъ рельефнымъ очертаніемъ событій и характеристикою лицъ такъ вводитъ въ духъ стараго времени, его нравы и обычаи, что занимательность чтенія одинаково поддерживается отъ начала до конца. При этомъ способѣ изложенія сочинитель упростилъ рѣчь до послѣдней возможности. Но эта простота изящна въ высшей степени; это—чистая, правильная, текущая русская рѣчь, безъ примѣси не свойственныхъ ей реченій и оборотовъ". Въ заключеніе, перечисливъ выдающіеся труды по исторіи русской церкви и замѣтивъ, что собственно ученый опытъ церковной исторіи сдѣланъ преосв. Филаретомъ (Гумилевскимъ), рецензентъ признавалъ трудъ преосв. Макарія значительно превосходящимъ исторію преосв. Филарета въ слѣдующихъ четырехъ отношеніяхъ: 1) полнотою, 2) строгостію и отчетливостью въ планѣ, 3) точностію въ изложеніи событій, строгостію выводовъ и безпристрастіемъ въ оцѣнкѣ событій, лицъ и характеровъ и 4) простотою, обстоятельностію и общепонятностію изложенія" [1]).

Другой такой же обстоятельный отзывъ о трудѣ преосв. Макарія былъ помѣщенъ въ свое время на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ". Отзывъ этотъ принадлежитъ видимо лицу компетентному въ области русской церковной исторіи. Авторъ его отдаетъ полную честь труду преосв. Макарія. Трудъ этотъ онъ поставляетъ безспорно выше всѣхъ другихъ предшествовавшихъ трудовъ по предмету русской церковной исторіи, не исключая при этомъ и сочиненія преосв. Филарета. Рецензентъ возражалъ только противъ плана, или, точнѣе, даже противъ дѣленія на періоды, принятаго преосв. Макаріемъ. „Дѣленіе на періоды", говорилъ онъ, „очень ча-

[1]) См. Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по отдѣл. русскаго языка и словесности т. VI. 1858 г. стр. 72—78.

сто имѣетъ невыгодныя стороны, какъ вещь, въ сущности не имѣющая въ себѣ ничего необходимаго; если же оно основано на какомъ нибудь случайномъ обстоятельствѣ, какъ здѣсь, то тѣмъ менѣе можетъ быть принято за вѣрное распредѣленіе событій.... Внутренняя исторія церкви, религіозное развитіе народа, выраженіе его вѣрованій въ общественномъ быту, исторія его нравственныхъ понятій и убѣжденій, конечно, важнѣе другихъ внѣшнихъ событій церковной исторіи и, разумѣется, не зависѣла отъ того, какимъ образомъ устроено было наружное чиноначаліе и управленіе. Другое дѣло, еслибы съ измѣненіемъ внѣшней іерархіи происходили и внутренніе перевороты, которые были-бы причиной измѣненій, но подобныхъ случаевъ авторъ, вѣроятно, не признаетъ въ нашей церковной исторіи. Что, дѣйствительно, дѣленіе на періоды по внѣшнимъ случайнымъ обстоятельствамъ бываетъ почти излишне, можно видѣть и изъ настоящей книги преосв. Макарія, гдѣ говорится не прямо объ іерархическихъ отношеніяхъ, принятыхъ имъ за основу дѣленія: такъ авторъ весьма часто принужденъ въ каждомъ періодѣ повторять почти одни и тѣ же выводы и заключенія, напр., о внутреннемъ устройствѣ церкви, законодательствѣ, обрядахъ и т. п.; разница въ томъ только, что въ одномъ случаѣ приводятся указанія изъ памятниковъ XI вѣка, въ другомъ—XII XIII в.“ [1]). Рецензентъ, далѣе, поставлялъ въ „особенную

[1]) Замѣтимъ, что проф. Чистовичъ, какъ мы выше видѣли, признавъ дѣленіе русской церковной исторіи, принятой у преосв. Макарія, вѣрнымъ и, наоборотъ, признавъ дѣленіе съ точки зрѣнія начала, заимствованнаго изъ внутренней исторіи церкви, несправедливымъ и неосуществимымъ. Уже изъ этого можно заключить, какъ трудно было установить правильное дѣленіе русской церковной исторіи на періоды, особенно преосв. Макарію, который долженъ былъ первый дѣлать это. Считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что мы совершенно несогласны съ мнѣніемъ рецензента, будто у преосв. Макарія—то же самое дѣленіе на періоды, какое принято и преосв. Филаретомъ въ его исторіи, точнѣе мы не согласны съ мнѣніемъ, что преосв. Макарій заимствовалъ дѣленіе на періоды, у преосв. Филарета. Мнѣніе это высказывалось не однимъ только рецензентомъ, но и другими. Его, напр., держится и біографъ преосв. Филарета Гумилевскаго г. Листовскій (См. Рус. Арх. 1887 г. кн. II-я стр. 389). Преосв

заслугу преосв. Макарію чрезвычайно внимательное изученіе древнѣйшихъ памятниковъ въ нашей духовной литературѣ". При этомъ онъ перечисляетъ весьма длинный рядъ разныхъ памятниковъ древне-русской письменности, напр., богослужебныхъ книгъ, службъ русскимъ святымъ, житій русскихъ святыхъ, поученій и посланій и т. д.,—памятниковъ, которые приводятся у преосв. Макарія или въ совсѣмъ новыхъ спискахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ новыхъ редакціяхъ. Въ заключеніе рецензентъ одобрялъ чисто фактическій, подробный и объективный характеръ изложенія у преосв. Макарія, и только выражалъ пожеланіе, чтобы въ дальнѣйшихъ томахъ онъ не ограничивался однимъ изложеніемъ видимыхъ фактовъ, но раскрывалъ и внутренній смыслъ тѣхъ разнообразныхъ событій, которыми такъ богата исторія нашей церкви" [1]).

Въ тѣснѣйшей связи съ главнымъ трудомъ преосв. Ма-

Макарій началъ свои работы по русской церковной исторіи, если не раньше, то по крайней мѣрѣ одновременно съ нимъ и при томъ—что самое главное—работалъ совершенно независимо отъ него. Макарій, еще будучи баккалавромъ Кіевск. дух. Академіи, трудился самостоятельно надъ установленіемъ плана и дѣленія русской церковной исторіи. То же самое онъ продолжалъ и въ бытность инспекторомъ и профессоромъ С.-Петербургской духовной Академіи, когда опять таки исторія преосв. Филарета была еще не напечатана. Выработанный въ это время преосв. Макаріемъ планъ положенъ былъ имъ впослѣдствіи въ основу всей его исторіи Русской церкви. Преосв. Макарій самъ признавалъ, съ одной стороны, крайне труднымъ дѣломъ установленіе плана и дѣленія русской церковной исторіи, а съ другой, считалъ принятое имъ дѣленіе далекимъ отъ совершенства. „Планъ для будущаго моего сочиненія", писалъ онъ 9 апрѣля 1846 года преосв. Иннокентію, „я уже троекратно перестраивалъ, и тотъ, который у меня въ головѣ, уже не нравится мнѣ". Представивъ затѣмъ краткій очеркъ этого плана, сходный въ общемъ съ тѣмъ планомъ, какой видимъ въ послѣдующихъ трудахъ преосв. Макарія, онъ замѣчалъ: „раздѣленіе по времени, здѣсь представленное, кажется, измѣнять не буду; но раздѣленіе по предмету непремѣнно устраню. Это насильственный разрывъ главныхъ событій, который неизбѣжно лишаетъ жизни и самую исторію. Но чѣмъ замѣнить это, на что лучше рѣшиться, еще не думалъ". (См. Христ. Чтен. 1884 г. т. 1 стр. 800—801) Однакоже впослѣдствіи обстоятельства заставили преосв. Макарія сохранить въ общемъ прежній планъ.

[1]) См. Отеч. Зап. 1857г. т. CXIII отд. 3 стр. 1—12 Рецензія А. Н П—на.

карія по исторіи русской церкви находились и всѣ другія мелкія произведенія его по тому же самому предмету. Эти послѣднія были результатомъ его занятій по особенно важнымъ, или просто интереснымъ въ какомъ-либо отношеніи вопросамъ изъ области русской церковной исторіи. Всѣ эти изслѣдованія помѣщались преосв. Макаріемъ почти исключительно на страницахъ изданій втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ—его „Извѣстій“ и „Ученыхъ Записокъ“. Таковы были слѣдующія его произведенія: 1) „Еще объ Іаковѣ мнихѣ“ 2) „Записка о Ѳеодосіѣ, писателѣ житія Володимерова“ 3) „Преподобный Ѳеодосій Печерскій, какъ писатель“ 4) „Обзоръ редакцій кіево-печерскаго патерика, преимущественно древнихъ“ и 5) „Св. Кириллъ, епископъ туровскій, какъ писатель“. Названныя нами сейчасъ сочиненія преосв. Макарія были напечатаны въ „Извѣстіяхъ“ втораго отдѣленія Академіи Наукъ, при чемъ всѣ они, за исключеніемъ перваго, предварительно читались имъ въ засѣданіяхъ отдѣленія.

Въ статьѣ „Еще объ Іаковѣ мнихѣ“ преосв. Макарій разбиралъ мнѣнія Буткова и Тюрина, съ одной стороны, и Погодина, съ другой, объ Іаковѣ мнихѣ и въ концѣ концовъ приходилъ къ такому заключенію, что „вопросъ о мнихѣ Іаковѣ нельзя еще считать рѣшеннымъ, пока не сдѣлается извѣстнымъ наибольшее число списковъ приписываемыхъ ему сочиненій“ [1]).—Въ разсужденіи „о Ѳеодосіѣ, писателѣ житія Володимерова“, преосв. Макарій, на основаніи патерика новгородской софійской библіотеки XV вѣка, доказывалъ, что инокъ Ѳеодосій, упомянувшій о себѣ въ словѣ о крещеніи св. Владиміра, былъ не сочинитель, а переписчикъ. Слово о Владимірѣ онъ выписалъ изъ лѣтописи Несторовой, а другія слова изъ посланій св. Симона и Поликарпа, св. Кирилла

[1]) См. т. II стр. 145 и слѣд.

Туровскаго, Климента, еп. болгарскаго [1]). Въ разсужденіи „о преп. Ѳеодосіѣ печерскомъ, какъ писателѣ“ преосв. Макарій сначала раздѣлялъ всѣ сочиненія великаго печерскаго игумена на 4 разряда (поученіе къ народу, инокамъ кіево-печерскимъ и в. к. Изяславу и двѣ молитвы) и затѣмъ кратко характеризовалъ каждый изъ этихъ родовъ [2]).—Далѣе, въ четвертомъ изъ названныхъ нами сочиненій преосв. Макарій дѣлаетъ подробное критическое обозрѣніе всѣхъ древнѣйшихъ редакцій кіево-печерскаго патерика и приходитъ къ такому заключенію. Патерикъ печерскій не есть сочиненіе одного автора. Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не написали патерика. Первый только составилъ житіе преп. Ѳеодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ печерскихъ. Второй написалъ свое посланіе къ частному лицу, гдѣ въ назиданіе ему упомянулъ о нѣкоторыхъ подвижникахъ печерскихъ. Третій хотя и предназначалъ свое посланіе для чтенія всей братіи печерской обители, но разсказывалъ также только о нѣкоторыхъ печерскихъ подвижникахъ и дѣлалъ обращеніе къ частному лицу. Изъ этихъ отдѣльныхъ сочиненій составился общій патерикъ разныхъ редакцій, изъ коихъ древнѣйшія слѣдующія: арсеніевская, ѳеодосіевская, ананіевская и кассіановская [3]). Наконецъ, въ изслѣдованіи „о св. Кириллѣ, епископѣ туровскомъ, какъ писателѣ“ преосв. Макарій сначала дѣлалъ обозрѣніе по возможности всѣхъ извѣстныхъ сочиненій св. Кирилла какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, затѣмъ опредѣлялъ, какія сочиненія его не дошли до насъ и какія несправедливо ему приписываются и, въ заключеніе, показывалъ отличительныя свойства подлинныхъ его произведеній со стороны содержанія, духа и изложенія [4]).

---

[1]) См. т. IV. СПБ. 1855 г. стр. 113—116 ср. т. V СПБ. 1856 г. стр. 7.

[2]) См. т. IV СПБ. 1855 г. стр. 273—193 ср. т. V СПБ. 1856 г. стр. 7.

[3]) См. т. V СПБ. 1856 г. стр. 129—167 ср. т. VI СПБ. 1858 г. стр. 11.

[4]) См. т. V СПБ. 1856 г. стр. 225—263 ср. т. VI СПБ. 1858 г. стр. 11—12.

Въ „Ученыхъ запискахъ“ втораго отдѣленія Академіи Наукъ за 1856 г. были помѣщены „Творенія преп. Ѳеодосія Печерскаго въ подлинникѣ“, приготовленныя для изданія преосв. Макаріемъ [1]).

Кромѣ перечисленныхъ нами мелкихъ произведеній по русской церковной исторіи, преосв. Макарію безспорно принадлежитъ еще одно небольшое церковно-историческое изслѣдованіе, которое было напечатано имъ въ своемъ академическомъ журналѣ. Разумѣемъ „Обозрѣніе священныхъ древностей, находящихся въ Свято-Троицкой Александро-невской лаврѣ“ [2]). Здѣсь говорилось: 1) о мощахъ угодниковъ Божіихъ и другихъ священныхъ останкахъ, 2) о крестахъ, 3) евангеліяхъ, 4) иконахъ и 5) колоколахъ. Считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь, что преосв. Макарій занимался одно время и составленіемъ исторіи Александро-невской лавры. Въ его бума-

---

[1]) См. кн. II вып. I. II СПБ. 1856 г. ср. „Извѣстія“ т. IV СПБ. 1855 г. стр. 357 и т. V СПБ. 1856 г стр. 167.

[2]) Статья: „Обозрѣніе священныхъ древностей, находящихся въ Свято-Троицкой Александро-Невской Лаврѣ „была напечатана безъ подписи (См. Христ. Чт. 1853 г кн. II отд. 3 стр. 151—176). Но она приписывается преосв. Макарію—академикомъ П. А. Плетневымъ. (См. Отчетъ Импер. Акад. Наукъ по отд. рус. яз. и слов. за 1854 г. Ж. М. Н. Просв. 1855 г. ч. 86-я отд. II. стр. 55). Въ видѣ догадки предлагаемъ, съ своей стороны, предположеніе—не были ли произведеніемъ преосв. Макарія еще слѣдующія статьи Христ. Чтенія, помѣщенныя безъ подписи автора: 1) Свѣдѣнія о миссіонерѣ архим. Веніаминѣ (См. 1851 г. кн. 1 отд. 3 стр. 85—88 ср. Церк. Вѣстн. 1883 г., № 26 и Христ. Чт. 1884 г. т. 1 стр. 815); 2) Краткое обозрѣніе древнихъ церквей въ Новгородѣ, построенныхъ до присоединенія его къ Московской Державѣ въ 1478 г. (См. 1855 г кн. VIII отд. 3 стр. 159—206); 3) Очеркъ жизни преосв. митрополита Никанора (См. 1856 г. кн. XI отд. 3 стр. 289—293); 4) Свѣдѣнія о бывшей типографіи Александро-Невскаго монастыря и о напечатанныхъ въ ней книгахъ (См. 1857 г. кн. V отд. 3 стр. 340—354). Наконецъ, мы считаемъ весьма вѣроятной принадлежность преосв. Макарію предисловія и примѣчаній къ рукописи преосв. Игнатія, архіеп. воронежскаго, подъ заглавіемъ: „Объ иконѣ св. Софіи въ Новгородскомъ Софійскомъ Соборѣ“ (см. въ бумагахъ м. Никанора, находящихся нынѣ въ музеѣ Кіевской д. Академіи, т. 1 статья 4-я на 20 полулистахъ, изъ коихъ 9 приходятся на предисловіе и примѣчанія).

гахъ мы нашли два плана для этой исторіи. Первый планъ былъ такой: А (1710—1725: 1) основаніе лавры: мѣсто, время, средства для строенія и содержанія; 2) внутреннее устройство: а) уставъ б) чиноначаліе лавры в) мѣсто въ составѣ іерархіи и число братіи, 3) перенесеніе мощей св. благовѣрнаго князя Александра-Невскаго; 4) значеніе лавры для народа: а) многіе богомольцы посѣщаютъ ее и самъ Петръ В. б) типографія в) мѣсто погребенія даже для царскихъ особъ. Б) 1725—1775 г.: 1) внѣшнее строеніе и устройство: а) медленность и неудачи б) кто завѣдывалъ строеніями 2) внутреннее устройство: а) измѣна въ настоятеляхъ, б) число братій, 1) рака св. Александра Невскаго отъ императрицы Елисаветы, другіе священные дары и вообще святыни лавры; 4) значеніе Лавры для народа: а) погреб. б) типогр. в) училище на счетъ Лавры. В) 1775—1797 г. 1) сооруженія при Гавріилѣ: а) соборъ б) его освященіе в) перенесеніе мощей г) подарки Екатерины II 2) внутреннее устройство и 3) значеніе а) прежнее б) семинарія въ самой лаврѣ Г. 1797—1850 г., гдѣ также намѣчались три пункта: внѣшнее устройство, внутреннее устройство и значеніе лавры. Въ самомъ началѣ этого плана рукою преосв. Макарія было замѣчено: „нѣтъ, см. другой, лучшій планъ въ концѣ листа“. Этотъ лучшій планъ былъ слѣдующій: 1) періодъ *первый* (1710—1739 г.): Александро-невскій монастырь занимаетъ *первое* мѣсто въ ряду монастырей, хотя подъ властію *Архимандритовъ* 2) періодъ *вторый* (1739—1797 г.): занимаетъ *второе* мѣсто, но уже подъ властію архіереевъ 3) періодъ третій (1797—1850 г.): занимаетъ третье мѣсто, но называется лаврою и состоитъ подъ властію митрополитовъ. Въ первый періодъ положено основаніе всего, что нынѣ есть въ монастырѣ; во второй—все это устроилось и устроялось; въ третій—только поддерживается и усовершается... NB. Когда киновія?“ Дѣлалъ-ли что либо преосв. Макарій по осуществленію своихъ плановъ исторіи Александроневской Лавры, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, мы не встрѣ-

чали ни печатныхъ, ни рукописныхъ статей преосв. Макарія по исторіи Александро-невской Лавры.

Съ служеніемъ преосв. Макарія въ качествѣ предсѣдателя Комитета для изданія духовно-нравственныхъ книгъ былъ тѣсно связанъ особый родъ литературной дѣятельности его. Въ качествѣ предсѣдателя этого Комитета преосв. Макарій былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ издателей небольшихъ народныхъ разсужденій и разсказовъ. Они заимствовались преосв. Макаріемъ преимущественно изъ свято-отеческихъ твореній. Такъ, въ 1855 г. онъ составилъ и издалъ разсужденія: 1) притча о гостяхъ, званныхъ на вечерю, 2) христіанинъ-ли я? и 3) о піянствѣ; въ 1856 г. онъ издалъ слѣдующія статьи: 1) о покаяніи, 2) краткое житіе св. Митрофана, перваго епископа воронежскаго, 3) изъ твореній св. отца нашего Іоанна Златоуста избранныя мысли о воспитаніи дѣтей, 4) должно избѣгать не только грѣховъ, но и всего того, что ведетъ ко грѣху, 5) о св. таинствахъ Церкви, 6) извлеченіе изъ слова св. отца нашего Іоанна Златоустаго—о богатствѣ и нищетѣ, 7) св. отца нашего Іоанна Златоустаго о непамятозлобіи, 8) не грѣши, Господь тебя видитъ, 9) какъ мы можемъ приносить тѣло наше въ жертву Богу, 10) благодари Господа въ счастіи и несчастіи и 11) назидательныя мысли.

Изъ проповѣдей, произнесенныхъ преосв. Макаріемъ въ настоящую эпоху его жизни, сохранилось только пять: а) рѣчь Св. Синоду, при нареченіи во епископа винницкаго 24 января 1851 г.[1]), б) Краткая рѣчь по причащеніи Св. Таинъ, сказанная въ церкви С.-Петербургской духовной Академіи. 24 февраля 1851 г.[2]), в) рѣчь къ окончившимъ курсъ ученія воспитанницамъ Императорскаго воспитательнаго общества

---

[1]) См. Слова и Рѣчи СПБ. 1891 г. стр. 178—181 ср. Христ. Чт. 1851 г. кн. 3 отд 3 стр. 257—261.

[2]) См. Слова и Рѣчи СПБ. 1891 г. стр. 182 ср. Христ. Чт. 1851 г. кн. 3 отд. 3 стр. 28.

благородныхъ дѣвицъ и С.-Петербургскаго александровскаго училища, сказанная по совершеніи литургіи въ мѣстной церкви, 24 февраля 1854 года [1]); г) слово предъ погребеніемъ тѣла м. Никанора 21 сентября 1856 г. [2]) и д) рѣчь, сказанная при послѣднемъ священно-служеніи въ церкви С.-Петербургской духовной Академіи 12 мая 1857 г. [3]). Первая изъ названныхъ сейчасъ проповѣдей преосв. Макарія намъ уже извѣстна, а съ послѣднею мы познакомимся скоро. Что же касается трехъ остальныхъ, то содержаніе ихъ было очень хорошо приспособлено къ тѣмъ обстоятельствамъ, при которыхъ онѣ были произнесены. Такъ, въ рѣчи 24 февраля 1851 г. витія привѣтствовалъ воспитанниковъ Академіи съ очищеніемъ совѣсти въ таинствѣ покаянія и принятіемъ св. Таинъ и выражалъ имъ свои благожеланія по этому поводу; въ рѣчи 24 февраля 1854 года говорилъ о томъ, въ чемъ состоитъ истинное счастіе, пожеланіемъ котораго напутствовалъ своихъ воспитанницъ, и, наконецъ, въ словѣ 21 сентября 1856 г. благословлялъ Господа за тѣ благодѣянія, какія Онъ явилъ въ жизни почившаго архипастыря, какъ для него самого, такъ и чрезъ него для церкви и государства, и въ заключеніе напутствовалъ своего покровителя и начальника въ загробную жизнь.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго различія между проповѣдями настоящей эпохи въ жизни преосв. Макарія и предшествующими его проповѣдями. Несмотря на ограниченное число первыхъ, можно ясно видѣть, что въ данное время начинаетъ преобладать наклонность у преосв. Макарія къ краткимъ, но живымъ и видимо свободнымъ экспромптнымъ поученіямъ. При этомъ мы считаемъ весьма вѣроятнымъ, что число сохранивших-

---

[1]) См. Слова и Рѣчи стр. 183—185 ср. Ж. М. Н. 1854 г. ч. 82 отд. VI стр. 180.

[2]) См. Слова и Рѣчи стр. 185—190 ср. Хр. Чт. 1856 г. кн. X отд. 3 стр. 183—188.

[3]) См. Слова и Рѣчи стр. 191—194 ср. Хр. Чт. 1857 г. кн. VI отд. 3 стр. 419—424.

ся проповѣдей преосв. Макарія далеко не совпадаетъ съ тѣмъ числомъ, сколько ихъ было произнесено въ дѣйствительности. Есть основаніе думать, что преосв. Макарій, въ бытность ректоромъ Академіи, выступалъ на каѳедрѣ въ академической церкви болѣе, чѣмъ одинъ—два раза. По крайней мѣрѣ, г. Рыбаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о преосв. Макаріи свидѣтельствуетъ, что „такъ, т. е. экспромптомъ всегда онъ говорилъ и проповѣди, при чемъ, конечно, имъ предварительно былъ строго обдуманъ планъ и вполнѣ изучена тема“ [1]). Думаемъ, что г. Рыбаковъ едва ли бы употребилъ въ настоящемъ случаѣ выраженіе о преосв. Макаріи „всегда говорилъ проповѣди“, если бы онъ слышалъ только одну прощальную рѣчь преосв. Макарія, произнесенную имъ 12 мая 1857 г., такъ какъ рѣчи по причащеніи св. Таинъ 24 февраля 1851 г. г. Рыбаковъ не могъ лично слышать. Въ этомъ случаѣ мы рѣшительно не соглашаемся съ проф. Кипарисовымъ [2]). Въ подтвержденіе своего мнѣнія о томъ, что преосв. Макарій, въ бытность ректоромъ Академіи, по крайней мѣрѣ, нерѣдко говорилъ проповѣди въ академической церкви, мы позволяемъ себѣ сослаться на свидѣтельство другого воспитанника С.-Петербургской дух. Академіи, учившагося вмѣстѣ съ г. Рыбаковымъ. Прот. П. А. Солнцевъ въ своемъ письмѣ къ намъ отъ 8 марта 1895 года говоритъ: „въ мое время, при какихъ либо особенныхъ случаяхъ, преосв. Макарій произносилъ краткія импровизаціи, напр., при началѣ ученія, предъ причащеніемъ св. Таинъ; длинныхъ проповѣдей не говорилъ“. Остается, поэтому, допустить, что нѣкоторыя проповѣди, произнесенныя преосв. Макаріемъ въ данное время безъ предварительной записи ихъ на бумагу, остались не напечатанными, какъ это мы видѣли въ прежней практикѣ преосв. Макарія и какъ увидимъ то же самое впослѣдствіи.

---

[1]) См. Прав. Обозр. 1883 г. т. 2. стр. 536.

[2]) См. его цитов. сочин. стр. 11, примѣч. 20.

Рѣдкая по своей ревности и по своей плодотворности служба преосв. Макарія въ должности ректора и профессора С.-Петербургской духовной Академіи была отличаема должнымъ вниманіемъ со стороны начальства. Преосв. Макарій въ данное время удостоивался неоднократно получать выраженіе благодарности со стороны Государя Императора и другихъ Августѣйшихъ Особъ. Такъ 31 декабря 1852 года за поднесеніе Государю Императору изданнаго имъ Православно-догматическаго богословія онъ получилъ Высочайшую благодарность, объявленную ему указомъ Св. Синода; 13 января 1853 г. онъ получилъ благодарность отъ Имени Государя Наслѣдника за поднесеніе ему того же сочиненія [1]). 5 августа 1855 года, по случаю представленія на Высочайшее воззрѣніе замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ произведеній ученой литературной дѣятельности, явившихся въ свѣтъ въ первой половинѣ 1855 года, объявлено было преосв. Макарію Высочайшее благоволеніе Государя Императора за сочиненіе его подъ заглавіемъ: „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства“; наконецъ, 19 марта 1857 г. Государь Императоръ и Государыня Императрица благодарили преосв. Макарія за поднесеніе имъ сочиненія въ трехъ томахъ подъ заглавіемъ: „Исторія русской церкви“ [2]). Такимъ образомъ, благодаря своимъ выдающимся сочиненіямъ, преосв. Макарій уже теперь сдѣлался хорошо извѣстнымъ Государю Императору Николаю Павловичу и затѣмъ Императору Александру II-му. Императоръ Александръ II-й во время послѣдующаго свиданія съ преосв. Макаріемъ въ Харьковѣ относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ, какъ къ лицу хорошо ему извѣстному по Петербургу [3]).

---

[1]) См. арх. СПБ-ской дух. Акад. по Внутр. Правл. за 1853 г. № 4.

[2]) См. тамъ же по Внутр. Правл. за 1857 г. дѣло № 19.

[3]) 17 сентября 1857 года преосв. Макарій, между прочимъ, писалъ своему брату А. П. Булгакову: „Государь къ тремъ часамъ пригласилъ на обѣдъ и меня. Предъ обѣдомъ, когда уже собрались всѣ гости, позвалъ меня одного въ кабинетъ и говорилъ около четверти часа. Сказалъ, что онъ меня помнитъ-

Св. Синодъ также былъ внимателенъ къ отличной службѣ преосв. Макарія и поощрялъ ее своими наградами. 20 сентября 1851 года, 25 ноября 1853 года и 31 декабря 1855 года преосв. Макарію объявлялась благодарность Св. Синода за отличное исполненіе имъ должности начальнической и наставнической и за особые труды. Всѣ три раза эта благодарность объявлялась преосв. Макарію, по представленію м. Никанора, который обозрѣвалъ по порученію Св. Синода С.-Петербургскую духовную Академію по окончаніи въ ней XIX, XX и XXI учебныхъ курсовъ. Независимо отъ этого, за время служенія въ должности ректора Академіи преосв. Макарій, по представленію Св. Синода, получилъ слѣдующія двѣ высшія награды: орденъ св. Анны I-й степени (17 апрѣля 1853 г.) и орденскіе знаки св. Анны I-й степени съ Императорскою короною (7 апрѣля 1857 г.). Обѣ эти награды жаловались преосв. Макарію, какъ говорилось въ Высочайшихъ грамотахъ, „во уваженіе отличнаго служенія и особенно полезныхъ трудовъ для высшаго образованія духовнаго юношества, при чемъ первая изъ нихъ слѣдовала за изданіемъ Православно-догматическаго богословія въ пяти томахъ, а вторая—за появленіемъ въ печати „Исторія русской церкви“ въ трехъ томахъ.

Въ средѣ своихъ сослуживцевъ, т. е. наставниковъ Академіи и студентовъ преосв. Макарій пользовался искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ. Тѣ и другіе весьма ясно обнаружили чувства привязанности и уваженія къ преосв. Макарію особенно во время разлученія съ нимъ въ маѣ 1857 года. Какъ наставниковъ, такъ и студентовъ преосв. Макарій больше и сильнѣе всего привлекалъ къ себѣ полнымъ без-

---

спросилъ, доволенъ ли я перемѣщеніемъ въ Харьковъ, и когда я отвѣтилъ утвердительно и объяснилъ почему, онъ замѣтилъ: „я очень радъ этому“. За обѣдомъ посадилъ меня по правую руку свою и болѣе всѣхъ разговаривалъ со мною. Былъ чрезвычайно ласковъ, добръ и простъ въ разговорѣ, такъ что я ни мало не стѣснялся и даже самъ заводилъ рѣчь, когда она прерывалась. Вообще я доволенъ пріемомъ Государя“. Изъ не изданныхъ писемъ преосв. Макарія.

пристрастія, справедливости, нелицепріятія и ласковости отношеніемъ.

Частная жизнь преосв. Макарія, въ бытность его ректоромъ С.-Петербургской д. Академіи, была жизнью неутомимаго труженника, подвижника труда. Преосв. Макарій искренно и глубоко любилъ Петербургскую Академію, которую считалъ своею и съ жизнью которой старался сообразовать свою собственную жизнь. „Жизнь преосвященнаго ректора Макарія“, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Рыбаковъ, „была строго дисциплинирована и вполнѣ согласовалась съ строемъ жизни Академіи, которою онъ руководилъ. Одновременно съ студентами онъ вставалъ и отходилъ ко сну, наполняя утро, день и вечеръ занятіями, свойственными положенію его, какъ администратора, профессора и ученаго“ [1]). Трудолюбіе преосв. Макарія и его умѣнье цѣлесообразно располагать время для своихъ разнообразныхъ занятій было удивительно и въ этомъ отношеніи онъ является положительно рѣдкимъ человѣкомъ. Когда представляешь себѣ всю массу должностей и обязанностей, какія онъ несъ въ разсматриваемое нами время, когда подумаешь, что онъ былъ и ректоромъ, и профессоромъ, и предсѣдателемъ Конференціи, Внутренняго и Внѣшняго Правленій Академіи, главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ 160 учебныхъ заведеніяхъ столицы, предсѣдателемъ Комитета для изданія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, членомъ Академіи Наукъ, когда, наконецъ, сообразишь, что во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ преосв. Макарій былъ самымъ дѣятельнымъ или руководителемъ или членомъ, то положительно отказываешься понимать, какимъ образомъ у него доставало времени для того, чтобы каждый годъ издавать какое либо капитальное сочиненіе и цѣлую серію меньшихъ изслѣдованій? Этому не мало удивлялись и современники преосв. Ма-

[1]) См. Правосл. Обозр. 1883 г. т. 2. стр. 544.

карія и при томъ такіе, которыхъ, повидимому, не легко было поразить любовію къ труду. „Восхищаясь талантомъ вашимъ, какъ историка и вообще какъ писателя", писалъ преосв. Макарію академикъ П. А. Плетневъ 14 апрѣля 1855 года, по полученіи отъ него новоизданнаго сочиненія „Исторія русскаго раскола", „я не могъ довольно надивиться вашему терпѣнію, трудолюбію и умѣнью ловить для кабинетныхъ трудовъ время посреди непрерывныхъ занятій, которыхъ требуютъ возложенныя на васъ разныя должности..... Да подкрѣпитъ Господь силы ваши и любовь къ труду! Цѣните и храните въ себѣ то и другое. Вами начинается новый свѣтъ въ духовной литературѣ нашей. Прекрасная утренняя заря вызвала всѣхъ къ пріятнѣйшимъ ожиданіямъ роскошнаго дня и сладостнаго вечера. Но безъ крѣпости силъ и безъ любви къ труду ничего нельзя достигнуть. Итакъ, будьте трудолюбивы умѣренно и наслаждайтесь успѣхами въ блаженной независимости отъ суда мірскаго" [1]). Такую же умѣренность въ трудахъ совѣтовали преосв. Макарію и другія лица, находившіяся въ близкихъ отношеніяхъ къ нему. „Ежели здоровье ваше требуетъ отдыха отъ усиленныхъ трудовъ", писалъ преосв. Елпидифоръ 3 мая 1855 года своему бывшему ученику, „то непремѣнно надобно и возьмѣть этотъ отдыхъ. Вѣдь, еще въ младенчествѣ мы учили въ катихизисѣ, что надобно беречь свое здоровье, какъ дражайшій Божій даръ" [2]).

Но преосв. Макарій такъ увлекался своими занятіями, что нерѣдко забывалъ ради нихъ все свое: здоровье и покой и всякія возможныя развлеченія. Ему глубоко нравилась такая трудолюбивая, полная кипучей дѣятельности жизнь, какую онъ велъ въ данное время. Онъ любилъ трудъ и въ немъ видимо находилъ свое высшее удовлетвореніе и отдыхъ для своего духа. Есть люди, которые полагаютъ, что преосв. Мака-

[1]) См. Оттиски изъ Русск. Стар. т. 66. Апрѣль стр. 205—206.

[2]) См Прав. Обозр. 1888 г. т. 1. стр 127.

рій избѣгалъ собственно чернаго, самаго тяжелаго труда, что онъ будто-бы этотъ черный подготовительный трудъ поручалъ своимъ помощникамъ, которыхъ имѣлъ много, а самъ только пользовался уже готовыми результатами кропотливыхъ изслѣдованій. Такое мнѣніе высказывалось иногда даже печатно. „Макарій“, говоритъ біографъ преосв. Филарета г. Листовскій, „имѣлъ у себя до десяти чернорабочихъ, а самъ, можно сказать, бралъ на себя только верховную работу“ [1]). Здѣсь говорится о всей жизни преосв. Макарія вообще. Но намъ приходилось, въ частности, слышать такое же мнѣніе и о петербургскомъ періодѣ жизни преосв. Макарія. Уже въ это время, нѣкоторые убѣждены, онъ привлекалъ къ своимъ занятіямъ другихъ лицъ и особенно часто поручалъ подготовительныя разысканія по тѣмъ или инымъ вопросамъ студентамъ Академіи, а послѣ этими предварительными изслѣдованіями пользовался въ своихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ. Утверждаемъ на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, что такое представленіе о преосв. Макаріи и отношеніи его къ своимъ ученымъ работамъ, совершенно невѣрное. Правда, въ основѣ своей ходячее мнѣніе, быть можетъ, и имѣетъ зерно истины, но истина эта совершенно превратно и недостойно имени преосв. Макарія истолкована народною молвою. Дѣйствительно, преосв. Макарій имѣлъ обыкновеніе привлекать къ участію въ своихъ занятіяхъ другихъ лицъ [2]), напр., студентовъ С.-Петербургской духовной Академіи. Такого образа дѣйствій преосв. Макарій началъ держаться, можно сказать, съ первыхъ же дней своей службы въ Академіи. Въ бытность баккалавромъ, онъ поручалъ студентамъ подбирать ему необходимыя мѣста изъ

---

[1]) См. Русск. Арх. 1887 г. т. 3, стр. 389.

[2]) Между прочимъ, свѣдѣнія о новгородской софійской библіотекѣ и нѣкоторыя справки изъ рукописей, находящихся въ ней, доставлялъ преосв. Макарію іером. Германъ, инспекторъ новгородской д. семинаріи, а свѣдѣнія о кирилло-бѣлоозерской библіотекѣ—іером. Ѳеогностъ, смотритель кирилловскаго училища. У насъ была подъ руками собственная переписка ихъ съ преосв. Макаріемъ, не изданная.

твореній св. Отцовъ по догматическому и нравственному богословію; будучи инспекторомъ, онъ давалъ очень много темъ для курсовыхъ сочиненій по тѣмъ предметамъ, какіе тогда преподавалъ, а иногда даже давалъ и частныя работы изъявлявшимъ на то добровольное согласіе. Наконецъ, уже въ разсматриваемое время жизни преосв. Макарій больше другихъ наставниковъ давалъ темы для курсовыхъ студенческихъ сочиненій [1]). Но едвали достанетъ у кого либо духа осуждать, или поставлять въ упрекъ преосв. Макарію такой образъ дѣйствій. Съ другой стороны, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что сами студенты избирали для своихъ курсовыхъ сочиненій темы, данныя преосв. Макаріемъ именно потому, что онъ какъ знатокъ своихъ предметовъ, былъ наилучшимъ руководителемъ ихъ. Недаромъ же мы раньше подмѣтили, что большинство писавшихъ на темы преосв. Макарія получали за свои сочиненія магистерскую степень. Наконецъ, положительно немыслимо, чтобы такой глубокосвѣдущій богословъ и историкъ, какъ преосв. Макарій, могъ пользоваться трудами студентовъ въ своихъ сочиненіяхъ. Да развѣ и могли бы явить-

---

[1]) Такъ, въ XIX курсѣ на темы преосв. Макарія писали, между прочимъ, слѣдующіе студенты: М. Архангельскій (О состояніи духовнаго просвѣщенія въ Русской Церкви со времени утвержденія С. Синода до образованія новыхъ штатовъ), Пл. Карашевичъ (Очеркъ Русской православной Церкви на Волыни), М. Преображенскій (О бракѣ, какъ таинствѣ, по чиноположенію православной церкви) и др. (См. ар. СПБ-ской дух. Академіи по Конференціи за 1851 г. дѣло № 5); въ XX курсѣ: Самуилъ Михайловскій (Святѣйшій Никонъ, патр. Всероссійскій); Ив. Вознесенскій (Объ отношеніи цареградскихъ патріарховъ къ Русской церкви до учрежденія въ Россіи патріаршества), И. Думитрашковъ (Объ услугахъ, оказанныхъ русскимъ духовенствомъ государству русскому отъ времени св. равноапостольнаго кн. Владиміра до избранія на русскій престолъ Мих. Ѳеодоровича 983—1014). И. Флеровъ (Историческое изслѣдованіе о православныхъ церковныхъ братствахъ въ Ю. З. Россіи), Н. Любомудровъ (Очеркъ исторіи рязанской епархіи), И. Ореинскій (О стоглавомъ соборѣ, сравнительно съ ученіемъ русскихъ раскольниковъ); іером. Исаакій (Преосв. Стефанъ Яворскій, митроп. Рязанскій и Муромскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола) См. тамъ же по Конференціи за 1853 г. № 9.

ся результатомъ объединенія выводовъ, достигнутыхъ студентами, такія классическія произведенія, какъ Православно-догматическое богословіе и Исторія Русской Церкви? Между прочимъ, изъ писемъ преосв. Макарія можно видѣть, что онъ иногда давалъ темы для курсовыхъ сочиненій по такимъ предметамъ и вопросамъ, по которымъ самъ уже печаталъ свои собственныя сочиненія. „Моя исторія раскола еще не кончена, кончится не прежде декабря“, писалъ онъ преосв. Иннокентію 10 сентября 1854 г., „потомъ должна поступить въ св. Синодъ и, вѣроятно, выйдетъ въ свѣтъ отдѣльною книгою не раньше великаго поста“... и въ слѣдъ за тѣмъ: „много предметовъ по расколу далъ я студентамъ для курсовыхъ сочиненій: пусть разрабатываютъ“ [1]), очевидно—для себя и для науки, а вовсе не для Макарія. Нѣтъ, преосв. Макарій глубоко, всей душой любилъ трудиться самостоятельно и не любилъ бѣгать всякаго труда, какъ бы тяжелъ онъ ни былъ. Преосв. Макарій самъ собственноручно писалъ не только всѣ крупныя свои произведенія, но даже и самыя мельчайшія статьи и матеріалы для своихъ сочиненій. Въ бумагахъ его мы видѣли даже собственноручно переписанные имъ каталоги различныхъ книгохранилищъ, въ которыхъ занимался преосв. Макарій, въ томъ числѣ и каталогъ его собственной библіотеки. Въ высшей степени интересно читать эти автографы сочиненій преосв. Макарія съ ихъ безконечными поправками, вставками и помарками. Одно только внимательное чтеніе этихъ автографовъ, по нашему мнѣнію, должно служить неопровержимымъ доказательствомъ полной авторской самостоятельности преосв. Макарія.

Проводя все время, остававшееся свободнымъ отъ должностныхъ занятій, въ кабинетныхъ ученo-литературныхъ трудахъ, преосв. Макарій не нуждался ни въ какихъ сторонникъ развлеченіяхъ. Высшимъ удовольствіемъ для него была

[1]) См. Христ. Чт. 1884 г. т. 1. стр. 815.

бесѣда по разнымъ ученымъ вопросамъ съ людьми учеными, преимущественно съ своими сослуживцами по Академіи Наукъ и по духовной Академіи. Преосв. Макарій такъ любилъ эти бесѣды, что во все время пребыванія своего въ Петербургѣ не пропустилъ ни одного засѣданія въ Академіи Наукъ. Любилъ онъ также ученыя задушевныя бесѣды въ тишинѣ своего кабинета съ людьми близкими и посѣщавшими его. „Какъ бы желалъ я, въ свою очередь“, писалъ 13 сентября 1861 г. преосв. Кириллъ Макарію изъ Іерусалима, „провести день, другой, у васъ и въ тиши вашего кабинета отвести душу въ бесѣдѣ съ вами—на старинный ладъ! Какъ бы тепло намъ поговорилось! Сколько бы горечи сошло съ души!“ [1]). Отсюда видно, что архим. Кириллъ былъ однимъ изъ наиболѣе частыхъ посѣтителей и собесѣдниковъ преосв. Макарія, въ бытность его ректоромъ С.Петербургской дух. Академіи. Архим. Кириллъ былъ, вѣроятно, тѣмъ другомъ, которому преосв. Макарій повѣрялъ свои планы, думы и намѣренія и объ отсутствіи котораго онъ такъ скорбѣлъ въ первый годъ своей службы въ С.Петербургѣ. На всѣхъ своихъ знакомыхъ преосв. Макарій производилъ неотразимое впечатлѣніе и съ первой же встрѣчи съ ними привлекалъ къ себѣ ихъ сердца. Для примѣра можно указать на извѣстнаго нашего историка М. П. Погодина. „Усерднѣйше благодарю Васъ, преосвященнѣйшій Владыко“, писалъ онъ 2 января 1853 г. Макарію, „за пріятнѣйшую минуту, которую вы доставили мнѣ въ Петербургѣ. Жаль, что я не могъ продлить ее. Богъ далъ вамъ такое лице, за которое вамъ Его и благодарить трудно. Немногіе производили на меня такое впечатлѣніе. Извините мое лафатерство. Еслибъ вы измѣнили еще выговоръ курскій буквы г, которую вы выговариваете какъ нѣмецкое g. Да не покажется вамъ странностію такое желаніе: видите, какъ вы завладѣли мною“. Изъ этого же письма Погодина къ преосв. Макарію видно, что этотъ по-

[1]) Изъ не изданнаго письма, переданнаго намъ С. А. Булгаковымъ.

слѣдній въ данное время рѣдко бывалъ въ обществѣ и даже у своихъ близкихъ друзей. „Отчего вы“, писалъ Погодинъ, „такъ рѣдко видаетесь съ преосв. Иннокентіемъ, у котораго я надѣялся васъ встрѣтить. Вотъ бѣда русскихъ людей—ученыхъ и не ученыхъ—нерасположеніе къ общительности, а одному и у каши неспоро, и одинъ въ полѣ не воинъ“.

Въ 1851 году преосв. Макарій былъ осчастливленъ посѣщеніемъ своей матери Стефаниды Григорьевны. Преосв. Макарій былъ нѣжно любящимъ и заботливымъ сыномъ. Въ самомъ началѣ 1851 года, по случаю своего назначенія на должность ректора Академіи, Макарій рѣшилъ положить на имя своей матери тысячу рублей съ тѣмъ, чтобы она пользовалась процентами. „Дѣлаю это“, писалъ онъ тогда же А. П. Солнцеву, „главнымъ образомъ для того, чтобы на всякій случай хоть немного обезпечить маменьку: а то Богъ знаетъ, что можетъ впереди со мною случиться. Въ нашей жизни и судьбѣ воленъ одинъ Богъ...“ Тогда же Макарій приглашалъ свою мать къ себѣ въ Петербургъ. „Предложите маменькѣ“, писалъ онъ, не угодно ли будетъ ей лѣтомъ пожаловать къ намъ въ Питеръ или погостить годокъ, другой, или если понравится, и совсѣмъ остаться на житье у сынка—Саши. А въ Царскомъ селѣ жить прекрасно и оттуда до Петербурга только на полчаса ѣзды по желѣзной дорогѣ, чтобы видѣться со мною. Посовѣтуйтесь объ этомъ хорошенько и извѣстите меня. Средства для проѣзда я тогда доставлю и ѣхать маменька можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ студентомъ, какой будетъ назначенъ изъ Бѣлгорода въ здѣшнюю Академію, въ августѣ мѣсяцѣ. Для спокойствія можетъ запасти свой экипажецъ съ будкою и проч.“. Такъ далеко простиралась сыновняя заботливость преосв. Макарія о своей матери, которая нѣкогда своими трудами собирала скудныя средства для воспитанія болѣзненнаго сына. Понятно, что и Стефанидѣ Григорьевнѣ желалось видѣть своихъ сыновей и ихъ жизнь. Поэтому, она охотно согласилась на приглашеніе преосв. Макарія. Полу-

чивъ извѣстіе объ этомъ, преосв. Макарій, поспѣшилъ выслать 100 рублей денегъ на дорогу матери и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ А. П. Солнцеву: „устройте проѣздъ матушки до Петербурга, какъ можно получше. Не покойнѣе ли, въ самомъ дѣлѣ, было бы маменькѣ отправиться въ дилижансѣ изъ Харькова до Москвы, если только дилижансъ ходитъ, а отъ Москвы до Петербурга? Или нельзя ли найти въ Курскѣ или Бѣлгородѣ добраго попутчика до Петербурга и ѣхать бы къ концу апрѣля или въ половинѣ мая, не дожидаясь семинариста—студента? Или еще какъ можно?... Племянницу пусть возьмутъ съ собою, я это благословляю. Да сколько ей лѣтъ? Если поѣдутъ къ концу апрѣля или мая: пусть на всякій случай запасутся теплою одеждой и даже шубами: потому что иногда въ это время бываетъ еще очень холодно на дорогѣ отъ Москвы до Петербурга, какъ и испыталъ самъ я два-три года тому назадъ. Если будутъ ѣхать не въ дилижансѣ, а иначе, то всего ближе и удобнѣе имъ ѣхать прямо въ Царское село, а оттуда уже вмѣстѣ и ко мнѣ... Разумѣется, маменькѣ и племянницѣ нужно имѣть надлежащіе виды для проѣзда сюда и на прожитіе здѣсь, которые и прошу Васъ исхлопотать имъ. Племянницѣ также не мѣшаетъ имѣть метрическія и другія свидѣтельства: можетъ, здѣсь мы опредѣлимъ ее въ Духовное училище, что въ Царскомъ Селѣ. Маменькѣ скажите, что если денегъ, мною посылаемыхъ, имъ не достанетъ на дорогу, пусть употребятъ изъ своихъ, какія еще сохранились. И во всякомъ случаѣ пусть возьмутъ съ собою лишнихъ денегъ на дорогу: вѣдь можетъ все случиться въ такомъ дальнемъ пути“. Вскорѣ послѣ того преосв. Макарію сообщили, что мать его рѣшила ѣхать въ Петербургъ въ маѣ. И вотъ 19 апрѣля 1851 г. онъ снова пишетъ А. П. Солнцеву: „благодарю васъ за ваши соображенія о неудобствѣ проѣзда маменькѣ въ дилижансѣ и за то, что вы рѣшились нанять для нея одного постояннаго извощика на долгихъ до самаго Царскаго Села. Прекрасно! Такъ и по-

ступайте! Только уже позаботьтесь, чтобы человѣкъ былъ надежный и экипажецъ совершенно надежный и уютный. Говорю: *до Царскаго Села*, потому что Царское Село 25 верстами къ вамъ ближе, да тамъ и легче найти Сашу и на первый разъ удобнѣе и *постлать* можно остановиться, чѣмъ у насъ въ Питерѣ—въ огромномъ академическомъ корпусѣ. Впрочемъ, если пріѣдутъ и прямо ко мнѣ въ Питеръ—хорошо! Будемъ теперь ждать маменьку въ маѣ". Мать преосв. Макарія, дѣйствительно, пріѣхала въ Петербургъ въ маѣ 1851 года. Сохранившееся среди родныхъ преданіе говоритъ, что старушка, прожившая все время къ деревнѣ, была немало смущена обстановкою, въ какой жилъ старшій ея сынъ—Макарій: все ей казалось необыкновеннымъ, удивительнымъ и поразительнымъ. Скоро посреди такой обстановки она начала даже скучать и стремиться въ свою родную деревню. „Маменька", писалъ 2 августа 1851 г. преосв. Макарій А. П. Солнцеву, „что-то начинаетъ уже скучать по Сурковой: здѣсь формы жизни совсѣмъ другія, для нея стѣснительныя. Люди все незнакомые; нѣтъ любезной деревенской простоты, посреди которой провела она столько лѣтъ жизни". На слѣдующій годъ Стефанида Григорьевна возвратилась домой и, какъ извѣстно, въ 1855 году скончалась отъ холеры.

Самъ преосв. Макарій во все время служенія въ ректорской должности былъ здоровъ. Точнѣе, во все это время онъ ни разу не болѣлъ серьезно до начала 1857 года. Этого онъ достигалъ необыкновенно аккуратнымъ образомъ жизни и умѣренностію во всемъ. Здоровье же его, собственно говоря, было по прежнему слабо. Мы уже видѣли, что всѣ, близко знавшіе преосв. Макарія и удивлявшіеся его необыкновенному трудолюбію, постоянно совѣтовали ему щадить и беречь свое здоровье. Очевидно, оно внушало опасенія доброжелателямъ и почитателямъ преосв. Макарія. Опасенія, дѣйствительно, сбылись. Въ началѣ 1857 г. преосв. Макарій серьезно заболѣлъ. „Прошу извинить меня", писалъ преосв. Макарій А. П. Солн-

цеву 25 марта 1857 года, „что я такъ долго не писалъ вамъ: я все былъ нездоровъ и теперь еще не совсѣмъ оправился. По этому случаю думаю въ маѣ проситься у своего начальства на воды въ Славянскъ (Харьковск. губ.) мѣсяца на три. Если меня отпустятъ, то, разумѣется, заѣду на пути къ вамъ повидѣться съ близкими сердцу. Дай Богъ, чтобы меня отпустили. Съ какою радостію я посмотрѣлъ бы еще на родныя мѣста, особенно во время майскаго разцвѣта и благоуханія Тогда вдоволь съ вами наговоримся". Однако этому предположенію преосв. Макарія не суждено было осуществиться. „Человѣкъ предполагаетъ", писалъ онъ на родину 9 мая 1857 года, „а Богъ располагаетъ,—гласитъ народная пословица и весьма умно. Думалъ я побывать нынѣшнимъ лѣтомъ у васъ на родинѣ и уже все было къ тому готово, какъ вдругъ Господь судилъ, чтобы мнѣ дали епархію. Въ 1 день мая, на мои именины, состоялось Высочайшее утвержденіе—быть мнѣ епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ". Вмѣсто славянскихъ водъ преосв. Макарій рѣшилъ теперь поправить свое разстроенное здоровье на липецкихъ водахъ тамбовской губерніи: „нынѣшнимъ лѣтомъ полѣчусь тамъ на липецкихъ водахъ, которыя не хуже славянскихъ и для меня могутъ быть еще полезнѣе". Это послѣднее предположеніе, преосв. Макарія, дѣйствительно, и сбылось.

Изъ приведенныхъ нами сейчасъ словъ преосв. Макарія видно, что назначеніе его въ Тамбовъ совершилось неожиданно. Правда, вскорѣ послѣ назначенія преосв. Григорія с.-петербургскимъ митрополитомъ было предположеніе перевести преосв. Макарія на какую либо епархіальную архіерейскую каѳедру. Однакожъ послѣ это предположеніе было оставлено, и преосв. Макарій былъ увѣренъ въ томъ, что онъ еще останется нѣкоторое время въ Петербургѣ. „Послѣ письма вашего", читаемъ въ письмѣ преосв. Елпидифора къ Макарію отъ 5 іюня 1857 года, „въ которомъ, вы извѣщали, что еще остаетесь нѣкоторое время въ Петербургѣ, я изумился, получив-

ши отношеніе ваше, какъ отъ тамбовскаго епископа. Что за причина была къ настоянію преосв. Григорія о вашемъ удаленіи изъ Петербурга“ [1])?

Такимъ образомъ, изъ словъ преосв. Елпидифора можно заключать, что назначеніе преосв. Макарія въ Тамбовъ состоялось по желанію м. Григорія. Назначеніе это послѣдовало 1-го мая 1857 г. 12 мая преосв. Макарій совершалъ уже послѣднюю литургію въ академической церкви. По окончаніи богослуженія, онъ вышелъ изъ алтаря и въ мантіи, съ посохомъ въ рукѣ, произнесъ свою прощальную рѣчь. „Въ послѣдній разъ“, сказалъ онъ, „возлюбленные братіе, я имѣлъ счастіе совершить здѣсь богослуженіе и помолиться вмѣстѣ съ вами,—въ послѣдній разъ послѣ пятнадцати лѣтъ жизни, которыя я провелъ въ этомъ вертоградѣ наукъ, трудясь сначала на ряду съ прочими дѣлателями, а потомъ и во главѣ всѣхъ ихъ. Пришла пора сказать предъ вами и послѣднее слово... Но душа моя такъ полна въ настоящія минуты самыми разнообразными чувствованіями, что я не знаю, съ чего начать и какъ повести свою бесѣду“. Затѣмъ, обратившись къ иконѣ, преосвященный продолжалъ: „первое мое чувствованіе да вознесется къ Тебѣ, о Боже мой, Правитель судебъ человѣческихъ, чувствованіе живѣйшей, глубочайшей, безпредѣльной благодарности за все то добро, какимъ я пользовался здѣсь:—и за эту тихую, спокойную, безмятежную жизнь, удаленную отъ мірской суеты и треволненій; и за благородныя, возвышенныя, сладостнѣйшія для духа занятія науками, и въ особенности изученіемъ и преподаваніемъ другимъ святаго Закона Твоего; и за постоянное, невидимое, но тѣмъ не менѣе осязательное содѣйствіе Твоей вседѣйствующей благодати, которою Ты подкрѣплялъ и ободрялъ въ трудахъ мои слабыя силы, тѣлесныя и душевныя; и за эти, хотя весьма скудные и крайне незрѣлые, плоды трудовъ моихъ, которые, по благословенію Твоему, я успѣлъ принести здѣсь для духовнаго просвѣщенія моихъ

[1]) См. Прав. Обозр. 1888 г. т. I, стр. 129.

собратій и во славу Твоего святаго имени; и за непрерывный рядъ милостей, какія благоволилъ Ты изливать на меня—недостойнаго десницею Благочестивѣйшаго Монарха и чрезъ Правительствующій Соборъ отечественной Церкви.... За все, за все благодарю Тебя, Господи, чѣмъ облагодѣтельствовалъ Ты меня въ этотъ лучшій періодъ моей жизни, который, по устроенію Твоему, я въ состояніи былъ исключительно посвятить здѣсь столько полезнымъ и столько любимымъ мною занятіямъ науками"! Затѣмъ слѣдовало прощальное слово къ наставникамъ Академіи. „Обращаясь къ вамъ, мои добрые и почтенные сотрудники, могу ли и предъ вами не выразить самой искренней признательности? Дорого жить въ сообществѣ людей благородныхъ, талантливыхъ и высокообразованныхъ. Еще дороже—пользоваться ихъ частыми бесѣдами, непритворнымъ расположеніемъ и пріязнію. Еще дороже и сладостнѣе для сердца—видѣть, какъ всѣ эти люди, призванные дѣйствовать на одномъ съ тобою поприщѣ, стремятся къ цѣли со всѣмъ жаромъ усердія и приносятъ для общаго дѣла столько пользы, сколько каждый можетъ по мѣрѣ силъ своихъ и способностей. Каково же находиться въ челѣ подобнаго общества, раздѣлять его прекрасные труды, радоваться его успѣхамъ и болѣе другихъ пользоваться честію, какую оно заслуживаетъ? О, всѣ эти виды счастія я испыталъ здѣсь посреди васъ, мои незабвенные сотоварищи,—и благодарю, отъ души благодарю Васъ за испытанное мною.

Благодарность, наконецъ, и вамъ, благородные юноши—наши общіе питомцы! Не легки труды преподавателя науки, добросовѣстно преданнаго своему долгу. Но какъ облегчаются и услаждаются эти труды, когда онъ видитъ живое сочувствіе къ себѣ со стороны слушателей, видитъ ихъ способности къ пониманію уроковъ, ихъ любовь къ занятіямъ, ихъ многоплодное соревнованіе! Тѣмъ болѣе не легки заботы и строгая отвѣтственность предъ Богомъ и предъ людьми главнаго начальника цѣлаго учебнаго заведенія. Но сколько и

отрады находитъ онъ для себя, когда ввѣренные ему юноши отличаются блестящими успѣхами въ наукахъ и вмѣстѣ кротостію, смиренномудріемъ и другими свойствами христіанскаго благочестія! Сколько радости приносятъ ему вѣсти, что его бывшіе питомцы, и по выходѣ изъ заведенія, исполняютъ свои новыя обязанности съ честію для себя и существенною пользою для ближнихъ! Смѣло и рѣшительно говорю о всемъ этомъ потому, что имѣлъ счастіе испытать все это самъ отъ моихъ дорогихъ питомцевъ, которымъ и повторяю, гдѣ бы они нынѣ ни находились, мою искреннюю признательность". Въ заключеніе всего слѣдовало обращеніе къ заведенію вообще и, вчастности, къ каждому изъ предстоявшихъ въ храмѣ. „Тихій пріютъ духовнаго просвѣщенія, гдѣ такъ счастливо протекла лучшая пора моей жизни и гдѣ все сдѣлалось для меня такъ близкимъ и родственнымъ! Могу ли я когда либо забыть тебя? О, долгомъ совѣсти и сердца будетъ для меня отнынѣ усердная молитва къ Богу, да процвѣтаешь ты болѣе и болѣе въ ряду другихъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія и да не престанешь приносить для церкви и отечества самые зрѣлые и вожделѣнные плоды; да разрабатываются въ тебѣ, во всей обширности и со всѣмъ жаромъ истинной учености, духовныя науки для удовлетворенія вопіющимъ потребностямъ не только духовныхъ училищъ, но и всѣхъ православныхъ христіанъ; да пріобрѣтаютъ здѣсь даровитые юноши не только разнообразныя свѣдѣнія, глубокія и основательныя, но и неугасимую любовь къ наукѣ и твердую рѣшимость посвятить ученымъ занятіямъ всю свою жизнь; да приготовляются здѣсь достойнѣйшіе пастыри церкви, съ непоколебимыми убѣжденіями въ истинахъ вѣры, съ пламенною ревностію по православію и благочестію и съ полною готовностію жертвовать всѣмъ для славы Божіей и спасенія ближнихъ. Да пребываетъ всегда надъ тобою, священный вертоградъ наукъ, да пребываетъ всегда благословеніе Божіе!

Въ частности каждому изъ васъ, мои возлюбленные,

Позвольте пожелать всѣхъ благъ, какихъ только можетъ желать себѣ самому человѣкъ—христіанинъ. Даруй, Господи, чтобы жизнь ваша текла долго—долго въ полномъ здравіи и тишинѣ, и чтобы всѣ ваши предпріятія и труды увѣнчивались успѣхами. Даруй, Господи, чтобы св. вѣра, надежда и любовь и прочія христіанскія добродѣтели не только сохранялись, но и постоянно возрастали въ васъ, и, чтобы, воодушевляемые ими, вы могли оставаться спокойными и счастливыми посреди всѣхъ превратностей судьбы. Даруй, Господи, каждому изъ васъ принести какъ можно болѣе пользы для православной церкви и любезнаго отечества и удостоиться того, чтобы имя ваше произносилось ближними съ благословеніемъ. Наконецъ, да сподобитъ всеблагій Господь каждаго изъ васъ, когда придетъ ему чреда проститься съ настоящею жизнью, вѣчной жизни въ царствіи своемъ.

Да сподобитъ,—еще, братіе, одно, послѣднее благожеланіе, касающееся уже всѣхъ насъ,—да сподобитъ всеблагій Господь и меня и васъ, которые нынѣ съ скорбію прощаемся между собою, быть можетъ, навсегда, да сподобитъ Онъ насъ снова увидѣться съ живѣйшею радостію, если не здѣсь, то тамъ—въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца нашего небеснаго, и уже не разлучаться никогда“ [1]).

14 мая преосв. Макарій сдалъ свою прежнюю должность временно назначенному преосв. Григоріемъ для исправленія ректорской должности архим. Кириллу. Въ тотъ же самый день въ Конференцію Академіи поступило предложеніе трехъ членовъ ея (архим. Кирилла, прот. І. Рождественскаго и проф. Карпова) объ избраніи преосв. Макарія въ почетные члены Академіи. На другой день, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ разлуки преосв. Макарія съ Академіей, Конференція въ полномъ своемъ составѣ, по выслушаніи

[1]) См. Слова и Рѣчи м. Макарія 1891 г. СПБ. стр. 191—194. Ср. Воспоминанія г. Рыбакова Прав. Обозр. 1883 г. т. 2. стр. 540—541

предложенія трехъ членовъ ея и разсмотрѣніи соотвѣтствующихъ параграфовъ академическаго устава, единогласно постановила; „изъ признательности къ заслугамъ преосв. Макарія въ отношеніи къ С.-Петербургской духовной Академіи, оказаннымъ въ теченіе 15-лѣтней службы его въ званіяхъ баккалавра и профессора, и въ должности инспектора и ректора Академіи, и изъ уваженія къ многочисленнымъ и разнообразнымъ ученымъ трудамъ преосвященнаго, способствующимъ къ распространенію духовнаго просвѣщенія, избрать его въ почетные члены здѣшней Академіи, о чемъ и представить высшему духовно-училищному начальству на утвержденіе". Это постановленіе подписали всѣ члены Конференціи въ количествѣ 12 человѣкъ[1]). Такимъ образомъ, еще прежде видимой разлуки преосв. Макарій навсегда духовно соединился съ дорогой для него и полюбившей его Академіей. Любовь эта, равно какъ и привязанность его самого къ Академіи, съ особенно яркою силою выразились въ самый моментъ отъѣзда преосв. Макарія изъ Петербурга и Академіи.

„15-мая", разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Рыбаковъ, „было днемъ отъѣзда преосв. Макарія. Онъ еще разъ пожелалъ видѣть студентовъ. Мы собрались въ академическій залъ и, по входѣ его сюда, пропѣли: „Спаси, Го-

[1]) См. арх. СПБ-ской дух. Акад. по Конференціи Журн. за 14 мая 1857 годъ и дѣло № 15. Изъ этого же дѣла видно, что 5 іюля 1857 года преосв. Макарій былъ утвержденъ Св. Синодомъ въ званіи почетнаго члена С.-Петербургской дух. Академіи. 12-го октября того же года преосв. Макарій уже изъ Тамбова писалъ на имя Петербургской Академической Конференціи; „пріятнымъ долгомъ считаю для себя выразить мою искреннюю признательность Конференціи С.-Петербургской духовной Академіи за сдѣланную мнѣ честь избраніемъ меня въ число почетныхъ членовъ означенной Конференціи и за дипломъ на это званіе, препровожденный ко мнѣ при отношеніи отъ 16 сентября тек. года (№ 189) и мною полученный".

споди, люди Твоя". Преосвященный обратился къ студентамъ съ слѣдующими словами: „что я имѣлъ сказать вамъ, господа, въ послѣдній разъ, то уже сказано мною за богослуженіемъ въ церкви, теперь же, окончательно прощаясь съ вами, еще и еще призываю на васъ благословеніе Божіе", затѣмъ сталъ благословлять студентовъ, лобызая ихъ, въ уста. Въ это время мы непрерывно пѣли: „εἰς πολλὰ ἔτη Δέσποτα" и „τὸν Δεσπότην". Благословивъ каждаго студента порознь, преосв. Макарій благословилъ насъ всѣхъ вмѣстѣ обѣими руками; тѣмъ же благословеніемъ онъ благословилъ насъ на срединѣ зала, обратившись къ намъ и сказавъ: „еще разъ прощайте"; тѣмъ же благословеніемъ онъ благословилъ насъ предъ самымъ выходомъ изъ зала, опять обратившись къ намъ и опять сказавъ: „еще разъ"!... Слезы канули изъ глазъ студентовъ. Мы спустились внизъ, гдѣ собрались профессора и баккалавры и другіе почитатели преосв. Макарія, и вышли на академическій дворъ; здѣсь уже изъ кареты преосв. Макарій послалъ намъ послѣднее благословеніе и скрылся изъ очей нашихъ. Мы разлучились съ нашимъ высокопочитаемымъ преосвященнымъ ректоромъ,—разлучились тѣломъ, но не духомъ. Насъ интересовала всякая новая вѣсть о тамбовскомъ епископѣ Макаріи: какъ онъ былъ принятъ своею паствою, и вообще какъ живется ему на новомъ мѣстѣ. Помнится—читали мы въ газетахъ, преосв. Макарій въ крестномъ ходу, въ преднесеніи всѣхъ хоругвей изъ всѣхъ церквей г. Тамбова, въ день св. Троицы, совершалъ первое шествіе въ каѳедральный соборъ, для служенія литургіи, передъ окончаніемъ которой сказалъ поученіе Богомъ данной ему паствѣ. „Народъ жаждалъ насмотрѣться на его кроткія черты". Буквально помню эти слова газеты. И потомъ мы радовались его радостію, сочувствовали его повышеніямъ и отличіямъ по службѣ, возведенію его въ санъ архіепископа сначала харьковскаго, потомъ литовскаго, наконецъ

мы ликовали, когда онъ 8 апрѣля 1879 года Высочайшею волей былъ назначенъ на высокій постъ митрополита московскаго“ [1]).

Такъ любили и чтили преосв. Макарія его питомцы.

---

[1]) См. Прав. Обозр. 1883 г. т. 2 стр. 541—542.

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строка.	Напечатано	Слѣдуетъ читать.
8	13 снизу	Чефрановымъ	Четвериковымъ
8	3 сн.	ректоромъ	инспекторомъ
11	Прим. 1	послѣдующіе очерки	послѣдующіе три очерка и
25	6 сверху	его слушателей	гомцевъ курской семинаріи
28	9 сн.	опредѣленіи	опредѣленіе
40	5 сн.	необходимвсти	необходимости
42	9 св.	дѣствіи	дѣйствіи
52	5 св.	стоить	стоитъ
57	11 сн.	онъ	онъ
94	18 св.	русской и гражданской	русской гражданской
94	3 сн.	пути	пути
97	3 св.	однакоже	однакоже,
99	5 сн.	и Нибура,	ни Нибура,
102	10—11 св.	и благодаря этому	и, благодаря этому,
104	13 сн.	содѣйствовало безъ	содѣйствовало, безъ
		сомнѣнія	сомнѣнія,
107	Прим 1 стр. 2 сн.	Епархіальное	епархіальное
110	1—3 сн.	подъ заглавіемъ: „Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія татаръ. СПБ. 1847 г.	въ 1847 году подъ тѣмъ же заглавіемъ.
115	2 сн.	Макарія,	Макарія
116	Прим. 2 стр. 2 сн	назначалось	назначалось
118	Прим. 2	Протасовъ	Пратасовъ
123	Прим. 1	чясти	части
129	4 св.	ничего	ничего,
134	7 и 11 св. и 4 сн.	Протасовъ	Пратасовъ
137	7 и 9 св.	то	это
138	2 сн.	оставляло	доставляло
139	12 св.	содѣствовать	содѣйствовать
—	14 св.	сюда	туда
141	1 св.	Протасова	Пратасова
142	12 сн.	вызывалъ	вызывали
—	9 сн.	замѣчательной	значительной
143	9 и 13 св.	Протасовъ	Пратасовъ
144	11 св.	Макарія	Макарія,
145	9 св.	давались	давать
—	13 св.	одно	одна
149	6 св.	ректоръ	ректоръ
—	6 сн.	Серафиму	Серафимову

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
150	14—15 сн.	надоѣдали	надоѣли
152	Прим. 1 стр 5 св	митрополитъ	Митрополитъ
—	—	Булгаковъ),	Булгаковъ,
—	— стр. 1 сн.	состовленію	составленію
153	Прим. къ стр. 152	стр. 5 св. и потомъ	а потомъ и
155	6 св.	неее	нее
158	8 сн	нритомъ	притомъ
159	10 сн.	робкимъ	рабскимъ
—	7 сн	права	права пока
—	Прим. 1 стр. 1 сн	стр. 233	стр. 233)
165	2 св.	истинное	одно только истинное
166	3 сн.	лекцій	лекціи
173	7 сн	Синодѣ,	Синодѣ
174	18 св	третьекласнаго	третьекласснаго
176	Прим 1	пе Внутрен.	по Внутрен
180	13 сн	богословію	богословіе
181	8 св.	курсѣ	курсъ
—	13 св.	бооословской	богословской
183	11 св.	именно	именно:
185	2 сн	праграммами	программами
187	4 св	относотельно	относительно
189	2 св.	первосвященнічесткомъ	первосвященническомъ
183	14 св.	концу	къ концу
—	12 сн.	ученіе	ученіе
194	8 сн	Димитріи,	Димитріи
195	12 св.	чоловѣческаго	человѣческаго
205	5 св.	непозволенное	непозволенное
210	6 сн.	Протасовымъ	Пратасовымъ
211	1 св.	Протасову	Пратасову
234	7 сн.	Протасовъ	Пратасовъ
248	6 св	первые два тома	первый томъ
251	10 св.	Антоніемъ,	Антоніемъ
253	Прим. 3 стр. 3 сн.	что онъ	что тотъ
254	Прим. 1.	Ст.	См.
272	14 сн.	конечно	конечно,
—	9 сн.	векикую	великую
273	15 св.	обстоятельствъ;	обстоятельствъ:
277	8 сн.	уразумлемію	уразумѣнію
279	8 сн.	критику	критика
288	6 св.	изслѣдованіи	изслѣдованія
289	10 св.	времени	со времени
295	4 сн	потому что	потому, что
297	6 св.	многія	нѣкоторыя

ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
308	7 св.	злагается	должны были излагаться
309	1 св.	гогорится	говорится
327	13 св.	Пользуясь	Съ этого слова должна начинаться красная строка
332	Прим. 1 стр. 1 сн.	цековномъ	церковномъ
349	2 св.	Ласкорисъ	Ласкарисъ
354	4 сн.	Въ виду	Вслѣдствіе
360	2 св.	чебной	учебной
362	Прим. 2 стр. 1	не точное	неточное
363	6 сн.	руб,	руб.
367	11 сн.	его:	его;
372	5 св.	постановку.	постановку сравнительно съ прежними программами его.
—	19 св.	конспектѣ	конспектъ
377	4 св.	другихъ	другихъ постороннихъ.
378	7 св.	между ними	и между ними
380	15 св.	Ковасилы	Кавасилы
389	9 св.	свидѣтельствъ:	свидѣтельствъ;
397	Прим. 2 стр. 6 св.	нозвольте	позвольте
399	15 сн.	сказать	сказать
420	Прим. 1	Черниг.	Уфимскія
424	Прим. 1 стр. 2 св.	вѣроятной	вѣролтной
425	Прим.	См. у Н. И. Петрова Описаніе и т. д.	См. арх. СПБ. дух. Ак. по Внутр. Правл. за 1855 г. дѣло № 41.
—	13 св.	раскола“;	раскола“ [2])
—	3 сн.	раскола[2])	раскола[2]).
—	Прим. 3.	—	[2]) См. Приб. къ твор. свв. отцовъ 1855 г. кн. IV стр. 449.
432	2 сн.	XII	XII,
—	Прим. 1 стр. 2 св.	принятой	принятое
—	— стр. 3 сн.	періоды,	періоды
441	Прим. 3 стр. 1 св.	1857	1859
448	3 сн	g	h
—	Прим. 1	Это примѣчаніе должно быть поставлено 1-мъ на стр. 449, а вмѣсто него должно было быть напечатано: См. письма къ преосв. Макарію въ оттиск. изъ Русск. Стар. т.т. 62—66.	
449	6 св.	воинъ“.	воинъ“ [1]).
457	Прим. 1 стр. 2 сн.	итъ	отъ
458	6 св.	ихъ,	ихъ

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИРЕЛИГИОЗНОГО МУЗЕЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии наук СССР